АНДРЭ НОРТОН

ВОЛШЕБНЫЙ ПОЯС

ПРОКЛЯТИЕ ЗАРСТОРА

КОЛДОВСКОЙ МИР

ТАЙНЫ КОЛДОВСКОГО МИРА

Колдовской мир: Волшебный пояс. Проклятие Зарстора. Тайны Колдовского мира

Андрэ Нортон

Аннотация
Андрэ Нортон. Колдовской мир. Тайны Колдовского мира
Волшебный пояс. Роман
О святилище Гунноры и о скрытой в нем в год Красного Вепря тайне
О наследии Кетана и жизни в Кар До Проне
О торговце Ибикусе и привезенном им поясе из пардуса
О подарке дамы Элдрис и о том, что случилось в первое полнолуние после того
О предостережении Урсиллы и тучах над Арвоном
О том, что замыслил Магус и как у меня открылись глаза
О дикой охоте и моем от нее бегстве
О лесной деве и Звездной башне
О том, как я видел сон и после попал в беду
О снежном коте и обитателе призрачных руин
О жителях башни и о том, как я выбрал опас-

ный путь
О том, как я сделал открытие и как задумал его применить
О том, как я стал пленником Урсиллы, а мать предсказала мне будущее
О том, как трое из Звездной башни приняли участие в моей судьбе
О том, как я отверг путь зверя, и о тайне Урсиллы
О том, как Урсилла ворожила на дымных рунах и отправила меня исполнять ее волю
О том, как госпожа Ироиза сказала правду, а я восстал против Урсиллы
О наложенных и снятых чарах и о том, как мы узнали свою судьбу
Благодарности
Проклятие Зарстора. Роман
1
2
3
4
5
6
7
8
9

10
11
12
Тайны Колдовского мира
Паучий шелк. Рассказ
1
2
3
4
5
Песчаная сестра. Повесть
1
2
3
4
5
Соколиная кровь. Рассказ
Наследство Сорнских трясин. Рассказ
Меч неверия. Повесть
1. Бич ярости
2. Призрачный охотник
3. Ледяное пламя
4. Не здесь и не сейчас
5. Мы вместе
Жабы Гриммердейла. Повесть
1

2
3
4
5
Подменыш. Рассказ
Улли-дудочник. Рассказ
Бездарный маг. Рассказ
Гнев оборотня. Рассказ
Дочь земли. Рассказ

Аннотация

Перу американской писательницы Андрэ Нортон, «великой леди фантастики» XX столетия, принадлежит более 130 книг. Критики, увы, не спешили поддержать ее, а сама она была слишком скромным человеком, чтобы пробивать себе дорогу к пьедесталу. Тем не менее талант ее сиял так ярко, что не остался незамеченным. В нашей стране имя писательницы стало известно после выхода романа «Саргассы в космосе», блистательно переведенного Аркадием и Борисом Стругацкими. А в 1963 году в США вышла книга под названием «Колдовской мир» – так был создан один из известнейших фэнтези-миров в истории жанра.

Вселенная Нортон удивительна – магия здесь всесильна (и даже признана официально), а законы непреложны, и нарушившего их рано или поздно настигает справедливое возмездие. В Колдовской мир можно попасть через магические Ворота – и это дает любому человеку замечательный шанс начать новую жизнь на новой земле.

В настоящий том цикла «Колдовской мир» вошли два романа и рассказы, объединенные местом действия; почти все произведения – в новом переводе.

Юный Кетан, герой «Волшебного пояса», получает необычный подарок и с его помощью обретает сверхъестественные способности и истинную свободу. Однако двойственная природа противоречива, и перевоплощение может стать необратимым…

Героиня романа «Проклятие Зарстора» стремится раскрыть секрет старинной родовой легенды, чтобы победить злые чары. Но кто-то или что-то неотступно следует за ней по пятам…

Сборник «Тайны Колдовского мира» представляет эту волшебную вселенную во всем ее красочном многообразии. Слепая ткачиха видит больше обычного с помощью своих «зрячих пальцев», и однажды ей в руки попадает лоскут шелка, сотканного не человеком… Рожденная в топях дитя-бабочка во сне скитается по чужим мирам и песней призывает сестру, возникающую в вихре песка… Высоко в горах есть Жабий круг, где исполняются желания, в лесу же можно встретить

гостеприимного оборотня, которому прислуживает кот… Как много историй, и в каждой – новая тайна!

Андрэ Нортон
Колдовской мир. Тайны Колдовского мира

Andre Norton
THE JARGOON PARD
Copyright © 1974 by Andre Norton
ZARSTHOR'S BANE
Copyright © 1978 by Andre Norton
LORE OF THE WITCH WORLD Copyright
© 1980 by Andre Norton
WERE-WRATH
Copyright © 1984 by Andre Norton
ULLY THE PIPER
Copyright © 1970 by Andre Norton
ONE-SPELL WIZARD
Copyright © 1973 by Andre Norton
EARTHBORNE
Copyright © 2004 by Andre Norton

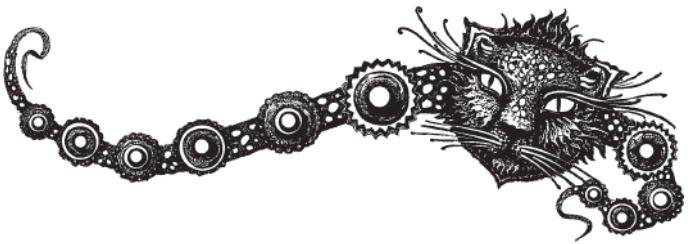
All rights reserved

Публикуется с разрешения наследников автора и Ethan Ellenberg Literary Agency (США) при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

© Г. В. Соловьева, перевод, 2021
© К. М. Королев, перевод, 1992
© В. Э. Волковский (наследник), перевод, 2005
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

Волшебный пояс[1]
Роман



[1] Примечания: 1
Перевод Г. Соловьевой.

ГОРОСКОП ТАРО ДЛЯ КЕТАНА

10-й дом
Солнце
перевернутое
9-й дом
5 жезлов
8-й дом
Маг
7-й дом
6 мечей
6-й дом
9 пентаклей
5-й дом
Туз жезлов
4-й дом
4 жезлов
3-й дом
Луна
2-й дом
2 жезлов
1-й дом
Дьявол
12-й дом
Жрец
11-й дом
7 мечей
Паж мечей

О святилище Гунноры и о скрытой в нем в год Красного Вепря тайне

История Арвона записана во множестве хроник, потому что древность этой земли не вообразить людям, хотя бы те унаследовали от Древней расы долгий век жизни. Одни предания почти забылись, оставив в памяти сказителей лишь клочки да обрывки. Другие сложены недавно и подробны. Но в стране, где знают и используют Силу, чудеса следуют за ней, как тонкорунные овцы в Долинах следуют за дудочкой пастуха.

Арвон сохранил немного воспоминаний о Семерых Владыках и о тех, кто правил до них и чей суд еще жив в этой стране. Даже владеющие Силой не знают и не узнают всего.

Кто такая Гуннора? Может быть, она была Мудрой и стояла так высоко, что после ее кончины пошли слухи, будто была она не женщиной из плоти и крови, а бестелесным духом? Если и так

— тропу к этой истине давно затянуло туманом. Но влияние Гунноры осталось, и все женщины знают это и черпают из этого силу. Потому что символ Гунноры — спелые колосья, переплетенные со зрелыми виноградными лозами. Амулет с этим знаком носит каждая женщина, она касается его в миг зачатия и крепко сжимает, когда приходит время рожать.

К святилищу Гунноры приходят те, кому в гадании выпали неясные руны; у нее просят средства от бесплодия и для облегчения родов.

В святилище Гунноры и начинается хроника Кетана: если говорить простым языком моей страны, а не высокой речью сказителей, — моя история. Однако случившееся в том святилище в день моего рождения долго оставалось тайной. И лишь чудо открыло ее свету и глазам людей.

Четыре клана: Красные мантии, Золотые мантии, Голубые и Серебряные мантии — держатся старого обычая в наследовании. Власть главы рода переходит не к его сыну, а к сыну его родной сестры, потому что кровное родство в кланах ведется по женской линии. Владение Кар До Прон должен был унаследовать сын Ироизы.

Ее брат, владетель Эрах, женился рано и уже имел сына Магуса и дочь Тэйни (тогда еще в

колыбели), а Ироиза не спешила принять в свои покои мужчину. Она была яростно горда, Дар же ее был невелик. В ранней юности она училась у Мудрых Гарт-Хауэла, и одну из их числа, Урсиллу, привела с собой в Кар До Прон, когда ее призвали вернуться.

Ироиза твердо верила, что со временем родит сына, который займет место вождя. И вылепить этого сына, его тело и душу, собиралась она со всем тщанием, чтобы, когда воины поднимут его на щите и прокричат его имя в четырех углах Большого зала, он стал править не по своей, а по ее воле. В этом замысле ее поддерживала Урсилла, и к услугам Ироизы были все познания Мудрой.

Никто не мог бы назвать отца ребенка, которого она понесла в начале весны года Красного Вепря. Ироиза вольна была избрать себе мужчину для краткосрочного союза. Исподволь шептались, что мужчину этого привела ей Урсилла, но лучше было не копать слишком глубоко, чтобы не открылось не вполне человеческое — или более чем человеческое — происхождение наследника. Ведь Ироиза не сомневалась, что носит сына. И Урсилла поддерживала ее в этой убежденности.

В месяц Снежной Птицы госпожа Ироиза со своими прислужницами и Урсиллой отправилась в

святилище Гунноры, потому что Мудрая Урсилла, гадая на роды, получила невнятный ответ. Ее беспокойство передалось Ироизе, и та решила, что никакая помощь в осуществлении пожирающих ее желаний не будет лишней. И вот по гладкому пути, потому что снег еще укрывал землю (хотя в полдень в воздухе уже чувствовалось весеннее тепло), они отправились в святилище.

У Гунноры не было ни жриц, ни служительниц. Взыскующие ее помощи не видели ее, хотя порой ощущали ее присутствие. Итак, по приезде их никто не встретил. Только в конюшнях, поодаль от святилища, стояли две лошади да во дворе метался, как запертый в клетку дикий кот, мужчина, не смевший войти во внутренние помещения, принадлежащие одной Гунноре.

Незнакомец взглянул на вошедшую Ироизу, неуклюжую из-за раздувшегося чрева. И тотчас отвернулся, как если бы опасался поступить невежливо. Поэтому он не заметил долгого оценивающего взгляда Урсиллы и не видел, как нахмурилась Мудрая, проходя мимо, словно ее краешком задела некая тревожная мысль.

Впрочем, подопечная скоро отвлекла ее от раздумий, потому что госпожа Ироиза, как видно, ошиблась в сроках и время ее подошло. Ее

уложили в одной из маленьких келий, где с ней осталась только Урсилла, остальные же дожидались за дверью.

В воздухе висел сладостный аромат, словно кругом обильно цвели летние луга, и Ироизе мнилось, будто она гуляет в цветнике большого сада. Боль была, но была далекой, как бы отдельной от ее тела и ничего не значила. Зато в женщине зарождалась великая радость, какой прежде не ведала ее холодная, коварная душа.

Она не знала, что в соседней келье святилища лежала другая женщина и при ней была Мудрая из соседней деревни. Та роженица тоже видела радостные сны, ожидая, когда дитя окажется в ее объятиях и прижмется к полному любви сердцу.

Ни одна из женщин не знала, что собирается буря, а вот метавшийся по двору мужчина вышел к воротам и, глядя на черную гору туч, беспокойно вздрогнул. Он думал, что хорошо изучил все капризы погоды, но такой набрякшей тишины под темным облачным сводом не видел много лет. По своей природе мужчина был открыт Силам, недоступным арвонским мужам. И сейчас, быть может, одна из тех Сил собиралась явиться угрозой всему, что было под ней.

Руки его легли на пояс, пробежались пальцами

по всей длине ремня, словно искали чего-то и не находили. Но он не опускал головы, глядя на тучи с угрюмым вызовом, готовый встретить то, что — он готов был поверить — подгоняло их. Одет он был просто: в коричневый дублет без рукавов поверх рубахи цвета лесной зелени. Плащ он бросил во дворе. Зеленые штанины были заправлены в тусклые коричневые сапоги для верховой езды.

Но и в такой одежде трудно было счесть его земледельцем или даже хозяином маленького незначительного поместья. Густые темные волосы уходили ото лба острым углом, и глаза на его обветренном дотемна лице были странные — карие с желтизной, как глаза большой кошки. И взглянувший в них поторопился бы отвести взгляд от этого властного лица, угадывая, что этот человек послушен только собственной воле.

Сейчас его губы беззвучно шевелились. Рука, оторвавшись от пояса, начертила в воздухе какой-то знак. В тот же миг пронзительно заржали лошади. Неизвестный быстро обернулся туда, хотя угол здания скрывал от него конюшню. Когда конь заржал снова, человек метнулся от ворот, подхватил лежавший на земле плащ и бросился к оставленным в конюшне лошадям.

Там он нашел приехавших из Кар До Прона

мужчин — они спешили укрыть своих животных от бури. Но два коня, оставленных здесь раньше, ржали и били копытами по воздуху, словно обученные яростному бою кони Долин, и слуги со стражниками, хоть и бранились и тянули руки к колчанам у седел, ближе подойти не решались.

Скакуны, защищавшие сейчас от вторжения свои владения, выглядели необычно. Шкура их была в серых и черных пестринах, перемешанных и сливающихся так, что среди игры лесных бликов скрыли бы коней от любого взгляда. И ноги у них были длиннее обычного, и тела стройнее.

Эти кони, когда вбежал незнакомец, обернули к нему головы и заржали, жалуясь и приветствуя. Мужчина, не сказав ни слова, протолкался мимо людей замка к своим коням. Те сразу присмирели и теперь только раздували ноздри да фыркали. Хозяин погладил их по выгнутым шеям, по бокам, и они без звука позволили отвести себя в глубину конюшни.

— Они вас не тронут, только держитесь на своем конце, — коротко, тоном приказа бросил мужчина.

Начальник конвоя помрачнел. В другом месте он не спустил бы простолюдину такого тона.

Но здесь было святилище Гунноры. Ни один мужчина не посмел бы проверить, что будет, если обнажить клинок, — орудиям смерти не было места в храме жизни. И все же он кинул на незнакомца взгляд, не суливший тому добра при будущей встрече.

Среди людей Кар До Прона был один, не сводивший взгляда с незнакомца, который стоял между своими конями, придерживая их за шеи, а те склоняли к нему узкие морды, а один даже прихватил зубами за волосы. Пергвин в былые годы служил госпоже Элдрис, матери владетеля Эраха и его сестры Ироизы. В глубине его памяти что-то шевельнулось, но этим воспоминанием он ни с кем здесь не стал бы делиться. Если он не ошибся в своих подозрениях… Какая невероятная случайность свела их в этот день и в этот час? Как бы ему хотелось обратиться к незнакомцу, назвать его неким именем и посмотреть, отзовется ли он. Если бы не клятва, которую он произнес после того, как изгнанник вышел за ворота Кар До Прона, чтобы больше не возвращаться…

— Пергвин! — Оклик командира призвал его помочь с собственными лошадьми, ибо налетел шквал, способный раздавить любое ничтожное человеческое существо.

Хлынувший ливень скрыл от них двери стоявшего в нескольких шагах святилища. Налетевший вихрь хлестал ледяными струями, пока люди не сумели закрыть и заложить засовом двери. Да и сами стены конюшни угрожающе содрогались.

Незнакомец оставил своих коней, подошел к двери и опустил ладонь на засов. Но командир стражи, Кадок, поспешил оттеснить чужака от выхода.

— Не тронь, и так хорошо. — Ему пришлось повысить голос почти до крика — вой ветра за стенами оглушал людей. — Ты хочешь испытать ярость этих туч?

И снова пальцы неизвестного легли на пояс, пробежали по нему взад-вперед, ища чего-то. При нем был короткий меч, но это оружие — а скорее орудие лесного жителя, пригодное на все случаи жизни и лишь в последнюю очередь для битвы, — плотно сидело в ножнах.

Кадок, хоть и был сердит, смутился под устремленным на него взглядом незнакомца. Но отступить не отступил, и тогда тот после короткой борьбы взглядов отошел, вернулся к своим лошадям, стал их гладить. Пергвин, украдкой взглянув на него, заметил, что глаза мужчины закрыты и

губы выговаривают слова, которых он не мог или не смел произнести вслух. У следившего за ним Пергвина возникло чувство неловкости, почти стыда, словно он подглядывал за человеком, занятым чем-то очень личным. Стражник поспешно отвернулся, присоединившись к своим несчастным товарищам, которые втягивали головы в плечи при каждом порыве ветра, избивавшего их показавшееся вдруг совсем хлипким убежище.

Их кони, в отличие от успокоившихся теперь коней незнакомца, выказывали признаки паники. Людям пришлось потрудиться, чтобы лаской успокоить животных. Занимаясь лошадьми, они отчасти забыли собственные страхи.

Ироиза в святилище не замечала яришейся за стенами бури. А вот Урсилла, ухаживая за госпожой, слышала вопли ветра, ощущала удары стихии, доходившие к ней сквозь плоть древней постройки. В ней нарастали страх и удивление, из головы не шла мысль о знамении. Ей бы прибегнуть к Силе, чтобы истолковать значение обрушившейся на них ярости. Но Мудрая, сосредоточившая все свое искусство на исполнении их общего с Ироизой желания, не решалась отвлечься.

Лежавшая в соседней келье женщина напо-

ловину пробудилась от навеянной Гуннорой дремоты. Она нахмурилась, приподняла руку, словно заслоняясь от угрозы. Опекавшая ее Мудрая взяла роженицу за руки, пожелала возвращения мира и покоя. Сила деревенской колдуньи была невелика. По сравнению с тем, что могла бы призвать Урсилла, ее старания были подобны ученическим попыткам юной девы. Но покой и пожелание добра, вытекая из ее рук, утишили страхи, зародившиеся на краю сознания роженицы. Коснувшаяся ее смутная тень бежала.

В самый разгар бури прозвучали крики новорожденных — одновременно, словно в одной келье отозвалось эхо из другой. Урсилла осмотрела младенца, которого приняла на руки. Ее лицо исказилось, губы скривила злая гримаса.

Ироиза открыла глаза, огляделась, приходя в себя. Борьба окончена, то, что она замыслила, ради чего трудилась, достигнуто!

— Покажи мне сына! — воскликнула она.

Урсилла отозвалась не сразу, и тогда Ироиза приподнялась на ложе.

— Что с ребенком? — требовательно спросила она.

— Ничего, — медленно ответила Урсилла, —

кроме того, что ты родила дочь.

— Д-д… — Казалось, дрожащие губы Ироизы не в силах повторить этого слова. Пальцы ее так стиснули складки покрывала, словно готовы были порвать на полосы прочную материю.

— Не может быть! Ты заклинала Силы в ту ночь, когда… когда… — Она задохнулась. Гнев маской лег на лицо. — Гадания! Ты заверяла меня…

— Да. — Урсула заворачивала младенца в пеленку. — Сила не лжет, а значит, должно быть средство…

Ее лицо застыло, глаза в упор взглянули на Ироизу. Но в этом взгляде не было мысли. Казалось, дух Урсиллы покинул тело, отыскивая ответ где-то вдали.

Ироиза уставила на нее острый взгляд и молчала. Она не уделила ни единого взгляда захныкавшему на руках Урсиллы ребенку. Вся она целиком отдалась жадному созерцанию Мудрой. Она чувствовала присутствие Силы. Начатков ее знаний хватило, чтобы понять: Урсилла сплетает собственное заклятие. Но, хотя уста Ироизы воздержались от новых упреков, она мяла и рвала покрывало судорожными движениями, даже не пытаясь сдержаться.

Разум возвратился в глаза Урсиллы. Она повер-

нула голову, подбородком указала на стену по левую руку:

— Там то, что тебе нужно. Мальчик, рожденный в тот же миг, когда ты принесла…

Ироиза ахнула. Выход — единственный выход!

— Как?.. — начала она.

Урсилла жестом приказала ей молчать. По-прежнему держа младенца на сгибе левой руки, Мудрая обернулась лицом к стене. Ее правая рука поднималась и опускалась, кончик пальца чертил на поверхности этой преграды знаки и символы. Одни на миг вспыхивали красным, словно в них мерцали искры очага. Другие пропадали так быстро, что Ироиза не могла уследить за ними.

Выводя знаки, Урсилла пела. Голос поднимался и падал, выговаривая слова, называя имена. Но ни разу он не поднялся громче шепота. И все же Ироиза слышала его за рокотом бури. Раз или два названные имена заставили ее вздрогнуть и съежиться, но возразить она не пыталась. Она жадно наблюдала, ее терзал яростный голод по тому, чего она хотела больше всего.

Урсилла закончила.

— Дело сделано, — сказала она Ироизе. — Я навела чары забытья. Те, за стеной, теперь спят. А

когда проснутся, увидят ребенка, которого сочтут своим.

— Да! Действуй, быстрее, быстрее! — торопила Ироиза.

Урсилла скрылась, а ее госпожа откинулась на ложе. Одно дело сделано — она родила наследника Кар До Прона. В грядущие годы — глаза ее сияли — он… она будет там хозяйкой. А полновластно распоряжаясь землями, держа наследника в своих руках и располагая помощью Урсиллы, чего только она не добьется в свой срок! Она громко смеялась, когда вернулась Урсилла, снова держа на сгибе руки младенца в пеленке.

Подойдя, она протянула Ироизе дитя:

— Твой достойный сын, госпожа. — Она произнесла старинное обращение к роженице. — Взгляни на него, дай ему имя, чтобы в жизни перед ним пролегла прямая дорога.

Ироиза неумело приняла ребенка. Она заглянула ему в лицо, увидела крепко зажмуренные глаза с темными ресницами, маленький кулачок во рту. Мальчик был темноволосым. Что ж, это подходит. Ее волосы почти того же оттенка. Она сдвинула пеленку, чтобы осмотреть тельце. Да, все как надо, ни одной метки, которая бы позволила когда-нибудь усомниться в его правах.

— Он Кетан, — поспешно, словно кто-то мог оспорить ее право на имя и владение, проговорила она. — Он истинно мой сын, наследник Кар До Прона, и я клянусь в том перед Силой.

Урсилла склонила голову.

— Я позову твоих женщин, — сказала она. — Нам надо отправляться, едва закончится буря.

Ироиза с беспокойством кивнула на стену:

— Ты сказала, они не узнают.

— Это так… пока. Но чем дольше мы задержимся, тем больше случайностей грозят опрокинуть наши планы, хотя я и не пожалела могучих заклятий на их исполнение. Она… — Урсилла запнулась. — Та мать… в ней есть какая-та странность. Крупица Дара…

— Тогда она узнает!

Ироиза так прижала к себе ребенка, что тот проснулся и пискнул, замахал кулачками, словно пробивал себе путь к свободе.

— Дар у нее, может, и есть, — возразила Урсилла, — но не чета моему. Ты же знаешь, мы умеем оценить себе подобных.

Ироиза кивнула:

— Но лучше нам уехать. Пришли ко мне женщин — пусть увидят ребенка и с первого часа знают, что он Кетан и принадлежит мне одной.

В соседней келье встрепенулась мать. Тень тревоги снова легла на ее лицо. Она шевельнула головой на подушке, открыла глаза. Младенец лежал на длину пальца от нее. И над ним склонялась Мудрая.

— Ах, моя госпожа, хороша доченька. Вот уж хороша! Твоя достойная дочь, госпожа. Взгляни на нее, дай ей имя, чтобы в жизни перед ней пролегла прямая дорога.

Мать радостно привлекла к себе ребенка:

— Она Айлинн, воистину моя дочь и дочь моего господина. О, скорей позови его, потому что теперь, когда Гуннора покинула меня, мне неспокойно. Скорей иди за ним.

Она прижимала к себе ребенка и ласково ворковала. Айлинн открыла глаза и пискнула, словно сомневаясь, так ли хорош мир. Женщина радостно засмеялась:

— А, доченька, добро пожаловать. Трижды и четырежды мы рады тебе. И право, жизнь твоя будет лучше моего детства. Тебя защитят мои руки, будет хранить Сила моего господина, и наши сердца — в твоих ладонях!

Буря за стенами утихала. Незнакомец с трудом выбрался из конюшни и у дверей святилища встретил Мудрую. Спеша к жене, он слышал голо-

са за стеной, но ему не было до них дела. Он и не заметил, как на рассвете следующего дня люди из Кар До Прона уезжали, увозя на носилках свою госпожу с ее сыном. Трое оставшихся немного спустя тоже уехали. Они обратили лица к северу, к глуши лесов, которые называли своим домом.

О наследии Кетана и жизни в Кар До Проне

Кар До Прон — не самое большое из владений, которые присягнули на верность главе Красных мантий, и не самое богатое. Но то, что лежит в его границах, радует взор. Вишневые и яблоневые сады не только плодоносят в должный срок, но и дают сидр — напиток, пользующийся в Арвоне немалой славой. Есть там и злаковые поля, к осени всегда приносящие обильный урожай. Есть и овечьи отары, и добрые стада. В центре этой улыбающейся, плодоносной страны стоит замок, а около него — небольшая деревня. Она открыта солнцу, карнизы остроконечных крыш украшены затейливой резьбой. Стены домов из светло-серого камня, крыши из шифера, а резные руны расцвечены зеленью и золотом. Но сам замок, хотя и выстроен из того же камня, не блистает красками. На его башнях лежит тень, словно над ними зависло невидимое облако. В его стенах даже в летний зной обитает холодок, которого никто, кроме меня, как будто не замечал. Я же часто чувствовал, как что-то не близкое

человеческому роду движется по его древним коридорам и таится в углах полутемных комнат.

Едва я начал что-то понимать, моя благородная мать внятно объяснила мне, что в будущем мне предстоит здесь править. Но ее обещания не внушали мне гордости. Я гадал, вправе ли человек называть себя повелителем этого населенного призраками места. Быть может, природная молчаливость служила мне защитой — я никогда не рассказывал ни матери, ни Урсилле (перед которой страшно робел) о своих странных и тревожных фантазиях касательно Кар До Прона.

До шести лет я оставался в Женской башне, где, кроме меня, из детей жила только дочь Эраха госпожа Тэйни, годом старше меня. Мне с малолетства твердили, что мы связаны судьбой, что, когда придем в возраст, нас ждет помолвка, которая крепко свяжет нас обоих с судьбами рода, — впрочем, в те годы меня это мало занимало, как, наверное, и ее.

Тэйни была высока для своих лет, много знала и не чуждалась хитростей. Я скоро понял, что за любую нашу открывшуюся проказу вина падет на меня одного. Не могу сказать, чтобы она мне нравилась или не нравилась. Я ее принимал, как принимал одежду на теле и еду на тарелке.

Ее брат Магус — дело иное. Он был лет на шесть старше меня и жил в башне Отроков, заходя к нам только повидать свою бабушку, благородную Элдрис. Мать его умерла от лихорадки вскоре после рождения Тэйни. Я говорю «его бабушку», хотя, судя по всему, и я был ее внуком. Однако госпожа Элдрис не скрывала своих предпочтений и либо не замечала меня, либо, стоило мне попасться ей на глаза, находила, к чему придраться, так что я обходил ее комнаты стороной.

Наша семья была странной, хотя тогда это не приходило мне в голову. Я готов был поверить, что так живут все семьи. Госпожа Элдрис редко покидала свою часть башни, и Тэйни полагалось бы оставаться с ней, хотя она ходила, куда хотела, — нянька ее была стара, туповата и основательно ленива, а потому присматривала за подопечной не так строго, как требовал обычай.

При Магусе я всегда был начеку. Он, когда мы оставались наедине (а я, как мог, старался, чтобы такое случалось пореже), не скрывал дурных чувств ко мне. Он был яростно горд, его одолевало такое же честолюбие, какое я знал за своей матерью. Его с детства снедала мысль, что не он унаследует владения после отца, и мысль эта крепла с годами, так что под конец он вознена-

видел меня — если не за меня самого, то за место, которое я занимал в доме.

Моя мать Ироиза и Мудрая Урсилла жили в покоях на верхнем уровне башни. Мать много занималась домашними делами. Не знаю, пришлось ли ей когда-то помериться силой воли с госпожой Элдрис и пересилить ее. Однако теперь в отлучки владетеля Эраха госпожа Ироиза вершила суд в Большом зале и отдавала приказы. Меня она в таких случаях сажала рядом на маленькой табуреточке за креслом владетеля с наброшенной на его спинку Красной мантией клана и заставляла слушать, как она судит. После она объясняла мне свои решения, основанные на обычном праве или на ее собственных суждениях.

Я, еще маленьким, чутьем угадывал, что ей хотелось бы навсегда оставить за собой это кресло. Казалось, в ее женском теле обретались все свойства, которые мир приписывал мужчине, и она билась в узких рамках обычаев, ограничивавших ее жизнь. Лишь в одном она была свободна — в обращении с Силой.

Из всех обитателей замка моя мать признавала выше себя одну только Урсиллу. Я знал, что познания и Дар Мудрой были для госпожи Ироизы

предметом вечной зависти. Мать и сама обладала толикой Дара, но ей не хватило способности к долгому учению и дисциплины духа, чтобы сравняться с наставницей, и матери достало ума признать свою слабость. Однако во всех других делах она никому не желала уступать.

Ироиза не сумела обуздать собственные желания и чувства, а без этого нельзя было продвинуться в познании Иных путей, которым ее обучали в юности. Даже не будь она сосудом для будущего наследника Кар До Прона, все равно не сумела бы выучиться на колдунью. А такое желание, неисполнимое по собственной слабости, омрачает и искажает душу неудачника. Не обладая властью одного вида, она рвалась к превосходству в другой. И на нее устремила всю силу своего честолюбия.

Я говорил, что робел перед Урсиллой и рад был бы не встречаться с ней. Однако Мудрая занималась мной не менее, чем принуждавшая к учению мать. Правда, та область Силы, которая подвластна колдуньям, не схожа с Силой колдунов и чародеев, но Урсилла учила меня тому, что считала нужным, тщательно, как я потом понял, устраняя из своих уроков все, что помогло бы мне избежать судьбы, которую они мне пред-

назначили.

Это Урсилла научила меня читать руны по тщательно отобранным древним пергаментам, посвященным большей частью истории четырех кланов Арвона и Кар До Прона. Не будь во мне любопытства к таким делам, эта учеба показалась бы мне скучной и трудно было бы принудить меня ко вниманию. Но во мне проснулась страсть к хроникам, которые Мудрая считала полезными для моего образования, и учился я с жадностью.

Я узнал, что Арвон не всегда пребывал в сонном покое золотых дней, представлявшихся ныне бесконечными. В его прошлом (счет лет затруднялся тем, что составители хроник не удосужились отмечать годы) шла борьба, едва не разрушившая весь жизненный порядок.

До Великой Смуты наши нынешние владения не ограничивались с юга и востока горами, а простирались дальше — на востоке до легендарного моря, а на юге — до земель, ныне давно забытых. Однако люди Арвона всегда обладали большей или меньшей мерой Дара, а наши господа и правители часто были и повелителями Силы. Они взялись за опыты с самой Силой жизни, создавая для себя слуг, а порой — безрассудно добиваясь погибели своих врагов и Иных — ужасных

существ. Честолюбие их зачастую не уступало честолюбию моей матери, и каждый стремился утвердить на всей земле одну свою волю.

Они пробудили многое, чего никак нельзя было вызывать к жизни, — открыли Ворота в странные и пугающие Иные миры. А потом развязали войну, опустошившую немалую часть страны. Силы, которые они выпустили на волю, были подобны чуме и порой уничтожали даже Владык. Когда их осталось мало, воители потянулись домой — в сердце собственной страны. Одни, в отчаянном страхе перед вышедшими из-под их власти созданиями, спешили вернуться. Другие медлили, пока было можно, — так глубоко вросли они корнями в новые владения, что уход представлялся им мучительным изгнанием. Из этих последних не все вернулись в Арвон.

Быть может, на юге Долин, заселенных теперь людьми Иной расы, до сих пор еще прозябали они или их потомки. Но так ли это, никто у нас не знал. Потому что после последнего отступления пути из Арвона запечатали чарами, накрепко заперев его границы.

И все же не все отступившие были довольны спасением от последствий своей глупости. Они вновь и вновь бросали вызов своим собратьям

до того дня, когда Семеро Владык разъярились и грянула последняя ужасная битва между избравшими путь войны и другими, желавшими только покоя или, может быть, забвения.

Тогда многие из Великих, использовавших Силы по своей прихоти, были изгнаны за Ворота в Иные миры и времена или угасли, до конца истощив свой Дар. После того и их сторонники отправились в изгнание на предназначенный срок.

Когда я наткнулся на эту историю в хрониках, я спросил Урсиллу, возвращался ли кто-либо из тех скитальцев. Не знаю, почему это было так важно для меня, разве что мое воображение поразила мысль, что и меня могли так же отослать из Арвона и обречь на безнадежные скитания в чужом мире.

— Кое-кто вернулся, — кратко ответила она. — Но только из меньших. Великие не возвратятся. Это теперь не важно, Кетан. И тебя не касается, мальчик. Радуйся тому, что родился здесь и сейчас.

Она всегда говорила со мной резко, словно ежеминутно ждала от меня той или иной провинности. Часто, оторвавшись от чтения, я ловил на себе ее взгляд, такой острый, что в голове сразу

всплывали все грешки, в каких я был повинен, и я принимался ерзать на табурете, ожидая, что она, сломив мою волю своей, добьется признания. Но такого никогда не случалось.

Жизнь моя переменилась с достижением возраста, когда мальчик, по обычаю, должен был переселиться в башню Отроков и начать обучение воинским искусствам (хотя войн уже много лет не бывало, помимо редких набегов диких горцев). В ночь накануне того дня Урсилла и Ироиза увели меня во внутренние покои, где Урсилла устроила свое святилище, если слово «святилище» тут подходит.

Стены здесь не были занавешены коврами. На гладком голом камне потускневшими от времени красками были начертаны знаки и руны, прочесть которые я не умел. Середину занимала каменная плита, на какой мог бы улечься взрослый мужчина. В изголовье и в ногах этого ложа стояли свечи — четыре свечи толщиной с мою детскую руку — в высоких серебряных подсвечниках, помятых и стертых, словно они существовали с незапамятных времен.

Над этим ложем висел шар, излучавший серебристый лунный свет. Я не увидел поддерживавшей его в воздухе цепи. Казалось, он висел

на невидимой нити, а вокруг камня на полу была начерчена пятиконечная звезда. Ее линии блестели, словно их только что подновили кистью.

В каждом луче звезды стоял высокий подсвечник, поддерживавший восковые цилиндры на уровне плеч Урсиллы, высоко над моей головой. Свечи в ногах и изголовье каменной постели были красными, а эти, в углах, желтыми.

По углам комнаты стояли курильницы из такого же серебра, что и подсвечники, и каждая источала пахучий дым, который струйками уходил к потолку, где собирался в плотное облако.

Урсилла сбросила свое обычное тускло-серое одеяние и головной убор из заглаженного складками полотна, всегда скрывавший ее волосы и обрамлявший худое острое лицо. Теперь руки ее были обнажены до плеч, в темных волосах, ниспадающих на синее платье, блестели серебряные нити, а ткань платья словно притягивала свет серебряной луны над нами и смущала глаз переливами.

На груди ее лежало тяжелое ожерелье, тоже серебряное, с лунными камнями, в млечной глубине которых виднелись голубые отблески зимнего льда. А подвеска изображала полную луну.

Моя мать тоже отказалась от обычной одежды. Только она, в отличие от Урсиллы, сменила богатый наряд на более скромный. Отделка ее платья отливала рыжими отблесками огня, а распущенные волосы ниспадали темным плащом. Ее грудь украшала не луна, а простой овал из меди без узора и драгоценных вставок.

Мать ввела меня в комнату. Теперь она встала у самой звезды, меня поставила перед собой и крепко держала за плечи, словно боялась, что я сбегу. Но я был так ошеломлен увиденным, что даже не думал о том, какая роль мне здесь уготована.

Урсилла шагнула к каменной плите и указала пальцем на каждую свечу по очереди, вызвав огоньки на занявшихся фитилях. Наконец осталась незажженной только та свеча, что стояла прямо передо мной и матерью.

Тогда мать подтолкнула меня вперед, внутрь начертанной на полу звезды. Она быстрым движением подхватила меня и уложила навзничь на каменный стол. Меня тотчас охватила сонливость, я не мог шевельнуться. И страха во мне не было.

Последнюю из звездных свечей увенчали пламенем. Затем Урсилла такими же движениями зажгла свечи у меня в изголовье и в ногах. Со-

бравшееся под потолком мягкое серое облако затлело огнем. Меня потянуло закрыть глаза. Слабо, издалека, доносилось пение. Но слова для меня, соскальзывавшего в сон, не имели смысла.

Проснулся я ранним утром в собственной постели. В памяти не сохранилось ни следа видений из того странного сна. А вот память о том, что произошло вначале, держалась цепко. И снова как ни мал я был, но чувствовал, что о смысле случившегося допытываться бесполезно. Это была тайна из тех, о каких лучше молчать.

Начальник гарнизона Кадок и мой дядя Эрах выехали из крепости и увели бóльшую часть воинов. Они отправились с дарами Жатвы — вином и зерном — во владения главы клана Красных мантий. И старшим остался тот, кто пришел за мной в это утро, — некий Пергвин, которого я не раз видел прежде, поскольку он всегда сопровождал госпожу Элдрис при ее выездах за стены замка.

С виду он был средних лет и никогда не отличался разговорчивостью. Товарищи уважали его за искусство мечника и наездника. Но он, как видно, не стремился занять более высокое положение среди приближенных Эраха и был доволен своим местом в жизни. Я встретил его настороженно, потому что за волнением и тор-

жеством от долгожданного перевода в башню Отроков таилась мрачная угроза — там я буду в руках кузена Магуса. А Пергвин, принадлежавший к свите госпожи Элдрис, конечно, встанет на сторону моего мучителя.

— Господин Кетан, — почтительно обратился он ко мне, приветствовав жестом, каким приветствовали старших по званию. Затем он перевел взгляд на мою мать, стоявшую прямо, с ничего не выражавшим лицом — неизменно гладким, без морщин, словно она была еще юной девой, и лишь блеск глаз выдавал душу, старую не только годами. — Госпожа, владетель Эрах поручил мне на время заботу о твоем сыне. С ним все будет хорошо.

Она кивнула:

— Я знаю, Пергвин. Сын… — Теперь она обращалась прямо ко мне. — Прими достойно то, что тебя ждет, оставь позади детство и сделай все, чтобы скорее стать мужчиной.

Мои восторги приутихли, а опасения возросли. Ведь в ту минуту я совсем не чувствовал себя мужчиной, а все больше и больше — ребенком, которому не на кого опереться. Этот Пергвин уведет меня из безопасной гавани, в которой я укрывался всю жизнь, отправит прямиком в

Иной мир, где вся власть у Магуса, а у меня нет защиты. Я не надеялся дать отпор его издевкам — уже испробовав коварство, с каким он вовлекал меня в беду во время коротких визитов, когда я не имел возможности избавиться от его общества. Но просить помощи — ни у той суровой женщины, что звалась моей матерью, ни у этого чужого человека — я ни за что бы не стал. Как бы я ни был юн, я в душе твердо решил, что никто, и тем более Магус, не угадает, как мне страшно. Опуститься до такого позора я бы себе не позволил.

— Тебе будет одиноко, Кетан. — Я был благодарен Пергвину, что тот не взял меня за руку, как если бы вел к новой судьбе против воли. И говорил он со мной, как с равным по возрасту, без неловких попыток примениться к ребенку. — Господин Магус уехал с отрядом, везущим дары, так что башня Отроков пока что принадлежит нам с тобой.

Я надеялся, что сумел скрыть облегчение при его словах. Добрая судьба подарила мне по крайней мере время кое-что узнать о новой жизни, не остерегаясь постоянно своего кузена. На язык мне просились вопросы, но я молчал, опасаясь показаться ребенком.

Мы пересекли широкий крепостной двор и

были уже у входа в башню, которой предстояло стать мне новым домом, когда услышали громкий лай. Невесть откуда выскочил большой пегий пес. Мне он показался огромным — губы его растянулись в угрожающем оскале, обнажив страшные клыки. Он уже готов был броситься на меня, но вдруг припал к земле, а рычание его перешло в скулеж. Я плохо разбирался в собаках, видел их только издали, но не сомневался, что такое поведение им не свойственно. Скуля, роняя слюну, пес надолго застыл передо мной. А потом с громким визгом попятился, рыча и щелкая зубами, словно столкнулся со слишком сильным врагом, и, поджав хвост, сбежал.

Я смотрел, онемев от изумления. Что могло так напугать собаку? Может быть, это Пергвин нагнал на нее такой ужас, защищая меня?

Но, повернувшись к спутнику, я увидел на его лице отражение собственного изумления. Он бросил на меня такой странный взгляд, как если бы я у него на глазах обернулся чудовищем. И чуть покачал головой, будто разгонял туман в мыслях.

— Вот так странное дело, — протянул он, кажется не обращаясь ко мне, а размышляя вслух. — Что это стряслось со Шнурком? — Он чуть свел брови,

скрывая недоумение за недовольством. — Да, удивительное дело. Ну да ладно, нам бы поспешить, господин. Дело к полудню, а до вечера надо еще подобрать тебе коня…

Обед, принесенный мне Пергвином, оказался много проще того, что подавали у матери: кусок холодного мяса, сыр и хлеб. Но еда была вкусной, и я съел все до крошки. Споласкивая руки в тазу, я уже готов был к уроку верховой езды.

Жизнь моей матери проходила в стенах замка, а если я раз или два выбирался в поля или сад, то всегда в сопровождении ее женщин. Но, научившись сидеть в седле, я смогу повидать большой мир, и, может быть, в будущем году дядя возьмет меня с собой, как теперь Магуса. И я охотно поспешил с Пергвином в конюшню.

Он провел меня вдоль денников. Кони разглядывали меня из-за обрезанных вполовину дверей, удерживавших каждого на своем месте. Они встряхивали головами, фыркали, пронзительно ржали. И опять я удивился, ведь, глядя на всадников во дворе замка, никогда не замечал такого смятения и шума.

Конюхи оглядывались на меня, и кое-кто из них поспешил успокоить лошадей, которые вставали на дыбы и били копытами в деревянные стены,

увеличивая суматоху. Тут на плечо мне легла тяжелая рука Пергвина, и он развернул меня обратно к выходу.

— Выйди-ка, господин, — велел он. — Подожди меня снаружи.

Я сказал себе, что не побегу, а выйду чинно, несмотря на окружавший меня туман страха, на частое биение сердца и срывающееся дыхание. И все же я вышел шагом, надеюсь, ничем не выдав испуга тем, кто меня видел.

О торговце Ибикусе и привезенном им поясе из пардуса

Выбранный Пергвином конь меня удивил, хотя я, еще не освоившись с новой жизнью, и не подумал с ним спорить. Когда он вывел из конюшни тихоходную кобылку, спотыкавшуюся под грузом лет, я и тем был доволен. Тогда в моих глазах любая лошадь была чудом.

Кобылка, правда, храпела и раз-другой ударила копытом в землю, но стояла смирно, пока Пергвин учил меня садиться в седло. А вот когда я сел, она вскинула голову и громко фыркнула, так что мой наставник поспешил поймать повод и тихо заговорил с ней, гладя ладонью изгиб толстой шеи, словно понимал причину ее страха.

Лошадь вспотела, мне в ноздри бил едкий запах. Пергвин вывел кобылу за ворота, в загон поодаль, в котором объезжали лошадей. Так началось мое учение, и я жадно ловил каждое слово наставника, потому что на коне чувствовал себя в какой-то мере свободным и надеялся на большее, хотя пока что Пергвин не оставлял меня и одной рукой придерживал поводья понурой кобылы.

Когда Пергвин снова направился к замковым воротам, я огорчился — не хотелось сменять простор на кишащие призраками внутренние переходы. Сразу за воротами он остановил кобылу и, сняв меня с седла, махнул на дверь башни Отроков, велев ждать там, пока он отведет лошадь в конюшню.

Только тогда я заметил зрителей. Во дворе собралась целая толпа конюхов и воинов. Они уступали мне дорогу, не глядя в лицо. Едва добравшись до дверей башни, я уже дрожал, потому что был хотя и мал, но неглуп и заметил, как что-то вдруг отделило меня от людей и животных, — ощутил между нами невидимую преграду. Мысли мои вернулись к странной ночи в святилище Урсиллы. Что она сделала со мной?

Впервые к моему трепету перед Урсиллой и матерью примешалось возмущение. Если это они своим искусством отрезали меня от жизни замка, мне это на пользу не пошло. Я не хотел такого одиночества, пусть даже оно и защитило бы меня от нападок Магуса.

Когда Пергвин подошел к конюшне, зеваки мигом рассеялись, скрылись с глаз, видно не желая показывать своего любопытства. Никогда еще я не чувствовал себя таким одиноким. Но голову я

держал высоко и открыто смотрел вокруг, словно не видел в их подглядывании ничего особенного. Я давно научился скрывать свои мысли от матери и Урсиллы и теперь решил, что такая же защитная скорлупа понадобится мне здесь.

Так я вошел в мир мужчин Кар До Прона. Если бы не Пергвин, который всегда был рядом, незаметно подсказывал и приходил на помощь, не знаю, что бы со мной сталось. Ведь скоро выяснилось, что животные не выносят моего общества. Охотничьи собаки при моем приближении сперва заливались лаем, как на поднятую дичь, а потом, присмирев, дрожали и удирали в страхе.

Лошади позволяли мне сесть на них только опоенные тайным составом, который заваривал Пергвин. И даже тогда бедняги обливались потом и дрожали, пока чувствовали меня на спине.

В обращении с оружием я не так разочаровал своих наставников. Я был куда более легкого сложения, чем мой кузен Магус, но в поединках на мечах возмещал недостаток силы острым глазом и умением. За год я научился метко бить в цель. Пергвин раздобыл мне легкий арбалет по руке.

Я обрадовался и мечу, добытому им из глубин оружейной, — клинок был у́же и легче обычного и выкован словно нарочно для меня. Я спросил,

не принадлежало ли это оружие Магусу, когда тот был мальчиком, потому что не хотел пользоваться его имуществом, пусть даже уже ненужным, чтобы между нами не вышло ссоры. Но Пергвин ответил: нет, это оружие сделали давно и для другого отрока.

Говоря это, он незаметно хмурился. А потом взглянул на меня так, что почудилось — он видит не меня, а кого-то другого. Я редко задавал вопросы, но тут не удержался:

— Кто он был, Пергвин? Ты его знал?

Я уже думал, что не дождусь ответа. По правде сказать, мне показалось, что я переступил черту — как если бы дерзнул расспрашивать Урсиллу о каких-то запретных знаниях.

Пергвин оглянулся по сторонам. Должно быть, проверял, не услышит ли нас кто. Но замок в тот час был почти пуст, мой дядя увел людей на охоту в северные леса. Я давно понял, что такие вылазки не для меня, потому что ни конь, ни собака не годились в дело, пока я был рядом. Магус и это числил среди моих пороков — и тут мне нечего было возразить.

— Он принадлежал к вашему роду, — неохотно ответил мне Пергвин. — По крайней мере, наполовину.

И замолчал так надолго, что я не сдержался, поторопил:

— Как это — наполовину, Пергвин?

— Это было давно. Госпожа Элдрис была тогда совсем молода. На нее наложили приворотные чары, и она поддалась.

Этим он меня просто сразил. Госпожа Элдрис, как и весь наш род, принадлежала к долгожителям, и проходящие годы мало касались ее. Но для меня она всегда была суровой и грозной, без капли легкомыслия. Представить, что она поддается сказочному заклятию любви, было не проще, чем вообразить, что в одно прекрасное весеннее утро западная башня выворотила свои камни из земли, чтобы сплясать веселый танец.

Думаю, Пергвин принял мое изумление за недоверие к его словам, потому что заговорил суше и резче:

— Все мы когда-то были молоды, Кетан. Однажды настанет день, когда так же будут поражаться и твоим воспоминаниям. Да, юная Элдрис откликнулась на зов. Но мужчина, наложивший на нее чары, не принадлежал к нашим кланам.

Это было во времена Последнего Противостояния, когда кланы с союзниками собрались, чтобы определить средства обороны и борьбы

против Темного Владыки Рагаарда Малого. Отозвавшимся на призыв пришлось оставить свои владения почти без защиты, и потому детей и женщин укрыли в крепостях — тех, куда согласились их впустить. Ты ведь знаешь, что в те годы иные дамы носили доспехи и сами предводительствовали отрядами из своих земель. Один из Всадников-оборотней — не последний среди них, — посетив крепость Красных мантий, увидел и возжелал госпожу Элдрис. Он и наложил чары, что привели ее к нему на ложе. Но чары были нестойкими, а настоящей душевной склонности при их встрече не зародилось. Так что со временем она возвратилась к своему народу вместе с их маленьким сыном.

Рассказывают, что уехала она, когда отец ее ребенка со своим кланом был в отъезде, ведь Всадники-оборотни всегда участвовали в самых жарких битвах, для них и были рождены. А к тому времени, как его известили, поздно уже было предъявлять на нее права.

Брат госпожи владетель Калдрис (он погиб несколько лет спустя в сражении у Тоса) охотно вернул права на клан ей и сыну. Однако мальчик рос, и кровь отца в нем набирала силу. Наконец он отправился в Серые Башни, чтобы там найти

товарищей по Чаше и собратьев по щиту среди себе подобных. Позже, когда Семеро Владык добились мира, Всадников-оборотней отправили в изгнание, потому что кровь их была горяча и они не находили себе места в мире без войн. Не так много лет прошло, как они возвратились в Арвон из дальних странствий. Не думаю, чтобы госпожа Элдрис сожалела о прошлом. Она позже избрала в мужья отца владетеля Эраха и родила его и твою благородную матушку. Быть может, былое истерлось со временем. Но правда, что ее старший сын мальчиком жил здесь и это оружие было сделано для него. Впрочем, теперь об этих делах лучше не вспоминать, господин мой.

— Всадники-оборотни, — повторил я, желая, но не смея продолжать расспросы о неведомом мне сводном дяде из прошлого. Но ясно было, что Пергвин ничего больше не скажет.

Арвон населяли народы разной крови и разной природы. Иных трудно даже сравнить с нами. В их числе попадались столь опасные, что кланы обходили стороной их самих и их земли. Другие в чем-то были с нами схожи, а в чем-то непостижимо чужды, третьи же расходились с нами и наружностью, и обычаями.

Впрочем, телесные отличия разделяли нас не

так сильно, как духовное несходство. Лесной народ я не раз видел на наших праздниках сева и жатвы. Мы были рады им, хотя эти существа были ближе нас к миру растений. А другие, внешне больше похожие на людей кланов, заставляли меня ежиться, как от порыва ледяного зимнего ветра.

Всадники-оборотни, как и лесной народ, обладали смешанной природой — отчасти люди, иногда животные. Я натыкался на редкие упоминания о них в хрониках, которые давала мне Урсилла, но тогда оборотни меня мало интересовали. Теперь, выслушав рассказ Пергвина, я пожалел, что не уделял внимания тем старинным намекам. История родича-оборотня, носившего прежде мое оружие, пробудила во мне желание узнать больше. Быть может, и он когда-то ощущал ту невидимую стену между собой и другими, что принуждала меня к одиночеству?

Да, я был одинок и все больше и больше уходил мыслями внутрь себя. Если бы не Пергвин, мне пришлось бы еще хуже. Но он под предлогом обучения воинскому искусству стал мне товарищем. Год за годом он брал меня в небольшие путешествия за стены замка, показывая поля и земли, до которых можно было добраться за

полдня езды. Причем я знал, что тем самым он нарушает установленный моей матерью закон, а уж провести ночь вне замка она никогда бы мне не позволила.

Меня по-прежнему вызывали в Большой зал, когда там заседал суд, — теперь я сидел за спиной у дяди, как раньше за спиной у матери. Владетель Эрах был ко мне по-своему справедлив, но большой доброты не выказывал. Я знал, что его тревожит моя неспособность к охоте из-за ненависти ко мне собак и лошадей. Он даже совещался по этому поводу с Урсиллой. Что она ему ответила, мне не довелось узнать. Но после той беседы он, к моему великому огорчению, охладел ко мне еще больше.

Магус, повзрослев, больше не донимал меня открыто, зато не упускал случая напомнить, как я выпадаю из правильного распорядка жизни замка. Я злился, когда ловил на себе его взгляд, но под этой злостью скрывался страх — не перед Магусом, а перед чем-то неопределенным, что он может со временем призвать мне на погибель.

Год, когда я из отрочества перешел в юность, выдался необыкновенно урожайным. Но год тот был годом Волка-оборотня и ни в чем не сулил добра, зато внушал страх. В ту осень я должен

был обручиться с Тэйни. Однако Урсилла решила — и Ироиза, поступившись своими планами, поддержала Мудрую, — что союз, заключенный под этим знаком, не принесет добра. Порешили отложить венчание до нового года — года Рогатого Кота, потому что сей мощный знак сулил больше добра.

С Тэйни я виделся мало — она с ранних лет переселилась в Гарт-Хауэл, где Мудрые обучались заклинаниям, полезным в целительстве, защите дома и земель. По слухам, она оказалась не бездарной в таких делах, что, как я понимал, не слишком устраивало мою благородную мать. Но развитие такого Дара было согласно обычаю, и Ироизе нечего было возразить.

Магус тоже часто бывал в разъездах, служил послом своего отца на собраниях кланов — потому что четыре Великих Клана пребывали в беспокойстве.

Да и на весь Арвон исподволь наползала Тень. Сами имена наступающих лет говорили, что равновесие Сил поколеблено. Ведь позади остались годы Ламии, Химеры, Гарпии и Орка. Их знаки указывали, что золотой покой моего детства миновал, хотя причины этого оставались загадками для всех размышлявших об этих материях. Люди

отправляли гонцов к Голосам — вопрошать о будущем. Те признавали, что собираются тучи. Но не видно было открытой угрозы, чтобы указать на нее со словами: «Вот что нас тревожит».

Пергвин однажды за вечерней трапезой подытожил:

— Тут как с морскими приливами: Сила придет и отхлынет. Когда она с излишком наполняет землю, возникают тревоги и неурядицы. — Он угрюмо заглянул в кувшин сидра нового урожая. — А начинается всегда вот так: земля плодоносит в великом изобилии, словно подсказывает, что надо наполнить все амбары, готовясь к осаде. А у нас в душах копится настороженность, как если бы кто-то нашептывал в ухо, побуждая к действиям против нашей воли. Так наступает Тень — как морской прилив, хотя и реже.

— Морской прилив? — Я с жадностью подхватил его слова. — Пергвин, ты видел море?

Он не смотрел мне в глаза. А ответил вопросом на вопрос:

— Сколько, ты думаешь, за мной лет, господин мой?

Когда он стал моим наставником, я считал Пергвина стариком. Но, набирая свой собственный счет лет, начал понимать, что он едва достиг

середины жизни. Трудно было угадать возраст арвонцев, пока те не достигали конца долгого-долгого жизненного срока. Люди, бывало, умирали от болезней, от проклятий или в сражении. А вот естественная смерть, как и упадок сил, долго не затрагивали нас.

— Не знаю, — честно ответил я.

— Я был среди тех, кто прошел Дорогой Памяти через пустые земли Долин, — медленно проговорил он. — Я помню времена Великой Смуты и то, что пришло за ней. Да, я видел море: там, где я родился, звучал его неумолчный прибой.

Тогда меня коснулся тот же трепет, какой я испытывал перед Урсиллой. Будто некий герой хроник сошел ко мне с пергаментных свитков. Пергвин помнит Изгнание с юга — что за чудо!

— Слишком много я помню, — резко бросил он и допил свой сидр. Таким далеким он мне показался, что я не посмел больше расспрашивать.

Наша трапеза вскоре прервалась. За воротами замка прозвучал рог — мы узнали сигнал, возвещавший о прибытии странствующего торговца, — конечно, кто-то подоспел к нашему Празднику жатвы. Мы радушно встречали таких купцов — они, изъездив все земли, привозили вести из краев, куда наши люди забирались редко.

Наш гость, сразу видно, был не простым торговцем. Он привел не одну вьючную лошадь. Нет, с ним была охрана и множество вьючной скотины — не только знакомых нам коней, но и странных длинноногих животных с горбатой спиной — вьюки им крепили по сторонам этого бугра.

По приказу владетеля Эраха им под лагерь отвели конский выгон. Караванщики быстро устроили там коновязь, отделили лошадей от горбачей и разбили палатки. Их начальник охотно принял гостеприимство замка и присоединился к поздней трапезе вместе с дамами и их прислужницами, которые накрыли пиршественный стол, торопясь услышать новости.

Он был невысок, этот торговец, назвавшийся Ибикусом (имя его звучало непохоже на привычные нам имена). Однако недостаток роста он возмещал осанкой. Держался он свободно, блистал манерами знатных Домов и излучал властность, не уступая моему дяде.

Чем дольше я за ним наблюдал, тем меньше верил, что он нашего рода. Несмотря на молодость (по наружности его можно было счесть немногим старше Магуса, еще не вернувшегося из очередной поездки), в нем угадывалась не только зрелость лет, но и хорошо скрытая муд-

рость. Мне пришло в голову, не прячется ли под плащом торговца кто-то из Мудрых.

Если это было так, сей Мудрый был к нам благосклонен, потому что трапеза проходила легко и радостно. Тень, которая постоянно виделась мне над замком, на время рассеялась. Мы слушали его пространные речи, а ему было что порассказать о землях, где он недавно побывал, откуда привез нам приветы родичей и вести о делах в их владениях.

Сперва я смотрел только на него. Затем мой взгляд как бы случайно упал на Урсиллу, отметил выражение ее лица. Ее появление за столом было уступкой, она редко выходила в Большой зал, предпочитая свои покои. А теперь…

Да, она смотрела и слушала с опаской, словно уловила в незнакомце потаенную угрозу. Раз или два я заметил сложное движение ее пальцев за тарелкой. Как если бы она тайком прибегла к чарам, чтобы разоблачить некую опасность. Но если так оно и было, вдруг понял я, ее попытка не удалась. А неудача всполошила ее еще сильней.

Когда стол очистили, торговец послал своего человека за крепким сундуком. Когда сундук поставили перед ним, он шлепнул ладонью по крышке со словами:

— Товаров у меня довольно, уважаемые господа. Но самые сливки из всего, что я привез, здесь. Если позволите, я покажу вам.

Дамы поспешили выразить согласие, перебивая своими высокими голосами более низкие голоса мужчин, которые тоже не думали возражать. И сундук открыли.

Первым Ибикус извлек из него кусок черной материи, сложенной во много раз. Расправив и расстелив его на столе, он принялся доставать мешочки и коробочки, то шелковые, то деревянные, то из резной кости или хрусталя. Он вытряхивал их содержимое, и скоро на ткани заблестело такое богатство, какое я мог вообразить лишь в сказочной сокровищнице огнедышащего змея.

Здесь были золото, и лунное серебро, и даже красная медь, из какой ковали оправы драгоценностям в древние времена. Что до самоцветов — едва ли кто из нас, оглядывая этот стол, взялся бы назвать хоть половину из них.

Настала тишина, словно все разом затаили дыхание. Но очень скоро ее сменили возгласы изумления. Те, кто сидел дальше, покинули свои места и придвинулись, спеша насытить взор блеском и сиянием. Никто не протягивал руки, чтобы потрогать сокровища. Слишком сильным

было это зрелище. Должно быть, каждый ощутил, что такое богатство не для него, что им можно только любоваться без надежды приобрести.

Я был среди тех, кто протолкался вперед, зачарованный выложенными напоказ сокровищами. Мои глаза сами сделали свой выбор, и я припал взглядом к вещице, что лежала ближе всего ко мне.

Это был пояс из золотистого меха, столь гладкого и блестящего, что сиял мне даже среди груды драгоценностей. В пряжке был единственный большой самоцвет желтовато-коричневого оттенка, каких я раньше не видывал. Он был вырезан в форме кошачьей головы. Всмотревшись, я заметил, что резчик изобразил не маленькую домашнюю кошку, а скорее страшного охотника гор, снежного кота — самого свирепого бойца, какого мы знали.

— Хочешь взглянуть, господин Кетан?

Мне тогда не показалось странным, что Ибикус очутился рядом и назвал меня по имени. Остальные по-прежнему увлеченно разглядывали товар, а кое-кто уже осмеливался коснуться того или этого, и все хором обсуждали приглянувшиеся им изделия.

Но торговец сам взял пояс и поднес мне:

— Достойная работа, мой господин. Пряжка яргоновая, это камень не из редких. Зато резьба искусная, художник знал свое дело.

Что-то толкнуло меня спросить:

— А мех?

— Мех… это пардус. Его в наши дни редко встретишь. Они такие же страшные охотники, как их снежные родичи, хотя не так велики ростом.

У меня чесались руки взять у него пояс. Но воля удерживала, потому что я догадывался, что тогда не найду в себе сил вернуть его. А средств на покупку у меня не было.

Ибикус улыбнулся и кивнул, как если бы задал вопрос и получил ответ. Затем он отвернулся, чтобы ответить на какой-то вопрос владетеля Эраха.

А я отступил из круга света над столом, покинул Большой зал. Меня напугало яростное, неудержимое желание заполучить пояс. И вот я стоял в темноте, гадая, бывает ли такое безумие, чтобы толкнуть человека на воровство.

О подарке дамы Элдрис и о том, что случилось в первое полнолуние после того

Растревоженный странными чувствами, одолевавшими меня из-за пояса, я вернулся к себе. Растянулся на своей узкой постели, но сон был от меня далек. Луна, тогда еще молодая, не имела силы проникнуть в окно над изголовьем, и я лежал в темноте, как привык за много лет в этой скудно обставленной комнатке.

Пояс! Мне стоило закрыть глаза, как он вставал в памяти, такой же блестящий, как в зале. Меня преследовала странная фантазия, что эта вещь обладает собственной жизнью. Мне безумно хотелось погладить его мех, ощупать резную голову на пряжке, заглянуть в кристалл, из которого она была вырезана, ища в ней предсказание будущего, доступного Мудрым.

Наконец я не улежал на месте — слишком сильна была во мне тяга к этой полоске меха. Поднявшись, я подошел к окну, облокотился на подоконник, такой высокий, что приходился мне до плеч. Так я стоял, глядя в ночь.

Башня Отроков возвышалась на северном краю замка, на север выходило и окно. Я смутно различал поля и сады, протянувшиеся за стенами, — селение лежало с южной стороны. За полями начинался лес — стена чащи, отделявшая нас от высоких холмов, где скрывалось много такого, чего внутреннее чувство подсказывало нам избегать.

Те Силы, что в прошлом навлекли бедствия на Арвон, отступили, как теперь считалось, в леса и холмы. Их удерживали невидимые стены, возведенные общим усилием воли Мудрых и Семерых Владык. Никто уже не знал, остался ли там кто из существ, которых мы считали врагами, или они открыли новые Ворота между мирами — в этом деле они были умельцами — и покинули Арвон.

Их слуги, малые того же рода, по-прежнему представляли опасность. Но те по своей природе были привязаны к определенному клочку земли и редко отклонялись от привычных «дорог». Встреч с ними обычно удавалось избежать. Иногда они даже укрепляли рубежи нашей родной страны, отгоняя жителей южных Долин, если те дерзали забраться слишком далеко на север, в нашу сторону.

Долины! Я помнил рассказ Пергвина — как он с

другими вступил на Дорогу Памяти, Дорогу Скорби, по которой шли изгнанники, отступавшие в Арвон от надвигавшейся Тьмы. Арвон тогда населяла другая раса — малые люди, не владеющие Силами, варвары, которые лишь несколько поколений как вышли из полного хаоса. К тому же их век был короток, для нас проходил лишь день-другой, а они взрослели и умирали от старости, которая еще при рождении задевала их своим смертоносным касанием. У нас с ними не было ничего общего.

Ночь была темной, хотя над головой ярко горели звезды. Блестели, как разложенные Ибикусом самоцветы. Северный ветер запустил пальцы в мое окно, захолодил голую кожу. Но я не хотел возвращаться в постель и сворачиваться под одеялом.

Нет, я поймал себя на том, что вскинул голову и жадно ловлю ноздрями ветер, словно он принес мне послание. Внутри меня зарождалось смутное волнение, какого я не чувствовал прежде. Темнота ночи притягивала меня и манила. Мелькнула странная мысль — каково было бы бежать нагим по траве, плескаться в ручье, забыв о… о чем?

Волнение улеглось так же быстро, как взметнулось. Теперь я дрожал. Темное предчувствие

зла сменило восторг. Попятившись от окна, я улегся на кровать. Раньше сон бежал от меня, а тут накрыл разом. Я потер глаза, которые жгло как от долгого недосыпа. Растянулся и уснул.

Мне что-то снилось — и сон выбросил меня в явь. Сердце стучало, словно я мчался со всех ног, тело было скользким от пота, а ведь мне вовсе не было жарко. Первый предрассветный луч сочился в узкую щель окна. Я сел. Что мне снилось?

Я ничего не запомнил, не вынес из сна ни намека на то, что было таким… таким… Страх ли двигал мной или другое пылкое чувство? Даже этот вопрос остался без ответа. Но и вернуться в сон не удалось.

Я бесшумно умылся в приготовленном тазике. Вода была холодна, но не слишком. Одеваясь, я все ловил в непокорной памяти намеки на содержание сновидения. Потому что и забытое оно тяготило душу. Тот сон говорил что-то очень важное… я должен…

Однако за привычными утренними сборами нетерпение померкло, и выходил за дверь я, уже успокоившись. Чувствовал себя довольно глупо, словно спешил на свидание с человеком, который и не думал со мной встречаться.

Выходя во внутренний двор, я увидел, что меня

кто-то опередил. Торговец Ибикус стоял лицом к двери, из которой я вышел. Он чуть заметно улыбался. Увидев меня, кивнул. Тогда я уверился, что наша встреча не случайна, хотя о цели ее догадаться не мог.

— Доброе утро, хотя и раннее, благородный Кетан, — негромко, но ясно произнес он.

Я несколько растерялся, не в силах догадаться, зачем он хотел меня видеть. Держался он так, словно дождался старого друга, хотя обращался ко мне строго по этикету. Я же готов был поклясться, что он вовсе не купец и заслуживает высшего почтения, не менее, чем глава моего клана или других того же положения.

— Доброе утро, повелитель! — Я обрел наконец дар речи.

— Повелитель! — Он склонил голову к плечу, разглядывая меня блестящими глазами. Словно я был товаром, выставленным на оценку. — Я купец, а не владетель замка.

Во мне крепла упрямая уверенность, что он, если и не владеет землями в Арвоне, никакой не купец. И я прямо встретил его взгляд, ожидая объяснений.

Ибикус обхватил пальцами подбородок. На указательном пальце я увидел крупный пер-

стень. Камень в нем не походил на сокровища из сундука, был тусклым, без блеска или игры. Точь-в-точь осколок обычного булыжника. Серый овальный камень был оправлен, как мне показалось, в серебро. Но если так, металлу позволили почернеть, и это меня тоже удивило. Право, этот перстень выглядел слишком бедным для владельца таких богатств.

— Господин Кетан! — Он по-прежнему улыбался. — Вижу, у тебя есть глаза во лбу. — Я покраснел. Неужели он так легко прочел мои мысли? Такой дар приписывали лишь высшим из мастеров искусства. Ибикус вдруг протянул мне руку — не для пожатия, а подняв к моим глазам перстень. — Что ты видишь?

Я провел языком по губам. Не догадывался, чего он хочет от меня, но вполне уверился, что под нашей встречей есть глубокая подоплека. Я послушно осмотрел кольцо.

Камень словно бы мерцал. Тусклая поверхность шла рябью, словно в гладкий пруд бросили камень.

А потом…

Должно быть, я вскрикнул от удивления. Потому что на миг или два мне привиделась кошачья голова — снежный кот с угрожающе оскаленны-

ми клыками! Столько жизни было в этой картине, что не верилось, будто она создана искусством резчика, как резьба на пряжке пояса.

— Что ты видишь?

Он повторил вопрос так властно, что я ответил правду:

— Я… я видел голову снежного кота!

Тогда Ибикус поднес руку к своим глазам, пристально рассмотрел потускневший серый камень и резко кивнул:

— Недурно, славный Кетан, недурно.

— Для тебя, может, и недурно, — осмелев, огрызнулся я, — но как понять?..

Торговец не дал мне закончить вопрос:

— В свой срок, мой молодой господин, все станет ясно. Как мне теперь ясно, зачем я приехал в Кар До Прон. Ты думаешь, я напускаю тумана? — Он усмехнулся. — Разве тебя, маленького, учили читать не по простейшим сочетаниям рун? Сумел бы ты прочесть вложенные тебе в руки хроники без такой подготовки?

Я покачал головой. Мне бы хотелось рассердиться на него за такое обращение, за тайны и намеки. Однако было в нем что-то, принуждавшее мой язык к смиренному молчанию.

— Я оставлю тебя обдумать эту мысль, славный

Кетан: руководствуйся тем, чего сам желаешь, а не чужими требованиями. Даже мне понятны не все руны. Их смысл открывается в свой срок, и бывает, что время не спешит. Ты получишь Дар — дорожи им.

С этими словами он резко, не дав мне заговорить, отвернулся, а я остался с открытым ртом, хватая воздух, как вытащенная из родного пруда рыба. И броситься за ним с просьбой объяснить сказанное я не мог — что-то удержало меня на месте и в молчании.

Ибикус направился прямо к Женской башне. Как видно, его там ждали, дверь распахнулась по первому стуку. Я же остался стоять, переваривая слова его речи.

Больше мне не довелось встретиться с Ибикусом наедине. К ночи он собрал свой караван к отъезду. Конечно, кое-какие товары он сумел продать. Моя мать и госпожа Элдрис надолго задержали его, выбирая то, что могли себе позволить. Но я предполагал, что он оставил в замке небольшую часть своих сокровищ. И горько сожалел о поясе.

Впрочем, твердил я себе, на такую покупку нечего было и надеяться. И обратиться за помощью мне в Кар До Проне было не к кому. Я, хоть

и считался признанным наследником владетеля Эраха, не имел кошелька, из которого мог бы черпать.

Через три дня после этого настала годовщина моего рождения. Пока я жил с Ироизой и Урсиллой, этот день не считался поводом для праздника. Его чаще отмечали торжественными обрядами: Урсилла сплетала какие-то чары, мать ей помогала, обращая на меня свой Дар — только для того, по их словам, чтобы укрепить и защитить меня в моей малости.

Если они проводили такие церемонии и после моего переезда в башню Отроков, то обходились без моего присутствия. И день этот теперь ничем не отличался от других дней, разве что, по хроникам, я становился на год старше и от меня ожидали большей мудрости и силы.

Поэтому я удивился известию, что госпожа Элдрис желает меня видеть по случаю этой даты. Вечером накануне вернулась Тэйни в сопровождении Магуса и приличествующей свиты. Надев лучшую, самую новую праздничную накидку (с вышитым на груди гербом наследственных владений), я гадал, не намерены ли в этот день торжественно объявить о нашей свадьбе.

Когда я шел через двор к другой башне, уже

вечерело. Внутри было темновато, и принявшая меня служанка держала в руке ярко горящий ароматный светильник. Я вслед за ней поднялся на первый пролет по древним, вытертым ступеням до покоев, где правила моя бабушка, хотя память едва не увела меня выше, к комнатам, бывшим прежде моим жильем.

В палату приемов вовсе не проникал дневной свет, стены были занавешены гобеленами с поблекшими от времени красками. Там и сям огонек светильника выхватывал человеческое лицо или сказочного зверя, придавая вышивке подобие жизни. Светильников, подвешенных на цепочках, было множество.

Все они горели, вместе с ароматным дымом излучая тепло, и потому комната сразу показалась мне душной. Хотелось сдвинуть гобелен, распахнуть скрытое за ним окно, впустить свежий воздух.

Госпожа Элдрис сидела в высоком кресле между двумя светильниками-колонками. В ее густых и темных, спадающих до пояса прядях не было серебра, зато их переплетали мягкие золотые нити с зелеными и бледно-желтыми драгоценными камнями. На ней тоже была парадная накидка, укрывающая тело от горла до бедер. С середины

ее лба на меня, как внимательный третий глаз, взирал зеленый камень.

Она, как и Пергвин, почти не поддавалась годам и выглядела в начале средних лет. В ней, не то что в моей матери, не было наружного высокомерия и потребности властвовать, но властность была разлита в самом ее существе, сквозила в каждом движении.

Я, строго соблюдая этикет, опустился на колени и коснулся губами протянутой руки — холодной, несмотря на душную жару вокруг. Вежливо склоняя голову, я остро ощутил, что она оглядывает меня с головы до пят без удовольствия, с каким всегда глядела на Магуса, а с той надменной и немного враждебной отчужденностью, что выпадала на мою долю.

— Привет тебе, Кетан, — заговорила она, голосом подчеркивая, что это просто слова, лишенные тепла и гостеприимства.

— Доброй судьбы, светлого солнца и долголетия тебе, моя госпожа, — как приличествовало, ответил я.

— Встань, мальчик. Посмотрим, каким сделали тебя годы!

Теперь в ее голосе прозвучал намек на раздражение. Почему-то встреча со мной была ей

неприятна, и она не собиралась облегчить ее ни мне, ни себе.

Я поднялся, как было велено. И увидел, что у дальней стены притулились две служанки, но ни моей матери, ни Урсиллы здесь не было. Зато по знаку госпожи Элдрис вперед выступила другая женщина. Тэйни, конечно.

Она выглядела второй Элдрис — такой, какой могла быть наша госпожа несчетные годы тому назад, когда Всадник-оборотень наложил на нее любовное заклятие. Ростом она не уступала мне, строгие складки платья под накидкой, скрывая, все же намекали на изгибы тела, созревшего для брака. Волосы, темные, как у бабушки, она уложила кольцом на затылке, закрепив гребнями и шпильками с самоцветными головками.

Ее правильные черты дополнились капризным изгибом маленького рта, и между темных бровей уже пролегла тонкая складка. Она не улыбалась и всем видом показывала, что рада бы оказаться где угодно, только не здесь.

Я знал, чего требует от меня обычай, но желания исполнять его во мне не было. Однако выбирать не приходилось, и я шагнул вперед, за руки привлек Тэйни к себе и поцеловал в щеку. Ощутив, как она напряглась всем телом, я понял,

что она не отвечает мне ничем, кроме взаимной неприязни.

— Очень мило.

Моя нареченная не произнесла ни слова, даже не назвала меня по имени вместо приветствия. Слова принадлежали госпоже Элдрис.

— Ну, девочка, — обратилась она прямо к Тэйни. — Могло быть хуже. Он недурен собой…

Она и не думала меня хвалить. Я так остро чувствовал их ко мне презрение, как если бы они прокричали о нем во весь голос. Но я твердо решил не показывать виду, что его замечаю. Помолвка, какой бы торжественной она ни была, — не женитьба. Я уцепился за эту мысль, потому что уже понимал, что мужем Тэйни я не буду. Найдется способ избавиться от этих уз.

Госпожа Элдрис не ждала ответа ни от меня, ни от внучки. Вместо этого она опустила руки к шнуркам шелкового мешочка, лежавшего у нее на коленях. Развязала и распустила их.

Мех пардуса!

И снова, увидев его, я испытал яростную, голодную тягу к этому поясу — тягу, немного забывшуюся за прошедшие дни.

— Вот, девочка, достойный вашего будущего дар. Он воплощает крепко замкнутый круг, ка-

ким должен стать ваш брак. Вручи его — вместе с обещанием — твоему будущему господину!

Тэйни не сразу потянулась за меховой полоской, свисающей с протянутой руки бабушки. Боялась невозвратно связать себя жестом, которого требовала от нее госпожа Элдрис? Но и на открытый отказ она не решилась.

Наконец взяв пояс, Тэйни повернулась ко мне и голосом, капризным, как изгиб ее губ, вымолвила такие слова:

— Господин мой, прими от меня этот знак нашего будущего союза.

Я едва слышал ее слова. Для меня существовал только пояс. Все же я сдержался, не позволил себе выхватить его из рук девушки. И у меня хватило присутствия духа поблагодарить ее и госпожу Элдрис.

Тэйни в ответ даже не кивнула, и мои слова замерли в довольно неловком молчании. Я видел, как зло усмехнулась госпожа Элдрис.

— Смотри же, Кетан, храни его хорошенько, — сказала она. — Право, это настоящее сокровище. А теперь можешь идти. Союз заключен, а я утомилась…

Такое резкое прощание рассердило меня. Впрочем, подобные слова и поступки теперь оставляли

на моей гордости лишь мелкие царапины. По правде сказать, я рад был выбраться из жаркой, пропитанной благовониями комнаты, унося в руках свое сокровище. Вернувшись к себе, я долго гладил мех пальцами, упиваясь шелковистым теплом. Я не убрал его в сундук вместе с праздничным нарядом, потому что меня неудержимо тянуло надеть его на голое тело, под дублет. Мне не показалось странным такое желание. Носить пояс таким образом представлялось самым правильным.

Укладываясь на ночь, я не снял его, оставил на себе. И в этот вечер снова не смог уснуть. Мне было мало любоваться ночью из окна. Нет, с восходом полной луны я понял: мне надо туда, на свободу, за пределы этой груды изъеденного временем камня.

Я сделал то, чего никогда не делал прежде: натянул штаны и сапоги, но на рубаху и дублет не стал тратить времени. И выскользнул из башни через ворота, возле которых в те мирные времена не ставили часовых. Вырвавшись на волю, я пустился бегом. Радостное буйство овладело всем телом, подгоняя меня вперед и вперед.

Я пересек поля до полосы кустарника на опушке леса. Оттуда я прошел берегом ручья, вдоль

поющей, играющей лунными бликами воды до лесной прогалины, где серебро луны горело над головой и отражалось в пруду. Там я сорвал с себя одежду и кинулся в мелкую воду, зачерпывал ее ладонями, плескал на себя. Пояс на теле выделялся темной полосой, а пряжка под луной загорелась — такого огня я не видал прежде ни в одном драгоценном камне. Он пылал ярче и ярче. Меня окутало огненное облако. И тогда для меня в мире не осталось ничего, кроме дикой, рычащей морды пардуса пред моим помутившимся взором.

О предостережении Урсиллы и тучах над Арвоном

Когда я очнулся, было утро и надо мной в ветвях щебетали птицы. Лунное пламя в пруду потухло, хотя чуть срезанный серебряный диск еще виднелся на западе. Я моргнул и еще раз моргнул, дивясь всему вокруг, потому что в памяти еще оставалась дикая, ликующая жизнь ночи. В эту ночь я как никогда остро видел, слышал и чуял полный яркой жизни мир. В нем была свобода, к которой давно тянулось все мое существо. Вернуться в замок было — как заставить себя вновь войти в клетку, но что мне еще оставалось?

Внутреннее чувство подсказывало, что, если о моем ночном приключении узнают, повторить его не дадут. Вернуться к себе надо было незаметно. Я поспешно сел, нашел лежавшие неподалеку штаны и сапоги и натянул на влажное от росы тело. Пояс стал просто поясом. Даже самоцветная пряжка потускнела, словно наполовину выгорела от зажженного луной пламени. И все же я любовно огладил ладонью меховую петлю, опоясавшую мою талию.

Было еще очень рано. Я надеялся пробраться в свою комнату до пробуждения замка. И та же непонятная мне самому осторожность подсказала держаться укрытия. Я подбирался к стенам, как лазутчик ко вражескому лагерю. Добравшись до ворот, скользнул к дверям. Для этого пришлось миновать вход в другую башню, где жили дамы. Кто-то шагнул мне навстречу из-под тени арки.

Урсилла!

Уклониться от встречи было невозможно. Она повернулась ко мне лицом и поманила под дверную арку, поодаль от чужих глаз.

Она так долго молчала, что я стал переминаться с ноги на ногу. Тогда она указала на пояс, не скрытый сейчас дублетом:

— Где ты это взял?

Ее режущий шепот так и вытягивал из меня правдивый ответ.

Руки мои невольно потянулись к поясу, ладони накрыли самоцветную пряжку. Я смутно чувствовал угрозу. И еще я злился на себя, что так покорен этой женщине, пусть даже она и Мудрая.

— Подарок, — не слишком любезно отозвался я. — Госпожа Элдрис с Тэйни вручили его мне в залог союза.

Лицо Урсиллы заострилось, губы оттянулись,

открыв оскал. Так беззвучно рычит онемевшая от ярости собака.

— Дай сюда! — Ее пальцы скрючились когтями, словно готовы были сорвать с меня пояс. — Дай сюда!

Но сама сила ее ярости освободила меня от зачарованной покорности.

— Нет!

Одно слово ей наперекор, и я повернулся, пустился в бегство, уже не заботясь, увидят меня или нет. Только в своей комнате я остановился, задыхаясь, смиряя ужас, гнавший меня от Урсиллы. Я упал на край своего узкого ложа и сделал попытку разобраться в сумятице чувств, что превратили меня в испуганного ребенка.

Утреннее чувство свободы пропало. Его место заняла бессильная злость, смешанная со страхом. Я был в клетке — и Урсилла угрожала запереть меня в ней навсегда. Уж она позаботится, чтобы нынешняя ночь не повторилась. В этом я был уверен, словно прочитал пламенные руны на стене. Пояс!

Я расстегнул пряжку, поднял к глазам резную кошачью голову и присмотрелся. Да, она теперь горела не так ярко. Но я не отдам пояс Урсилле — ни за что! Эта вещь принадлежала мне, как

ничто и никогда до того дня. Я понял, что она моя, едва увидел пояс среди сокровищ Ибикуса. Пусть госпожа Элдрис использовала его в своих целях, чтобы связать меня, — это ничего не значит. Главное, я могу застегнуть этот пояс на себе. Я так и поступил. И проверил, надежно ли закреплена пряжка.

Какими бы могучими заклинаниями ни владела Урсилла, этого она от меня не добьется. Не знаю, откуда взялась во мне такая уверенность, но она была.

Однако не так просто было сбежать от Мудрой. В середине дня за мной пришли. Я как раз вел учебный поединок с Пергвином и заслужил от этого мастера меча несколько одобрительных слов. Я ликовал, потому что Пергвин бывал скор на укоры и скуп на похвалу. Может быть, недавнее ощущение жизни — я верил, что его подарил мне пояс, — помогало мне теперь добиться уважения равных. Итак, мое доброе настроение не сбил даже неурочный вызов в покои матери.

Проходя через двор, я думал, что это наверняка интриги Урсиллы, что в комнатах, более всего подвластных влиянию ее Силы, мне воистину надо быть начеку. Но я уже не был мальчиком, которым можно невозбранно распоряжаться:

я теперь чувствовал себя взрослым мужчиной, хозяином своей жизни и судьбы.

Я не увидел ни госпожи Элдрис, ни Тэйни, проходя через их покои в комнаты, где правила мать, за плечом которой всегда стояла Урсилла. Сладкие ароматы наверху исчезли. Не было в комнате, куда провела меня служанка, и занавесей на стенах. В открытое окно вливался дневной свет и запах сохнувшего на лугах сена.

Однако и эти покои отличались богатством. Кресло матери высотой спинки не уступало трону госпожи Элдрис, было пышным и мягким, и на спинку его, как и у супруги владетеля, была наброшена Красная мантия нашего клана. А грубый камень стен вместо гобеленов украшали рамки с картинами на пергаменте: причудливые, невиданные птицы и звери с тщательно выписанными чешуями, перьями, когтями, рогами и тому подобным — щедрые мазки краски блестели почти так же ярко, как самоцветы.

На низком столике, за которым сидела мать, был развернут такой же пергамент, и она тщательно заполняла черный силуэт алыми мазками, а затем, отложив кисть, другой добавила блестки позолоты. Она не подняла головы, когда я вошел, и не сказала ни слова привета.

Я давно привык к подобному обращению, знал, что она не оторвет взгляд от работы, пока не закончит начатую часть рисунка. Удивило меня, что она сидела одна, — я ожидал увидеть Урсиллу, но Мудрой не было видно.

Госпожа Ироиза положила обе кисти на узкий подносик, отодвинула его от себя. И холодно, оценивающе оглядела меня.

— Ты глуп! — наконец заговорила она. И такой прием не был для меня внове и не вызвал обиды — мне просто захотелось скорей перейти к делу, услышать объяснение, в чем я оказался дураком на сей раз. — Позволяешь им подозвать тебя к ноге, как собаку из своры моего мужа, — холодно продолжала мать. — И за что мне достался такой малоумный сын, что даже не замечает, как им распоряжаются в чужую пользу? — Она пожала плечами. — Что ж, сделанное еще можно исправить.

Я все ждал. Она любила подходить к делу обиняками. В детстве этот прием на меня действовал: чем дольше она отказывалась прямо назвать мою вину, тем беспокойнее мне становилось. Но за столько лет я научился сдерживать себя, пока она доберется до сути.

— Госпожа Элдрис… — начала Ироиза и осек-

лась. Я с малых лет понимал, что между ней и матерью нет любви и очень мало приязни, хотя при встречах дамы соблюдали этикет и выступали заодно, как требовал обычай. Все знали, что моя мать сменит госпожу Элдрис на месте хозяйки замка, но я ни разу за столько лет не уловил ни намека на недовольство таким положением дел. Казалось, госпожа Элдрис даже рада передать дочери заботы и обязанности. — Ты попался в силок, — твердо заявила теперь госпожа Ироиза, — и если тотчас же не вырвешься на волю… — Она опять запнулась. И наконец решила говорить напрямик: — Твой пояс проклят.

Я не сомневался: она верит тому, что сказала. Но так же был уверен, что эту мысль вложила ей в голову Урсилла.

— Каким образом? — Я впервые нарушил молчание.

— Он принадлежал Расе оборотней. Урсилла узнала эту вещь с первого взгляда. И нам на беду, госпожа Элдрис тоже. Ибо она увидела в этом шанс получить то, чего давно желала.

— Чего же? — снова спросил я.

Прежде мать управляла мной без труда. Сейчас же я впервые при ней думал своим умом и оставался самим собой. Может быть, потому, что

не прошло и дня, как я испытал вкус небывалой свободы.

— Ввести Магуса в права наследника. — И снова мать прямо высказала то, что издавна крылось под молчаливым противостоянием двух женщин. — Она всучила тебе этот проклятый пояс, а чтобы ты не мог отказаться, объявила его символом помолвки. И пояс уже делает свое дело. Где ты бегал этой ночью и в каком обличье, Кетан?

Она подалась вперед, глаза ее пылали — может быть, не так ярко, но тем же огнем, который луна зажгла в яргоновой пряжке.

— Я спал у лесного ручья. Нигде не бегал. И я не оборотень, госпожа моя.

Ясно было, что в дело вмешалась Урсилла. Впрочем, передо мной сейчас встало другое лицо — умное и располагающее лицо торговца. Что он сказал мне при встрече? «Руководствуйся тем, чего сам желаешь, а не тем, чего требуют от тебя другие. Ты получишь Дар, дорожи им».

Я ответил матери вопросом:

— Откуда госпоже Элдрис знать, что ее подарок обладает такой Силой?

Недовольство в лице матери сменилось вспышкой чистого гнева.

— От купца, откуда еще? Урсилла учуяла в нем

Силу. Он из тех, кто сеет беды и раздоры. Бывали такие и прежде, ходили между нами, подчиняя своей воле. Урсилла видела, что звезды не расположены к Кар До Прону, а может быть, и ко всей нашей стране.

— Ты говоришь, что госпожа Элдрис благосклонна к Магусу, — я сам это знаю. Но обычай есть обычай. Ей никуда не деться от того, что я рожден твоим сыном и, стало быть, наследник.

Я осторожно нащупывал путь, снова напомнив себе разведчика на чужой земле, только теперь мне приходилось выбирать слова, а не укромные пятна тени среди полей.

— Глупец! — Мать вскочила, нетерпеливо оттолкнув столик, с которого скатилась и разбилась склянка с краской. — Оборотень всегда уязвим. Он, если не прошел обучения, не управляет переменой облика. Кто в Кар До Проне примет тебя как владетеля, зная о твоем пороке? Однажды такое уже было. У замка был законный наследник, рожденный прежде Эраха от другого отца. Но он был наполовину оборотень по крови, и, когда эта кровь дала о себе знать, все, обитающие в этих стенах, отвергли его. А ты даже не полукровка. Пока на тебе этот проклятый пояс, он, а не ты, будет управлять твоим обликом. Вот ты человек — а

вот уже зверь. Какая девица выйдет за тебя — не говоря уж о Тэйни? Тебя будут травить как зверя. И… чем дольше ты цепляешься за эту ужасную вещь, тем крепче она тебя держит. Отдай ее мне!

Она властно протянула руку.

Она верила своим словам. Но им не верил я. Я видел здесь умысел Урсиллы. Я не забыл ее взгляда и скрытного движения пальцев, когда она пыталась чарами отгородиться от торговца. Я и раньше не любил Мудрую, а за последние дни после встречи с Ибикусом мой трепет перед ней сменился чем-то похожим на отвращение.

— Ты послушна Урсилле, — медленно проговорил я.

Мать уронила руки. Кончик языка показался у нее между губами, задвигался, словно слизывая что-то неприятное. Она прищурилась и взглянула на меня вовсе без выражения:

— Делай, что я сказала!

До той минуты я не знал, что в силах противостоять ее воле. А теперь узнал, и восторг, который я испытал при пробуждении, снова коснулся меня легким облачком. Какое мне дело до их интриг? Не дождавшись ответа, госпожа Ироиза вдруг улыбнулась, сдержав прорвавшийся было гнев:

— Хорошо. — Резкая перемена тона застала меня врасплох. — Держись за свою игрушку, дитя. Ты еще поумнеешь, и молись, чтобы не слишком поздно, когда по собственной глупости лишишься всего. А теперь сгинь с моих глаз, пока не вспомнишь о своем долге и не вернешься ко мне в должном расположении духа.

Она хладнокровно вернулась на место, снова подтянула к себе столик и взяла кисть. Я для нее больше не существовал. И все же она смирилась с моей маленькой, но немыслимой до того дня победой.

Мне было о чем поразмыслить, покинув башню. А вдруг Урсилла не лжет? Вдруг торговец с некой тайной целью вложил в руки госпожи Элдрис оружие против меня? Что я мог противопоставить словам матери? Впечатление, которое произвел на меня торговец, необыкновенную легкость и уверенность, подаренную поясом, и воспоминание о мимолетной ночной свободе под луной. Мелочи, едва ли не тени, но они мешали мне до конца поверить матери — или Урсилле.

Я знал, что госпожа Элдрис не питает ко мне добрых чувств, и Тэйни, бесспорно, была с ней заодно. Да и кто во всем Кар До Проне мне друг? — задумался я. Для матери и Урсиллы я орудие. Я

понимал это с тех пор, как впервые начал что-то понимать. Владетель Эрах не любит меня, а только терпит. В ненависти Магуса я не сомневался. Кто остается — Пергвин? Может быть, не более того.

А к нему я не мог обратиться с вопросами об этом поясе. Заранее знал, что он скажет: отдай, чтобы не разжигать неприязнь к себе еще больше. Пересекая двор в обратную сторону, я чувствовал себя очень одиноким. Вернувшись в башню, я расшнуровал дублет, распахнул рубашку, взялся за пряжку с головой пардуса.

Она не поддавалась!

Я все яростнее дергал застежку. Она упрямо держалась, словно и не открывалась никогда. Теперь в нарастающей панике я готов был поверить, что пояс обладает Силой и, может быть, в самом деле овладел мной. Я привалился к окну, впивая прохладный воздух. Сердце стучало, руки, которыми я в поисках опоры ухватился за подоконник, дрожали. Я — не — должен — открывать ворота страху. Спокойно, разумно отыщи, в чем зацепка, освободи…

Я вытер вспотевшие пальцы о штанину и запретил им судорожно терзать пряжку. Нажать вот тут… так…

Пардус разжал зубы, пояс расстегнулся и сполз бы на пол, не подхвати я его.

Досадуя на себя, я поднес застежку к свету из окна. Вы посмотрите, как она меня разыграла! Заставила поверить в свои сказки! Чуть заело пряжку — и я уже счел себя про́клятым! «Глупец», — назвала меня мать. Разглядывая пояс, я думал, что она не права. Я был бы бо́льшим глупцом, уступив ее желаниям.

Вернулось ощущение чуда, которое с первого взгляда внушил мне пояс. Сокровище! В нем нет ничего дурного. Нет, храня его, я приближаюсь к желанной свободе. Урсилле не сковать меня заново, не отобрав его. А этого я ей не позволю!

Я решительно застегнул на себе пояс, снова укрыл его мех и камень под рубахой и дублетом. Я уже шнуровал дублет, когда вошел Пергвин с известием, что владетель немедленно хочет видеть меня в Большом зале.

Там собрались сильные люди. За мной не было ни положения, ни права голоса, но как признанный наследник владетеля я должен был присутствовать на совете. Здесь были командир гарнизона Кадок и Эргил — тихий старик, весь ушедший в свои хроники и, по слухам, многое знавший о Силе оборотней. Эргил вернулся после

месячной отлучки. Впрочем, он был таким незаметным, что едва ли кто заметил его отсутствие. Да и голос он подавал нечасто. Зато если возникала нужда справиться о событиях прошлого, обращались всегда к нему.

Магус был очень заметен. Разница в возрасте с ходом лет, казалось, разделила нас больше прежнего. Раньше он мучил и унижал меня, теперь вовсе не замечал. И мне так было легче. Сейчас он уверенно занимал место рядом с отцом, держа в руке кубок. Этот кубок он снова и снова поворачивал в пальцах, словно любуясь стертой временем гравировкой.

Я скользнул на место рядом с Эргилом (моего появления никто не заметил). Меня неизменно подавлял дух строгой древности, витавший в этом зале.

— Так, значит, правда… — тяжело проговорил Эрах, словно известие, которое он собирался нам передать, было не из радостных, — что предстоит сбор войск. Мы, вместе с Голубыми и Золотыми мантиями поддерживаем Верховного Правителя Айдана.

— А Серебряные? — не вытерпел Кадок, когда мой дядя умолк.

— Никто не знает. В замках западных и внут-

ренних краев заметили большое движение.

— Серебряные всегда предпочитали союз с Голосами гор, — заметил Эргил. — Это они почти полгода удерживали Ястребиный Коготь, перед тем как нам покинуть Долины по Дороге Памяти. В их жилах половина древнейшей под луной крови.

— Но кто мутит воду? — вдруг вопросил Магус. — Я побывал посланцем в двух десятках замков. Я добрался даже до Белого потока. Всюду волнения. Люди не выезжают в дорогу без оружия. Но никто не слышал о вылазках диких горцев, и боевой рог не прозвучал.

Мне вспомнились слова Пергвина о приливах и отливах бед в Арвоне и о том, что близится конец наших мирных времен. Однако враг, которого не знаешь по имени, тревожит больше, чем открытый враг.

— Неизвестно, — ответил Магусу отец. — Но наш наследственный Дар — чуять грядущую бурю. Рассказывают, что Голоса читают звездные карты и умеют пророчить будущее. Если и так, их предостережений никто не слышал. Очень может быть, что откроются одни из Ворот и против нас снова встанет ужас, изгнанный в давние времена, а теперь усилившийся и вооружившийся.

— Так и есть, — тихо проговорил Эргил. Все обернулись на его негромкий голос. — Весь наш мир охватила война. Долины отбивали нашествие безжалостных пришельцев и после долгой борьбы оттеснили их. Наши родичи за морем тоже были втянуты в войну, которая едва не стерла их с лица земли. В тот раз победа осталась за ними, но борьба так изнурила их, что многие поколения не смогут призвать себе на помощь Силы. Все, что служило нашей защитой, мало-помалу слабеет, будь то новые народы не нашей крови или нам подобные. Как знать, не чуют ли те, за Воротами, нашей слабости, не стало ли им известно, что пробил час нового приступа.

— Приятно слышать! — съязвил мой дядя. — Но бывает, что во мраке скрывается горькая истина. Что до нас, в наших силах лишь готовиться к обороне. Тогда, если разразится бедствие, мы встретим его в готовности, насколько это возможно без полного знания. Итак, для каждого будет дело…

Он принялся распределять обязанности и труды. Тогда, перед лицом неясной угрозы, я наполовину забыл собственные опасения.

О том, что замыслил Магус и как у меня открылись глаза

Дядя послал меня на сбор урожая с дальних полей на севере. Я трудился вместе с земледельцами, не только проверяя груз на отправлявшихся в житницы замка телегах, но и помогая наваливать снопы на эти самые телеги. Тяжесть, лежавшая на нас в те дни, заставила забыть о рангах, и мы дружно трудились, чтобы, как повелел владетель Эрах, подготовиться к любой осаде.

Должно быть, тем же были заняты и другие владетели, потому что в эти недели к нам не прибывали вестники. Не было и веселых пересудов о ежегодном Празднике жатвы. Лучше, казалось каждому, оставаться под собственной крышей и не выезжать за границы своего поля.

Вечерами, когда я после дневной страды без сил валился на кровать, у меня было одно желание: выспаться, пока утренний горн не поднимет нас к новым трудам. Я по-прежнему не снимал пояса, но в те дни он был для меня лишь предметом одежды. Ни мать, ни Урсилла не давали о себе знать.

Они тоже были заняты. Варили эликсиры, заготавливали впрок плоды, пекли твердые дорожные хлебцы (их можно было подолгу хранить без порчи) — полны руки забот. Даже деревенские дети разыскивали на опушке ореховые деревья и, соревнуясь за добычу с лесными зверушками, мешками тащили домой, чтобы очистить от твердой скорлупы, перемолоть ядрышки в муку, которой сдабривали хлеб.

Прошли дни, а затем и недели, вновь приблизилось время полной луны. Работа наша шла к концу. Всё, чем могла накормить земля, уже убрали в амбары и кладовые. Погода в ту жатву стояла прекрасная — ни одного дождливого дня, даже облака не грозили непогодой. Легко верилось, что Силы одарили нас своей благосклонностью.

И все же временами земледельцы роптали. А если и нет, то, распрямляя спины для краткого отдыха, обводили поля взглядами, в которых не было удовлетворения, а было все больше вопросов. Слишком легка была в тот год их доля, и они не доверяли такой легкости, опасаясь, что она предвещает будущие неприятности.

В канун полнолуния я с последней телегой вернулся с последнего поля. Ныли все кости, словно тело в жизни не знало отдыха. Мои спутники

не смеялись, не перекидывались грубыми шутками, как заведено у людей, скинувших с плеч тяжелый, но успешный труд жатвы. Я заметил, что, хотя главный жнец и связал из последних колосьев чучело Жатвы и работники выпили в ее честь присланный в поле сидр, в обряде не было радости, словно они совершали его только по обязанности.

И замок без радости встретил нашу телегу с наколотой на вилы Жатвой, венчавшей груду снопов, хотя люди, памятуя обычай, высыпали во двор нас встречать. И дядя мой предложил второй раз выпить за Жатву.

Я узнал девушку, подносившую мне кружку. Она иногда прислуживала в покоях матери. Только в этот раз она мне не улыбнулась, не сказала ни слова, а отошла с застывшим лицом.

Прислонившись к стене башни Отроков, уставший так, что не поднять руки, я с натугой поднес кружку к губам и жадно выпил. В этом году даже сидр горчил, оставлял на языке неприятный привкус, и я отставил недопитую кружку.

Спотыкаясь от усталости, я поднялся к себе и, не сняв одежды, не омыв тела приготовленной водой, упал на кровать, закрыл глаза. И провалился в глубокий сон без сновидений, так что в

памяти не осталось ни следа этой ночи.

Просыпался я медленно. Солнце раскрасило пол яркими пятнами, от их блеска болели глаза. Боль, от которой вчера ныла спина, перебралась теперь мне в голову, билась под черепом. Когда я приподнялся, каменные стены пошли волнами, а к горлу подступила горькая тошнота.

На одной силе воли я добрался до высокого кувшина с водой у дальней стены. Руки дрожали так, что пришлось поднимать кувшин двумя, и, наливая себе умыться, я немало воды расплескал по полу. Все же, зачерпнув то, что попало в таз, я окунул лицо в чашечки ладоней.

Холод воды прогнал из головы туман. И с возмущавшимся животом я сумел кое-как совладать. Не заболел ли я?.. Нет! Мысли текли лениво, однако я вспомнил горький привкус выпитого вечером сидра. А девушка, подавшая мне кружку, подчинялась Урсилле.

Только теперь я спохватился, что запачканная мятая рубаха, в которой я упал на кровать, уже не зашнурована, а свободно распахнулась, открывая… пояс!

Руки метнулись заверить меня в том, что уже сказали глаза, — меня не обокрали. Однако я крепко подозревал, что пытались. Подсыпали

что-то в питье. Урсилла была знатоком трав, как полезных, так и вредных. Этой науке обучали всех Мудрых. Что помешало ей исполнить свой замысел, пока я лежал тут совсем беспомощным, я понять не мог. И обвинить ее или мать на основе одних подозрений не мог тоже.

Однако этот случай доказал мне, что ничему и никому нельзя доверять. Подозрения только укрепили меня в упорном нежелании расстаться с поясом, что бы ни скрывалось за даром госпожи Элдрис. Пока это в моих силах, я не дам себя ни принудить, ни обобрать.

Раздевшись и умывшись остатками воды, доставая чистую одежду, я думал о другом. В голову пришло, что Урсилла соразмеряет свои действия с ростом и убылью луны. Жаль, что я почти ничего не знаю об оборотнях. Если обратиться к Эргилу… Но решусь ли я? Мне не хотелось ничем выдавать своих слабостей, за которые мог бы ухватиться Магус.

Что, если госпожа Элдрис с Тэйни только и ждут моей оплошности?

Я натянул свежую рубашку. Надушенные травами полотняные складки отогнали гнездившуюся в замковых стенах затхлую сырость, а туго затянутая шнуровка снова скрыла мой пояс.

В эту ночь луна опять была полной. Буйный восторг, подаренный поясом, в прошлый раз проявился лишь в первую ночь полнолуния. Но если прошлой ночью я был лишен памяти зельями Урсиллы, может быть, пояс отзовется и второй ночи?

Я должен был узнать, а доверять никому не мог — даже Эргилу. И уж точно не доверял ни матери, ни Урсилле. Поэтому я решил днем остерегаться всего, есть и пить с большой опаской, что было вовсе не трудно. Во время жатвы в Большом зале не собирались к трапезе, а тем, кто проголодался, прямо на кухне раздавали дорожные хлебцы с сыром и вяленым мясом. Памятуя настрой прошлого вечера, я не думал, что сегодня будет большой пир. А даже если столы и накроют, я могу набить живот фруктами и прочей едой, к которой нельзя ничего подмешать.

Заспавшись под действием сонного зелья, я вышел из комнаты ближе к полудню. Двор после суеты последних недель словно затянуло дремотой. Из конюшни доносились голоса, но я никого не заметил. Как только отступила тошнота, меня одолел сильный голод, и я отправился к окошку, из которого раздавали хлеб и сыр.

На мой стук выглянул кухонный мальчишка.

У него блестел от жира подбородок. Он слизывал крошки с губ и покраснел при виде меня, словно попавшись на мелком воровстве.

— Чего угодно, господин? — пискнул он, чуть не подавившись недожеванным куском.

— Хлеба, сыра, — коротко бросил я.

— С сидром?

Я покачал головой:

— То, что сказал, и все.

Пожалуй, я был слишком настойчив — в его взгляде мелькнуло удивление. Я выбранил себя за этот промах. Осторожность и еще раз осторожность — вот что мне сейчас требуется.

Он принес еду на грубой салфетке. В надрез толстого куска хлеба вложили шмат сыра. Хлеб был еще таким теплым, что сыр немного подтаял, и я рассудил, что могу принять его без опасений.

Поблагодарив мальчика, я с салфеткой в руках вышел на свет, к воротам. Солнце так и пылало, на небе не было ни облачка. Роса к этому часу уже высохла, сжатые поля были пыльно-бурыми, словно иссохшими. Я повернулся к ним спиной и прошел по замшелым плитам дорожки в сад, где ради ароматов и целебных свойств выращивали травы и цветы.

Но и здесь я не остался один. В саду слышались

высокие женские голоса. Три женщины обходили поздние розы, собирая раскрывшиеся цветы, чтобы сделать из них настойку или засахарить на сладкое. Не дав девушкам заметить меня, я свернул на другую дорожку, окаймленную высокими ягодными кустами, уже почти обобранными от сладкой ноши.

Расслышав свое имя, я задержался. Не собирался подслушивать болтовню сборщиц, но кто бы устоял перед искушением подслушать разговор о самом себе?

— Правда, старуху Малкин ночью посылали в башню Отроков — к господину Кетану? Воротилась она, волоча ноги и хлюпая носом, словно ждала, что ей уши оторвут. Не хотела бы я прислуживать этой Мудрой. Она…

— Придержи язык, Гульда! У нее повсюду глаза и уши.

В упреке слышалось и суровое предостережение.

— Вот за нашей молодой госпожой и впрямь нужен глаз да глаз. Она дуется уже несколько дней, ее гнев поднимается вместе с солнцем, но не заходит вместе с ним. Вчера швырнула в Бертольду зеркальцем, расколола пополам…

Кто-то испуганно вздохнул:

— Это не к добру!

— И госпожа Элдрис так же сказала, — огрызнулась рассказчица. — И еще госпожа заметила, что зеркала — немалая редкость, а торговцев с новыми Тэйни не дождется до следующего лета. Тут вошел господин Магус, и обе замяли разговор, а нас отослали, чтобы поговорить с ним наедине.

— Да-да. Потому-то Малкин так задержалась на лестнице. Скажу тебе, она и есть те самые уши, про которые ты сказала.

— Хороши у нее уши, если слышат сквозь стены и двери. Да ведь она так стара, что еле ползает.

— А ты не думаешь… — Этот голос упал до шепота, но ко мне доносился явственно. — Тебе не приходило в голову, что Малкин… Иная?

— Это ты о чем?

— Она служит Мудрой, и никому другому. Я однажды слышала от старой госпожи Ксении, что Малкин прибыла сюда вместе с Мудрой и что уже тогда, когда все мы еще на свет не родились, выглядела такой же старухой — блеклой тенью, едва стоявшей на ногах. Ты знаешь, она никогда не выходит к нам в горницу, да и не говорит ни с кем, разве что на вопрос ответит. И глаза у нее не как у всех.

Ходит она, вечно потупив взгляд, так что в глаза

не заглянешь, но я тебе скажу — никогда не светит себе свечой или светильником, а в темноте держится, как будто ей светло.

Мудрая ей, как видно, доверяет. Хотела бы я знать, что им понадобилось от молодого господина. Ральф видел ее на лестнице и видел, как она открывала задвижку на дверях господина. А голоса из-за двери не услышал, значит она не с докладом пришла. Он бы подсмотрел еще, но тут его отозвал его господин.

— Вы с Ральфом все подглядываете, суете носы, куда не просят, — смотри, как бы Мудрая и тебя не приметила, Гульда. Если ты ее не боишься, так не от большого ума!

— Да уж! И нам лучше ничего не рассказывай! Не надо мне ее взглядов, ни добрых, ни злых. Довольно, что приходится терпеть капризы молодой хозяйки, а то и вспышки госпожи Элдрис. О тех, наверху, пусть тревожатся те, кто им служит. Дай загляну в корзинки… Ну, на первую сушку уже хватит. А теперь обе прикусите язычки и забудьте, чем там занималась или не занималась ночью Малкин.

Я услышал, как зашуршали юбки уходивших женщин. Впрочем, услышанное только подтвердило подозрения, что за моей обморочной ночью

скрывается рука Урсиллы. Что ж, ее служанка не добыла того, за чем ее посылали, хотя на свой счет я этой победы записать не мог. Отыскав в конце сада скамейку, укрытую двумя живыми изгородями, я сжевал хлеб и сыр, не замечая вкуса за раздумьями.

Одно я решил твердо: не стать пленником Урсиллы на эту ночь. Может быть, выбраться из замка на свободу? Воспоминания о первой ночи с поясом были слишком хороши, чтобы не желать повторения. Однако если меня хватятся, мать, пожалуй, отправит за мной охотников. Все надо проделать втайне. Правда, она могла приставить ко мне соглядатаев.

Туда, где я сидел, солнце не доставало, и сонный покой сада понемногу убаюкивал меня. Толстые пчелы, занятые *своей* жатвой с тем же усердием, с каким мы занимались своей, тяжело переваливались с цветка на цветок, птицы пели. Здесь так трудно было поверить в коварство и угрозы!

Мало-помалу я стал замечать еще одно: как обострились мои чувства. Краски стали ярче, очертания цветов и растений резче, отчетливей. Ноздри ловили небывалое богатство запахов, слух стал тоньше. Не знаю, откуда взялась во мне такая уверенность, но я принял ее за истину.

Мне все сильнее хотелось слиться воедино с окружавшим меня миром растений. Я упал на колени в траву, перебрал пальцами стебельки, словно любовно расчесывал шерсть гигантского дремлющего кота. Склонив голову, я втянул легкий аромат крошечных цветов, колокольчиками свисавших на ниточках стеблей и подрагивавших в потревоженном моими движениями воздухе. Завороженный этим чудом, я забыл обо всех опасностях, мне было довольно быть здесь в этот час.

Такие минуты не длятся долго. Когда мои чувства поблекли, сильнее прежнего вспомнились все сомнения, все, чего мне недоставало в жизни. В саду я почувствовал себя возмутителем спокойствия, грубым пришельцем и покинул это место.

Пира в тот вечер не затевали, но к вечерней трапезе собрались. Я со своего места вглядывался в лица, чутко ловил каждый взгляд, каждое изменение лица. За столом много смеялись, поднимали кубки в благодарность за изобильный урожай.

Только вот под наружным весельем каждый таил свои мысли и, казалось, отчаянно старался шуметь погромче, чтобы утопить их в гомоне.

Ел я с опаской, понемногу. Поднимая кубок,

радовался его непрозрачному металлу, скрывающему, что я не пью, а только пригубливаю вино. Кроме того, я понемногу отливал напиток в вазу с цветущими ветвями, удачно поставленную близ моего места.

Урсилла в зале не показывалась. Но моя мать сидела напротив госпожи Элдрис, а Тэйни среди незамужних девушек — по обычаю, за отдельным столом. Временами я ловил на себе взгляды Магуса. Но сейчас меня тревожила не его открытая неприязнь, а тайный умысел. Магус же, как я полагал, если и предпримет что против меня, то при всех и без ухищрений.

Разошлись мы рано. Ни у кого не лежала душа к песням и забавам. Владетель Эрах, хоть и сидел со всеми за столом, мыслями казался далеко и только изредка тихо переговаривался с Эргилом. И после каждой фразы брови его хмурились все сильней.

Меня снедало нетерпение. Стать самим собой, снова покинуть замок со всем, что в нем есть, открыть охоту за желанной свободой, упиться ею — мне все труднее было сдерживать это желание. И тогда я выскользнул из зала, направившись в свою комнату, потому что понимал, как неразумно выбираться за стены теперь, когда за мной

могут следить.

Только вот… Подумав спустя какое-то время, что теперь можно решиться на побег, и уже коснувшись дверного запора, я обнаружил, что двустороннюю задвижку закрепили снаружи. Вот когда я проклял себя за глупость! Забыть о таком простом способе удержать меня в башне! Не Урсилла ли околдовала меня на расстоянии, что я не додумался ничего предпринять на этот случай?

Я метался от стены к стене. Из окна не веяло прохладой. Нет, стены словно излучали жар, и он становился тем сильнее, чем выше поднималась луна, заливая комнату своими лучами. Я весь горел, задыхался…

Пальцы мои вцепились в одежду, сорвали тесную ткань, оставив наконец только пояс. Я опустил на него взгляд. Яргоновая пряжка пылала — словно жадно впитала в себя жар стен.

Блеск камня мутил мой взор и…

Я поднял голову и удивился своему положению — все виделось мне под необычным углом. Да ведь… я же стою на четвереньках… Нет! На четырех мягких лапах, а тело мое одето золотистым мехом. Хвост подергивался, отзываясь невольному сокращению мышцы, о существовании

которой я прежде не догадывался. Я открыл рот для крика, но из горла вырвалось тяжелое ворчание, звериный рык.

К дальней стене был прислонен блестящий щит, служивший не для боя, а вместо зеркала. Подойдя к нему, я увидел посреди блестящей поверхности отражение… пардуса!

Нет, я не испугался, не всполошился. Я высоко поднял голову, телом ощущая славное торжество. Что дурного находят люди в оборотничестве? Просто они в своем невежестве не понимают, какая малая часть мира доступна восприятию нашего вида — как оно скудно…

Расхаживая взад-вперед, я наслаждался движением мышц, быстротой и плавностью поступи. И так увлекся свершившимся чудом, что не услышал, как отодвинулась задвижка. Только когда огонь светильника изгнал лунный свет, я развернулся и зарычал.

Я успел увидеть блеск стали, понял, что Магус дождался своего часа и что меня ждет бой. Однако и в новом облике власть оставалась за разумом. Я не дал кузену так легко втянуть меня в свою игру.

Он пришел не один. В темном плаще со скрывающим половину лица капюшоном за его плечом

стояла Тэйни. На ее лице было написано отвращение.

— Убей его!

Ее хриплый шепот оцарапал мне уши.

Магус покачал головой:

— Нет, мы должны всем показать, что́ он такое, — слишком хорошо известно, как я его не люблю. Пусть никто не скажет, что я окровавил меч из-за наследства. Но ты видишь правду, сестра. Он оборотень. Узнав об этом, люди, запуганные по нынешним временам любыми проявлениями Тьмы, сами нас от него избавят.

Он, держа меч наготове, отступил назад. Захлопнулась дверь. Я услышал, как снова, запирая меня внутри, щелкнула задвижка.

О дикой охоте и моем от нее бегстве

На минуту зверь во мне взял верх. Я прыгнул на дверь, ударился о нее всем телом. Не знаю, чем Магус закрепил защелку, но держался запор крепко. Звук собственного рева помог мне смирить звериную половину. Я не знал и не догадывался, что́ задумал мой кузен, но был уверен, что моя жизнь под угрозой.

Куда девался восторг от нового тела? Теперь мне хотелось выбраться из него, вернуть привычный собственный облик. Но каким заклятием, какой уловкой его отвоевать? Я с горечью осознавал, как права была Урсилла, как права была мать в своем недоверии поясу. Мать назвала меня глупцом. Сейчас, в отчаянии, я находил для себя гораздо более жесткие имена.

Теперь уже ясно было, что произошло. Госпожа Элдрис — от торговца Ибикуса или другим путем — узнала тайну пояса и позаботилась, чтобы он попал мне в руки. Удобный способ убрать меня с пути своего любимца. Ведь Магус сейчас сказал правду — оборотни у людей кланов пользовались недоброй славой. Оборотень для них — чужак, подобный лесному народу, полукровка, которому не

станет доверять ни один чистокровный человек.

Люди в наших владениях и без того взбудоражены ядом подозрительности, мало-помалу отравившей их покой, и обойдутся со мной так же, как обошлись много лет назад с сыном госпожи Элдрис от оборотня — изгонят со своей земли. Только мне придется хуже, чем ему, ведь у меня нет родичей-оборотней, и никто не даст мне убежища.

Пояс… Я опустил голову, взглянул на свое мохнатое тело. Да, пояс остался на мне и в зверином обличье. Меховая полоска терялась в моей шерсти, зато яргоновая пряжка блестела ярко и чисто. А если от него избавиться? Не стану ли я снова человеком?

Но тщетно я царапал пряжку когтями, подцеплял и рвал меховую полосу — пояс держался. Окно? Выпрыгнуть, найти укрытие до захода луны? Из хроник мне была известна хотя бы эта малость: обычно превращения подвластны свету полнолуния.

Я поднялся на задние лапы, положил передние на подоконник, протиснул в окно голову и плечи. Моя комната располагалась на втором этаже, стена под ней была отвесной и гладкой. Я еще не так привык к новому телу, чтобы рискнуть на

прыжок, однако, стоя в оконном проеме, услышал тихий звук от двери.

В тот же миг я упал на все четыре лапы и прокрался на шум. Не послышалось ли мне, как кто-то украдкой сдвинул засов, державший меня в плену? Я колебался.

Если преграды больше нет — кто ее убрал? Магус ли выманивает меня наружу в своих темных целях? Или у меня нашелся друг, готовый сорвать планы кузена?

Я приподнял переднюю лапу, выпустил когти, запустил их в дверную щель. Медленно, беззвучно потянул. Дверь послушалась, качнулась ко мне. Не заперта. Убедившись в этом, я замер, прислушиваясь. Я уже знал, что слух мой намного острее человеческого. Да и воздух, который я втягивал широкими ноздрями, нес множество неведомых прежде запахов.

Снаружи ни звука. Ни намека на дыхание затаившихся в засаде. Я встал перед выбором: остаться и дожидаться плодов коварства Магуса или бежать, пока есть время, и встретиться с кузеном позже на своих условиях.

Весы склонялись к последнему. Я снова тронул лапой дверь, толкнул теперь сильнее, и она открылась. Свет за ней показался мне не таким

уж тусклым. Тут тоже сказалась врожденная зоркость пардуса. Я уже обдумал, что делать. Во всей этой каменной громаде лишь один человек мог прийти мне на помощь (не ради меня, а ради собственной выгоды) — Урсилла! Она посвящена в древние учения и, конечно, знает, как избавить меня от звериной шкуры, а если и нет, все же спрячет меня до часа, когда я сброшу нынешний облик естественным путем. Тогда… придется уступить и отдать ей проклятый пояс. Без него Магус ничего не докажет, ничего не сумеет…

Я бесшумно выскользнул за дверь. К сильному запаху человека здесь примешался другой, от которого я невольно зарычал, наморщив кошачий нос, — пахло собакой. Однако я никого не видел и не слышал. Тот, кто освободил меня из ловушки, не стал задерживаться. Пергвин? Откуда бы ему знать? Если только Магус не проболтался о своих подозрениях и планах.

Передо мной находилась лестница. Я тихо ступал по ступеням. Следующая дверь тоже была заперта, но здесь засов открывался с моей стороны. Я уперся лапами в дверь, мордой неловко подтолкнул стержень.

Кусок металла поддался не сразу, но все же шевельнулся наконец со скрежетом, громом

прозвучавшим в моих ушах. Я остановился, насторожил слух — подозрения мои усиливались. Что, если Магус подстроил все так, чтобы выманить меня на открытое место, всем на глаза прежде, чем я проберусь к Урсилле? Что мне было делать? Робко забиться в свой угол в ожидании разоблачения не позволяла натура.

Наконец засов сдвинулся, освободив дверь. Я отворил ее сильным толчком. И тут же канул в ближайшую тень, чтобы прислушаться и принюхаться.

Лошади… охотничьи собаки… человек… Запахи были сильные, но их я узнал бы, и будучи в своем теле. С ними нахлынули мириады новых, которых я не умел назвать. При всей решимости навсегда покончить с поясом и всеми его дарами, во мне всколыхнулось волнующее чувство свободы. Пришлось сдержать этот порыв усилием воли, пониманием, что единственная доступная мне свобода теперь — освободиться от пояса и наложенных им чар.

Я стал рассматривать Женскую башню. Наружную дверь на ночь запирали изнутри… Но мне вспомнилась Тэйни. Если она тайком выбралась наружу, ей ведь пришлось оставить дверь незапертой до своего возвращения? Однако по-

лагаться на это я не мог. За башней поднималась внешняя стена замка. Если взобраться на нее и пройти по гребню, я сумею запрыгнуть в окно материнских покоев, оно выходит на ту сторону. Другого пути я не видел.

Но до гребня пришлось бы добираться через кордегардию, по лестнице, по которой во времена осады поднимались защитники стен. Сейчас во дворе крепости стояла неестественная тишина, сама по себе внушавшая подозрения.

Намеченный мной путь вел в обход конюшен и псарни. Зная, как сильны и остры запахи животных, я допускал, что и лошади с гончими учуют крадущегося мимо пардуса. Внезапный шум среди ночи непременно меня бы выдал.

Но и на месте оставаться было нельзя. И вот, подметая брюхом мостовую, я пополз к избранной цели. Мне не суждено было добраться даже до угла конюшни.

Собачий лай разорвал ночную тишину, словно лопнуло само небо. На освещенный луной двор вырвался вожак своры, о котором мой дядя говорил, что пес готов схватиться даже со снежным котом. Собаки не умолкали, но и бросаться на меня не спешили. И все же их атака наполнила меня страхом и яростью, вытеснив все человече-

ское и дав полную волю звериному.

Я прыгнул, выпуская когти. Собаки с воем шарахнулись назад. Теперь, как видно, мой запах дошел и до лошадей, потому что они бесились в конюшне и дико ржали. Закричали, выбегая во двор, люди. Над ухом свистнула арбалетная стрела.

Собаки отрезали меня от ворот. Если не пробиться сквозь этот заслон, меня пристрелят, а из любого тайника выгонят псы. Вожак, Страшный Клык, стоял между мной и башней Отроков.

Из всех ощетинившихся, рычащих псов он один, казалось, был готов к схватке. Его глаза в полумраке горели красным огнем, губы оттянулись в оскале, хотя из горла не вырывалось ни звука. Зверь во мне распознал в нем готовность к бою, между тем как остальных еще удерживал страх.

Я подобрал под себя лапы. Дернул хвостом. И прыгнул, перелетев над грозным врагом. На этом я не остановился, а громадными прыжками бросился за ворота, на волю, обещавшую зверю во мне спасение.

Воодушевленные моим бегством собаки залаяли громче прежнего. Возглавлял их, конечно, Страшный Клык. Крики людей тоже усилились. Над головой у меня сверкнула огненная стрела,

ударила в сухое жнивье и, воткнувшись в землю, превратилась в факел, освещая дорогу погоне.

Эта стрела стала ответом на вопрос, ждала ли меня западня. Кто-то ведь спустил собак, кто-то приготовил эту стрелу и другие, мелькавшие сейчас вокруг. Кто-то не только готовился разоблачить меня как оборотня, но и задумал травлю. Если охота убьет меня, тот, кто ее затеял, оправдается, будто принял меня за настоящего дикого зверя. В душе я знал, что Магус решился со мной покончить.

Я слепо ломился вперед в попытке оторваться от своры и охотников. Что охотники появятся, я уже не сомневался. Тем временем мой разум опять подчинил перепуганного зверя. Да, мне необходимо было скрыться от погони, найти укрытие до времени, когда дневной свет рассеет чары. Но слепое бегство мне в этом не поможет.

Я никогда не выезжал на охоту. Странная реакция на меня лошадей и собак не позволила мне обучиться этому искусству, считавшемуся обязательным для мужчины. Итак, я не обладал знаниями, которые могли бы подсказать путь, разве только…

Разве только сознательно вызвать в себе зверя, дать ему полную волю. Посмею ли я? Такой выбор

представлялся мне горьким, но смерть страшила больше. И вот я вручил зверю власть над человеком, со страхом ощутив, как легко это далось.

Дальнейшее я наблюдал, словно глядя на себя со стороны. Тому, кто не испытал сам, трудно описать это странное внутреннее раздвоение. Но оно произошло и, думаю, спасло от участи, которую предназначил мне Магус.

Бег мой обгонял всадников, хотя вдали я слышал их крики и охотничий рог. Огненные стрелы втыкались в землю позади, на оставшихся за спиной полях.

Цепляя мягкую кору когтями, я взобрался на первое встретившееся по пути толстое дерево. Оно не обещало спасения. Собаки соберутся под ним и задержат, как в ловушке, пока не подоспеют хозяева. Здесь было много деревьев-великанов, по их нижним ветвям я мог, хотя и с опаской, пройти как по земле. С первой такой ветви я отчаянным прыжком перескочил на соседнюю, уцепился и продолжил путь поверху.

Пряча след, я оставил позади четыре дерева. Но с пятого пути по ветвям не было. Мне оставалось только махнуть прыжком как можно дальше, в заросли кустов, которые сломались под моим весом и основательно меня искололи.

Узкая полоса леса тянулась далеко на север, уходя в холмы, куда люди клана почти не захаживали. Но я точно знал, что там обитают другие, и кое-кто из них мог навести охоту на мой след. С другими жителями холмов я сам предпочел бы не сталкиваться ни в зверином, ни в человеческом облике. Найти бы место, где залечь до рассвета, и я спасен — так мне представлялось. Дальше этого я старался не заглядывать.

Лай своры отдалился и заглох. Может быть, мои прыжки по деревьям сбили собак со следа. Или они собрались стеречь первый ствол, на который я забрался. Теперь я уже не мчался вслепую, а перешел на ровный бег.

Справа слышался шум бегущей воды — может быть, тот же ручей, что приманил меня в первую ночь с поясом. Вода тоже могла бы скрыть след. Я свернул к берегу. Здесь в полную силу светила луна. Для моих кошачьих глаз свет ее был близок и ярок, как полуденное солнце для человека.

Я вошел в воду, невольно зашипев, когда влага поднялась к плечам, — мне не нравилось ощущение промокшей шерсти. Но я упрямо двигался вверх по течению. Не знаю, далеко ли я ушел, когда заметил на берегу скалы со множеством расщелин, сулившие зверю во мне неплохое

укрытие. Луна уже опускалась. Я был близок к победе. Если только продержаться здесь до утра…

Но все мои предосторожности, все расчеты были впустую. Надо мной захлопали крылья. Те же крылья стали бить меня по голове, по плечам. Боль пронзила тело — огромный ястреб вонзил клюв и когти мне в бока над бедрами. Я покатился по земле, пытаясь сбросить птицу, — внезапность нападения не позволила придумать ничего лучшего.

Напрасно я отбивался лапами, как делают разъяренные коты, — ястреб уже достиг своей цели. Последним отчаянным прыжком я едва не достал взмывавшую вверх птицу. Она уносила в когтях пояс — пряжка его удержалась, но кожаная лента свисала двумя разорванными кусками.

Я жался к камням. Разодранная когтями спина горела от боли. Страшнее боли был страх, что, лишившись пояса, я навсегда загнан в звериный облик. Как мало я знаю об оборотнях! И откуда этот ястреб?..

Птица не могла служить Магусу. Обычного хищника таким трюкам не выучишь. Нет, ястреб принадлежал либо неведомым и страшным лесным жителям, либо… От этой мысли у меня вырвалось рычание. Урсилла?

Я плохо представлял, как широки познания Мудрой. Зато к ее возможностям питал глубокое почтение. Не приходилось отрицать: Урсилла на такое способна. Я усомнился даже, была ли эта птица настоящим ястребом. Все знали, что владеющие Силами умеют призывать себе на службу очень странных созданий. Правда, живя с Урсиллой, я ничего такого за ней не замечал, но и не решился бы отрицать, что ей это по силам.

Если пояс у Урсиллы!.. Я, до боли измученный и основательно напуганный, огляделся, нашел взглядом трещину пошире и забрался в нее.

Я по-кошачьи вылизывал мокрую шерсть, тянулся зализать языком оставленные врагом царапины. Но до многих достать не удалось. Тогда я растянулся во весь рост, опустив голову на передние лапы. После долгой ночной погони тело просило сна. Отдохнуть… Я больше не мог противиться этому желанию.

Думаю, я почти готов был, проснувшись, увидеть себя в кольце охотников. Но проснуться надеялся человеком! Когда в мое укрытие проникло солнце и я разлепил глаза, им открылась вся правда. Я остался пардусом. Вот тогда я испытал настоящий страх — страх, впервые коснувшийся меня при виде пояса в птичьих когтях. Я заперт в

этом облике, и ключа к спасению нет.

А еще меня мучил нутряной звериный голод, непререкаемая потребность набить ноющий живот. И снова ради жизни пришлось подчинить человеческий разум звериной природе. Она и вывела меня к ручью.

В нем плавали рыбы. При виде их слюна наполнила рот и просочилась между зубами. Я подобрался. Быстрое движение — и рыба забилась рядом; это наполнило меня нелепым самодовольством от столь успешного испытания незнакомого искусства. Щелкнув зубами, я заглотнул добычу целиком, почти не почувствовав вкуса.

Водные жители скрылись, здесь мне больше нечего было делать. Пробравшись мимо скал на другое место, я повторил попытку — и промахнулся. Зато с третьего раза добыл рыбину вдвое больше первой. Покончив и с ней, я присел на задние лапы и огляделся.

Я понятия не имел, где нахожусь, знал только, что в лесном краю. И в какой стороне лежит замок, тоже не мог сказать. Можно было бы вернуться по ручью до места, где я вошел в воду. Только я не сомневался, что на этом пути повстречаюсь с Магусом и его сворой. Пока замок

не прекратил охоту, возвращаться было нельзя. Однако необходимо было выяснить, была ли птица, унесшая пояс и тем заперевшая меня крепче любых стен и замкóв, посланцем Урсиллы…

Те жители лесов, что водили дружбу с кланом, заметив меня, наверняка известили бы замок. Пардусы редко встречались у нас на севере — их родиной считались пустыни на юго-западе. Может быть, уже сейчас за мной следят зоркие глаза…

Эта мысль снова загнала меня в трещины скалы. Мне ненавистно было так трусливо таиться, словно мной правил страх. Однако бывает, что осторожность служит там, где отказывает другое оружие. Коль скоро я теперь сыт, можно отлежаться день и тронуться в путь ночью. Крупные кошки, скорее, ночные создания, и, может быть, под покровом мрака меня не так легко отличат от обычных в здешних лесах хищников.

Одолеваемый тревожными мыслями, я в тот день мало спал. Я видел, как переходили ручей две лесные лани. Пардус во мне встрепенулся с надеждой на мясо, а человек залюбовался их грациозной поступью и пожелал им удачи.

Человек во мне был еще жив…

Эта мысль наполняла меня темным ужасом.

Долго ли проживет человек, запертый в звере? Что, если вкусы и желания пардуса со временем будут набирать силу и Кетан утратит память и власть над телом, оставив лишь большого кота, которого рано или поздно выследят и убьют охотники?

Урсилла знала ответ… Она бы спасла меня — *если бы* до нее добраться. Может быть, за спасение придется дорого заплатить. И…

Эта мысль повлекла за собой другую. Не слишком ли дорога цена? Не лучше ли остаться пардусом, чем полностью отдаться Урсилле и матери, вручить им поводья своей судьбы, уподобиться тем неуклюжим грузным клячам, для которых в жизни нет другого дела, кроме как тащить телегу под ярмом, наложенным равнодушными людьми?

Теперь, когда погоня осталась позади, ко мне возвращались восторг и чувство свободы, и подавить их до конца я не сумел. Стать пленником… Нет! Пардус во мне не признавал плена. Лучше смерть, чем сети Урсиллы. Только вот… Если бы вернуть себе пояс, не вступая с ней в сделку?

Право, глупо было мечтать об этом. Я знал, что не ровня Урсилле — Мудрой, обученной всем искусствам. Как это я дерзнул хотя бы подумать о

победе над ней?

Мудрая…

Я поднял лежавшую на лапах голову — исцарапанные бока отозвались резкой болью.

В Арвоне не одна Мудрая. Есть и другие — Голоса, владеющие той или иной частью Силы. Да и здесь, в лесах, могут найтись такие, кто не слишком расположен к людскому роду, но, уступив хитрости или уговорам, поделятся своим знанием.

Мало было у меня надежды воплотить эту дикую мысль в действие. Но она упорно занимала ум, а возбуждение, рожденное поясом, подпитывало ее рост.

О лесной деве и Звездной башне

До сумерек я немного отоспался, и меня опять разбудил голод. Я побродил по берегу в надежде снова применить свое рыболовное искусство, но удачи не добился. То ли первым успехом я был обязан мимолетной милости судьбы, то ли утренняя ловля распугала рыб, хотя второе казалось менее вероятным.

Нужно было поесть, а пища, которой я мог бы продержаться в своем настоящем облике, — ягоды, коренья и тому подобное — мне теперь не годилась. Мне требовалось мясо, и голод быстро увлек пардуса на охоту.

Я еще брел по воде вдоль берега, когда мой звериный нюх насторожил новый запах. Мясо — на копытах и не так уж далеко. Звериная натура, как и при бегстве из замка, взяла верх. Сейчас я был только пардусом — и нисколько не человеком.

Я в два прыжка взлетел на каменный пригорок. Легкий ветерок донес до меня густой запах добычи. Глаза, лучше человеческих приспособленные к сумеркам, легко рассмотрели, кто там фырчит, хрюкает и роет землю внизу. Семейство кабанов, с устрашающе клыкастым вепрем во главе, на-

правлялось к ручью.

Даже пардус не спешил бросить вызов такому грозному противнику. Кабаны — одна из величайших опасностей леса, их не без причины побаиваются даже те, кто не устрашится загнать на дерево снежного кота. Клыки у них острые, а коварство не раз давало себя знать охотникам. Они умеют сдвоить след и из засады подстеречь неосторожного, вторгшегося в их владения.

Моим лучшим оружием была неожиданность. Я крался, беззвучно перетекал по камням, как это умеют только кошки, когда их заставит нужда.

Поросята и даже взрослая свинья обещали более вкусный ужин, но я понимал, что должен схватиться с вепрем, потому что, пока он жив и в силе, мне грозит большая опасность. Мышцы мои напряглись для прыжка.

Свинья с поросятами и двумя подлетками фыркала чуть поодаль. Вепрь рыл клыками землю, докапывался до какого-то скрытого в ней лакомства.

Я прыгнул молча. И приземлился точно, своей тяжестью сбив на землю зловонную добычу. Один короткий щелчок зубов, один удар лапой, в который я вложил все силы, и кабан замер со сломанной шеей.

Услышав хрюканье, я поднял голову и предостерегающе заворчал. Свинья обернулась ко мне, заслоняя свой выводок, и во всех линиях ее тела ясно читалась ярость.

Я снова заворчал, глядя в ее красные глазки. Бросится или нет? Уступая супругу силой, она, загнанная в угол, оставалась бойцом, который заставил бы призадуматься любого врага. Я припал к земле за тушей вепря, приготовившись броситься ей навстречу.

Младшие поросята тонко визжали, раздражая мой слух, а старшие копытили землю. Но с места они не двигались, словно ожидали неслышимого приказа матери.

Видя, что матка не рвется в бой, я решил, что она думает только о защите выводка. Схватив убитого вепря, я стал медленно отступать, пристально наблюдая за свиньей. Она все урчала и, склоняя голову, рыла нижними клыками истоптанную землю. Являла собой картину жгучей злобы, но ко мне не приближалась.

В конце концов она подняла тяжелую башку, хрюкнула напоследок и развернулась с проворством, которого я не ожидал от ее породы. Подгоняя перед собой выводок, с двумя старшими поросятами по сторонам, она увела семейство

в лес. Я же смог спокойно затащить добычу на пригорок и там утолить голод, решительно закрыв человеческие глаза на то, что делаю, и дав полную волю пардусу.

Я еще не закончил, когда услышал шорохи по сторонам и понял, что на безопасном расстоянии от меня собираются привлеченные запахом пира падальщики. Стоит мне отойти, они передерутся за объедки и вскоре между камней останутся только дочиста обглоданные кости.

Поев, я захотел пить — но не здесь. Не было желания снова столкнуться с кабаньим выводком. Один раз я отогнал свинью, но, если она снова наткнется на меня и сочтет угрозой своим поросятам, меня ждет схватка опаснее прежней. В недавней легкой и чистой победе снова сказалась благосклонность судьбы. Не стоило слишком часто испытывать удачу.

Медленно вставала луна. Ее свет еще не отразился в воде, когда я напился и дочиста вылизал шкуру. Утолив голод и жажду, звериная половина задремала. Я снова мог думать.

Поиски какой-нибудь лесной Мудрой сулили мало надежды и много трудностей. Но и вернуться в окрестности замка, где наверняка поджидали охотники Магуса, я не смел. Если только мать с

Урсиллой сумели надавить на него, заставили отказаться от замысла по устранению препятствия в моем лице? Угадать, что происходит в покинутом замке, я не мог. Лучше было обратить мысли к тому, что лежало впереди.

Я отдыхал у ручья, а глаза и уши доносили мне о происходящем вокруг. Я слышал шорохи, ловил запахи. Крупные ночные мотыльки метались над водой, поедая взлетавших из тростника мелких крылатых созданий. Временами на этих мотыльков кидался иной воздушный разбойник. Земля, вода и воздух надо мной кишели жизнью, которой я никогда не замечал в бытность человеком.

Не видя перед собой другой дороги, я решил держаться ручья. К берегу его тут и там выходили звериные водопойные тропки. Может быть, попадется и такая, что служит людям или сходным с ними существам, с которыми я сумею договориться. Вот за какую тонкую ниточку надежды мне приходилось цепляться!

На пути я ловил множество запахов, но мой пардус все их признавал звериными. Если мне и случилось пересечь владения лесного народа, мои новые, обостренные чувства об этом не предупредили. Я уже почти отчаялся найти разум, способный понять мои беды.

Когда надежда моя совсем сникла и готова была растаять, я услышал тихое пение, рожденное не журчанием текшего слева ручья. Поднимающаяся и ниспадающая мелодия влекла меня к себе как заклинание.

Я, сколько позволяли саднящие раны на спине, вскинул голову и втянул ноздрями ночной воздух. Человек! Впереди было существо того рода, к которому принадлежал и я, пока меня не поработило проклятие пояса. А если человек выбирает жизнь в лесу, он наверняка связан с Силой!

Я крался меж деревьев, и с каждым шагом пение доносилось громче. Я мог бы уже различить слова, но они ничего не говорили моему уму. Зато Сила их откликалась мурашками под моим мехом, ответным волнением на каждый звук. Когда рядом творится колдовство, оно непременно задевает каждого.

Наконец я затаился за поваленным деревом на краю поляны, где луна ярко освещала колонну блистающего, полыхающего горного хрусталя, горевшего под лунным светом внутренним огнем драгоценного камня. Живое пламя, скрытое в колонне, свивало кольца и переливалось непрерывным игривым движением.

У подножия колонны, окружив ее, плотно росли

цветы: на каждом стебле один серебристо-белый цветок, миниатюрное отражение небесной луны, навстречу которой они раскрывали лепестки, словно жаждали ее света. Цветы источали тонкий аромат, свежее дыхание весеннего бриза, хотя кругом была осень.

Из-за колонны холодного пламени показалась певица. Она держала на бедре широкую плоскую корзину и роняла в нее сорванные цветочные головки. Выбирая цветок, она напевала.

Ее тело в лунном свете белизной и красотой равнялось снимаемой ею жатве. Единственной одеждой ей служил пояс на тонкой талии, поддерживающий короткую бахрому юбки, тихо звеневшую при каждом движении. На каждую нить или тонкую цепочку этой бахромы были во множестве нанизаны серебристые диски.

Между маленькими девичьими грудями певицы висело рогатое изображение месяца, кажется, из того же огненного хрусталя, что и колонна, которую она обходила кругом. Длинные темные волосы на затылке схватывала серебряная нить, но пряди были так длинны, что касались юбки с дисками.

Я никогда не видывал таких даже среди лесного народа. Нюх пардуса уверял, что она человеческо-

го рода, но ни одна девушка кланов не ушла бы одна в лес для обряда Силы под луной. Конечно, она из Мудрых. Но и от Урсиллы она отличалась, как первый луч рассвета от осадка долгого мутного дня.

Трижды она обошла колонну, и груда цветочных головок переполнила корзину. Тогда стоявшая вполоборота ко мне девушка, двумя руками подняв корзину, обратилась лицом к луне и запела громче. Быть может, она благодарила за собранный урожай.

Была ли она красива? Не знаю, ее нельзя было судить мерками замка. Но что-то во мне рвалось на свободу из мохнатой тюрьмы. Тогда, глядя на нее, я внутренне был только человеком, мужчиной, увлеченным прекраснейшим, что скрывается в женщине.

Так велика была ее власть надо мной (собственная сила, а не Сила Мудрых), что я, ни о чем не думая, поднялся и шагнул к ней в лунном свете, забыв и о своем обличье, и обо всем на свете. Девушка опустила корзину и в упор взглянула на меня. Ее лицо выразило изумление.

Это изумление заставило меня опомниться, и я уже готов был снова метнуться в заросли, когда девушка опустила корзину на бедро. Ее правая

рука теперь чертила в воздухе знаки, какими посвященные защищают себя и распознают угрозу.

Начерченные ею линии можно было видеть, как виден на миг след факела в темноте. Она заговорила, о чем-то спросила меня. Но язык был мне не знаком, я не понял ни слова.

Не дождавшись ответа, она, казалось, обеспокоилась. Заново начертила знаки, словно проверяла себя. Когда же линии погасли, она заговорила снова, на сей раз на языке кланов и равнин.

— Кто ты, ночной гуляка?

Я хотел назвать свое имя, но из звериной пасти вырвался лишь странный гортанный крик.

Тогда она указала на меня двумя пальцами и произнесла другие слова Мудрых, не сводя с меня внимательного взгляда.

Я снова попробовал заговорить. Но теперь с испугом понял, что, связанный ее заклятием, не могу даже раскрыть рта. Девушка же больше не смотрела на меня, уверенная, как видно, что я больше не помешаю ее занятиям. Отставив на время корзину, она подняла с земли плащ с капюшоном, укрылась под ним, мгновенно превратив лунное серебро в серую тень.

Снова взяв корзину, она скользнула за деревья. Я бы заплакал, как лишенный последней надеж-

ды человек, или взвыл бы, как зверь, у которого отняли законную добычу. Но наложенные ею узы держали так крепко, как если бы она заключила меня в хрусталь колонны.

Я всеми силами рвался на свободу, и узы стали слабеть. Наконец я сумел шевельнуться, хотя и медленно. Мало-помалу возвращались силы. Едва держась на ногах, я проковылял к тому месту, где она исчезла из виду, и приказал звериному нюху искать ее след.

Поначалу я шатался и натыкался на стволы, потом шаг мой стал тверже. Идти, чтобы не сбиться со следа, пришлось медленно. При всей остроте моего обоняния запах то и дело ускользал, как если бы девушка позаботилась его скрыть.

И вот направлявший меня запах пропал, затерялся в облаке незнакомых ароматов, то сладких, то едких, то пряных. Я стоял на краю новой поляны, во много раз больше той, где юная Мудрая творила свое колдовство. Эта была не обычной лесной прогалиной, а ухоженным садом.

Грядки с растениями (совсем не похожими на те, урожай которых я помогал снимать с наших полей) расходились от подножия башни. Лунный свет обрисовал строение, тоже непохожее на постройки клана, в котором я воспитывался.

Лесной дом был и не круглым, и не квадратным — две самые обычные формы башен, — а пятиконечным, словно увеличенная звезда, выведенная Урсиллой на полу тайной комнаты.

Между лучами стояли тонкие шесты, доходившие до второго и третьего ряда окон. Эти шесты или посохи мерцали слабым светом и окружали светящейся дымкой саму башню. Я угадал, что они дают какую-то защиту, должно быть более надежную, чем все, известное кланам. Камни постройки в этом сиянии блестели сине-зеленым отливом, как не блестят обычные каменные глыбы.

Крадучись по опушке, чтобы осмотреть башню со всех сторон, я заметил свет в нескольких окнах. И не усомнился, что это — дом моей Лунной колдуньи. Едва ли она жила здесь одна. На дальней стороне от того места, откуда впервые увидел башню, я нашел загон с навесом для лошадей. Кони под ним были непохожи на известных мне животных и удивили меня не меньше башни. Несколько лошадей паслись в загоне, две вместе с жеребятами.

Должно быть, мой запах долетел до них, потому что лошади вскинули головы, а жеребец затрубил. Но я не стал подходить ближе, и он,

умолкнув, рысцой забегал вдоль изгороди между мной и своим табуном. Я удивился, что другие лошади не горячились, как обычно бывало в моем присутствии. Вскоре они снова мирно паслись, и даже жеребец, видя, что я не нападаю, остановился, повернув голову, чтобы следить за каждым моим движением. В нем была настороженность, но не было страха.

Я обошел по опушке полный круг. Единственный вход в башню открывался с севера, между двумя лучами звезды. Во всем облике здания сквозил дух таинственности и… мне пришло на ум одно слово: отшельничество, словно те, кто в нем укрывался, своей волей избрали путь в стороне от людей.

Я не сомневался, что у них есть средства отстоять свою любовь к одиночеству. Однако мы, потомки Древней расы, всегда узнаём скрытую тень. Звездная башня не отпугивала смрадом зла. Я отыскал под одним из кустов сада место, где можно было растянуться во всю длину, не теряя из виду дверь. Во мне снова затеплилась надежда.

Время от времени я моргал, глядя на слабо светившееся окно, видное из моего логова, и гадал, не за этим ли окном моя Лунная дева. Зачем она

собирала лунные цветы? Какие чары сейчас творила с их помощью? А я даже не сумел ответить на ее вопрос!

Поднявшись, я покружил немного и снова улегся. Ночь была уже поздняя. Луна спускалась со склона небес. И вот тусклый огонек в окне задули. Теперь Звездную башню осеняла только дымка от шестов.

Голова моя сама легла на лапы. Легкий ветерок, пролетая над садом, доносил запахи трав. Такого множества целебных растений я еще не видал, и среди знакомых мне замешались такие, которых я не мог бы назвать по имени. Выложенные речными голышами грядки разделялись тропинками, позволявшими легко добраться до посадок.

Одни растения уже увядали, спешили уснуть на сезон холодов, до которого оставалось еще около месяца. Другие торопились расти, словно хотели до конца года принести побольше плодов.

Мне были знакомы только заклинания Урсиллы. Она творила их с помощью трав и пряностей, по щепоткам закупавшихся у торговцев. Но ее травный огород был малой горсткой перед здешним изобилием. А собиравшая цветы Лунная дева… Должно быть, ее магия связана со всем, что

растет на земле. Зеленая магия?

Иные по невежеству толкуют о Белой и Черной магии, подразумевая чары, творимые на благо человеческому роду, и другие, от вечно грозящей ему Великой Тени. Но посвященные в таинства так не скажут — для них существуют разные виды магии, и у каждой есть темная и светлая сторона.

Есть Красная магия, занимающаяся здоровьем тела, телесной силой, а также искусством войны. За ней идет Оранжевая магия, ее дело — вера в себя и сила желаний. Желтая — магия разума, логики и философии, ее еще называют тауматургией. Зеленая не только управляет природным ростом и плодородием, но и занята красотой и человеческим трудом, создающим прекрасное. Голубая взывает к чувствам, к почитанию богов, в которых веруют люди, к пророчествам. Синяя имеет дело с погодой, с бурями и предсказаниями звезд. Из Пурпурной магии следует черпать с осторожностью, потому что в ней таятся семена вожделения, ненависти, страха, жажды власти — и ее слишком легко обратить во зло. Лиловая — чистейший дух среди других духов, и мало кто, даже из Голосов, смеет сказать, будто обуздал ее. Ну а Коричневая магия — волшебство лесов и

полян, животного мира.

Известные мне обитатели лесов применяли Зеленую и Коричневую магию. Эти две ближе всего к земле, и их труднее использовать не по назначению.

Однако не бывает такого Дара, который позволял бы черпать лишь из одного источника, и каждый смешивает те и эти заклятия, взывая к тем Силам, что наиболее склонны исполнить задуманное колдуном. Все можно обратить во зло, подпав под власть Тени. Но на избравших этот путь Сила грозит обрушиться одиннадцатикратно, если желание в них возобладает над их Даром.

Зеленая магия здешних мест несла утешение. Вместе с запахами трав я вдыхал добродетель этого сада. Если бы объяснить живущим здесь, какое проклятие меня поразило, они, надо думать, сумели бы мне помочь.

В ту ночь я унес с собой в дремоту надежду, и мне уже не было дела, что проблески рассвета погасили сияние посохов и дневной мир зашевелился, просыпаясь. Одну мысль удержал я в сознании, беспомощно проваливаясь в зачарованный сон: что здесь я найду — не друга, на это я не смел надеяться, — но того, кто меня поймет

и… может быть… окажет помощь.

О том, как я видел сон и после попал в беду

Я был далеко, в местах, совершенно чуждых людям моего вида. Какого вида? Кого я мог теперь назвать родичами? Ведь и здесь я остро ощущал две слившиеся во мне натуры. И они не хотели мирно уживаться во мне бок о бок, а непрестанно состязались за власть, и то одна, то другая ненадолго выбивалась наверх.

Однако там, куда я попал, две мои воинствующие природы временно заключили перемирие, потому что обе оказались под угрозой. Я не сумел бы объяснить, откуда во мне такая уверенность. Но две стороны моего внутреннего «я», сплетаясь в краткосрочном, нестойком единстве, двигались…

Там, в не представимом наяву месте, я обходился без тела. Непреодолимая сила уносила меня, как сорванный ветром листок.

Я видел не человечьими и не кошачьими глазами. Все, что было вокруг, доходило до меня посредством другого чувства, которому я не знал названия. Оно говорило мне, что вокруг серый

мир, в котором нет ничего плотного и твердого, одни тени. Эти тени, среди которых меня кружило, казались поистине удивительными. В некоторых я узнавал черты животных, в других — чудовищ. Третьи принимали образы мужчин и женщин. От таких всегда исходил раздирающий душу страх или ужас, и я сжимался, сторонясь их.

Никто, казалось, не замечал не только меня, но и друг друга. Каждый был заперт в собственном мирке страха и отчаяния. Их не влекло вперед, как влекло меня. Они трепетали, перепархивая туда-сюда, словно в поиске, которому не предвиделось конца.

Чем дальше, тем плотнее становились тени. Серые клочья тумана темнели, набирали плотность. Они уже не парили над землей, а метались задыхающимися рывками, а то вдруг замирали. Были и такие, что медленно ползли, словно придавленные тяжким грузом собственных темных тел.

Этих я видел яснее, потому что впереди повисла искорка света. Меня она привлекала, хотя другие темные фигуры ее как будто не замечали. Для меня не было ни выбора, ни выхода. Теперь во мне поднимался страх, чтобы сразиться с ужасом,

как будто два моих «я» снова пробудились для битвы. Но это было не так, потому что и человек, и зверь, трепетали перед угрозой, скрытой в этой яркой искре.

Блеск ее делался все ярче. К счастью, я не тонул в провалах, поглощавших тени других людей у меня на глазах. Поток воздуха нес меня дальше и дальше. Из камней вырастали длинные извивающиеся щупальца. Тени старались огибать их, как уклоняются от ядовитого растения.

Свет своей яркостью уже слепил то, что сейчас заменяло мне зрение. Потом он стал разгораться и меркнуть. Я знал — понял, — что он порожден словами, что меня призывает наложенное заклятие.

Спасения не было. Сила чар увлекала меня к их источнику. Достигнув его, я беспомощно завис, не в силах отвернуться от сияния. Теперь я видел, что передо мной окно, проем в ткани мира. Чары вынудили меня заглянуть в него…

Свет был пятиконечным, расходился лучами огромной оранжевой звезды. Кто стоял в ее центре, я не мог различить — слишком ярким, режущим был свет, окружавший смутную фигуру.

Но сотворенное ею колдовство тянулось ко мне.

Урсилла!

Она снова пыталась меня подчинить. Она…

Я отчаянно отбивался. Человек и зверь в этой борьбе сплавились воедино. Мне нечего было противопоставить ее колдовству, кроме усилия воли. Но воля придала силы тому, что скрыто в каждом живом существе, — отказу принять гибель без борьбы. Быть может, эта защита была во мне тем сильнее из-за моей двойственной природы. Я знал: если отвечу на призыв Урсиллы, Кетана не станет. Останется лишь та часть меня, которая полностью покорна ее власти.

Звезда обернулась огненной печью, опалила меня. Ее огонь питался гневом Урсиллы на мое упрямство. Она готова была обратиться к другому оружию, которое было у нее под рукой, наготове. Ее намерения были ясны мне без слов. Если я сейчас покорюсь — какая-то часть Кетана останется в живых. Если же заставлю ее приложить для моего подчинения всю Силу, то мое внутреннее ядро станет одной из теней, безнадежно скитающихся в этих чуждых человеку местах. То, что вернется в наше время и место, будет пустой оболочкой, которую Урсилла наполнит иной сущностью, целиком послушной ее воле.

Рыжее пламя власти и управления изменилось,

угрожающе потемнело. Переливы цветов вытекли из лучей звезды. Остался один — пурпурный багрянец угрозы. Вернись — или погибни!

Но мои объединившиеся души, как бы ни были запуганы, как бы ни ужасались, не желали сдаваться. Я знал, какое наказание мне грозит, но в Кетане сохранилось нечто, не способное покориться, не позволявшее Урсилле добиться своего. Я не знал, откуда пришло это всепоглощающее отвращение к предложенной сделке, но оно придавало мне твердости.

А потом…

Звезда, уже почти сплошь багровая, лопнула. Брызнула лучами и в тот же миг рассыпалась, словно порванная уверенной рукой ткань, страна теней. В прорывы хлынула непроницаемая Тьма. Я покачнулся и стал неудержимо падать.

Жар еще палил меня, но не столь жестоко, как недавно — языки огненной звезды. Я открыл глаза в полуденном свете: над головой огненным шаром висело солнце.

Слишком резким был переход. Я затерялся между миром яви и миром Тени. Но, придя в себя, я увидел женщину на одной из дорожек, расходившихся от Звездной башни и деливших на ломтики ее заросли трав.

Ко мне медленно возвращалась память. Подняв голову, я понял, что остался пардусом, все еще в ловушке звериного тела. Что-то спасло меня от Урсиллы, это я понимал. И с изумлением разглядывал женщину, в которой угадывал спасительницу.

Это была не моя Лунная дева, хотя и так же тонка телом. И лицо ее было юным, кроме лишь глаз, в которых отражалась мудрость многих лет. Я не усомнился, что это женщина, хотя одета она была в узкие штаны и дублет, зеленый, как скрывавшие ее до колен растения.

Волосы, заплетенные в тугие косы, лежали на голове темным венцом с рыжими отблесками. И кожа ее была темной, как у людей, много времени проводящих под открытым небом.

У ее ног стояла корзина с пучками сорванных трав. Но взгляд мой приковало то, что она держала в руках, нацелив на меня, как мужчина держит копье, предупреждая или отгоняя врага.

Я узнал жезл Силы, хотя этот был не похож на изрезанный рунами жезл, который Урсилла хранила в самом потайном сундуке, — тот был костяной, с таинственными надписями, выложенными черным и красным. Жезл женщины больше походил на свежесломленную ветвь

— прямую и гладкую. На обращенном ко мне кончике ярко зеленел единственный лист, острый, как наконечник копья.

Я встретил взгляд женщины, смотревшей на меня так же испытующе, как, бывало, смотрела Урсилла. Она тоже была Мудрой, хотя я чувствовал, что ей служат не те Силы, что отзывались на призывы Урсиллы.

— Кто ты?

Женщина не опускала жезла-копья. Думаю, сделай я хоть одно враждебное движение, быстро бы убедился, что это не просто прутик с листом на кончике.

Слова не складывались. Попытка заговорить обернулась лишь сдавленным рычанием.

Она чуть склонила голову, как бы вслушиваясь.

— Колдовство, — снова заговорила женщина. — Сила велика, да мало умения. Я ночью почувствовала твой приход. А теперь… ты привлек то, что не от нашего мира. Этого мы допустить не можем. Позволить хотя бы намеку на Тьму приблизиться… о!

Она возмущенно качнула головой.

Мое звериное горло испустило крик о помощи. Если эта Мудрая уничтожила дотянувшиеся до

меня чары Урсиллы (а я был уверен, что это она порвала мир Тени), то, верно, сумеет и спасти меня, указать выход из этого тела.

Я медленно потянулся к ней. Выполз из-под куста на брюхе. Пусть мое тело расскажет, как мне плохо, пусть безмолвно взывает о помощи. Я всеми силами выражал смирение.

— Нет, — отвергла она меня. — Когда Тьма наносит удар и зло гуляет по земле, мы не откроем Ворота смердящему Тенью. Не знаю, кто ты и зачем принес к нам свою беду. Но я ничего не могу для тебя сделать. Позволить тебе остаться, даже… — Она помолчала. — Даже если бы ты мог. Не думаю, что такой, как ты, может войти в наше убежище. Хотя, если сумеешь… Тогда, пожалуй, другое дело…

Казалось, ее неприступность дала слабину. Я полз вперед. Но стоило мне поставить лапу на дорожку, на которой стояла женщина, навстречу мне полыхнула зеленая вспышка. Свет исходил не из ее жезла, а из земли, и моя протянутая вперед лапа зазвенела болью. Я накололся на какую-то защитную стену. Значит, женщина сказала правду, круг Зеленой магии меня отвергал.

Этот удар ослабил власть моей человеческой природы. На миг я перестал быть Кетаном, запер-

тым в тюрьму звериного тела. Нет, я был сейчас пардусом, разозленным препятствием своему яростному желанию. Я хлестнул хвостом и возвысил голос в зверином реве. Я прыгнул — и тотчас был отброшен невидимой преградой.

Лицо женщины изменилось. Подняв одной рукой жезл, она рассекла воздух хлестким ударом. Ударила по воздуху, но болезненные царапины от птичьих когтей отозвались обжигающей болью, хотя жезл даже не коснулся моего тела.

Я взвыл по-кошачьи. Боль только распалила ярость, загнав человека еще глубже. Убей… убей! Этот приказ словно выкрикнули мне в прижатое к голове ухо. Я опять зарычал и ударился об стену, отделившую меня от той, в ком я сейчас видел только добычу.

И снова жезл рассек воздух. Удар пришелся мне по израненной спине и бокам. Теперь даже зверь смутно осознал, что бессилен, что продолжение этой неравной борьбы только причинит новую боль. Рыкнув напоследок, я отступил в лес. И не оглянулся.

Едва я ушел, человек во мне снова пробился на свободу. Пардус покорился ему. Мысль о поражении мучила разум не меньше, чем боль от ударов по телу. Неудачный штурм, конечно,

отрезал мне все пути к объяснению с жителями Звездной башни. Я знал так же верно, как если бы та женщина поклялась в этом Именем Силы, что больше мне нигде не найти помощи.

Я уже не думал, куда иду. Не надеялся отыскать в лесу существо, которое пожелает стать мне другом. И другие могли бы предложить мне убежище — но только в своих целях. Их следовало избегать так же, как я избегал Урсиллы.

Женщина из башни спасла меня от удара Урсиллы. Но только потому, что близкое колдовство угрожало ее собственной безопасности. Я сильно сомневался, что судьба второй раз одарит меня такой удачей. Урсилла же найдет другие, не менее мощные заклятия, и, наверное, не одно.

Я заметил, что, блуждая без цели, возвратился к маленькой поляне с колонной и лунными цветами. Цветы на солнце закрыли чашечки, оставив на виду лишь серо-зеленые бутоны да несколько увядших, сухих головок, а колонна лишилась внутреннего огня, пылавшего в ней ночью. Я задержался под сенью одного из деревьев, ограждавших это заколдованное место. Должно быть, оно для меня тоже закрыто? Во мне еще жила надежда, что некая благосклонная Сила защитит меня от преследований Урсиллы. Но где

найти такую?..

Я присел на задние лапы, как приседают кошки перед прыжком на добычу. А потом, припадая на брюхо, униженно, как перед хозяйкой башни, шаг за шагом пополз вперед.

В этот раз я не уловил бодрящего запаха от плотно закрытых цветов, не ощутил чарующей красоты поляны. Можно было подумать, что обитавшие здесь чары покинули ее, потому что я вступил в лунный сад и даже добрался до колонны, не ощутив тока Силы, как в ночь накануне.

Я тронул колонну носом. Камень, не хрусталь — мертвый камень. Здесь больше не на что было надеяться.

Я медленно удалился. Снова к реке — я был голоден. Но голод мучил не только тело. Всю жизнь, даже живя среди себе подобных, я был изгоем. Раньше я не вполне осознавал свое одиночество, теперь же, в час полной отверженности, оно легло на меня железным ярмом, приковало цепями к тому Кетану, который никогда не разделял с другими людьми ни мыслей, ни жизни.

Есть еще Всадники-оборотни…

Мелькнула мысль разыскать их в надежде, что существа, всю жизнь проводящие в двух обличьях, смогут принять и меня. Но те были

оборотнями по крови и собственному выбору. Это странное свойство было для них прирожденным. Для меня же, как и предупреждала мать, оно стало проклятием, отрезавшим от привычного мира.

Видно, госпожа Элдрис так и задумала: убрать меня с дороги Магуса, изгнав из общества людей? С этим я мог бы смириться. Как смирился с криком Тэйни: «Убей его!», когда девушка смотрела на меня из-за плеча брата, стоявшего с обнаженным мечом. Ничто не связывало меня с моей нареченной, не о чем было жалеть.

Облик Тэйни, какой я видел ее в последний раз, бледнел в моей памяти. Его вытеснил другой, врезавшийся так глубоко, что я как сейчас видел ее в лунном свете — живой хрусталь с корзиной цветов в руках. Юная колдунья, заклинательница луны… Но она принадлежала к Звездной башне, а та для меня закрыта.

Подо мной зажурчала река. Я спустился на песчаную отмель, разрезавшую поток почти надвое, опустил морду в прохладную воду, напился вдоволь. Наверное, утоляя забытую до того жажду, я сумел загнать в глубину сознания все надежды и домыслы, приняв необходимость жить настоящим, а не прошлым и не предвкушением мрачного будущего.

Я снова взялся за рыбную ловлю, и удача одарила меня парой чешуйчатых тушек, которые я жадно сожрал, не оставив падальщикам даже колючего плавника. Вокруг меня шла обычная лесная жизнь. Я не чуял в ней ни врага, ни охотника, ни Силы.

Из земли косо выступала скала, под ней я нашел укрытие от солнца. И лег, страшась заснуть, страшась вернуться во сне в сети Урсиллы. Но боялся Кетан, а пардус был чужд таким опасениям. Любому коту, большому и маленькому, свойственно спать больше человека. И я не сумел справиться с потребностями нынешнего тела.

Проснулся я ближе к сумеркам. Быть может, из забытья, к счастью не потревоженного на этот раз видениями, меня вывел звериный нюх. Подняв голову, оглядевшись, я почуял опасность.

Что за опасность, откуда она исходила, я не знал. Только сердце у меня билось чаще и губы пардуса сморщились в беззвучном рычании. В первые мгновения я высматривал естественные опасности и не сразу понял, что угроза исходит не из этого мира. Урсилла! Эта мысль сразу привела за собой другую: она меня выследила, и борьба между нами начинается сызнова!

Я, не раздумывая, обратился в бегство. Вы-

скочив из ниши под камнем, помчался прочь большими кошачьими прыжками прежде, чем осознал, что происходит. И только на открытом месте заметил, что бегу не один.

Не обращая внимания на меня, своего природного врага, рядом, закатывая глаза в страхе, неслись два мелких лесных оленя. Следом бежали трое волков — редких зверей, ставших для людей клана почти легендой. В кустах и зарослях травы шуршали создания поменьше, в просветах иногда мелькали их мохнатые зады.

Поняв, что охота, если и идет, то не за мной, я поколебался в уверенности, что это игра Урсиллы. Но ужас не давал мне замедлить бега. Страх, завладев душой и рассудком, гнал меня вслед за остальными.

Бывает такая охота, когда загонщики вспугивают дичь и гонят добычу на поджидающих стрелков. В сознании Кетана нынешний удар страха уподобился колотушкам загонщиков. Но я не слышал ни охотничьего рога, ни медного звона позади. Меня гнало и подстегивало что-то иное.

Да, шла охота. Только гончими, не дававшими нам свернуть и остановиться, были создания Тьмы, одно дыхание которых обращало всех в бегство. Едва я пришел к этой мысли, паника

немного отступила, подгонявший меня страх ослабел.

Нет, я не замедлил бега, это было не в моих силах, но стал забирать вправо. Потому что успел заметить одну странность: все испуганное зверье мчалось в одну сторону, словно держалось предначертанного пути.

Я же сворачивал все правее, пока не решил, что достиг самого края этой дороги. Тогда я вложил все силы в могучий прыжок — не вперед, а в сторону.

Пардус по крутой дуге взвился в воздух. А потом…

Я больше не владел своим телом. В падении паника возродилась в полной силе, изгнав из меня разум, оставив лишь звериный ужас. Сейчас я ударюсь оземь…

Но…

Что-то сомкнулось вокруг моего живота. Я дернулся, извернулся и увидел, что связан, обвит толстыми веревками. Попался в сеть!

О снежном коте и обитателе призрачных руин

Сколько я ни бился, все тщетно. Извиваясь, я лишь туже затягивал на себе веревки силков. А те, впиваясь, жгли тело живым огнем, пока я не замяукал от боли и ужаса.

Державшие меня веревки составляли часть паутины. С трудом прояснив мысли, заменив бессмысленный страх человеческим разумением, я распознал сходство обвивших меня тенет с нитями маленьких, усеянных росинками кружевных сетей, какие видишь ранним утром в саду или в поле.

Какая тварь могла свить паутину, способную удержать бьющегося, вырывающегося пардуса? Озноб от этой мысли остудил пыл борьбы и позволил сознанию Кетана взять верх.

Никто из наших людей не рисковал забираться далеко в лес, тем более в холмы за лесом. Мы знали о тех запретных землях понаслышке, по горстке историй и впечатлений. Почти все сходились в одном: там можно увидеть и повстречать множество странных существ. И мало кто из них

рад был моим сородичам — разве что как обеду.

Паутина, которую я, сражаясь, намотал на себя, притянула меня к высокому осколку скалы. Сейчас, при свете дня, я различил на ней резьбу — глубокую, но так стертую временем, что трудно было понять, что изображают изгибы линий.

Второй такой же каменный столб стоял в нескольких шагах от меня, и между ними двумя натянута была паутина. Лопнувшие нити, завиваясь, примотали меня к колонне. На вид они были тонки и хрупки, но я на себе испытал их прочность.

Овладев собой, я уже не дергался, а разглядывал ловушку и теперь ощутил кое-что еще.

То же чувство, которое подсказало мне, что в Звездной башне нет зла, что ее волшебное ограждение служит преградой для Тени, здесь говорило обратное. От колонны несло холодным, смертным ознобом, превращавшим сердце и мозг в куски льда. Эти миазмы зла окутывали и засасывали меня, как ядовитая трясина.

Поначалу зло казалось бесплотным и безликим. Но мало-помалу оно сгущалось, становилось почти осязаемым.

И я предчувствовал, что скоро столкнусь с ним — с этим существом.

Тело мое сотрясала неудержимая дрожь. Даже под меховой шкурой я казался себе нагим перед изловившей меня ледяной темной тварью. И сделать я ничего не мог, оставалось только бессильно ждать…

Движение!

Я вывернул голову, силясь разглядеть то, что уловил уголком глаза. Не без труда, но сумел окинуть взглядом более широкую картину.

Колонны моей тюрьмы сзади были подперты грудами валунов. Нет, не валунов! Камни, хотя и истертые временем, носили следы тщательной обработки. Здесь когда-то стояло здание, а колонны охраняли вход в него.

Теперь древние плиты лежали грудой. Трещины заполнила земля, но ни травинки не пробивалось в ней. Да и вблизи руин ничего не росло. А посреди груды камней зияла темная дыра.

И в ней снова что-то шевельнулось. Я наконец увидел источник зла. Там затаился тот, кто свил эту сеть, и я чувствовал исходящую от него алчную радость. Добыча!

Из дыры натужными рывками выдвинулась суставчатая лапа. Коготь на конце ее вполне мог порвать мое мохнатое горло. И на пластинах ее

панциря, чем-то напоминающих панцири насекомых, пучками росли грубые сероватые волосы.

Коготь зацепил одну из нитей, устоявшую перед моими отчаянными судорогами и все еще тянувшуюся к колонне, и с силой встряхнул ее. Должно быть, дрожь паутины убедила охотника, что в ловушку попалось что-то живое.

Когтистая лапа тут же втянулась обратно в дыру. Впрочем, я понимал, что это лишь краткая передышка. От неловкого поворота головы у меня ныла шея. Но я должен был увидеть, кто покажется из логова.

Присмотревшись, я понял, что в дыре не совсем черно. В ней горели, хотя и тускло, желтые точки — я насчитал восемь огоньков в два ряда. Глаза! Глаза вглядывались в меня, проверяя, надежно ли схвачена жертва.

Шаги убегающих зверей затихли вдали. Минуту я висел в полной тишине — в ожидании. Затем из норы вновь показалась лапа — и за ней вторая! Кроме них, я видел только глаза, сама же тварь скрывалась в глубине логова.

Вопль! Но кричал не я. Полный яростного вызова крик вырвался не из моей глотки. В моем узком поле зрения возникло, плавно перетекая, мохнатое тело. Одним прыжком оно перелетело

— не в дыру, в которую при первом звуке втянулись лапы, а на груду камней, под которыми затаился враг.

Снежный кот! Таких больших я еще не видывал. Зверь рычал от ярости, желтые глаза горели, хвост хлестал из стороны в сторону. Глаза уставились на меня, и кот заворчал.

Я был наслышан об этих огромных горных кошках. Они свирепо отстаивали свои охотничьи владения, насмерть дрались против вторжения на те участки холмов и леса, что считали своими. И, кроме как в брачный сезон, не водили компании с себе подобными, одинокие и надменные в ревнивой гордыне.

Конечно, такой гордец не потерпел бы вторгшегося в его владения пардуса. Но ведь я уже стал беспомощной жертвой таившегося в дыре чудовища и ничем ему не грозил. Почему же он готов схватиться со мной?

Судя по росту и угадывавшейся в нем силе, передо мной был самец. При других обстоятельствах я бы залюбовался могучим зверем. Теперь же… Может быть, мгновенная смерть от его стремительной атаки окажется легче той, что ждала меня в паутине. Хотя никакой смерти не ждешь с радостью.

И тут…

Я снова взвыл. Но не от боли в ранах — от испуга, хлестнувшего больнее когтистой лапы. В моем сознании прозвучал *голос*!

Все знали, что Мудрые умеют мысленно говорить с себе подобными. Но для этого требовалось долгое учение и определенная защита, сдерживавшая и умерявшая вторжение в чужой разум. Обычные люди таким даром не обладали и думать о нем не желали.

«Не шевелись!»

Кто говорит — тварь в норе? Или же снежный кот? Может быть, крупные кошки, неведомо для людей, умеют говорить между собой?

«Не шевелись!» — вновь властно прозвучало в мозгу.

Кот! Наверняка это кот!

Он теперь прижался брюхом к камню, чуть заметно перетекая на другую плиту, зависшую над черным логовом. Когда протянутая лапа коснулась этого камня, я заметил, что глыба шевельнулась. Снежный кот мгновенно отступил. Склонил голову, обнюхал край плиты. Или прикинул, как она держится?

Не знаю, что он обнаружил, но открытие заставило его попятиться. Я видел, как переливаются

мускулы под кожей, как выразительно подергивается темный кончик серебристого хвоста. Кот оставил попытки подкрасться незаметно — он прыгнул, одним скачком перелетев на подозрительную плиту.

Камень подался под ним, с грохотом рухнул вниз. Но кот был быстрее — он успел вновь взвиться в воздух, выбросив тело в мою сторону, между тем как сбитая им плита, рухнув, запечатала дыру — может быть, навсегда.

Приземляясь, кот передней лапой задел липкую нить паутины. Но он не повторил моей гибельной ошибки, не стал биться. Нет, он с бесконечной осторожностью повел лапу на себя, оттянув обрывок нити. Затем, опустив лапу, он принялся тереть подушечку о каменистую землю.

Мои яростные корчи только туже запутали меня в силках, он же несколькими осторожными движениями избавился от липкой ловушки. Я был бы рад последовать его примеру, да был слишком крепко связан.

«Замри!»

Он повторил прежний приказ другими словами и переступил лапами так, чтобы изучить мои путы вблизи. А потом развернулся и скрылся — словно погасла серебристая вспышка.

Я остался в сетях. Появление снежного кота сколько-то облегчило мою судьбу — он запечатал дыру, так что ко мне теперь не тянулись никакие когти. Ожидавшая меня скорая смерть сменилась медленным умиранием от жажды и голода — или от ужаса, если меня, беспомощного, обнаружат падальщики. Такое будущее тоже не слишком радовало.

Передние лапы у меня были крепко связаны. Боль от веревок на исцарапанной когтями спине прошла, зато задние лапы онемели. Я…

Я снова увидел снежного кота. В пасти он зажал измочаленный — отгрызенный от дерева — конец ветки. Листья, волочась по земле, смялись и издавали сильный едкий запах, от которого меня разобрал кашель, нос сам собой сморщился, глаза заслезились.

Кот осторожно, стараясь не задеть меховым боком помятой листвы, опустил ветку. Приблизившись, он пристально уставился на меня и путаницу обвивших меня веревок.

— Опасно! — Явственно донеслась до меня его мысль. — Другого способа нет — не шевелись!

Он снова взял в зубы ветку. С заметным усилием оторвав ее от земли, напрягая шею, замахнулся и ударил сочащимися влагой листьями по паутине,

стараясь не коснуться меня. От нитей паутины с шипением поднялся пар.

Паутина под ударом листьев скорчилась, почернела, мерзко завоняла. От места соприкосновения с веткой чернота распространилась на державшие меня нити. Я ощутил, как сгорают мои узы. Они и в самом деле перегорели и вот уже спали с меня черными клочьями.

Я был свободен. Рывком рванулся прочь от колонны — и тут же понял, что едва могу двигаться. Онемение задних конечностей не уменьшилось. Я пошатнулся и упал бы, если бы снежный кот не подставил мне сильное плечо, помогая удержаться на ногах. Я уже твердо знал, что это не простой кот. Но в звере, медленно уводившем меня от источника зла, не было порчи, какая окружала таившуюся в логове тварь и паутину. Он тоже оборотень? Смею ли я надеяться?

Продвигаясь со своим спутником по истоптанной бегущими животными земле, я больше не ощущал побуждения к бегству. Мне не верилось, что панику на лесных обитателей навел затаившийся в руинах паук. Нет, у них за спиной щелкали зубами гончие Тени!

Снежный кот увел меня к реке. К задним лапам понемногу возвращалась чувствительность, но

радоваться такому подарку судьбы не приходилось, потому что с каждым шагом усиливалась мучительная боль, затягивавшая мысли красной пеленой, так что вскоре я двигался как в предсмертном тумане.

Не знаю, как эта мука не свалила меня с ног. Может быть, меня, как раньше воля Тени, теперь поддерживала решимость снежного кота. Он больше не обращался к моему разуму, но от него исходила сила, которая действовала как мощный стимул.

Завидев воду, он остановился, принюхался, вскинув голову. Нас окружали скалы с расщелинами. К одной из расщелин он подтолкнул меня. Я заполз в укрытие такой измученный, что каждый раз, поднимая лапу, сомневался, не последний ли это мой шаг.

Я лег, свернувшись. В пасти пересохло, но я мог только мечтать о воде, плеск которой слышал из своего укрытия. Снежный кот, заслонявший мне внешний мир, застыл в позе ожидания. Я ощутил содрогание земли, услышал и отупевшим от боли слухом перестук копыт. Люди? Охотники из замка?

Если они увидят снежного кота, охотникам достанется двойная добыча. Надо было его преду-

предить… Только я не владел мысленной речью и сумел издать лишь тихое ворчание.

«Этого не бойся. — Он не повернул ко мне головы, но мысль я уловил отчетливо. — Молчи…»

Теперь мне был виден всадник. Только один. В кольчуге и богато украшенном боевом шлеме. Навершием шлема служило нечто, похожее на орла в натуральную величину, его крылья были наполовину расправлены, как будто он готовился к полету. Конь, на котором ехал всадник, не был похож на тех, что принадлежали нашему клану, он явно был одной крови с теми, что паслись у Звездной башни, — с такой же пестрой шкурой и длинными ногами.

Всадник увидел снежного кота, но не потянулся к ножнам висевшего на поясе меча. Вместо этого он поднял руку, как бы приветствуя знакомого. Кот шагнул вперед, взлетел на скалу, так что его голова пришлась почти вровень с головой наездника.

Тот, придержав коня, спокойно сидел в седле, обратив к коту скрытое в тени шлема лицо. Я ничего не слышал ни ушами, ни в мыслях, но не сомневался, что они ведут беседу.

На теле кота я не заметил никакого пояса. Если он и был оборотнем, то для превращения не

нуждался в подмоге. Может быть, он из Всадников-оборотней? Их земли лежали к юго-востоку от владений клана, но разъезжали они повсюду свободно.

Наконец всадник снова вскинул руку, махнул коту и тронул коня, развернув его в обратную сторону, откуда приехал. Может быть, он доставил коту какое-то известие?

Кот не стал провожать его взглядом, а сразу вернулся ко мне. И властно внушил:

«Надо спешить! Тень зашевелилась!»

Полупогребенный во мне человек отозвался на призыв. Я заставил себя подняться на подгибающиеся ноги. Но тело пардуса израсходовало все силы. Не знаю, как я сумел добрести до воды, ощутил, как она поднимается к брюху, впитывается в шерсть. И снова только помощь снежного кота помогла мне преодолеть слабое течение и выбраться на дальний берег.

Там я и лег, совсем обессилев, хотя кот толкал меня носом, пытаясь поднять на ноги. Я снова услышал стук копыт. Кот, оставив меня, устремился к опушке леса. Возвращался ли всадник с орлом, или на этот раз приближались охотники и мой товарищ, сделав для меня все, что мог, благоразумно отступил?

Сейчас мне было все равно. Я равнодушно ждал, не в силах поднять головы, чтобы лучше видеть. Кот остановился под ближайшим деревом.

Из тени ветвей показался всадник, ведущий в поводу еще одну лошадь. Всадница — я узнал ее! Лунная колдунья, но на сей раз надевшая штаны с сапогами, рубаху и дублет. Зеленый цвет ее одежды смешивался с коричневым, так что лес скрывал очертания фигуры, пока девушка не выехала на открытое место.

Кот поднялся на задние лапы, оперся передними на попону под ее коленом. Конь стоял смирно, ничуть не напуганный его движением. Всадница, наклонившись, взглянула в глаза коту и, чуть погодя, кивнула ему.

Она выпростала из-за пазухи подвешенную на цепочке вещицу. И, держа ее в ладони как оружие, прямо двинулась ко мне. Кот держался сзади.

Немного не доехав до моей расщелины, девушка соскочила с седла, бросив повод послушного коня на землю. И подошла ко мне, раскачивая на цепочке хрустальный шарик. В нем мерцал зеленым светом побег какого-то растения.

Я приподнял голову ей навстречу, и Лунная колдунья, качнув цепочкой, надела ее мне на

шею. Шар с зеленым стебельком лег мне на грудь под горлом. Я…

Я стал человеком.

Шерсть пропала, обнажив кожу, хотя пояс ко мне не вернулся. Вернулся — я!

Мгновенный переход так потряс меня, что мир закачался, словно пьяный. Я ощутил на себе ее руки, почувствовал, что меня поднимают, несут. Меня уложили поперек седла, и от боли при тряской рыси у меня перехватило дыхание.

Кто-то, сев в седло, приподнял меня, и из моей пересохшей глотки едва не вырвался крик. Моей спины касались теперь не руки моей Лунной девы, а возникший невесть откуда мужчина.

Мне смутно запомнилась склоненная ко мне темноволосая голова, узкое лицо, обожженное солнцем и непогодой, острый угол линии волос. Это лицо было тайной, из тех, что не выпускают наружу ни мыслей, ни слов. Незнакомец, как и женщина из башни, на первый взгляд казался в расцвете юности, но желтые кошачьи глаза были старыми — старыми и усталыми.

Он поймал мой взгляд. Я не услышал мыслей-слов, но ощутил поток Силы. Он уверенно уводил меня из сознания в темноту, где не было боли, а время ничего не значило.

Однако я не вполне подчинился воле незнакомца. Как будто издалека я сознавал, что мы вновь едем через лес. И еще я был убежден, что незнакомец не желает мне зла, а скорее желает добра. И что мне сейчас надо отпустить все тревожные мысли, чтобы восстановить силы и волю. Чудо моего превращения не померкло, как и изумление перед сотворившим его волшебством Лунной девы. Я чувствовал в груди тепло от надетой на шею подвески. От талисмана, который сохранит во мне человека.

О жителях башни и о том, как я выбрал опасный путь

Я лежал ничком, повернув голову набок, лицом в каменную стену. Что-то холодило мне спину, успокаивало, вытягивало из ран огненную боль, зажженную веревками паутины. Я слышал за спиной голоса — не мыслями, а ушами.

— Моли скоро утратит силу. Что тогда, господин мой?

Это говорила женщина. В ее голосе прозвучал вызов.

— Нам надо узнать, кто он и откуда. Не думаю, что из Серых Башен. Но откуда еще мог попасть в эти земли оборотень? И он не от Тени. Если он проснется до превращения, может быть, расскажет.

Мужчина — тот, что вез меня перед собой в седле, уезжая от реки. Но где я теперь? И кто они, заботившиеся обо мне?

Я совсем очнулся и чувствовал, что должен получить ответы на эти вопросы.

Приподнявшись на постели, я повернул голову к стоявшим надо мной людям.

Да, это спасший меня мужчина. Лунной колдуньи, вопреки моим надеждам, с ними не было. Зато рядом стояла женщина, изгнавшая меня из сада трав. Почему же теперь она принимает меня и лечит? Должно быть, я в Звездной башне, недаром две стены, которые мне видны, сходятся под таким странным углом. Как видно, келья вписана в один из лучей.

— Кто вы, приютившие меня? — спросил я, видя, что эти люди молчат.

Женщина подошла ближе. Прохладные пальцы тронули мой лоб. От ее ладони исходил слабый пряный аромат, как будто она только что занималась травами.

— Жар у него спал, — сказала она и отвернула с моей спины одеяло, так что холодок тронул плечи и бедра. Она снова коснулась кожи, должно быть, там, где пролегли раны от когтей ястреба. — Заживает, яд не пошел вглубь, — продолжала целительница.

— Ты спросил, кто мы. — Она встала так, чтобы я ее видел. — Мы живем одиноко и ничего не просим у людей, кроме как дать нам идти своим путем.

Ее лицо не выражало привета, но не было в нем и открытой враждебности. Она словно ждала от

меня поступков или слов, чтобы на их основании решить, друг я или враг. Я же, несмотря на ее замкнутость, уже знал, что никогда не назову ее врагом. Что-то в ней говорило, что она презирает пути Тени.

— А ты кто? — Это мужчина шагнул к кровати и встал рядом с женщиной.

— Я… Кетан, наследник… бывший наследник Кар До Прона во владениях Красных мантий. Был. Кто я теперь, не знаю.

Что-то мелькнуло в его лице, когда я назвал себя. Неужели охотники Магуса донесли весть о моем побеге даже в это тихое убежище? Все же я не верил, что он или она способны уступить нажиму такого, как Магус. Их обоих, как плащи в холодную пору, окутывал покров Силы. Я ощущал ее в них, как ощущал в Урсилле, зная, что они видели и делали неподвластное обычному человеку.

— Кар До Прон, — повторил мужчина. — Там правит Эрах, но если ты наследник?.. — Он вопросительно взглянул на меня.

— Я сын госпожи Ироизы, его сестры.

— Чисто человеческая линия, — продолжал мужчина. — Как же ты подпал под заклятие оборотня? Тебя околдовали?

— Я сам сглупил, хотя мать и Урсилла предупреждали, что этот пояс…

— Он доскажет позже, — перебила женщина. — Сейчас, думаю, ему время принять эликсир. Если не поддержать его, моли скоро утратит силу.

Я не понял, о чем она говорила. Но мужчина помог мне сесть прямо, а женщина поднесла чашу с горячей жидкостью, которую я покорно осушил, хотя горечь обжигала губы. Пока я пил, в комнате появился новый человек.

Моя Лунная колдунья! В той же одежде всадницы, в какой я видел ее у реки. У ее ног увивались два золотистых зверька — подросшие котята лесной кошки. Не представляю, как она умудрилась их приручить, ведь эти создания славятся свирепым нравом. Но эти любовно терлись о ее ноги, мешая пройти, так что девушке пришлось подхватить самого смелого на руки и, уложив на сгибе локтя, почесывать ему за ухом.

— В небе пестрый ястреб, — сказала она. — Он четырежды прокружил над садом. Не думаю, чтобы он охотился, скорее следит.

— Так. — Но, отвечая ей, женщина смотрела на меня.

— Раны на твоем теле, человек кланов… Тебя подрали когти ястреба. Кто твой враг?

— Она владеет Силой, — пробормотал я. — Это Урсилла, Мудрая.

Девушка, занятая вестью, которую принесла, до сих пор на меня не смотрела. Теперь же повернулась ко мне. И я ощутил в себе действие другой магии, не связанной ни с какой Силой.

Впервые я увидел ее в величии, в одеянии Силы, говорящей с тем, что выше нас. Второй раз я смотрел на нее сквозь туман лихорадки у реки. И сейчас в третий — а мне казалось, будто я знаю ее всю жизнь. Или — что всегда знал, что она есть где-то в мире, и, не ведая о том, искал ее. Она же взглянула на меня равнодушно. Котенок на руках был для нее важнее.

— Мудрая Урсилла… Она живет в Кар До Проне? — спросил мужчина.

— С тех пор, как моя мать возвратилась из Гарт-Хауэла. Я не… — Я запнулся. Нелегко было при Лунной деве признавать, что я не полновластный хозяин своей судьбы. Но этим троим можно было говорить только правду.

— Урсилла мне не то чтобы враг. Она добивается от меня послушания. Потому-то ее посланец (я уверен, что это был ее ястреб) унес пояс. И сейчас, может быть, это она меня ищет.

— Расскажи, что за пояс, — приказал мужчина

с той же властностью, с какой Пергвин учил меня владению оружием.

И я рассказал свою историю — о подаренном поясе, о своем преображении и как Магус воспользовался им, чтобы выжить меня из замка, и о нападении ястреба.

— Так ты думаешь, что без пояса не вернешься в человеческий облик? — спросил, дослушав до конца, мужчина.

— Думал — до сих пор. Но… ты, госпожа! — Я осмелился обратиться прямо к девушке: — Как ты снова сделала меня человеком?

Повинуясь ее жесту, я опустил глаза к лежавшему на моей голой груди хрустальному шарику, к зеленому побегу, который теперь показался мне не столь совершенным, словно начал увядать.

— Моли, — объяснила Лунная колдунья. — Эта травка, пока жива, противостоит любым чарам. Но когда она засохнет, — девушка пожала плечами, — ты вернешься в обличье пардуса, если не найдешь другого средства.

Мне почудилось пренебрежение в ее взгляде, словно я недавними поступками обнаружил такую глупость, что едва ли стоило со мной возиться. Это презрение несколько оттолкнуло меня от нее, к моим чувствам примешалась оби-

да. Кто она такая, чтобы меня судить?

Мужчина, не обращая на нее внимания, распорядился:

— Протяни руку.

Когда я повиновался, он взял мою ладонь и поднес к глазам, рассматривая скрещения линий. И снова его лицо чуть заметно изменилось.

— Тебя преобразил не пояс, — твердо сказал мужчина. — Он послужил лишь ключом, открывающим дверь. Но на твою беду, ты прав в догадке, что, владея этим ключом, Мудрая может тобой управлять. И еще… Если уничтожить пояс…

— Я навсегда останусь пардусом? — не утерпел я, видя, что он не спешит продолжать.

— При теперешнем положении вещей — да.

— А Магус, если доберется до пояса, так и сделает — уничтожит его!

Я собрался с силами: захотелось вскочить с кровати, сейчас же броситься в замок. Если предстану перед Магусом человеком, я смогу бросить ему вызов, и тогда… Но что сказала эта девушка о моли? Я присмотрелся к хрустальному шарику. Несомненно, стебелек в нем увядал.

— А нельзя ли достать другой? — приподняв шарик, обратился я к этим троим.

Женщина покачала головой:

— Для одного человека чары моли действуют только один раз.

— А между тем… — Девушка все гладила котенка. Второй царапал лапками ее сапог. — Над нами кружит ястреб. Скоро кто-то узнает, кого мы здесь укрываем.

— Пока не узнают, — возразила ей женщина. — Я наложила заклятие.

— Оно не действует, — резко отозвалась девушка, поразив обоих старших.

Женщина поспешно вышла, и девушка за ней. Я в поисках объяснений обернулся к мужчине и увидел, что он изучает меня.

— Стало быть, колдовские узы, — медленно проговорил он.

— Что это значит?

— Всего лишь, что ты связан с тем поясом. А пояс за стенами, в руках владеющей Силой.

— Значит, пока я здесь, — сообразил я, — я брешь в ваших укреплениях.

— Пока это не важно. — Он подтвердил свои слова пожатием плеч. — Расскажи-ка еще о том странствующем торговце. Ибикус? Что он за человек?

— Моя мать сказала: он не тот, кем кажется. Она думала, что он доверил секрет пояса госпоже

Элдрис, чтобы та использовала его против меня. А я… по-моему, торговля для него только маска.

— Если так, зачем ты взял пояс?

— Потому что меня с первого взгляда так потянуло к нему, что я не смог устоять.

Я сказал ему правду, хотя эта правда выставляла меня безвольным рабом собственных желаний. Не знаю, отчего мне так хотелось хорошо выглядеть в глазах этого чужого человека. Как будто он мог спасти меня от последствий моей же глупости!

Я угадывал, что все трое в этой Звездной башне видели во мне мелкую докуку. И тем сильнее хотел доказать, как они во мне ошибаются.

— Пояс… — Я вложил в слова все, что чувствовал. — Он дал мне… свободу…

— Однако теперь он тебя связал, — напомнил мужчина. — А против таких уз есть лишь одно средство.

— Какое? Добыть у Урсиллы пояс? Вернуться в собственный облик, а потом уничтожить пояс?

Я забросал его вопросами.

— Этот пояс — ключ, и ты должен научиться с ним обращаться.

— Как? — требовательно спросил я.

— Ищи ответ в себе. Только ты сам можешь его

отыскать, — загадочно ответил он. — В одном я уверен: Кар До Прон для тебя очень опасен.

— Мне не получить пояса, не вернувшись туда, — медленно проговорил я. — И если дар моли недолговечен… — Я глубоко вздохнул, разглядывая увядшую травинку в шаре, — значит вернусь пардусом.

Он твердо встретил мой взгляд. Его желтые глаза…

— Ты был тем снежным котом!

Он не подтвердил моей догадки ни кивком, ни словом. Но я знал, что не ошибся.

— Но… — Я нашел глазами пояс на его дублете. Обычный мужской пояс из дубленой кожи. — У тебя пояса нет, — уверенно добавил я. — Как же тогда?..

Вот теперь он покачал головой. Закон Силы разделял нас, догадался я, и начал понимать, почему эти трое при мне не называли имен. Старейший из законов: не выдавать имен чужому, чтобы он с их помощью не наложил чар. В том, что мне Звездная башня ничем не грозит, я был уверен. Но, как видно, ее обитатели не станут укрывать меня с риском для себя.

— Тень набирает силу, — нарушил молчание мужчина, и смысл его слов не сразу стал мне

ясен. — Идущие темными путями пробуждаются и снова готовы выступить. Тот Ибикус, торговец… Ты не ощутил в нем ничего от Тени?

Я покачал головой:

— Хотя он казался Иным. Я даже подумал, может, он посланец или разведчик Голосов?

— Голоса… Вот над этим стоит поразмыслить. — Его ладонь легла на рукоять длинного охотничьего ножа, шевельнула клинок в ножнах и снова отпустила. — Пожалуй, приходят времена, когда всякому в Арвоне придется выбирать, на чьей он стороне. Недолго же мы прожили в мире!

У его губ пролегла складка, усталые глаза наполовину скрылись под веками. Юношеская личина соскользнула с его лица, и мне подумалось, что этот человек видел много долгих лет.

— А в такие времена, — он в упор взглянул на меня, — ребяческие забавы с Силой грозят бесчисленными опасностями. Мне не нравится этот крылатый соглядатай над башней, особенно если он посланец твоей Мудрой.

В его твердости можно было при желании увидеть угрозу. Мужчина вышел не прощаясь, оставив меня сидеть на кровати. Я сжимал в кулаке моли — недолгое спасение от проклятия — и

гадал, надолго ли еще хватит этой передышки.

Когда мужчина вышел, я оглядел комнату, которой не замечал, пока эти трое были рядом. Она выглядела странной из-за острых углов стен, вписанных в лучи звезды. Стены — не то что в замке — не были украшены ни картинами, ни занавесями. Кровать, на которой я сидел, была узкой, как полка. У стены стоял резной сундук, напротив — столик с кувшином и тазом для умывания. Право, бедный вид.

И все же здесь была цельность, какой я не замечал нигде в замке. Покров старины на стенах говорил о прошедших годах яснее, чем плесневелые гобелены Кар До Прона. Но среди этой древности я не чувствовал себя наглым пришельцем, а ощущал себя заодно со всем вокруг.

Странное чувство, учитывая, что здесь мне были откровенно не рады. Меня не учили обращению с Силой, да и Дара у меня не было. А в этом убежище — в этой крепости! — обитали такие Силы, какие мало кто из наших мог постичь. Почему же мне так не хотелось покидать эту башню?

Я встал. Тело мое обрело прежнюю силу. Для проверки я стал нагибаться и поворачиваться в поясе — боли не было. До отказа вывернув шею, я заглянул себе за спину и увидел, что раны за-

тянулись розовой молодой кожицей — почитай, зажили. Исцеленный, я уже не вправе был просить об убежище. Ястреб над башней был явным предупреждением, а я не хотел навлечь зло на тех, кто оказал мне помощь, хотя бы и нехотя.

Последняя мысль отдалась горечью. В душе саднило воспоминание о полном равнодушии ко мне Лунной девы. С чего бы мне пришло в голову, будто важнее всего на свете хорошо показать себя перед ней? Это такая же глупость, как ждать нежности от Тэйни. Надо забыть эти мечты.

Я…

Человек пропал так же мгновенно, как возвращался. Зажатый в ладони шарик закачался на цепочке, моя лапа больше не могла его удержать. Снова четвероногий мохнатый пардус. В шарике темнела засохшая травинка.

Я, как ужаленный, обернулся на ворчание от двери. Один лесной котенок рычал на меня, другой шипел и плевался. Вернулась Лунная колдунья с любимцами.

Она как будто не удивилась моему превращению. Очевидно, предвидела, что моли недолго будет сдерживать проклятие. Теперь чем скорее я выберусь из башни в лес…

Впервые я увидел, как лицо ее смягчилось, губы

сложились в улыбку, от которой мне захотелось скулить. В эту минуту рухнула с таким трудом выстроенная мной стена против ее равнодушия. Девушка спустила с рук пушистого котенка, который тут же удрал, шипя и огрызаясь.

Потом она нагнулась ко мне и сняла цепочку с шариком.

— Слушай! — Ее пальцы легонько коснулись моего лба. Девушка сразу отняла руку, но я еще чувствовал погладившие мех пальцы. — Ты решил идти — это хорошо. Но, кроме пояса, есть другой ключ. Мы не можем о нем рассказать, нам не позволяет гис — нерушимый запрет. Если узнаешь эту тайну, станешь больше, чем думал когда-нибудь стать. Сейчас… я не могу сказать большего, моя малая доля Силы не позволяет. Я только верю, что ты найдешь этот ключ!

Она отступила, позволив мне проскользнуть мимо. До двери было недалеко. Я выскочил, мелькнул мимо пахучих грядок с травами к опушке леса. И оглянулся уже из тени первых деревьев.

Я почти готов был увидеть кружащего над башней ястреба. Но в небе было пусто. Зато шесты вокруг башни даже в тихий день походили на дымные факелы в ночи: их теперь окутывал не

свет, а струйки дыма, как от обрядовых курильниц Урсиллы. Не сводя взгляда с собиравшихся облаков, я мягко шагнул обратно. Проверка подтвердила мои ожидания: передо мной снова встала преграда. Стихия, потревоженная моим присутствием, теперь вернулась к прежнему. Те, кто бесспорно спас мне жизнь и подарил, хоть ненадолго, передышку, вновь укрылись за защитной стеной.

Если бы я и хотел остаться в виду башни, прятаться здесь не было смысла. Их защита больше не падет передо мной. Быть может, если невероятное чудо вернет мне человеческий облик, Кетан, освободившийся от наложенных Урсиллой уз, сможет вернуться сюда и найти проход открытым. Но как слаба была эта надежда!

Однако слова моей Лунной колдуньи (если бы знать ее имя!) еще стояли в памяти. Она, как и спасший меня оборотень, намекала, что, помимо пояса и недолговечной моли, есть Иной путь. Они наверняка знали, что я не колдун, ведь от владеющего Силой не скроешь Силы. И не сказали бы так, если бы не считали, что я смогу сам найти ответ.

Стало быть, надо искать, хотя пока я не видел ни единой подсказки себе в помощь. Но если

птица Урсиллы ведет разведку, мне прежде всего нужно хорошее укрытие, где меня не высмотрит острый взгляд, а уж там можно будет ломать голову над загадками Звездной башни.

О том, как я сделал открытие и как задумал его применить

Не зная, куда деваться, я снова прибрел к ручью, подкрепился неосторожной рыбкой и высмотрел среди камней укрытие, невидимое с воздуха. В пути я тоже держался укромных троп, чтобы меня не высмотрел летучий соглядатай.

Загаданные в башне загадки не шли из головы. Ее обитатели не со зла морочили мне голову. Раз они уверены, что для меня есть способ вернуться в прежний образ, значит он есть. Мужчина превращался в снежного кота без пояса. Впрочем, он, возможно, принадлежал к Всадникам-оборотням.

Не поискать ли мне других растений, подобных моли? Но я не знал даже, как взяться за такие поиски, и быстро выбросил эту мысль из головы. Какой-нибудь обряд?.. Но каким образом? Только посвященные дерзали вызывать Силы к действию.

Я вновь и вновь повторял в уме слова Лунной колдуньи. Ключ есть — и если его не существует вне меня, значит… он внутри! Внутри? Не наме-

кала ли она, что во мне есть крупица Дара? Но если так, почему его давным-давно не открыла Урсилла? Или?..

В памяти вспыхнул тот странный вечер, когда Мудрая с моей матерью, прежде чем передать меня под опеку мужчин, наложили на меня какое-то заклятие. Что, если Урсилла и впрямь учуяла во мне искорку Дара и предусмотрительно загасила ее — или связала произнесенными в ту ночь заклинаниями?

Колдовству надо учиться, хотя без врожденного таланта в ученье далеко не продвинешься. Человек может обогатить ум и память всей мудростью древних рун и все же не суметь ее применить. Однако… Урсилла, обучая меня, давала читать не всякий свиток. Многие она держала под замком, крепко запирала в сундуках. Быть может, боялась, что я узнаю их содержание? Размышляя над этим, я все крепче убеждался, что меня намеренно лишили знаний, открывающих путь к свободе.

Был ли у меня Дар или не было, трое из башни явно верили, что я в силах освободиться от проклятия пардуса, если только найду верный путь и осмелюсь его пройти. А я уже готов был положиться на их мнение.

Вне меня искать нечего. Я все более склонялся

к этой истине. Отгадка кроется в моем разуме, может быть запертая там вмешательством Урсиллы или просто тем, что я не додумался к ней обратиться.

Кто я такой? Для всего замка — Кетан, наследник Эраха. Для Урсиллы и матери я — путь к власти. Для Магуса, Тэйни, госпожи Элдрис — преграда на пути к той же самой власти. Для всех них я не человек, а вещь, которая помогает или мешает в исполнении желаний. Кого из них заботит, есть ли у меня собственные мысли и желания?

Пояс… Зачем Ибикус его привез? Я не сомневался, что торговец (и, как видно, не простой торговец) не случайно попал в Кар До Прон. Кто этот Ибикус и какое ему дело до моей судьбы?

Быть может, я слишком много вкладывал в несколько слов, сказанных им в то утро? Но, вызывая в памяти картину нашей встречи, я остался тверд в одном убеждении: торговец не был замаран Тенью. Мать намекала, что он продал пояс госпоже Элдрис с тайным умыслом, мне во зло. Я так не думал. В его обращенных ко мне словах было обещание, а не угроза.

Значит… пояс не просто средство сделать из меня орудие Урсиллы. Обещанная им свобода — настоящая, неподдельная. Однако пояса у

меня нет.

Я вновь вернулся к жестокой истине, что, если ключ и существует, без подсказки мне его не отыскать.

Из логова мне открывался вид на скалы и реку под ними. Раз или два я вскидывался на свист крыльев. Но пролетавшие надо мной не походили на свирепых посланцев Урсиллы. Ключ… внутри…

Я уже отмечал двойственность своей нынешней природы. Человеческая половина умела обдумывать будущее, надеяться и отчаиваться. Против нее выступал пардус, движимый инстинктами, вспышками ярости или голода, и сознание его было иным. Что, если… что, если ключ кроется в этой, неведомой мне половине?

Посмею ли я подавить в себе человека, без борьбы уступив власть пардусу? Эта мысль меня отталкивала. Слишком страшно было потерять человека в звере. И все же искать ключ надо не в окрестных землях, а на этих тайных извилистых путях в самом себе.

И вот я обдуманно двинул человека навстречу пардусу, заставил его утонуть в животном. Глубже и глубже, под охотничьи инстинкты, под порывы к бою и обороне и дальше вглубь. То,

что составляло Кетана, очутилось в совершенно чуждом человеку лабиринте — заблудилось в непостижимом. И все же Кетан погружался дальше.

Человек достиг воронки водоворота. Задержаться здесь?.. Нет! Я рванулся наверх, к поверхности. Никогда еще мне не приходилось сражаться так упорно. Вверх! Вверх и наружу! Как утопающий рвется к поверхности воды, к воздуху, без которого нет жизни, так и Кетан устремился к наружной части сознания, к своему миру. Вверх и наружу!

Я лежал, жадно хватая воздух, словно выдержал схватку с врагом. Но Кетан снова обрел власть. Рискуя потерять себя, я убедился: в глубинах сознания пардуса нет того, что мне нужно. Итак, ключ надо искать в Кетане.

Как мне искать его в себе? Может быть, пойти обратным путем, открыть пардусу дорогу в себя, чтобы его звериный нос вынюхал добычу? Но этого я не умел. Все, что я нашел в себе-звере: жизненная сила, терпение охотящегося кота, воля к защите своих владений, инстинкт жизни, — все это в общей сложности равнялось могуществу человеческой воли, если бы только я мог черпать силу из зверя, не выпуская его на свободу.

Я уже понял, что не найду опоры в своей памяти — во всяком случае, в осознанных воспоминаниях. Но что, если в неосознанных таится большее, намного большее, чем мне известно?

Мысленно я нарисовал комнату с высокими шкафами для плотно уложенных свитков. В каждом — частица памяти. Какой мне взять в руки и открыть, чтобы прояснить разум?

Мысленное изображение становилось резче: я вкладывал в него всю свою волю и желание. Медленно, осторожно я вливал силу яростной природы пардуса в запасы собственной воли. Пятьдесят… пятьдесят свитков с рунами легли передо мной. Осталось выбрать нужный, открыть и прочесть.

Картина захватила меня целиком. Тот, кто звался Кетаном, проходил между рядами полок, как проходит человек по настоящей комнате. Я задерживался здесь и там, напрасно ожидая искры, которая подскажет: вот он, вот что нужно выбрать! Не ошибся ли я в выборе средства? Я отчаянно оттолкнул ослаблявшую меня мысль. Нет, знание где-то здесь — надо только найти!

Я черпал из пардуса больше и больше, и все ярче, все реальнее делалась эта комната, все яснее проступали руны с названиями свитков.

Я ушел далеко вглубь воспоминаний. А потом поперек моего пути пролегла зловещая тень. Я узнал в ней преграду, установленную против меня Урсиллой.

Один Кетан не нашел бы в себе силы ее преодолеть. Но Кетан с пардусом — о, да! Я словно ушел по колено в топкую трясину, позволявшую продвигаться лишь на палец с каждым шагом. Но я все же шел вперед — пардус давал мне волю к победе. И вот — преграда позади. В этой части моей запечатанной памяти кроется что-то, угрожающее Урсилле. Быть может, тот самый ключ. В котором свитке, где?..

Дальше, дальше… Поиски затягивались, и надежда моя угасала. На полках оставалось все меньше воображаемых свитков. Только воспоминания самого раннего детства — что такого важного могло в них заключаться?

Я подошел к последней стойке — всего три тома. Но… моя рука (я воображал себя находящимся в комнате) — потянулась к последнему. Я вытащил его, открыл…

На пергаменте была всего лишь картинка — но какая четкая, каких ярких цветов! Тело лежащего на земле пардуса. встающий из его головы человек, и в его глазах… теперь я знал!

Я отпустил воображаемую комнату, отпустил пардуса, ушел из воспоминаний. И лег пластом, не в силах поднять мохнатой головы, вымотанный, словно тело мое без отдыха одолело дальний путь. И все же я был победителем!

Осталось придумать, как использовать обретенное знание. Только не сразу. Поиски истощили меня. Спускались сумерки. И в моем маленьком мирке появились другие обитатели. Я, увлекшись поиском, не замечал ничего вокруг. А теперь ясно видел, как по берегу ручья уверенной рысью приближается к моему укрытию всадник.

К тому же знакомый всадник. Тот, с орлом на шлеме, что близ этого места вел безмолвную беседу со снежным котом. Его конь уверенно ставил ноги среди прибрежной гальки, и всадник не натягивал поводья, предоставив выбор пути животному. При его приближении я вжался в глубину расщелины. Пусть он был другом снежному коту, это не значит, что во мне он увидит нечто иное, нежели опасного зверя. Незачем было привлекать его внимание.

Я пытался разглядеть черты в тени шлема — нелегкая задача даже для кошачьих глаз. В его лице мне мерещилось что-то знакомое, и, только когда всадник проехал мимо, я вспомнил, кого

он напоминает.

Лицо под орлиным шлемом походило на лицо мужчины из башни. Тоже оборотень?

Затих перестук подков и тонкое позвякивание кольчуги о седло. Я осмелился выползти из норы и взглянул вниз по течению. Конь вброд переходил неглубокий ручей, свернув в направлении башни. Я распластался так, чтобы видеть шлем, не выдавая себя.

До прихода ночи я убил какое-то медлительное животное. Оно походило на домашнюю ящерку, только было во много раз больше. И его яркий хвост насторожил мою звериную половину, так что пардус сожрал лишь переднюю часть.

Силы возвращались ко мне. Теперь настала пора испытать себя. А дальше — я точно знал, что делать. Если моя находка действительно ключ, мне не избежать попытки проникнуть в замок. Потому что только пояс вернет мне уверенность в свободе. Однако вылазку в самое сердце вражеской крепости — а таким представлялся мне теперь замок — следовало тщательно обдумать.

Луна в ту ночь убывала. Должно было ослабеть и ее влияние, пробуждавшее во мне оборотня. Лучшего времени для проверки не подберешь.

Выбравшись на скалы под свет убывающей

луны, я начал борьбу. Так же как недавно боролся за возвращение памяти, я теперь обратил все помыслы на представление Кетана человеком! Я добавлял этому образу все больше подробностей. И наконец он вышел законченным, твердым. Вот таков Кетан!

Так поворачивают ключ в тугом замке. И вот…

Ночной ветер холодил мое нагое тело, не прикрытое теперь шерстью. Я встал, вскинул руки к луне, едва не закричал, торжествуя победу. Но недолгим оказалось мое человечье бытие. С первой попытки превращение продержалось всего несколько вздохов. И вот я снова пардус.

Однако… я это сделал! Теперь мне известен секрет оборотней. Правда, я не мог объяснить, как это превращение далось человеку, не родному им по крови. Но ясно, что на время я могу победить в себе пардуса. Для этого нужно собрать внутренние силы, подчинить животное человеческому желанию и научиться удерживать превращение на время, достаточное, чтобы проникнуть в замок. Урсилла, как и Магус, станут ждать зверя. А я предстану перед ними человеком, которого они не посмеют ни схватить, ни убить — ведь восставшему против родича издавна грозит жестокая кара.

Впрочем, пока мне было далеко до возможности пробраться в Кар До Прон. Слишком недолговечно мое превращение, а действовать безрассудно я не посмею, как бы ни поджимало время.

Итак, я стал учиться. Днем прятался, а ночами, под убывающей луной, поворачивал ключ — и с каждым разом все легче становился Кетаном. Я рассчитывал, что к новолунию готов буду к попытке проникнуть в Кар До Прон, и потому ночами продвигался к замку, находя себе укрытие на день.

Я был уверен: то, что под этими огромными деревьями не все спокойно, мог почувствовать любой, кто ступил бы ногой в эти неизведанные места. Я не встретил никого из лесного народа, а Звездную башню обошел далеко стороной, сознавая, что она для меня по-прежнему закрыта. Однако происходило какое-то движение, приходы и уходы, которые можно было скорее почувствовать, чем увидеть или услышать. Не знаю, чуткие ли уши пардуса улавливали смятение, или сам я стал чувствительней к любым проявлениям Силы.

Попадались места, которые я обходил, сжимаясь от отвращения. С каждой ночью таких становилось больше, словно зерно зла, укоренив-

шись, давало побеги, разрасталось, захватывая все больше пространства. В прошлый раз проникнув в глубину леса, я ничего подобного не ощущал.

Возможно, это надвигался прилив Тени, о котором говорил Пергвин. Если так, безлунное небо усиливало его. Ведь Тень всегда растет в темноте, а свет сдерживает или разит ее.

К ночи, которую назначил себе для входа в замок, я добрался до полей. Странности леса сильно обострили мою тревогу. В ту ночь легшие на поля сумерки, казалось, принесли с собой угрозу.

Много раньше обычного загорелись огоньки в домах селения и в окнах башен. Это тоже добавило мне беспокойства. У ворот наверняка выставили часовых. Я не смог бы спокойно войти в них, даже будучи человеком. К тому же я нуждался в одежде.

Неподалеку от лесной опушки стояла пастушеская хижина. Я прокрался к ней. Еще раньше я отметил одну странность: над крышей главной башни не развевалось знамя владетеля, а значит, Эраха в эту ночь не было в замке.

Смутно, словно с тех пор минул целый год, мне вспомнился разговор о сборе войск в замке главы клана Красных мантий. Я не считал прожитых

в лесу дней, а назначенный день сбора, должно быть, уже настал. Поможет ли мне уход большей части гарнизона? Или те, кто остался, будут бдительнее обычного?

Я уткнулся носом в дверную щель. Пахло овцами — и человеком, — но все следы успели остыть. Просунув в щель лапу и с силой потянув на себя, я отворил дверь.

Внутри было голо и пусто. Удача простерла надо мной свое крыло: на крюке висел плащ из косматой овчины, какие носят по зимнему времени пастухи, собирая овец в укрытые от ветра загоны.

Верно ли тьма в ту ночь была гуще обычного, или я принимал желаемое за действительное? Я боялся поддаться обманчивой надежде. Наконец я напряг волю, и в хижине встал на ноги Кетан.

Укутавшись в длинный овчинный плащ, держась в тени башен, я двинулся к замку. Конечно же, у ворот стоял часовой. И он был начеку, вглядывался в темноту, как бы ежеминутно ожидая врага.

Я понурился. Справиться с этим человеком было мне, наверное, по силам. Я мог бы прыгнуть на него и в облике пардуса. Но нельзя ударить невинного, исполняющего свой долг. Я не сомне-

вался: пролив его кровь, я погибну навсегда. Путь зверя не для меня.

Сдаться, добравшись так далеко, было невыносимо, но и выхода я не видел. В нарастающей досаде, отираясь около ворот, я что-то уловил тем самым чувством, что предупреждало меня о творящемся в лесах зле. Только на этот раз я уловил не угрозу, а действие Силы.

Потрясенный, я наблюдал, как окаменел часовой, устремив неподвижный взгляд в одну точку. Не знаю, из какого источника пришла Сила, сделавшая его безопасным для меня. Но я не упустил случая — быстро скользнул мимо него за ворота.

Позади послышался шум движения. Припав к земле, я развернулся, готовый наткнуться на острие меча. Но часовой, хоть и зашевелился, стоял ко мне спиной и не повернул головы. Быть может, он даже и не заметил минутного оцепенения.

Почему? Облегчение мое сменилось подозрительностью. Правда, в этой Силе я не уловил зла, но слишком уж удачно она пришла мне на помощь. А друзей, от которых можно было ждать такой услуги, у меня не было.

Урсилла!

Я каким-то образом знал, что мне предстоит с

ней встретиться. Однако я теперь уже не был тем зеленым юнцом, которого она подчиняла с такой легкостью. Пройдя путем пардуса, возвратив ранние воспоминания, я стал другим. И она не застанет меня врасплох… хотя недооценивать Мудрую опасно.

— С возвращением, Кетан.

На сей раз я не вздрогнул. Только Урсиллу я и мог заподозрить в тени, шевельнувшейся под аркой башни. И я, как поединщик, выходящий на поле боя, шагнул к ней.

Она, не дожидаясь меня, скрылась за дверью. Я уловил в проеме отблеск светильника. Теперь мне ничего не оставалось, как идти следом.

Где Урсилла, там и яргоновый пардус. Однако я так и не придумал, как с ней справиться. На сделку не пойду…

Войдя в башню, я увидел ее на лестнице. Светильник в ее руке бросал ко мне слабые лучи. Я заметил, как округлились ее глаза — словно Мудрая не ожидала увидеть меня Кетаном. Что ж она, не видела меня во дворе, учуяв лишь силой своего Дара?

Ее свободная рука шевельнулась. Пальцы сжимали жезл — костяную палочку, изрезанную и инкрустированную красными и черными ру-

нами. Должно быть, она нарочно показала мне жезл, как Магус на ее месте позаботился бы, чтобы я увидел обнаженный клинок.

— Привет тебе, Мудрая, — впервые заговорил я.

Ее рука протянулась ко мне, словно помогая ей видеть и слышать. Резкий взмах жезла…

Я почувствовал, как во мне оживает пардус. Да я и не пытался ему противостоять. Урсилла не должна узнать, что́ мне известно. Решила испытать, насколько я владею сменой облика? Пусть же думает, что владею едва-едва. Всю силу воли я должен был приберечь для одного решающего выпада, который, быть может, меня спасет.

И потому я стал подниматься за ней бесшумной поступью зверя.

О том, как я стал пленником Урсиллы, а мать предсказала мне будущее

Урсилла не оборачивалась ко мне, пока не провела в первый из своих покоев. Здесь, кроме маленького светильника в ее руке, горели еще три. В их свете мы ясно увидели друг друга. Урсилла улыбалась.

— Итак, Кетан, ты наконец усвоил, что со мной не спорят? — неспешно проговорила она. Она будто упивалась каждым словом, как упиваются любимым блюдом, нечасто появляющимся на столе.

«Я никогда и не отрицал твою Силу», — подумалось мне. Однако человеческая речь была мне сейчас недоступна.

Мудрая заняла единственное в комнате кресло — столь же величественное, как те, что по праву занимали моя мать и госпожа Элдрис. Она медленно обвела меня взглядом от головы до кончика хвоста и обратно. Вид у нее был довольный. Я ощущал ее веру — не только в свой Дар, но и в возможности, открывающиеся перед ней теперь, когда я снова в ее руках.

— Тебя звали дважды, — сказала Урсилла, — а ты, глупец, не приходил. За это ты в свое время будешь должным образом наказан. А пока…

Она снова указала на меня концом жезла. Я вскрикнул, потому что костяной стержень, казалось, вошел в меня, проткнул и разорвал горло. Я давился, из пасти капала слюна.

Урсилла, глядя мне в глаза, склонилась вперед:

— Ты понял, Кетан? Я могу сделать с тобой все, что захочу… отвечай!

— Я… понял.

Слова вышли смятыми, ведь они родились в горле пардуса, вовсе не приспособленном к человеческой речи. Но разобрать их было можно.

Урсилла отрывисто кивнула:

— Неплохо! Теперь говори, что за Сила встала между нами при последней встрече?

Она подразумевала мое странствие по стране Тени. Однако ей — в этом я уже не сомневался — недоступна была мысленная речь снежного кота. Иначе зачем бы она вложила в меня способность отвечать ей вслух? А раз так, и уследить за моими мыслями она не сумеет. Если я стану осторожно подбирать слова, сумею удовлетворить ее ответом, не выдав всей правды…

— Когда… ты… позвала… — Очень тяжело

давалась мне речь, и горло уже саднило от напряжения. — Я был на краю… Места… Силы… Его защита… разорвала… связь… с тобой.

— Место Силы, — повторила Мудрая. — В лесу есть такие, некоторые из них давно забыты. Что это было за Место?

Я не осмелился рассказать ей о Звездной башне и даже о поляне с лунными цветами. Пусть я не нашел там убежища, обитатели этих мест заживили мои раны. А снежный кот спас жизнь — и, может быть, не только жизнь тела, — порвав паутину в руинах. Руины? Не будет вреда, если рассказать о них!

— Две колонны… древняя резьба… почти… стерлась… Охраняют руины… груды камней… я не… могу сказать… что это… за место…

Жезл снова качнулся в ее руке, и я ощутил странную боль между глаз. Урсилла по-своему оценивала мою правдивость. Боязнь, что она вытянет из меня все, что я решил скрыть, гнула меня к земле.

— Эта правда — между нами. Потом расскажешь мне еще об этом месте. Если оно, даже разрушенное, взломало двери заклятия, то, верно, пропитано огромной древней Силой. И в человеческий вид ты вернулся там же, Кетан?

— Да.

Я приготовился к новому испытанию правдивости. Как она поступит, если распознает в этом ответе ложь? Однако, к великому моему облегчению, Урсилла приняла мои слова на веру.

— В самом деле, это Сила! Непременно надо будет найти это место!

Пальцы не занятой жезлом руки скрючились, словно уже хватали сокровище.

Затем Урсилла вздохнула:

— Это придется отложить. Что же до тебя, оборотень… — Она снова устремила на меня острый взгляд. — Ты будешь мне покорен. Мой гонец — тот, что перепоясал тебе чресла царапинами, хорошо метил. Пояс останется у меня. А с ним я могу добиться многого, в чем ты скоро убедишься, если вздумаешь мне перечить.

В ее ледяном голосе было не праздное хвастовство, а смертельная угроза. Больше всего меня угнетала невозможность проверить, сколько в ней правды. Смогу ли я, будучи в пределах действия ее Силы, повернуть свой ключ — хотя бы на время вернуть себе истинный облик? Не попробовав, не узнаю. А пробовать нельзя было, пока не испытаны другие способы защиты.

— Замком, с тех пор как владетель Эрах увел

войска на сбор, распоряжается Магус, — продолжала Урсилла. — После первой неудачной охоты он велел наделать серебряных стрел и поклялся тебя прикончить. И никто здесь не вступится за тебя ни словом, ни делом. Все запуганы приближением Тени, так что он легко докажет, что оборотень среди нас — открытая дверь худшим бедам. Он выступил и… — Урсилла прикусила губу, как будто едва не сказала лишнего.

Я полагал, что мог бы закончить фразу, которую предусмотрительно оборвала Урсилла. Магус выступил и против нее. «Неразумно», — подумал я. Испытав на себе средства, которыми Мудрая добивалась своего, я полагал, что у кузена против нее мало шансов. Я бы на его месте действовал осторожно, поскольку Урсилла была из тех угроз, с какими воинам приходится считаться.

— Только здесь тебе ничто не грозит. — В ее внешне безразличном голосе сквозило самодовольство. — Друзей у тебя нет, Кетан. Твоя прекрасная нареченная разорвала помолвку. — Теперь в ее улыбке появилась издевка. — И ее отец, выслушав свидетельства участников охоты на пардуса, не стал возражать.

— Если владетель Эрах… — выдавил я из истерзанного горла, — сказал так, какая тебе с меня

польза? Меня никогда не поднимут на щит как наследника…

Ее поджатые губы улыбались по-прежнему.

— Ошибаешься. Что сделано колдовством, колдовством можно исправить. Я обещала вернуть тебя прежним — и верну, если будешь послушен. И тогда я буду править…

Этой фразы ей тоже не было нужды договаривать. Я вполне мог закончить ее сам. Избавив меня от проклятия, якобы наложенного госпожой Элдрис и Магусом, она укрепит свое влияние. Мало того что в замке утвердится страх перед подвластной ей Силой, еще и я стану ее рабом из страха вновь оказаться запертым в зверином теле. Да, Урсилла будет в замке хозяйкой, *если* только сохранит мне жизнь и спасет из рук Магуса, *если* сумеет победить магию пояса и сделать меня вполне человеком.

В ту минуту я понял, что не хочу платить за возвращение назначенную Урсиллой цену. Я давно знал, что за спиной моей честолюбивой матери она лелеет собственные планы. Теперь эти подозрения подтвердились. Если после смерти владетеля Эраха меня поднимут на щите — править здесь будет Урсилла.

— А пока… — Поднявшись с трона, она щелкну-

ла мне пальцами, как подзывают собаку. — Мы сохраним твою тайну. Мне еще нужно прочесть знаки будущего, чтобы предусмотреть любые случайности.

Повинуясь ее призыву, я покорно прошел во внутренние помещения — в комнату, где на полу была вычерчена звезда. Она, указав жезлом, загнала меня в центр звезды. Затем, подняв свой символ власти, указала им на каждую из свечей в лучах. Свечи вспыхнули сами собой.

— Надежно, — заключила она. — Никто сюда не придет, и ты не уйдешь, оборотень. Оставайся ждать моего соизволения.

Она оставила меня среди горящих ровными огоньками свечей. Сила чар теснила меня от краев, словно звезда была заполнена невидимыми телами.

Пока что моя попытка избавиться от Урсиллы закончилась печально. Пояс остался у нее, а в замке нашлось бы полсотни тайников, где его можно скрыть. Я же был скован и не мог начать поисков. Что мне оставалось? Только завоеванная способность становиться человеком — и то ненадолго.

Я побродил вокруг каменного алтаря в центре звезды — того самого, на который уложила меня

мать в ночь, когда Урсилла накладывала узы на мой разум. Мать? Известно ли ей о моем возвращении в Кар До Прон? Или она уже настолько подчинилась Урсилле, что Мудрая не видит причин делиться с госпожой Ироизой плодами победы?

Впрочем, отношения между женщинами меня сейчас мало занимали. Важнее было подчинившее меня колдовство Урсиллы. Я осторожно приблизился к линии на полу. Протянув к ней лапу, я получил удар — такой же, как при попытке войти в сад лесной башни.

Звездная башня! Я сел на задние лапы. По совету Лунной девы я отыскал ключ, хотя еще не слишком уверенно им пользуюсь. А если… если этот ключ подойдет не только к моей власти над телом? Не откроет ли он выход из ограды, в которой заключила меня Урсилла?

Я мог бы…

Мне не хватило времени — дверь отворилась, и, подметая пол подолом богатого платья, отыскивая меня взглядом, вошла моя мать. Она, как и Урсилла, улыбалась. Только в улыбке не было веселья, а лишь удовольствие видеть меня пленником.

— Все же сделал по-своему, глупец, — загово-

рила она, проходя между двумя свечами, так что остроконечные неподвижные огоньки разбудили отблески в ее ожерелье, самоцветном поясе, драгоценной сетке на волосах и в перстнях на пальцах. Она оделась как для большого торжества. — И чего ты добился?

Я не стал выдавливать ответа каркающим голосом, который вселила в меня Мудрая. Не хотел добавлять ей удовольствия.

Госпожа Ироиза рассмеялась:

— Ты! Ты вздумал мериться с нашей Силой! На что ты надеялся?

«С нашей Силой», — сказала она. Думаю, Урсилла бы с ней не согласилась. Если мать видит в Мудрой лишь служанку, покорную ее прихотям, крупица истины, пожалуй, могла бы вбить клин между женщинами. Я обрел голос.

— Меня призвала Урсилла, — с трудом выговорил я. — Она меня и использует. О тебе речи не шло.

Ее улыбка не дрогнула.

— Урсилла очень сильна, Кетан. Только вот, может быть… не настолько, как кажется, не так, как она хотела бы нам внушить. Мы пока не станем с ней ссориться, ведь у нас общая цель.

Она с обычным изяществом развернулась среди

свечей и подошла к столику, над которым горела одна лампа. Указав на нее, мать, как недавно Урсилла, зажгла огонь. Я решил, что этим она хочет показать, что тоже владеет кое-какой Силой, хотя этот фокус почти не требовал Дара.

В этой комнате не было трона с высокой спинкой, а стоял трехногий табурет, какой можно найти в деревенской кухне. Сиденье было изрезано и изрядно потерто. Усевшись на него, мать сняла с цепочки на поясе шкатулку, на которой я даже сквозь пламя свечей разглядел вырезанные руны.

Мать привычным движением сняла крышку и высыпала на ладонь колоду карт из жесткого пергамента. Я помнил, как она дорожила этим сокровищем, помогавшим ей предсказывать будущее. Наши люди редко прибегали к картам. Говорили, что они вовсе не принадлежали Силам Арвона, а были инструментом, который те, кто в прошлом открывал Ворота Иных миров, использовали для службы здесь. К картам обращались редко, потому что немногие умели прочесть их знаки.

Моя мать гордилась тем, что принадлежала к таким умельцам. Этот дар она проявила в Гарт-Хауэле, к немалому замешательству своих

наставников, потому что в остальном госпожа Ироиза была не из одаренных. Теперь, глядя на колоду в своих ладонях, она заулыбалась шире.

— Жаль, Кетан, что без рук ты не сможешь стасовать или снять колоду, как полагалось бы. Но день и час благоприятны для гадания, а я, раскидывая карты, буду думать о тебе.

Она проворно перекидала карты и, отобрав одну, показала мне картинку:

— Это будешь ты. Паж мечей, юноша в окружении неких сил.

Она выложила карту на стол. Пальцы ее задвигались с грациозным умением: она быстро перетасовала колоду, сняла левой рукой трижды в мою сторону, снова перетасовала, сняла и перетасовали еще раз. На меня мать при этом не смотрела, лицо ее сосредоточенно замкнулось. Я заметил, что происходящее захватило и меня, словно я в самом деле очутился перед ней на столе и поверил в ее способность узнать, что готовит мне грядущее.

Теперь мать раскладывала карты по кругу, слева вниз и снова вверх, чтобы замкнуть круг. Казалось, она не смотрела на них, пока не закончила. Затем, отбросив в сторону ненужные, она все так же сосредоточенно склонилась над

двенадцатью оставшимися в кругу.

— Дьявол в первом доме — это твой дом. А… — Она глубоко вздохнула. — Узы… магия для тебя… двойка жезлов в доме имущества… владыка замка… судьба… власть… В третьем доме… здесь луна… опасность… мечты… Четверка жезлов в твоем четвертом доме — наступление мира и совершенный труд… гавань для беглеца… — Речь ее убыстрялась, по лицу пробегала тень непонятных мне чувств. — В пятом доме туз жезлов… рождение… да, исток судьбы… наследие… Правда, все правда!

Она кончиками пальцев постукивала по каждой карте, открывавшей ей свое значение.

— В шестом доме… успех… осмотрительность… безопасность! — С каждым знаком ее голос возвышался, возбуждение прорывалось наружу. — Седьмой дом — шестерка мечей, это выход из трудного положения… успех после тревог… Теперь восьмой дом — в нем твое природное дарование… Маг! — Она замерла, уставившись в карты в недоумении, вытеснившем недавнее самодовольство. — Владение искусствами, мудростью, способность направлять и проявлять Силу посредством желания… Возможно ли это? А, наверняка это не о тебе. Нет, конечно же, ты

орудие, посредством которого действуют другие.

Но она, казалось, сама не верила столь поспешному объяснению загаданной картами загадки. Между тем мне впервые стало по-настоящему любопытно. Способность черпать Силу свыше, направлять и проявлять ее по своему желанию. Разве не этому я учился, овладевая сменой облика? Но если это толкование верно, тогда и остальные ее предсказания… успеха, мира? Как хотелось бы в них поверить!

— Девятый дом. — Мать заспешила, словно хотела поскорее забыть о растревожившей ее восьмой карте. — Пять жезлов — да, это так… борьба для достижения успеха… потери… при недостатке бдительности. Но мы будем настороже! В этом не сомневайся. Теперь одиннадцатый дом… что в нем? Семь мечей — план может сорваться… неуверенность. Снова предостережение. Как будто я в нем нуждаюсь! Последний, двенадцатый дом… Жрец… Сила веры, потребность единения с другими…

Она сняла руки со стола и смотрела теперь не на карты, а на меня поверх свечей в лучах звезды.

— Ты видишь, как это верно, Кетан? Перед тобой величие, только протяни руку. Путь будет труден, но путь к власти и не бывает легким.

Ты должен остерегаться, но перед тобой успех и единение с другими. Это хороший расклад. И все же… — Она снова обратилась к карте Мага, лежащей в восьмом доме. — Все же я не понимаю. А, случается, что смысл знаков остается тайной. Остальное же, насколько я понимаю, верно. Мы еще будем править Кар До Проном, сын мой, а может быть, и не только им.

Ее взгляд устремился поверх карт на стену, словно она заблудилась в блистательных грезах. Дважды она кивнула в ответ своим мыслям. Потом торопливо сгребла карты, вернула их в шкатулку и поднялась из-за стола.

— Радуйся, что Урсилла тебя бережет, — бросила она, поворачиваясь к двери. — Магус наковал серебряных болтов для арбалетов и поклялся до тебя добраться, а серебро смертельно для оборотня. Пусть себе правит здесь, пока может. Недолго ему осталось.

Шорох юбок по полу — и она скрылась. Но ее гадание зародило во мне кое-какие мысли. Теперь я перебирал в уме карты и смысл, который извлекала из них мать. Я был бы не так впечатлен, если бы не озадачившая ее карта Мага. Мастер искусств и мудрости — как это было от меня далеко! Такие люди были — каждый слышал

рассказы о Голосах и об Иных, одни из которых были от Света, другие — от Тьмы. Но они жили отшельниками и могли подолгу не показываться на глаза — не всякий даже встречал людей, которым довелось их видеть!

Я беспокойно вышагивал вокруг плиты-алтаря. Голод и жажда меня не мучили, не чувствовал я и усталости. Быть может, возведенные Урсиллой стены хранили меня от телесных забот. Не хватало мне только терпения. Я жаждал заняться делом, которое привело меня в Кар До Прон.

И вот я принялся рассматривать комнату острым взглядом пардуса. Мне представлялось, что Урсилла должна была скрыть пояс здесь, где хранила все орудия своей Силы. У стены стоял шкафчик с плотно закрытыми дверцами. В нем хранились травы, сосуды с жидкостями и порошками для чародейства… Нет, это слишком просто. В другом шкафу, у двери, она держала те свитки, к которым меня не допускала. Не скрыт ли пояс в одном из них? Если так, мне до него не ближе, чем до серебряной поверхности луны!

Я метался взад-вперед, нетерпение подхлестывало меня, как хлыст или голод, грызущий изнутри. Свечи горели, но не оплавлялись. Должно быть, их воск не скоро растает. От стойкого

запаха трав у меня побаливала голова и медленно, но верно наползало уныние. Из всех успехов мне виделся только успех Урсиллы. А ради своего успеха она готова была принести в жертву меня.

О том, как трое из Звездной башни приняли участие в моей судьбе

Не знаю, когда я распознал в депрессии врага. Возможно, когда я напрягался, испытывая Силу, которой обладал, чтобы контролировать смену своего облика, долго дремавшая часть моего разума частично пробудилась к жизни. Укрепило ли его предсказание, которое так обрадовало мою мать, хотя она и была озадачена той единственной картой?

Все эти догадки были пустым делом. Разум Кетана снова брал власть над моей двойственной природой. Я сознательно сдержал метания беспокойного пардуса и растянулся у алтаря. Если кто за мной подсматривал, он должен был счесть, что я покорился и смиренно жду, что предпримет Урсилла.

А это было далеко не так. Я упорно искал выхода — и не только обычным зрением. В первую очередь я присмотрелся к горевшим в лучах звезды свечам. И понемногу уверился, что именно они каким-то образом создавали стены моей тюрьмы. Свечи горели оранжево-красным пламенем. Сме-

шиваясь, эти цвета напоминали о телесной силе и уверенности в себе. Да, Урсилла вполне могла черпать магию из этого источника.

Что ей противопоставить? До того как стал оборотнем, я никогда не задумывался о магии и Силах. Хроники, как ни старательно отбирала их Урсилла, часто рассказывали о деяниях арвонцев, о схватках Владык и Голосов с Силами, неподвластными оружию.

Я снова представил свои воспоминания в виде хранилища свитков. В первый раз этот образ дался мне с великим трудом, теперь же пришел быстрее и стал ярче. На сей раз я знал, чего ищу. И был почти уверен, где надо искать.

Против красного цвета тела встал… желтый цвет разума? Нет, я искал сейчас не его, окрашенная в желтый логика лежала за пределом моих знаний и умений. Что же тогда противопоставить тауматургии — твердыне знания? Теургию — чувства, веру, убеждения — голубой цвет!

А против оранжевого оттенка самоуверенности, всепоглощающей веры в свои силы? Я снова стал искать.

В мире природы человек творит лишь собственный образ. Но так ли это? Творящий красоту смиренно признает, что он орудие, а не создатель.

В его силах взращивать, пестовать красоту. Но созданное его усилиями никогда не сравнится с тем чудом, что было замыслено до воплощения. Итак, художник всегда ищет, он лишен самодовольной уверенности, что полностью воплотил задуманное.

Зеленый — это магия поиска, скрытая во всем, произрастающем на земле.

Голубой и зеленый.

Если ответ найден, как мне его применить? Где я видел эти цвета в знаках Силы?

Мысленная картина изменилась. Я снова полз к саду Звездной башни, видел колонны голубовато-зеленого сияния над пышными травами. Башня скрывала в себе тайну, к которой мне не было доступа.

Но в час нужды я невольно сохранил в мыслях образ башни. Я постарался представить, как иду по дорожке, как вхожу в ту остроугольную комнату, где лежал раненым. Я стал мысленно воображать эту комнату. Вот так и так…

Только картина все расплывалась в мыслях. По ней разбегалась рябь, как на потревоженной водомерками глади пруда. Комната… вот она какая!

Я вложил всю волю в одно усилие. Но…

Передо мной встала не памятная мне комната. В этой не было кровати — и все было не так. По стенам петляли унизанные сияющими дисками бечевки, подвески подмигивали внутренним светом. Трое стояли в кругу из таких же цепочек дисков, разорванном в пяти местах высокими подсвечниками, в которых горели зеленые свечи. И пламя их было голубым и зеленым, как и стены вокруг.

Поначалу фигуры людей туманились, расплывались. Но переводя взгляд с них на огоньки свечей и обратно, я сумел увидеть их ясно, словно сдвинулась мешавшая взгляду вуаль или завеса.

Лунная дева! Она первой приковала мой взгляд. На ней опять было платье из лунных дисков и на груди подвеска с рогатым месяцем. Ее тело было серебристо-белым, как цепочки связавшего их круга. И в руке ее сиял серебряный жезл, перевитый теми лунными цветами, что она собирала при нашей первой встрече.

Рядом, тоже лицом внутрь круга, стоял незнакомец-оборотень, теперь в облике мужчины. Его загорелое тело было обнажено до пояса, в руках — рукоять меча, упиравшегося острием в пол. По клинку пробегали мелкие волны голубого света.

Третьей была женщина, отказавшаяся дать мне

убежище в Звездной башне, а позже врачевавшая мои раны. На ней вместо одежды всадника, в какой я видел ее раньше, была хламида посвященной — зеленая. Пояс обвивали лозы со свежими листьями. Такие же она вплела себе в волосы, вольно спадавшие на спину.

Ее жезл венчался зеленым листком, и этим наконечником она тоже указывала внутрь круга. Я видел, как шевелятся ее губы, и угадал, что она заклинает или призывает Силу, послушную ее воле.

Подчинившись непреодолимому желанию напомнить им о себе, я вообразил себя стоящим в той же комнате, за очарованным кругом. И я выкрикнул:

— Смотрите на меня! Я здесь!

На мой безмолвный крик обернулась Лунная колдунья. Она что-то сказала — неслышно для меня, потому что только слова снежного кота отзывались у меня в голове.

Двое рядом с ней обернулись, взглянули в мою сторону. Лицо женщины выразило изумление, мужчина поднял меч. Но тут женщина нацелила на меня жезл с листком. Ее губы выговорили слова.

В своем видении или сновидении я увидел то,

чего не мог слышать. Слова блестящими мошками повисли в воздухе, полетели ко мне. А потом мигнули и пропали.

Женщина удивилась еще сильнее. Она бросила торопливый взгляд на жезл в своих руках. Лист сновал, рисуя узор. По лицу женщины я догадался, что это не ее дело, что жезл движется помимо ее воли.

Женщина снова заговорила, и вперед выдвинулся мужчина. Его меч нацелился прямо на меня. Но мне не было страшно. В видении была какая-то легкость, словно я нашел дорогу туда, где меня ждут, где мне рады. Мне надо было только дать этим людям время это понять.

Рябь на клинке меча вспыхнула ярче. Волны пробегали по нему и крошечными светящимися капельками стекали с острия. Мужчина задержал меч поднятым лишь на время одного вздоха, а потом снова опустил к земле. Затем он кивнул Лунной колдунье, и та подняла свой цветочный жезл.

Из сплетения каменных цветов выросли новые, прозрачной белизны. Они давали свет наравне со свечами. Вспыхнув, цветы угасли.

Мне подумалось, что это — испытание для меня и что их защита против меня не действует. Во

мне не было ни страха, ни настороженности. Мне сейчас отчаянно хотелось одного — чтобы эти люди меня приняли.

— Ты здесь. Чего ты от нас хочешь? — заговорила наконец женщина, и я воспринял ее слова мысленным слухом.

— Я взываю к Голубому и Зеленому, которым вы служите и повелеваете. Они и мои тоже…

Мой ответ родился не в сознании, а в самой глубине того, кто был Кетаном.

— Назови свое имя…

Я ее понял. Имя — это почти человек. Имя, выданное недоброжелателю, может послужить узами и оружием.

Меня с рождения звали Кетаном. Это имя подчинило бы меня Урсилле, ступи та на путь Тени. Но был ли я Кетаном? Сейчас я в этом усомнился. В этот час имя казалось мне *лживым*, словно не касалось меня настоящего. Но другого у меня не было.

— Я Кетан.

— Где ты? — прозвучал второй вопрос.

— В Кар До Проне — связан колдовством Мудрой.

— Чего ты просишь у нас?

— Знания, которое меня освободит.

— Ты, как я вижу, успел многому научиться, — заметила женщина, — раз вышел оттуда.

— Мне сказали, что есть ключ, надо только его отыскать. Я стал искать и нашел его — не в поясе, а в себе.

Женщина кивнула:

— Хорошо сделал, Кетан.

С ее лица спала неподвижная маска, которая прежде скрывала его от меня.

— Поистине, ты прошел добрый путь по странной дороге, но над ней нет Тени. Я не понимаю, что за судьба связала тебя с нами, — это узнается со временем. Но если ты, зачарованный, сумел ответить на наш призыв, значит нам с тобой по пути, хотя бы на время. Итак, ты заперт чарами Мудрой… — Она нахмурилась, словно решая трудную задачу. — Расскажи, каким образом она тебя связала.

Я, хотя под закрытыми веками видел не комнату Урсиллы, а Звездную башню, описал пылающие свечи и высказал догадку, что из их пламени выстроены сковавшие меня стены.

— Видно, ты прошел по этой дороге дальше, чем мы думали, — заговорил мужчина, — если в поисках средства против ее уз сумел добраться сюда. Что ты станешь делать, освободившись от чар?

— Мне нужен пояс.

— Это верно, — согласился он. — С его помощью Урсилла привяжет тебя к себе и подчинит. Ты знаешь, где он спрятан?

— Пока нет. Освободившись, узнаю…

Тогда впервые подала голос Лунная колдунья:

— Если тебе хватит времени.

В ее словах было грозное предупреждение.

— Я постараюсь, — ответил я ей.

— Мы дадим тебе время и поможем, сколько сумеем.

Прежде чем подарить мне это обещание, женщина на минуту встретилась глазами с мужчиной, и они словно слили воедино умы и волю.

— Уйди от нас, смотри на свои свечи. Прибегни к тому ключу, что нашел в себе…

Я открыл глаза. Комната, где стояли те трое, исчезла. Я снова был в колдовской звезде Урсиллы. Оглядевшись, я увидел, что огоньки горят все так же ровно. Оранжевый… красный… но это… должно измениться.

Я снова обратился к себе — к пардусу — за той Силой, что меняла мой облик, но теперь обратил всю силу своего желания на другое: чтобы цвета огней сменились на голубой и зеленый.

Всей волей я призывал Силу Кетана и Силу пар-

дуса. Я исчерпал все силы… но огни не менялись. Этого… мало…

Я напрягся сильнее. Человек, пардус… их мало… мало…

В меня, словно в сухое русло, хлынула Сила извне. Я осознал перемену. Я был Кетаном. Я был пардусом, и еще… я был теми тремя, что стояли у меня перед глазами. Ток Силы, проходя меня насквозь, менялся, смешиваясь с Силой тех, кто направил ее мне в помощь. Никогда в жизни ни с кем другим я не ощущал такого родства.

Огоньки потемнели — до пурпура. Цвет Тени?.. Нет, оттенок менялся, распространяясь от верхушки вниз. Красно-оранжевый угасал, его вытеснял зеленый с голубым. И вот свечи загорелись иным цветом — тем, от которого я ждал свободы.

Я осторожной кошачьей поступью подкрался к свече. Неужели ограждающее заклятие сорвано? Дальше… дальше…

Я стоял за чертой!

Другие, наполнявшие меня своей Силой, исчезли. Я не сумел удержать их, и с их уходом почувствовал себя покинутым, осиротевшим. Но некогда было об этом думать: до возвращения Урсиллы предстояло отыскать пояс. Завладев

поясом, я не избавлюсь от угрозы, но тогда будет хотя бы надежда с ней совладать.

Я подкрался к шкафу и когтем отворил дверцу. Внутри все было, как я ожидал: коробочки, флаконы, вещицы, назначения которых я не знал. От большинства исходила аура, от которой у меня звенела кожа, дыбом становилась шерсть, а уши прижимались к голове. Раньше я не был так чувствителен к предметам Силы. А эта Сила наводила на мысль, что Урсилла если и не примкнула еще к Тени, то, докапываясь до потаенных древних знаний, подошла к самой границы Тьмы.

В сущности, я и не надеялся найти пояс в этом стоявшем на самом виду шкафчике. Следом в глаза мне бросился шкаф со свитками, и я перешел к нему.

Сколько я ни учился (пожалуй, больше других, потому что питал склонность к знаниям этого рода), моих познаний не хватило для перевода пометок на этих свитках. В Арвоне бытуют тайные языки, рожденные Силой за много веков. Я рассудил, что бóльшая часть свитков Урсиллы относится к очень древнему учению.

Маленькие свитки не шли в счет — в них невозможно было бы скрыть пояс. И я стал перебирать лапой те, что выглядели подходящими, разбрасы-

вал их и перетрясал, не заботясь об их древности и ценности. Мысль о подобном тайнике казалась хороша, но по мере продолжения поисков я начал подозревать, что Урсилла хитрее меня. В свитках пояса не было.

Когда последний свиток, разворачиваясь, покатился по полу, я услышал скрежет замка и, скалясь, развернулся к открывающейся двери.

Урсилла сделала один шаг и остановилась как вкопанная.

Глаза ее сощурились. Она перевела взгляд с меня на круг горевших голубовато-зелеными огоньками свечей и сразу поняла, каким способом я вырвался из плена. А потом, опустив глаза на разбросанные свитки, расхохоталась.

Ее смех был беззвучным, но сотрясал тело и растягивал губы. Это веселье ударило меня как оплеухой поперек морды. Я истратил невеликий запас своих знаний и выдал себя — теперь ей еще легче будет меня подчинить.

— Напрасные поиски, Кетан, — наконец заговорила Мудрая. — Неужели ты, дурень несчастный, поверил, что я спрячу здесь твой поводок? Ты столько лет учился у меня — мог бы быть умнее. Хотя… — Она помолчала, снова устремив взгляд мимо меня на зеленовато-голубые огни, — воз-

можно, я тебя немного недооценила. Хотелось бы знать, как ты это устроил? Нет… — Она растянула губы в кривой гримасе, сходившей у нее за улыбку. — Сейчас не время копаться в таких делах. У меня новости: господин Магус узнал, что ты в замке. Он обыскивает комнату за комнатой. К счастью…

Ей не судьба была договорить. За ее спиной в дверь вошел новый человек. Урсилла начала оборачиваться, но остановить пришельца не успела.

В свете свечей стояла госпожа Элдрис и смотрела на происходящее, как смотрят на вырвавшийся из ночных видений кошмар. Она подняла правую руку в отвращающем Силу жесте — его применяли лишенные Дара. Случалось, при поддержке подходящего амулета он помогал против самых слабых явлений Тени.

— Что за колдовство ты творишь? — тонким, срывающимся голосом бросила она Мудрой.

Урсилла все улыбалась.

— Моя Сила служит твоему дому, госпожа. Взгляни на это несчастное животное — присмотрись! — Она указала на меня. — Сумеешь назвать его по имени? — Она следила за госпожой Элдрис блестящими глазами, как собака разглядывает

застигнутого в поле беззащитного зверька. — Думаю, ты знаешь его имя, тем более что его несчастье на твоей совести, хотя ты и лишена Дара. Я знаю, зачем ты это сделала, госпожа. Но сотворенное Силой Сила и исправит. Кетан снова станет Кетаном. И тогда берегись, госпожа! Заклятие нередко обращается против тех, кто его наложил, даже если те действовали не своей Силой, а прибегли к посредству других. Не хочешь ли ты сама бегать по лесу на четырех лапах и в шерсти, а то и убегать от охотников?

Она придвинулась к госпоже Элдрис вплотную, лицом к лицу.

Моя бабушка отшатнулась, не сводя глаз с Урсиллы и заслоняясь руками, хоть и сознавала, как слаба эта защита.

— Нет! — взвизгнула она, рванувшись к двери. Но проем вновь оказался загорожен, и отблески света сверкнули на клинке. — Магус! — Госпожа Элдрис схватила его за плечо, вцепилась, не давая ударить.

Я знал, что он будет бить насмерть. И зарычал, припадая к полу. Урсилла развернулась ко мне. Она застыла на миг, придерживаясь рукой за стену, и двинулась вдоль нее, разбрасывая ногами пергаменты. Ее ладонь легла на угол шкафчика, с

которого разлетелись свитки.

— Бей! — хлестнул меня ее голос. — Убей, или будешь убит, дурак!

Госпожа Элдрис визжала, отчаянно цепляясь за Магуса, а тот грубо отрывал от себя ее руки.

— Нет! — снова завопила она. — Она поразит тебя — Силой! Магус, зови лучников с серебряными стрелами. Сталью оборотня не возьмешь…

Магус застыл. Я по лицу видел, как он рассчитывает и взвешивает. Меня же древнее поверье не убеждало. Меч представлялся мне вполне смертоносным и очень настоящим. Хотя по всему, что я знал, серебро для таких, как я, было еще опасней.

— Убей! — снова вскрикнула Урсилла.

Она двумя руками качнула шкаф для свитков, и я удивился, не понимая, почему Мудрая не прибегнет к своему Дару. Хотя очень может быть, что ее связывал гис: не вредить никому из рода, так долго дававшего ей приют. Известно, что подобные запреты существовали.

— Убей!

С третьим ее криком пардус, бушуя, вырвался на свободу. Мной теперь правил зверь, увидевший перед собой смертельного врага.

О том, как я отверг путь зверя, и о тайне Урсиллы

«Убей», — приказала мне Урсилла. И сорвавшаяся с цепи ярость пардуса вырвалась наружу. Но во мне, уже припавшем к полу, чтобы одним прыжком долететь до врага, снова шевельнулся человек. Такое убийство… Да, оно тоже станет ключом — тем, что запрет меня в звере. Магус — враг, Магус — угроза, все это так. Но против человека должен встать человек. Пролив кровь клыками и когтями, я прикую себя к дикому племени.

Госпожа Элдрис кричала. Даже если Магус не привел с собой людей, их наверняка привлекут сюда эти крики. Я уже видел перед собой темноту смерти. И все же упрямая человеческая сердцевина удерживала тело от прыжка.

Из горла вырвался кошачий боевой клич — природа пардуса бунтовала против власти человека. Ни одно живое существо не смиряется со смертью. Вот сейчас песня стального клинка выпустит на волю мою жизнь? Или в последний миг я нанесу встречный удар?

От решающего выбора меня спасла госпожа Элдрис — Магусу пришлось поддерживать бабушку. На его лице застыла маска ненависти, глубиной и свирепостью не уступающая ненависти пардуса, но он шаг за шагом попятился за дверь. Потому что госпожа Элдрис, вцепившись в него, с плачем упрашивала подождать, предоставить меня клинкам подручных.

Она дергала и тянула его назад. Магус не мог отбиться, не ударив ее, а на это не решился даже в ярости. И вот они оба оказались за порогом. С той стороны, где стояла Урсилла, прозвучало Слово. Дверь захлопнулась сама собой.

— Почему ты его не убил?

Я повернул к ней голову. Мудрая все тянула на себя шкаф со свитками. Она напрягалась всем телом, силясь сдвинуть тяжелые полки.

Я заворчал, потому что больше не мог ответить словами. Эта часть ее заклятия утратила силу.

— Убей, или будешь убит, — повторила Урсилла. — Хотя Магус еще не знает, какую беду на себя навлек. А Элдрис… Да, у меня найдется кое-что и для госпожи.

Раздавшийся скрежет перекрыл приглушенный тяжелой створкой гомон за дверью. Кажется, те, что остались снаружи, задумали вышибить

дверь. Видно, подтянулись люди Магуса.

Однако меня сейчас занимала только Урсилла. Она наконец справилась с каким-то запором, и шкаф качнулся, отошел от стены подобно дверной створке. Оставив его, Урсилла бросилась ко второму. Подобрав подол платья, она стала сгребать в него, как в мешок, коробочки и флаконы, которые проворными пальцами выхватывала из своих запасов.

Затем она подхватила жезл Силы. И указала им сперва на меня, затем на потайную дверь.

— Туда! — приказала она.

В таких старых замках, как Кар До Прон, всегда есть свои тайны. Я давно об этом догадывался, хотя и не видел подтверждений своей догадке. Урсилла, поселившаяся здесь много лет назад, не теряла времени даром, и я не сомневался, что она точно знает, куда ведет меня.

На входную дверь обрушились тяжелые удары. Уже подался засов. Вход удерживало только колдовство Урсиллы, но как знать, надолго ли его хватит.

Я скользнул в проем тайного хода, на уходившую вниз лестницу. Проход шел в самой стене, был низким и тесным. Сзади сочился тусклый свет — кончик жезла в руке Урсиллы мерцал,

позволяя нам видеть дорогу, хотя видеть-то было нечего, кроме грубого темного камня и бесконечных ступеней.

Не знаю, сколько мы прошли. По-моему, давно оказались ниже уровня земли под стенами замка. А ступени все вели вниз. Я услышал голос Урсиллы, одновременно приглушенный и гулкий.

— Магус храбрец! Он ворвется в комнату и найдет ее пустой. Тогда его люди вспомнят, что сила Мудрой легко уведет ее от таких громил. Тогда они станут коситься на Магуса и шарахаться от каждой тени. Ведь люди населяют свой мир выдуманными чудесами и сами готовы поверить, что видят их наяву. Да, едва ли Магусу предстоит спокойная ночь.

Она засмеялась — не беззвучно, а скрипучим, заржавленным смешком, прозвучавшим в моих ушах страшнее любого проклятия.

— Да, Магусу нынче не спать спокойно, да и другим в замке. То, что они выпустили на свободу, лишит их покоя во многих смыслах.

И она от понятных мне слов перешла на певучую скороговорку, от которой шерсть пардуса встала дыбом вдоль хребта, а из горла рвалось возмущенное мяуканье, хотя в ту минуту мне вовсе не хотелось напоминать ей о себе. Пока она

употребляет свой Дар на месть Магусу, ей не до того, чтобы укреплять свою власть надо мной.

Я ясно ощутил ее недовольство, когда натура пардуса не смогла заставить меня напасть на родича. Несомненно, за это придется расплачиваться. И теперь она будет подозревать меня на каждом шагу, сомневаться в своей власти, а значит, подыщет такое заклятие, против которого я бессилен. Путь сквозь темное нутро Кар До Прона дал мне лишь короткую передышку.

Я ломал голову, куда приведет этот путь. Лестница уходила так глубоко (мы наверняка уже спустились ниже уровня погребов), что я не мог угадать, где она закончится и зачем построена. На случай тайного бегства во время осады хватило бы и простого выхода за пределы замка.

В стенах попадались отдушины, и хотя ступени были влажными, а в воздухе стоял незнакомый мне едкий запах, дышать было можно. Однако чем глубже мы погружались, тем вернее я чувствовал, что впереди нас ждет одно из Мест Силы.

Я не ощущал зла, отмечавшего жилища Тени, не чувствовал и покоя, лучившегося от Звездной башни. Тут было другое, тяготившее душу словно грузом несчетных веков.

Урсилла прервала пение и шла теперь молча — только юбки шелестели, задевая о стены. Свет ее жезла по-прежнему высвечивал нам дорогу.

Я уже готов был поверить, что ступени ведут к легендарному Центру Земли, откуда якобы вышло в незапамятные времена все живое, когда лестница перешла в туннель.

Он был немногим шире и тоже шел под уклон. На его стенах через определенные промежутки попадались резные панели. В сумраке даже глазам пардуса трудно было разглядеть рисунки. А в том немногом, что я высмотрел, не угадывалось ничего знакомого.

В отверстиях и углублениях резьбы собралась пыль, такая же лежала под ногами, причем на ней были следы, словно мы не первые шли этой дорогой. И я все острее чувствовал, что это место — чужое, что оно не радо нашему вторжению. Оно было много древнее Кар До Прона и могло возникнуть в Первую Эпоху Арвона, до войны Потерянных Владык. Если так, мало кто взялся бы исчислить его возраст.

— Постой. — Привыкнув к тишине и молчанию Урсиллы, я вздрогнул при звуке ее голоса. — Дальше поведу я.

Я прижался к стене, чтобы дать ей проход. Муд-

рая ступала твердо, словно ее вовсе не утомил долгий спуск с неудобной ношей в подоле. Когда она направила жезл почти прямо перед собой, его тусклый свет открыл впереди резную арку — конец туннеля.

Пройдя под аркой, мы оказались в пространстве, которое, судя по всему, было очень велико, хотя свет жезла простирался не дальше вытянутой руки. Подушечки моих лап будили шепот под ногами, шаги Урсиллы отзывались эхом. Здесь не было направляющих стен, но Урсилла уверенно шла в темноту — как видно, хорошо знала дорогу или видела цель.

Здесь тягостное чувство отчуждения стало тяжким бременем, замедлявшим ход мыслей. Груз усталости нарастал с каждым шагом. Я все же прощупывал его, не зная еще, каким образом использовать свой Дар. Нет, это было не зло, но и не то, что мы привыкли считать добром. Здесь обитала Сила, да, но подобной я никогда не ощущал и не слышал рассказов о ней — нечто совершенно неизвестное в верхнем мире.

И снова я вздрогнул от голоса Урсиллы. Она обращалась не ко мне. Ее губы издавали странные, протяжные, почти шипящие звуки, ничуть не похожие на знакомые мне слова. Теперь она

не пела, как на лестнице, а говорила отрывисто, как если бы обращалась к кому-то невидимому, дожидалась ответа и снова заговаривала. Но я не слышал отклика из темноты на ее слова.

Вместо этого налетел холодный ветер, который обвился вокруг наших тел, обволакивая нас обоих, как будто гигантская невидимая рука могла сомкнуться вокруг нас. Низкий вой ветра был голосом чего-то непостижимого.

Я дошел до точки, в которой страх притупился. Или же само это место, сама его чуждость рождали чары, сквозь которые не мог пробиться страх. Я не боялся, зато мне стало любопытно. Я принял все, что лежало впереди, во всей его странности — не от нашего мира.

Жезл Урсиллы задвигался: взад-вперед, влево-вправо. И яркая вспышка полыхнула на его кончике, встретившись с ответным сиянием. Отблеск сверкнул слева, другой справа — перед нами лежал светлый островок.

И мы вступили в сияющий круг. Да, это был круг. Его ограничили высокие камни, вытесанные наподобие восседающих на троне созданий. Они сидели на каменных плитах, глядя в круг, но лиц у них не было.

Место лиц занимали овальные пузыри. Я гово-

рю — пузыри, потому что они были не из камня — из иного вещества, на котором свет играл и рисовал узоры. От этих пузырей свет и расходился кругом. Разбуженный лучом жезла, он перескакивал от статуи к статуе, наделяя каждую слепым, но светлым ликом.

Над пузырями виднелись причудливые головные уборы, все разные. Тела, укутанные плащами, выглядели человеческими. Каждый истукан простирал руку (я говорю «руку», хотя тонкие пальцы скорее напоминали когти). И каждая рука что-то держала. То узорчатый шар, то жезл, похожий на жезл Мудрой, то цветок с раскрытыми лепестками. А в руке фигуры, перед которой остановилась Урсилла, был человек — маленький, как детская игрушка, и обвисший, как мертвец или нечто, еще не вызванное к жизни. При виде этого каменного человечка я стряхнул с себя навеянную этим местом сонливость, заставлявшую принимать все как должное. Это зрелище наводило на мысль, что люди — всего лишь игрушка представленных здесь безликих Сил, и я возмутился против намека на рабство.

Урсилла опустилась на колени. Но не преклоняясь перед статуей, а чтобы высыпать принесенные ею узелки, флаконы и шкатулки.

Светящихся лунных ликов она будто не замечала. А мне они нравились все меньше и меньше.

В самой середине круга стояла курильница — тоже из камня. В ней скопилась зола, — верно, Урсилла уже не раз использовала ее в своих целях. Я все крепче уверялся, что она затеяла игру с чем-то таким, что лучше бы не тревожить.

Это не Тень и не Силы — но что же тогда собрано здесь? Что-то стихийное, за пределами добра и зла, родившееся прежде, чем добро и зло начали вековечную войну в землях и сердцах людей. Черпать из такого источника — воистину дерзость. Честолюбие толкнуло Урсиллу на такие деяния, к которым я проникся глубочайшим страхом и отвращением.

Мне хотелось выбраться отсюда. Но меня приковало к месту, как если бы тело пардуса охватили цепи. Я поднимал глаза то на один, то на другой светящийся овал, чтобы тут же отвести взгляд. На них свивались световые узоры, перебегали оттенки цветов — это движение завораживало.

Я пошел по кругу, стараясь держаться подальше от Урсиллы, которая деловито разбиралась с захваченным из шкафа хозяйством. Кажется, я слышал (не ушами, а мыслями, как раньше голос оборотня) отдаленный шепот, слишком тихий,

чтобы понять.

Урсилла выбрала что-то из своих запасов, направилась к курильнице и высыпала в нее горсть сухих, смятых трав — с такой осторожностью, словно пересчитывала каждый листик. Уронив последний, Мудрая отряхнула подол ладонью и впервые взглянула на меня.

— Что до́лжно сделать, да будет сделано хорошо, — загадочно вымолвила она. — Сила привела меня сюда много лет назад. В древнейшем из наших свитков я прочла о загадке этого места. До нас — а мы забыли счет своих лет — в Арвоне обитали другие. Они служили своим Силам, покорялись Власти, какую нам не вообразить. Их время минуло, но остатки их Силы, пусть истощенной и ослабленной, все еще больше той, какую могут привлечь ныне Голоса и Тень. — Я ждала, я училась… — Ее голос вздымался, как крик торжества. — Я знаю, чего может добиться здесь обладающий Даром. Такой, как я!

Мне кажется, она не думала убедить меня, а просто выпевала вслух свои мысли. Ее лицо горело как бы внутренним огнем, и свечение кожи напоминало пустые лица вокруг нас.

— Теперь надо ждать, — продолжала Урсилла. — Такие дела легко не делаются. До́лжно

выбрать верный час и призвать тех, кто нужен.

Она отошла от курильницы, вернулась к своим сокровищам. Отыскав среди них мешочек, она распустила шнурки завязки, достала бурую лепешку и разломила ее надвое. Половину сжевала сама, другую протянула мне:

— Ешь!

Я не хотел делить с ней даже такую малость, но надо было поддержать телесные силы. Я в один присест разгрыз и проглотил лепешку. Пардусу она показалась безвкусной, но я узнал дорожный хлебец, выпекавшийся, чтобы поддерживать жизнь в тех, кому доведется подолгу обходиться без обычной еды.

— Она скоро будет здесь. — Урсилла потирала руки. — Призыв отправлен и приведет ее. Тогда мы положим начало — а за ним явится конец, и какой!

Сев у ног фигуры с человеком-игрушкой, она уперлась лбом в колени. То ли заснула, то ли заворожила сама себя. Я улегся как можно дальше от нее. Бежать в темноту было бесполезно. Я и без слов Мудрой сознавал, что это место удержит меня, пока не будет снято ее заклятие. И отделить в себе человека от зверя я сейчас не решался. Витавшая в воздухе древняя Сила внушала мне

величайшее недоверие.

Быть может, я тоже заснул — или поддался чарам, погрузившим меня в подобие сна. Очнулся я словно от обморока и не знал, сколько он длился. Урсилла была на ногах, стояла рядом со мной, глядя за круг.

Ясно было, что она чего-то ждет и вслушивается в тишину. Я услышал тихий стук шагов и снова легкий шелест, какой издает метущая землю женская юбка. Звуки приближались.

Наконец пришедшая вступила в круг света. Госпожа Ироиза. Лицо ее вытянулось, осунулось. Она постарела на годы, казалась сейчас даже старше собственной матери. Но мой взгляд притянуло то, что она держала в руках — держала наотлет, словно брезговала и старалась не коснуться им собственного тела.

Пояс! Пояс, за которым я вернулся в Кар До Прон.

При виде его у меня вырвалось ворчание. Я вскочил, я был готов…

Урсилла махнула рукой в мою сторону. Словно бросила что-то невидимое. Не знаю, что это было, но взмах ее руки вынудил меня бессильно замереть на месте.

Мать смотрела перед собой застывшим взором.

И двигалась, как зачарованная, словно ее, спящую, вызвали сюда колдовством. Когда Урсилла, протянув руку, забрала у нее пояс, мать вскинулась и обвела все вокруг диким взглядом.

Ее лицо смял страх.

— Урсилла! — Она комкала слова, невнятно бормотала. — Магус… Элдрис… они сошли с ума! Вломились к тебе. Магус приказал уничтожить все, что там было. Люди не хотели исполнить приказ, так он пошвырял все из окон башни, своими руками собрал в кучу и поджег. Он не выпускает из рук меч, клянется убить Кетана за сношения с Тенью и послал гонца в Кар До Йелт, где, по слухам, живет человек, любимый Голосами, с просьбой прибыть и очистить замок. Он… он как обезумел. Готов даже на братоубийство.

Урсилла осталась невозмутимой:

— Он обзавелся ночными спутниками, Ироиза. Нельзя так просто угрожать Мудрым.

Ироиза содрогнулась:

— Ты загнала его за грань страха. Он больше ничего не боится, а только ненавидит — и хочет убивать.

— Пусть бесится, ему недолго осталось, — равнодушно бросила Урсилла. — Даже найди он ведущую сюда дверь, без моего дозволения не

войдет. На такой случай там есть стражи. Не дрожи, женщина, — настал час, которого мы так долго ждали. Ты думала править Кар До Проном, а я говорю, что ты будешь править большей частью страны.

Мать заломила руки, потом принялась тереть их о юбку, словно хотела стереть оставшуюся от пояса мерзость. Она дико озиралась, не понимая, куда попала.

— Урсилла… Маг! Я раскладывала карты, у Кетана в восьмом доме выпал Маг. Это знак… знак…

Урсилла пожала плечами:

— Знак грядущего величия. Ты мне об этом уже говорила, и я тебе объяснила, что́ может означать такой расклад. Ты по глупости слишком полагаешься на свое гадание. Нам ни к чему знаки и предвестия, потому что здесь спит, ожидая пробуждения, Иная Сила.

— Я не хочу… — заикнулась мать. Слезы выступили у нее на глазах, покатились по щекам, затекли в раскрытый рот. — Пожалуйста, Урсилла… это место… мне страшно здесь!

Урсилла только повела плечом:

— Слишком поздно ты спохватилась, госпожа. Обратного пути нет.

Мать закрыла ладонями лицо, стала, как ма-

ленькая, утирать слезы. Наверное, это зрелище должно было пробудить во мне жалость, но не пробудило. Какое бы родство нас ни связывало, я сейчас ничего не чувствовал к этой женщине, чей гордый нрав и жадность довели нас до такого.

О том, как Урсилла ворожила на дымных рунах и отправила меня исполнять ее волю

Урсилла держалась уверенно — видно, точно знала, что делать. Она медленно обходила сидящих, задерживалась перед каждым, чтобы вглядеться в тот перетекающий, изменчивый пузырь, что заменял ему лицо. Она так внимательно изучала эти переливы света, словно хотела вычитать в них некое послание. Закончила круг она перед тем, в когтях которого висел игрушечный человек.

Тут она возвысила голос, но не нараспев. Она извлекла из-за кружевного корсажа костяной свисток на серебряной цепочке. И поднесла его к губам, издав тонкий пронзительный свист, до того резавший слух пардусу, что я бы громко взревел, если бы мог.

Потом…

На свист ответили — слабо, издалека. Или, подумалось мне, нас разделяло не расстояние, а время. Урсилла свистнула трижды и трижды получила ответ. С каждым разом он делался

слышнее, словно призванный ею приближался.

Она немного повернулась, направив кончик жезла на тщательно наполненную курильницу. Живой огонь, сорвавшийся с жезла, слепил глаза. Содержимое курильницы занялось, вспыхнуло. Однако пламя горело недолго. Когда оно опало, из курильницы повалили клубы дыма.

Обвивавший нас ледяной ветер давно улегся, и я не ощущал никакого движения воздуха, и все же дымный столб, сильно наклонившись, протянулся к фигуре с человеком-игрушкой, окутал всю статую, кроме светящегося лика-пузыря. В нем краски стали сочнее и ярче, переливы цветов ускорились. Я не поднимал головы из страха, что происходящее притянет взгляд. Потому что во мне крепла мысль, что таким образом эти древние Силы подбираются к жертве.

Урсилла выпустила свисток из губ, оставив его висеть на груди, как та подвеска с полумесяцем у Лунной колдуньи.

Лунная колдунья!

Едва воспоминание предстало перед моим взором, я вздрогнул как от удара, поняв, что о ней здесь нельзя думать, как и о других из Звездной башни, — только не здесь! Сумеют ли безрассудно вызванные Урсиллой влияния дотянуться

в такую даль, чтобы нарушить покой лесного убежища? Я этого не знал, но опасался невольно протянуть к ним мост.

Худое тело Урсиллы раскачивалось из стороны в сторону, ноги же оставались на месте. Облако дыма качалось вместе с ней, выбрасывая щупальца то вправо, то влево. Эти щупальца на миг словно повисали в воздухе, а затем охватывали фигуры по сторонам той, что высилась перед Мудрой.

Таким образом дым затянул все статуи, окружив нас стеной. Когда закрылся последний проход, курильница перестала дымиться. От того, что в ней горело, осталась щепоть серого пепла.

Теперь запылали пузыри. Я слышал тяжелое, прерывистое дыхание матери. Страх развевался за ее плечами, как плащ на ветру. А потом…

Я больше не ощущал в ней ни страха, ни даже сознания. Повернув голову, увидел ее пустой взгляд. А тело ее тоже раскачивалось, точно повторяя движения Урсиллы. Волей или неволей, госпожа Ироиза вовлеклась в задуманное Мудрой дело.

А я нет. Что-то во мне упрямо противостояло колдовству. Я помнил, кто я и как сюда попал. Я крепко держал это в памяти, отводя глаза от сия-

ющих личин. И на мать с Урсиллой я старался не смотреть, чтобы они не увлекли меня за собой.

Урсилла подняла жезл, указала им. На сей раз из кончика не ударило пламя. Нет, она коснулась им дымной стены так, словно писала на этой бестелесной завесе большим пером. Не знаю, что она при этом видела.

Я позволял себе короткие взгляды в ее сторону и тут же отворачивался, чтобы не увязнуть. И ее движения казались мне лишенными смысла.

Однако Сила и так давала о себе знать. Кожа у меня подернулась мурашками, от позвоночника к ногам расходился холод. Мне хотелось вскинуть звериную голову, выплеснуть страх и трепет в реве. Здесь пришли в движение стихии. Может быть, пробуждались сами древние скалы. Движущая ими Сила не имела ничего общего с моим родом. И я не верил, что Урсилла может ею управлять. Я не удивился бы, если бы сидящие истуканы поднялись и втоптали в землю нас, возмутивших древний покой своими мелочными хотениями.

Урсилла опустила руки, кончик ее жезла стукнул по полу. Дым редел, отступая от статуй, втягиваясь в темноту пещеры. Я обернулся на вскрик матери.

Та упала на колени, двумя руками закрывая лицо. Ее била крупная дрожь. Урсилла же стояла прямо, лицом к тому, кого желала пробудить, — если такова была ее цель.

Она медленно повернулась. Лицо ее было почти таким же пустым, как лики сидящих фигур. А в распахнутых глазах горел огонь, какого я еще не видел в глазах людей. Недолго было поверить, что в них, как в ликах-пузырях, гуляют разноцветные волны.

Она заговорила — и такого ровного, холодного голоса я никогда не слышал.

— Начало положено, хорошее начало. Теперь твой черед.

Ее жезл поднялся, указав не на Ироизу — на меня. Застигнутый врасплох, я не успел выставить оборону.

И снова жезл не полыхал огнем. Нет, из него излился приказ — приказ и знание, как его исполнить, утвердились в моем мозгу. Я был бессилен против него. Телом — и телом Кетана, и телом зверя — правила воля Мудрой.

— Ступай!

Она снова указала жезлом. Не в ту сторону, откуда мы пришли, а за спину фигуры, перед которой склонялась, — в темноту.

И Кетан, и пардус во мне теперь оказались как бы заперты в третьей сущности, коей приказ Урсиллы дал полную власть над моим умом и телом. Кетан наблюдал за происходящим, как человек мог бы смотреть в окно тюремной камеры.

Она приказала, и я пошел. Устремился в темноту, не освещенную даже мерцанием жезла. Я в нем не нуждался. Ее приказ внедрил в меня чувство направления, тянул меня, как прикрепленный к ошейнику поводок. Пещерный зал тонул в бархатистой черноте, темнее, чем безлунная ночь. И он был очень велик, потому что, хотя я бежал изо всех сил, поднимая лапами пыль, казалось, что этому путешествию нет конца.

Наконец, видимо, добравшись до конца пещерного зала, я немного замедлил шаг, ступив на ведущий вверх пандус. Здесь не было лестниц, а только пандусы, которые раз за разом становились все круче. Увлекающий меня приказ заставлял преодолевать эти подъемы со всей доступной мне быстротой, карабкаться все вверх и вверх.

Однако, удаляясь от того странного места, я ощутил, как слабеет воля Урсиллы. Нет, вырваться из-под наложенного на меня запрета я не мог. Думаю, только опытный колдун мог бы снять эти

чары, если можно снять ярмо, выкованное давно забытым знанием. Но, несмотря на запрет, я снова мог обдумывать, как сорвать план Урсиллы.

Я не думал, что она ведет меня в замок или хотя бы в окрестности Кар До Прона. Магуса мне пока можно было не опасаться. Я искал средства увернуться от действия, к которому принудит меня приказ Мудрой. Для этого следовало беречь силы.

Вверх, вверх — сколько еще осталось? Далеко ли мне до живого мира? Передо мной был лишь темный путь, и казалось, ни темноте, ни дороге нет конца.

Затем — далеко наверху, как одинокая звезда в ночи, пробилось слабое серое мерцание. Конец! Воодушевленный этим огоньком, я снова ускорил шаг, хотя усталые ноги еле двигались и ребра болели при каждом вздохе.

Серая точка становилась резче и ярче. Но она не сулила ни солнца, ни дневного света. Я позволял себе надеяться только на выход. Наконец я, превозмогая усталость, поднялся по последнему, самому крутому откосу и вышел — в сумерки.

Кругом, заслоняя небосклон, стояли округлые курганы. Из их склонов выступали обтесанные каменные глыбы. Быть может, я попал в очень

древний, забытый храм или замок. Повернув голову, я бросил взгляд на отверстие, из которого вышел. Дыра темнела в склоне одного из курганов, не отмеченного никаким знаком.

Впрочем, внушенная тяга к действию не дала мне времени осмотреться. Снова натянулся невидимый поводок. У меня было неотложное дело — идти дорогой, которая приведет меня к исполнению воли Урсиллы.

Куда-то… к кому-то… Должно быть, Урсилла знала его по имени, а передо мной не было даже воображаемой картины. Но гис приведет меня на место. А потом — я должен буду вернуться с этим человеком.

Как человек внутри пардуса ответил отказом на крик Урсиллы «Убей!», так и теперь все во мне — и человеческое, и звериное — готовилось к борьбе с ее волей. Но время борьбы еще не настало. Инстинкт (или что-то ему сродни, что-то, пришедшее ко мне за время борьбы за владение телом) предупреждал: не трать сил прежде времени.

Я тихо ступал в спускающейся темноте, сворачивая туда или сюда — куда указывал гис и где мой нос чуял свободный путь. Этот путь пролегал среди леса, но я не узнавал мест и решил, что так

далеко на восток меня еще не заносило.

Курганы остались позади, вокруг меня сомкнулись деревья. Как тихо было в лесу! Ни одного шороха. Казалось, все живое покинуло эти края.

Наткнувшись на ручей, я стал жадно пить, смывая пещерную пыль с морды и из глотки. Ни голода, ни боли я не ощущал. В небо поднимался тонкий молодой месяц. Он подсказал, что в пещере мы пробыли много дольше, нежели мне думалось.

Месяц не давал света, но взгляд пардуса проникал в колодец темноты, и мне не требовалось подсказок. Дважды я обогнул места, смердевшие Тенью, как гнилые пруды. Пробегая мимо, я рычал от ненависти и мечтал порвать их в клочья.

Какие опасности таились в этих местах, я не догадывался и не имел ни времени, ни желания узнавать. Однако одно то, что в лесу стало больше таких мест, пугало меня.

Только выйдя к реке, я угадал, куда влечет меня приказ: обратно к замку! Кто же назначен моей добычей? Магус? Элдрис? Или Тэйни? Я ни к кому из них не питал любви, но то, что оставалось мной, готово было в последний час биться за их спасение. Или погибнуть — хотя телу, быть может, предстояло жить дальше.

Прыгая по камням через реку, я начал подозревать, что Урсилла ведет меня не в замок — в иное место. И понял куда.

К Звездной башне!

Угадала ли она (или вычитала в своих гаданиях), что там мне оказали помощь? Решила отомстить?

Я попытался совладать с телом пардуса. Тщетно. Рыча от ярости на свою беспомощность, я все равно продолжал бег, двигался сквозь ночь прямо к тем, кому меньше всего на свете хотел бы причинить вред. Так ужасало меня сотворенное Урсиллой, что, встань в ту минуту передо мной Магус, я бы сам бросился на его меч.

Теперь я силился подать мысленное предупреждение жителям башни. Не владея мысленной речью, я все же надеялся, что они уловят колебания выставленной вокруг башни защитной завесы.

И резко, как желанный удар меча, пришел ответ:

«Мы знаем».

Снежный кот-оборотень! Он обратился ко мне, как в прошлый раз.

— Убей! — помыслил я.

Лучше мне лечь мертвым, чем совершить за-

думанное Урсиллой злодейство. Я знал только, что должен был привести к Мудрой избранную ею жертву. На какую участь — оставалось только гадать.

«Приходи…»

Это сказал не снежный кот. Теперь говорила хозяйка Звездной башни. Только бы она не сняла защиту!..

Я отчаянно пытался переслать ей свои мысли, показать, какое зло несу в их мирный дом. Откуда мне было знать, велика ли вложенная в меня Мудрой Сила? Но я боялся, что в пещере она обрела могущество, неведомое на земле Арвона. И что Звездная башня окажется перед ним бессильна.

Передо мной предстали сад и Звездная башня. Я вдохнул сочный аромат трав. И всмотрелся, ожидая мерцания защитной стены, окружавшей прежде ее лучи. Быть может, она выстоит против Урсиллы?

Но дымки я не увидел. На дорожке, словно встречая гостя, стояли три темные фигуры. Я вступил в бой с собственным телом, принуждая его остановиться. Потому что мне наконец открылось, за кем я был послан.

За Лунной колдуньей!

«Убейте меня!» — снова помыслил я.

Надежды спастись во мне уже не осталось. Либо умереть здесь и сейчас, либо несказанное, невообразимое зло захватит эту девушку, а может, и других, но ее наверняка.

Ни один из троих не отшатнулся от меня, и оборотень не внял моей отчаянной мольбе. Они были в той же одежде, в какой я видел их из башни Урсиллы, когда эти трое пришли мне на помощь. И каждый высоко держал символ своей власти — ветвь с зеленым листком, перевитый лунными цветами жезл и меч. Меч! Он должен нацелиться мне в сердце, в горло!

Я зарычал, взвыл в бешенстве. Почему они меня не послушали? Я несу им беду, а они бездействуют…

Женщина первой простерла ко мне свою ветвь. Может быть, она направит через нее Силу… уничтожит меня…

Но то, что перетекло в сумятицу моих мыслей и страхов, было нежным, как припарки из трав, которыми она утишала боль в моих ранах. Кнут, которым подстегивала меня Урсилла, терял силу…

«Я опасен…» — подумал я.

Не знал, слышны ли им мои мысли, но надеялся, что хотя бы оборотень уловит предостережение.

«Мы знаем. Мы видели».

Ответ явственно сложился в моем сознании. Хотелось спросить — как? — хотя у них, конечно, были свои способы распознать нацеленные против них заклятия.

«Я должен забрать… ее!»

Еще одно предостережение. Они, конечно, должны были уже понять, что колдовство Урсиллы не оставило мне выбора. Я приведу Лунную колдунью в пещеру или умру. Лучше бы второе.

«Не так, — явился мне ответ оборотня. — Мы читали знаки воды, звезд и огня. Твоя судьба сплетена с нашей и наша с твоей. Мы не сумеем выравнять весы, не встав лицом к лицу с колдуньей из Кар До Прона, — так говорят знаки. Бывает время топора, — продолжал он, — и время меча. Есть время человека и время ветра, время Звезды — это время Великих Владык и Голосов. А есть время оборотней и колдовства, они зовут нас и правят нами».

Я не вполне понял его слова. Но мысль, что наши судьбы сплетены, потрясла меня, хотя я не усомнился в его правдивости. Потому что этот человек, если и не был Голосом, все же обладал собственной Силой. Затем в моих мыслях зазвенел голос женщины:

«Земля и воздух, огонь и вода. Восход на востоке, белая луна на юге, сумерки запада, черная полночь севера, тис, терн и рябина, закон знания и закон имен, закон правдивой лжи и закон равновесия — вот что движет нами».

Ее слова прострелили мой разум, оставив после себя одно удивление, а между тем Лунная колдунья шагнула от остальных прямо ко мне. Она опустила ладонь мне на голову, как в тот раз, когда советовала искать ключ к заклятию. Ее легкое прикосновение облегчило тяжесть моей ноши.

— Луна тонка, но жива, — промолвила она вслух. — Она растет, и с ней растет то, что дает мне оружие. То, зачем ты ко мне пришел, должно свершиться. И не думаю, что твоя колдунья легко перенесет нашу встречу.

И вот, оставив за спиной Звездную башню, я ушел от нее не один, а с Лунной колдуньей. А следом шла женщина, походкой легкой и уверенной, как поступь идущего с ней рядом снежного кота. Мы перешли реку, возвращаясь по пройденному мной пути, и снова чужая Сила вела меня прямо как полет стрелы.

Однако ослабевшие от их присутствия узы позволяли мне замедлить шаг. Мы не неслись, а шагали сквозь ночь. Иногда ладонь Лунной

колдуньи гладила мою голову. И каждый раз ее прикосновение облегчало тяжесть на сердце, питало надежду, что я несу Урсилле не то, чего та желает, а то, чего заслуживает.

Обманчивый предрассветный сумрак встретил нас среди руин-курганов. Но едва мы приблизились к черному отверстию пещеры, женщина вскрикнула.

Я стремительно обернулся к ней. Она стояла, выбросив вперед руку, и водила ладонью по воздуху, как по стене. Я этой стены не видел, к тому же мы с Лунной колдуньей уже несколько шагов как миновали это место.

Снежный кот приподнялся на задние лапы, а передними оперся о невидимую преграду. Он с ворчанием выпустил когти, проскреб ими сверху вниз.

Так трудно доставшаяся мне надежда погасла в единый миг. Было ясно без слов, что здесь стоит стена Силы: пропустив меня и мою жертву, она отрезала тех, кто мог бы нас поддержать.

Я хотел вернуться, увести с собой Лунную деву. Я захватил в ладонь несколько лунных дисков ее юбки, потянул. Однако как те двое не могли пройти вперед, так и я не мог повернуть обратно.

Меня с силой влекло вперед, и я понимал, что

недолго смогу сопротивляться. Меня увлечет под землю, и со мной — Лунную колдунью. Лучше бы оборотень послушал мою просьбу и убил меня на месте. Сплетены или нет наши судьбы, им теперь до меня не дотянуться и мне не добраться к ним.

О том, как госпожа Ироиза сказала правду, а я восстал против Урсиллы

«Иди!» — Приказ снежного кота потряс меня. Я разрывался между двумя властными повелениями, тянувшими в разные стороны.

— Иди, — эхом отозвалась хозяйка башни. — Это заклятие не из мощных, оно сношено временем, и мы скоро сумеем его прорвать. Но если вы станете медлить, та, что ждет вас, узнает и, может статься, укрепит стену.

Мне хотелось ей верить. Только смел ли я? Но рука Лунной колдуньи снова легла мне на голову, и она решительно повернулась к непроницаемо черной дыре, внушая мне: уж она-то верит в силу своих близких. В ней незаметно было страха, но ведь она не понимала…

Я неохотно шагнул вперед, и она подстроила свой шаг к моему.

«Здесь так темно, — думал я. — Меня ведут, я не знаю как…»

«И меня ведут, — отозвалась она, — потому что мы с тобой теперь едины».

И мы вошли в пещеру, осторожно спустились

по первому пандусу. Я вскоре перестал видеть ее в темноте даже острым кошачьим зрением. Мне осталось только ее касание.

А потом — рядом со мной возникло смутное мерцание. Оно немного походило на дымку, окружавшую Звездную башню. Светились диски, составлявшие ее юбку, и рогатый полумесяц на груди.

— Здесь пребывает великая Сила, — заговорила девушка. — Она пробуждает могущество любого рода. — В другой ее руке покачивался цветочный жезл. Все цветы широко раскрыли лепестки и излучали свет. — Матери-луне нет хода под землю, но это место питает и ее Силу. Должно быть, в старые времена этим путем ходили умевшие взывать к луне.

От ее безмятежности мой страх за нее лишь усилился. Я попробовал выразить его вслух, забыв, что мне доступно лишь гортанное кошачье мяуканье. И снова девушка угадала мои мысли.

— Нет, Кетан. Я не спорю — колдовство твоей Мудрой для меня непостижимо. Но и она, думаю, не взяла в расчет, что я сумею призвать кое-что, незнакомое ей. Меня хорошо выучили. Я еще ребенком, не умеющим внятно говорить, видела сквозь созданные людьми преграды. Моя мать

по знакам огня и воды обнаружила во мне Дар, непохожий на свой. Впрочем, этому не приходится удивляться. Ведь моей матери ведом Зеленый путь, моя мать — колдунья Зеленого пути, а мой отец когда-то был оборотнем.

Она сказала это с гордостью, с какой люди замка перечисляли славных предков.

— Мать, поняв, что мне суждено иметь дело с Силой, отвела меня в Храм Нив. Ее служительницы оценили мой Дар и сказали, что я стану водительницей луны. Повзрослев, я пришла в Линарк. Там меня многому научили. А вернувшись в Рит к отцу и матери, я узнала еще больше. Ведь в Рите издавна обитала Лунная магия, и она еще не померкла, когда мать с отцом нашли башню и поселились в ней.

Свободно текла ее речь. Так беседуют с другом, гуляя с ним в чистом поле. А между тем мы уходили все глубже в недра земли, навстречу Силе, с какой еще не мерился человеческий род.

Итак, я не ошибся в своих догадках. Снежный кот был оборотнем. Тогда почему же он не в Серых Башнях?

— Моя мать, — продолжала девушка, как будто снова прочитав мои мысли, — из невест Долин. Ты разве не слышал эту историю, Кетан? Она

настолько знаменита, что сказители вписали ее в хроники.

Да, я слышал. Всадники-оборотни попали в число изгнанных из Арвона после битвы Великих Владык. Их обрекли на дальние бесприютные странствия, пока звезды не займут предуказанные места. Тогда они вправе будут просить о возвращении.

Они ушли на юг, в Долины. Позже — но задолго до моего рождения — люди там завязали войну с людьми, и Всадники заключили союз с жителями Долин, заселившими покинутые нами места. Они вместе прогнали из Высшего Холлака захватчиков, оттеснили их за море или перебили.

За свою службу Всадники назначили цену: после войны и победы владетели Долин обязались дать им невест из своего рода.

И вот в год Единорога к границам пустых земель прибыли тринадцать девушек. Они выбрали себе мужей из числа Всадников, с ними вошли в Арвон и поселились в Серых Башнях. Но я никогда не слышал, что среди них была колдунья.

— Они не знали, что в моей матери течет кровь колдуний. Ее малышкой нашли в море, на корабле захватчиков, и один из владетелей Долин удочерил ее. Но в ней был скрытый Дар. Это

встревожило Всадников — они боялись жить бок о бок с обладательницей Силы.

Они пытались изгнать ее в Иной мир, но мать с отцом победили, сумели отвоевать свои тела. Однако отец после того не захотел остаться в Серых Башнях, потому что Всадники от страха решились на дурное дело. Тогда они с матерью нашли Рит — или, вернее, им рассказали о Рите. И Звездная башня стала им убежищем. В Рите мы переплетали Зеленую магию с Коричневой, возводя из них стену против наползающей Тени.

Но Арвон снова в смятении. Поговаривают, что Ворота могут открыться и впустить изгнанников. Не все они, подобно Всадникам, готовы жить в мире. Недавно Всадники сами послали гонцов к моему отцу, предупреждая, что близок день, когда их призовут на защиту страны. Он пока отвечал им уклончиво. Думаю, узы крови тянут его в одну сторону, а старая обида — в другую. Покуда не разрешится эта внутренняя борьба, он не ответит ни да ни нет. Но мы — я и мать — надеемся, что Рит держит его крепче памяти о прошлом, ведь в этой памяти много несчастий. А Рит, как показывает наше предвидение, очень важен для Арвона. Он давно был покинут, но теперь ожил, и в нем растет Сила жизни!

Слушая ее рассказ, я как бы видел в полной темноте стены Звездной башни, обонял аромат цветов ее сада. И мне до боли хотелось вернуться туда.

— Да, — сказала она, и я почувствовал, что ей понятна моя тоска. — Рит обнимает человека, как теплая ладонь. Но эта ладонь существует лишь нашими трудами.

Мысли мои вернулись к тому, чем я был занят сейчас, и мне стало дурно. Я пытался удержать свое тело на месте, восстал против принуждения. Играть в грязные игры Урсиллы, втянув в них Лунную колдунью… Нет, это не для меня!

Я рычал и плевался. Ноги не слушались Кетана — пардус принадлежал Урсилле! И снова на мою голову легла ладонь Лунной девы. Я не знал, что сделать для нее, а она пыталась поддержать *меня*! Но разве она понимает, куда я ее веду и что ее там ждет?

— Кетан, — торжественно, как песнопение, прозвучали ее слова. — Меня зовут Айлинн, мою мать — Гиллан, а отца — Херрел.

Мне понадобилось целое мгновение, чтобы понять, что́ она сделала. Назвав себя и двоих из башни, она установила между нами родственные узы. Ведь во всем, что касается Силы, имя — внут-

реннее ядро человека. Нет большего доверия, чем доверить другому свое имя.

— Нельзя! — вскинулся я.

— Да, но я это сделала.

В ее ответе мне послышался смех. Не наводящий страх торжествующий смешок Урсиллы, а радостный смех, какой слышишь среди друзей в счастливую минуту. Этот звук согрел меня, как не грел никакой огонь. В замке многие звали меня родичем, но никого я не мог бы назвать в ответ другом. А эти, из Звездной башни, стали мне товарищами по Чаше и собратьями по щиту.

— Как долог путь! — заметила Айлинн, словно застеснялась и решила перевести разговор на более легкие материи.

— Я не знаю, далеко ли еще, — ответил я.

Пока она рассказывала о себе, я не замечал сокрушающей Тьмы. А теперь она опустилась на нас, грозя раздавить тяжелыми складками. Я пожалел, что не считал подъемов, когда шел к выходу, — теперь знал бы, долго ли предстоит спускаться. Но тогда мной владела одна мысль — достичь назначенной Урсиллой цели.

Вниз, вниз. Юбка и кулон моей спутницы светились по-прежнему, но, кроме нее самой, почти ничего не освещали. И все же любой свет здесь

нес толику утешения для тех, кто вырос на поверхности мира, а не в его глубинах.

Наконец мы добрались до ровного пола. Я свернул влево, к середине пещеры, полагая, что круг изваяний должен располагаться в центре. В той стороне, очень далеко, горела искорка.

Натянулся поводок, тащивший меня назад. Угадав, что Урсилла почувствовала наше приближение, я предупредил спутницу.

— Как же ей не знать, — хладнокровно ответила Айлинн. — Она уже идет нам навстречу. А вот чего она не знает, Кетан, — это что Гиллан с Херрелом уже взломали стену наверху и идут за нами.

— Откуда она могла это узнать?

И снова я угадал в ней легкий смех.

— Кетан, во всем, что касается Силы, мы едины душой и мыслями. Любая часть знает о близости целого.

Для меня это было непостижимо. И все же ее уверенность внушала мне надежду. Я страшился Урсиллы, не зная, что она нам готовит. Но спокойствие колдуньи намекало, что Мудрая наконец встретит противника, с которым не так легко справиться.

Мы уже бежали. Я — кошачьими прыжками,

как будто крепкий поводок раз за разом дергал меня вперед; Айлинн же — легко, словно резвилась на лесной поляне.

И вот перед нами статуи. А между ними стоял… Магус! Как он пробился в эти места? И госпожа Элдрис! Кузен и бабушка застыли неподвижно, словно и они были вытесаны из такого же камня, как сидящие изваяния. И в руке Магуса не было меча — обнаженный клинок валялся у него под ногами.

Лицо его застыло маской страха и гнева. А в лице моей бабушки был чистый страх, и лишь изредка, когда ее взгляд обращался к моей матери, в нем загоралась ненависть.

Урсилла ожидала нас, держа перед собой жезл, как рыбак держит удочку, вываживая к берегу пойманную рыбу. Айлинн больше не было со мной рядом. Оглянувшись, я увидел ее лицо в отблесках светящихся пузырей-ликов. Оно было спокойным, но твердым — тоже застыло маской, только эта маска ничего не выражала, и лишь глаза жили на ее лице.

Перевитый цветами жезл Айлинн держала на локте, словно букет собранных по дороге цветов. Если Урсилла и вправду считала Лунную колдунью легкой добычей, ей предстояло удивиться.

— Добро пожаловать, Кетан, — нарушила молчание Урсилла. — Ты хорошо справился… — А ты… — Она перевела взгляд, с головы до ног и обратно смерила им Айлинн. И поспешно скрыла мелькнувшее удивление. Не знаю, что она ожидала увидеть, только не Лунную колдунью. — Так… — прошипела она, и жезл ее замелькал, как меч воина перед решающим выпадом.

С его кончика летели искры. Айлинн же улыбнулась — не с торжеством, не с насмешкой, а открыто, как ребенок.

— Ты звала, Мудрая. Я пришла. Чего ты от меня хочешь?

Моя мать, стоявшая по ту сторону курильницы, пошатнулась — лицо ее отразило чистое изумление.

— Кто… ты? — спросила она, задыхаясь, словно от быстрого бега, и прижимая ладонь к сердцу.

— Я та, кого призвала эта Мудрая, — отозвалась Айлинн.

Все взгляды сошлись на ней. Девушка держалась гордо, как, бывало, моя мать в лучших праздничных одеждах.

— Нет! — Госпожа Ироиза шаг за шагом отступала перед Айлинн. Ей словно привиделось явление самой Тени. Изумление ее перешло в

открытый ужас. Она с заметным усилием повернулась от Айлинн к Урсилле и пронзительно вскрикнула: — Ты не ту привела!

— Ту самую, — оборвала ее Урсилла. Жезл она опустила, но его конец все еще указывал на Айлинн, которая словно не замечала угрозы. — Чары, когда за ними стоит Сила Древних, не ошибаются, — продолжала Мудрая. — А это значит…

Мать качнулась вперед, как от удара. И схватила Урсиллу за плечо.

— Не может быть! — визжала она. — Или я не знаю нашей крови? Наш Дар — из самых малых. А эта обладает Властью!

Я слушал и ничего не понимал. Что-то встало между моей матерью и Урсиллой, заставив Ироизу забыть обо всем.

— Ты не спрашивала меня о ее отце. — Тонкие губы Урсиллы растянулись в усмешке черепа. — Не хочешь ли узнать, что *у него* в крови?

Мать уронила руки, отшатнулась от Урсиллы. И, сжав кулаки, ударила ими друг о друга.

— Нет! Какую тварь ты привела к моему ложу? Кого я вскормила?

Урсилла рассмеялась тем же страшным смехом, с каким сулила беды оскорбившему ее Магусу.

— Ты сама не знаешь, как хорош твой воспитанник, госпожа. Что до племени его отца — тебе не было до него дела. Лишь бы получить дитя. — И ее рука, свободная от жезла, начертила в воздухе огненный знак.

Я в замешательстве переводил взгляд с одной на другую. Магус первым угадал, какую тайну они скрывали так долго. Он задрожал, как если бы хотел и не мог шевельнуться. Но его лицо осветилось буйным торжеством.

— Так вот что вы затеяли! — сплюнул он, обращаясь к женщинам. — Теперь мне все ясно. Ты недаром отправилась рожать наследника к Гунноре, госпожа. Только ваше колдовство не подействовало, и вместо сына родилась дочь! А где ты взяла это отродье Тени?

Его взгляд желал мне смерти.

В тот миг прошлое словно распахнулось, и многое стало мне ясно. Да, я понял, как это было: как Ироиза с Урсиллой, когда рождение дочери грозило разрушить их честолюбивые планы, подменили ребенка. И если заклятие Урсиллы должно было привести сюда пропавшую дочь Ироизы (а этому я мог поверить), значит этой дочерью была Айлинн. Но кто же тогда я?

— Молчать! — Урсилла развернулась, напра-

вив жезл на Магуса. Он сцепил зубы, багровея от ярости, но не в силах больше вымолвить ни слова. — Мы ничего не потеряли, — твердо заявила Урсилла. — Зачем, по-твоему, я ее призвала? — Она махнула рукой на Айлинн. — Пока она живет на свете, мы под угрозой. Тем более если она такова, какова она есть. И от этой угрозы мы должны избавиться. А заодно, — злобно расхохоталась она, — мы привяжем к себе твоего послушного сына такими узами, которых ему не порвать. И еще избавимся от этого крикливого дурня. — И она кивнула на Магуса.

Мать отпрянула еще дальше. Ее взгляд словно приковало к Урсилле. Зато госпожа Элдрис закричала, и ее вопль пробудил в земле странное эхо, от которого холодело в спине.

Урсилла запустила руку во внутренний карман. И достала… В ее руке, свернутый петлями, лежал пояс, покоривший меня ее воле. Мудрая встряхнула его, распустив во всю длину. Порванные коршуном концы были починены.

И тогда, прежде чем она обратила на меня всю Силу своей власти, я сделал свой ход. Человек! Человек! Воля моя подхватила и удержала желание. Я влил в него все силы, все силы человека и пардуса.

И стал Кетаном. Зверь исчез.

Госпожа Элдрис снова закричала. На этот раз ее вопль подхватила Ироиза. Я видел, как кивнула мне Айлинн из-за спины Урсиллы. Ее цветочный жезл был обращен на меня. Как видно, через него она направила мне в помощь часть своей Силы.

Урсиллу мое преображение ничуть не обескуражило. Она как будто ожидала от меня чего-то подобного. Меня это насторожило. Я наклонился за мечом, упавшим к ногам Магуса. Тот тоже боролся против сковавшей его Силы, но тщетно. Урсилла подняла жезл. Я прикинул, хватит ли длины меча, чтобы выбить его из рук Мудрой. Против иных видов колдовства железо действует. Только позволила бы мне Урсилла вооружиться, если бы боялась меча? Едва ли, — подумалось мне.

Однако свой жезл она нацелила не на меня, а на курильницу. Я только теперь заметил, что Мудрая успела заново наполнить ее. В сухие травы ударил луч, из них пошел дым, и на сей раз к нему добавились язычки огня.

Мудрая снова засмеялась:

— Молодец, Кетан, теперь ты вооружен для предстоящего дела. Здесь нет Тени, какой мы знаем ее в наши дни упадка. Но обитающие в этом

месте Силы соберутся на запах свежепролитой крови. Насытившись, они станут подвластны приказу — на время. Итак — зови их на пир!

Теперь ее жезл нацелился мне в сердце.

— Убей, — холодно, как приказывают слуге в зале или в конюшне, приказала она.

Рука моя поднялась против воли, которую я напрягал так же, как минуту назад, чтобы стать человеком. И еще я приказывал руке выпустить рукоять меча — пусть он вновь упадет в эту вековечную пыль.

Я боролся так же яростно, как Магус, и все же сделал шаг вперед, а за ним и второй. Мой меч протянулся к белой фигуре Айлинн.

Нет! Я замер, покачнулся. Пусть я до конца дней останусь зверем! Только не это! Пусть Урсилла порвет меня своими чарами и всеми таящимися здесь страхами. Пусть убьет мое тело — убьет даже то главное, что живет в этом теле. Только не *это*!

Меня шатало взад-вперед, острие меча колебалось, уступая то моей воле, то воле Урсиллы.

— Беги! — выкрикнул я, и эхо ответило моему крику: «Беги…ги…ги».

Но Айлинн осталась на месте. Ее глаза не отпускали моего взгляда. Я не мог понять, почему она

не бежит. Или Урсилла и ее сковала заклятием, как Магуса и его бабушку?

— Убей! — пронзил меня голос Урсиллы.

Я ощутил гнев в ее голосе.

Я собрал остатки воли — и держался.

И тогда…

Тело мое охватила неслыханная боль. Я завопил.

Урсилла держала пояс над огнем курильницы, скармливала его пламени. Языки огня лизали мех и кожу, и огонь пожирал мое тело.

— Убей! — крикнула она. — Убей или умри в муках!

Она была близка к победе. Корчась от пожиравшей тело и разум боли, я терял сосредоточенность воли. Но пока мог — я держался.

О наложенных и снятых чарах и о том, как мы узнали свою судьбу

Сквозь красную пелену боли я видел, как Айлинн поднимает ко мне цветочный жезл. На одно-два мгновения боль отступила. Но ненадолго. Пламя, облизывая поднесенный Урсиллой пояс, снова охватило меня.

Но и сквозь боль я видел, как пояс извивается в руках Урсиллы, словно живое существо рвалось на свободу. Сильным рывком он вырвался из ее пальцев и пролетел по воздуху. Ему навстречу взметнулась рука, поймала.

Я стоял, задыхаясь после пытки. Мой пояс лежал в руках той, кого Айлинн назвала Гиллан, Зеленой ведьмой. Рядом с ней снежный кот припал к земле, глаза сверкали, отражая огонь курильницы. Урсилла пошатывалась. Рывок не только встряхнул ее тело, но и пошатнул власть над призванной ею Силой.

Первым делом она, не веря своим глазам, уставилась на пустую руку, потом медленно подняла голову к двоим, стоявшим за кругом сидящих фигур. Ни тени, ни темнота не скрывали их. Быть

может, свет, открывавший их нашим глазам, как и тот, что освещал круг изваяний, был рожден Силой.

Я видел, как изменилась в лице Урсилла. Годы не смяли кожи на ее костях, а эти несколько мгновений страшно состарили лицо, превратили в повязанный платком череп.

— Кто… вы?.. — Слова скрежетали заржавленным металлом. Казалось, она произносит их против воли.

— Те, кого ты звала, — ответила Зеленая колдунья. — Или ты, Мудрая, думала, что можешь призвать одного из рода, чтобы другие не пришли следом?

— Из рода! — Урсилла уже оправилась от удара. Она запрокинула голову, и воздух разорвало сухое хихиканье. — Ты называешь ее… — она ткнула пальцем в Айлинн, — родной? Ошибаешься, женщина! Она не твоей крови. Ни ты, ни твой косматый супруг не имеют к ней отношения. Хочешь знать, какое дитя ты выносила, — взгляни на этого дурня!

Теперь ее палец указал на меня.

— Слышали, — без удивления отозвалась Гиллан. — Ты говорила не таясь, а у нас есть уши. Сын… — Она через плечо Урсиллы взглянула

прямо на меня. — Возьми свое!

Я поймал брошенный ею пояс. Он лег мне в руку так же легко, как недавно — в ее ладонь. Я поспешил застегнуть на себе опаленную полоску кожи, но, лаская ее пальцами, не нашел следов огня.

Урсилла зарычала, как зверь. Вскинула руки, будто отражая атаку. Но я уже защелкнул яргоновую пряжку. И меч был в моих руках. А смотрел я на Айлинн. Как она перенесет открытие давней правды? Она, бывшая одним целым с Гиллан и Херрелом…

Но она и сейчас была с ними! Стоило взглянуть на нее, чтобы ощутить объединявшую их силу. Пусть она не была их дочерью по крови, но воистину оставалась дочерью их ума и сердца. Она не выказала удивления, осталась безмятежной. Такую безмятежность рождает уверенность в том, кто ты есть и *что* ты есть.

— Неужели ты, Мудрая, — спросила Гиллан, — вообразила, что можно пройти через храм истины — Храм Нив, не узнав скрытого колдовством? Она — наше дитя волей тех, чье величие нам не охватить…

Я смотрел на них — на Зеленую колдунью, на свою мать, на оборотня-отца и на Айлинн, дитя их выбора, — и понимал, как справедлив был этот

выбор. Во мне разрастался холод одиночества. Не страха, а отверженности, памятной мне с детства, но лишь теперь обретшей смысл и полноту.

Я не был наследником Кар До Прона. Магус получит то, чего добивался. Не стану я теперь, когда открылась истина, и орудием в руках Урсиллы. Я отрезан от всех и одинок.

Нельзя мне было так уходить в себя. Потому что Урсилла перешла в нападение. Ее жезл полыхнул, указав на Айлинн. Из огня донесся крик девушки.

И тогда я прыгнул в огонь, и его жгучие языки обвили мое тело. Прыжок донес меня до Айлинн.

Я выбросил левую руку, чтобы вытолкнуть ее из пляшущего пламени.

Мы стояли в огненном кругу, и этот огонь горел не оранжевым и не красным, а более глубоким и смертоносным цветом — пурпуром Тени. Отступать нам было некуда, потому что за нами вздымались стеной колени сидящего изваяния, а стена пурпурного пламени подбиралась все ближе.

Лунная колдунья прижала свой посох к груди. Она не размыкала губ, но я ощущал ритм заклинания во всем ее теле. И пытался сделать для нее то, что она делала для меня, — передать ей свою

Силу. А потом я, выронив второпях бесполезный меч, подхватил ее тонкий стан, чтобы забросить на колени изваяния. Там, над огнем, для нее было место. Может быть, Гиллан с Херрелом успеют что-нибудь сделать, прежде чем вызванный Урсиллой ужас дотянется до девушки.

Сквозь смыкающуюся, подступающую лавину огня я видел остальных. Урсилла в лихорадочной спешке выводила концом жезла круг, охватывавший ее и курильницу. Она сорвала что-то с груди, бросила в каменную чашу. Новые клубы дыма скрыли Мудрую. Но ее пение я еще слышал — шипящие, тягучие звуки, пробуждавшие неведомые чары этого места. А потом из дыма послышался пронзительный звук костяного свистка — отчаянный призыв.

— Кетан, вверх! — Это кричала Айлинн. Она свернулась в своем странном укрытии и оттуда протягивала мне руку. Но рядом с ней не было места. А смрад пурпурного пламени спирал дыхание, и я давился, кашлял, словно все зло мира изливалось из этого гнусного тумана. — Наверх!

Пальцы Айлинн впились мне в плечо. Ногти расцарапали кожу. Я ощутил и силу ее воли, притягивающую, как тянули чары Урсиллы — сначала к Айлинн, потом обратно в пещеру.

Ее воля каким-то чудом вознесла меня наверх, и мы прижались друг к другу на каменных коленях. Я смутно обрадовался, что это не была статуя, игравшая человеком. В когтистой руке у этой был полураскрытый цветок. И Айлинн, протянув руку, пробежала кончиками пальцев по каменным лепесткам, словно ласкала свой лунный цветок.

В ней больше не ощущалось напряжения воли, вытянувшей меня из огненного круга. Она скорее ждала — только я не знал, какого события или знака.

Защитный круг Мудрой коснулся ног изваяния с человеком-игрушкой. Дым густыми клубами обвивал теперь саму Урсиллу. Я ждал, что он, как и в прошлый раз, растечется по кругу, охватывая безликих. Однако сейчас струи дыма застыли. Над его верхним краем мы видели слепые лики-пузыри. Волны цветов в них набрали силу, густели и темнели.

Пламя подобралось к самому подножию приютившей нас статуи. Мне казалось, что огонь, если можно сказать так о пламени, злится, хлещет множеством языков, силясь дотянуться до нас. Но и самые высокие языки до нас не доставали.

На миг (сколько может длиться последний

миг?) мы были в безопасности. Я вглядывался сквозь огонь — как там остальные? Урсиллу все еще скрывала дымная завеса. Трое из замка сбились в кучу, тараща глаза от страха. Наложенное Урсиллой заклятие понемногу отпускало Магуса. Госпожа Элдрис цеплялась за внука. Он высвободил одну руку, заслонил ее и себя. Магус был безоружен, но держался как защитник. У их ног скрючилась Ироиза. Куда девалось ее высокомерие? Она даже не плакала больше, как плакала, явившись по приказу Урсиллы. Лицо ее побелело от страха, неподвижный взгляд застыл на скрывшем Мудрую дымном облаке. Все они смотрели только на дым. Нас над пламенем они не замечали.

И тому были веские причины. Даже самое бесчувственное существо без капли Дара не могло не ощутить Сил, скопившихся в этом забытом святилище (если это было святилище). Урсилла распахнула Ворота…

Те, легендарные Ворота? Едва эта мысль проскользнула у меня в сознании, Айлинн повернула лежавшую на моем плече голову. Я прочел в ее глазах удивление.

Мы, рожденные в Арвоне после Великой Смуты, только из легенд знали о тех временах. В

хрониках часто говорилось о Воротах и о том, что удавалось вызвать из них. (Куда труднее бывало оттеснить обратно ворвавшихся в прорехи нашего мира пришельцев.)

Что же до природы этих Ворот, ключей к ним и их расположения — предания не сохранили этого знания. Оно было запретным, все, наделенные Силой, чурались его, чтобы ненароком не замешаться в дела Тени; ведь сдержать тех, кто пришел из Великой Тьмы, было трудным делом.

Я вполне мог поверить, что круг статуй отмечал расположение таких Ворот. И если Урсилла в своем безумии открыла их…

Где те двое из башни? Я, занятый сперва грозящей Айлинн опасностью, а потом раздумьями о колдовстве Мудрой, едва не забыл о них. А теперь повернулся, сколько позволяла тесная площадка, отыскивая их взглядом. Но их загораживало туловище статуи, на которой мы примостились. Рука Айлинн сжала мою руку.

В другой ее руке качнулся цветочный жезл, указал на цветок в руке статуи. Девушка осторожно развернула жезл так, чтобы кончик уперся в сердцевину каменного цветка.

— Дай мне… — Ее тихий голос мог достичь только моих ушей. — Дай мне то, что можешь

дать… родич!

Она не смотрела на меня, целиком сосредоточилась на цветке и кончике жезла. Спустя мгновения я понял, что теперь она стала каналом, по которому изливалась Сила — отчасти всколыхнувшаяся по ее призыву, отчасти вытекавшая из меня. Я, хоть и не был мастером в таких делах, напрягся, как раньше, когда отделял человека от зверя, чтобы отдать ей свой небольшой запас.

Так остро было мое желание, что целый мир сжался до точки, где жезл касался изваянного цветка. Я чувствовал, как Айлинн подхватывает изливавшийся из меня поток, очищает его, усиливает, сливает со своим. И только потом направляет сквозь жезл.

Ярче засветились лунные цветы. Их чистое сияние прорезало тусклый пурпур подступавшего пламени. Жезл преобразился в луч лунного огня, яркий до боли в глазах.

Айлинн просила у меня еще, и я отдавал щедро, не думая, во что мне это станет.

И вот там, где посох касался цветка, возник бледный огненный круг. Он тоже рос, делался ярче, ширился и вытягивался вверх, и вот уже каменные лепестки стали подобны лепесткам лунного цветка, словно наша Сила наделила

каменную резьбу жизнью.

Я даже сквозь сосредоточенность смутно сознавал еще какую-то перемену. Менялась укрывшая нас фигура. Вещество ее окутанного плащом тела вздрагивало — не от дыхания, не от сердцебиения, но от чего-то близкого им!

Я заставил себя думать только о том, чем занята сейчас Айлинн. Я гнал от себя все вызванные этой переменой подозрения.

Цветок совсем разгорелся, до самых кончиков лепестков, но стал не таким ярким, как лунные цветы, а скорее серебристым. От кончиков лепестков спиралью расходилось сияние, и вот уже перед нами не каменная резьба, а большой дивный цветок, начертанный вокруг в воздухе.

Каменные лепестки раскрывались все шире, отгибались назад, как раскрываются бутоны в знойный день. За ним раскрылись и другие лепестки, прежде ограждавшие сердцевину.

Из нее вырвался лучик серебряного света, за ним еще и еще. Я видел луговые цветы, раскидывающие свои семена на несомых ветром пушинках. Вот так разлетались сейчас лучики света. Одни пропадали в дымной стене вокруг Урсиллы, другие падали в пурпурное пламя под нашими ногами.

Айлинн подняла жезл. Взглянула через плечо вверх, на нависшее над нами гладкое лицо. Поток Силы иссяк. У меня не осталось сил даже шевельнуться. Но все же я вынудил себя взглянуть туда же.

Овальный пузырь все так же переливался волнами красок. Но… в нем проступило что-то еще?

Видел ли я? Или только в воображении мне почудились на нем глаза — глаза, глядевшие на меня из огромной дали, — глаза, в которых я был ничтожно мал, глаза, еще не очнувшиеся от долгого сна. Не поручусь, но я верю, что видел их.

Если эти глаза и глядели на нас, они скоро исчезли. Жезл в руке Айлинн потемнел, потускнел. Лунные цветы на нем завяли и отваливались опаленными клочьями. Пропал и каменный цветок с его сиянием. Там, куда упали его семена (если эти лучи были семенами), я видел другое.

От тех, что опали в осаждавшее нас пламя, остался только след падения. Огонь в этих местах потух, оставив проходы, которые не могло затянуть подступающее со стороны пламя.

И в скрывшем Урсиллу дыму светящиеся семена прорезали широкие окна. Сквозь них мы увидели, к чему привел призыв, на который Мудрая истратила все свои силы и познания.

Гиллан с Херрелом шагнули вперед, к проему в дымной стене. Снежный кот весь напружинился. При виде дрожащего кончика его серебристого хвоста память пардуса отдалась дрожью и в моих мышцах.

Кот прыгнул — ловко вскочил в дымное окно. Вслед за ним Гиллан выбросила вперед свой увенчанный зеленым листом посох, направив наконечник в голову Урсилле.

Мудрая стояла, откинув голову, закрыв глаза, испуская из уст шипящие тягучие призывы. Теперь же ее голова мотнулась вперед, как от затрещины. Урсилла подавилась словами — если это были слова. Всего на длину одного вдоха прервалось ее заклинание, и тут снежный кот взмахнул мощной лапой, нанося удар, редкий даже для его могучего племени.

Выпущенные когти достали добычу. Упала опрокинутая курильница. Из нее выплеснулась столь заботливо приготовленная Урсиллой смесь. Начинка рассыпалась пеплом и больше не дымила. Дым, что висел в воздухе, медленно таял.

Но…

Крику, вырвавшемуся из моего горла, ответило из темноты хриплое эхо. Потому что сидящий перед Урсиллой… шевельнулся.

Небрежно отброшенный игрушечный человечек выпал из когтистой лапы. Теперь когти, смыкаясь, зависли над снежным котом. Я услышал боевой клич оборотня. Увидел, как скривились губы Урсиллы, издавая нечеловеческие звуки. Она хлестала жезлом, загоняя кота под медленно опускавшуюся руку.

Что делать? Айлинн вскрикнула. Я не разобрал ее слов. Я думал только о том, что надо делать.

Задрожал листок на жезле Гиллан. Сам жезл сновал как челнок. Лицо Зеленой колдуньи было стянуто страхом — не за себя, за Херрела.

А я — не помню, как я спускался, — уже стоял на дне пещеры. Пальцы мои сомкнулись на рукояти меча, оставшегося у ног статуи. С ним в руке я шагнул вперед, подчинив воле изнуренное тело.

Снежный кот легко проскочил в дымный проем. Но сама стена осталась висеть в воздухе. Мне некогда было отыскивать другой проход, и не было сил допрыгнуть до этого. У меня был только меч — железо, смертельное для некоторых видов колдовства.

Остатки сил ушли на то, чтобы поднять руку на уровень плеча. И тогда я метнул меч, как мечут копье.

Он пролетел сквозь окно в дыму. Я не успел

хорошо прицелиться, да и слабость подвела меня. Острие миновало Урсиллу. Клинок лишь вскользь задел ее жезл.

Сверкнула ослепительная вспышка. Я вскинул руку, заслоняя глаза. Что ж… неудача…

— Кетан!

Айлинн держала меня за плечи. Я, и не видя, узнал ее руки.

Я заморгал, разгоняя цветной туман перед глазами. Сквозь этот туман ко мне на четырех лапах подступал звериный силуэт. Снежный кот!

Пока он шел ко мне, слева приблизилась Гиллан. Я опять моргнул, протирая затуманенные вспышкой глаза.

Поднявшийся ветер уносил последние клочки дыма. Под ногами фигуры, отозвавшейся на ее призыв-заклятие, лежала Мудрая.

Струи ветра избивали ее скорчившееся тело. Она с каждым ударом вжималась в плиты пола, и… и она…

Ее не стало! Остался кусок ткани, которым она повязывала голову, смятое платье. А она пропала. Над тем местом, где только что корчилась женщина, когтистая лапа навечно сжала новую игрушку.

— Ее власть… — смутно сквозь завывания ветра

долетел ко мне голос Гиллан. — Ее власть рухнула и обратилась против нее. Ей конец!

— Да будет так!

Этот голос тоже был мне знаком. Магус отошел от женщин и следил за нами взглядом, в котором осталось немного здравого рассудка.

— Если ты думаешь заполучить Кар До Прон… — Казалось, все случившееся для него ничего не значило. Магуса занимала одна мысль. И обращался он к Айлинн.

Та рассмеялась:

— Зачем мне твой замок? — Она прижалась к Гиллан. — Не нужно мне твое наследство. У меня есть свой дом.

— Ты… — Он обернулся ко мне. — Ты не вправе…

— И не собираюсь, — ответил я ему. Меня охватила великая усталость. — Кар До Прон отойдет к тебе, Магус. Никто не оспорит твоих прав.

Он взглянул на меня с сомнением. Должно быть, на моем месте он дрался бы за свой замок и не мог поверить, что я отказался от него так легко. Но от меня Кар До Прон сейчас был далек, как звезда, и куда менее желанен.

— Да, Магус, тебе Кар До Прон…

Все мы обернулись в изумлении. За кругом

сидящих статуй стоял человек. На наших глазах он шагнул в меркнущий круг света. Проходя там, где еще не замерло пурпурное пламя, он махал на него рукой. Пламя гасло.

— Ибикус… — Я слишком устал, чтобы гадать, что в этот час привело сюда торговца.

Он поклонился:

— Да, это я, Кетан. Вижу, ты превосходно использовал подарок.

Моя рука потянулась к поясу. Что-то во мне подмывало сорвать его и отбросить от себя. Что-то другое противилось. Зверем я стану, когда придет в том нужда, но Кетан всегда будет держать пардуса в узде.

Он кивнул. Я не сомневался, что он прочел мои мысли так же легко, как руны в свитке.

— Истинно так.

И он повернулся лицом к Гиллан и снова ставшему человеком Херрелу.

Оба они встретили его почтительными жестами, какими в замке встречали посланников Голосов.

— Ты думаешь, мы разыграли злую игру, госпожа?

Она помедлила с ответом.

— Скорее, думаю, что смысл вашей игры был

темен для игроков.

— Ты совершено права. Урсилла обеспечила своему оружию, Ироизе, наследника — ради своих целей. Ее усилия были замечены одним из тех, чей долг поддерживать равновесие сил в Арвоне. И мы использовали ее честолюбие, чтобы закалить тех, кому в грядущем понадобится твердость. С вами, Гиллан, Айлинн стала той, кем ей предназначено быть. Если бы не игра Урсиллы, она росла бы в Кар До Проне, где не смогла бы изведать всей глубины и высоты своей Силы. Что до Кетана… — Теперь он улыбнулся мне. — Кетана испытывали, как кузнец испытывает меч, проверяя на крепость. А последние события сплели вас четверых в единый прочный узор.

Херрел, дождавшись паузы в его речи, спросил:

— Ты говоришь намеками, посланец. Нас снова ждет бой?

— Знаки говорят нам об этом, но и мы не видим будущего во всей полноте. Вы, оборотни, вместе с невестами из Долин положили начало новому роду. Эти двое… — он указал на нас с Айлинн, — несут в себе то же наследие. Нам дано знать, что это важно, а зачем и почему, откроется со временем. Теперь же… — Он стоял, подбоченившись, поочередно изучая каждого из нас. — Этим нет

места в Арвоне. Они древнее древнего и должны быть забыты. Прочь!

Он ткнул указательным пальцем в Магуса, в госпожу Элдрис, в Ироизу. И… те исчезли.

На нас он не стал указывать порознь. Взмах его руки охватил всех разом. Дохнула холодная тьма, и вот…

Мы стояли на теплом утреннем солнце. Взгляды троих, стоявших рядом, согревали меня внутренним теплом, не сравнимым даже с солнечным светом.

— Добро пожаловать домой, Кетан, — сказал мой отец, а Айлинн за руку потянула меня по дорожке через сад.

Благодарности

Хотелось бы выразить благодарность за помощь в двух технических вопросах относительно этой книги.

Прежде всего миссис Меррил Гладстон из «Rock Pile», от которой я получила яргон и сведения об этих полудрагоценных камнях: их происхождении, весе, окраске и тому подобном.

А также миссис Филлис Шлеммер, экстрасенсу, показавшей мне различные виды Таро и составившей настоящий гороскоп Таро для Кетана.

Андрэ Нортон

Проклятие Зарстора[2]
Роман

[2] Примечания: 2
Перевод Г. Соловьевой.

1

Верхний конец безымянной западной долины, куда занесло сегодня Бриксу, освещало солнце. Здешние места, удаленные от разграбленного мародерами востока, обещали зыбкую безопасность — если не забывать об осторожности. Девушка, присев на пятки, скорчила рожу далекой туче на востоке — туча намекала, что погода будет портиться. Брикса водила лезвием ножа по точильному камню и с беспокойством поглядывала на истончившийся лепесток стали. Отлично выкованный клинок был когда-то крепким, но сколько раз его с тех пор точили, и кто теперь помнит те времена? Если не остеречься, лезвие просто сломается в руках, оставив ее совсем безоружной.

Ее обожженные солнцем руки покрывали шрамы, ногти обломались, грязь в лунках не оттиралась даже с песком. Кто бы мог подумать, что

когда-то она не держала в руках ничего тяжелее веретена прядильщицы или челнока ткачихи да еще иглы, вышивавшей цветные узоры на толстых гобеленах для стен замка. Той жизнью, размягченной и безопасной, жила другая девушка — жила, пока в Высший Холлак не пришел враг. Она скончалась в те дни, протянувшиеся за спиной Бриксы уходящим в забвение коридором.

Брикса, пережив бегство из осажденного замка, который всегда был ей родным домом, стала жесткой и крепкой, как клинок в ее руках. Она узнала, что время — это один день, который встречаешь на рассвете и проживаешь до найденного к закату укрытия. Праздничных дней больше не бывало, и месяцы потеряли названия — были только жаркие времена и времена стужи, от которой ныли все кости, бил кашель и мороз кусал пальцы, убеждая, что ей больше никогда не согреться.

Лишнего жирка на ней теперь не осталось: девушка стала сухой и тонкой, как тетива лука. И на свой манер не менее смертоносной. Тонкое сукно, янтарные ожерелья, бледное золото с запада, украшавшее пальцы, — все это представлялось теперь сном, тревожным сновидением.

Она жила со страхом, пока страх не стал привычным спутником, так что, отступи он теперь, Бриксе стало бы пусто и одиноко. Случалось, она готова была отвернуться от темневшего в скале устья пещеры, от протянувшейся над головой ветви, отказаться от упрямой воли к жизни и принять смерть, тянувшуюся по ее следу, как собака — за подбитым охотниками оленем.

И все же у нее в крови жила решительность — разве она не принадлежала к роду Торгуса? Разве не каждый в южных долинах Высшего Холлака знал наизусть Песню Торгуса и о его победе над Силой Камня Ллана? Может, род Торгуса и не мог похвалиться землями и богатствами, зато он выделялся среди других силой духа.

Брикса подняла руку, смахнула со щеки выбеленную солнцем прядь обрезанных выше плеч волос. Золотые косы девицы из замка не для тех, кто скитается в глуши. Продолжая водить лезвием по камню, она напевала себе под нос «Вызов Ллана» так тихо, что никто, кроме нее, не уловил бы мелодии. Да и слушать было некому — она сразу после рассвета проверила лощину. Не считать же за слушателя черную птицу, угрюмо каркавшую с перекрученного зимними холодами дерева.

— Так-так…

Она испытала заточку лезвия на непослушной пряди, упрямо падавшей ей на глаза. Острая сталь легко срезала волоски, оставив горсточку их у нее в руке. Брикса пустила их лететь по ветру. И снова ощутила прикосновение страха. Лучше — здесь, в незнакомой стране, — было бы похоронить эту частицу себя. В старых сказках говорится, что неведомые человеку Силы умеют творить злые чары на волосках, обрезках ногтей и каплях слюны.

«Но здесь, — подумала она, — бояться некого». Здесь, рядом с Пустыней, сохранились следы тех, кто когда-то владел этой страной, — следы Древних. Они оставили после себя каменные глыбы и странные места, то манившие, то ослаблявшие душу. Но это были лишь знаки давно исчезнувшей Силы или Власти. И тех, кто оставил эти знаки, давно уж нет. Черная птица хрипло закричала, словно возражая ее мыслям.

— Эй ты, черная! — Девушка, прервав песню, покосилась на птицу. — Что-то ты больно расхрабрилась. Слабó скрестить мечи с Утой?

Откинувшись на пятки, она вытянула губы трубочкой и издала негромкий, но далеко слышный свист.

Птица яростно закаркала, словно знала, кого она подзывает. И снялась с ветки, чтобы, держась над самой землей, улететь вниз по склону.

Над высокой зеленой кочкой (в холмах не осталось овец, под корень ощипывавших траву) поднялась пушистая головка. Растянув губы, кошка зашипела, сердито щурясь вслед каркнувшей напоследок птице.

Со свойственным ее породе достоинством кошка подошла к Бриксе. Девушка приветствовала ее, подняв ладонь. Они давно уже делили дорогу и постель, и Брикса в душе гордилась тем, что Ута выбрала ее спутницей по бесцельным скитаниям.

— Хорошо ли поохотилась? — обратилась она к кошке, усевшейся на расстоянии вытянутой руки от нее, чтобы тщательно вылизать заднюю лапу. — Или здешние крысы, когда стало не у кого красть еду, тоже разбежались?

В одиноких странствиях она слышала свой голос только в разговорах с Утой.

Брикса устроилась поудобнее и вгляделась в стоявшие внизу развалины зданий. Судя по всему, когда-то эта долина была обжитым местом. Укрепленная усадьба с оборонительной башней теперь стояла без крыши, и стены еще носили

следы пожара, но когда-то она, должно быть, была уютным жильем. Брикса насчитала два десятка крестьянских хижин (теперь от них сохранились лишь очертания стен), большая груда камней осталась, скорее всего, от деревенской таверны. Все здания были когда-то нанизаны на ниточку дороги. Дорога эта, как догадывалась Брикса, тянулась прямо к ближнему речному порту. По ней, направляясь в здешние горные долины, проходили купцы. Да и те странные, не слишком терпимые люди, что бродили по Пустыне среди руин Древних, могли сбывать здесь добытое в развалинах.

Брикса не знала, как называли это селение здешние жители. И не у кого было спросить, что превратило жилые места в пустошь. Враг, вторгшийся в Высший Холлак, не мог зайти так далеко от моря. Однако война породила зло, не принадлежавшее ни Долинам, ни врагу, а рождавшееся от тех и других.

Пока воины Долин сражались вдали, здесь свирепствовали двуногие волки — разбойники пустых земель. Брикса не сомневалась: если она спустится вниз, то найдет свидетельства того, как погибло это поселение. Наверняка оно разграблено, да и руины, верно, не один раз прочесали. Не

она одна скитается в глуши. Но все же оставалась надежда, что в них отыщется что-то полезное — хотя бы помятая кружка.

Брикса вытерла руки о штаны и недовольно нахмурилась, отметив, что ткань на одном колене истончилась так, что просвечивала кожа. Она давно сменила длинные юбки на удобную одежду лесного жителя. Не выпуская из руки ножа, девушка потянулась за другим своим оружием — крепким охотничьим копьем. Его наконечник тоже был остро наточен, и Брикса хорошо выучилась с ним обращаться.

Свой заплечный мешок она спрятала в кустарнике. Задерживаться в развалинах было ни к чему, вряд ли вообще стоило тратить время на обыск. Но надежда на находку оставалась, а Ута предупредила бы, если бы в руинах обитала тварь крупнее крысы или лугового прыгунца. Долина выглядела пустой, и все же Брикса держалась настороже. В незнакомых местах всегда могут подстерегать неожиданности. Последние три года научили ее, как тонка грань между жизнью и смертью.

Она крепко закрыла двери памяти. Воспоминания о прежней жизни подтачивают дух. Чтобы сохранить рассудок и бодрость, лучше жить од-

ним днем. Так она и жила и полагала, что ей есть с чем себя поздравить, коль скоро она добралась так далеко целой и невредимой. А то, что когда-то и у нее был такой же дом, что она одевалась в мягкие, искусно сотканные и окрашенные ткани, теперь ничего не значило. Теперь ее мускулистое, исхудавшее от голода тело было прикрыто иной одеждой.

Почти сносившиеся штаны из грубой материи, дублет из шкурок прыгунца, кое-как скроенный и сметанный собственными руками, рубашка под ним, найденная в мешке убитого разбойниками воина. Воин Долин захватил врагов с собой. Брикса уговорила себя, что рубашка — подарок ей от этого храбреца. Ноги ее были босы, хотя в мешке на случай, если путь станет слишком тернист, она носила деревянные сандалии. Кожа на ее подошвах загрубела, ногти на ногах стали толстыми и обломались.

Волосы торчали на голове буйной жесткой копной, причесывалась она теперь только пальцами. Когда-то ее волосы были цвета яблочного эля, заплетались в толстую шелковистую косу. Теперь, выгорев на солнце, они походили на жухлую осеннюю траву. Брикса больше не гордилась своей наружностью, а только умом и силой, необ-

ходимыми, чтобы выжить.

«Теперь, — мельком подумала она, перебираясь от куста к кусту (постоянно настороже, прислушиваясь, приглядываясь, принюхиваясь к угрозам), — куда уместнее было бы называть госпожой Уту». Кошка была крупнее обычных домашних. Очень может быть, что ей и не случалось греться у разведенного человеком огня, что она с рождения дикий зверь. Правда, тогда еще удивительнее представлялась ее холодноватая привязанность к девушке.

Год назад, насколько она могла судить без календаря, Брикса очнулась от весьма беспокойного сна и увидела у своего костра Уту. Кошачьи глаза отражали пламя, как зависшие в воздухе медные монеты. Брикса на ту ночь укрылась в заросших мхом развалинах здания, оставшегося от Древних. Она уже убедилась, что бродяги, которых она числила врагами, чурались подобных мест. А она не находила в них ничего дурного — просто стены, постепенно уходившие в землю.

При первой встрече она отнеслась к Уте с опаской. Но в кошке не было ничего особенного, кроме этого немигающего, взвешивающего и оценивающего взгляда. Мех у нее был чисто-серый, на голове темнее, на лапах и хвосте — с

голубоватым блеском, особенно когда его трогало солнце. И мех этот был густым и мягким, как роскошные ткани, доставлявшиеся заморскими купцами в забытые годы, до того, как Вторжение захватчиков разорвало Долины сверху донизу, с востока на север, вдребезги разбив жизнь, так что у выживших оставалось мало надежды собрать ее заново.

На темной мордочке Уты сияли глаза странного оттенка — они казались то голубыми, то зелеными, а ночью в них всегда горели красные искорки. И глаза эти смотрели очень понимающе. Порой Бриксе становилось неуютно под их взглядом — как тогда, при первой встрече, — словно за щелками зрачков таился разум, равный ее собственному, и с отчужденным спокойствием изучал ее.

Сейчас девушка и кошка пробрались сквозь бурьян, неровной стеной окруживший те развалины, в которых Брикса угадала таверну. Две ее стены устояли, хотя обожженные пожаром раскрошившиеся обломки поднимались не выше плеч Бриксы. В почти доверху засыпанной дыре угадывался погреб, но раскапывать его у нее не хватило духу.

Нет, господский дом обещал больше добычи.

Хотя его-то, конечно, мародеры обшарили в первую очередь. Но если пожар разгорелся, не дав им закончить, то…

Брикса вскинула голову. Ноздри раздулись, ловя запах. В глуши она, подобно животным, полагалась на нюх и, не сознавая того, даже не задумываясь о таких вещах, отточила обоняние до остроты, какая ей и не снилась, пока война не превратила девушку в бродягу.

Да! Горит дерево.

Она упала на четвереньки, с осторожностью охотницы проползла вдоль стены, отыскала место, где бурьян рос не так густо. И растянулась ничком, мало-помалу проталкивая вперед копье, чтобы раздвинуть нависающие ветки.

Огонь в это время года, когда не случалось поджигающих лес гроз, мог означать только человека. В этих местах почти наверняка — разбойника. Чтобы прежние жители этих мест вернулись в надежде что-то спасти… Обдумав такую вероятность, она не отбросила и ее.

Но даже вернувшиеся в деревню люди Долин могли оказаться врагами. Стоит им на нее взглянуть — начнется охота. Одетая в лохмотья, Брикса с виду ничем не отличалась от разоривших эти места разбойников. Ее запросто могли принять

за лазутчицу разбойничьей шайки.

Вглядываясь в открывшуюся ей картину, Брикса не сумела обнаружить никаких признаков лагеря. Дом, решила она, не в том состоянии, чтобы защитить от непогоды. А вот башня уцелела, и, хотя ставни окон давно разбиты бурями, в остальном она выглядела не слишком изуродованной.

Значит, если там кто-то есть, они в башне. Едва она успела об этом подумать, как из дверей кто-то вышел на открытое место. Брикса замерла.

Мальчишка — судя по росту, — такой же нечесаный, как она сама. А вот одежда на нем целая и довольно чистая. Темно-зеленые штанины заправлены в сапоги, на кожаный дублет нашиты металлические колечки, они же защищают рукава до запястий. В ножнах на поясе виднелась простая рукоять меча.

Мальчик, которого она разглядывала, откинул голову и свистнул сквозь пальцы. Ута шевельнулась и, не успела Брикса ее перехватить, выскочила из укрытия, стрелой мелькнула по двору, держа хвост трубой. Но на призыв отозвалась не она одна. Из-за башни рысцой выбежал конь, склонив голову, ткнулся лбом в грудь мальчику, а тот принялся ласково теребить его челку.

Ута, оказавшись на виду, села, обвив лапы

хвостом и, Брикса в этом не сомневалась, меряя мальчика тем же изучающим взглядом, какой временами уделяла и ей. Девушку такая измена спутницы невольно разозлила. Ута сопровождала ее так давно, что она привыкла относиться к кошке как к подруге-человеку. А теперь эта подруга выскочила у нее прямо из рук, чтобы навестить незнакомца.

Брикса недовольно нахмурила брови. Ей здесь ждать нечего — никакой надежды отыскать что-нибудь полезное. Если что и оставалось, эти пришельцы наверняка все подобрали. Лучше поскорее ускользнуть, предоставив Уту своей судьбе. Что ни говори, кошка, похоже, сама решила изменить дружбе.

Мальчик заметил Уту. Отстранив коня, он опустился на колено, протянул к ней руку.

— Красавица… — У него был выговор верхних долин, а голос ошеломил подслушивавшую девушку. Она так давно не слышала чужих голосов… — Иди сюда, красавица…

— Джартар? — Она увидела, как напрягся мальчик, оглядываясь на дверь башни. — Джартар… — Второй голос был ниже, и в нем звучало что-то…

Брикса, примостив подбородок на локоть, ды-

шала легко и тихо.

Двое — самое малое. Пока что лучше не шевелиться, хотя она была почти уверена, что приобретенное по необходимости умение таиться позволит ей отступить незаметно.

Мальчик выпрямился и вернулся в башню. Лошадь, потряхивая головой, побрела по булыжнику двора, высматривая пучок травы погуще. А вот Ута направилась в проем с сорванной дверью.

Бриксе стало жарко от злости. У них тут столько всего — одежда, меч, лошадь, — а у нее только Ута. А теперь она, похоже, и кошки лишится. Самое время было уходить. Но девушка не спешила отползти назад.

Она очень долго была одна. Знала, что безопасно только в одиночестве, и все же ее тревожили воспоминания. Она не без тоски вглядывалась в дверной проем башни. Мальчишка выглядел неопасным. При нем меч — но кто в этих местах ходит без оружия? В последнее время здесь нет закона, владетели Долин больше не защищают людей. Каждый полагается на силу своих рук, на свои ловкость и умение. Правда, голос, донесшийся из башни, был мужским, но может быть, там всего один взрослый мужчина?

Осторожность требовала немедленно ползти назад. Но голод духа был не слабее тоски изголодавшегося тела. Ей хотелось услышать голоса, увидеть кого-нибудь — Брикса до этой минуты не сознавала, как сильно в ней это желание.

«Глупо!» — сурово сказала она себе. И все же минуту за минутой уступала этой глупости. И в какую-то из этих минут оказалось, что отступать поздно.

Движение в глубине проема. Ута, уже подобравшаяся к самым дверям, грациозным прыжком отскочила и села на булыжники, снова обернув хвостом лапы. Из башни вышел мальчик, но на этот раз он, поддерживая, вел с собой взрослого мужчину.

Высокий мужчина — во всяком случае, таким он казался рядом с мальчишкой — шел, странно пошатываясь, повесив голову, уставившись в землю. Руки болтались как привязанные, и, хотя мужчина, как и мальчик, был одет в кольчугу (настоящую, а не самоделку из нашитых на кожу колечек), на поясе у него не было меча. Мужчина был широк в плечах, тонок в талии и в бедрах. Волосы его, остриженные довольно давно, курчавились за ушами и, зачесанные от загорелого лба, спадали на шею. Волосы были темными, и брови

тоже. Что-то в его внешности тревожно зацепило память Бриксы. Когда-то, очень давно, она видела этого человека.

Что-то о нем говорили… Она — впервые за много месяцев — сознательно разворошила воспоминания, которые так старалась заглушить. Да! О том человеке — он был владетелем с запада и в единственный проведенный в замке вечер сидел за столом высоко, по правую руку от ее отца, — шептались, что он… полукровка! Заржавевшая память выдала нужное слово — он был из тех, на кого в Долинах косились, но старались не раздражать, из тех, чьи отцы брали жен из странного народа — из Древней расы, в большинстве своем давно покинувшей Высший Холлак, растворившейся на севере и на западе, куда разумный человек не сунется. О полукровках всегда шептались — они владели понятными им одним Силами. Однако отец Бриксы встретил того человека как друга и, казалось, был польщен тем, что тот остался под их крышей.

Сейчас она находила отличия между образом в ее затуманенной памяти и этим человеком, вышедшим из полуразрушенной башни. Этот, отойдя несколько шагов от двери, не поднял голову, чтобы осмотреться, а встал как вкопанный,

по-прежнему таращась в булыжник мостовой на удивление пустыми глазами. Безбородое лицо (может быть, это тоже был признак его происхождения) странно обмякло, рот безвольно приоткрыт, хотя подбородок выглядит волевым. Если бы не это пустое, невыразительное лицо, мужчина был бы хорош собой.

Мальчик, держа его под руку, потянул вперед, и мужчина равнодушно подчинился, так и не подняв глаз. Спутник, подведя его к груде камней, бережно усадил.

— Сегодня хорошее утро. — Бриксе показалось, что мальчик говорит неестественно быстро и громко. — Мы дома, в Иггарсдейле, мой господин. Правда, в Иггарсдейле… — Мальчик огляделся, словно искал помощи.

— Джартар, — подал голос мужчина. Он поднял голову, но смотрел все так же тускло, только губы шевельнулись. — Джартар…

— Джартар… ушел, мой господин. — Мальчик взял мужчину за подбородок, постарался заглянуть в его пустые глаза. Мужчина не сопротивлялся, но и перемены в его мертвенном взгляде Брикса не заметила. — Мы дома, господин!

Мальчик взял взрослого за плечо, встряхнул.

Тот покорно качнулся, уступая силе. Но муж-

чина по-прежнему не замечал ни мальчика, ни его слов, ни места, где сидел. Его юный спутник со вздохом отступил и снова обвел двор глазами, словно надеясь, что кто-то придет на помощь, разрушит наложенные на господина чары.

Потом он опустился на колени, прижал к своей груди руку мужчины:

— Господин… — Бриксе подумалось, что ему нелегко дался этот ровный тон. — Мы в Иггарсдейле. — Он медленно, отчетливо выговаривал слова, словно собеседник был глуховат, но внятную речь мог расслышать. — Ты в своих владениях, господин. Ты у себя дома.

Ута встала, потянулась и легко перебежала двор. Приблизившись к мужчине, она поставила передние лапы на его правое колено и снизу вверх заглянула в лицо.

И впервые в этом лице, лишенном выражения и признаков разума, что-то дрогнуло. Мужчина медленно повернул голову. Казалось, что-то мешает его движению. Однако на кошку он не смотрел. Удивление мальчика перешло в жадную сосредоточенность, напряженный взгляд охватил разом и кошку, и человека.

Губы его господина шевельнулись. Казалось, он хочет и не может выдавить слова. Это про-

должалось долгое мгновение. А потом призрак понимания — если это было понимание — растаял. Лицо снова стало пустым, отражая пустоту внутри — руины разума, как те руины, что мальчик назвал своим домом.

Ута убрала лапы с колена мужчины и, заметив пролетавшую бабочку, с редкой для нее игривостью погналась за ней. Мальчик выпустил руку взрослого, бросился за кошкой, но та ловко уклонилась от его протянутых рук и скрылась между камнями.

— Киска… кис!

Он обежал груду камней, высматривая и окликая кошку с таким жаром, словно ничего важней для него на свете не было.

Брикса усмехнулась. Она могла бы подсказать ему, что старания напрасны. Ута гуляет сама по себе. Должно быть, люди в башне показались ей любопытны. А теперь она утолила любопытство, и больше они ее не увидят.

— Кис-кис! — Мальчик ударил кулаком по обвалившемуся гребню стены. — Кисонька! Я… он меня понимал… минуту, но… клянусь клыками Окстора, понимал! — Мальчик запрокинул голову и выкрикнул последние слова небу как боевой клич. — Киса! Он понимал… вернись… Ты

должна вернуться!

В его крике была настойчивость Мудрой, взывающей к одной из Сил, но призыв остался без ответа. Брикса поняла мальчика. Видно, для него много значило, что спутник хоть самую малость заинтересовался любопытной кошкой. Быть может, такое случилось впервые с тех пор, как рана или болезнь погрузили мужчину в это сумрачное состояние. И мальчик увидел в Уте надежду.

Брикса шевельнулась. Мальчишка был так поглощен своими страхами и надеждами, что сейчас она, пожалуй, могла бы встать на ноги и уйти, не скрываясь, — он бы все равно не заметил.

А уходить пора было — одно только любопытство, сродни любопытству Уты, удерживало ее на месте. Впрочем, она уже не так опасалась этих двоих — не видела в них непосредственной угрозы.

— Кис-кис, — уже безнадежно звал мальчик.

Мужчина чуть шевельнулся и, когда мальчик обернулся к нему, поднял голову. Мертвое лицо не изменилось, но из уст мощно, как голос певца на осеннем пиру, полилась песня.

В своей гордыне Элдор вечной власти возжелал,

Из темноты он Силу Тени на помощь себе призвал.

Но разум Зарстору стал мечом, а воля стала щитом.

Весь сердца жар вложил он в обет не сдаться пред врагом.

Звезда Проклятия взошла, мрачны ее лучи.

И земли Зарстора пусты, владетель их забыт.

В гордыне Элдор честь забыл, его победа темна.

Лишь смерть и Пустыня награда ему, пока у власти Тьма.

Но сдвинутся звезды на небесах, и срок придет опять

Силу Проклятия Зарстора заново испытать.

Грубые стихи хромали, как вирши безграмотных земледельцев, и все же от этой песни Бриксу пробрала дрожь. Она впервые слышала о Проклятии Зарстора. Впрочем, в каждой долине свои сказки и легенды. Не всякая выходит за пределы одной долины. Мальчик замер. Отчаяние смени-

лось в нем жаркой надеждой.

— Господин мой! Марбон!

Но его восторженный вопль оказал обратное действие. Мужчина снова понурился. Его лицо ничего не выражало. Только руки теперь беспокойно двигались, перебирая колечки кольчуги.

— Марбон, мой господин! — повторил мальчик.

Тот чуть повернул голову, словно прислушивался.

— Джартар?

— Нет! — Мальчик стиснул кулаки. — Джартар умер! Уже двенадцатый месяц, как умер и истлел! Он мертв, мертв, слышишь ты меня? Умер!

Последнее слово отозвалось в руинах тусклым эхом.

2

Тишину, установившуюся, когда отзвучали эти отчаянные и безнадежные слова, нарушила Ута. Кошка развернулась мордой к той части изгороди, за которой притаилась Брикса. Звук, вырвавшийся из ее мохнатого горла, походил на вопль терзаемой мукой женщины. Этот клич Брикса слышала не впервые — так Ута бросала вызов. Ее потрясло другое — вызов был брошен ей.

Мальчик развернулся как ужаленный, схватился за рукоять меча. Теперь Бриксе было не уйти — слишком долго она медлила. А лежать пластом, дожидаясь, пока ее обнаружат и сочтут трусливой лазутчицей… Ну уж нет! Этого она ждать не станет.

Она поднялась и, держа копье наготове, проломилась сквозь редкий бурьян на открытое место. Пока она нигде не видела стрелы на тетиве, а копье вполне могло ответить на угрозу меча.

Изменница Ута отвернулась от нее, круглыми глазами уставилась на мальчишку. Тот смотрел напряженно, с опаской. Меч он успел достать из ножен.

— Кто ты? — В его вопросе прозвучали и робость, и резкий приказ.

Ее имя ничего ему не скажет. За месяцы бродяжничества оно и для Бриксы почти потеряло смысл. Она забрела далеко от родных мест и даже от тех земель, где признали бы имя ее рода. Сама она никогда не слышала об Иггарсдейле и потому резонно предположила, что в этой уединенной западной долине так же не слышали о Мурчдейле, в котором правил, пока все не кончилось огнем и кровью, род Торгуса.

— Странница… — начала она и только потом задумалась, не проявляет ли слабость самой готовностью отвечать.

— Женщина! — Мальчишка сунул меч обратно в ножны. — Ты из семьи Шейверов? Или из Хэмелов? У них были дочери…

Брикса вскинулась. Сам его тон… Забытая гордость заставила ее расправить плечи. Может, она и выглядит простой девкой (судя по всему, он за такую ее и принял), но она — это она, Брикса из Дома Торгуса. Только где теперь этот Дом? Руины, такие же закопченные и пустынные, как эти, — и ничего больше.

— Я чужая в этих краях, — спокойно ответила она, только недрогнувшим взглядом отвечая на

вызов. — Если ты ищешь крестьянок из владений своего господина, ищи дальше.

Она не добавила к сказанному почтительного обращения.

— Разбойница или наемница!

Мальчишка скривил губы. Он отступил на шаг, заслоняя собой господина. И стрельнул глазами направо и налево, высматривая засаду.

— Что ты говоришь? — Как она и ожидала, парень решил, что она из банды мародеров. — Не спеши с выводами, молодой человек, если не уверен.

Брикса произнесла эти слова со всей доступной ей холодностью. Так ответила бы на дерзость хозяйка замка.

Мальчик уставился на нее. Но ответить не успел, потому что его господин зашевелился, поднялся на ноги. Его тусклые глаза через поникшее плечо мальчика равнодушно взглянули на девушку — едва ли он вообще ее видел.

— Джартар задерживается… — Мужчина взялся за лоб. — Что же он медлит? Мы должны выступить до полудня.

— Господин. — Не сводя глаз с Бриксы, мальчик отступил на шаг и левой рукой взял мужчину за плечо. — Тебе пора отдохнуть. Ты болен. Мы

выступим позже.

Мужчина нетерпеливо стряхнул его руку:

— Некогда отдыхать. — Призрак решимости придал звучности его голосу. — Не будет нам отдыха, пока дело не сделано, пока мы не вернем Древней власти. Джартар знает путь… Где же он?

— Господин! Джартар…

Но мужчина уже не замечал мальчика, снова ухватившего его за плечо. Тень мысли согнала с его лица тусклое облако. Ута подбежала к этим двоим и остановилась перед старшим. Кошка тихо мяукнула.

— Да… — Мужчина с усилием оттолкнул мальчика, опустился на одно колено и протянул к кошке руки. — Знания Джартара укажут нам путь, не так ли? — Он обращался не к людям, а к кошке. И взгляд его показался девушке таким же долгим и немигающим, каким умела при желании смотреть Ута. — Ты тоже знаешь, пушистая. Может быть, ты принесла послание? — Мужчина кивнул. — Когда Джартар будет с нами, мы выступим. Пойдем…

Его слабо оживившееся лицо снова застыло, сознание ускользало. Казалось, его накрывает непреодолимая дремота.

Мальчик подхватил его за плечи. В брошенном

на Бриксу взгляде сверкнула такая враждебность, что девушка крепче сжала копье. Казалось, мальчишке так ненавистно ее присутствие, что он готов броситься на незнакомку. И тут ее осенило. Им движет стыд — стыд, что кто-то видит его господина в таком безумии!

Тем же чутьем Брикса угадала, что любое ее движение, любое слово, попытка объяснить, что она понимает, только ухудшит дело. Растерявшаяся девушка встретила сверкающий взгляд мальчишки со всем спокойствием, какое нашла в себе. И, облизнув губы, промолчала.

Они очень долго стояли так, меряясь взглядами, пока его ненависть не обернулась угрюмой обидой.

— Убирайся! Уходи! У нас тут красть нечего!

Он снова потянулся к мечу.

Брикса вспыхнула. Она сама не знала, почему этот приказ хлестнул ее, словно кнутом по лицу. Эти двое для нее — никто. Она довольно насмотрелась бед и страданий и поняла, что выжить сумеет, только если пойдет своей дорогой — одна.

Но девушка сдержала возмущение. Передернув плечами, она отступила обратно к стене бурьяна, из осторожности не поворачиваясь спиной к

этим двоим. Хотя мужчина был не опасен для нее, да и ни для кого уже не опасен.

Мальчик снова поднял его и уговаривал вернуться в башню — умоляюще бормотал так тихо, что не разобрать слов. Брикса проводила их взглядом и ушла.

«Самым благоразумным было бы вовсе покинуть эту долину», — твердила она себе, взбираясь по склону к гребню. Но она не ушла. Оглушила умело брошенным камнем прыгунца, ловко ободрала тощую тушку, отложила шкурку, чтобы обработать, когда выпадет время. Шести шкурок хватало на короткий плащ, а три уже лежали свернутыми в ее дорожном мешке на месте укромного ночлега.

Понимая, что и другие могли заметить людей в руинах, она готовила стоянку с особыми предосторожностями. Если разбойники увидят лошадь и меч на боку у мальчишки… ради такой добычи не поленятся устроить налет. Брикса задумалась, сознает ли мальчик, как опасно было разбивать лагерь в усадьбе забытого владетеля. И, пожав плечами, решила, что она не в ответе за чужую глупость.

Тщательно отбирая дрова для костра — такие, чтобы почти на давали дыма, — и выбивая искру

подобранным по дороге огнивом, она думала о двоих внизу. Брикса была почти уверена, что их только двое.

Мальчик назвал это место Иггарсдейлом и говорил о нем как о своем доме. Его господин явно не способен сам о себе позаботиться — и как же тогда они думают выживать? Да, кое-какую дичь здесь можно найти. Но без лука требуется большая ловкость, чтобы убить прыгунца. Сама Брикса едва не умерла с голоду — жевала кору и траву, — пока наконец не выучилась всему, что требовалось для жизни. А ведь одним прыгунцом вдвоем не наешься.

Брикса насадила на палочки кусочки своей добычи и пристроила их в жар костра. Дожидаясь, пока хоть немного прожарятся, она, сидя на пятках, пожирала мясо голодным взглядом. У нее не нашлось времени разведать большой заросший сад внизу, а ведь там вполне могли остаться съедобные растения, пережившие годы без ухода. Впрочем, если такие и сыщутся, вряд ли их будет много. Разве что у тех двоих с собой припасы — иначе чем они живы?

Брикса еще раз повернула палочки с мясом, завидуя плюющемуся под каплями сока огню: ей-то этих капель не доставалось. От запаха жа-

рящегося мяса рот наполнился слюной.

Тихий звук по ту сторону костра привлек ее внимание.

— Плохой друг, — сурово объявила Брикса, разглядывая Уту. — Ты изменила щиту своего Дома, госпожа, а потом являешься как гость за большой стол — только с этим не ко мне.

Она все же достала из огня одну палочку и листочком, чтобы не обжечь пальцы, стянула с нее мясо, после чего оставила подгорелые ломтики на другом листе: хочешь — ешь, хочешь — нет.

Кошка терпеливо ждала, пока мясо остынет. Впрочем, на угощение она поглядывала лишь изредка, а большей частью сверлила Бриксу своим обескураживающе неподвижным взглядом. Девушка шевельнулась. Ута всегда так смотрит, тогда откуда это чувство, будто кошка прочесывает и перебирает мысли у нее в голове?

— Да, отправляйся к ним, Ута. Большому ты, похоже, пришлась по душе.

Девушка тоже прищурилась и в упор взглянула на кошку. С мужчиной Ута повела себя непонятно. И Брикса не в первый раз пожалела, что им нельзя как-нибудь поговорить. Прежде это желание рождалось в ней от одиночества — когда одиночество становилось для нее тюрьмой. В

такие часы одного присутствия кошки не хватало, чтобы отогнать мрачные мысли. Брикса тосковала по чужому голосу, чтобы вытряхнул ее из мучительной пустоты.

Сейчас разговора просило ее любопытство. Ута каким-то образом сумела пробиться в затуманенный разум этого Марбона — хоть немного привести его в чувство. Зачем и как?

Взяв вертел, Брикса помахала им, остужая мясо.

— Зачем ты с ним так, Ута? — спросила она. — Он вроде одержимого луной. Хотелось бы знать, это у него от раны или какой-то трюк врага? Может быть, из-за лихорадки… И кто этот Джартар, которого он все зовет, хотя мальчишка сказал, что тот умер?

Она усердно жевала жесткое мясо. Ута тоже занялась едой и даже не подняла глаз на ее вопросы.

Та песня — ее мог бы сочинить любой кузнец — грубая, неумело сложенная, словно только нужда заставила сочинителя взяться за дело, для которого у него не хватало умения. Такой поворот мыслей удивил Бриксу. Однако она чуяла, что так оно и было. Что за нужда в такой песне? Проклятие Зарстора — или как там еще говорилось?

Звезда Проклятия…

Какой-то там Зарстор поднял меч против врага и погиб, потому что оружие врага оказалось сильнее. Брикса тряхнула головой. Сколько на свете легенд о старинных войнах и распрях! В каждой есть крупица правды, только теперь эта правда никому не нужна. Разве что темное Проклятие Зарстора еще лежит на этой долине…

Когда речь шла о долинах Высшего Холлака, ничто не казалось невероятным. Древние, когда еще не покинули этих земель у берегов великого моря (чтобы раствориться на западе и на севере за пустыми землями), обладали странными познаниями и Силами. Здесь есть места, которые лучше обходить стороной, и другие… Брикса перестала жевать, когда перед глазами встало воспоминание, такое яркое, словно она мгновенно перенеслась назад — в иное время и иное место.

В тот вечер они, узнав, что защитники больше не в силах держаться, бежали из замка Мурачдейла. Брикса часто дышала. Бег, бег сквозь сумерки — и взметнувшееся вскоре пламя пожара за спиной, крики, вопли… Она словно заново ощутила острую боль под ложечкой и в ногах — и тяжесть длинного подола юбки, и кислый вкус страха

во рту.

Вперед — и вверх, к гребню. Куниггуда бежала с ней рядом, подгоняла. Куниггуда… Вспомнив о ней, Брикса изменилась в лице. Хотелось отбросить это воспоминание подальше — далеко-далеко, но память не отступала. Куниггуда, которая, хрипя и кашляя от тяжелой простуды, поднялась с постели, чтобы спасти воспитанницу от смерти; Кунигуда прокладывавшая путь к женским покоям, чтобы вывести ее по потайной лестнице к лазу в стене…

Они бежали всю ночь, отбившись от других беглецов. Куниггуда вывела ее в узкий проход между высокими валунами, и они брели по нему, спотыкаясь и цепляясь друг за друга. Брикса была вне себя от страха. Она почти не замечала дороги и, только оказавшись *там*, по-настоящему увидела, что́ их окружает.

Люди Долин, кроме Мудрых, посвященных в передававшееся из уст в уста знание, по доброй воле не заходили в места, где когда-то творили свои непостижимые дела Древние. Но даже Мудрые заходили туда с опаской и превеликой осторожностью, чтобы не разбудить зловещие Силы, просыпавшиеся иногда без предупреждения. Брикса не раз слышала тихие разговоры о

том, что такие зачумленные места предупреждают о себе, что Тьму можно учуять, прежде чем неосторожный попадется в ее сети.

Место, куда привела ее Куниггуда, было как раз из таких, но ее старая нянька, как видно, что-то о нем знала. Потому что, прежде чем опуститься наземь, кашляя и разрывая легкие хриплыми вздохами, старуха вцепилась в воспитанницу, остатками сил удержав очнувшуюся и готовую обратиться в бегство девочку.

— Жди, — выдохнула она. — Здесь… нет… зла.

Потом Куниггуда повалилась ничком, и теперь уже Брикса, упав на колени, обнимала задыхающуюся няньку. Девочка понимала, что дальше старуха не уйдет, и сама не могла уйти, бросив ее. Она сжалась в комочек в сиянии луны — слишком полной и слишком яркой, висевшей, казалось, над самой головой и освещавшей все в мельчайших подробностях.

Присмотревшись, она поняла, что камни не образуют полного круга. Нет, мерцавшие под луной серебристые валуны стояли двумя полумесяцами, и между их острыми рогами оставались промежутки — проходы к площадке, на которой ютились сейчас беглянки. Камни, как видно, обтесали, прежде чем установить здесь. На верху у

каждого Брикса видела прочерченные линии. То ли следы рисунка, то ли надписи, почти стертые водой и ветром.

Чем дольше девочка всматривалась в эти камни, тем ярче становился облекавший их свет. Ее затуманенному ужасом взгляду они представлялись огромными свечами, хотя свет их шел не только с верхушек, где могли бы торчать фитили, но и с боков. И этот свет ничего вокруг не освещал, просто сияющим плащом окутывал каждую колонну.

При виде их ровного сияния Брикса мало-помалу избавлялась от страха перед неведомым. Сердце, так стучавшее, когда Куниггуда тащила ее наверх, теперь успокоилось. Сама того не замечая, девочка задышала глубоко и ровно. Странное, уютное онемение и бесчувствие охватило ее. Она успокоенно клевала носом.

Должно быть, уже в полусне она улеглась, подсунула руку под голову Куниггуде и устроилась на земле, как под балдахином собственной кровати. И незаметно соскользнула в глубокий сон.

Проснулась она на следующее утро, все так же рядом с Куниггудой, и не враз поняла, где она и что с ней. Не вернулся и осаждавший ее страх. Казалось, между девочкой и событиями про-

шлой ночи опустился занавес — словно с тех пор прошли годы. Она ощутила в себе новую силу, беспокойное стремление к цели, неизвестной пока, но неведение ее не смущало.

И, поняв, что душа Куниггуды покинула тело, Брикса ощутила лишь тень печали. Она сложила руки няни на замершей груди, поцеловала ее в лоб. А потом распрямилась и осмотрела колонны. В утреннем свете они выглядели обычными камнями. Но и сейчас они хранили в ней тот покой — или то бесчувствие, что освободило ее от всех страхов. Девочка знала, что сумеет выжить — и что должна выжить ради какой-то неясной еще цели.

Она не задавалась вопросом, к добру или ко злу этот мир в душе. Тот рассвет дал ей силу жить, и немалую часть этой силы она пронесла с собой, как щит, по лежавшей перед ней дороге.

Сейчас, в своем лагере над Иггарсдейлом, Брикса гадала, глядя в огонь: что сталось с ней в ту ночь между двумя знаками молодой луны? И почему это воспоминание вернулось таким ярким и точным именно сейчас, ведь раньше у нее никогда не возникало желания вспомнить? И почему ей чудится, что все, что было в ее жизни до того часа, почти ничего не значит, а то, что произошло

с тех пор, важно и еще пригодится ей?

Отчего, зачем и почему?

— Сколько вопросов! — вслух обратилась она к Уте. Кошка умывалась, но при этих словах остановилась и взглянула на девушку. — Я Брикса из Дома Торгуса — или уже нет, Ута? Я не про то, чтобы носить тонкие платья, сидеть на почетном месте за столом, говорить людям: сделай то или это — и знать, что будет сделано. Все это не настоящие признаки благородства. Взгляни на меня… — Она рассмеялась и вздрогнула, осознав, как давно не слышала своего смеха. — В таком виде впору выпрашивать объедки с пира, а из деревни меня бы пр гнали камнями как подозрительную бродяжку. Да, правда, я Брикса из Дома Торгуса, и этого я могу себя лишить, только совершив что-то столь недостойное моего рода, что мне придется осудить саму себя и саму себя приговорить к наказанию.

Твой юный приятель в долине судил меня со стороны, Ута. — Она покачала головой. — Я думала, что отбросила гордость как ненужную вещь. Гордость тебя не накормит, не укроет спину плащом, не сохранит дыхание в груди. Но я о другой гордости. Может быть, мне просто нужно сказать: «Ты не победишь меня, тень страха!» Вот

с такой гордостью расставаться нельзя, Ута. Это, по-моему, хорошая гордость.

Она покивала самой себе. И все же внутри осталась какая-то неудовлетворенность. Слишком многое она помнила, пусть даже воспоминания затуманились и отдалились. А как смотрел на нее этот мальчишка! Его взгляд сейчас колол ее сильнее, чем когда коснулся Бриксы в первый раз.

— Пусть так! — Брикса сжала кулак и ударила им по ладони другой руки. — Эти двое для меня никто, Ута. И меня не касается, что они обо мне думают. С рассветом мы уйдем и оставим их хозяевами этой кучи камней.

Эти слова были самыми разумными. И все же…

Устраиваясь на ночлег — отыскивая на гребне закуток между камнями, устилая его сухими листьями и травой, чтобы устроить гнездо, — она то и дело останавливалась и поглядывала вниз, на башню. Сейчас Брикса не пряталась и не скрывалась. Она была уверена, что мальчику незачем ее выслеживать, он слишком занят заботами о своем господине.

Сверху девушка видела, как он ведет лошадь к ручью. Напоил и отвел на огороженный луг. Потом вернулся на берег, наполнил кожаную седельную флягу и отнес в башню. Наверх он не

смотрел, словно уже стер Бриксу из памяти.

И это тоже почему-то кололо, как заноза в нежной коже. Хотя Брикса сама не понимала, какое ей до него дело. Расхрабрившись от его равнодушия, она не искала укрытия, направляясь к ручью со своим потертым мехом для воды. И еще задержалась, чтобы умыть лицо и шею, пожалев, что здесь нет заводей, куда можно было бы посмотреться. Хотя, может, это и к лучшему, решила она, расчесывая пальцами космы волос и выбирая из них листья и прутики, напáдавшие, когда она ползала через изгородь.

Зачем она тянула время — хотя лагерь был уже готов к ночи, — Брикса не сумела бы объяснить. Задерживаться здесь было незачем, но, обдумывая дальнейший путь, она забеспокоилась, и эта тревога долго не давала ей улечься спать. Брикса принялась мерить шагами гребень. Даже рассеянно сбив камнем еще одного прыгунца, она не порадовалась ни своей ловкости, ни нежданному пополнению запасов.

Вернувшись в свое гнездо, она нашла Уту на одном из окружавших нишу камней — голову кошка держала так, чтобы озирать не башню, а гребень, тянувшийся на запад к месту, где долина открывалась в сторону пугающего запада.

— Что там?

Брикса уже замечала за Утой такую сосредоточенность и знала, что́ она предвещает.

Как ни обострились все чувства девушки за время пути, им было далеко до кошачьих. Брикса подняла голову, напрягая зрение, обоняние и слух в попытке понять, что так увлекло Уту.

Из какого-то отверстия в башне поднималась струйка дыма. Как видно, укрывшиеся там люди не научились отбирать сухой хворост, чтобы дым не обозначил костра, или же им не было дела, увидит ли их кто. Нет, кошка смотрит не на замок… значит…

Брикса упала на колени в тени камня, прижалась к выбранному Утой насесту левым плечом, чтобы не выдать себя, оглядывая долину. Остатки стен отмечали очертания полей, садов и лугов. Кое-где заросшие кустарником стены создавали полупрозрачную завесу. На западе поля замыкались рощей, в которую, кроме как с птичьего полета, не мог проникнуть взгляд.

И вот из этого перелеска вырвалась стая птиц. Они закружили, хрипло крича. Брикса схватилась за копье. Она хорошо знала, что означает такой переполох. В лесу кто-то был, и мало кто мог бы так напугать птиц, кроме… человека!

Пришельцы… с пустошей? Будь они заодно с людьми в башне, подъехали бы по старой дороге с востока. Разбойники — крысы и волки, собравшиеся с запада, чтобы дограбить разграбленное имение, как она сама недавно собиралась порыться в развалинах?

Даже если это крысы и волки — у них есть клыки и когти.

Мальчик с мечом и полоумный мужчина — и оба не ждут опасности.

Эти двое ей никто. Да и что у нее в руках — сточенный, пальцами сломаешь, нож и охотничье копьецо? Глупо… полная дурь…

Пока эти мысли бились в голове, Брикса выскользнула из норы и, применяя все свое умение скрываться, двинулась вниз по склону. Рядом с неменьшей осторожностью кралась Ута.

Глупо, но иначе она не могла.

3

Отлично понимая, что за башней уже наверняка наблюдают из расположенного по другую сторону перелеска, Брикса скрючилась в последнем укрытии, обдумывая следующий шаг. Чтобы добраться до затененной двери, ей не миновать открытого места. Вот будь она Утой…

Ута! Пушистая головка толкнула ее под локоть, и, оглянувшись, девушка наткнулась на кошачий взгляд. Затем Ута сдвинулась вправо и растаяла, как только она умела, в путанице травы. Брикса на четвереньках двинулась за ней, с трудом проталкиваясь сквозь густые заросли.

Плетень из стеблей разорвали камни — подножие стены, когда-то служившей внешней обороной замка. Стена была сложена из грубых необтесанных валунов. По ним Ута как по лестнице добралась до вершины.

Брикса ощупала руками ее путь. Трещин и уступов хватало, чтобы взобраться. Она помедлила, крепко упираясь ладонями в камень. Глупо! Еще можно было повернуть назад и незамеченной вернуться к гребню. Зачем она это делает?

Ответа не было, но что-то внутри неудержимо

толкало ее вперед. Подвесив копье к плечу за сплетенный в пути ремешок, девушка, цепляясь пальцами рук и ног, принялась взбираться по стене.

Ута мохнатым ковриком распласталась наверху и заглядывала вниз, словно проверяя, следует ли за ней Брикса. Как только та начала подъем, кошка, махнув хвостом, скрылась.

Защитят ли ее руины замка от глаз тех, в роще? Этого Брикса не знала, могла только надеяться. До нее доносились крики потревоженных птиц, и, судя по их гомону, пришельцы еще не вышли на опушку.

По ту сторону стены начинался мощеный двор, протянувшийся к укрепленному, но почти снесенному теперь дому и к башне. Брикса приземлилась в заросли каких-то растений, укоренившихся в нанесенной ветром земле.

Отсюда она метнулась к останкам усадьбы и вдоль стены прокралась к дверям башни. Ута обогнала ее и уже скрылась в проеме. Глубоко вздохнув, Брикса сняла с плеча копье. Едва ли ее встретят как друга — или хотя бы как союзницу.

Рывком добравшись до двери, она нырнула внутрь, не дав тем двоим времени насторожиться на шум. Свет очага едва разгонял сумрак. Пе-

ред очагом, глядя на пламя, сидел мужчина, и Ута пристроилась рядом с ним. А вот мальчик оказался уже на ногах и стоял перед Бриксой с обнаженной сталью в руках.

Девушка, опережая его движение, поспешила заговорить. Ей не хотелось с ним драться.

— В лесу кто-то прячется. Может, дым вашего костра привлек… — Она, не выпуская копья, другой рукой махнула на очаг. — Или за вами следили. У вас конь, у него кольчуга. — Она кивнула на мужчину. — Богатая приманка для мародеров.

— Тебе-то что? — огрызнулся мальчик.

— Ничего. Только я не из разбойников. — Брикса сделала шаг назад. Мысли у нее смешались. Зачем она помогает этим людям, которые ей никто?

Мальчик, не спуская с нее глаз, передвинулся так, чтобы заслонять мужчину.

— Ты один, — продолжала Брикса. — В драке он тебе не помощник. Они сцапают тебя проще, чем Ута мышку, и еще быстрее, потому что охотятся не для забавы.

Он смотрел по-прежнему недоверчиво.

— А если я тебе не верю?

Она пожала плечами:

— Как хочешь. Я не стану гнать тебя в бой силой.

Она оглядела помещение, в котором укрылись эти двое. Справа у стены — лестница на верхнюю площадку. Внизу у одной стены стояли лавка, табуретка, занятая мужчиной, лежала пара переметных сумок. Два плаща, наброшенных на груду веток и травы, изображали постель на двоих. И больше ничего.

Взгляд Бриксы вернулся к лавке. Слабая защита, но другой у них нет. Предлагать им бегство она не решилась: один мальчишка мог бы добраться до укрытия, но отягощенный этим мужчиной — никак.

— Ею, — она ткнула копьем в сторону лавки, — можно загородить дверь. Если бы не огонь, вы могли бы укрыться там. — Она кивнула на лестницу. — Это если они за вами не следили и не знают, как вас мало.

Мальчик сунул меч в ножны и уже направлялся к лавке. Брикса, закинув копье за плечо, взялась за другой конец. Мальчишка, наклоняясь, бросил на нее взгляд исподлобья:

— Брось! Мы в тебе не нуждаемся. Я отстою господина Марбона…

— Валяй. Мне вот отстаивать некого, кроме

собственной жизни.

Она потянула скамью за свой конец. Вдвоем они подтащили ее к двери и опрокинули, устроив невысокую стенку — почти бесполезную, подумала про себя Брикса.

— Если только… — Мальчик покосился на человека у огня.

Брикса понимала, что он говорит не с ней, а просто думает вслух. А когда он вспомнил о девушке, лицо его помрачнело. Он переплел пальцы, хрустнул костяшками. И снова заговорил — так, будто слова тянули из него силком и он ненавидел каждое слово.

— Может быть, есть выход… Он должен знать.

Брикса, вспомнив, как сама давным-давно выбиралась из такого же замка, разом воспрянула к надежде, которая так же быстро и угасла. Если у хозяина Иггарсдейла и был выход на крайний случай, ход либо уничтожен при захвате замка, либо его тайна затерялась в лабиринтах помутившегося рассудка.

— Он не вспомнит. — И все же, цепляясь за надежду, она добавила: — Или вспомнит?

Мальчик пожал плечами:

— Иногда он немножко…

Он встал на колени перед своим подопечным.

И снова Ута поднялась на задние лапы, чтобы поставить передние на колени мужчине. Тот не отводил взгляда от пламени, но рукой стал гладить кошку по голове.

— Господин… — Мальчик протянул к нему руку. — Владетель Марбон!

Брикса встала у двери, часть внимания уделяя происходящему внутри и в то же время ловя слухом звук шагов. Снаружи заржала лошадь, и девушка напряглась, подняв копье.

— Владетель, — резче, настойчивее проговорил мальчик. — Джартар прислал весть.

— Джартар? Объявился наконец?

— Господин, он хочет встретиться с тобой. Он ждет на том конце внутреннего хода.

— Внутреннего? Почему он не войдет открыто?

— Господин, кругом враги. Он не решился подъехать открыто. Ведь Джартар всегда приходил и уходил невидимкой, правда?

— Верно. Значит, тайный ход.

Мужчина встал. Ута ластилась к его ногам. Он взглянул на кошку, и лицо его ожило.

— А, пушистая. Я рад, что твой род снова с нами в союзе, как в былые времена. Тайный ход… значит…

Он свободным шагом, совсем не похожим на

прежнюю шаркающую походку, прошел к нише в стене — той, где скрывался очаг и горел костерок. Одной рукой он погладил камень, как раньше гладил Уту.

Пальцы, двигавшиеся уверенно, словно мужчина точно знал, что делает, замерли. Уронив одну руку, он поднял другую, потер лоб и через плечо оглянулся на мальчика:

— Что… — Голос снова стал мертвым. — Что?..

Ута встала на задние лапы, свесив передние над мохнатым брюшком. И тихо, властно мяукнула. Владетель Марбон оглянулся на нее. Он как будто не только слышал, но и понимал кошачий язык.

— Господин! — Мальчик придвинулся к нему с другой стороны. — Вспомни, Джартар ждет!

Мужчина огляделся. Лицо еще оставалось осмысленным, хотя на него снова наползала маска равнодушия.

— Здесь… нет… не так.

Он скользнул глазами по стене, по пустой комнате.

Брикса от нетерпения готова была грызть ногти. Встрепенувшееся ни с того ни с сего воображение рисовало картины того, что подбиралось к ним из-за стены. Удержать башню невозможно. И что за глупость загнала ее в ту же ловушку? — зли-

лась девушка. Да, они в ловушке — даже если мальчишка прав и у этого владетеля был запасной выход из норы, еще надо доказать, что он ведет из этой комнаты. И что его надтреснутый ум вспомнит…

— Джартар — да!

И снова при этом имени мужчина словно собрал рассыпающиеся мысли, как кукольник — нити марионетки (она видела когда-то такую), вдыхая жизнь в игрушку из дерева и кожи.

Владетель Марбон снова коснулся ладонями стены. Снаружи донесся звук, которого со страхом ждала Брикса, — словно подошва сапога проскребла по камню. Девушка приготовила копье и покосилась на лестницу. Как она раньше не додумалась? Вдвоем — мечом и копьем — можно удержать верхнюю площадку, выиграть хоть несколько минут жизни. А нож у нее на поясе — ключ к последнему выходу. Лучше, чем та судьба, которая ждет…

Шум снаружи не повторился, хотя Брикса была уверена, что не ослышалась. Но голова ее сама собой обернулась на более громкий скрежет. В стене рядом с очагом открылся проем. Мальчик с неожиданной силой протолкнул в него своего господина. Ута прыжком скрылась внутри, и

сам мальчишка шагнул туда же, и не подумав окликнуть Бриксу. Та бросилась следом. Проход уже закрывался, но она подперла створку копьем и протиснулась внутрь. Едва она выдернула древко, стена окончательно закрылась, оставив ее в плотной, как плащ, темноте.

Услышав звук справа, Брикса медленно протянула руку. Она стояла в тесном закутке — слева и впереди были стены. Представляя мысленно подъем или спуск, Брикса копьем стала шарить справа от себя.

Постукивая по камню, она сделала несколько шагов, а потом пол оборвался. По-прежнему действуя копьем как посохом слепца, девушка нащупала первую ступень. И задержалась, чтобы снова прислушаться. Шум доносился с той стороны. Значит, чтобы не потеряться, надо идти за ним.

Брикса постукивала копьем, прощупывая каждую ступень, прежде чем на нее шагнуть. Левая ладонь скользила по стене — сперва сухой, потом скользкой от влаги. Запахло стоялой водой и еще какой-то мерзостью. Дважды она задевала пятна плесени, и тогда от едкого запаха девушку разбирал кашель.

Она насчитала двадцать ступеней, а потом ко-

пье подсказало, что ход впереди выравнивается. Шаги, на которые она шла, стали глуше. Когда они успели так ее обогнать? — удивилась Брикса. Должно быть, не думали об осторожности, не прощупывали дорогу.

Полная, без проблеска света, темнота тяготила душу, оживляя все страхи, какими люди всегда населяли ночь. Прикасаться к скользкой стене было противно, но ей нужна была дополнительная опора. Неизвестно, как далеко мог протянуться этот «внутренний ход». Тайные ходы прокладывали с расчетом, чтобы они выводили за кольцо осады. В Мурачдейле такой был вдвое длиннее деревенской улицы, — во всяком случае, так ей рассказывали.

Брикса ощутила щекой дуновение воздуха. Несильное и несвежее, оно не помогало забыть о слизи на стене и вони невидимой плесени, но все же обозначило, что где-то есть отдушина. Брикса прибавила шаг. Ее мозолистые ступни ощущали такую же сырость и слизь, как на стене. Раз девушка чуть не утратила стального самообладания, наступив на что-то извивающееся под подошвой. Она отскочила, поскользнулась и едва успела извернуться, чтобы не растянуться плашмя в вонючей грязи.

Поворот она обнаружила, со всей силы влепившись лбом в стену по правую руку. А слева возник слабый сероватый отсвет, дважды его что-то заслоняло, но свет появлялся снова, — должно быть, те двое двигались впереди.

Путь пошел вверх, и Брикса с облегчением перевела дыхание, решив, что выход близко. Тем сильнее было ее разочарование, когда обнаружился источник света. Он сочился из трещины в стене, такой узкой, что протиснуться туда могло бы разве что ее копье. И все же слабый свет показал ей новый поворот, на сей раз вправо.

Брикса сделала не больше пяти шагов, когда впереди загорелся настоящий свет, красно-оранжевое пламя, и она бросилась к нему. При свете она увидела, что проход заканчивался на краю уступа. Под ним открывалась естественная пещера без всяких следов человеческих рук.

У стены с факелом в руке стоял владетель Марбон. Мальчика она видела только со спины — тот на четвереньках лез в отверстие на дальнем конце пещеры. Ута куда-то скрылась. Марбон, хоть и держал факел, снова погрузился в беспамятство. Он смотрел перед собой пустыми глазами, круглыми и немигающими в бликах огня. Но когда Брикса спрыгнула к нему, решив пройти

мимо и самой поискать выход, Марбон медленно повернул к ней голову.

Что-то мелькнуло в его глазах, губы шевельнулись.

— Звезда Проклятия взошла, мрачны ее лучи…

Девушка вздрогнула. Она не сразу узнала строку из его песни — песни о Проклятии Зарстора.

— Найди… нужно найти… — торопливо, комкая слова, проговорил Марбон и схватил ее за плечо с удивительной для тихого сумасшедшего силой. Брикса поняла, что вырваться не сумеет. — Все не так… это от Проклятия Зарстора. — Он склонил голову к ее лицу. — Надо найти… — И вдруг он что-то понял. Лицо его ожило. — Ты не… Джартар!

Голос был звучным и властным.

— Я Брикса, — ответила она, гадая, надолго ли вернулся его блуждающий дух.

— Где Джартар? Это он тебя прислал?

Он держал ее твердой, надежной хваткой и встряхивал, едва не отрывая от земли.

— Я не знаю, где Джартар. — Она пыталась подобрать нужные слова, чтобы успокоить безумца, призывающего — если верить свидетельству мальчика — мертвеца. — Может быть… — она прибегла к той же уловке, что его юный слуга, —

он ждет снаружи.

Марбон задумался.

— Он знает… читал древние руны, только он. Я должен найти! Он обещал мне. Я последний в роду Зарстора. Оно принадлежит мне!

Он снова встряхнул ее с такой силой, будто надеялся вытрясти желаемое. Брикса схватилась за рукоять ножа на поясе. Если против безумца не будет другого средства — что ж, она прибегнет к этому.

Но ее пугало не только бившее в глаза безумие Марбона, а еще и что-то в ней самой. В голове… Ей хотелось кричать, хотелось вырваться из рук Марбона и бежать, бежать… Потому что… внутри нее была дверь, и если эта дверь откроется!..

Это была не брезгливость, какую испытывает здравый рассудок перед лицом безумия. Зародившееся в ней новое чувство было совсем иного рода. Она чувствовала, что должна… должна что-то сделать, и в целом мире не было ничего важнее этой цели, подчинившей ее себе. Она услышала собственный шепот:

— Проклятие Зарстора…

Вот оно! Вот что она должна отыскать… что вернет ее к настоящей жизни, выправит все, что пошло прахом со времен, когда ожило Про-

клятие.

Брикса моргнула раз, другой. Чувство, принуждавшее ее к действию, пропало. На какой-то миг она заразилась безумием! Девушка рывком высвободилась из рук Марбона, попятилась к стене.

Впрочем, Марбон и не пытался ее схватить. Казалось, вырвавшись, она снова отпустила его в глубину беспамятства. Лицо мужчины разгладилось, снова стало пустым. И смотрел он в стену, а не на нее. Державшая ее рука повисла.

Бриксу манило к себе отверстие, обещавшее выход, но страшно было опуститься на колени, подставив ему беззащитную спину. И они застыли у противоположных стен пещеры, пока она искала пути к бегству.

— Господин! — Из отверстия показалась мальчишеская голова. — Снаружи все спокойно.

Брикса бросилась к нему, спеша предупредить:

— Твой господин не в себе.

Лицо мальчика исказилось от гнева. Он поднялся на ноги.

— Лжешь! Его ранили на перевале Унго — там же, где погиб его побратим. Рана и горе на время лишили его памяти, зачем и куда мы шли. Но он не безумец!

Мальчик оскалился, чуть ли не рыча на нее.

Бриксе подумалось, что в душе он с ней согласен, но что-то мешает ему это признать.

— Он вернулся… домой, — продолжал мальчик. — Лекарь сказал, что память возвратится к нему, когда он окажется в знакомых местах. Он… он решил, что идет на подвиг. Это их старая родовая легенда — о Проклятии Зарстора. Он получит Проклятие, и все встанет на свои места. Только эта вера поддерживала в нем жизнь!

Старинная родовая легенда… о том, как Зарстор в Иггарсдейле прогневал брата своей жены — она была из Древних, — и Элдор в ярости и гордыне заключил союз с какими-то Темными Силами, наложив на Зарстора и всех его потомков и даже на его земли Проклятие: сколько бы те ни приобретали, они всегда теряли больше.

В прошлом году, терпя поражение за поражением, мой господин все чаще задумывался о Проклятии. И они часто беседовали с господином Джартаром, который много знал старых легенд, особенно о Древних. И в голове у моего господина застряла мысль, что в старой сказке кроется истина. И мой господин сговорился с Джартаром — а тот клялся, что наткнулся на какой-то секрет, который поможет распутать легенду о Проклятии, — что они узнают правду о Зарсторе

и откроют тайну прошлого…

— Как же раскрыть тайну прошлого?

Брикса против воли заволновалась. Впервые за много дней ее увлекла мысль, не имевшая прямого касательства к выживанию, к тому, чтобы продержаться от рассвета до заката и опять — от заката до рассвета.

— Об этом спроси у Джартара, а вернее, у его тени. Он мертв, но Проклятие живет в голове моего господина. И оно завладело им до того, что он ни о чем другом думать не может.

Брикса прикусила губу. А мальчик уже отвернулся от нее. Может быть, Марбон и его заразил безумием, как минуту назад чуть не заразил ее. Очень может быть, что в опустевшую долину их привел не совет лекаря, а безумная надежда ее владетеля.

Она смотрела, как мальчик, забрав у своего спутника факел, бережно ведет его к отверстию и, мягко заставив опуститься на четвереньки, подталкивает к выходу. После первого толчка Марбон уже не противился, послушно пополз в дыру. Когда он скрылся, мальчик воткнул факел в трещину стены и согнулся, чтобы ползти следом.

Брикса не собиралась оставаться под землей, когда есть выход наружу. Она полезла за ними.

Узкий проход оказался коротким. Они выбрались в густые сумерки под редкими деревьями и кустами. Укрытый зарослями выход располагался высоко на северном склоне ограничивающих долину холмов. Скрючившись под прикрытием кустов, Брикса осмотрела оставшийся внизу замок. В бойницах башни играли отсветы — как видно, внутри горел костер. Еще она насчитала пять косматых неухоженных лошаденок, на каких ездили разбойники, если им удавалось раздобыть хоть каких-то лошадей.

— Пятеро, — пробормотал у нее над ухом мальчик. Он протиснулся так, что оказался плечом к плечу с ней.

— Если не больше, — не без самодовольства поправила Брикса. — В иных шайках лошадей на всех не хватает.

— Надо снова уходить в горы, — безнадежно заключил мальчик. — Или в пустые земли.

Брикса помимо воли огорчилась. Она не желала заботиться ни о ком, кроме себя, но эти двое, блуждая без припасов и, как видно, ничего не зная о жизни в лесу, почитай, покойники. Ее донимало чувство, не позволявшее предоставить этих людей судьбе, которую те сами на себя навлекли.

— У него нет родичей, которые бы его приютили? — спросила она.

— Никого. Он… его не всегда принимали среди мягкотелых жителей низин. Он… в нем, я же говорю, иная кровь — от НИХ.

В Долинах слово «ОНИ», произнесенное таким тоном, означало всегда одно: чужой народ, владевший когда-то этими землями.

— Он… оттого-то он такой… такой, как есть. Ты не поймешь. Ты его только таким видела. — Мальчик шептал со страстью, словно едва сдерживал себя. — Он был великий воин… и ученый тоже. Он знал такое, что владетели низинных земель и вообразить не могли. Он умел подзывать к себе птиц и говорить с ними… Я сам видел! И не было такой лошади, чтобы не подчинилась его зову и отказалась нести его на себе. Он умел наводить сонные чары на раненых. И еще я видел, как он наложил руки на черную от яда рану и приказал ей исцелиться — и рана зажила! А его некому исцелить — некому!

Мальчик понурил голову, спрятал лицо в сгибе локтя. Он лежал тихо, а вот Брикса зашевелилась, силясь отогнать расходившуюся от него боль утраты.

— Ты был его оруженосцем?

— После смерти Джартара — да, я носил его щит. Но я не настоящий оруженосец. Хотя мог бы им стать, если бы все шло хорошо. Господин выбрал меня из дальних родичей своей матери. Я… мы были не из могучих владетелей. У нас была только пограничная крепостица, а кроме меня, еще двое братьев, так что мне не приходилось ждать наследства. Теперь и вовсе ничего не осталось… кроме моего господина. Кроме моего господина.

Он говорил глухим голосом, отгородившись от нее плечом. Брикса понимала, как ненавистно ему выдавать свои чувства. Надо было оставить его в покое, не расспрашивать больше.

Она отвернулась, отползла с места, откуда вела наблюдение. Но там, где они оставили Марбона… там никого не было. Она быстро огляделась — ни следа.

4

— Он пропал!

Мальчик метнулся на крик, протиснулся мимо нее. Он вскочил на ноги, совсем забыв, что снизу их могут увидеть. Брикса пыталась перехватить его, напомнить об опасности. Но было поздно, он уже нырнул в заросли на дальней стороне крошечной прогалины. Видно, когда дело касалось его господина, парень забывал обо всем на свете.

Брикса осталась на месте. Теперь, выбравшись из ловушки замка, она не нуждалась в этих двоих. Совсем не нуждалась. И все же вопреки настойчивому голосу осторожности она, совсем немного помедлив, нехотя потащилась за мальчишкой.

Ута так и не показалась. Возможно, у кошки нашлись свои причины следовать за Марбоном. Брикса медленно пробиралась сквозь кусты, в которых скрылся мальчик.

Удача по-прежнему дарила им укрытие: за кустами земля прогибалась, к тому же лощина заросла вьюнками и бурьяном. Свежесломленные ветки и сбитые листья показывали, что кто-то недавно прошел этой дорогой. Брикса осторожно продвигалась по пробитой тропинке. Она почти

не опасалась диких зверей — здесь не было таких больших и свирепых, чтобы нападали без причины, зато в этой сырой ложбине могли оказаться другие твари — из тех, что гнездятся в подобных местах.

Кусты и вьющиеся растения выглядели угрожающе. Мясистые листья были до того темными, что казались закопченными до черноты. Кое-где вились красные или ржаво-коричневые лозы — как запекшаяся кровь. От растоптанных листьев поднимался мускусный запах — неприятный и непохожий на запах известных ей растений.

Ветви и стволы были черными, словно сочились влагой, и, касаясь рук и тела, оставляли на коже и одежде следы. Брикса отводила нависающие ветви копьем.

Девушка уже заподозрила, что пробитая между двумя становившимися все выше откосами канавка — не естественного происхождения. Будь это русло пересохшего ручейка, оно тянулось бы к северу — под уклон. А эта загибалась с востока на запад вдоль хребта. Тропинку явно прокладывали так, чтобы она скрывала вышедших из тайного хода, уводя их в пустоши.

Дважды Брикса останавливалась, решившись повернуть назад или хотя бы уйти с этой зло-

вещей дороги. И оба раза, с сомнением оглядев заросли по сторонам (те становились заметно гуще), отказывалась от мысли сквозь них пробиться.

При последней остановке она услышала звуки, заставившие ее взять на изготовку копье. Не сдавленные голоса или шепот, не хруст ветвей впереди или позади. Она стояла в полном одиночестве среди темно-зеленых стен.

Нет, это не ветер шевелит густую листву, и не…

Девушка обернулась, пытаясь распознать, что́ издает этот звук. Стрекот? Или цоканье — как стук зубов. Что-то подобное она слышала от Уты, когда та следила за птицей вдалеке.

— Ута! — тихо окликнула Брикса, в то же время понимая, что это не кошка. В стрекоте слышались паузы, словно он был разбит на слова неизвестного, непостижимого языка.

Сзади? Нет, напряженно вслушиваясь, она уверилась, что звук исходит не из туннеля, перекрытого сходившимися над головой ветками. Он… она опустила взгляд, ощутив разрастающийся внутри холодный ужас, — он шел из-под земли!

Все инстинкты толкали ее рвануться вперед,

бежать. Но… что, если этого от нее и хотят? И девушка, с трудом сдерживаясь, осталась на месте, прислушалась, склонив голову к плечу. И тогда она увидела: впереди, еле заметное в сумерках теней, что-то шевельнулось! Толстый слой листьев, сложившихся в перегной под ногами, проседал. Сама земля — да, она ощутила перемену. В ужасе ей привиделось, как тропа проваливается, срывается в пропасть, унося ее с собой. А там, в невидимом провале ее ждал…

Больше она не посмела медлить. Брикса со страхом вглядывалась в сгнившие осклизлые листья, пачкавшие ее босые ноги. А вдруг под ними затаилось нечто, что только ее и ждет?

Девушка побежала. Стены ли поднимались, или тропа уходила глубже, но проход стал свободнее. Ей уже не приходилось ломиться сквозь заросли. Напрягая зрение, она разглядела следы на сырой земле. Те двое — или кто-то из них — все еще шли впереди. Теперь ей ничего так не хотелось, как оказаться рядом с себе подобными.

Расплывчатые пятна теней внушали ужас и отвращение. Вонь растертых листьев и потревоженного шагами перегноя доводили до тошноты. Брикса торопилась вперед, замечая, как равномерно поднимается тропинка под ногами

— словно нацелилась перевалить через протянувшийся впереди хребет. Дважды становилось так круто, что Брикса оскальзывалась. Судя по следам, и идущие впереди кое-где падали или ползли на четвереньках.

Чуть дальше она наткнулась на путаницу переломанных ветвей и смятых листьев. Несколько стебельков еще дрожали. Пробравшись дальше, она вышла на открытое место под низким небом. Впрочем, даже такая малость света немного приободрила ее. Впереди обрывался в пустоту уступ. В три стороны с него некуда было деться, и Бриксе подумалось, уж не сорвались ли Марбон с мальчишкой с этой полки. Брикса побаивалась высоты и (раз ее слабости не было свидетелей) проползла вдоль левого края уступа на четвереньках, но даже так ей было страшновато заглянуть за край.

Увиденное ошеломило ее. Здесь несомненно ощущалась рука человека — или другого разумного существа, менявшего природу согласно своим целям. Вниз, лепясь к отвесной стене, уходила лестница. Заветренная, поросшая лишайником, она круто спускалась в узкую лощину. И на скалах обрыва по сторонам ступеней виднелись впадины и выступы резьбы — тоже выветренной

и заросшей лишайниками.

Сумерки быстро сгущались. В скудном свете линии и щербины резьбы складывались в оскаленные рожи, такие жуткие, что Брикса поспешила отвести глаза. Внизу стукнул обвалившийся камень, она уловила движение. Землю скрывала странная дымка — как будто дно долины лежало в огромной дали, много глубже высоты хребта, с которого они спускались.

И тени там лежали очень густые. Но все же не настолько, чтобы скрыть двух людей на каменном пригорке. Как раз когда Брикса остановила на них взгляд, большой вырвался из рук меньшего. Отмахнувшись от удерживавшего его спутника, высокий, шагая ровной походкой бывалого путешественника, продолжил путь на запад.

Твердо решившись догнать их, Брикса поднялась, подавила чувство, что вот-вот сорвется с высоты, и начала спуск по лестнице. От пустоты справа кружилась голова, и она одной рукой хваталась за выступы резьбы. Девушка заставила себя смотреть только на шаг перед собой.

Спешить она не решилась, и к тому времени, как спустилась в ущелье, те двое снова ушли далеко вперед. В новой лощине, как ни странно, ничего не росло, и она различала колеблющиеся

очертания двух фигур.

Брикса протерла глаза, решив, что это они отказываются видеть вдаль. На мгновение путь перед ней показался ясным, но стоило ей опустить взгляд под ноги или на выступающие из земли камни (их здесь было множество), все снова туманилось.

Но хотя бы воздух очистился и легкие не забивало зловоние, наполнявшее лощину наверху. Земля стала твердой, камешки и галька больно впивались даже в ее загрубевшие подошвы. Бриксе в конце концов пришлось замедлить шаг, чтобы совсем не сбить ноги. Она с сожалением вспомнила о сандалиях, оставшихся в брошенном в долине мешке. Несколько раз она готова была окликнуть идущих впереди, попросить, чтобы ее подождали. Впрочем, темнота сгущалась быстро, и вскоре они так или иначе должны были остановиться.

Уту девушка потеряла из виду, когда та нырнула в проход из замка, и теперь гадала, добралась ли кошка до гребня холма. Ей почему-то было важно, что Ута с ними заодно. И Брикса поймала себя на тревожной мысли: как бы кошка не отбилась от людей.

С наступлением темноты девушка стала дер-

жаться все настороженней. То, что скрывалось под тропой наверху, может, и не пробралось за ней сюда, но ей и сейчас чудилось, что она не одна, что кто-то за ней подглядывает, и это чувство становилось тем сильнее, чем дальше она ковыляла по тропе.

Остановиться было не в ее силах. Ей нужны были люди рядом — кто угодно, лишь бы разогнали это чувство, будто она целиком отдана на милость неведомого. Временами она приостанавливалась, вслушивалась — и убеждалась, что в этой долине вовсе не слышно тех бодрящих шорохов, что наполняли ее ночи под открытым небом. Ни стрекота, ни гудения насекомых, ни птичьих криков — полная тишина, так что дыхание громко шумело в ушах, а когда копье ненароком скребло по камню, звук казался громче боевого рога.

Там были… Брикса изо всех сил старалась сдержать разыгравшееся воображение. Неправда, что она идет сквозь толпу невидимок! Никого здесь нет, кроме нее. Дрожа, и не только от ночного холода, Брикса прислонилась к доставшему ей до плеча валуну.

Пальцы нащупали впадины, выступ… Она повернулась, всмотрелась. Лицо!..

Какое колдовство сделало видимым в ночной

темноте грубую резьбу по камню, она даже гадать не пыталась. Но ее прикосновение словно разбудило в бездушном камне искру жизни.

Лицо? Нет, в чертах этой маски не было ничего человеческого. Огромные круглые глаза, и в каждом горит искорка — словно сквозь булавочный прокол пробивается зеленоватый свет. Там, где у человека располагались бы рот и нос, художник с дьявольским правдоподобием изобразил приоткрытую пасть с торчащими кончиками острых клыков.

А в остальном — Брикса заставляла себя смотреть, отказывалась уступить страху, — если преодолеть первый испуг… всего лишь линии на камне… не более того… только пасть и глаза. Может быть, резчик рассчитывал, что воображение зрителя дорисует остальное. Устыдившись, что попалась на такую уловку, Брикса стукнула по камню копьем и заспешила дальше, не обращая внимания на боль в ступнях. Она сдержалась и не оглянулась через плечо, несмотря на ощущение, что кто-то украдкой следует за ней.

Девушка уже не сомневалась, что идет по пути, проложенному Древними. И это племя, думалось ей, не одобрило бы вторжения человека на свои земли. То место, куда привела ее когда-то Куниг-

гуда, было убежищем. Это же скрывало в себе угрозу всему ее роду.

Узко прорезанная долина впереди, сколько она могла разобрать, расширялась. И снова девушка заколебалась. Брести ночью, не зная пути, представлялось глупостью. Те, за кем она гналась, может быть, видели дорогу, она же с тех пор, как спустилась с лестницы, ничего такого не замечала. Зато среди острых камней под ногами появились пучки травы. Переступая с одного из них на другой, Брикса сбивалась с прямого пути, но так было легче израненным ногам. А впереди… Неужто у тех двоих хватило дури опять развести костер? Огонь на открытом месте наверняка привлечет всех, кто рыщет в ночи!

У пустошей всегда была дурная слава, ходили слухи о встречавшихся там нечеловеческих созданиях. Зловещая Пустыня, ограничившая Долины с запада, давала приют лишь разбойникам и тем странным людям, кого манили оставшиеся якобы от Древних находки. Однако в недавние трудные времена владетели Долин обратились за помощью против захватчиков именно к обитателям Пустыни. И помощь пришла — от Всадников-оборотней, которые, как всем известно, были не людьми, а пугающей помесью человека и

хищного зверя. Эта история дошла даже до тех немногих, с кем решалась вступить в общение Брикса, до запуганных земледельцев, таких же угрюмых и подозрительных, как она теперь, но порой соглашавшихся обменять горсть соли на связку прыгунцовых шкурок.

Брикса в своих скитаниях, убегая и прячась, не раз за последние два года приближалась к границе Пустыни. В основном потому, что враг оттеснил ее от тех беженцев, которые, может быть, еще жили дальше к востоку. На границах роились шайки бандитов и мародеров, а в глубину пустых земель она раньше соваться не решалась.

От помутившегося рассудком владетеля Марбона этого можно было ожидать. Но ей-то зачем гнаться за ним?.. Брикса присела на травяную кочку, потерла ступни, широко раскрытыми глазами всмотрелась, вслушалась… Темнота мало что открывала зрению, но ночные звуки вернулись, сменив пугающую тишину лощины.

А еще… Она вскинула голову, втянув ноздрями аромат, способный уравновесить чашу весов с той гнилостной вонью, что окутала верхнюю тропу. Свежий, сладостный, он напомнил ей луговые травы ранним утром, паутину с жемчужинками

росы… распускающиеся с приходом дня цветы. И сад, раскинувшийся под полуденным солнцем, полный цветов в ожидании сборщиц, чтобы те сорвали их и засушили, умастили душистыми головками постели и белье… и еще…

Брикса, не вполне сознавая, что делает, снова оказалась на ногах и двинулась в ночь, на становившееся все сильнее благоухание. Она вышла к подножию дерева — со странно перекрученными ветвями и совсем без листьев. Зато на ветвях были цветы — белые цветы. И кончик каждого лепестка светился огоньком свечи.

Брикса протянула руку, но не осмелилась коснуться ни лепестка, ни ветви. Она замерла в трепете и изумлении, пока хриплое карканье не заставило ее очнуться.

Девушка обернулась, вскинув копье. Как ни слаб был лившийся от цветов свет, он открыл ей притаившихся в темноте. Они были совсем малы, гораздо меньше шума, который подняли, поняв, что обнаружены. Да, малы, но от них исходил ужас.

Если поднять жабу на задние лапы, наполнить выпученные глаза разумом, а разинутый рот — клыками, получится нечто похожее на этих каркающих созданий. Только эти Жабы были

одеты не в гладкую кожу, а покрыты пучками грубых волос — волос или тонких щупалец. Пучки подлиннее торчали в углах рта и над глазами. Эти волоски непрерывно шевелились, словно обладали собственной жизнью.

Брикса прижалась спиной к стволу. Она ждала нападения, но существа не двигались с места. Тем не менее она не сомневалась в их злых намерениях. В ее разум словно вбивали холодную ненависть ко всему, чем была она и не были они. Вместо прямой атаки Жабы вприсядку двинулись вправо по кругу в глумливом подобии праздничного хоровода.

Они теперь молчали, но взгляды их осмысленных глаз были обращены к ней, и в каждом Брикса читала гнусные желания. Они кружили, смыкая кольцо вокруг дерева. И Брикса, напряженно отыскивая проход в этом кольце, тоже двигалась вокруг ствола, держась так, чтобы почти ощущать его плечами.

Она не представляла, что им надо. Но в их кружении угадывалась определенная цель. Смутно вспомнились рассказы Куниггуды. О том, как наводят чары, повторяя волшебное слово или движение. Не это ли творится здесь и сейчас?

Но если так… Она должна нарушить порядок

движения, не дав им завершить заклинание. Только как это сделать?..

Нацелив копье, Брикса метнулась от дерева к ближайшему звену жабьей цепи. Жабы отступили перед ней, но, оттянувшись немного дальше, продолжали пляску там, куда не доставало ее копьецо. Девушка видела, что они не испуганы и намерены кружить и кружить, пока не добьются своего.

Если прорвать круг, перепрыгнуть его или отогнать их копьем… окажется ли она на свободе? Удалившись от скудного света цветов, она будет слепой в их владениях, где они легко ее выследят.

Брикса снова отступила под освещенные цветами ветви. Она ясно видела, что круг сужается с каждым оборотом. Скоро ей придется решиться и держаться задуманного. Либо прорываться, либо ждать и принять, что будет. Колебания были ей несвойственны, но и такого врага девушке встречать еще не доводилось.

Под деревом она чувствовала себя в безопасности, возможно кажущейся, внушенной безысходностью и надеждой. Брикса коснулась ствола и вздрогнула. Как будто тронула теплую кожу. В миг прикосновения ее разум уловил послание.

Действительно уловил? Или ее заморочили, сбили с толку навеянные Жабами чары?

Был только один способ это проверить. Прижав копье локтем, Брикса бережно потянула к себе нижнюю ветку. И снова из забытых лет пришли слова Куниггуды, которые та повторяла, собирая растения в саду. Она обращала их к каждому стебельку, кусту или малому зеленому созданию, которое лишала цветов. Ведь Куниггуда твердо верила, что у всего растущего есть душа и ее следует признавать и почитать.

«Поделись со мной от своего изобилия, зеленая матушка. Богаты плоды твоего тела. Ты рождаешь красоту и сладость — и я возьму лишь то, что ты отдашь по доброй воле».

Девушка накрыла ладонью цветок. Свет, лившийся от его лепестков, стер с кожи следы ветра и солнца, сменив темный загар мягкой жемчужной белизной. Цветок отделился от ветки без малейшего усилия. Нет, он словно сам лег ей в руку.

Она замерла на долгий миг, забыв даже о хороводе Жаб, ожидая, что снятый с ветки цветок в ее раскрытой ладони погаснет, утратит нежное сияние. Но этого не случилось, а в ней разрастался такой покой, такое чувство единения с миром, какого она не помнила с давнего утра, когда

проснулась среди колонн Древних.

И Брикса обратилась к дереву — или не к дереву, а к той сущности, которая была недоступна ни взгляду, ни другим чувствам, кроме только этого движения души:

— Благодарю тебя, зеленая матушка. Твой дар для меня сокровище.

Бессознательно, как спящий повинуется глубоко скрытому желанию, Брикса выронила копье, оставив себя беззащитной по меркам своего рода.

С цветком в руке она шагнула из-под защиты дерева к кругу, сузившемуся уже до черты, куда совсем немного не дотягивались нависшие ветви. Она уверенно протянула цветок к кружащимся все быстрее теням. Облако благоухания двигалось вместе с ней.

С каркающим воплем Жабы оборвали пляску. Их пасти испускали хриплые квакающие звуки — может быть, речь, но только не человеческую. Брикса держала цветок перед собой. Его свет лился между пальцами.

Одна Жаба с яростным криком отпрянула. Всего на миг она с вызовом задержалась перед девушкой. А потом, не переставая квакать, шмыгнула в темноту. И стоявшие в хороводе рядом с ней

нарушили строй. Эти не спешили обратиться в бегство, а урчали и каркали, неуклюже размахивая лапами. Оружия в этих лапах не было, но угроза была несомненной.

Между ними и девушкой лился ровный свет цветка — не яркий, но и не меркнувший. Твари сторонились его. Брикса не пыталась пересечь линию, установленную их пляской — выйти за границу распростертых ветвей. Она неведомо откуда знала, что их сень служит ей оградой и защитой.

Жабы не пытались снова завести хоровод. Те, что стояли подальше, всё каркали и махали лапами, но к девушке с цветком не приближались. Наконец они разбежались — шлепая лапами, скрылись в темноте. Впрочем, они не совсем покинули поле боя, потому что, вернувшись к дереву, Брикса еще слышала их каркающие вопли и кваканье и догадывалась, что осада продолжается.

Ее мучили голод и жажда. Снова мелькнула мысль об оставленном в долине заплечном мешке — какая глупость! Но и голод, и жажда были глухими — будто терзали другую Бриксу, не затрагивая ту, что сидела под деревом, лаская лепестки цветка, тонкие и твердые, словно вырезанные из

драгоценного камня.

Что-то подсказало ей глубже вдохнуть его аромат. Так же, не задумываясь, она обернулась к стволу дерева у себя за плечом. Нежно опустив цветок на землю, девушка встала на колени и обняла дерево, прижалась губами к гладкой коре. Она коснулась коры языком, поводила им туда-сюда. Ее язык был не таким шершавым, как у Уты, но, казалось, и он пронял дерево. В ответ ее касанию на стволе проступила влага. Брикса принялась слизывать капли.

Они не были ни сладкими, ни кислыми — она не сумела бы назвать этого вкуса — но, отвечая сосущим движениям ее губ и языка, проступали все чаще. Брикса глотала, сосала и снова глотала.

Прошла жажда, прошел и голод. Она ожила, воспрянула. Шепот листвы окутал ее, заглушил крики Жаб. Брикса подняла голову и радостно засмеялась.

— Воистину ты — зеленая мать! Благодарю тебя за подаренную силу, госпожа цветов. Ах, но что значит для такой, как ты, моя благодарность!

В ней зародилась печаль. С таким чувством смотрят на дверь, за которой царит великая радость, и не смеют в нее войти. Если это — магия (а чем же иным это могло быть?), пусть никто

больше при ней не порочит такую магию. Девушка снова прижалась к стволу, тронула губами кору, не прося больше пищи и утешения, а просто радуясь чуду.

Потом она прилегла с цветком у самой щеки, забыв брошенное копье. И уснула, полностью доверившись покровительству дерева.

5

Брикса проснулась легкой и счастливой. Солнце стояло высоко и уже трогало землю золотыми лучами. Она полежала в полудреме, в странном довольстве разглядывая сплетение ветвей над головой.

Цветы, ночью горевшие свечками, теперь замкнулись в плотные красновато-бурые бутоны. Ни один не завял, не упал с дерева. Чуть повернув голову, девушка увидела рядом тот, что сорвала вчера, и он тоже закрылся, лежал таким же коричневым свертком.

Есть ей не хотелось, прошла и боль в ногах. Она чувствовала себя сильной и бодрой. И…

Брикса тряхнула головой. Неужели сон продолжается и наяву? Моргнув, закрыв глаза, она мысленно увидела перед собой путь. В ней нарастало беспокойное, неотложное чувство, что она где-то нужна, что ее ждет дело, сути которого она пока не понимала.

Брикса подняла цветок в плотной оболочке, уложила его за пазуху, поближе к телу. Встав на ноги, девушка снова обратилась к дереву с тихими словами:

— Зеленая матушка, мне не хватает мудрости понять чудо, которое ты для меня сотворила. Но я верю, что оно сделает гладким мой путь. Во имя твое я с этого часа не обойду заботой все, что произрастает из корней, что живет стеблями и протянутыми к небу ветвями. Воистину, у нас одна жизнь на всех — я запомню этот урок.

Она говорила правду. Никогда в жизни она не обойдет больше вниманием чудо иной, непохожей на нее жизни. В это утро ей дана была такая ясность зрения, какая ведома разве что исцелившемуся от слепоты.

Каждый пучок грубой травы, каждый изгиб куста или ветки преобразились для нее в редкостное диво. Ни одно создание не походило на другое, каждое одаряло бесконечностью разнообразия.

Брикса подобрала копье. Вместе с новой жизнью зеленых созданий в ее уме утвердилась и предназначенная ей дорога. И она не думала медлить, сознавая, что ее ждут.

Она двинулась вперед ровной рысцой. Жабы, тщившиеся накануне одолеть ее колдовством, скрылись. Девушка откуда-то знала, что солнечный свет защитит ее от этих тварей.

Временами она замечала следы на клочках мягкой земли — здесь прошли ноги в сапогах.

Обвивая отпечатки обутых ног, вился след лапок Уты. Трое, за которыми она гналась, прошли перед ней.

В одном месте Ута истоптала землю чуть в стороне от тропы. Брикса кивнула, как бы подтверждая, что понимает, хотя видеть ее было некому. Она не сомневалась, что кошка нарочно оставила следы для нее, Бриксы, — отчетливей дорожных указателей в Долинах.

Девушка больше не задавалась вопросом, чтó она делает. Она смутно понимала, что с этого пути ей не свернуть.

В пустошах была жизнь, но в то утро ничто не казалось ей угрозой. Дважды из-под ног срывались прыгунцы, уносились большими прыжками, за что и получили это простонародное название. Брикса высмотрела одетую в броню ящерицу — красноватые чешуйки почти сливались с песком под ней. Самоцветные глаза следили за девушкой. Ящерица, в отличие от прыгунцов, ее не боялась.

Стайки птиц вспархивали с земли, но отлетали недалеко и скоро возвращались к поиску букашек. Птицы были буроватыми, как почти всё в этих краях, где не было ни яркой зелени, ни звездочек цветов в траве. Растения казались такими

же пыльными, как земля. Среди них выделялись один или два вида с мясистыми красноватыми листьями. У таких под корнями лежали скорлупки жуков и лапки кузнечиков — объедки, сброшенные шипастыми листьями, когда те приготовлялись изловить новую жертву.

В этой части пустошей земля была неровной, ее покрывали округлые холмы, похожие на прибрежные дюны, — только эти были земляными и не так легко перегонялись ветром. Оттого и тропа, по которой шагала Брикса, шла не прямо, а виляла между холмами. Холмы поднимались все выше и заслоняли ей все вокруг.

Осенившее ее при пробуждении чувство, что мир хорош и добр, понемногу стерлось, когда Брикса углубилась в лабиринт этой земли курганов. По сторонам тропы росла трава, но ее пучки больше напоминали не растения, а грубую шерсть животных, пропускающих путника в глубину стаи, чтобы легче было застигнуть врасплох и начать жестокую игру.

Выдумки… Да, такие домыслы были не в ее натуре. Брикса пару раз даже постучала по склону тупым концом копья, уверяя себя, что это лишь плотная земля да трава, а вовсе не затаившийся в засаде зверь.

В голове у нее один за другим возникали вопросы. Эти страхи — они как будто исходили не от нее. Она давно познакомилась со страхом, но то был страх перед осязаемой опасностью — перед двуногими волками, голодом, холодом, болезнью — перед всем, что грозит беззащитному и неосторожному. Но никогда ее воображение не изобретало новых врагов.

Бриксу тянуло броситься бегом — куда угодно, лишь бы покинуть эту извилистую тропу. Лучше уж в иссохшую Пустыню, чем оставаться здесь! Но она поборола припадок страха и наперекор бьющемуся сердцу нарочно замедлила шаг, заставляя себя сосредоточиться на одном: высматривать оставленные идущими впереди следы.

Только теперь, полностью сосредоточившись, Брикса заметила важный знак: следы сапог виднелись по-прежнему отчетливо, но не было отпечатков лапок Уты. Девушка резко остановилась. Исчезновение этих следов прозвучало в мозгу сигналом тревоги. Она сама не знала, почему ей так важно идти, куда ведет ее кошка, но это было важно — настолько, что она повернула обратно.

Мысль возвращаться тем же путем ей не нравилась. Да и ни к чему это, доказывала она самой

себе. Но… рука сама собой потянулась к цветочному бутону, надежно укрытому на груди под рубахой… Но… она так же верно, как если бы приказ повиноваться прозвучал с неба над головой, знала: именно так она *должна* поступить.

Силуэты курганов представлялись теперь еще более жуткими, невероятными. Бриксе мерещилось, что земляными они остаются, только пока она смотрит на них в упор, отгоняя страх. Стоило ей отвести глаза, как очертания начинали меняться…

Она побежала, одной рукой по-прежнему прижимая к груди цветок, другой сжимая копье. И тут…

Курган вырос прямо перед ней, словно земля вспучилась горбом, перекрыв ей путь. Следы, оставленные ее собственными ногами, побежали дальше — и исчезли на фоне холма. Так не бывает… обман зрения? Из дальних воспоминаний вспорхнули полузабытые рассказы Куниггуды. Брикса подняла копье и, не задумываясь о том, что делает, с силой метнула его вперед.

Наконечник целиком ушел в землю, древко слабо дрожало. Значит, не мерещится! Путь ей перекрыл настоящий земляной холм. Ее завели в западню, а след сапог послужил приманкой.

Брикса протянула руку, выдернула копье.

Она запретила себе паниковать. И все же немного дрожала, и рука, сомкнувшаяся на древке копья, стала влажной, так что дерево заскользило в ладони. Остановившись, Брикса повернулась спиной к кургану, которого здесь быть не могло. Надо было решаться. Стоя на месте, она ничего не изменит. Отвага, которую девушка взрастила в себе ради собственного спасения, подсказывала, что теперь, осознав опасность, она должна идти навстречу угрозе — и чем скорее, тем лучше, пока страх не подточил ее решимости.

Брикса снова зашагала по тому же следу. Следы сапог читались без труда. Куда же, в самом деле, подевались эти трое? Давно ли она сбилась с настоящего следа? Теперь уже без толку было искать ответы на эти вопросы. И полагаться ей оставалось только на саму себя.

Но тот или те, кто подстроил эту ловушку, не спешили объявиться. И это тоже выматывало силы. Постоянно ждать атаки, когда ее все нет и нет, — это притупляло бдительность, как, бывает, тупится острый край лезвия.

Обойти курган, и еще один, и еще…

Она словно отодвинула штору, впустив яркий дневной свет. Не так давно она мечтала о Пу-

стыне, лишь бы выйти из тени курганов. И вот желание исполнилось, но открывшийся вид понравился Бриксе куда меньше, чем она ожидала.

Перед ней протянулась голая земля, на границе которой заканчивались даже клочковатые кусты и пучки травы. Только желтая, в красных полосах земля, изрытая сетью разбегавшихся во все стороны канавок. Никакой давний потоп, подумалось Бриксе, не мог проточить такое сплетение русел.

К небу грозящими кулаками поднимались каменные останцы, а висевшее над ними солнце заливало землю жаром, как из-за открывшейся заслонки хлебной печи.

Брикса ахнула. Ступить босой ногой на эту пропеченную, раскаленную землю — невозможно! Какое бы недоверие ни внушали ей лабиринты между холмами, придется вернуться. Она повернула назад…

Но куда подевался проход, через который она сюда вышла?

Девушка пошатнулась, уцепилась за копье, как за костыль. Она затрясла головой, зажмурилась, постояла мгновение с закрытыми глазами и снова открыла их.

Вот уж это наверняка обман зрения! Огромные груды тяжелой земли не могли сдвинуться в

одночасье, отрезав ей обратный путь. Но, поворачиваясь и вправо, и влево, она видела только высокую земляную стену — сплошную, без разрывов.

Брикса всем телом бросилась на склон, за которым должен был скрываться проход. Одной рукой она воткнула копье в землю, другой ухватилась за пук травы, подтянулась. Если нет другого пути, она готова лезть через верх.

Стебли травы оказались острыми, как наточенное ею — неужто только вчера? — лезвие ножа. Брикса ахнула и прижала пальцы к губам, слизнула кровь, проступавшую из тонких разрезов и заливавшую ладонь и запястье. И отскочила, чтобы не изрезать также и ноги.

Присев там, где бурая земля кургана смыкалась с голой землей Пустыни, Брикса попыталась рассуждать здраво. Угроза существует, с этим надо смириться. Ее совершенно непостижимым образом, корежа саму землю, пригнали сюда, в эту ловушку.

Она уныло призналась себе, что обратного пути нет. Быть может, удалось бы пройти вдоль кромки холмов к северу или к югу, но ее глодало сомнение, что неведомая Сила позволит ей оттягивать встречу с уготованной судьбой. Все вокруг

походило на сон из тех, после которых вечно боишься темноты.

Остаться на месте и смиренно ждать беды? Нет! Она призвала к себе отвагу словами, которые не раз повторяла прежде.

— Я жива, — с яростью проговорила она в окружающую пустоту. — У меня есть руки, ноги, тело — есть разум. Я — это я, Брикса. И я подчиняюсь только своей воле!

Ответа на ее вызов не было, если только не счесть за ответ далекий хриплый крик хищной птицы. Девушка облизнула сухие губы. Казалось, она напилась от щедрот дерева очень-очень давно. А на этой желто-красной земле не было ни следа воды.

По этой земле ей придется пройти — по своей воле и когда она сама сочтет нужным, а не по выбору того разума, что проложил обманный след. Стянув с себя меховую безрукавку, Брикса ножом разрезала заботливо положенные когда-то стежки. Получилась кучка обрезков. Она обмотала ими ступни и, нарезав длинных шнурков, закрепила обмотки на щиколотках, туго затянув узлы.

Защитив, насколько возможно, подошвы, девушка поднялась, взглянула из-под руки на рассеченную землю. Овражки с крутыми берега-

ми складывались в сеть, через которую не пройти было напрямик. Возможно, скальные останцы дадут сколько-то тени. Но дымка скрывала все впереди, мешала рассмотреть, скалы ожидают ее или пропасти.

Брикса передернула плечами. Тянуть дольше нет смысла. Полдень, наверное, давно миновал, и она рассудила, что сумерки принесут хоть немного прохлады. Опираясь на копье, как на посох, Брикса двинулась в Пустыню.

Между останцами были кое-какие различия, позволявшие определять направление и не ходить кругами. Один, с закругленной верхушкой, походил на уставленный в небо большой корявый палец. Его девушка и выбрала первой своей целью.

Дважды ей пришлось обходить слишком широкие, чтобы перепрыгнуть, канавы. На три шага вперед — два назад. На пути ей встречались клочки земли, испещренные следами, но отпечатков сапог Брикса больше не видела.

Из следов яснее всего пропечатались четырехпалые лапы длиной с ее ступню. Если этот след принадлежал птице, то ростом та не уступала Бриксе.

Однако, где есть следы жизни, должны найтись

и средства эту жизнь поддерживать. Брикса не знала живых существ, способных обойтись без воды, а значит, земля не так мертва, как кажется. Задержавшись, она сунула в рот маленький красный голыш — испытанное в странствиях средство против жажды.

У скалы-пальца она постояла в клочке тени, выбирая новую цель.

И тогда-то в тишину выжженной Пустыни сверху ворвался пронзительный крик. Брикса попятилась, прижалась плечами к нагретой солнцем скале. И подняла взгляд…

В небе кружила птица — еще слишком далеко, чтобы сквозь жаркое марево отличить большого коршуна, каких она часто видела в холмах, от пожирателя падали, владычествующего в этих местах.

На крик ответили. В небе показалась вторая птица. Вдвоем они описали круг над скалой-пальцем, не оставив сомнений, что видят в Бриксе добычу. Когда птицы резко пошли вниз, девушка ахнула.

Даже золотой орел — величественный властелин гор Высшего Холлака — показался бы рядом с ними пеночкой. Сядь они на землю, головы этих кричавших над ней птиц пришлись бы вровень

с ее плечами. Она прижалась к скале, чтобы защитить хотя бы спину, и до боли стиснула древко копья.

Птицы парили, закладывая виражи, держа ее в центре круга, как недавно — кружившие вокруг дерева Жабы. На крик двух первых отозвались третья и четвертая.

Несомненно, это были охотники. Брикса видела их хищные клювы и когти. Если бы они застали ее на открытом месте, легко сбили бы с ног. Но сейчас хищники не спешили.

Вскоре осаду вели уже шесть птиц, а седьмая держалась выше. Она-то и испускала теперь пронзительные вопли, в то время как другие замолчали. Брикса сравнила себя с запертым на горном уступе снежным котом перед собачьей сворой, лаем торопящей хозяина.

Кто — или что — правит этой сворой? Брикса все сильнее ощущала себя в сетях кошмара. Может быть, она все еще дремлет под деревом, показавшимся таким надежным убежищем, и ее губит страшный сон?

Сон или не сон, но зной, жажду и страх она ощущала как наяву. Ей ничего не оставалось, как чутко ловить каждое движение птиц. Впрочем, она опустилась на колено, чтобы нашарить на

запекшейся земле несколько камней, удобно ложащихся в ладонь. Попадала же она в прыгунцов, так почему бы не ошарашить камнем и одну из этих наглых птичек?

Брикса тщательно выбирала камни, взвешивала каждый в ладони, оценивала форму. Она знала, как дорого стоит такая предусмотрительность. В конечном счете у нее набралось девять удобных для броска голышей, слишком крупных, чтобы назвать их галькой.

Птицы все висели над ней, их тени метались взад-вперед по земле. Та, что зависла выше всех, продолжала кричать. К тому времени, как ей ответили — а Брикса давно ждала ответа, — девушка пристроила последний камень под рукой, во впадине скалы, позволявшей подхватить снаряд не нагибаясь.

Долгий, протяжный ответный крик отличался от голосов птиц. И, насколько можно было судить, донесся с уровня земли, а не с воздуха. Она прошлась пальцами по копью и стала всматриваться в Пустыню перед собой.

Впереди каменные бастионы попадались чаще, таяли в дымке и заслоняли друг друга, так что ей пришло в голову, не складываются ли они в линию утесов, противопоставленную линии

курганов, от которых Брикса начала путь. Сейчас у того, что стоял налево, с юго-востока, она различила трепет движения.

Одна птица на манер передового разведчика отделилась от остальных и полетела туда. И снова прозвучал тот же зов. Человеческий крик? За это Брикса бы не поручилась. К тому же, если даже тот, кто явится закончить охоту, носит человеческое обличье, в таких местах под знакомой оболочкой, скорее всего, скрывается нечто совершенно иное. У людей Долин пустые земли никогда не пользовались доверием.

Тот, кто приближался к ней, двигался со скоростью бегуна. И походил на человека. Да, передвигался на двух ногах, как человек…

И вдруг поднялся в воздух. Очутившись перед одним из множества оврагов, бегун огромным прыжком взмыл вверх, широко раскинув верхние конечности, раскрывшиеся подобно крыльям. Опираясь на эти хлопающие крылья, бегун преодолел основательное расстояние, а птица сопровождала его, держась выше.

Дымка уже не скрывала его, и Брикса убедилась, что угадала верно. Перед ней был не разбойник, навострившийся натравливать птиц на добычу, а, скорее, один из легендарных монстров

— пережитков Древних, их слуга или хозяин, ищущий теперь пропитания в этой спаленной зноем земле.

Хозяин?.. Нет, хозяйка!

Тощее тело, передвигавшееся плавными прыжками, или, вернее сказать, перелетами, было уродливым подобием женского. Никакая одежда не скрывала тяжелых грудей с алыми сосками, окаймленными светлой бахромой перьев. Перья виднелись и в других местах, располагаясь, как располагаются волосы на человеческом теле. На голове топорщился пернатый гребень. От запястий отходили широкие и крепкие на вид маховые перья, а к плечам они еще набрали ширину и длину, так что самые большие почти равнялись длине руки.

Лицо этого существа больше напоминало птичье, чем человечье. Глаза глубоко посажены, рот и нос срослись в большой, злобно изогнутый клюв цвета пламени. Конечности-крылья заканчивались четырехпалыми кистями с когтями, предназначенными рвать и терзать, а в промежутках между прыжками земли касались не ступни, а настоящие птичьи лапы.

Ростом крылатая тварь превосходила Бриксу, но тело ее было тощим, а руки и ноги — сплошь

обтянутые кожей кости. Вблизи стал виден и хвост — пук перьев, колебавшихся в воздухе при каждом движении.

В последнем прыжке она опустилась на землю прямо перед Бриксой, там, куда уже доставало копье. Теперь чудище заскакало взад-вперед, склонив голову набок, как птица, с любопытством разглядывающая незнакомый предмет.

Сопровождавшая хозяйку птица пристроилась на большом валуне и сложила крылья. Но остальные шесть продолжали бдительно кружить над Бриксой. Тогда создание Пустыни раскрыло клюв и испустило крик — не вопль и не птичье пение. Нет, в крике слышалась осмысленная речь. Но слова, если это были слова, остались непонятными девушке.

Так или иначе, атаковать птица-женщина не спешила. Возможно ли, чтобы это страшное существо все же понимало, что Брикса не желает ей зла, а хочет только пройти своей дорогой? Звери Долин, если их не томил голод или не разозлило вторжение в охотничьи владения, соглашались на осторожный мир с путником, пока тот не начинал им угрожать. Если и здесь так же… Словом, попытаться не помешает.

Брикса постаралась забыть о когтях и остром

клюве. Она держала копье в правой руке так, чтобы видно было: для нее это не оружие, а посох, опора. Открытую ладонь левой она подняла в знак мира — жест, понятный всем существам ее крови.

Хриплым от жажды голосом она как можно отчетливее проговорила:

— Друг… я друг…

6

Птица-женщина все вертела головой, словно пыталась разглядеть Бриксу то одним, то другим глазом. Ее клюв приоткрылся. Но вылетел из него уже не вопль, а насмешливый скрежет, зловеще напоминавший человеческий смех. Она высоко вскинула руки, так что бахрома перьев на них растянулась, больше прежнего походя на крылья. И когти-пальцы тоже растопырились, жадно подрагивая, как будто спешили впиться в беззащитную плоть. А во взгляде, уставленном на Бриксу, не было ничего человеческого.

Седьмая птица, сидевшая на камне чуть позади своей госпожи, теперь снялась и полетела прямо к девушке. Брикса заученным за много опасных лет движением пошарила у себя за спиной. Пальцы нащупали припасенный камень, и она, старательно прицелившись, метнула снаряд.

Раздался вопль. Птица, теряя зловонные перья, развернулась, закружила вместе с другими, сомкнувшими кольцо осады над останцом.

Брикса приготовила копье, ожидая прямой атаки. Но птица-женщина медлила. Она переминалась на когтистых лапах в странном подобии

пляски. И больше не смеялась. А птицы держались теперь высоко, подальше от Бриксы.

Девушка не знала, почему они оттягивают бой. Разве только… Рука ее потянулась к груди, к бутону под рубахой: что, если закрывшийся цветок снова защищает ее, как защитило дерево этой ночью? Продолжая держать копье наготове, она вытащила бутон из-за пазухи. Нет, он и не думал открываться. Блестящие коричневые внешние лепестки запечатывали все, что давало свет и благоухание ночью. Коснувшись бутона, Брикса опешила. Но не выпустила своего сокровища, а сжала его еще крепче. Бутон был теплым, и не просто теплым — в нем билась жизнь. Как будто в ее ладони медленно вздрагивало живое сердце!

Птица-женщина вновь раскинула руки-крылья, погнав прямо в лицо Бриксе горячий воздух Пустыни, полный песка, щебня и мерзкого запаха своего тела. Пляс с подскоками стал быстрее, когти лап по очереди взметали пыль и песок.

Один такой прыжок вместе с песком метнул в лицо Бриксе выпавшее у подбитой птицы перо. Оно не упало на землю, а устремилось вперед, как стрела, выпущенная ясно видевшим цель лучником.

Брикса пригнулась. Но она ошиблась, думая,

что перо целит ей в голову. Нет, оно устремилось к сжимавшему бутон кулаку, легло поперек сжатых пальцев. Такое, конечно, не могло быть случайностью.

Но служит ли перо целям охотников? Она попробовала стряхнуть его, с силой потрясая кулаком. Перо не спорхнуло на землю, а лежало прочно, словно прилипло.

А отложить копье, чтобы содрать его другой рукой, Брикса не решилась, — может быть, охотники Пустыни только того и ждали.

Перо…

Перо было совсем легким, она бы не почувствовала его кожей, если бы не видела глазами. Почему… почему и зачем оно попало к ней столь странным образом?

Черная полоса пера походила на злобный палец, наложенный так, чтобы бутон не мог открыться свету дня.

Черная полоса…

У Бриксы перехватило дыхание. Черная?.. Нет! Перо меняло цвет. Светлело, становилось серым…

Птица-женщина завопила, и раздирающий ее глотку крик был подхвачен кружащимися в вышине. Брикса вскинула голову на звук и вся

вжалась в камень. Она приняла этот крик за сигнал к атаке.

Но птица-женщина, продолжая пляску, не двигалась с места. А перо светлело и светлело. Вот уже оно цвета пепла, почти белое…

Брикса бешено махала и трясла кулаком, силясь скинуть перо. Тщетно. Оно уже стало жемчужно-белым. Не просто белым — оно, казалось, втягивает в себя свет и само начинает бледно светиться с краев. Сияние… Не мерещится ли оно под слепящим солнцем Пустыни?

В сжатом кулаке Бриксы что-то зашевелилось, как если бы бутон ожил и рвался на свободу. Словно чужая воля овладела ее мышцами и заставила разжать пальцы. И, ни о чем не думая, она высоко вскинула руку. Перо наконец сорвалось, закружилось в воздухе и…

В воздух взлетела птица. Видом и величиной она не уступала тем, что осаждали Бриксу. Но цветом была схожа с жемчужной белизной цветов. Едва взлетев, она метнулась прямо к голове птицы-женщины.

Создание Пустыни забило распростертыми крыльями, гневно заскрежетало. А служившие ему птицы разбили круг и виражами пошли вниз, к месту, где шел бой со стремительным летуном.

Брикса выронила копье. Крепко прижимая к груди бутон, она один за другим хватала камни и швыряла их то в кружащихся птиц, то в их визжащую и приплясывающую хозяйку. Некоторые попадали в цель. Двух птиц она подбила. Птица-женщина заорала, прижимая одно крыло к боку: оно больше не поднималось.

А на земле Пустыни снова что-то зашевелилось. Брикса, увлекшись боем, не сразу заметила подтягивающееся подкрепление. Что-то шныряло между камнями так быстро, что девушка не успевала отследить взглядом. Одно было ей ясно: сражение разрастается, а на помощь новых участников рассчитывать не стоит.

Белая птица, хоть и была вооружена клювом и когтями, не пускала их в ход. Она, казалось, поставила себе целью запутать и сбить с толку черную стаю вместе с ее хозяйкой. Наваждение? Ничего другого Бриксе не приходило на ум. Но кто создал это наваждение? Сама она колдовать не умела. Она не Мудрая, не имела дела с забытой магией Древних. Она…

Она до сих пор ощущала во рту слабый вкус сока щедрого дерева. И аромат его цветов окутывал девушку. Брикса приняла дары дерева, впитала в себя — не сознательно, так вышло само собой. И

что же теперь поселилось в ней?

— Зеленая матушка, — еле слышно прохрипела она, — я не знаю, что наделала… Если бы только знать!

И снова бутон в ее руке дрогнул с такой силой, что биение отдалось в коже и косточках руки. Не ответ ли это? Или бутон пытается ее ободрить? Брикса не понимала, что с ней творится, — и времени разобраться в сумятице мыслей у нее не было.

Но визгливый гомон птиц вызвал к жизни другой звук — не эхо, а ответ. В битву вступили новые бойцы — создания столь стремительные, что у Бриксы осталось лишь мимолетное впечатление ловких удлиненных тел, голых или чешуйчатых. Птице-женщине пришлось с яростным криком развернуться к ним, принять бой. Здесь она не медлила в нерешительности, как медлила перед Бриксой. Если при виде девушки она, видимо, опасалась неизвестного противника с неизвестным оружием, то теперь столкнулась с давно знакомым и привычным врагом.

Спасение? Этого Брикса не знала, но была уверена, что, когда жители Пустыни закончат схватку между собой, у нее уже не будет шанса сбежать. Едва она решилась попытаться, как бутон толк-

нул ее в ладонь, словно торопил, побуждал к действию. Или предостерегал, но Брикса пока не забыла, кто она есть, и твердо держалась собственного решения.

Все так же прижимаясь спиной к камню, она сдвинулась влево, так, чтобы оставить утес между собой и сражающимися. И вот выступ скалы скрыл от нее схватку. Сжимая в одной руке бутон, а в другой копье, она бросилась бежать — не в Пустыню, а обратно к темной линии холмов. Брикса понятия не имела, что будет делать, очутившись между полосой курганов и тварями Пустыни. Но в глубине выжженной земли ей вовсе не на что было надеяться.

Склоны курганов выросли перед ней, темные и голые под садившимся за спиной девушки солнцем. Вблизи они сулили мало надежды. И ей страшно было подумать о том, чтобы провести под ними ночь. И все же лучше здесь, чем в Пустыне.

Брикса перешагнула границу песков и увидела перед собой неодолимые кручи поросшей травой земли. Она готова была изрезать все руки острыми стеблями, лишь бы перевалить через этот гребень, оставить хотя бы один холм между собой и Пустыней. Девушка могла только надеяться,

что птица-женщина и ее стая, если те выйдут победителями из схватки у останца, не сумеют достать ее за курганами.

От долгого бега у нее закололо под ребрами. Голод мучил, как тупая боль, а жажда еще сильнее. Она не знала, долго ли продержится на ногах. И не была уверена, в этом ли месте она вошла в Пустыню — забрела, как овца, подгоняемая чужой темной волей.

Наверх — она должна справиться! Напрягая остатки сил, Брикса вогнала копье в склон чуть выше уровня плеча и приготовилась подтянуться.

Она шлепнулась носом в землю, так что мерзкий запах наполнил ноздри и пробился в рот. Ее затуманенное сознание долго не могло постигнуть случившегося. А заставив себя наконец приподняться, она увидела…

Курган, на который она собиралась лезть, — пропал! Брикса лежала в узком проходе между двумя кручами бурой земли, и заходящее солнце высвечивало впереди только тени. Открытая дорога — хоть какая-то дорога!

Бегство и падение так измотали девушку, что минуту-другую она сидела на месте, ловя ртом воздух и беспомощно пытаясь стереть с лица

пятна грязи.

Если на эту дорогу ее загнали силой — не приведет ли открывшаяся теперь тропа в новую ловушку, такую же смертельную, какой едва не оказалась для нее Пустыня? Если так — к чему спешить навстречу неведомой опасности? И Брикса оставалась на месте, пока последние лучи солнца угасали за спиной, а тени протягивались все дальше, нащупывая ее жадными пальцами. Она пыталась привести в порядок мысли, разобраться в случившемся — если бы только это было в ее силах!

Теперь ей представлялось, что с тех пор, как она спустилась к руинам Иггарсдейла и впуталась в дела полоумного владетеля, она перестала быть собой — по крайней мере, той Бриксой, какой вылепила себя, чтобы выжить.

Что, если чужая воля двигала ею, не спрашивая согласия и даже не давая о себе знать, ради целей, вовсе не касающихся дел ее рода? В жилах Бриксы текла чистая кровь обитателей Долин, без примеси Древних — не то что в Марбоне, который вполне мог оказаться податливым к колдовству. Правда, люди Долин — и мужчины, и женщины — попадались иногда в колдовские ловушки, разбросанные по стране пережившей много ве-

ков волей Древних. Брикса с детства помнила предостережения, о которых рассказывалось в старых сказках, — о том, что грозит безрассудному глупцу, сунувшему нос в запретные места. Искатели сокровищ возвращались безумными или полуживыми, а то и вовсе пропадали без вести. Иными владело любопытство, что сильнее жадности, — те искали Древние знания. Мало кто их находил, а нашедшие обнаруживали, что отныне собственные родичи боятся их, и становились отверженными.

Куниггуда… Не в первый раз за время долгих странствий Брикса ломала голову над тайной старой няньки. Куниггуда властно распоряжалась в Доме Торгуса — ведь Брикса не вышла ни годами, ни опытом, чтобы вести хозяйство, а от ее отца не было вестей с первого сражения против пришельцев из-за моря. Мать ее умерла в родах, и другой хозяйки в долине не было.

Но… кем была Куниггуда? И сколько ей было лет? Брикса помнила няньку, сколько помнила себя, и всегда она казалась такой же старой — совсем не менялась. Мудрой она себя не называла и не кичилась тайными познаниями, но владела лекарским искусством и знала травы. Богаче ее сада Брикса в жизни не видела. Впрочем, это ни

о чем не говорит, ведь она мало что видела за пределами их долины.

Но и путешественники дивились ее саду. Странствующие купцы год за годом доставляли Куниггуде корешки и семена из дальних краев. Дважды в год та отправлялась в аббатство Норсдейла и, когда Брикса подросла, стала брать девочку с собой. И с настоятельницей, и с травницей аббатства Куниггуда говорила на равных.

У нее были, как говорят сельские жители, «зеленые пальцы» — растения под ее опекой пышно цвели и разрастались. И когда наступало время сева, первую горсть зерна в поле всегда бросала Куниггуда, призывая Гуннору благословить урожай.

Теперь Брикса подозревала, что у Куниггуды были свои секреты, о которых подопечная даже не догадывалась. Не благодаря ли урокам няньки дерево приняло ее прошлой ночью и одарило бутоном? Потому что Брикса уже не сомневалась — это был подарок.

Бутон был как-то связан — может быть, крепко связан — с преображением пера в птицу. Наверное, знай Брикса, как с ним обращаться, он послужил бы защитой надежнее копья и камней.

Раскрыв ладонь, девушка взглянула на бутон. Теперь он был сомкнут не так крепко. Темные листья наружной оболочки приоткрылись, В трещины пробивался слабый свет. И аромат — ослабевший, он все еще поднимался от ладони с бутоном.

Ни увядания, ни порчи. Сразу видно, что это не обычный бутон, какой можно отщипнуть с растения Долин. И раскрывался он на глазах — лепестки показывались, разгибались. Пьянящий аромат каким-то образом утолил и голод, и жажду Бриксы.

Поверх мягко светящегося цветка Брикса бросила взгляд на Пустыню. Она и не заметила, когда затих шум боя. Между ней и останцом, послужившим ей укрытием, не видно было ни малейшего движения.

Опираясь на копье, девушка встала и решительно повернулась лицом к проходу между чудом расступившимися курганами. Шла она медленно, лишь силой воли понуждая к движению ослабевшее, непослушное тело. Но ей хотелось, прежде чем искать убежище на ночь, скрыться от глаз и когтей тех, кто рыскал в Пустыне.

Тропа на обратном пути все так же петляла и извивалась. Изредка Бриксе казалось, что она

сворачивает на север — более или менее в том направлении, куда вел след Уты. Но очень скоро девушка начала подозревать, что изгибы и повороты уводят не столько вперед, сколько в обратную сторону.

Так или иначе, дорога всегда находилась. Когда смерклось, цветок в ладони засветился ярче, оттеснив от девушки наползающую тьму. Ее тянуло вернуться к дереву, но Брикса сомневалась, возможно ли это. Наконец она стала спотыкаться так часто, что с тревогой признала — силы иссякли.

Она осела наземь, повернувшись спиной к курганам и вытянув перед собой усталые ноги. Копье она положила поперек коленей, а в сложенных чашечками ладонях приютила цветок, совсем открывшийся и мерцающий собственной жизнью — он словно дышал, подобно тем, кому приходится втягивать и выталкивать из легких воздух.

Сколько она еще продержится — без воды и пищи? Ей страшно было подумать, что утром предстоит тащиться дальше, а припасов у нее не прибавится. Брикса решительно призвала себя вспомнить старый урок: жить минутой, не думая о будущих бедах и разочарованиях.

Никаким хлыстом в эту ночь не заставить было усталое, голодное тело нести стражу. Сон тяготил

веки, тяжело клонил тело к земле, и спорить с ним не приходилось. Брикса закрыла глаза, чтобы не видеть горбы курганов, нависшие над ней.

Раскрытый цветок лежал у нее на груди. Мерещится или его свет усиливается в такт биению сердца? Если и так, у Бриксы не хватило сил проверить. Впрочем, цветок погасил лучи и поблек, и тогда дыхание уснувшей девушки выровнялось, сердце забилось реже — такого спокойного сна она давно не знала.

Видела ли она сон? Брикса не взялась бы ответить ни да ни нет. Сохранились невнятные клочки воспоминаний — образ Куниггуды, лежащей в кругу Древних, — нет, не умершей, спящей, как ее усталое тело, но в чем-то ином, более важном, — бодрствующей. И Куниггуда — та ее суть, что была важнее тела, — видела Бриксу. Желала ли она ей добра? И этого Брикса не сумела вспомнить. Но что-то важное произошло между ними — да, в этом она не сомневалась.

Девушка открыла глаза. Сияние цветка разгоняло темноту всего на шаг или два. А облачная крыша над головой затмила даже искорки далеких звезд.

Брикса лежала долгую минуту. А потом призыв, вырвавший ее из дремоты, глубже проник в

сознание. Она поднялась на колени и нашарила рукой копье. Сейчас она не ощущала тело своим — ею владело только стремление идти дальше.

Она встала и двинулась по тропе. Сияния цветка хватало лишь на шаг-другой. Если что-то поджидало ее впереди, тьма скрывала засаду. Но Брикса не могла свернуть с этой дороги и чувствовала, что надо спешить. Она поискала в себе причину спешки. Для того ли, чтобы догнать остальных? Или причиной была смутная тревога, запрещающая задерживаться в опасном месте? Та сила, что вчера подстроила ей ловушку, могла повторить попытку.

Из темноты доносились странные звуки. Прежде всего ей пришли на ум птицы с их хозяйкой, а потом сражавшиеся с птицами змееподобные создания, которых она почти не успела разглядеть. И еще те, похожие на жаб твари… В темноте могло таиться столько опасностей, что ни один человек не смог бы перечислить их за долгие-долгие дни и ночи.

Но вслушиваясь в шум, девушка все сильнее дивилась и недоумевала. Казалось, кто-то вел разговор — неподалеку, но все же слишком далеко, чтобы понять смысл слов. Голосов было много — одни тихие, другие более громкие. Брик-

са напрягала слух в надежде уловить хоть одно слово, понять, не на ее ли языке говорят ночные собеседники. Но если те и были подобны ей, то до них оставалось все так же далеко, хотя девушка, подгоняемая надеждой догнать тех троих, кого искала, все ускоряла шаг.

Ей чудилось что вокруг кипит обычная жизнь долины, только до нее не дотянуться сквозь тени. Или окружившие ее тени передразнивали живой мир?

Ночью всякое может привидеться. Особенно когда голова кружится от голода и жажды. Может быть, и запах цветка немножко мутил голову — бывает ведь, что сок или плод растения нагоняют сон, а то и сводят неосторожного с ума.

Но Брикса все шла вперед, вслушиваясь в недосягаемые голоса. Как-то раз ей пришло в голову, что курганы скрывают под собой руины замка и сейчас в ночи шепчутся души его прежних обитателей. Легенды ее народа о таком рассказывали.

Как ни удивительно, страх куда-то пропал. Та цель, что вела ее за собой, как будто окутала душу защитной оболочкой. Направо, теперь налево — ноги поворачивали сами собой. А темно было со всех сторон.

Шла ли она ночь напролет? Впоследствии Брик-

са так и не смогла этого вспомнить, да и не знала, сколько проспала, подкошенная изнеможением. Она бездумно переставляла ноги. И даже не пыталась смотреть вперед, потому что ее направляла чужая воля.

И перемены вокруг девушка заметила не сразу. Курганы стали попадаться реже, зато те, что встречались, казались в темноте выше прежнего. А тупой конец заменившего ей посох копья постукивал теперь не по мягкой земле, а ударял по чему-то твердому, отдававшемуся звоном, который почти вывел Бриксу из полусна.

Она подняла голову. Небо было тускло-серым. Она упала на колени — принуждение, толкавшее ее вперед, чуть отпустило. Брикса посветила себе цветком. Пригнанные друг к другу плиты — это могла быть только дорога. На плиту прямо перед Бриксой намело земли. И прямо посреди этого мягкого островка твердо, будто нарочно, отпечатался четкий след кошачьей лапы.

7

Брикса едва ли не с робостью потянулась пальцем к следу. Настоящий — не обман зрения в смутных предрассветных сумерках. Значит, Ута — если этот знак оставила Ута — хотя бы на время ускользнула из сетей, в которые едва не попалась девушка. Стоит поспешить, и она, конечно, найдет остальных, избавится от одиночества в этих колдовских местах, где у нее нет защиты, кроме цветка.

Она неуверенно поднялась на ноги, шатаясь, сделала шаг. Цветок снова закрывался, но не так быстро, как распустился. Его света еще хватало, чтобы ясно видеть тропу. Брикса высматривала новые следы, — конечно, Ута должна была оставлять их на каждом клочке земли.

Курганы уже не теснили ее. И кое-что новое появилось: кущи колючих кустов знакомой ей породы. Еще лепившиеся на ветках плоды ограждались длинными шипами, но Брикса, знавшая, как отгоняет голод и жажду их терпкий сок, радостно набивала рот. Не обращая внимания на царапины, она горстями рвала с веток темные шарики. Пища была скудной, кислой и мелкой.

Но сейчас она показалась ей вкуснее яств на праздничном пиру. Наевшись так, что ни ягодки больше не лезло в глотку, девушка сорвала несколько листьев, колючками скрепила их в подобие кузовка и стала собирать ягоды впрок. Второй раз на такую счастливую находку она не надеялась.

К тому времени, когда она наполнила кузовок, небо раскрасилось первыми солнечными лучами. Брикса, немного подкрепив силы, внимательней осмотрелась кругом.

Неизвестно, скрывались ли под курганами древние руины, но были и другие признаки, что она идет путем Древних. Кое-где просматривались остатки стен, а мощеная дорога вела к высоким, выше курганов, холмам, темной стеной перегородившим небо на севере.

Следы Уты вели в том же направлении, — стало быть, туда ей и надо было идти, вопреки нарастающему недоверию ко всему, что связано с Пустыней. Впрочем, здесь Брикса ничего не «чуяла»: ни гостеприимного покоя, окружавшего иные развалины, ни злобы, отталкивавшей ее от других. Дорога шла прямо, плиты, хоть и заросшие кое-где травой и даже кустами, не пропадали из виду.

Уже в ясном дневном свете Брикса обратилась лицом к холмам и, не забывая об осторожности, двинулась к ним. Холмы, как и курганы, заросли травой — тусклой и увядшей на вид. И это были еще только предгорья, а дальше склоны поднимались все выше. Дорога устремлялась прямо в просвет между двумя холмами. По обе стороны ее стояли каменные колонны. Их вершины поднимались вровень с гребнями малых пригорков. Колонны были квадратными, на гладких гранях между выветренными углами виднелись древние знаки, такие же, как и резьба на скале, с которой она спустилась в Пустыню. На вершинах стояли изваяния.

Справа сквозь следы ветра и непогоды различалось подобие жабы. В нем угадывалась угроза, или, может быть, предостережение, — Жаба словно изготовилась соскочить с постамента и преградить ей дорогу.

Напротив, обращенное не навстречу, как зловещее подобие жабы, а поперек прохода, щурилось на соседку изваяние кошки. Кошка сидела в такой же спокойной позе, в какой любила сидеть Ута, — аккуратно уложив кончик хвоста на передние лапы. Эта статуя выражала не угрозу, а, пожалуй, спокойное любопытство.

При виде похожего на жабу существа рука Бриксы сама потянулась к груди, к закрывшемуся цветку. Она уже не удивилась, ощутив в ответ на прикосновение мягкое тепло.

За колоннами дорога сузилась, и теперь, раскинув руки, можно было коснуться кончиками пальцев склонов по сторонам.

И еще кое-что заметила Брикса. Как она ни старалась идти ровно, здесь ее шаг замедлился. Не нарочно, а от странного чувства, что ей постоянно приходится разгребать ногами невидимую липкую жижу. Продвигаться вперед становилось все труднее.

Ее снова глодал ненадолго утоленный ягодами голод и мучила жажда. Болели сбитые ноги, плохо защищенные самодельными сандалиями. Есть… пить… больно ногам… Тело все громче вопило, требуя отдыха и пищи.

В то же время возвратилось охватившее ее при пробуждении под деревом чувство ясности и единения с миром. Оно и подгоняло, и внушало, что нельзя пока поддаваться требованиям плоти.

Брикса упрямо брела вперед. На полоске неба над ней не было ни облачка. Но и лучи низкого солнца не проникали в знобкую тень холмов. Девушка вздрагивала и часто оглядывалась на-

зад. С каждым вдохом ей все сильнее чудилась слежка. Может быть, ее выследила какая-то тварь из Пустыни? Брикса то и дело поглядывала вверх, страшась увидеть в небе темные крылья. И непрерывно вслушивалась — не сомневаясь, что рано или поздно услышит хриплое урчание Жаб или то невнятное бормотание, что сопровождало ее в краю курганов.

Пристально вглядываясь вперед и озираясь назад, Брикса то и дело находила оставленные Утой следы. Они неизменно обнаруживались на левом склоне, за колонной с кошкой.

Какое место занимал здесь народ Уты в давние времена? Бриксе иногда попадались изделия Древних — статуэтки, изредка красивые, иногда забавные, а чаще всего пугающе уродливые, изображающие неведомые нынешним жителям Долин существа. Среди них встречались изображения лошадей, пару раз — собак (заметно отличавшихся от собак Долин), но кошек она не видела ни разу. Собственно, Брикса всегда считала, что они, как и люди, недавно пришли в оставленную Древними страну.

Однако кошка на колонне явно не уступала возрастом подобию жабы. Тогда и сама Ута, может быть, не отбилась от дома или замка, как

думала Брикса, а вышла из Пустыни. Если так… только глупец стал бы доверять порождению пустых земель.

Поступь девушки делалась все тяжелей, каждый шаг давался трудным усилием. Во рту опять пересохло, и горсть помятых ягод не помогла. Вода… бывают ли здесь родники, ручьи? Или пустые земли — настоящая Пустыня, а тайные источники в ней известны только местным ползучим, бегающим и летающим созданиям?

Мечта о воде завладела ее мыслями. Как наяву, представлялись лужицы, пробивающиеся из земли ключи…

Вода…

Брикса вскинула голову, рывком обернулась вправо. Этот дразнящий звук ей не померещился. Вода… журчит… сразу за холмом. Перед ней встал крутой склон. Прямо за ним — не то журчание не слышалось бы так ясно! Вода! Шершавый язык царапал сухие губы.

А потом…

Ожог — ее будто коснулось раскаленное докрасна железо. Она вскрикнула, схватившись за грудь. Под рубахой…

Оттянув одежду, она осмотрела свое тело. Цветок! Он не раскрылся, но плотный бутон снова

излучал различимый в тенистой лощине свет. И не только свет, но и сильный жар, какого она не ощущала с тех пор, как стояла перед птицей-женщиной.

Брикса поднесла цветок к глазам. Исходивший от него жар не слабел. Свет лучился с самого кончика бутона, где смыкались лепестки, и это сияние снова напомнило ей фитилек горящей свечи.

Что-то подсказало ей поднести бутон к склону, на который она собиралась взобраться. Свет полыхнул, волна жара стала такой мощной, что, не ожидай она чего-то подобного, выронила бы бутон.

Девушка прикусила губу. Этот жар… предупреждение? Она мысленно задала вопрос, и пылающая вспышка как будто ответила: впереди опасность. А вода? Она напрягла слух, ловя громкое, заманчивое журчание.

Звук смолк. Снова приманка в западне? При виде цветка к ней вернулось ободряющее чувство единения с миром. Да, ее вера в себя росла, как укоренившийся в тучной земле, заботливо политый росток.

Значит, шум ручья — в самом деле ловушка. Кто ее расставил и на кого? Брикса не думала, что

капкан расставлен на нее, — он, верно, существовал здесь с давних, давно забытых времен, но еще действовал, хотя ловца давно нет и в помине.

Жажда не прошла, но пока цветок был перед глазами, отступила — желания плоти утратили власть над духом. Нельзя прятать бутон, его надо держать наготове, как копье или сточенный нож, как оборону против всякой беды.

Однако Брикса обнаружила, что цветок, открывающий ей ловушки, отнюдь не противится той странной тяге, что заставляла ее брести вперед, преодолевая невидимую преграду. Всем известно, что колдовство бывает большим и малым. Одни заклятия способны двигать горы и изменять мир, другими едва приподнимешь камешек. Может быть, и этот бутон спасает от одних опасностей и почти бессилен против других.

Свет от его кончика не угасал. Это сияние воодушевляло Бриксу, хотя холмы поднимались все выше, а проход между ними делался все темнее. Теперь, чтобы увидеть небо, ей приходилось запрокидывать голову, глядя прямо вверх.

Впереди кручи холмов смыкались в высокую стену. Но тропа не обрывалась, а ныряла в темный проем. Арка входа, как видно, когда-то была закрыта дверью. Но сейчас преграды не было.

Путь, хоть и не гостеприимный, был свободен. Брикса помедлила. У нее звенело все тело, бутон разгорелся еще ярче, он уже пылал. Да, это Место Силы! Пусть ее не обучали искусству Мудрых, но и полный невежда ощутил бы здесь коснувшуюся его Силу.

Однако Силы Силам рознь. Мир пребывает в равновесии, Свет стоит против Тьмы, добро против зла. То же и с Силами — и Тьма в иных местах так же могуча и победительна, как Свет — в других. С чем она столкнулась теперь? Девушка потянула ноздрями, ловя гниль зла, полагаясь на неопределенное внутреннее чувство, способное предостеречь.

Ее зыбкая надежда опиралась лишь на цветок дерева. Дерева, которое ее недавно спасло. Брикса не сомневалась, что похожие на жаб твари затягивали ее в сети Тьмы. И в Пустыне цветок ее защитил, и совсем недавно разогнал морок журчащих вод — даже здесь, в местах, отмеченных, как ей начинало казаться, по меньшей мере следами зла.

По правде сказать, выбора у нее не было — та же тяга, что завела девушку в Пустыню, с продвижением вперед набирала силу. Сейчас Бриксе оставалось одно: продолжать путь.

Она, спотыкаясь, приблизилась к арке. Если бутон будет светить по-прежнему… Бутон?.. Цветок в ее руке снова распускался. Девушка поспешно раскрыла ладонь, давая место разворачивавшимся лепесткам. От них исходил чистый и очистительный запах, и свет тоже стал сильнее.

Завороженная новым чудом, она прошла под каменной аркой в проход, который, если бы не воодушевляющий свет цветка, был бы не светлее тайного хода из замка.

Стены были выложены камнем. Через несколько шагов облицовка стала влажной, по ней сочились ручейки. Как ни хотелось пить, Брикса не могла даже думать о том, чтобы набрать этой воды. Капли были густыми, маслянистыми, словно из трещин проступала ядовитая слизь.

С мрачным зловонием пещеры боролся аромат цветка. Брикса не в первый раз задумалась, сколько он проживет, не увядая. Удивительно, что до сих пор сохранил свежесть… Ход уводил все глубже. При свете факела-цветка видны были следы на полу. Итак, остальные, по крайней мере Ута, все еще опережают ее.

Чего ищет владетель Марбон? Неужели его поврежденный рассудок поверил в правдивость старинного стишка? Если так, он будет ломиться

вперед, пока не откажет лишенное отдыха и заботы тело. Но может быть, мальчик сумеет порвать эту безумную паутину и в конце концов спасет своего господина?

Проклятие Зарстора — губы Бриксы шевельнулись, но вслух она этих слов не повторила. Что за Проклятие Зарстора? Легенды рассказывали о множестве забытых талисманов: предметов Силы, наделяющих обладателя теми или иными благами — или навлекающих на него беду. Похоже, что это Проклятие Зарстора — второго рода. Тогда зачем Марбон его ищет? Отомстить врагу?

Война окончена. Даже до скитальцев вроде Бриксы дошли вести, что ожесточенные ненавистью воины Долин прижали чужаков к морю и уничтожили. Остались разбойники и мародеры, грабящие и убивающие, пока хозяева земель не собрались с силами с ними покончить. Земля осквернена, ни один человек не доверяет другому. У каждого нашлось бы много причин желать такого оружия, как Проклятие.

Брикса задумалась, сильно ли обогнали ее те трое. Двигаясь без остановки, мужчина, мальчик и кошка могли уйти вперед на целый день пути. Но должны же они были отдыхать…

Она услышала шорох. Прозрачное сияние цвет-

ка отразилось двумя зеленоватыми искорками над самым полом. Брикса придержала шаг, крепче сжала копье. И выставила перед собой руку с цветком, осветив шевельнувшееся в проходе существо.

К ней поднялась узкая голова. Это существо немного напоминало ящерицу, которую она видела на скале, когда впервые вошла в Пустыню. И совсем не походило на пугавших ее Жаб. Луч от цветка не обратил животное в бегство, как ожидала Брикса. Напротив, оно еще выше подняло голову на гибкой шее, закачалось взад-вперед. В приоткрывшейся пасти мелькнул язык. Чуть попятившись, создание зашипело. Оно держалось на расстоянии, не пытаясь ни приблизиться, ни отступить.

— Ха-а! — выдохнула Брикса, решив отпугнуть его голосом, раз свет не подействовал. Такое маленькое животное не могло ей угрожать, зато могло оказаться ядовитым.

Голос тоже не отогнал его. Ящерица замерла и приподнялась на лапах. Теперь стало видно, что у нее шесть ног — во внешнем мире таких ящериц не водилось. Она держалась на четырех задних, вместо того чтобы опираться на короткий, будто обрубленный хвост. А две передние лапы выгля-

дели странно — слишком похожие на пальцы Бриксы, только когтистые. Свесив эти руки-лапы над светлым брюшком, ящерица разглядывала девушку.

Брикса не шевелилась. Ящерицы умеют двигаться с молниеносной быстротой. Едва ли она успела бы отбить ее атаку копьем. Правда, эта и на задних лапах доставала ей не выше колена, так что в росте и весе Брикса выигрывала. Но больше надеялась на цветок.

— Я не враг. — Девушка сама не знала, зачем это сказала. Слова пришли сами собой, как в тот вечер, когда она обращалась к дереву. — Мне просто нужно здесь пройти, чтобы исполнить то, что предназначено исполнить. Тебе не будет от меня никакого зла, чешуйчатая. — Язычок ящерицы замер. А узкая голова склонилась набок, меряя ее оценивающим взглядом, каким, бывало, смотрела на девушку Ута. — Я не враг тебе и твоему роду. Вот дар великой матери. — Она еще ниже наклонилась и ближе поднесла цветок к ящерице. — Он покажет тебе, что во мне нет зла.

Язык, такой длинный, что оставалось только дивиться, как он умещался во рту, метнулся вперед, замер на миг всего на палец от цветка и мигом скрылся. Удерживаясь все так же на двух

парах задних лап, ящерица сдвинулась к левой стене, открыв проход. Кажется, подумалось Брикс-се, она поняла.

— Спасибо тебе, чешуйчатая, — тихо проговорила она. — Пусть исполнятся твои желания.

Она прошла мимо стоящего столбиком существа, стараясь не выдать боязни. Пусть ящерица видит, что она с доверием принимает предложенное — свободный проход и безопасность.

И ускорить шаг Брикса себе не позволила. Если это создание принадлежит подлинной Тьме, значит цветок выказал себя надежной защитой. А если ящерица в союзе со Светом, он послужил ей пропуском.

Туннель продолжался, и Брикса уже начала удивляться величине холма, под которым был прокопан этот ход, потому что путь не уклонялся ни вверх, ни вниз, а тянулся прямо. Здесь не было острых камушков, рвавших прискорбно износившиеся обмотки на ногах, но подошвы горели и ныли от усталости. Однако отдыхать в этой темной норе… Нет, на это она не способна.

Наконец она вновь вышла под открытое небо. Перед ней была долина в форме огромной миски с плавно спускающимися краями. Прохода в кругу пологих холмов Брикса не высмотрела.

Но важнее для нее было другое: посреди долины блестела вода. На ближнем к ней берегу горел огонь и вилась тонкая струйка дыма. От воды к костру поднимался мальчик. Владетеля Марбона видно не было, — может быть, он лежал в высокой траве.

Вода манила ее больше общества себе подобных. Брикса задержалась, только чтобы спрятать за пазуху цветок. И снова заковыляла, опираясь на копье и радуясь мягкой траве под ногами. Она еще не дошла до озерца, когда из травы вынырнула Ута. Кошка громко мяукнула, приветствуя ее, и, повернувшись, повела девушку к маленькому лагерю. А вот мальчик оказался не так приветлив.

— Зачем пришла?

Он, как и при первой встрече, не скрывал враждебности.

Отвечая ему, Брикса не чувствовала, что говорит по своей воле. Казалось, кто-то подсказал ей эти слова.

— Нужны трое… втроем искать, одному найти и потерять.

Владетель Марбон и в самом деле лежал в траве неподалеку. Теперь он приподнялся, не глядя на нее, но ответил так, словно ее голос отчасти вер-

нул ему память и способность связно мыслить:

— Нужны трое… и четвертый, это так. Трое в пути, один, чтобы выйти обратно… истинно так.

8

Мальчишка чуть не зарычал.

— Как ты смеешь снова морочить ему голову? — рявкнул он Бриксе. — Он, с тех пор как мы бежали тайным ходом, вовсе не слушает разумных слов. Подавай ему это Проклятие, и ради него готов загнать себя до смерти.

Может, владетель Марбон и не слушал гласа рассудка, но лицо его больше не было пустым и бессмысленным. Только глаза смотрели вовсе не на них, а на озеро требовательным, почти жадным взглядом. Его темные брови сошлись в недоумении.

— Оно здесь — но еще нет, — проворчал он. — Как это можно — быть и не быть? Ведь легенда не сказка, я и вправду стою на землях Зарстора!

Мальчик, насупившись, оглянулся на Бриксу:

— Видала? Он вел меня сюда день и ночь напролет и дорогу, как видно, знал не хуже окрестностей Иггарсдейла. И теперь вроде бы тоже ищет знакомое место, только не говорит мне какое.

Ута, покинув девушку, тихо направилась к берегу озера. Вдоль воды не росло ни мха, ни травы. Берег очерчивала четкая полоска песчанистой

земли — словно почерневшая серебряная оправа голубовато-зеленого самоцвета невиданной чистоты.

Кошка через плечо оглянулась на них троих. Обдуманно, как напоказ, она протянула лапку, тронула воду, разогнав рябь по гладкой поверхности. Ничто другое не тревожило зеркальную гладь — не скользили жучки, из глубины не пускали пузыри рыбы.

Брикса, хромая, обошла мальчика и догнала кошку. Уронив копье, она встала на колени, чтобы заглянуть в жидкое зеркало. Но в нем ничего не отражалось.

На первый взгляд, вода под тихой гладью казалась замутненной, непрозрачной. Только то была не муть, придающая воде коричневый или желтоватый оттенок. Брикса, следуя примеру кошки, осторожно окунула руку, ощутила обнявшее пальцы мягкое тепло. На ее загорелой коже не осталось пятен. И когда она поднесла мокрые пальцы к носу, никакого запаха не уловила.

И все же она ясно видела, что это не обычное озерцо, какие попадаются в Долинах. Когда Брикса потянулась вперед в надежде разглядеть дно, цветок выпал у нее из-за пазухи. Поймать она не успела, он отплыл по воде туда, куда ей было не

дотянуться.

Брикса подхватила копье, собираясь древком достать потерю, когда мальчик вскрикнул:

— Что… что это?..

Цветок не просто удалялся от Бриксы. Он двигался по плавной спирали от берега к центру. И вода там, где он проплывал, делалась прозрачной. Она сохраняла прежний цвет, но позволяла теперь заглянуть в глубину.

К прозрачной поверхности поднимались стены и купола. В заполненной озером чаше лежал городок или, может быть, одно обширное здание очень странного вида.

Цветок все кружил по озеру, и оно становилась все чище. Уже проявилась резьба на подводных стенах и проблески других красок, приглушенных цветом воды. Здание уходило к середине озера. И на нем не было видно ни следа разрушений или выветривания.

— Ан-Як!

Брикса, оступившись от внезапного крика, спаслась от падения, только ухватившись за длинные стебли травы.

— Господин!

Марбон одним длинным шагом обошел ее и остановился по пояс в воде, протянув перед собой

руки. Мальчик с плеском ввалился за ним и теперь тянул его обратно.

— Не надо, господин!

Марбон отбивался, рвался на глубину. На спутника он и не смотрел, весь уйдя в открытую бутоном картину.

— Пусти меня!

Он отшвырнул от себя мальчика. Тогда успевшая прочно встать на ноги Брикса схватила безумца за плечи. Тот рвался на свободу, но она держала крепко, да и мальчик пришел ей на помощь.

Кое-как они сумели вытащить Марбона из воды. Он сразу обмяк, так что им пришлось почти на себе волочь его к костру. Поверх его распростертого тела Брикса обратилась к мальчику.

— Не будь он так слаб, мы бы с ним не совладали, — заметила она. — И увести его отсюда силой вряд ли сумеем.

Мальчик, стоя на коленях, коснулся щеки господина:

— Знаю. Он… околдован. А что такое ты бросила в воду? От него и началось…

Брикса выпрямилась, отстранилась от него:

— Я ничего не бросала. Выронила из-за пазухи. Это был цветок. Он хорошо мне послужил. —

Она вкратце рассказала о помощи дерева и его цветка. — Кто знает, с чем можно встретиться в Пустыне, — заключила она. — Здесь многое могло остаться от Древних. Твой господин назвал это место по имени. — Она кивнула на воду. — Это его он и искал? Здесь и вправду скрыто Проклятие?

— Откуда мне знать? Он одержим, мне ничего не оставалось, как идти за ним. Он не давал себе отдыха, не ел и не пил, когда я пытался его остановить. Отгородил свои мысли стеной, и кто знает, что в тех мыслях?

Брикса оглянулась на озеро:

— Уже ясно, что удержать его будет нелегко. И вряд ли мы, пока рассудок к нему не вернется, даже вдвоем сумеем его увести.

Мальчик ударил кулаком в землю, страх и забота исказили его лицо.

— Ты права… — Он говорил совсем тихо, словно признание вытянули из него силком. — Не представляю, что мне делать. До сих пор он был как ребенок, а не господин, послушно шел за мной. Я привел его в Иггарсдейл, думал, там память к нему вернется. А он притащил меня сюда и мыслями сейчас так далек от меня, как если бы между нами лежал океан. Он околдован, и я не знаю, как разбить чары. Никакого средства не

знаю. Разве что его речи про это Проклятие? Но и эту тайну он не выдает.

Мальчик закрыл лицо руками.

Брикса закусила губу. До ночи было недалеко. Она обвела местность цепким взглядом опытного бродяги. Деревьев не было, совсем негде укрыться. Костер горел на каменистом пятачке, но и на нем не нашлось бы даже крупных булыжников, чтобы выстроить ограду. Бутона она уже не видела — он отплыл далеко, на середину озера.

Девушке не нравилось, что темнота застанет их без укрытия. Но и лучшего места для лагеря она не высмотрела. И медленно вернулась к самому берегу.

Горло саднило от жажды. Вода, и тем более то, что под ней скрывалось, страшила Бриксу, и все-таки она зачерпнула ладонью и робко поднесла воду к губам. Ни взгляд, ни обоняние не нашли в ней ничего особенного. Рядом деловито лакала воду Ута. Можно ли полагаться на то, что кошка не видит никакой опасности?

Пригоршня воды не утолила жажды. Брикса безнадежно пожала плечами и зачерпнула еще, выпила, а потом плеснула ладонями на спутанные волосы надо лбом, дала воде стечь до подбородка. Умывание освежило ее и укрепило

в решимости твердо встретить все, что ждет впереди.

Она ожидала, что вода снова утратит прозрачность, скрыв здание в глубине. Но этого не случилось. Она все еще видела стены, купол и крыши, уходящие вдаль. У самых ее ног начиналась мощеная улица, тянувшаяся к стенам и за стены.

Запах жареного мяса вернул ее к костру. Мальчик поворачивал над огнем кусочки освежеванного прыгунца.

— Он все спит? — Брикса кивнула на Марбона.

— Спит — или очарован. Кто знает? Поешь, если хочешь, — ворчливо, не глядя на нее, отозвался мальчик.

— Ты принадлежишь к его Дому? — осведомилась Брикса, поворачивая ближайшую к себе палочку, чтобы мясо ровнее прожарилось.

— Я был в Иггарсдейле приемышем. — Он по-прежнему смотрел в огонь. — Я вроде говорил, я младший сын кастеляна Итсфорда, меня зовут Двед. — Он пожал плечами. — Не знаю, остались ли в живых те, кто меня так звал. От Итсфорда ничего не осталось. Иггарсдейл ты сама видела — мертвый, как его воины.

— Джартар?..

Они дружно обернулись. Марбон приподнялся на локте. Он не сводил глаз с Бриксы. Она готова была возразить, что не та, кого он так нетерпеливо ждет, но пальцы Дведа впились ей в локоть. Тогда она догадалась, чего от нее хочет мальчишка: пусть притворится — и, может быть, обманом сумеет увести Марбона от озера. Или хоть добьется объяснения, чем оно так его притянуло. И Брикса, стараясь говорить низким мужским голосом, отозвалась:

— Владетель?

— Тут все, как ты говорил! — живо, восхищенно продолжал Марбон. — Ан-Як! Ты видел — под водой?

Марбон сел. Он как будто помолодел, подумалось Бриксе, от воодушевления стал другим человеком.

— Он здесь. — Она старалась отвечать как можно короче, чтобы неосторожным словом не вернуть его в прежнее состояние.

— Совсем как в легенде — той, что ты рассказывал. — Марбон покивал. — Он здесь — и, значит, в нем скрыто Проклятие, а с ним… да, с ним… — Он с силой ударил ладонь о ладонь. — Что мы с ним сотворим, Джартар? Подзовем луну с неба, чтобы светила нам? Или звезды? Станем такими,

какими были Древние? Для тех, кто владеет Проклятием, нет ничего невозможного!

— Между ним и нами лежит озеро, — мягко напомнила Брикса. — И на нем чары, господин.

— Конечно, — кивнул он. — Но и путь к нему должен найтись. — Он взглянул на неуклонно темнеющее небо. — Ничто ценное не дается человеку легко. Мы найдем путь — найдем, когда развиднеется.

— Мой господин, для любого дела человеку нужны силы. — Двед вытянул из огня прутик с мясом и протянул его Марбону. — Поешь и напейся. Приготовься к делам завтрашнего дня.

— Разумные слова. — Марбон принял палочку и слегка нахмурился, вглядываясь в лицо мальчика, освещенное только отблесками костра. — Да ведь ты… Двед! — радостно припомнил он. — Но… как? — Он медленно покачал головой, лицо его снова заливала прежняя пустота. — Ты сирота-приемыш… Ты пришел к нам прошлой осенью…

Мрачная мина Дведа сменилась жадной надеждой.

— Да, господин. И… — Он оборвал себя на полуслове. Видно было, как он с усилием меняет предмет разговора. — И мы уже здесь, господин, а ты так и не объяснил, какое такое Проклятие

мы ищем.

Брикса порадовалась его смекалке. Пока Марбон в памяти, надо успеть вызнать все, что можно.

— Проклятие… — медленно повторил Марбон. — Его историю Джартар знает лучше меня. Расскажи парню, брат… — обратился он к Брикса.

Похоже, уловка Дведа сослужила им плохую службу. Девушка постаралась припомнить слова нескладной песни, которую слышала во дворе Иггарсдейла.

— Это песня, владетель. Старинная песня.

— Да, песня. Но она оказалась правдой. Вот под водой Ан-Як, настоящий. Мы его нашли! Расскажи нам о Проклятии, Джартар. Историю нашего с тобой Дома ты знаешь лучше меня.

Брикса попала в ловушку.

— Господин, это и твоя история тоже. Твоя по праву.

Он прищурился на нее через костер.

— Джартар? — Вместо того чтобы отвечать, он спрашивал сам. — Почему ты зовешь меня господином? Разве мы не побратимы?

Брикса не знала, что ответить.

— Ты не Джартар! — Марбон отшвырнул от се-

бя прутик с мясом. Брикса не успела оглянуться, как он с кошачьей ловкостью и кошачьей стремительностью обогнул костер. И, схватив ее за плечи, развернул к себе лицом. — Кто ты? — Он с силой встряхнул девушку, но та уже опомнилась. Она крепко сжала его руки и, напрягая все силы, отрывала их от себя. — Кто ты? — второй раз потребовал ответа Марбон.

— Я — это я. Брикса.

Она пнула его в колено и задохнулась от боли в сбитой ступне. Тогда девушка повернула голову и с дикой яростью впилась зубами в его запястье — как делала Ута, когда ее грубо схватишь. Он закричал и отшвырнул ее от себя так, что она упала в траву. Но в ней было достаточно ярости и силы, чтобы отчаянно откатиться в сторону и вскочить на ноги. Копье осталось у огня, зато нож был под рукой.

Но Марбон не последовал за ней. Он пошатнулся, поднял к глазам запястье и стал разглядывать следы ее зубов. А потом обернулся к стоявшему рядом Дведу:

— Я… Где Джартар? Он был здесь, а потом… колдовство! Это колдовство… Где Джартар? Зачем он принял обличье этой… этой…

— Господин, ты спал и видел сон. Пойдем, надо

поесть…

Брикса смотрела, как мальчик все крепче обнимает Марбона. Может быть, сумеет уговорить? Так или иначе, ей лучше держаться подальше от огня, чтобы безумец при виде ее снова не взбесился. Она голодными глазами пожирала мясо.

Двед сумел успокоить Марбона. Он усадил своего господина и подал ему снятое с палочки мясо. Впрочем, сознание уже покинуло глаза владетеля, губы обвисли — властного мужчины как не бывало.

Брикса выждала, пока мальчик уложил своего господина спать. Когда спящий перестал ворочаться, она прокралась обратно, достала подгоревшее мясо и проглотила, почти не разжевывая. Холодно прозвучал голос Дведа:

— Он тебя не примет. Шла бы лучше своей дорогой…

— И пойду, будь уверен, — огрызнулась она. — Попробовала играть в ваши игры, и много ли проку? И разве моя вина, что все так плохо обернулось?

— Плохо ли, хорошо ли — нам лучше расстаться. И зачем ты за ним увязалась, ты ведь ему в верности не клялась?

— Не знаю зачем, — честно призналась Брик-

са. — Знаю только, что подчинилась непонятной мне воле.

— А что ты сначала говорила о троих вместе? — не отставал он.

— И этого не знаю. Это были не мои слова, я о них и не думала, пока не сорвались с языка. В древних местах живет колдовство… — Она задрожала. — Кто знает, как оно влияет на неосторожных.

— Так остерегись! — отрезал Двед. — Только не здесь. Нам ты не нужна, и если он решит, что ты каким-то образом не пускаешь к нему Джартара, я его не удержу.

— А кто этот Джартар? Или кем был?.. Я слышала, ты говорил, что он умер. Зачем он так нужен твоему господину?

Двед торопливо стрельнул взглядом на спящего, словно боялся, что тот проснется и услышит, и только потом ответил.

— Джартар был моему господину побратимом, они были ближе, чем родные братья. Я не знаю, из какого Дома он пришел, хотя было видно, что это человек, привыкший к власти. Где я возьму слова, чтобы объяснить то, чего сам не понимаю, а понимал разве что сам Джартар? Он не владел никакой долиной, но всякий, кто встречался с

ним, при первом же разговоре признавал в нем лорда. Мне кажется, в прошлом у него было что-то странное. Мой господин тоже… О нем говорили, что он смешанной крови, что связан с Иными. Если это так, то вдвойне верно относительно Джартара. Тот знал всякое… странное! — Я однажды видел… — Двед сглотнул и помолчал. — Если скажешь, что так не бывает, то назовешь меня лжецом, потому что я сам видел! Джартар обратился к небу — и налетел ветер, сдул его врагов в реку. После он был бледным и дрожал. Так ослаб, что моему господину пришлось поддерживать его в седле.

— Говорят, что тот, кто использовал много Силы, обессилет сам, — припомнила Брикса. Она не усомнилась, что Двед точно передал, что видел. Она не раз слышала, на что при желании были способны Древние.

— Да. А еще он умел исцелять. У Лонана рана не заживала, все время открывалась. Джартар ушел куда-то один и принес листья, которые размял и наложил на рану. Потом долго сидел, держа ладони над этими листьями. На следующий день разрез стал закрываться и перестал смердеть. Потом даже шрама не осталось. Мой господин тоже так умел, этот Дар отличал его от других.

— И все-таки Джартар умер, — сказала Брикса.

— Всякий умрет, если ему мечом проткнут горло. Он стоял над моим господином, когда тот упал, — защищал от мерзавцев, которые высыпали из-за скал на перевале. Из раны у него хлынула кровь, как у всех людей, и он умер, а мой господин и не знал. Ему камнем разбили голову, и вернулся он ко мне не в своем уме — таким, как ты сейчас его видишь. Только про Джартара он говорил так, будто у них назначена где-то встреча, и еще твердил, что должен добыть Проклятие. Сначала он говорил, что это для Джартара, а теперь — ты сама слышала! Я не знаю, чего он ищет, только ту песню слышал и еще несколько бессвязных слов.

Сюда он шел, как ходят, когда в мыслях одно-единственное дело: не смотрят по сторонам, только думают, как бы скорей с ним покончить. По-моему, он теперь вбил себе в голову, будто то, чего он ищет, скрыто там. — Двед кивнул на невидимое в темноте озеро. — Я уже не знаю, что с ним делать. Пока он был слаб от раны на голове, я его вел, заботился о нем. А теперь силы к нему вернулись. Иногда мне кажется, что его со мной и нет вовсе, он только и думает о чем-то неизвестном и непонятном.

Двед сыпал словами, словно с облегчением

сбрасывал непосильную ношу. Но от Бриксы он не ждал сочувствия — нет, пожалуй, облегчив душу рассказом, мальчик еще пожалеет, что она слышала его неосторожные слова.

— Я не могу… — начала девушка.

— Я помощи не прошу! — Двед поспешил отвергнуть то, чего она еще не предлагала. — Он мой господин. Так будет, пока жив он и жив я. Если эта проклятая страна навеки околдовала его — ведь его ослабевший разум беззащитен, — я должен найти средство его спасти.

Мальчик повернулся к ней спиной, устроился рядом с господином, укутав Марбона дорожным плащом. Брикса свернулась калачиком по другую сторону костра. Она очень устала. Двед велел ей уходить, и ее собственное чувство самосохранения говорило то же, но у нее не было сил куда-то двигаться.

В эту ночь Брикса не чувствовала себя под охраной или защитой, как бывало под деревьями. Лежа в траве, она вдруг ощутила рядом теплое мурлычащее тельце. Ута снова решила разделить с ней постель. Брикса погладила ее бок от острых ушей до пушистого зада.

— Ута, — прошептала она. — В какие же дела ты меня втравила? Ведь не кто иной, как ты,

свела меня с этими двумя, и, может быть, на мою погибель.

Мурлыкающая колыбельная Уты слепила ей веки. Весь опыт последних темных лет требовал осторожности, призывал быть начеку, но Брикса не могла противиться дремоте. Она уснула.

— Где он?

Она вынырнула из глубокого сна, немного ошеломленная. Чьи-то руки хватали ее, трясли. Она открыла глаза. Двед держал ее. Его взгляд был взглядом врага, глядящего на нее поверх боевого щита. — Где он? Ты, разбойничья подстилка!

У нее мотнулась голова от пощечины. Брикса рванулась от него.

— Сумасшедший! Совсем спятил! — выдохнула она, отползая подальше.

Когда она смогла сесть, то увидела, что мальчик бежит от прогоревшего костра к воде.

— Господин! Марбон! — Так кричит раненый. Он с плеском влетел в озеро, отчаянно заколотил руками по воде.

Брикса начинала понимать. Она и Двед — ни Марбона, ни Уты нигде не было видно. Она сразу поняла, что напугало Дведа. Мальчишка боится, что его господин ночью проснулся, забрел в озеро, куда так рвался накануне, и нашел в нем смерть.

Она вслед за Дведом спустилась к берегу. Подаренная бутоном прозрачность воды пропала. Ничего не разглядеть было сквозь тихую гладь, возмущенную только бьющимся Дведом. Он не умел плавать — зашел на глубину, а дальше, сколько ни колотил руками, продвинуться не сумел.

Он еще не бросил своих бесплодных усилий, когда на песчаную полоску вышла, раздвинув траву, Ута. Кошка громко, призывно мяукнула — Брикса знала, что таким голосом Ута добивается внимания.

— Двед… подожди! — Сперва он будто не слышал, потом обернулся. Брикса показала на кошку. — Смотри, — приказала она в надежде, что уверенный тон заставит его покориться.

Ута развернулась и прыжками двинулась от берега, оглядываясь иногда проверить, следуют ли за ней люди. Бриксе, чтобы не отстать, пришлось перейти на бег. Двед выбрался из воды и топал за ними.

И вот все трое выбежали из гущи трав к месту, где в сухом русле стоял владетель Марбон. Берега русла были так высоки, что они не видели его скрюченной фигуры, пока не оказались прямо над ним. Рядом с мужчиной лежало выпачканное

в земле копье Бриксы, а в руках он держал меч Дведа. Острием он расковыривал перегородившую русло каменную стену.

Плотину! Плотину, запиравшую озеро. Марбон оглянулся на них.

— За дело! — резко, нетерпеливо приказал он. — Вы что, не видите? Надо спустить воду. Иначе до Ан-Яка теперь не добраться!

9

— Владетель Марбон!

Он оглянулся — темноволосая голова непокрыта, лицо, оживленное мыслью, как будто помолодело. Значит, ее призыв дошел до него. Брикса указала на стену, которую он штурмовал. Его стараниями между камнями уже сочилась вода.

— Выпустишь ее, не обдумав дела, — заметила девушка, — и будет, как если выдернуть пробку из полного меха с водой. Тебя собьет потоком.

Марбон снова обернулся к стене, утер потное от усилий лицо. Потом, прищурившись, осмотрел плотину. Может быть, колдовство все еще владело им, но видно было, что кое в чем он волен мыслить и рассуждать своей головой.

— Она права, господин. — Двед тоже спрыгнул в сухое русло, встал с ним рядом. — Если ее сломать, тебя снесет.

— Может быть, — резко ответил Марбон. И ударил по камню тупым концом копья.

Бриксе показалось, что пятна сырости на камнях разрастаются.

— Марбон, Двед, вылезайте! — вскрикнула

она. — Стена поддается!

Едва ли понимая, что делает, девушка упала на колени, схватила Марбона — он стоял ближе — за руку, выдернула из нее свое копье. И, отбросив оружие за спину, еще крепче ухватила безумца. С другой стороны его толкал к берегу Двед.

Мгновение Марбон сопротивлялся их усилиям. Он словно не мог оторваться от стены. Но потом, стряхнув с себя Дведа, подтянулся и очутился рядом со стоявшей на коленях Бриксой.

— И ты вылезай!

Марбон тоже упал на колени и за ворот кольчуги ухватил мальчика. Уверенным рывком он выволок Дведа на берег. Они успели в самое время.

Капли воды, пробивавшиеся в щели кладки, превратились в струи. То там, то здесь они под напором воды били фонтанчиками, опадавшими к подножию плотины, чтобы устремиться по древнему руслу.

— Прочь отсюда!

Марбон раскинул руки, подхватил Бриксу и мальчика и поволок их наверх. Спотыкаясь, они поспешили отбежать подальше. Потом Брикса подобралась обратно к краю, откуда видны были брызги несущейся с шумом воды. Должно быть,

плотина рухнула вся разом.

Марбон в полный рост, уверенным шагом направился к берегу выпущенной на свободу реки. Двед не отставал от него. Даже Ута, припадая к земле, подползла к краю русла, чтобы сверху взглянуть на стремительный поток.

Брикса, стоя рядом с другими, видела, что вода не уйдет далеко. Добравшись до склона долины, поток должен был схлынуть обратно в озеро. Но поток исчез еще раньше. Марбон, подойдя к тому месту, увидел под собой пенящийся водоворот.

— Уходит под землю, — пробормотал он. — Подземная река.

Впрочем, это явление мало занимало его. Он поспешил вернуться к озеру.

Вода вытекала из него ровным шумящим потоком. Над поверхностью уже выступили башенки, показался купол, за ним другой.

— Ан-Як, так долго скрытый… — Победный крик Марбона перекрыл шум течения. — Трое и одна — мы пришли за давней, не дававшейся никому потерей!

Вода все спадала. Из нее вырастали мокрые стены. Брикса увидела теперь, как не похоже подводное здание на все, что она видела раньше. Показавшиеся стены окружали пространства,

над которыми, по всем признакам, никогда и не было крыш. Над лабиринтом стен поднимались два купола, а между ними, пониже, стройная башня — высотой, пожалуй, меньше сторожевых башен над воротами замка. Вода открывала все больше чудес, и Брикса, моргая, протирала глаза.

Очень любопытная деталь открылась ей в том, что Марбон назвал Ан-Яком. Все здесь казалось слишком маленьким, словно уменьшенным расстоянием, хотя до здания было совсем близко. Брикса не могла объяснить эту странность, а просто чувствовала себя большой — слишком большой, — великаншей среди строений, предназначенных для малорослого народа.

Встретившиеся ей Жабы были малы ростом, а подходы к Ан-Яку сторожило изваяние Жабы. Может быть, это их древнее селение или храм? Она почти не удивилась бы, увидев над поверхностью уходящей воды бородавчатую голову с волосами-щупальцами.

Стены зданий были окрашены под цвет воды — в голубой и зеленый. Только оттенки этих цветов были непостоянны. Мокрые стены переливались рябью света и тени, тени и света.

Широкие полосы темно-зеленого металла окружали купола. Они были украшены чем-то,

похожим на драгоценные камни, потому что, поймав свет солнца, вспыхнули огнем. Казалось, долгое пребывание под водой ни в коей мере не разрушило и не покрыло коркой то, что здесь было построено. Вода наконец сошла. Посреди озера все еще стояла чаша с водой, омывавшей фундамент стен, но в русло она больше не попадала.

— Сердце Ан-Яка!..

Марбон спрыгнул на дно озера. Он целеустремленно двигался вперед, туда, где вода доходила ему до щиколоток, а потом подобралась и к коленям.

Брикса вскрикнула. В плечо ей вонзились когти, сквозь рубаху расцарапали кожу. Девушка вскинула руки, перехватила Уту и прижала к себе. Двед уже брел по воде следом за господином, и похоже, Ута добивалась от нее того же — как видно, избрав Бриксу средством добраться к обсыхающим зданиям, не замочив лапок.

Чувство, что здание перед ней (девушка уже убедилась, что это было одно здание) неправильного размера, не оставляло Бриксу. Если считать его нормальным, сама она оказывалась слишком громоздкой и неуклюжей. Вода лениво лизнула ее ступни и…

Мелкая волна, поднятая шагами двоих вперед-

ди, добралась до Бриксы, и в ней… Понадежней устроив Уту на сгибе руки, Брикса нагнулась. Она не ошиблась! Пальцы ее сомкнулись на плотном бутоне, прокружившем вчера по озеру, чтобы открыть скрытое под водой. Прикосновение к замкнутому в бутоне цветку принесло ей знакомое утешение. Лепестки при солнечном свете оставались плотно сжатыми, словно и не открывались никогда. И биения внутренней жизни в них не ощущалось. Брикса спрятала бутон на груди, радуясь его влажной прохладе.

В стенах, окружавших два купола, не видно было ни ворот, ни проходов. Все трое прошлепали по воде вокруг, но ничего не обнаружили. Уводившая от берега дорога упиралась в стену. По правде сказать, это были не стены, а перегородки, чуть выше головы Марбона, намного выше Дведа. Брикса прикинула, что, встав на цыпочки, она сумела бы дотянуться рукой до гребня.

Марбона препятствие не смутило. Описав полный круг, он повернулся лицом к ближайшей стене. Поднял руки, ухватился и подтянулся наверх. С тех пор как ступил в чашу озера, он еще не сказал ни слова и ничем не показал, что помнит о своих спутниках.

Его пустое прежде лицо выражало теперь глу-

бокую сосредоточенность, словно он видел лишь то, что лежало прямо перед глазами, и спешил туда, забыв обо всем.

Перебравшись через стену, он скрылся по ту сторону.

— Господин!

Двед, верно, сам понимал, что звать бесполезно. Мальчик тоже подпрыгнул. С первого раза он только процарапал ногтями по мокрой стене. Брикса не успела прийти ему на помощь — он снова подскочил и на этот раз дотянулся, удержался и решительным усилием выбрался на гребень.

Девушка отцепила от себя коготки Уты и подсадила кошку наверх. Нравится не нравится, дальше Уте придется идти своими ногами, на одной руке Бриксе было не подтянуться. Впрочем, Ута, как видно, того и хотела.

Брикса выбралась на гребень стены к мальчику и кошке. Отсюда еще яснее открывалась необычность постройки. Разрезавшие пространство стены расходились от центра с двумя куполами как лепестки цветка. Они плавно загибались вовнутрь, окружая купола сужающимися к середине овальными двориками. Но в этих двориках не видно было ничего, кроме воды, удержанной здесь стенами и потому стоявшей выше.

Марбон, по пояс в воде, уже подбирался к узкому концу лепестка. За ним спрыгнул Двед и упрямо побрел за своим господином. Брикса колебалась.

Она полагала, что одно только любопытство завело ее так далеко. И теперь, пристроившись на гребне стены, спорила с собой. В ней зашевелилось давнее недоверие к колдовству и Древним Силам. Дведом двигала яростная преданность господину — ее такие узы не держали. А чуждость этого места внушала все больше опасений.

Ута легко пробежала по стене. Поравнявшись с Марбоном, она обогнала его и двинулась к двойному куполу. Брикса покачала головой. Не для нее эти подвиги. И она осталась сидеть на стене, не желая идти вперед и почему-то не в силах повернуть назад.

Вода, омывавшая стену, была тусклой и мутной. Под ней могло скрываться все, что угодно. Марбон и Двед в штанах и сапогах, а у нее ноги без всякой защиты. Вернуться…

И все же Брикса не сумела совладать с собой. Наоборот, она встала, осторожно удерживая равновесие на гребне, и последовала примеру Уты. Мокрый камень скользил под ногами, так что шла она медленно, опасаясь поскользнуться.

Марбон добрался да дальнего конца дворика-лепестка и там выбрался на стену. Она увидела его под ближним из двух куполов. Ута прыгнула — не на плечи Марбону, а вперед и дальше, грациозно перелетев на верхнюю точку купола. Потянувшись вниз, она громко мяукнула, будто требовала чего-то от человека внизу.

Брикса пошатнулась, едва удержалась. Этот звук! Руки сами собой взлетели к ушам. Боль пронзила голову ножом. Нет!..

Теперь она не слышала пронзительного призыва, но чувствовала его по-прежнему. Боль протыкала виски с каждым вдохом.

Перед глазами встал туман — голубой и зеленый. Словно плескавшаяся здесь вода вздымалась, обволакивая их тяжелой влажной дымкой.

— Господин!..

Голос Дведа — тонкий, далекий, отчаянный. Боль стала не так жестока. Брикса вгляделась сквозь туман.

Ута на куполе… Марбон под ним… Девушка отпустила уши, чтобы протереть глаза. Еле держась на стене, она маленькими робкими шажками двинулась дальше. Что это было? Резкий звук, за ним боль…

Зрение понемногу прояснялось. Она снова ви-

дела купол. Купол — и темное пятнышко на его венце. Ута пропала. Марбон прыгнул, не достал, снова прыгнул и соскользнул обратно. Ему не добраться было до места, где только что стояла Ута.

У Бриксы кружилась голова, ее тошнило. Ноги не держали, и, чтобы двигаться дальше, пришлось сесть на гребень стены и так ползти вперед. Владетель Марбон могучим усилием дотянулся все же до вершины купола. И — исчез. Двед прыгал раз за разом и беспомощно съезжал обратно.

— Господин! Господин! — Голос мальчика был звонок, но почему-то не вызывал боли, какой отозвалось мяуканье Уты.

Ни Марбона, ни кошки она не видела. Брикса добралась до конца стены. Двед тяжело дышал, стоя у подножия купола. Вот он ударил кулаком по воде перед собой. Брикса с опаской встала на ноги.

Теперь ей стало лучше видно загадочное пятно на своде. Там темнело отверстие. Только как до него добраться? Она окликнула Дведа:

— Забирайся сюда. Там, наверху, дверь.

Он мигом очутился рядом, еще пыхтя после усилий залезть на купол.

— Он пропал! — выдохнул мальчик.

Брикса снова села, свесив ноги и крепко дер-

жась за край обеими руками.

— Теперь нам его не достать.

Двед бешено сверкнул на нее глазами.

— Куда он, туда и я! — сквозь зубы процедил он. Пусть сам разбирается, решила Брикса. Двед пнул ее ногой. — Подвинься, — приказал он. — С разбега я запрыгну.

Девушка пожала плечами. Пусть попробует. Она не могла понять, как забралась в такую даль и ввязалась в такое безумие. Сдвинувшись по стене до плавного изгиба, она освободила Дведу место для разбега.

Мальчик отступил и, подбоченившись, смерил взглядом стену и расстояние до купола. А потом сел и стянул с себя сапоги, заткнул голенища за пояс и, переступая босыми ногами, отошел по стене еще дальше.

Развернувшись, он побежал. Брикса следила за ним, вопреки себе желая ему успеха. Он выбросил тело вперед и вверх, плашмя упал на склон купола. Одна рука нашла опору — край проема.

Он заскреб ногами, зашарил второй рукой, пока она тоже не нащупала опоры. Тогда он подтянулся и исчез из виду. Брикса осталась одна.

Она разглядывала купол. Итак, они своего добились — пусть полоумный владетель и его

упрямый приемыш ищут свое воображаемое сокровище. Это не ее дело. Руки Бриксы беспокойно шевельнулись на коленях.

При чем тут Ута? Кошка первой добралась до купола — и вызвала своим мяуканьем тот страшный звук (или это ее голос разросся до боли в висках?). Но зачем?..

— Проклятие Зарстора, — вслух выговорила она.

Слова прозвучали на удивление глухо и отдаленно. Даже вода больше не плескалась под стеной, застыла пугающе неподвижным зеркалом. И еще это чувство… одиночества!

Брикса давно познакомилась с одиночеством. Она свыклась с ним, привыкла считать не только естественным, но и безопасным. Но сейчас одиночество было за пределом… за каким пределом? Она снова заметила в себе ту особую ясность взгляда, то чувство, что на нее предъявило права нечто извне, из-за предела…

Она помотала головой, силясь вырваться из тисков этих смутных получувств, полумыслей, — пусть оставят ее в покое! Оставят — в одиночестве? Брикса подняла глаза к своду небес. Ни одной птицы. Вся долина казалась покинутой, запретной. Вокруг смыкалась тишина.

Против воли она перевела взгляд на купол — на то отверстие у самой вершины, что виделось сейчас просто тенью. Это… не… ее… желание! Она так вцепилась в стену, что пальцы онемели.

Она сопротивлялась. Нет… не стану! Никто и ничто ее не заставит. Она вернется… уйдет обратно… ей нечего делать в этой ловушке.

Ловушка! Что-то шевельнулось в памяти.

Ее не в первый раз заводили или заманивали в ловушки, и до сих пор цветок разбивал их чары. Вдруг он и теперь поможет? Девушка отпустила одну руку, окоченевшими пальцами нашарила за пазухой бутон и вытащила его на свет.

Ей показалось, что он сомкнулся крепче прежнего. Цветок завял, наверняка ни один цветок, сорванный с ветки, так долго не живет.

Брикса подняла сухой на вид бутон на уровень подбородка. От него еще исходил слабый аромат. Вместе с ним ее коснулась тень надежды.

Брикса глубоко втянула в себя это благоухание — и еще раз. А потом подняла голову, чтобы снова осмотреть купол с отверстием. Она прыгает не хуже Дведа, а может быть, и лучше. И она допрыгнет. Она не одна — она одна из трех!

Спрятав бутон, Брикса решительно встала на ноги. Отступила, как и Двед, по стене, тщательно

примерилась, разбежалась и… прыгнула!

Пальцы ухватились за край проема, как за гребень стены. Она подтянулась, пролезла в дыру. И спрыгнула в темноту, как прыгают в воду. Падать пришлось недалеко, и приземлилась она с перекатом, хотя и не успела обдумать прыжка.

Кругом было не так уж темно. Ее глаза быстро освоились в голубоватом сумраке. Голые стены, а прямо перед ней дверь, ведущая в сторону стоявшей снаружи башни. Туда она и направилась, едва поднявшись на ноги.

Проход за дверью привел в другую комнату. Здесь она нашла тех, кто ее опередил. И…

Вскрикнув, Брикса кинулась к ним.

Ута скорчилась на колонне, держа в зубах крошечную шкатулку. Шерсть у нее на хребте стояла дыбом, одну лапу кошка приподняла, предупреждая или угрожая, и яростно хлестала хвостом.

Марбон подбирался к кошке с ножом. Двед крался с другой стороны, обнажив меч. Ута увидела девушку. Одним прыжком, как прыгала на добычу, она перелетела через плечо Дведа и, выпустив когти, изо всех сил вцепилась в одежду Бриксы, расцарапав ей кожу.

Обняв кошку одной рукой и выхватив нож другой, Брикса обернулась к тем двоим. Выра-

жение их лиц охладило ее. Раньше у Марбона было безжизненное лицо, потом — исполненное неистового рвения. Сейчас же из его глаз смотрела злоба, страшнее ненависти Жаб, потому что эта злоба жила в таком же, как она, человеке, по крайней мере — с виду таком же. А лицо Дведа обмякло. Он сейчас, как недавно его господин, был не в себе, но при этом двигался с жестокой целеустремленностью. Для них обоих Ута была добычей.

Видя, что Двед отрезал ее от двери, Брикса попятилась. Нащупав плечами стену, она двинулась вдоль нее, как обходила скалу, отступая от птицы-женщины. Мужчина и мальчик почему-то не спешили броситься на нее. А ведь легко могли бы свалить. И все же они, не скрывая, что готовы убить, если она не отдаст кошку, держались пока на расстоянии.

Полубезумная ярость в глазах Марбона стянула его черты в маску алчности. Он стремительно шагнул вперед. И будто наткнулся на стену. Брикса, опешив, смотрела, как мужчина тщетно пытается проломить невидимую преграду. Ута у нее на руках повернула голову. Она все еще сжимала в зубах шкатулку.

Но Брикса смотрела только на Марбона.

Двед остался стоять у двери, рукой с ножом перекрывая ей выход, но вести охоту предоставил своему господину.

Марбон зашевелил губами. Брикса не услышала слов, но кошка у нее на руках напряглась. И у девушки в голове разлетелись иголочки боли, такие острые, что она задохнулась, и с каждым уколом набиравшие силу. Словно безмолвное заклинание Марбона обернулось для нее пыткой.

Колонну, где недавно сидела Ута, обволакивал серый туман, выпускал усики, словно растущий плющ. Марбон все пытался подобраться к Бриксе — подступал то с одной, то с другой стороны. Туман уже перерос колонну и протянулся к потолку. Там он разошелся длинными плетями — ветвями дерева. Они расходились во все стороны, кроме одной: прямо над девушкой воздух оставался чист. То, что ее защищало, было властно и здесь.

Ута настойчиво ткнулась в нее носом. Шкатулка? Просит забрать? Брикса протянула к ней руку. Ута резко отдернула голову. Тогда что?..

Кошка опять ткнулась носом в вырез рубашки. Брикса, не выпуская из рук ножа, оттянула ворот. Ута тотчас уронила шкатулку ей за пазуху. И принялась вырываться, заставив девушку опустить исцарапанные руки. Едва коснувшись пола, Ута

снова взлетела — и очутилась на прежнем месте, на верху колонны.

Марбон развернулся кругом. Его интересовала только кошка. Губы его все еще шевелились, а теперь Брикса уловила и слова:

— Кровью связать, кровью засеять, кровью заплатить. Так надо!

Вытянув вперед левую руку, он полоснул по ней ножом. И, даже не поморщившись, взмахнул раненой рукой, обрызгав колонну дождем кровавых капель. Двед как зачарованный шагнул к нему от двери.

Щупальца тумана ожили, потянулись к упавшим каплям. Брикса видела, как темные полосы расходятся в дымке, словно туман втягивал в себя кровь, питался ею.

И цвет его менялся. Он темнел и терял прозрачность. Теперь Бриксе виделись в нем плети вьюнка, обвивавшие колонну и расползающиеся по потолку. Подняв глаза, она отметила, что плети появились и над ее головой и теперь набирали толщину и темнели. Из толстых лоз пробивались тонкие корешки, ниточками раскачивались в воздухе.

Брикса с тревогой обернулась к Уте, испугавшись, что заросли вокруг колонны уже опутали

ее. Но нет, вокруг скорчившейся кошки оставалось свободное пространство.

— Мы ничто — но Сила вечна! — провозгласил Марбон. — Судьба, — продолжал он, — предписала нашему роду бежать, бежать через все моря. Мы достигнем последнего предела земли и обратимся в прах на сапогах странника. Но в небесах все еще пребывает Сила и Владыки неземных пространств!

Сила Силе рознь, — мелькнула в голове у Бриксы дикая мысль. Та, что собиралась здесь, смердела злом, и смрад густел по мере того, как сгущалось дымное подобие дерева. Ноздри наполнила та же вонь, что долетала к ней от Жаб и птиц в Пустыне. Нож выпал из руки. Сточенное на нет лезвие разлетелось, ударившись о каменный пол. Но Бриксе было не до обломков металла. Она нашарила бутон — мертвый, побуревший — и, взяв его в ладони, сама стала дверью, отверстием, через которое в мир входила Иная Сила. Да, это так — теперь она хотя бы знала, что́ от нее требуется: она была слугой этой Силы, и настало время сослужить главную службу.

10

Брикса кончиком языка облизнула губы. Странное чувство — словно занавес опустился между ней и ее прошлым. Кто или что вошло в нее сейчас, что сделало ее своими устами, своим орудием? Какая бы Сила ни овладела ею (а Брикса не могла распознать ее природу), эту Силу породила не ее воля, не ее мысль, не ее существо.

— Ненависть не длится вечно, как бы горяча и глубока она ни была. — Не ее волей сорвались с губ эти слова. — Если тех, кто породил ненависть, больше нет, она истощится и умрет. Но в слепящем свете прошлого могут таиться семена будущей славы, ибо это тайны, скрытые в умах людей.

Так говорила двигавшая ею Сила.

Марбон уставился на девушку. Сейчас он снова казался самим собой, в полном и ясном сознании. Таким он, наверное, был до ранения. Вся страсть, владевшая им до сих пор, теперь сосредоточилась в глазах. В них горели багровые алчные искры. Брикса ощутила, как сверлит ее этот голодный взгляд, словно сквозь раковину ее тела желает добраться до живущего в ней существа.

— Так думал Джартар! — прошипел Марбон. — Не знаю, как и почему, но готов поклясться: это его мысли. Но ведь Джартар… — Голос его замер, к высоким скулам прихлынула кровь.

И снова заговорило то, что владело Бриксой. Она не узнавала своего голоса — он стал ниже, резче.

— Ненависть умирает, но, пока жива, она способна терзать и мучить неосторожных, призывающих ее на помощь. Как бы стара ни была ненависть, даже те, кто опирается на Силу, могут потерять свою Силу…

— Господин!

Ее речь прервал изумленный, испуганный возглас Дведа. Мальчик на несколько шагов отошел от входа. Его лицо больше не было бессмысленным, а скорее, выражало покорность более сильной воле.

Темные нити тумана обвивали его тело. Он пытался сорвать их с себя, яростно хлестал эти нити свободной рукой. Тщетно, потому что туман становился все более плотным и липким. С исказившимся от страха лицом мальчик рвал с себя призрачные путы. Но те, как ни были тонки, крепко связали его.

— Господин! — Его крик был отчаянной моль-

бой.

Марбон даже головы не повернул, чтобы взглянуть на своего воспитанника. Он смотрел только на Бриксу взглядом, каким, скрестив мечи, смотрят на врага в поединке.

— Элдор, если ты здесь, чтобы хранить Проклятие, — с вызовом проговорил он, — то и я пришел за ним же. Я из рода Зарстора, между нами старинная распря… Не прячься же, как трус, за спиной Силы… Объявись!

— Господин! — Туман вокруг Дведа поднялся еще выше, теперь из него торчало только белое, застывшее маской страха лицо. — Господин, спаси меня своей Силой!

То, что осталось от Бриксы, что было еще свободно от сущности, превратившей ее в сосуд чужих мыслей и чувств (были то мысли Джартара или Элдора, кто знает), понимало, что мальчику не по силам сбросить связавшие его путы, что его отвага уже сломлена черным предательством его драгоценного господина.

— Проклятие! — Марбон по-прежнему не замечал приемыша. Он шагнул навстречу девушке, с яростью ударил по разделявшей их преграде. А потом резанул воздух ножом, словно надеялся порвать туго натянутую ткань. — Отдай мне Про-

клятие! — выкрикнул он.

У его ног тоже собирались щупальца, сплачивались и густели. Дымка затопляла его, ползла вверх. Она уже лизнула колени, липла к бедрам, а он будто не замечал.

Только Двед повис в тумане, как жертва паука в паутине, — беспомощный и неподвижный. Ужас захлестнул его лицо, когда туман коснулся щек, вцепился в подбородок.

— Проклятие! — одними губами повторил Марбон.

Ута поднялась на задние лапы, потянулась всем телом. И хищно хлестнула передними по протянувшемуся к ней туманному языку. И в тот же миг Брикса… опустела. Другого слова для этого чувства свободы она не нашла. Что-то отступилось от нее. Она осталась одна, беззащитная перед Марбоном. Даже нож валялся обломками у ног.

Пальцы судорожно сжались, как будто она могла дотянуться до обломка лезвия. Но в руке ее был не нож, а бутон. И он шевельнулся. Она раскрыла ладонь, и лепестки стали расправляться.

Треснула тусклая коричневая оболочка. Из сердца цветка прорвалось сияние, освещавшее ей путь, воодушевлявшее девушку в ночи пустых земель.

«Сила Силе рознь!» — яростно повторила она про себя. Вторая рука потянулась к доверенной ей Утой шкатулке, сжала ее сквозь рубашку.

Марбон шевельнулся. Она еще не видела его таким — ни в безумии, ни в сознании. Возможно ли так жестоко исказить человеческое лицо, чтобы сделать его совсем другим? Даже если это был обман зрения, человеку в здравом уме не пристало такое видеть. Ужас наполнил Бриксу ледяным холодом, лишил движения — сейчас она не могла бы бежать, хотя Двед не загораживал больше выхода.

Мужчина перед ней высоко вскинул руки. Лицо его обратилось к извивающимся, корчащимся змеям тумана. Он воззвал:

— Джартар! Сле — фрава — ти!

Туман завился воронкой, закружил голову. Брикса, как только взгляд Марбона отпустил ее, закрыла глаза, чтобы не затеряться в этом водовороте. Благоухание цветка достигло ноздрей, прояснило голову.

Она не знала и не догадывалась, кого он призывал. Но… что-то отозвалось ему. Оно было здесь… с ней — и, не открывая глаз, девушка чувствовала, как оно нависает над ней, тянется…

Шкатулка и цветок… Она не знала, что объеди-

нило их в ее мыслях и почему такое соединение казалось верным… необходимым. Шкатулка и цветок… Не смотри! То, что встало над ней, могло затуманить ум, ослабить защиту. Нельзя поддаваться этой тяге.

И снова из нее выплеснулся крик, призыв к единственной, обещавшей защиту в этом ненадежном, чуждом мире.

— Зеленая матушка, что мне делать? Это не мои чары — я заблужусь в них!

Выкрикнула ли она эти слова вслух, или это была лишь мысль, пронзительная, как крик, мольба, может быть тщетная, к непостижимой Силе? Кто были эти боги — великие источники Силы, которые, как считалось, использовали мужчин и женщин в качестве орудий и оружия? И были ли у тех, кого так использовали, вообще какие-либо средства защиты? Не вовлечена ли она сейчас в схватку между двумя чуждыми Силами?

Чей это был приказ, откуда он исходил? От того, кто был призван Марбоном? Если так, она в огромной опасности. Брикса по-прежнему крепко жмурила глаза и пыталась так же накрепко запереть свой разум. Она чувствовала, как некая Сила стремится связать ее — не тело, а душу, — как туман связал Дведа.

— Во имя того, что у меня в руках, — громко выкрикнула Брикса, — дай мне устоять!

Шкатулка и цветок…

Руки ее сошлись, соединили их. Она не знала, движет ею воля Света или Тьмы. Но дело было сделано. И в тот же миг Брикса открыла глаза.

Перед глазами…

Не затянутая туманом комната с колонной — она стояла перед высоким троном в пиршественном зале замка. Высоко, в кольцах, прикрепленных к каменным стенам, горели факелы. Стол был застелен многоцветной скатертью, ее краски играли и переливались. А на скатерти — рога для вина, выточенные из мерцающего хрусталя, из сочного малахита и теплого красно-коричневого агата — богатства, достойные самых могущественных владетелей Долин.

Перед каждым местом стояло серебряное блюдо. И еще множество блюд и мисок посредине стола — одни с узорчатыми краями, другие блестят самоцветами.

В первый миг Бриксе показалось, что зал пуст, но вскоре она заметила других пирующих — тени, клочки тумана, такие смутные, что она не взялась бы отличить мужчину от женщины. Казалось, безжизненные предметы были видны

явственно, а все живое превратилось в ее глазах в призраки, обитающие, согласно легендам Долин, в древних зловещих местах и вечно мстящие живым из зависти к их жизни.

Брикса вскрикнула и покачнулась, силясь сойти со своего места, прямо перед высоким троном, поставленным так, чтобы призрачным гостям были отовсюду видны их хозяин или хозяйка. Но ни бежать, ни отвернуться она не смогла и поневоле должна была смотреть, что происходит.

Черный сполох — если свет может быть не белым, а черным — полыхнул между ней и троном — словно взмах меча отрезал ей отступление. Коварная холодная воля, еще не вполне злая, но уже отмеченная Тьмой, нацелила на нее свой удар. Хлестнула, как хлещут с размаху бичом. И призрак во главе стола устремил на нее горящие красным пламенем глаза.

Тень сгущалась, и черты Марбона изменялись, текли, обретали плотность и телесность. Девушке показалось, что не благородный владетель замка сидит сейчас в этом высоком кресле. Нет, то, что щерилось на нее, сверля горящим взглядом, было словно слеплено из углей преисподней — воплощало всех мерзавцев, двуногих волков, от кого она спасалась и пряталась, точно зная, что ее

ждет, если попадет к ним в руки.

Прочь!

Теперь трон заняла Жаба с окраины Пустыни, — непристойно раздутая, она разевала зубастую пасть, тянула когтистые лапы. Ростом она не уступала тому грозному злодею, чье место заняла. И в ее кваканье угадывались слова:

— Проклятие… Проклятие!

Цветок и шкатулка…

Брикса только теперь заметила, что до боли прижимает их к груди. Цветок и шкатулка…

Жаба сгинула. Ее сменила птица-женщина. Щелкнула грозным клювом, вскинула руки-крылья, растопырила когти — вот сейчас взмоет вверх и обрушится на Бриксу.

Колдовской морок? Трудно сказать. Каждое видение выглядело таким же четким и осязаемым, как сиденье, на котором оно появлялось. Цветок и шкатулка…

А теперь… Перед ней был Двед! Только он не сидел, а лежал пластом, спеленутый туманом. Видна была только часть его лица. Мальчик с трудом поднял голову, устремил на нее взгляд, потускневший от страха и все же выражавший отчаянную мольбу.

— Проклятие… — Его мучительный шепот гул-

ко разнесся по всему залу.

И он тоже пропал. На его месте возникла Ута, ясно видимая в когтях призрачного чудовища, бьющаяся, рвущаяся из уродливых лап, мертвой хваткой сжимающих ее пушистое горло.

— Проклятие! — взвизгнула кошка.

И исчезла вслед за другими. Долгий миг сиденье пустовало. Затем — больше никакой тени — перед Бриксой появился человек, такой же видимый и реальный, каким был Марбон, когда он стоял перед ней в пузырчатой комнате. Вместо пиршественных одеяний на нем была кольчуга, а лицо скрывалось в тени шлема.

«Марбон!»

Брикса едва не произнесла это имя, но тут же поняла, что это не безумный владетель Иггарсдейла, хотя сходство с несомненностью выдавало родство между ними. На лицо этого мужчины наложила несмываемую печать суровая и надменная гордыня. И губы его кривились, словно он надкусил что-то кислое, несъедобное, отравившее удовольствие от пира.

С появлением хозяина явственней проступили его приближенные. И Брикса вздрогнула, поняв, что не все они принадлежат к человеческому роду. По правую руку от хозяина сидела дама

в одеянии цвета молодой листвы. Но такой же нежный цвет имели ее гладкие волосы, и лицо, хоть и прекрасное, не было человеческим лицом. С другой стороны, слева, невысоко над досками стола поднималась кошачья голова. По расцветке кошку можно было принять за Уту, но Бриксе подумалось, что вблизи голова этой кошки оказалась бы вдвое больше.

Были там и другие — юноша в шлеме, украшенном вздыбившейся лошадью и с чем-то нечеловеческим в лице, не столь явным, как у зеленоволосой женщины, но ошибиться было невозможно. Еще была женщина в платье цвета стали, опоясанная пластинчатым поясом с молочно-белыми самоцветами. Ее заплетенные в косы волосы лежали на голове царственной короной, тоже жемчужно-белой. И спокойное лицо выражало силу и уверенность в себе. Однако что-то в ней наводило на мысль, что она не принадлежит к собравшимся — наблюдает со стороны, а не участвует. Грудь ее украшала подвеска из тех же белых камней. И Брикса почувствовала, что эта подвеска — оружие, не уступающее в силе боевому клинку.

На дальнем конце стола, где другие пирующие, казалось, немного потеснились, чтобы дать им

место, сидели двое. Брикса всмотрелась, и у нее перехватило дыхание.

То ужасное, уродливое создание, что повелевало птицами… Нет, оно не было полным ее подобием. Тело у него было более округлым, больше напоминало женское, хотя и его покрывали не одежды, а перья. И еще самоцветный пояс. И широкое, сверкающее драгоценными камнями ожерелье. Но не было сомнений, что эта гостья одного рода с хозяйкой Пустыни.

Рядом с ней пристроился один из Жабьего племени — только этот близко, почти кощунственно близко напоминал… человека? Бриксе стало дурно при этой мысли, но отвести взгляд она, как ни старалась, не сумела.

В Жабьих глазах сверкала ненависть, и легко угадывалось, что хотя с виду это существо принято здесь как гость, но между ним и другими гостями нет ни дружбы, ни приязни.

Никто из пирующих не обращал внимания на Бриксу. Ни одна пара глаз не взглянула на нее с удивлением, даже не задержалась, отмечая присутствие чужой. С какой целью ее перенесли сюда, девушка не знала. Но…

Она уже не стояла перед хозяйским троном в бессильной неподвижности. Миг изумления — и

она, силой или волей приславшего ее сюда, уже повисла в воздухе над пирующими, так что и зал, и гости в нем были видны ей как на ладони.

Хозяйский трон, по обычаю всех замков в Долинах, стоял лицом к двери с тяжелыми двойными створками. Теперь эта дверь с грохотом, на миг заглушившим отзвук голосов, не просто распахнулась — слетела с петель и ударилась о стену. Вслед за громовым ударом в зал ворвался шум бушевавшей снаружи летней грозы.

В широком проеме (в такие ворота легко прошел бы построенный в колонну отряд воинов) стоял один человек. Он, как и хозяин зала, был одет не для пира, а в кольчугу и шлем. А ниспадавший с его плеч плащ струился складками, отброшенный за спину для боя на мечах.

Но меч, хотя и был при нем, оставался пока в ножнах, и руки пришельца были пусты. Никакого оружия, если не считать оружием обнаженную ненависть. И Брикса, едва не назвавшая Марбоном хозяина зала, сейчас была почти уверена, что не ошиблась бы, дав это имя новому гостю.

Тот не сразу вошел в зал — задержался, словно ожидал приглашения или хотя бы признания от человека во главе стола. Он молча ждал, озирая собравшихся, а за спиной у него собиралась

свита.

Пришелец словно стоял в толпе детей. В сравнении с теми, что сгрудились у него за спиной и по сторонам, он казался великаном. И все же на детей они походили только ростом, а выглядели зрелыми и, пожалуй, даже необычайно древними существами.

Тела их не были телами карликов — стройные, хорошо сложенные. Непокрытыми оставались лишь их маленькие ладони и лица с тонкими чертами. Тела же скрывались под кольчужными доспехами, словно сложенными из перламутровых пластинок. И шлемы их, если не были гигантскими ракушками, то верно передавали их форму.

— Привет тебе, родич…

Напряженное молчание, опустившееся вслед за грохотом двери, нарушил хозяин замка. Он чуть улыбнулся, но в изгибе улыбающихся губ крылась издевка.

Человек в дверях взглянул ему в глаза. Этот не улыбался, а тонкие морщины у его ноздрей и губ говорили, что он с великим трудом сдерживает себя. И ни шагу в зал он не сделал.

— Ты не дал знать, что почтишь нас своим присутствием, — продолжал владетель. — Однако в

Катале всегда есть место родным…

— Такое же место, как в Ан-Яке? — впервые нарушил молчание пришелец. Говорил он тихо, но усилие, каким он сдерживал гнев, странным образом передалось Бриксе.

— Удивительный вопрос, родич. Что ты хочешь сказать? Не случилось ли какой беды с тобой и твоим водяным народцем?

Стоявший в дверях засмеялся:

— Верный вопрос, Элдор. Не случилось ли беды, спрашиваешь ты? А зачем спрашиваешь? С твоими-то глазами и ушами, читающими в шуме ветра, слушающими голоса трав, и птиц, и всех, кто доносит слухи или передает истину, ты и сам знаешь о случившемся.

Хозяин покачал головой:

— Ты приписываешь мне большие Силы, Зарстор. Обладай я хотя бы долей таковых, мне не пришлось бы спрашивать у людей…

— Так зачем спрашиваешь? — перебил Зарстор. — Беда — да, мы повстречались с бедой. Из тех бед, что происходят от дурных желаний, от игры с Силами, которые ослепляют прикоснувшегося. Мне не сравниться с тобой в дальнозоркости, Элдор, но и я слышал о неких призывах, о сделках и сговорах, о шевелении в странных местах. Мне

говорили о Проклятии…

И снова, едва он произнес это слово, пала тишина — та тишина, что звучит грознее боевого клича. Никто не шевелился. Казалось, каждого здесь мгновенно сковал мороз.

Молчание нарушила женщина в белых самоцветах:

— Ты говоришь в гневе, владетель Зарстор, а ведь необдуманного слова не взять назад.

Впервые пришелец оторвал взгляд от Элдора, коснулся им женщины и тут же снова перевел на хозяина, словно были у него причины не спускать с него глаз.

Он ответил почтительно, но, отвечая, больше не смотрел на женщину.

— Да, милостивая, я разгневан. Но бывает, что человека прогневит правда и гневом он вооружается против несправедливости и коварного зла. Мои друзья тоже не обделены силами. На меня и на Ан-Як наложено Проклятие — я готов присягнуть в том даже на твоем алтаре под полной луной.

Тогда женщина повернулась к Элдору и взглянула на него в упор:

— Здесь прозвучали слова о Проклятии, направленном против этого владетеля и его земли.

На такие слова должен быть дан ответ.

Элдор улыбнулся шире:

— Не утруждай себя, милостивая. Разве то, что стоит между родичами, касается не их одних?

Теперь в разговор вмешался юноша в шлеме со вздыбленным конем. Его темные брови в тени причудливого шлема сошлись к переносице.

— Верно, владетель Элдор, обычай говорит, что в споре родичей может возвысить голос лишь присягнувший им на верность вассал. Но Проклятие — не шутка, чтобы оставить его без внимания. С тех пор как мы собрались здесь, я спрашивал себя, отчего кое-кто из нас впервые удостоился приглашения. — Он кивком указал на подобия Жабы и птицы на дальнем конце стола.

Среди гостей прошел тихий ропот, в котором Бриксе послышалось в основном согласие. Но ни птица-женщина, ни Жаба — если их черты вообще способны были выражать чувства — не выказали ни удивления, ни недовольства.

За расходящимся по залу ропотом прозвучал голос зеленовласой женщины — легкий и нежный, как ветер в речных камышах.

— Владетель Элдор, не приличествует гостье говорить такие слова, но если в этой земле Сила встала против Силы, благоразумнее забыть об

отсутствии должной вежливости и ответить...

11

— Хорошо ты сказала, госпожа Лалана: не пристало спрашивать хозяина, почему он устроил свой пир так, а не иначе. Но коль скоро речь начистоту — что ж, надо мной нет никакой Тени, чтобы скрывать свои дела, прошлые и будущие. — К самоуверенности Элдора прибавилась еще и надменность. — Верно, что среди нас, населяющих Арвон, ширится раскол, и в первую очередь потому, что никто не возвысит голоса, вопрошая о его причине. Мы не одной крови и принадлежим к разным народам, но ведь долгое время мы умудрялись жить рядом в мире…

Женщина с белыми самоцветами поднялась. В ее спокойствии Брикса почувствовала скрытый упрек говорившему. Женщина подняла руку к груди, шевельнула пальцами — уследить за их сложным движением Брикса не сумела. Но от этого движения в воздухе между ними чудом загорелся и остался пылать белый знак.

Впрочем, он недолго оставался белым — чистой белизны летнего полнолуния. Он тут же начал менять цвет, словно в него просачивалась чернота и, разъедая ее, кровь. Знак налился розовым,

потемнел, но его очертания оставались прежними и различались отчетливо.

И вот он уже багровый. А переменам еще не конец: темнеет, темнеет — и вот уже все цвета изгнаны черным, а потом сам знак стал корчиться, словно эта перемена отдалась мукой в живом, чувствительном к боли существе.

Итак, белый знак почернел и сменил очертания. В серьезных взглядах сидевших за столом нарастала тревога. Только птица-женщина с Жабой остались невозмутимы.

Даже Элдор отступил на шаг. И тоже поднял было руку, словно хотел стереть это тусклое пятно в воздухе. Но его сжатый кулак опустился, не закончив движения. А вот лицо выразило холодную решимость.

Однако не он нарушил тишину, в которой все, казалось, затаили дыхание, как перед ударом грозы. Заговорила начертившая знак женщина.

— Да будет так… — Три слова прозвучали приговором суда, чье решение меняет судьбы целых народов.

Будто в ответ на ее слова гости стали подниматься с мест, бросая на Элдора полные укоризны взгляды. Он же высоко держал голову и твердо встречал эти взгляды в броне своего высокоме-

рия.

— Я владетель Варра. — Он произнес эти слова так, словно в них крылся двойной смысл.

Женщина с белыми самоцветами чуть заметно склонила голову.

— Ты владетель Варра. — холодно сказала она. — Ты сам подтвердил свою власть. Но владетель должен и нести ответ за страну, доставшуюся ему в опеку, до конца.

Он по-волчьи оскалил зубы.

— Да, владение — тяжкая ноша. Не думай, милостивая, что я забыл об этом, когда…

— Когда связался с ними! — Зарстор сделал несколько шагов от двери. Он вскинул руку, словно готовился метнуть невидимое копье, указал пальцем на Жабу и птицу-женщину.

Элдор зарычал:

— Я сказал, что разберусь с тобой, родич. Ты навлек на меня позор, так пусть еще худшая судьба выпадет тебе, и твоим землям, и этим рыболюдям, которых ты приютил в своем логове. Поедатели грязи, в грязи живущие, скверна мира… — Его голос поднялся до крика. — Ты наплевал на имя своего Дома и едва не обратил во прах наш род…

Чем ярче пылала ярость Элдора, тем холодней становилось лицо Зарстора. Воины в чешуйча-

тых доспехах сплотились вокруг него. Руки их зависли над рукоятями мечей в ножнах, а глаза метались по залу, словно они ждали нападения врага с любой стороны.

— Спроси себя, Элдор — заговорил Зарстор, когда тот прервался, переводя дыхание, — с кем ты вступил в союз? Какой ценой заплатил за Проклятие? Не продал ли ты Варр…

— Ах-х-х! — В ответ раздался вопль чистой ненависти.

Но внимание Бриксы привлекло движение в конце стола — слабое, едва заметное.

Птица-женщина, держа в руке кубок, пристально вглядывалась в его глубину. Увиденное там увлекло ее больше ссоры двух владетелей. Голова ее качнулась вперед, будто клюнула. Зачерпнула содержимое кривым клювом или, наоборот, сплюнула в кубок? Этого Брикса не поняла. Но следующим движением она стремительно отшвырнула от себя кубок на середину стола прямо перед троном Элдора.

Вспышка — бывает ли пламя черным? — полыхнула, когда кубок ударился о стол, расплескав свое содержимое. Раздались крики. Все разбега́лись от взвившихся языков черного пламени.

Даже Элдор подался назад, вскинул руки, за-

слоняя лицо. А все прочие — и зеленая дама, и остальные — бежали от хлыстов вздымающегося пожара.

Огонь делался темнее, поднимался выше. Он заслонил собой всё. Брикса успела еще заметить бегущих к выходу и среди них — Зарстора и его чешуйчатых воинов.

В то же время она ощутила, как шкатулка в ее руке — подарок Уты — нагревается… Нет, раскаляется, так что держать ее сделалось пыткой. Но и разжать пальцы она не могла.

Зал пропал вместе с черным пламенем. Девушка повисла в серой пустоте. Она заметила, что дышит тяжело и жадно, словно легким не хватало воздуха.

Затем в серости проступила земля — голая, изрезанная бороздами, но не плуг пахаря проложил их. Нет, казалось, землю раз за разом рубили мечом, рассекая ударами все жизненные жилы, выпуская соки.

Туман все поднимался, открывая простор серой изнасилованной земли. Но Брикса откуда-то знала, как хороша была эта страна, пока на нее не пала Тень. Она видела опрокинутые, изъеденные временем стены со следами копоти и угадывала, что прежде здесь высился большой замок, гордый

и прекрасный.

Теперь — с двух сторон из-за раздвинувшегося занавеса тумана — выступили двое мужчин. Каждого окружало видимое глазу облако, в котором девушка распознала ненависть, разъедавшую их, пока ни в одном не осталось жизни. И это место было не их миром (Брикса мимолетно удивилась, откуда ей это известно), а скорее адом, который они сами для себя создали вне времени. Кто бы из них ни был прав вначале, теперь оба были осквернены войной, она не отпускала их, и в отчаянии и ярости они обращались к Тьме, потому что Свет не поддерживал их. Теперь они были обречены вечно блуждать в своем аду.

Изрубленные кольчуги, заржавевшие от крови. На перевязях нет мечей. Из оружия у них осталась одна ненависть.

Вот один поднял руку и метнул в противника шар яростного гнева. Шар разбился о нагрудник, рассыпавшись дождем темных искр. Второй отступил на шаг или два, но не упал.

Удержавшись на ногах, он ударил в ладоши. Хлопка не прозвучало, но метнувший шар затрясся с головы до ног, как молодое деревце под ударом зимней бури.

Брикса, не желая того, против воли продвину-

лась вперед, так что оказалась посередине между противниками. Те медленно повернули головы, и она увидела лица в тени побитых шлемов. Черты их ссохлись, смятые страстью, но она узнала Элдора и Зарстора — состарившихся в ненависти.

Оба протянули к ней руки — не в мольбе, а требуя. И голоса их слились в один резкий приказ:

— Проклятие!

Нет, эти не растаяли, как другие до них, — двуногий волк, Жаба… Ута… Напротив, их фигуры проступили четче, ярче. Видя, что девушка не шевельнулась, Элдор заговорил снова:

— Отдай его мне, я сказал! Оно мое. Я трудился над ним, я вступил в союз с теми, кому нельзя доверять, я многим пожертвовал ради него! Если не отдашь доброй волей, я призову на помощь тех, кто воздаст тебе за то, что сама выбрала, — потому что выбор за тобой.

С такой же настойчивостью заговорил Зарстор:

— Оно мое! Оно было создано, чтобы сломить меня и моих сторонников, и по праву Силы я должен получить его, чтобы отразить его удар, чтобы своей рукой воздать ему созданное мне на погибель. Оно должно достаться мне!

В руке Бриксы лучилась теплом шкатулка. А в

другой руке лежал цветок. Странной ощущалась их тяжесть, и еще удивительнее, что вес их был одинаков, а она казалась себе сейчас подобием застывших в равновесии весов. Непостижимо для нее, здесь творился суд, и ей предстояло рассудить двоих в деле, о котором она ничего не знала. Один угрожал ей — Элдор. В словах Зарстора можно было услышать оправдание и мольбу.

— Я его создал!

— Я против него сражался!

Два голоса слились в один.

— Зачем?

Ее вопрос ошеломил обоих. Как могла она рассудить по справедливости, не зная, что заставило их вцепиться друг другу в глотки?

С минуту они молчали. Затем Элдор шагнул к ней, протянув руки, словно готов был, если придется, вырвать шкатулку силой.

— У тебя нет выбора, — с яростью выговорил он. — На мой призыв неизбежно отзовутся. И тогда ты погибла.

— Если боишься, отдай его мне! Но тогда ты не узнаешь, что его угрозы — пустой звук, — вмешался Зарстор. — Если же отдашь ему, тебе до конца жизни ходить под сенью страха — и после смерти тоже! Так же как мы обречены прокляти-

ем скитаться здесь.

Шкатулка и цветок…

Брикса наконец сумела отвернуться от этих двоих, впившихся в нее взглядами. Она опустила глаза на свои ладони — чаши весов в равновесии.

Шкатулка открылась! В ней лежал округлый камень, и по нему перетекал слабый свет. Серый свет, словно пелена Тени, если Тень и Свет могут быть едины. Цветок также раскрылся во всю ширь, и из него лился Свет — не чистой белизны, как прежде, а зеленоватое сияние, ласкавшее и утешавшее взгляд.

— Так вот оно, Проклятие, — медленно проговорила Брикса. — Зачем ты его создал, Элдор, скажи правду, зачем?

Он ответил с угрюмым ожесточением:

— Потому что должен был победить врага.

— Нет, — покачала головой Брикса. — Не должен был, а хотел, не так ли? А почему он стал твоим врагом?

Резкое лицо помрачнело еще больше.

— Почему? Потому что… потому что… — Он сбился, прикусил губу.

— Забыл? — спросила девушка, видя, что он все медлит с ответом.

Он сверкнул глазами, но не ответил. Она повернулась к Зарстору:

— Почему он возненавидел тебя настолько, что пошел на такое зло?

— Я… Я…

— И ты забыл. — Она уже не спрашивала. — Но если вы уже не помните, почему стали врагами, какая разница, у кого в руках Проклятие? Оно вам больше не нужно, правда?

— Я Элдор! И поступлю с Проклятием, как сочту нужным!

— Я Зарстор! И Проклятие привело меня сюда… — Он взмахнул руками, указывая на истерзанный мир кругом, и руки его сжались в кулаки.

— Я Брикса, — сказала девушка, — и… сейчас даже не знаю, что еще. Но то, что обитает во мне, говорит: да будет так!

Она поднесла цветок к открытой шкатулке, и он пролил зеленоватое сияние на серый камень.

— Сила разрушения и сила роста, сила жизни. Посмотрим, кто победит даже здесь!

Серая пленка на камне теперь не переливалась. Она застыла коркой на его поверхности.

И в пролившемся сверху зеленом луче корка эта треснула, отшелушилась, выпустив наружу

новое сияние. Между тем цветок увядал, сворачивал лепестки, ссыхался. Брикса хотела отдернуть его от жадного камня, но руки ей не повиновались. Цветок ссыхался и морщился, между тем как камень наливался светом. И не серым светом смерти — этой земли, которая была ловушкой, — нет, в его сердце разгоралась зеленая искра, словно зерно готовилось прорвать защитную оболочку и выпустить наружу новую жизнь.

От цветка осталась сухая, хрупкая шелуха. А потом и вовсе ничего не осталось. Ладонь была пуста. Но и шкатулка в другой ладони крошилась, выпуская из себя камень. Вот она уже рассыпалась пылью.

В камне больше не было Света. Если в нем и обитала Сила, она была скрыта лучше, чем Сила цветка. Зато от его красоты Бриксу объял трепет. Тогда она отвела взгляд, обратила его к Элдору, к Зарстору.

Она протянула камень Элдору:

— Ты все еще хочешь его получить? Думаю, это уже не то, что ты когда-то создал. Но хочешь ли ты взять его?

Морщины, делавшие его лицо старым и изможденным, разгладились. Гордость и властность остались, но за ними стояло другое — свобода!

Взгляд его светился, но, когда девушка поднесла камень ближе, Элдор поспешил отдернуть руку:

— Этого я не делал. И не моя Сила его наполняет. Я не вправе больше называть его своим.

— А ты? — обратилась Брикса к Зарстору.

Он смотрел только на камень, не замечая ее. И ответил, не поднимая глаз:

— То, что должно было стать моим Проклятием, — нет, это не оно. В Зеленой магии жизнь, а не смерть. Правда, то, чем это было прежде, погубило меня. Но я не могу разбить его, как разбил бы Проклятие, чтобы выпустить на волю его зло. Это, госпожа, принадлежит тебе, поступай с ним, как знаешь. Потому что… — Он поднял голову, и в его лице были мир и покой, а за ними — великая усталость. — Потому что гис, привязавший нас к этому, нами же созданному миру, снят. И для нас пришло время отдыха.

Они оба отвернулись от Бриксы. Зарстор шел плечом к плечу с Элдором. Так — братьями по щиту, а не смертельными врагами — они ушли в туман по открывшейся только им дороге.

Брикса баюкала камень в ладонях. И, словно очнувшись от глубокого сна, с зародившимся беспокойством озиралась кругом.

Она не сомневалась, что это место не принад-

лежит ее времени и ее миру. Как же ей вернуться к себе? И возможно ли вернуться? Из зерна беспокойства быстро прорастала паника. Она громко позвала:

— Ута! Двед! — И наконец: — Марбон!

Она прислушалась, вопреки всему надеясь на ответ, на подсказку. И крикнула снова, громче, и не услышала ничего, кроме своего замирающего вдали голоса.

Имена… Она знала, что все имена обладают собственной силой — они такая же часть человека, как его кожа, волосы или зубы. Они даются в час рождения, и с этой минуты им может угрожать зло, их может укрепить добро. Теперь в помощь ей остались только имена. Правда, двое из тех, кого она призывала, ничем с ней не связаны и едва ли стремятся ей помогать, а третья — звериного, чужого ей рода. Может быть, нет на свете таких нитей, которые притянули бы ее обратно.

Брикса подняла сложенные чашечкой ладони, вгляделась в камень. Поистине, это предмет Силы. Он был создан, чтобы навлечь зло. Элдор (или та его часть, что пребывала здесь) сам это признал, и Зарстор с ним согласился. Но цветок каким-то образом обезвредил злую Силу. Станет ли камень служить ей, не обладающей никакой

Силой, не учившейся искусству Мудрых?

— Ута… — На сей раз она не выкрикнула имя в туман, а тихо обратилась к камню. — Ута, если ты еще питаешь ко мне добрые чувства… Если есть в тебе желание меня спасти… Ута… Где ты?

И вновь по камню побежала световая рябь. Зеленая искра в его глубине росла и ширилась. Брикса старалась направить все свои мысли к Уте.

Темное пятнышко сложилось в острое ухо, открылись щелки глаз, очертилась голова. И голова эта проталкивалась сквозь поверхность камня. Брикса, уже почти разучившаяся удивляться, опустила руку к земле. Крошечное подобие кошки, проступая из камня, приобретало объем. Полностью высвободившись, оно спрыгнуло на землю.

Туман, смыкавшийся с тех пор, как скрылись Элдор с Зарстором, сбился клубами, отступая от кошки. Маленькая Ута повернула головку к девушке, разинула крошечный рот. Может быть, мяукнула, хотя Брикса не уловила звука. И рысцой побежала прочь, повела девушку за собой.

Туман затопил ей ноги до колена. Но кошку он не скрывал, вокруг нее сохранялось и двигалось вместе с ней чистое пространство. Брикса, заметив, что наваждение — или что это было? —

удаляется все быстрей, тоже заспешила.

Она не могла бы сказать, сколько они прошли по этой невидимой земле. Но вот ее проводница замедлила шаг и, к отчаянию девушки, стала таять.

— Ута! — взвизгнула Брикса. Через кошачье тельце уже видно было насквозь — так быстро оно растворялось в тумане.

Брикса упала на колени. Без Уты она пропала, а Уты уже нет. Остался лишь туманный силуэт. Если бы ее вернуть! Ну-ка… Уту привел сюда ее направленный через камень призыв… Но, может быть, сил кошки не хватило, чтобы удержаться здесь и закончить начатое?

А как насчет Марбона? И Дведа? Мужчина ей, можно считать, враг — во всяком случае, был врагом, пока Бриксу не захватил этот мир. А мальчик к тому времени был скован колдовской ловушкой. Если дотянуться до них… Есть ли надежда на помощь?

Двед… Марбон… К кому обратиться?

Мужчина, когда она видела его в последний раз, был на свободе, если не считать его пленником своей одержимости. Брикса подняла камень на уровень глаз.

— Марбон! — позвала она.

В глубине камня ничто не дрогнуло, не было никакого признака, что призыв достиг цели, ни намека на ответ.

— Марбон! — Она упорствовала только потому, что не видела другой надежды.

Рябь на камне — да, — но слабая и не складывавшаяся в рисунок. Однако, опустив руку с камнем, девушка опять увидела рядом с собой Уту — отчетливо, в полный рост. Совсем настоящая Ута нетерпеливо взглянула на нее, беззвучно открыла и закрыла рот. Брикса вскочила на ноги, чтобы бежать за ней. Не Марбон ли поделился с кошкой своей Силой? Она не знала, но при виде Уты на сердце у нее полегчало.

Ута пустилась бегом, и Брикса за ней. От кошки девушке передалась уверенность: надо спешить. Вперед…

Громоздкая темная колонна проступила из тумана так внезапно, что Бриксе почудилось — она не стояла здесь издавна, а выросла из земли прямо перед ней. Ута поднялась на задние лапы, заскребла передними по камню, внятно требуя лезть наверх. Брикса снова надежно укрыла камень за пазухой и стала искать зацепов для рук и ног. Ута… пропала. На этот раз не таяла постепенно, а исчезла в один миг.

На ощупь девушка нашла неровности, которых не различал глаз. И с трудом принялась карабкаться. Выступы были крошечными, и чем выше, тем труднее становилось лезть. Но она все-таки поднималась, хотя бы на палец с каждым рывком.

Выше и выше — у нее хватало ума не смотреть вниз. Пальцы болели, потом онемели. Она напрягалась всем телом, прижимаясь к колонне. Страх тяжело давил на плечи. Выше, еще выше…

Долго ли она лезла? Здесь не было счета времени — минуты можно было приравнять к дням, а то и к месяцам. Но колонна все так же поднималась над ней, и провисший занавес тумана скрывал вершину — если *была* вершина!

Брикса поняла, что до следующего выступа ей не дотянуться. Острая боль свела плечи. Выше… вверх, и только вверх. Не было сил поднять руки. Скоро пальцы разожмутся, она упадет — навсегда канет в туман.

— Ута… — Она не надеялась дождаться ответа на свой хриплый шепот.

12

Из пелены тумана над ней протянулась… огромная лапа! С выпущенными когтями, грозно зависшими у нее над головой. Брикса отчаянно вцепилась в колонну. Но удержаться ей не удалось. Когти подцепили ее за рубаху, оторвали, потащили к туманному потолку — вверх! — и вниз, потом ее выпустили, и она, падая, скользя ладонями по камню, едва не оглохла от собственного крика.

Колонна по-прежнему стояла над ней, но не та, на которую она лезла, — эта была маленькой, можно обхватить руками. На ней, как на постаменте, сидела Ута — обычная Ута. Кошка взглянула на нее сверху вниз, и тогда Брикса поняла, что вернулась в свое время и пространство.

Она очутилась в комнате подводного здания. Но по стенам и потолку больше не вились плети тумана. Эти зеленовато-голубые стены блестели так, словно их только что отскребли начисто. На полу, совсем рядом, лежал Двед, а Марбон поддерживал его за плечи.

Лицо Марбона, рассеянно взглянувшего на нее

поверх тела мальчика, было осмысленным и собранным. И никакая Сила им сейчас не владела. Она видела перед собой обычного человека в своем уме, свободного как от Тени, так и от владевшей им до сих пор одержимости.

— Двед… умирает, — произнес он вместо приветствия, как будто был вовсе не причастен ко всему, что случилось с ней до сих пор. В глазах его стоял страх, но не за себя — за мальчика.

Может, он и был прав, но Брикса не желала уступить отчаянию. Изнеможение, охватившее ее на подъеме, еще тяготило тело. Потянувшись к мужчине и мальчику, она запустила руку за пазуху и достала камень.

— Это предмет Силы, — медленно проговорила Брикса. — Пользоваться им я не умею… Но когда я воззвала к нему, Ута отозвалась. Тебя я тоже звала — ты не слышал?

Он насупился:

— Я… во сне… так я подумал.

— Это был не сон. — Ее обнимающие камень ладони дрожали. Может быть… может быть, если Двед ушел не слишком далеко, он тоже отзовется. — Смотри на него, господин, и зови своего приемного сына! — властно приказала она и поднесла ему камень, держа его прямо над

телом Дведа.

Волей или неволей Марбон подчинился, устремил на камень пристальный взгляд. Жизнь снова покинула его лицо, оно осунулось, исхудало — стало почти таким же древним, как призрак Зарстора в Ином мире. Как будто и Марбон веками истощал разум и душу в борьбе, и только глаза его казались живыми.

Брикса колебалась. Двед не был ей ни другом, ни вассалом. Достигнет ли его призыв, посланный ее мыслями, хватит ли ей силы остановить его на пути в Тень у Последних Ворот? Но если Марбон зовет мальчика, она, может быть, сумеет усилить его зов — своей волей перелить в него новые силы?

— Зови! — снова приказала она. И сама собрала все силы, нацелив свою волю не на неподвижное, почти бездыханное тело, а в сердце камня, который держала сейчас у груди. — Зови Дведа!

Наверное, Марбон звал — безмолвно. Или это камень перенес Бриксу туда, куда не достигал голос? Ее — или ту ее часть, что скрывала твердую волю и негасимый дух, — подхватило, увлекло — не в страну тумана, куда ее перенесли, чтобы снять Проклятие. Нет, эти места были темнее, более зловещими, холодными, мрачными — здесь

обитало отчаяние.

— Двед!

Ее зов возник в мыслях, а не на губах. И беззвучная мысль звенела властным призывом.

Вниз… Брикса чувствовала, что погружается все глубже в мир смерти. Вокруг нее тускло колебались зеленоватые лучи, но они не могли отогнать ужаса.

— Двед!

Это был не ее мысленный призыв. Но, уловив его, Брикса поспешила подхватить. Перед ней протянулась зеленая нить, шнур ритмично мигавшего света. Другой его конец терялся вдали. Видеть внутренним зрением… Брикса о таком слышала, но никогда не верила, что это возможно.

— Двед!

Шнур туго натянулся. Надо было спасать… тянуть… Но такую нить не возьмешь в руки. Потому что здесь не было ничего телесного, не было и рук.

Брикса копалась в себе, силилась овладеть новым органом чувств, какого прежде в себе не подозревала.

— Двед!

И опять это был чужой голос — или чужая

мысль.

Шнур оставался туго натянутым, но движения в нем не было. Должен найтись путь! В прошлом Бриксы бывали времена, когда ее изнемогающая плоть, кровь и кости оказывались на краю смерти. Теперь… надо так же напрячь до отказа эту, новую часть ее существа. Так берут в руки новый инструмент или оружие — неизвестно, как с ним обращаться, но нужда заставит…

— Двед!

А это уже позвала она. И ей показалось, что имя прошло по шнуру волной, добавив ему крепости и силы. За ней погналась другая волна, не ее. В первый миг Брикса отпрянула, страшась слияния. Но, понимая, что только вместе они добьются победы, уступила.

Тянуть… тянуть этот шнур, направляющий Дведа в живой мир. Быть не просто якорем, удерживающим его в жизни, но и проложить ему дорогу к спасению.

Шнур… Яркая мысленная картина стала меняться. Вдоль шнура пробились золотисто-зеленые листочки, яркие, как драгоценный металл. Теперь шнур обернулся лозой — расти, тянись, — это дорога к жизни!

Мысль сомкнулась на лозе хваткой, крепче

послушных рук. Тяни…

— Двед!

Листок за листком лоза двигалась, возвращалась. Дергай!

— Двед!

Лоза исчезла — холодная тьма лопнула, как пузырь. Брикса снова была на свету, вернулась во время и на место. Двед лежал на руках Марбона. Мальчик был очень бледен, зеленоватый свет каменных стен придавал лицу мертвенный оттенок.

— Двед!

Марбон взял мальчика за подбородок, приподнял ему голову.

Ресницы затрепетали. Двед приоткрыл губы, медленно вздохнул. Медленно поднялись веки. Но глаза были слепые, смотрели в пустоту.

— Холодно, — еле слышно шепнул он. Обмякшее тело пробрала дрожь. — Как холодно…

У Бриксы дрогнули еще обнимавшие камень ладони. Поддавшись внутреннему толчку — и потому, что уже не осталось сил держать, она опустила камень на грудь Дведу, а своими руками стала растирать его вялые ладони. Кожа была холодной и влажной.

— Двед! — громко вскрикнул Марбон, когда

мальчик закрыл глаза. — Не уходи от нас, Двед! — Мальчик снова вздохнул. И чуть повернул голову, почти спрятав лицо на груди своего господина. — Двед! — Теперь в этом крике был страх.

— Он уснул… не умер. — Брикса скорее отшатнулась, чем отодвинулась от него. — Он и вправду вернулся к тебе.

«К тебе! — подумалось ей. — Не „к нам“. Разве ей есть место в их жизни?»

— Только твоей милостью и подмогой, Мудрая, — Марбон бережно опустил мальчика на пол.

Она видела лицо этого человека пустым, яростным, поглощенным страстью. Теперь он был другим. Она не сумела понять, какая мысль стоит в его глазах. Слишком устала, слишком изнемогла душой и телом.

— Я… не… Мудрая, — раздельно выговорила она, превозмогая боль усталости.

Ута прижалась к ней, замурлыкала, потерлась головой о плечо — по-другому ласкаться она не умела.

Девушка протянула руку за Проклятием, но не закончила движения. Волна темноты, взметнувшись, унесла ее за собой.

Кругом цветы, она лежит в благоуханном цве-

точном гнездышке. С веток над ней тоже свисают цветы. Она видит только жемчужную белизну лепестков, их точеное совершенство. Среди цветов вьются ярко-зеленые лозы. Брикса сонно подумала, что слышный ей шепот — это шорох цветов и лоз.

Шепот стал громче — и в нем прозвучал сладостный звон лютневых струн. Цветы и лозы пели…

Владенья Зарстора пусты,
Голым-голы поля,
Забыт хозяин, и никто
Не вспомнит, чья земля.
В гордыне Элдор честь забыл,
Его победа темна.
Пустыня и смерть награда ему,
Пока у власти Тьма.
Качнулись звезды в небесах,
И смертные враги
Плечом к плечу
Взглянули в лицо
Темной своей судьбы.
Бежала Тьма, забыт позор,

Вновь зелены поля
В кольце холмов,
Где с давних пор
Лежала мертвой земля.
И новый владетель при свете дня
Дорогу изберет.
И мирный путь земле его
Покой и мир несет.

Кое-как слепленные вирши — не искусная баллада сказителя.

Цветы раскачивались в такт, лозы колебались, перешептывались. Брикса устало закрыла глаза, наслаждаясь благоуханным покоем вдали от трудов, страхов и боли. Но сквозь песню, сквозь напев лютни властно прорвался голос:

— Брикса!

И новый владетель при свете дня
Дорогу изберет…

— Брикса!

Она вновь открыла глаза. Она лежала под открытым небом. Случайно шевельнув вытянутыми вдоль тела руками, ощутила под собой мягкую постель из травы. Она была не одна. Спра-

ва, поджав ноги, сидел владетель Марбон, слева — все еще бледный Двед. Ута, гревшая ей ноги, поднялась и зевнула.

Брикса наморщила лоб. Она точно была не здесь — нет, под куполом озерного города — последнее, что ей запомнилось.

— Ты… это ты пел? — неуверенно спросила она, оглянувшись на Марбона.

Тот покачал головой:

— Нет.

Увидев его улыбку, его взгляд и смягчившиеся черты, она, кажется, начала понимать привязанность Дведа к своему обезумевшему господину — готовность следовать за ним до самой смерти.

Дружба такого человека — дар, который нельзя отвергнуть.

— Это ты пела — во сне, — сказал он. — Или ты странствовала в иных краях, госпожа, где сны больше похожи на явь, а жизнь — всего лишь сон? Но сдается мне, твоя песня к добру. «И новый владетель при свете дня дорогу изберет. И мирный путь земле его покой и мир несет», — тихо повторил он, как желанное обещание.

— Какой земле, господин? — вмешался Двед.

— Земля, очищенная от Проклятия, снова свободна. Смотри, госпожа, как сбывается обещанное

в песне!

Брикса не успела шевельнуться — Марбон оказался рядом, поддержал ее за плечи. Она успела забыть, что люди умеют быть ласковыми и заботливыми. А в поддержке Брикса действительно нуждалась, потому что чувствовала себя совсем слабой, как после тяжелой болезни.

Так, опираясь на его руки, она огляделась кругом.

Ута приплясывала вокруг пробившегося из земли ростка. От этого колеблющегося зеленого стебелька волнами расходилась пышная зелень — Брикса впервые видела такие высокие, сочные травы. А на половине высоты ростка набухала блестящая красновато-коричневая почка.

Впервые Брикса своими глазами следила за ростом дерева. Вот стебель треснул, выпустив такой же блестящий стручок, не длиннее ее мизинца. И сам стебель на глазах набирал высоту, становился крепче, выбросил две ветви и не остановился на этом.

Молодая трава, разбегавшаяся от его корней, скрывала прежние тусклые заросли. А на двух ветках появились стручки поменьше. Это… это было дерево, в несколько минут впитавшее в себя годы роста!

— Как? Откуда? — Брикса ухватилась за руку Марбона.

— Оно растет из семени, вынесенного тобой из Ан-Яка, госпожа. Здесь мы похоронили Проклятие Зарстора. Но в нем больше нет зла. Зеленая магия, Мудрая.

Она хотела покачать головой, а получилось, что потерлась о его плечо.

— Я же сказала… я не Мудрая.

Теперь ей стало страшно — это был страх перед непостижимым.

— Не всегда мы выбираем Силу, — тихо ответил он. — Бывает, что Сила выбирает нас. Разве ты сумела бы сорвать цветок Белого Сердца, не будь у тебя наклонности к Зеленой магии? Я… я искал Проклятие ради его Силы, и его Тень накрыла меня, потому что я из про́клятого рода Зарстора и предназначенное ему зло сумело укорениться во мне, как это дерево укоренилось здесь, когда разрушилось черное зло прошлого. А ты не искала Силы и потому получила ее в дар. Разве Проклятие не лишилось Силы в твоих руках? Сотворенное тобой… я и вообразить не могу большего чуда.

Брикса снова покачала головой:

— Не мной сотворенное — это сделал цветок… И

еще последний выбор Элдора и Зарстора — когда они сошлись там и не сумели даже вспомнить, что связало их такой темной ненавистью.

Она вспомнила двух усталых людей, отвечавших на вопросы, вложенные ей в уста кем-то или чем-то… Может быть, самим Проклятием?

— Зарстора? — удивился он.

Брикса рассказала ему о двоих, требовавших у нее Проклятие, и как они под конец ушли вместе, сбросив узы, наложенные их же деяниями.

— И ты уверяешь, будто не владеешь Силой? — изумился Марбон. — Дело ведь не в том, откуда она исходит, а в том, на что ее обращают.

Девушка села, вырвавшись из его бережных рук.

— Я не хочу, — громко выкрикнула она, обращаясь ко всем, кто был рядом, — больше к невидимому, чем к Марбону, Дведу и Уте.

Стремительно растущее деревце было уже не просто проростком. Ветви его окрепли и склонялись к ней, отягощенные наливающимися бутонами. Едва Брикса выкрикнула свой отказ, первый, самый большой бутон лопнул. Раскрылся цветок — белый, совершенный. Был день, высоко стояло солнце, а он расцвел!

Брикса моргнула, еще раз моргнула. Отрицать

того, что видели ее глаза, не приходилось. «Плод Проклятия», — сказал Марбон. Брикса прикусила губу. Принесенный ею цветок — тот, увядший в туманной стране, — дал жизнь вот этому? Пришлось поверить, ведь доказательство было перед глазами. Новые мысли, новые чувства шевельнулись в ней — завораживающие и пугающие. Быть может, она в самом деле была отмечена в ту ночь, когда Куниггуда привела ее в святилище Древних — в Место мирного покоя?

— Что же мне тогда делать? — слабым голосом спросила она, не ожидая ответа, но зная, что услышит.

— Принять Дар.

Марбон встал, широко раскинул руки, обратил лицо к небу:

— Землю Зарстора убило Проклятие. Может быть, оно слишком долго пробыло в Тени, чтобы снова пробудиться.

Он обернулся к стенам в чаше озера:

— Ан-Яка больше нет. Но его можно отстроить…

Снова подал голос Двед:

— А как же Иггарсдейл, господин?

Марбон медленно покачал головой:

— Нам к нему не вернуться, приемный сын.

Иггарсдейл остался позади — в пространстве и времени. Теперь это наше…

Брикса перевела взгляд на деревце. Оно уже переросло Марбона. У него — не то что у дерева, под которым она провела первую ночь в Пустыне, — ветви не перекручивались, не сплетались друг другом, а загибались кончиками вверх, расходясь вширь, чтобы видеть чистое небо и укрывать густую свежую траву под собой.

— Наше?..

Не сознавая, что делает, она протянуло к дереву правую руку. Первый цветок отломился от ветви. Ветер не гладил ей щеку, не ерошил волосы, но цветок плыл как по ветру и опустился в ладонь. Быть может, отозвался на молчаливое пожелание, как Ута (конечно, если была поблизости) приходила на зов?

Наше!

Брикса, держа цветок в ладони, вдохнула его аромат. Прошлое упало с плеч, как износившаяся одежда. Его больше нет — мир переменился, как переменилось Проклятие Зарстора, превратившись в это чудо.

Тайны Колдовского мира

Паучий шелк[3]
Рассказ

1

В год Кобольда Большая буря пришла поздно, много позже обычного месяца Бурь. Все это было частью того зла, которое Стражи навлекли на Эскарп, призвав все подвластные им Силы, чтобы исказить облик самой земли и закрыть проходы от вторжения карстенцев.

Рэннок был беззащитен перед свирепостью бури. Правда, сны-предупреждения, которые прислала Мудрая Ингварн, увлекли женщин и детей в горы, откуда они с трепетом следили, как море штурмует побережье. Волны вздымались так высоко, что кипящая вода подступала к верхней

---

[3] Примечания: 3
Перевод Г. Соловьевой.

террасе Змеиного Зуба. Там, в щелях между скалами Тора, готовились к гибели скорчившиеся в безумном ужасе беглецы из селения.

Что до рыбацкого флота, ушедшего накануне в море, кто бы мог теперь ожидать его возвращения иначе как обломками, которые наигравшиеся волны выкинут на сушу?

Спаслась лишь горстка стариков и мальчиков, да еще один-двое таких, как сельский кузнец Хердрек Кривоногий. Ведь Рэннок за годы опустошившей Эсткарп войны лишился многих мужчин. На севере коршуном, готовым сорваться на беззащитного соседа, угнездился Ализон, на юге кипел и бурлил Карстен — если за заваленными горными перевалами еще остались живые.

Мужчины — те, кто ушел со Стражами Границ под знаменем лорда Саймона Трегарта или встал под стяги колдуний Эса, — где они теперь? Семьи давно не надеялись на их возвращение. В этой земле не видели прочного мира с тех пор, как был зеленым юнцом старик Набор (а тот насчитывал более сотни годов).

И сейчас не кто иной, как Набор, наперекор ветрам встал на Торе плечом к плечу с Ингварн. Они оба тревожно вглядывались в море. Набор не верил, что она все еще ждет возвращения

рыбаков, хотя и знал, как дальновидна Мудрая.

Волны росли, колотили в скалы гигантскими кулаками.

Набор разглядел близ ужасных клыков Змея метавшийся на волнах корабль. И вдруг огромный бурун перебросил его через грозные рифы в бухту, где было сравнительно тихо. Во вздохе Набора слышалось облегчение моряка, ставшего свидетелем чуда: жизнь вырвалась из зубов смерти. Не говоря о том, что Рэннок имел право подбирать выброшенное штормами. Если корабль уцелел до сих пор, тот, кто доставит его с грузом на берег, получит право на богатство. Обернувшись к гротам Тора, он уже собирался ободрить Хердрека и остальных обещанием богатой добычи.

Но тут Ингварн повернулась к нему. Их взгляды встретились сквозь пелену дождя. В холодных глазах Мудрой было предупреждение.

— Один…

Набор видел, как шевелятся ее губы, но остальных слов за ревом ветра и моря не разобрал.

В тот же миг раздался грохот, подобный раскату грома, хлестнула молния. Чужой корабль, осиливший грозные рифы, выбросило носом на берег и теперь добивало ударами прибоя.

К ним, волоча ногу, приблизился Хердрек.

— Пират, — заметил он, дождавшись, пока ненадолго притихнет ветер. — Как бы не из морских волков Ализона.

Он плюнул в сторону разбитого корабля.

Ингварн уже спешила по скользким скалам к берегу — не боялась споткнуться, будто ее гнало дело огромной важности. Хердрек предостерегающе крикнул вслед, но Мудрая даже головы не повернула. Проклиная женскую дурь и от души желая Мудрой удержаться, кузнец заторопился за ней, и двое мальчишек увязались следом.

К тому времени, как они спустились на береговую полосу, сила шторма иссякла. Прибой накидал вокруг потерпевшего крушение судна груды водорослей. Хердрек обвязался вокруг пояса веревкой и мрачно велел спутникам держать покрепче. После чего окунулся в буруны и по свисавшему петлями такелажу взобрался на борт.

Палубный люк был крепко закупорен, притянут веревкой. Хердрик ножом перерезал крепление.

— Хо! — гулко отозвался в трюме его голос. — Есть кто внизу?

Ему ответил тонкий голос — тонкий, как голос морской птицы вроде тех, что уже скользили над притихшими волнами, радуясь принесенному штормом богатому угощению.

Однако кузнец думал не о птицах. Он неловко, оберегая больную ногу, спустился в вонючий трюм. От увиденного там у него рвота подступила к горлу, и он в глухой ярости проклял хозяев корабля. Судно принадлежало работорговцам — о таких в Рэнноке знали только по рассказам — и несло живой груз.

Из всего этого груза выжил только один. Одна. Хердрек бережно вынес ее из ужасной темницы. У малышки кожа обтягивала кости рук как перчатки, а в больших серых глазах стояла пустота. Ингварн как хозяйка клана и домашнего очага приняла девочку у кузнеца, завернула хрупкое дрожащее тельце в свой теплый плащ.

В Рэнноке так и не узнали, откуда родом Дайрин. Известно было, что работорговцы ведут охоту по всем берегам. А еще в поселке скоро узнали, что малышка слепа. Ингварн, при всех ее познаниях в травах и наговорах, при всем умении вправлять кости и зашивать раны, только грустно покачала головой, сказав, что слепота ее не от болезни тела. Нет, глаза девочки, должно быть, видели такие ужасы, что разум ее закрылся и не желал больше ничего видеть.

Она и не говорила, хотя насчитывала по виду шесть или семь зим, и только страх достался на

ее долю. Женщины Рэннока не отказывались утешить ее, но в глубине души охотно предоставили бы это Ингварн, хотя та, на их взгляд, обращалась с девочкой странно. Она как будто вовсе не пыталась облегчить ребенку жизнь. Напротив, с первого дня Ингварн держала найденыша в строгости, не как увечную и слабоумную, а как если бы та была деревенской девочкой, отданной ей в суровое учение.

В те годы в Рэнноке было мало радостей. Пасть бури поглотила добрую половину рыбацких суденышек. И купцы не посетили в том году побережья. Следующую зиму прожили впроголодь. Но в те мрачные дни Дайрин впервые проявила свое искусство. Да, глаза ее были слепы, зато пальцы чутки, и она так ловко чинила рыбацкие сети, что удивляла взрослых опытных женщин.

А на следующую весну, когда селяне шелушили головки локвусов, вылущивая семена для нового посева, Дайрин принялась сучить и свивать в ниточки тончайшие волокна, выстилавшие плод изнутри. Ингварн попросила Хердрека сделать для нее веретёнце и показала Дайрин, как с ним обращаться.

И ее уроки пошли девочке впрок. Маленькие, как птичьи коготки, пальчики тянули нить

несравненной тонкости, почти без узлов, что не удавалось ни одной из деревенских женщин. А ей и того было мало, она старалась сделать пряжу все тоньше, все ровнее.

Мудрая учила приемыша не только прясть, но и, руководствуясь осязанием и чутьем, работать с травами. Заклинания и наговоры — непременная часть искусства Мудрых — давались Дайрин легко. Она быстро усваивала их, но и тут ей все не терпелось двигаться дальше. Как она злилась на себя, когда ошибалась! И больше всего, когда тщетно силилась объяснить людям, какой инструмент или средство ей требуется.

Ингварн поговорила с Хердреком (который стал теперь деревенским старейшиной), сказав, что, возможно, искусство Мудрой способно отчасти восстановить утраченную Дайрин память. На вопрос, почему она не говорила об этом раньше, Ингварн серьезно ответила: «Дитя не нашей крови и была пленницей морских волков. Вправе ли мы возвращать ее к ужасному прошлому? Что, если Гуннора, оберегающая всех женщин, лишила ее памяти из жалости? Если так…»

Кузнец, прикусив большой палец, смотрел, как Дайрин расхаживает вокруг ткацкого станка, который он смастерил по ее просьбе. Девочка

то и дело досадливо хлопала ладонью по раме. Она как будто пыталась силой желания согнуть неподатливое дерево иначе — так, чтобы лучше служило ее замыслу.

— Мне кажется, она с каждым днем все несчастнее, — медленно согласился он. — Поначалу она казалась довольной. А теперь все больше походит на запертую в клетке снежную кошку. Не нравится мне видеть ее такой.

Мудрая кивнула:

— Хорошо. Сдается мне, это верное решение.

Ингварн подошла к девочке, взяла за обе руки и развернула так, чтобы заглянуть в слепые глаза. При ее прикосновении Дайрин застыла.

— Оставь нас, — властно приказала Мудрая кузнецу.

Под вечер того же дня Дайрин зашла к Хердреку в освещенную огнем горна кузницу. Она уверенно подошла к кузнецу. Слух ее был так тонок, что девочка нередко поражала деревенских, узнавая их без помощи глаз. Сейчас она протянула к нему руки, как к любимому отцу. И он понял, что все хорошо.

К середине лета отцвели и уронили лепестки локвусы. Дайрин часто уходила в поле, ощупывала плоды. Иногда она пела на странном,

незнакомом языке, веселя и лаская цветы, как детей (только что были ростом по колено — и вот уже до плеча).

Хердрек по ее указаниям переделал ткацкий станок. Ингварн открыла ей тайну красок, и девочка сама стала делать опыты. В вымирающей деревне было мало детей, и среди них Дайрин не нашла настоящих подруг. Сначала потому, что редко выходила из дома без Ингварн, которую побаивались. Затем потому, что вела себя странно и казалась серьезнее и взрослее своих лет.

На шестом году после ее прибытия в Рэннок пришел корабль из Сулькара — первое чужое судно после крушения работорговца. Капитан принес весть, что война наконец окончена.

Пришельцы из Карстена, истощившие силы правителей Эсткарпа, были разбиты наголову. Полководцем Эсткарпа стал теперь Корис из Горма, потому что из Стражей Границ, которые обратили всю свою мощь против врага, выжили немногие. Да и покоя на земле пока не было. Корабли потрепанного и разбитого карстенского флота пристали к морским волкам, рыскавшим вдоль побережья, да еще и волчьи головы — бандиты и наемники, не знавшие родины и верности, — как всегда бывает в смутные време-

на, терзали землю. Правда, войска Кориса, как могли, обороняли границы, но их не хватало против множества налетчиков, наносивших внезапный удар, чтобы тут же обратиться в бегство.

Сулькарский капитан залюбовался вытканным Дайрин полотном и, торгуясь с Ингварн, предложил за него деньги, каких не думал потратить в этой захолустной деревушке. Заинтересовался он и самой девочкой, с которой пытался заговаривать поочередно на разных языках. Она, однако, отзывалась только на язык Эсткарпа, объясняя, что другие ей не знакомы.

И все же в разговоре наедине он сказал Ингварн, что в своих путешествиях встречал людей, похожих на Дайрин, только не может сейчас вспомнить где и когда. И он был уверен, что девочка — не из простых.

Годом позже Мудрая сделала для подаренной морем приемной дочери лучшее, что было в ее силах. Сколько лет Ингварн, никто не знал, потому что годы не сказывались на ней, как на других, не столь умудренных в науке трав и снадобий. И все же ходить она стала медленней и теперь посещала Места Силы не одна, а брала с собой Дайрин. Чем они там занимались, никто не знал, ведь кто посмеет подглядывать за женщинами с

колдовским Даром?

В тот день в море перед рассветом ушли несколько рыбацких лодок. Ночью накануне, едва взошла луна, Мудрая с воспитанницей ушли от берега к одному очень древнему месту. Здесь Ингварн затеплила огонек, и он загорелся не природным красным, а скорее голубым светом. В разгоревшийся костер она стала бросать туго завязанные узелки с сухими травами, и от огня повалил душистый дым. Но смотрела Мудрая не на огонь, а на каменную плиту за плечом воспитанницы. Камень этот был гладким как стекло и отливал сталью хорошего меча.

Дайрин стояла чуть позади Мудрой. Ингварн за прошедшие годы обучила ее заменять утраченное зрение другими чувствами, так что ее пальцы были как десять глаз, а ноздри и уши улавливали запахи и звуки, недоступные обычному человеку. Но в такие минуты, как эта, ей было до слез жаль утраты, и капли слез тихо катились по ее щекам. Ингварн дала ей многое. И все же Дайрин не стала своей в Рэнноке, и одиночество часто тяготило ее, как тяжелый, неудобный плащ. Сейчас же девочка почувствовала, что Ингварн задумала что-то переменить. На то, что перемена подарит ей возможность видеть, как все… нет, на это она

не надеялась.

Она ясно слышала пение Мудрой. Запах горящих трав наполнял ноздри, время от времени заставляя хватать воздух ртом. Потом прозвучал приказ — не словами и не легким прикосновением к руке или плечу. Он ворвался прямо в сознание, и Дайрин шагнула вперед, распластав десять пальцев по вздрагивающей поверхности каменной плиты. Она была теплой, почти обжигающей и пульсировала, билась в одном ритме с ее сердцем. И все же Дайрин не сошла с места, между тем как пение Мудрой отдалилось от нее, как будто девочку уносило куда-то от приемной матери.

Затем она ощутила внутренний ток от поверхности под руками — тепло от нее расходилось по ладоням к локтям и плечам. Все слабее звучали мольбы, которые возносила за нее Ингварн, обращаясь к чуждым, полузабытым Силам.

Понемногу тепло пропало. И Дайрин никогда не могла сказать, сколько она простояла так, сливаясь с гладкой поверхностью. Только что в конце концов руки ее упали, отяжелев, и не было сил поднять их снова.

— Что свершилось — свершилось, — утомленно прозвучал голос Ингварн. Очевидно, она устала

не меньше девочки. — Я отдала все, что имела, тебе в Дар. Ты и впредь будешь слепа в глазах людей, но тебе дано другое зрение, доступное немногим. Используй его на благо, дочь моя.

После того дня разошлась весть, что Дайрин наделена странным Даром «видеть» руками. Взяв в руки любую вещь, она могла рассказать о ее создателе и определить, когда и как она была сделана. Обрывок шерсти, вложенный ей в пальцы пастухом, позволял определить, куда забрела тощая горная овечка из его стада.

Только одного она не бралась предсказывать, потому что набрела на эту тайну лишь по случаю. Однажды на пляске осеннего урожая Дайрин взяла за руку малышку Хульду. И тут же выпустила детские пальчики, расплакалась и бросилась к дому Ингварн, спряталась там от всех. Месяц спустя Хульда умерла от лихорадки. С той поры девочка остерегалась прибегать к своему новому зрению, а если бралась предсказывать, видно было, как мучит ее страх.

А в год Огненного Змея, когда Дайрин превратилась в юную женщину, внезапно умерла Ингварн. Словно предвидя еще один возможный конец, она призвала смерть, как призывают слугу, чтобы тот выполнил приказ.

Дайрин не была настоящей Мудрой, однако взяла на себя многие труды приемной матери. А через месяц после похорон Ингварн вернулся сулькарский корабль.

Капитан, выкладывая жителям забытой деревушки известия из большого мира, то и дело обращался взглядом к Дайрин, которая, и слушая его рассказ, не выпускала из рук прялки. Воистину, она выделялась среди жителей деревни: ни у кого не было таких серебряных волос и светящихся серебром глаз.

Сиббальд Ортис, Сиббальд Другая Рука — это имя он получил, когда кузнец заменил ему утраченную в морском сражении руку новой металлической, — вот кто был этот капитан. Он был молод и недавно стал командовать кораблем, но всю жизнь, по обычаю своего народа, провел в море.

— На земле, — рассказывал он, — установился какой-никакой мир. Корис Гормский правит в Эсткарпе крепкой рукой. Вторжение Ализона в заморские страны было отбито. А в Карстене воцарился хаос, князья и лорды восстали один против другого, морских же волков выслеживают поодиночке и расправляются с ними без пощады.

Ясно дав понять, что он явился в Рэннок как честный купец, капитан приступил к торговле. Есть ли у них что на продажу, что достойно занять место в трюме его корабля? Хердреку стыдно было показывать чужеземцам их бедность. А руки у него словно сами тянулись к орудиям и оружию, что были в ходу у корабельщиков. Но что мог предложить Рэннок? Вяленую рыбу, запасенную на зиму, да несколько мотков пряденой шерсти.

Деревенским с трудом удалось собрать даже дары гостеприимства, угостить гостей пристойным пиром. Но отказать в этом означало бы презреть заветы предков.

Дайрин, слушая капитана, жалела, что не осмеливается коснуться руки человека, плававшего в такие дали и так много повидавшего. И еще в ней зарождалось желание сойти с узких исхоженных дорог Рэннока, повидать широкий мир. Пальцы ее прилежно сучили нить, но мысли были далеко.

А потом она ощутила стоящего рядом человека и чуть подняла голову. К запаху просоленной морем кожи примешался незнакомый запах сулькарца.

— Искусно ты прядешь, девушка.

Она узнала голос капитана.

— Это мое ремесло, господин капитан.

— Мне говорили, что судьба была к тебе жестока.

Он не щадил ее чувств, но такой прямотой понравился ей еще больше.

— Не так, господин капитан. Люди Рэннока были добры ко мне. А их Мудрая воспитала меня. И, хотя глаза мои закрыты для мира, руки служат мне хорошо. Вот, суди сам! — С этими словами она поднялась с табурета, заткнула за пояс веретено.

Дайрин привела его в свою хижину, пропитанную сладким запахом трав. И указала на сделанный Хердреком станок.

— Как видишь, господин капитан, я, хоть и слепа, не сижу без дела.

Она знала, что в незаконченном полотне нет изъяна.

Ортис долго молчал. А потом она расслышала его изумленный вздох:

— Какая тонкая ткань! Какое совершенство цвета и узора? Как это сделано?

— Вот этими двумя руками, господин капитан, — рассмеялась Дайрин. — Если ты дашь мне какую-нибудь свою вещицу, я покажу, что мои пальцы могут заменить глаза.

Внутреннее волнение подсказало ей, что в ее

жизни настал важный момент. Она услышала легкий шорох материи, и к ее протянутой руке прильнула шелковистая ткань.

— Расскажи мне, — велел капитан, — откуда это и как сделано.

Пальцы девушки пробежали по ленточке из конца в конец.

Ткань — да. Но ее «зрячие пальцы» не рисовали картину человеческих пальцев с челноком. Нет, то, что соткало эту ткань, представилось ей странно уродливым. И столь проворны были сновавшие над тканью члены, что в сознании Дайрин они расплывались смутным пятном. Да, это соткала не женщина. Но женственность в ней была — мощная, почти свирепая женственность.

— Паучий шелк! — Она не сознавала, что говорит вслух, пока не услышала собственного голоса. — Но ткал не совсем паук. Ткала женщина, но все же не женщина.

Она поднесла ленту к щеке. Чудесный шелк разжег в ней жажду узнавать еще и еще.

— Ты права, — ворвался в ее мысли голос капитана. — Это ткань из Устурта. Тот, кто доставит хотя бы два мотка такой, наживет втрое против плаваний с обычным грузом.

— Где это — Устурт? — жадно спросила Дайрин.

Если бы попасть туда, научиться всему, что ей по силам! — Кто это ткал? Я вижу ткачих, не похожих на наших.

И снова она услышала шелест резкого вздоха.

— Увидеть этих ткачих, — тихо произнес капитан, — смерть. Они ненавидят весь человеческий род.

— Не так, господин капитан, — возразила ему Дайрин. — Не людей они ненавидят, а одних только мужчин.

Это знание пришло к ней от полоски ткани в пальцах.

Минуту Дайрин молчала. Поверит ли ей капитан?

— Так или иначе, по доброй воле никто не поплывет в Устурт, — ответил он. — Эту ленточку я получил от человека, который едва унес оттуда ноги. Он недолго прожил у нас на борту после того, как мы выудили его с полузатопленного плота.

— Капитан… — Дайрин погладила шелк. — Ты сказал, эта ткань — настоящее сокровище. Мой народ беден и нищает с каждым днем. Разве не хорошо будет узнать секрет такой ткани?

Он выдернул ленточку из ее пальцев:

— Это невозможно.

— Но почему же? — Слова у нее от нетерпения набегали одно на другое. — Это соткала женщина — или существо женского пола. Почему бы им не принять к себе женщину — особенно уже умеющую ткать?

Большие мозолистые руки легли ей на плечи.

— Девочка, я за все золото Карстена не отправлю женщину в Устурт! Ты не понимаешь, о чем говоришь. Правда, тебе даровано большое искусство. Но ты не Страж, и ты слепа. Твой замысел безумен… Да, Видрут, что такое?

Дайрин еще раньше услышала вошедшего.

— Прилив подступает. Нам бы, капитан, до утра лучше выйти за рифы.

— Верно. Что ж, девочка, да будет твоим щитом Десница Лракена. Когда корабль зовет, капитан не медлит.

Она не успела даже пожелать ему удачи — капитан вышел. Дайрин, отступив назад, опустилась на жесткую скамью у станка. Руки у нее дрожали, на глазах выступили слезы. Она чувствовала себя ограбленной, словно в руки ей вложили сокровище и тут же отняли. Девушка не сомневалась, что чутье не обмануло ее, что если кто и в силах вызнать секрет Устурта, так только она.

Теперь сотканная ею на ткацком станке ткань

казалась ей грубой, уродливой. В голове у нее застряло странное видение: лесная чаща, где между деревьями протянулись огромные искристые паутины.

В открытую дверь ворвался ветер с моря. Дайрин подставила ему лицо, позволила трепать волосы.

— Девушка!

Она вздрогнула. За песней ветра даже ее чуткие уши не услышали шагов.

— Кто ты? — быстро спросила она.

— Я Видрут, девушка, помощник капитана Ортиса.

Она торопливо поднялась:

— Он передумал?

Она не видела других причин искать ее.

— Верно, девушка. Он ждет нас. Дай мне руку… вот так.

Ее ладонь стиснули сильные пальцы. Она хотела выдернуть руку. Что-то было не так с этим человеком. Но откуда ни возьмись на нее упал большой плотный плащ, окутал ее, лишив возможности отбиться. В ноздри ударил нечистый запах, но хуже всего было то, что Видрут перебросил ее через плечо как какой-нибудь тюк с товаром.

2

Плащ глушил все чувства, но она не сомневалась, что ее принесли на судно. Дайрин напрягала слух и чутье. А вот в мыслях она не могла разобраться. Почему капитан Ортис так горячо и искренне (она читала искренность в его прикосновении) отказался ее взять? И почему тогда ее захватил его помощник — похитил, как пираты похищают женщин прибрежных селений? Она точно знала, что сулькарцы не занимаются работорговлей. Так почему же?

Наконец ее выпутали из плаща. Она нетерпеливо втянула в себя воздух, но — увы! — он был не свежий, а такой вонючий, что она от одного запаха почувствовала себя запачканной. Она подумала, что ее тюрьма, должно быть, находится глубоко в чреве корабля.

— Зачем ты это сделал? — спросила она у мужчины, чье дыхание слышала рядом.

— Приказ капитана, — ответил он, пригнувшись так близко, что она не только обоняла его нечистое тело, но и чувствовала исходящее от него тепло. — У него меткий глаз, у нашего капитана. Кожа у тебя гладкая, приглядная девка.

— Оставь ее, Вак! — прозвучал голос Видрута.

— Есть, капитан, — со скрытой насмешкой отозвался тот. — Вот она, целехонька.

— И такой останется, Вак. И не такому, как ты, ее лапать. Пошел вон!

Вак заворчал, словно готов был оспорить право Видрута ему приказывать. Потом ухо Дайрин уловило звук закрывающейся раздвижной двери.

— Ты не капитан, — заговорила она в повисшем между ними молчании.

— У нас власть переменилась, — огрызнулся он. — Нашему капитану в последние месяцы не слишком везло. Когда мы узнали, что он отказался от идущей в руки удачи, его…

— Убили!

— Вот уж нет. Думаешь, мы хотим кровной вражды со всем его кланом? Сулькарцы не прощают тех, кто выпустил красную жизнь из жил их братьев.

— Не понимаю. Вы все сулькарцы.

— А вот и нет, девочка. С тех пор как они владели морскими волнами, мир переменился. Они вступили в бой с Кольдером и в этой войне сломили кольдерскую власть, но и своих слишком многих потеряли — отпустили в Великую Тайну. Да, они дрались с Кольдером, они штурмовали

Горм. А потом очищали море от морских волков Ализона. Мало, мало их осталось. Теперь, чтобы вывести корабль из порта, им приходится брать не только своих, иначе некому будет поднимать паруса и держать курс. Нет, мы не убили Сиббальда Ортиса, он нам еще пригодится. Но он накрепко заперт.

А теперь к делу, девочка. Я слышал твой разговор с Ортисом. И многое узнал о тебе от голодного рэннокского люда. Ты обладаешь многими Дарами Мудрой, но не можешь воззвать к полной Силе, потому что слепа. Ты сама сказала: если устуртские дьяволицы кого и примут, так только тебя.

Паучий шелк, ты подумай, девочка! Ты щупала тот клочок, что достался Ортису. И ты, если рэннокцы не плетут околесицу, на многое способна. Я им верю. Такой шанс выпадает раз в жизни, и то не каждому.

Она расслышала в его голосе алчность. Может быть, его жадность послужит ей защитой? Видрут будет ее охранять. По тем же причинам, по которым сохранил жизнь Ортису.

— Зачем же ты, если слышал мои слова, захватил меня таким образом? Должен был понимать, что я пойду своей охотой.

Он расхохотался:

— Ты думаешь, эти береговые недоумки тебя бы отпустили? Когда три четверти Стражей мертвы, их Мудрая в могильной яме — и чтобы они уступили нам хотя бы твой малый Дар? Теперь на земле каждая крупица Силы стала редкостью. Да и ладно. Они охотно примут тебя обратно, когда ты выведаешь секреты Устурта. Если ты к тому времени не передумаешь к ним возвращаться.

— Но откуда тебе знать, что я буду трудиться в Устурте тебе на пользу?

— Да ведь ты не захочешь, чтобы им выдали капитана? Они неласково обращаются с пленниками. — За его словами стоял страх — страх перед рвущимся на волю ужасом. — К тому же, если не будешь делать, как мы велим, мы просто отчалим и оставим тебя в Устурте до конца твоих дней. Корабли туда по доброй воле не заходят. Ты можешь прожить долго, девочка, — одна среди чужих тварей — подумай об этом!

Помолчав немного, он добавил:

— Сторгуемся, девочка, и я клянусь выполнить договор. Ты разбираешься с ткачихами, а мы отвозим тебя обратно в Рэннок или куда захочешь. И даже капитана с тобой отпустим. Никакой беды с вами не случится. И часть шелка достанется

тебе. Да за него ты купишь весь Рэннок, станешь всему хозяйкой!

— Еще одно… — Дайрин вспомнила Вака. — Смотри, чтобы твои люди со мной не вольничали. Ты знаешь, что тогда станется с тем Даром, которым я владею.

В ответе Видрута прозвучала скрытая угроза, но грозил он не ей.

— Всем известно, что Дар покидает женщину, спознавшуюся с мужчиной. Никто тебя не тронет.

— Да будет так, — ответила она с внешним спокойствием, которое нелегко ей далось. — У тебя есть тот шелк? Дай мне, чтобы я научилась, чему сумею.

Она услышала, как хлопнула дверь. Когда звук затих, она протянула руки, чтобы исследовать свою тюрьму. Каютка была мала — койка у стены, табурет, кажется привинченный к полу, и все. Неужели и капитана Ортиса заперли в такой же дыре? И каким образом Видруту удалось его одолеть? По краткому знакомству с капитаном ей представлялось, что он не из тех, кто так просто сдается врагу.

К тому времени, когда Видрут вернулся, чтобы бросить ей в ладони ленточку, Дайрин смирно

сидела на табурете.

— Изучай сколько хочешь, — поощрил он ее. — До Устурта нам плыть два дня, если ветер будет и дальше благоприятствовать. Еду, воду и прочее, чего пожелаешь, тебе принесут, и у дверей будет охрана, чтобы тебя не беспокоили.

Держа ленточку в руках, Дайрин сосредоточилась на том, что могла рассказать ей ткань. Относительно Видрута она не обманывалась. Для него и остальных она была лишь орудием. Пожалуй, из-за слепоты он мог ее недооценить, что бы ни наговорили ему про ее Дар и Силу. Дайрин не раз сталкивалась с этим в прошлом.

Девушка сознательным усилием закрылась от мира, замкнула слух от скрипа балок и плеска волн, а нос — от множества оскорблявших его запахов. И снова ее «зрение» обратилось внутрь. Она видела голубоватые «руки» (не совсем руки), снующие над тканью. Ясно и ярко видела цвета, которые не могла описать словами. Ведь материя перед ее глазами была не одноцветной полосой, а переливалась от оттенка к оттенку.

Теперь Дайрин попыталась отвлечься от мерцания красок, чтобы увидеть станок, с которого сходила ткань. Ей представились высокие темные станины. Но не выглаженные столяром

столбики — нет, они были неровными, как кора — кора живых деревьев.

А руки… теперь сосредоточься на движении рук ткачихи.

Но едва девушка добралась до этого места, ее отвлек стук. Она в досаде обернулась к двери каморки:

— Входи!

Снова заскрипели петли, протопали сапоги, запахло мокрой от брызг кожей одежды и мужчиной. Вошедший смущенно прочистил горло:

— Госпожа, вот еда.

Она навернула ленточку на запястье и протянула руку, ощутив вдруг голод и жажду.

— Позволь, госпожа…

Он вложил ручку чашки ей в правую руку, поставил миску на ладонь левой.

— Вот ложка. У нас только корабельный эль, госпожа, и мясная похлебка.

— Благодарю, — отозвалась она. — А как тебя зовут, моряк?

— Ротар, госпожа. У меня щит без герба, и я не настоящий моряк. Но когда не знаешь другого ремесла, кроме войны, все равно, за какое дело браться.

— Однако в этом деле ты начинаешь сомне-

ваться?

Дайрин опустила кружку на пол прямо между своими стоптанными сандалиями. И взяла его руку, удержала, чтобы прочитать. Ей думалось, что нельзя упускать случая побольше узнать о сторонниках Видрута, а этот Ротар показался ей человеком не того замеса, что Вак.

— Госпожа… — тихо и торопливо произнес он, — говорят, ты понимаешь в травах. Отчего же Видрут не отведет тебя к капитану, не попросит распознать, что за внезапная болезнь его свалила?

Рука, которую держала Дайрин, говорила о юности — и желания обмануть она в ней не ощутила.

— Где же капитан? — так же тихо спросила она.

— В своей каюте. Он в горячке и бредит. На него словно порчу навели, и…

— Ротар! — рявкнул из-за двери другой голос. Тот выдернул у нее руку, но Дайрин успела ощутить вспышку страха.

— Я обещал, что тебя никто не потревожит. Что выкинул этот щенок? — резко спросил Видрут.

— Ничего. — Дайрин сама удивилась, как спокойно прозвучал ее голос. — Он был очень добр,

принес мне еду и питье, а я в них очень нуждалась.

— Принес, и иди себе, — приказал Видрут. — Ну! — Она услышала, как за парнем закрылась дверь. — И что ты, девочка, узнала от этого клочка шелка?

— У меня было мало времени, господин. Не торопи, я должна его изучить.

— Смотри же, — велел он и тоже вышел.

Ротар больше не приносил ей еду. Однако слова юноши о капитане заставили Дайрин задуматься. Из слов Видрута она поняла, что вся команда поддержала заговор старшего помощника и готова плыть в Устурт. Она сама знала, как вызвать лихорадку, подсыпав кое-какие травы в еду или питье. Если бы ей увидеть капитана, она бы распознала отраву. Но как ей выбраться из этой каморки? Изредка, всегда неожиданно, заходил Видрут, выспрашивал, о чем еще рассказала ей шелковая ленточка. Его жадные расспросы порой пугали ее почти до потери самообладания. Наконец она сказала то, что представлялось ей правдой.

— Разве ты не слышал, капитан, что Дар не дается насильно? Я вычитала из этого шелка все, что могла. Но ткань эта создана непохожим на нас племенем. В чужой природе не так просто

разобраться. Как я ни старалась, не сумела увидеть мысленного образа этого народа. Ясно я вижу только, как ткали ленту. — Не дождавшись ответа, Дайрин продолжала: — Это путь разума, а не тела. По такому пути ползешь, как не вставший на ноги младенец, а не бежишь, как взрослый.

— У тебя остался неполный день. До заката мы увидим Устурт. Я знаю о колдовстве его жителей только по слухам, а слухи искажаются, переходя из уст в уста. Помни, девочка, от твоего «зрения», может быть, зависит твоя жизнь.

Она услышала его удаляющиеся шаги. Ленточка уже не казалась ей мягкой и легкой. Она обрела тяжесть рабских цепей, навязанных чужой волей. Дайрин съела корабельную галету с принесенной Видрутом тарелки. Время и вправду истекало, а она не добилась больших успехов.

Нет, теперь она ясно представляла себе станок и шелк, возникающий под летучими пальцами. Но тело за руками ткачихи оставалось для нее невидимым. И, как ни старалась, она не сумела уловить характера их обладательницы.

Капитан Ортис — он тоже появлялся в видениях, ведь он касался ленты. Как и Видрут. И кто-то третий, далекий, скрытый черной тучей страха. День сейчас или ночь? Она потеряла счет

времени. Но что корабль еще бежит по ветру, она чувствовала.

А потом… она была уже не одна. А ведь не слышала скрипа петель! Насторожившись, съежившись на табурете, Дайрин напрягла слух.

— Госпожа?

Ротар! Но как же он вошел?

— Зачем ты здесь?

Чтобы выговорить эти слова, Дайрин пришлось смочить губы языком.

— Они хотят высадить тебя на берег Устурта, госпожа! Капитан Ортис — он вышел, опираясь на руку Видрута, и весь дрожал. Он ничего не приказывал — это Видрут приказал. Госпожа, тут большое зло — мы идем в Устурт, и Видрут командует… так не должно быть.

— Я знаю, что мой путь лежит в Устурт, — возразила она. — Ротар, если ты еще верен своему капитану, знай, что он такой же пленник Видрута, как и я. И если я не исполню воли Видрута, случится большая беда… смерть…

— Ты не понимаешь, — сдавленно прозвучал его голос. — Это земля чудовищ. Говорят, от одного их вида мужчина сходит с ума!

— Но я-то их не увижу, — напомнила ему Дайрин. — Сколько у меня времени?

— Считаные минуты.

— Где я и как ты сюда попал?

— Ты в кладовой для корабельной казны под каютой капитана. Я добрался к тебе через отдушину сразу, как Видрут вывел капитана из каюты. Они сейчас заняты, высматривают проход через рифы.

— Ты мог бы провести меня в каюту капитана?

Если за оставшиеся минуты она разберется, какую власть имеет Видрут над капитаном Ортисом, то сумеет, может быть, помочь человеку, которому доверяла.

— Дай мне руки, госпожа. Боюсь, времени очень мало.

Она протянула руки, и запястья почти до боли сжали чужие пальцы, но Дайрин не стала жаловаться. Ротар сильным рывком подтянул ее наверх. Когда он вновь поставил ее на ноги, Дайрин ощутила вокруг куда более просторное помещение. И в него откуда-то врывался свежий морской воздух.

Но сквозняк не сдул и не скрыл красноречивого запаха — запаха зла.

— Отпусти меня и пока не касайся, — сказала она Ротару. — Я разведаю, что тут есть, а легчайшее прикосновение все спутает.

Она медленно отвернулась от ветра, обратив лицо направо.

— Что передо мной?

— Койка капитана, госпожа.

Шаг за шагом она двинулась в ту сторону. Дыхание зла становилось явственней. Распознать его природу Дайрин не умела. Ингварн научила ее отличать Свет от Тени — и не более того. Но здесь смердело каким-то черным колдовством.

— Ротар, — попросила она, — разбери, пожалуйста, постель на койке. Если найдешь что-нибудь необычное, не касайся рукой. Лучше возьми что-нибудь железное, подцепи им. И поскорей выброс в море.

Он не задавал вопросов. Она услышала, как он спешит выполнить ее просьбу. А потом…

— Здесь… корешок, ужасно уродливый. Под подушкой, госпожа.

— Постой!

Что, если вся постель уже пропиталась злом? Может быть, мало будет уничтожить источник.

— Собери все в узел — и корень, и одеяла — и выброс в море, — приказала она. — Меня отведи обратно в кладовую и, если успеешь, застели кровать заново. Я не знаю этих чар, но они от Тени, а не от Силы. Смотри, сам ничего не трогай.

— Я все сделаю, госпожа, — пылко пообещал юноша. — Отойди в сторону, я все уберу.

Она отодвинулась, услышала стук моряцких сапог по доскам — парень прошел мимо нее туда, откуда тянуло ветром.

— А теперь, — он снова оказался рядом с ней, — я позабочусь о вашей безопасности, госпожа. Насколько сумею, покуда капитан не придет в себя и не поставит Видрута на место.

Он снова за руки опустил ее в отдушину кладовой. Дайрин прислушалась, но если юноша и положил крышку люка на место, то сумел сделать это беззвучно.

3

Долго ждать ей не пришлось — отворилась обычная дверь каморки, и Дайрин узнала шаги Видрута.

— Слушай хорошенько, девочка, — приказал он. — Устурт — остров, один из цепи островов, протянувшихся от берега в море. Может быть, когда-то они были частью большой земли. Но теперь почти все они — просто голые скалы, омываемые бурным морем. Человеку с них не выбраться. Так что не надейся спастись иначе,

чем с нашей помощью. Мы высадим тебя на берег и отойдем в море. А ты, когда узнаешь, что хотела, вернись на берег и составь пирамидой три камня…

Дайрин план показался не слишком продуманным. Но спорить она не стала. Если у нее и была надежда, так только на Ротара и капитана. Рука Видрута сжала ее плечо. Он подтянул ее к трапу, поставил руки на перекладины.

— Лезь, девочка. И постарайся хорошо сыграть свою роль. Кое-кто из наших побаивается колдовства, а способ обезвредить ведьму им известен только один. Сама знаешь какой.

Ее пробрала дрожь. Да, есть способ обезвредить ведьму — насладившись женщиной. Многие ли мужчины откажутся от такого средства?

— Ротар довезет тебя до берега, — продолжал Видрут. — А мы посмотрим. И не думай уговаривать его ослушаться приказа, потому что податься вам некуда…

Дайрин уже стояла на палубе и слышала голоса. Где капитан Ортис? Видрут не дал ей времени разобраться в общем гомоне. Повинуясь ему, девушка подошла к борту. Там Видрут подхватил ее на руки как ребенка и передал в другие руки, а те усадили ее на лодочную скамью.

Слышался близкий рокот моря, скрип весел в уключинах.

— Ты веришь, что я ведьма, Ротар? — спросила она.

— Госпожа, я не знаю, кто ты. Но могу поклясться, что от Видрута тебе грозит опасность. Если капитан придет в разум…

Он запнулся, но продолжал:

— Война научила меня ненавидеть любое принуждение, заставляющее мужчину или женщину служить против воли. У меня нет будущего, я — обломок войны, обучен только убивать. И потому готов на все, чтобы помочь тебе и капитану.

— Ты слишком молод, чтобы говорить: нет будущего!

— Я состарился, убивая, — просто ответил он. — И навидался людей вроде Видрута. Госпожа, мы подходим к берегу. А с корабля за нами следят. Когда будем высаживаться на берег, возьми то, что у меня за поясом, только незаметно. Это нож из лучшей звездной стали, он выкован рукой самого Хамракера. По правде сказать, он не мой, а капитана.

Когда Ротар на руках нес ее через выглаженную волнами полосу песка на сухую землю, Дайрин сделала, как он сказал. В ней шевельнулась па-

мять. Был когда-то такой же нож — пламя играло на клинке…

— Нет! — вскрикнула она, отбрасывая воспоминание. Но пальцы ее по-прежнему сжимали рукоять.

— Да. — Может быть, Ротар не понял охватившего ее смятения, но обнял крепче. — Ты должна оставить его себе. Иди прямо вперед, — посоветовал он, отпуская ее. — Те, на корабле, навели на тебя большой арбалет. Впереди лес, а в нем, говорят, те пауки. Но, госпожа, сейчас я не смею помочь тебе открыто — я бы только погиб без всякого проку, — но если смогу, помогу.

Дайрин медлила в нерешительности. На незнакомом берегу она ощутила себя голой. Но нельзя было выдавать сомнений тем, кто следил за ней. Ленточка шелка так и осталась обернутой вокруг ее запястья. А в складках юбки теперь скрывался нож. Чуть поворачивая голову из стороны в сторону, пристально вслушиваясь, она медленно пошла по рыхлому песку.

Впереди прохлада, — должно быть, она вступила под сень деревьев. Протянув руку, девушка нащупала грубую кору и скользнула за ствол, укрывшись от арбалета, о котором предупредил Ротар.

И тут явственно, словно видела глазами, она поняла, что не только корабельная команда наблюдает за ней. За ней следил кто-то другой — или что-то другое. Все силы своего мысленного восприятия она направила на то, чтобы шарить перед собой, как руками, — нащупать и распознать наблюдателя.

И тут же задохнулась, как от удара. Сила чужой мысли ворвалась в открытые ею двери разума. Казалось, огромная рука подхватила ее и поднесла к огромным глазам, озирающим добычу снаружи и изнутри.

Дайрин покачнулась под этим неосязаемым прикосновением. Нечеловеческим прикосновением. И все же, поняла она, немного овладев собой, оно не было враждебным — пока.

— Зачем ты здесь, женщина?

В сознании Дайрин отчетливо сложились слова. Но мысленного образа вопрошающего она по-прежнему не видела. Повернувшись немного вправо, она протянула обвязанную лентой руку.

— Я хочу научиться ткать так же прекрасно, — вслух ответила она, не зная, слышат ли ее и понимают ли.

И снова ощутила тяжелый взыскательный взгляд. Но на этот раз выстояла под ним, не от-

шатнувшись.

— По-твоему, это красиво? — снова прозвучал вопрос в ее мыслях.

— Да.

— Но у тебя нет глаз, чтобы видеть, — резко, уличая во лжи, прозвучал ответ.

— Правда, глаз у меня нет. Но меня научили заменять зрение пальцами. Я тоже ткачиха, но только по меркам моего рода.

Тишина, а потом что-то коснулось тыльной стороны ее ладони — так легко и мимолетно, что Дайрин не поручилась бы, что ей не почудилось. Девушка ждала, понимая, что в этих местах существуют свои ограды и без позволения нечего и пытаться продолжать путь.

Снова что-то коснулось ее руки и на этот раз задержалось. Дайрин и не подумала отдернуть руку, а вместо того попробовала прочитать прикоснувшегося. И увидела лишь светящиеся вихри.

— Женщина, может, ты и играла нитями в нехитрые игры своего народа. Но не зови себя ткачихой! — надменно ответили ей.

— Сумеет ли такая, как я, выучиться искусству вашего рода?

— С твоими неуклюжими пальцами? — Что-то

резко простучало по ее костяшкам. — Это невозможно! Однако ты можешь прийти и пальцами увидеть то, с чем тебе нет надежды сравняться.

Прикосновение, скользнув к запястью, превратилось в жилистый браслет, крепкий, как кольцо рабских оков. Не вырваться, поняла Дайрин. Ее потянули вперед. Образа ведущего ее существа она по-прежнему не улавливала, но странным образом восприняла от него четкую картину лежавшей перед ней дороги.

Не дороги — извилистой тропинки. Временами она задевала древесные стволы, иногда чувствовала вокруг большие поляны — и скоро потеряла представление, в какой стороне остался берег.

Наконец они вышли на открытое место, солнце над которым заслоняли не ветви и листва, а что-то иное. Уши Дайрин уловили тихий перестук.

— Протяни руку, — приказал ее проводник, — и скажи, что перед тобой.

Медленно, осторожно Дайрин повиновалась. Пальцы нащупали что-то твердое, шершавое, как древесная кора. Но на покрытой корой раме были туго натянуты нити. Проследив их пальцами, она добралась до другой станины. И опустилась на колени, нащупывая сотканную полоску. Такую же гладкую, как ее лента. От нее тянулась одна

нить — должно быть, закрепленная на ткацком челноке.

— Какая красота!

Впервые с тех пор, как прошла науку Ингварн, Дайрин затосковала по настоящему зрению. В ней вспыхнуло желание видеть. Краски — ощутив под пальцами сотканную полоску, она прониклась ощущением цвета. А вот сама мастерица виделась ей лишь снующими с нечеловеческой быстротой тонкими руками.

— Можешь сделать подобное — ты, называющая себя ткачихой?

— Такую тонкую работу — не могу, — честно ответила Дайрин. — Мои руки никогда не касались подобного.

— Протяни свои руки. — Этот приказ исходил не от проводника — от другого разума.

Девушка протянула ладони вперед, растопырила пальцы. Что-то легче пуха скользнуло по каждому пальцу, погладило ей ладони.

— И правда, ты ткачиха — на свой манер. Зачем ты пришла к нам, женщина?

— Я хочу учиться. — Дайрин глубоко вздохнула. Что значат теперь замыслы Видрута? Это — много важнее. — Я хочу учиться у тех, кто способен создать такое.

Она все еще не вставала с колен, ждала. Стоящие рядом что-то обсуждали, но смысла переговоров она не могла ухватить ни глазами, ни разумом. Если эти ткачихи примут ее, зачем ей возвращаться к Видруту? План Ротара? Он слишком ненадежен. Если она заслужит приязнь этих существ, они укроют ее от любого зла, которым грозят ей сородичи.

— Руки у тебя неуклюжие, глаз нет. — Ее словно кнутом обожгли. — Посмотрим, что ты можешь, женщина.

В руку ей сунули челнок. Дайрин тщательно изучила его на ощупь. Форма была не совсем привычной, но ей подходила и такая. Потом так же, на ощупь, она изучила плетение на станке. И утóк, и основа были очень тонки, но, собравшись, она сумела их «увидеть». И потихоньку принялась ткать, хотя дело продвигалось медленно, и полвершка ткани, сотканные ею, разительно отличались от готового шелка.

Когда руки стали дрожать, огорченная девушка села на пятки. Всю ее гордость за прежнюю работу как рукой сняло. Перед этими мастерицами она напоминала себе маленького ребенка, впервые взявшего в руки челнок.

Но, отвлекшись от работы и позволив себе

вновь ощутить стоявших рядом, она не уловила в них ожидаемого презрения. Они скорее были удивлены.

— Быть может, ты и сумеешь научиться, — произнес в ее сознании властный голос. — Если захочешь.

Дайрин поспешно обернулась в ту сторону, откуда, как ей казалось, пришла мысль.

— Очень хочу, Великая!

— Да будет так. Но ты начнешь с нашей молодью, потому что ты еще не ткачиха.

— Не спорю!

Девушка горестно ощупала сотканную ею полоску.

Если Видрут ждет, что она вернется к нему в руки, она только плечами пожмет. И Ротар пусть займется капитаном и своими заботами. Для нее главным было заслужить одобрение этих ткачих.

У них, как видно, не было другого жилья, кроме площадки, где стояли станки. Не было и обстановки, помимо самих станков. Те были расставлены в беспорядке, и Дайрин осторожно обходила площадку, ощупью запоминая их расположение.

Она ощущала вокруг себя многих, но никто не касался ни ума ее, ни тела. И она ни к кому

не обращалась, догадываясь почему-то, что это бесполезно.

Пищу ей принесли — свежие плоды. И полоску чего-то похожего на вяленое мясо, шириной в несколько пальцев. О происхождении этого мяса, пожалуй, лучше было не допытываться.

Устав, она уснула на груде готовой ткани — не такой шелковистой, как на станках, зато столь плотного плетения, что в ней, как в сказочном полотне, можно было носить воду. Снов Дайрин не видела. А проснувшись, поняла, что ей с трудом вспоминаются люди и корабль. Даже Ротар и капитан помнились как лица из далекого детства, а среди ткачих она все сильнее ощущала себя дома. И знала, что *должна* учиться. Это желание разгоралось в ней огнем лихорадки.

Что-то простучало, и она приняла короткий приказ:

— Ешь!

Пошарив перед собой, она нащупала новые плоды. Но не успела доесть, как ее дернули за юбку.

— Этот уродливый покров у тебя на теле — он не годится для сбора нитей.

Сбор нитей? Этого она не поняла. Но и правда, обходя станки, она цеплялась юбкой за ветки.

Дайрин поднялась, развязала пояс и шнуровку лифа, уронив платье себе под ноги. Оставшись в одной короткой сорочке, девушка почувствовала себя свободной, как никогда. И все же она снова отыскала пояс, обвязала им тонкую талию и заткнула за него нож.

Новое легкое прикосновение заставило ее повернуться.

— Нити висят меж деревьев. — Проводница легонько потянула ее. — Касайся их осторожно. Встряхнешь — обернутся ловушкой. Докажи, что пальцы у тебя легкие и годны для нашего учения.

Других указаний она не услышала и догадалась, что ее опять испытывают. Надо доказать, что она сумеет собрать эти нити. Только куда их собирать? Едва она задалась этим вопросом, как ей что-то сунули в руку. Она обхватила пальцами гладкий стержень длиной в локоть. Должно быть, мотовило для нити.

И снова ее потянули за руку от станка к деревьям. Едва ее левая рука задела ствол, последовал приказ:

— Мотай!

Вслепую хвататься за работу — прока не будет. Пришлось сосредоточить свои отточенные чув-

ства и ими нащупать нить.

В сознании ее возникла совсем смутная картина. Быть может, из того отдаленного прошлого, которого Дайрин никогда не вспоминала. Зеленый луг под утренним солнцем и паутина с жемчужинками росы. Не сродни ли нужные ей нити тем паутинкам?

Как смотать паутинные волоконца? Дайрин охватило черное уныние. Захотелось швырнуть в них мотовилом, выкрикнуть, что такая задача никому не по силам.

И тут перед ее мысленным взором встала Ингварн. В девушке воскресло взращенное Мудрой умение не поддаваться жалости к себе, верить в свои силы. Только глупец, не попробовав, говорит, что задача невыполнима.

Прежде ей не приходилось нащупывать такие неосязаемые предметы, как паутина на дереве. Но теперь уцелевшие чувства должны послужить ей в полной мере.

Под ногами — босыми, потому что сандалии она сбросила вместе с платьем, — лежала мягкая опавшая листва. Подлеска здесь, кажется, не было — одни деревья.

Дайрин, помешкав, протянула руку, коснулась коры. И осторожно обняла ладонями ствол. Не-

уловимое впечатление подсказало: вот то, что она ищет.

Конец нити. Сама нить тянулась от дерева, уходила куда-то. Дайрин бесконечно бережно оборвала волокно и наложила свободный конец на мотовило. К огромному ее облегчению, нить пристала к нему, как недавно — к стволу. А теперь… Она не пыталась коснуться нити, а медленно принялась сматывать, с превеликой осторожностью продвигаясь так, чтобы сохранить натяжение волокна, и равномерно накручивая его на стержень.

Оборот за оборотом, и ее рука нащупала новый ствол. Дайрин облегченно вздохнула, не смея еще поверить, что благополучно справилась с первой нитью. Впрочем, одна — это совсем мало, а самонадеянность опасна. Думай только о нитях! Она нащупала конец новой и с той же осторожной медлительностью начала мотать.

Для лишенного зрения день подобен ночи, а ночь — дню. Дайрин теперь жила не по времени своего народа. Она руководствовалась промежутками между сном и едой и в эти промежутки собирала обвившие стволы волокна, гадая, производят ли их сами ткачихи или кто-то иного рода.

Дважды она допустила ошибку, против которой

ее предостерегали: второпях, от излишней самоуверенности, дергала нить. И тут же ее заливала липучая жидкость, хлещущая вдоль волокна. Попавшись в такую ловушку, она была вынуждена ждать, пока придут на выручку ткачихи. Ее никогда не упрекали, но от спасителей било таким презрением к ее неловкости, что Дайрин внутренне корчилась от стыда.

Она заранее знала, что здесь не было ткачей — одни ткачихи. Что они делали с готовыми тканями, она пока не ведала. Наверняка не использовали для себя, и никаких признаков торговли она не замечала. Может быть, им просто нравилось ткать.

Такие, как она, сборщики нитей, принадлежали к младшему поколению этой нечеловеческой общины. Но и с ними ей удалось сблизиться не более, чем со старшими.

Раз или два к ней приходила беспокойная мысль, что она — пленница поляны со станками. Отчего все прежнее представлялось теперь таким далеким и не важным?

Ткачихи, говорившие с ней лишь мысленно — да и то редко, — не были немыми и тихонько напевали, работая у станков. Их странный напев не походил на человеческие мелодии, но в одну

человеческую песню они вплелись. Руки Дайрин двигались ей в такт, песня убаюкивала мысли. В целом мире оставались только станки и нити, которые она собирала для них, — остальное ничего не значило.

И настал день, когда ее подвели к пустому станку и оставили снаряжать его. Это дело и в селении требовало от нее величайшей ловкости и внимания. Теперь же, с незнакомым устройством, получалось еще хуже. Она натягивала основу, пока не намозолила пальцы, и голова разболелась от усилия сосредоточить все чувства на одном, а пение ткачих понуждало ее продолжать и продолжать работу.

Когда усталость все же одолевала ее, Дайрин засыпала. И прерывалась, чтобы поесть, только потому, что сознавала: телу нужна пища. Наконец она поняла, что работа — хорошо ли, плохо ли — закончена. Пальцы, которыми она потирала ноющие виски, занемели и плохо гнулись. И все же звучавший мотив заставлял ее тело раскачиваться ему в такт.

К удивлению Дайрин, ни одна ткачиха не подошла осмотреть ее труд, сказать, хорошо ли она справилась. Отдохнув до тех пор, пока пальцы не стали вновь ее слушаться, она взялась ткать.

И за работой поймала себя на том, что сама поет, отзываясь тихому гулу голосов.

Работа вселила в ее тело новые силы. Пусть ее пальцы двигались не так проворно, как длинные конечности, мелькавшие в ее видениях, но они все же поспевали за ритмом песни и приобрели уверенность и мастерство, словно ими правила не Дайрин, а Иная Сила. Она ткала — ей было все равно, хорошо или плохо. Довольно было следовать напеву тихой песни.

Лишь когда кончилась нить, Дайрин с пустым челноком в руке очнулась как от долгого сна. Все тело ныло, руки бессильно упали на колени. Она ощутила острый голод. И больше не слышала гула чужой песни.

Девушка, спотыкаясь, добралась до места, где всегда спала. Там лежала еда, и она поела, прежде чем упасть на груду шелка, обратив лицо к той крыше, что отделяла ее от неба, — истощенная, обессиленная, не способная даже связно мыслить.

4

Дайрин разбудил страх — руки сжались в кулаки, дрожь пробирала все тело. Мысль, проникшая

в ее сознание, сразу погасла, оставив после себя только ужас. Но эта мысль успела разрушить чары ткачих — память вновь стала четкой и ясной.

Сколько времени она здесь провела? Что случилось, когда она не вернулась на берег? Видрут, решив, что она сгинула, мог увести корабль. А как же Ротар? Капитан?

Она медленно повернула голову, осознавая новое ощущение. И не видя, она поняла, что шум станков смолк, ткачихи пропали!

Теперь Дайрин представлялось, что она была опутана невидимой паутиной и вот только сейчас сеть порвалась. Зачем ее так тянуло сюда? Почему она осталась? Ленточка шелка пропала с ее запястья — не ею ли она была околдована?

Дура. Она была лишена зрения, каким видели мир остальные. А теперь, как видно, и иные, так заботливо взращенные чувства ее подвели. Поднимаясь, Дайрин коснулась рукой станка, за которым так долго трудилась. Из любопытства она провела пальцами по сотканному полотну. Не так гладко, как та лента, но много-много лучше первой попытки.

Только вот — где же ткачихи? Тень ужасного сновидения погнала ее на поиски по всей поляне. Все станки пустовали, ткань исчезла. Что-то под-

вернулось ей под ногу. Дайрин пошарила руками. Мотовило для нитей.

— Где… где вы? — осмелилась она позвать вслух. Ответившая ей тишина была такой зловещей, что захотелось прижаться спиной к дереву, изготовившись к нападению. Какому нападению, кто ей грозил?

Дайрин не верила, что в лес решатся проникнуть Видрут или его люди. Но быть может, у ткачих были другие враги, от которых они бежали, забыв ее разбудить?

Часто дыша, девушка нащупала рукоять ножа за поясом. Где же они? Эхо, откликнувшееся ее зову, звучало так странно, что она не решилась больше кричать. Но, вслушиваясь, пугалась все больше. Шелест листьев. И более ничего. И разум не улавливал рядом ничего живого. Со станков снято готовое полотно — не означает ли это, что ткачихи ушли с какой-то целью, а не бежали? И как ей найти их след?

Она до сих пор не прибегала к тому второму зрению, которому обучила ее Ингварн. К тому же Дайрин знала, что у ткачих есть свои средства обороны. Хотя против нее, такой слабой, им не стоило выставлять охрану. Что, если, взяв в руки мотовило, отойти от станков как бы для обычного

сбора нитей?

Прежде надо найти еду. Две кучки плодов она отыскала по запаху. Размякшие, переспелые, а от того вяленого мяса не осталось ни кусочка. И все же она съела, сколько могла.

Потом, напоказ выставляя перед собой мотовило, девушка рискнула углубиться в лес. Все нити вблизи поляны были, конечно, смотаны сборщиками, и ее ищущие пальцы не нащупали ни одной, хотя она продолжала играть свою роль на случай, если за ней кто-то следит.

А за ней следили! Не ткачихи — эти существа ощущались совсем иначе — как слабая искорка в сравнении с разгоревшимся огнем. Наблюдатели двигались вместе с ней, приближаясь, но не пытаясь пока подступить вплотную.

Она обнаружила на дереве нить. Искусно смотала ее, подхватила вторую и третью. А от следующей отпрянула. Как видно, этот конец нити кто-то потревожил, потому что в ноздри ударил едкий запах клея.

Такие же залитые клеем нити тянулись от следующих двух деревьев. Означало ли это, что они готовы захватить пленников? Дайрин чуть повернулась. Она уже оставила позади знакомую часть леса. И сейчас готова была в любой момент

встретить угрозу, исходящую хоть от нитей, хоть от наблюдателей.

На следующем дереве нити не было. Доверившись чутью, она отыскала свободный просвет между стволами в надежде, что оборванные нити отмечают след. Она двигалась теперь чуть быстрее, но продолжала проверять каждое попавшееся дерево. Наблюдатели не отставали, хотя Дайрин их не слышала — просто знала, что они здесь.

Еще одно чистое дерево — ее путь вилял, как дорожка лабиринта. И пришлось замедлить шаг. Еще одно чистое дерево, а за ним, слева, она наконец услышала звук — слабый стон.

Человеческий голос — и этого хватило, чтобы в ней полыхнул страх. Все… все это чем-то напомнило ей забытый сон. В том сне она знала страдающего человека.

Дайрин замерла. Наблюдатели приближались. Она поняла, что они сгрудились между ней и тем, кто стонал. Пришлось решаться — забыть о стонущем или обойти кругом.

Не выдавай, не показывай, что слышала. Ищи нити, постарайся обмануть слежку. Все в ней бунтовало против мысли покинуть человека в беде — даже если этот человек был из команды

Видрута.

Дайрин протянула руку, словно нащупывая нить и внутренне готовясь наткнуться на липкую сеть. Она чувствовала, как колеблются те, кто следил за ней. Может быть, это ее последний шанс!

Ее пальцы ухватили широкую полосу ткани. Та привела к тюку, прочно завязанному и так закрученному полотном, что ей не удалось его раскрыть. Этот мешок был очень велик и свисал с ветви. А в нем — в нем кто-то был!

Дайрин отскочила. Она не знала, кричала или нет. Тот, кто скрывался внутри, сказало ей чутье, еще недавно был жив, а теперь мертв. Она снова заставила себя пробежать пальцами по свисающему тюку. Не так велик… точно не так велик, чтобы вместить человека! Теперь, поверив, что пленник — не человек, она предпочла не знать, что внутри. Но, отступая, задела плечом второй тюк. И поняла, что вокруг таких много и в каждом — смерть.

И все же в ее ушах еще стоял стон. Человеческий стон. А преследователи наконец отстали. Как будто не посмели вступить в эти места.

Эти тюки — Дайрин противно было их касаться. Некоторые казались намного легче других и раскачивались от ее случайных прикоснове-

ний. Другие, отягощенные содержимым, висели грузно.

Стоны…

Девушка заставила себя проверить, что висит перед ней. Мотовило она уже заткнула за пояс, а в руках вместо него был нож. Коснувшись последнего мешка, она ощутила слабое движение. И в сдавленном крике ей почудилась мольба о помощи.

Она вспорола шелк кончиком ножа. Плотная ткань поддавалась с трудом, такую материю легко не разрежешь. Она резала и рубила, пока не услышала задыхающийся вскрик.

— Ради бога, Сул…

Она оттянула распоротый шелк. Внутри в самом деле был человек. Но весь обмотанный липкой паутиной, поняла она по хлынувшему ей навстречу едкому запаху. Этой нити ее нож не возьмет. Стоит коснуться, она сама станет пленницей.

Дайрин собрала складки распоротого мешка, намотала обрывки на пальцы и принялась рвать и трепать паутину. К ее радости, сеть уступила. Она чувствовала, как растягиваются пряди под ее напряженными пальцами.

И еще она узнала, кого спасает: Ротара! Не его

ли она видела во сне, которого не могла припомнить?

Дайрин позвала его по имени, спросила, свободнее ли ему стало.

— Да. Но я еще вишу. Хотя теперь уже просто…

Она услышала, как рвутся нити, потом шум упавшего на землю тела. Юноша тяжело выдохнул и снова вдохнул.

— Госпожа, ты подоспела как нельзя вовремя. — Его ладонь обхватила ее плечо. Дайрин почувствовала, как он пошатнулся и тверже встал на ноги.

— Ты ранен.

— Нет. Голоден, и еще попить бы. Не знаю, долго ли я провисел в этом чулане. Капитан… Он, верно, думает, мы оба погибли.

— В чулане! — Это простое слово обрушилось на нее как удар.

— А ты не знала? Да, это чулан, где паучихи хранят своих самцов.

У нее к горлу подступила тошнота. Эти мешки из шелка, из прекрасного шелка. Вот они для чего!

— Там кто-то… что-то есть, — предупредила она.

Наблюдатели, подсказали ей настороженные

чувства. Они снова задвигались.

— Ты их видишь? — спросила Дайрин.

— Не совсем ясно… — Но за этим неуверенным ответом тут же последовало: — Да! У них ловчие сети, такими они меня и скрутили. Клинок их не берет.

— Мешок!

— Что — мешок?

Ее пальцы, обмотанные обрывками мешка, сумели распустить сеть. Липкие узы не приклеивались к шелковой ткани. Едва она объяснила это, как нож выхватили у нее из рук и Дайрин услышала треск вспоротого шелка.

Наблюдатели… Пока Ротар опустошал другие мешки, Дайрин потянулась к разуму охотников. Они приблизились, но теперь снова остановились, как будто боялись подойти к этому месту, и даже приказ удержать человека-пленника не мог пересилить боязни.

— Теперь они прядут свои нити, — предупредил ее Ротар. — Они планируют замуровать нас.

— Пусть думают, что мы беззащитны, — сказала она.

— А по-твоему, нет?

— С этими мешками, может быть, и нет.

Если бы она могла видеть! Дайрин чуть не пла-

кала от бессильной злости. Она была уверена, что выследили их не ткачихи. Быть может, это те, кто снабжал ткачих нитями для тканья?

Ротар подошел к ней, сжимая в руках ком шелковых мешков. О том, что было в этих мешках раньше, девушка постаралась не вспоминать.

— Расскажи, — попросила она, — на что похожи те, что ткут веревки?

Она уловила его глубокое отвращение, омерзение.

— Пауки. Огромные пауки. Мохнатые и размером с гончих.

— Что они делают?

— Опутывают прогалину сетями. Сети уже со всех сторон. А теперь скрылись. Только один остался, повис в центре новой паутины.

Ротар касался ее запястья, и от его руки к Дайрин доходили его мысли, мысленная картина, отчетливее той, что он рисовал ей словами.

— Другие, должно быть, ушли за ткачихами, — встревоженно предположила она. — И сейчас перед нами только один враг.

— И сети.

Она выпустила юношу, нащупала обрывки шелка в его руках.

— Надо обмотаться им. И не касаться паутины

там, где тело не защищено.

— Понял.

Дайрин шагнула вперед.

— Мне придется распускать сеть, — сказала она. — Сторож на твою долю. Подведи меня к дереву, на которое нацеплена паутина.

Он взял ее за плечо и, легонько подталкивая, осторожно, шаг за шагом повел налево.

— Сейчас дерево прямо перед тобой, госпожа. Сторожа можешь не опасаться, — мрачно пообещал он.

— Помни, паутина нигде не должна коснуться твоей кожи.

— Не сомневайся, я хорошо укутался, — сказал он. Она нащупала грубую кору рукой, до локтя надежно окутанной шелком. Вот она. — Пальцы ощутили крепление нити, куда толще и крепче всех, что ей приходилось собирать.

— Ха! — раздался крик Ротара, но уже не рядом.

Дайрин нашла вторую нить, ощутила ее дрожь. Сторож, наверное, изготовился оборонять свою паутину. Но ей было не до того: предстояло, нащупав каждую нить, оторвать ее от дерева.

Она не могла знать, сколько нитей предстоит оборвать. Справа доносился глухой шум, тяжелое

дыхание.

— Ага! — со свирепой радостью выкрикнул Ротар. — Тварь сдохла, госпожа. Ты права, ткань отвела веревки, которые она на меня набрасывала.

— Будь настороже. Остальные могут вернуться, — предупредила она.

— Я знаю, — согласился он.

Девушка торопливо нашаривала и рвала нити на стволе. Вернуться могли не только пауки, но и ткачихи, а их она страшилась сильнее.

— Паутина обвисла, — сказал ей Ротар. Но эта маленькая победа не слишком ее утешила. — Госпожа, хорошо бы теперь обмотать этим шелком ноги — на земле тоже может быть паутина.

— Да! — Об этом она не подумала, занятая растянутой паутиной.

— Погоди, я добуду еще шелка.

Дайрин ждала, напрягшись всем телом, насторожив слух и внутреннее чутье в усилии распознать, что ждет их за краем прогалины. Потом Ротар вернулся и, не спрашивая позволения, принялся обматывать ей ноги кусками шелка, стараясь закрепить их потуже.

Она, когда-то влюбившаяся в ленточку капитана Ортиса, сейчас готова была с отвращением

сорвать с себя этот шелк. Если бы он не сулил им спасения.

— Я сделал все, что мог. — Затянув узел на щиколотке, Ротар выпустил ее ступню. — Ты что-нибудь слышишь, госпожа?

— Пока нет. Но они появятся.

— Кто? Что такое эти ткачихи? — спросил он.

— Не знаю. Но они невысоко ценят нашу породу.

Он коротко хмыкнул:

— Мне ли не знать! Но тебе они не причинили вреда.

— Это, думаю, потому, что я слепа, и женщина, и немного понимаю в их ремесле. Они гордятся своим искусством и хотели похвалиться передо мной.

— Так мы пойдем?

— Надо высматривать деревья, на которых нет нитей.

— Я их вижу. Пожалуй, положившись на мое зрение, мы доберемся быстрей. За это время много чего случилось. Капитан, хотя и слаб еще, снова командует кораблем. Видрут мертв. Но то отребье, которое помощник зачислил в команду, трусит выйти на берег. А держать их в руках может только капитан.

— Значит, ты здесь один.

Он ушел от ответа, сказал только:

— Держись за мой пояс, госпожа, я буду высматривать дорогу.

Дайрин стыдно было так цепляться за него. Она давно обходилась без чужой помощи. Но юноша был прав.

Стало быть, капитан Ортис, освободившись от злых чар, снова у штурвала. Она задумалась было, как погиб Видрут и почему Ротар, рассказывая о его смерти, так странно запнулся. Но сейчас все силы разума пришлось направить на то, что лежало впереди. Ей не верилось, что ткачихи так просто их выпустят.

Очень скоро обнаружилось, что она была права. Дайрин снова ощутила на себе чужой взгляд. Новая связь была прочнее и отличалась от взглядов пауков.

— Они близко, — предупредила она.

— Надо выбираться на берег. Они растягивают свои силки между деревьями. Я сложил там сигнальный костер, только поджечь — и за нами придет «Морской ворон».

— Ты видишь их силки?

Легкое прикосновение к его поясу позволило ей ощутить нетерпение и колебание юноши.

— Нет. Но напрямик между деревьями не пройти. Тут и там паутина, придется вилять и изворачиваться.

Дайрин ничего подобного не ждала, не успела даже разжать пальцы. Ротар внезапно провалился куда-то, увлекая ее за собой. Острый конец ветки больно оцарапал ей бок. Как будто земля разверзлась у них под ногами.

5

В нос ударил запах свежевырытой земли. Она лежала вплотную к Ротару, и он шевелился. Несмотря на ушибы и сильный шок от падения, Дайрин все же сумела сесть. Она не видела, где они очутились, но догадывалась, что где-то под землей.

— Ты ранена? — спросил ее спутник.

— Нет. А ты?

— Руку подвернул, когда упал. Надеюсь, просто сильный ушиб, а не перелом. Мы свалились в их ловчую яму. Они ее сверху затянули.

В его унылом голосе сквозил стыд.

Дайрин обрадовалась честному ответу. Поднявшись на ноги, девушка принялась ощупью обследовать яму. Вырыта совсем недавно, земля

на краях еще влажная и липкая. Кое-где из стенок торчали корни. Не выйдет ли подтянуться на них и выбраться? Спросить Ротара она не успела — в голову ей, как кол, вогнали слова:

— Женщина, зачем ты украла у нас мясо?

Дайрин подняла голову к отверстию наверху. Голос звучал так близко, что ей представилась свесившаяся вниз голова с жадно выпученными глазами.

— Не понимаю, — ответила она со всем доступным ей присутствием духа. — Это — мужчина моего племени, он искал меня, потому что беспокоился.

— Это наше с тобой мясо!

Холодная угроза в этом сообщении не напугала Дайрин, а распалила в ней гнев. Ни одного человека она не могла и не хотела считать едой! Эти ткачихи… Она, подкупленная их искусством, считала их лучше себя. Приняла их надменность как должное — ведь они так искусны!

Но какое применение нашли они созданной ими красоте? Низкое и мерзкое, с отвращением подумала Дайрин. Она вдруг ясно поняла, что не была здесь свободной до той минуты, когда проснулась среди брошенных станков. Они опутали ее мысли колдовской паутиной, привязав

к себе и своим обычаям, как сейчас загнали в ловушку ее тело.

— Мужчина — не еда, — со злобой бросила она.

В ответ вместо слов ее ударило безудержной яростью. Девушка пошатнулась под этим мысленным ударом, но не упала. Ротар позвал ее по имени, обнял и поддержал.

— За меня не бойся, — сказала она, высвобождаясь из его объятий.

Это был ее бой. Нога поехала по рыхлой земле, Дайрин споткнулась, выбросила вперед руки, чтобы ухватиться за стену. Словно острая игла пронзила ей лоб над глазами, а потом она затерялась в полной тьме.

Жар — жар пылающего огня — и сквозь него крики — ужасные, терзающие слух вопли. В мире не осталось безопасного места. Она свернулась в комок в благословенной тьме, спряталась. Но все же видела — видела *глазами*. Нет, она не станет смотреть, не посмеет смотреть — на отливающие пламенем мечи и на истекающее кровью, стонущее существо, распятое на стене вогнанными, как остроги, кинжалами. Она яростно приказала себе — не видеть!

— Дайрин! Госпожа!

— Нет! — выкрикнула она. — Не буду смот-

реть!

— Госпожа!

— Не буду…

Вокруг пылали краски. Это не внутреннее зрение — этот огонь, эта кровь, эти мечи…

— Дайрин!

Лицо, колеблющееся как отражение в неспокойной воде, мужское лицо. Меч… сейчас он поднимет меч, и тогда…

— Нет! — снова вскрикнула она.

Резкий удар, от которого мотнулась голова. Как ни странно, он прояснил ей зрение. Мужское лицо совсем рядом, да, но ни огня, ни окровавленного меча, ни стены с распятым скулящим существом.

Он бережно обнимал ее, ловил ее взгляд.

Они не в… Нет, это не замок Трин. Дайрин задрожала — воспоминание окутало ее, как вонючий плащ. Трин был очень, очень давно. Потом было море, потом Ингварн, Рэннок. А теперь… теперь они в Устурте. Она не понимала, что произошло.

Но она видела.

Думала ли Ингварн, что зрение когда-нибудь вернется к ней? Глаза остались целы, но ребенок, принужденный увидеть такие ужасы, отказался от зрения, отказался открыто смотреть в лицо

этому страшному миру.

Сейчас зрение вернулось. Хотя ткачихи добивались иного. Они надеялись, что вспышка памяти сокрушит ее. Но подарили не смерть, а новую жизнь.

И тут та, что нанесла ей этот мысленный удар, свесилась вниз, чтобы взглянуть на жертву.

Дайрин задавила в себе страх. В этот раз она не отступит. Она заставит себя взглянуть в глаза новому ужасу. Учение Ингварн проникло в самую глубь ее существа, подготовило к этой минуте, как будто бы Мудрая провидела ее через годы и знала, чем помочь приемной дочери.

Девушка не шевельнула рукой, но ударила в ответ, пронзив возвращенным взглядом уродливую тварь. Отчасти та напоминала кошмарное подобие человека, отчасти — паука, и это бредовое смешение сводило с ума. И эта она, ткачиха, обрушила на Дайрин всю силу своего разума.

Ее большие фасетчатые глаза моргнули. Глаза Дайрин — нет.

— Будь готов, — обратилась девушка к Ротару. — Они хотят нас схватить.

С края ямы протянулись вниз липкие нити паутины, спряденные слугами паучих. Паутина облепила корни, потом накрыла двоих внизу.

— Притворимся пока, — шепнула Дайрин, — будто мы беспомощны.

Он не задавал вопросов, хотя все новые сети ложились на них, опутывая их руки и ноги. Ткань, которой их накрыло, была тускло-серой. В ней не было радужных переливов, которыми наделял шелк мысленный взор Дайрин. Может быть, краски померкли, когда прекрасное изделие обратили во зло.

Пока опускалась паутина, девушка неотрывно смотрела в огромные нечеловеческие глаза — холодные смертоносные глаза ткачихи. Сквозь них глубже и глубже Дайрин вонзала копье своей Силы — Силы, взращенной в ней Ингварн, — в скрывающийся за этими глазами мозг. Хоть и не постигнув всего искусства Мудрых, девушка знала, что у нее нет другого средства нападения — нападения, которое послужит также и обороной.

Не затуманились ли эти выпученные глаза? Дайрин еще не слишком полагалась на вернувшееся зрение.

Сверху больше не падала паутина. Зато за краем ямы послышалось новое движение.

Пора! Собрав все силы, все, что в ней осталось, Дайрин обрушила на ткачиху прямой мысленный удар. Кошмарное туловище скорчилось, из

него вырвался крик, в котором не было ничего человеческого. На мгновение ткачиха замерла. А потом мерзкая тварь отпрянула, скрылась с глаз. Дайрин больше не ощущала на себе давления мысли, зато уловила отзвук паники, обессиливающий ткачиху страх.

— Уходят! — крикнул ей Ротар.

— На время, пожалуй.

Дайрин и теперь еще робела перед хозяйками станков. Те не видели в ней достойного врага и, уж наверное, не обратили против нее всех сил. Но, ошеломив и сбив их с толку, они с Ротаром хотя бы выиграли время.

Юноша рядом с ней уже стряхнул с себя последние веревки сетей. Они не налипли на его обмотанное шелком тело и с ее плеч легко упали от первого его рывка. Девушка заморгала. Теперь, когда уже не приходилось устремлять взгляд в глаза ткачихи, Дайрин обнаружила, что смотреть не так-то просто. Чтобы выделить один предмет, сделать его резким, требовалось отчетливое усилие. Этому придется учиться так же, как она научилась видеть пальцами.

Ротар, хоть и кривился при каждом движении левой руки, сумел выбраться из ямы по торчащим корням. Потом спустил вниз свой пояс и

вытянул Дайрин.

Выбравшись из ямы-ловушки, Дайрин надолго застыла, вертя головой. Мутные тени под деревьями скрывали их, но они были там — и ткачихи, и прядильщики. Все же она чувствовала, что они еще растеряны, будто утратили единственную направлявшую их силу — волю той, с кем девушка на время совладала.

Все были одного племени с той ткачихой — полулюди-полупаучихи или целиком пауки. Подчиненные воле Великой, управляемые ее мыслями, они были ее орудиями, как бы придатками или членами. Пока Великая вернет себе равновесие, их нечего опасаться. Только надолго ли дана жертвам эта передышка?

Дайрин смутно разглядела светлую полоску впереди — солнце пробивалось сквозь сумерки обернувшегося злом леса.

— Идем! — Ротар крепко сжал ее руку, потянул за собой. — Там виден берег.

Девушка подчинилась, позволив увести ее от обезглавленной паучьей стаи.

— Сигнальный костер, — говорил он. — Дай мне только его разжечь, и капитан тут же подведет судно.

— Почему ты пришел один — из всей ко-

манды? — вдруг спросила Дайрин, когда они вырвались из тени в жесткий блеск освещенного солнцем песка. Ей пришлось прикрыть глаза ладонью от этого блеска.

Сквозь пальцы она видела, как Ротар пожал плечами.

— Мертвецу не страшно умирать. Был шанс тебя найти. Капитан не мог им воспользоваться — он слишком ослабел от колдовства того мерзавца. Никому другому он не верил…

— Кроме тебя. Ты называешь себя мертвецом, но ты живой. Я была слепой — теперь я вижу. Думаю, Устурт вернул нам обоим то, чем не стоит так легко разбрасываться.

Его угрюмое лицо, слишком старые для юноши, слишком рано погасшие глаза осветились легкой улыбкой.

— Госпожа, не зря люди говорили про твою Силу. Ты из тех, кто заставит человека поверить во что угодно, даже в себя. А вот и хворост для сигнала.

Он указал на высокую пирамиду выброшенного морем плавника. И бросился к ней бегом, хотя песок разъезжался под обмотками на его ступнях.

Дайрин не так спешила. Есть на свете капитан

и еще этот Ротар, который рискнул ради нее жизнью, хоть на словах и не слишком ею дорожил. Быть может, в ее жизнь и даже в ее сердце войдут когда-нибудь и другие. Впереди годы, когда она будет ткать, бережно подбирая нити, при ярком свете, выполняя ту же работу, что до сих пор делала во тьме. Прошлое осталось за спиной. Незачем оглядываться назад, на сумрачный лес. Лучше смотреть в море, которое ляжет новой нитью в ее полотно.

Песчаная сестра[4]
Повесть

1

Роды пришлись на предрассветный час, когда ночные туманы Торовых болот еще клубились у стен дома Келва. Это само по себе было не к добру, потому что всем известно: в такой час, между прошедшим и новым днем, приходит в мир дитя, чей взгляд устремлен в иные места и времена; между тем как полнолуние Сияющей — воистину лучшее время, чтобы приветствовать новый голос среди народа.

Да и ребенок не был крепышом, громко требующим от мира жизни и пищи. Сморщенная кожа на маленьком тельце была тусклой, и дитя вяло

---

[4] Примечания: 4
Перевод Г. Соловьевой.

лежало на ладонях целительницы. И не думало дышать. Однако жителям Тора был нужен каждый ребенок — каждая новая жизнь отдаляла закат племени, и торы не пожалели трудов для спасения новорожденной. Целительница приникла губами к холодным сморщенным губкам младенца и вдохнула жизнь в его легкие. Его согревали и нянчили, пока не услышали наконец слабый крик — не привет жизни, а протест против навязанного существования. Услышав этот крик, Мафра склонила голову, прислушиваясь к жалобе, которая больше походила на писк запутавшейся в силках птицы, чем на голос истинного дитяти торов.

Глаза ее издавна были слепы ко всему, что видел народ: их покрывала непрозрачная для света пелена, зато Мафра была наделена иным зрением. Когда девочку принесли к Матери Дома и клана для благословения, та не протянула рук, чтобы принять маленькое тельце. Нет, она покачала головой и молвила:

— Не нашего она рода. Дух, избранный наполнить это тело, не явился. А то, что вы вызвали к жизни…

И она замолчала. Женщины, принесшие ребенка, отступили от целительницы, смотревшей

теперь на дитя так, словно в родильной пеленке клана лежала какая-нибудь скользкая тварь из окрестных болот.

Мафра медленно повернула голову, на миг останавливая взгляд незрячих глаз на каждом лице.

— Пусть никто не думает отдать ее Темной Смерти, — резко приказала она. — Тело ее — нашей крови, и кости ее — наши кости. Вот что мне надлежит вам сказать: мы должны привязать к себе то, что вселилось в это тело, потому что это Сила, которую ребенок должен научиться использовать для себя. Направив эту Силу на помощь тем, кому благоволит, он станет могущественным орудием и оружием.

— Но ты не дала ей имени, Мать клана. Как она может жить в доме клана, если не носит нашего имени? — отважилась тогда я, смелейшая из всех.

— Не мне давать ей имя, — медленно произнесла Мафра. — Спроси об этом у Сияющей.

Уже настало утро, и туман плотным покрывалом заволок небо. Но, словно вызванная ее словами, к женщинам спорхнула большая серебристая ночная бабочка из тех, что танцуют в темноте. На миг она присела на детскую пеленку, тихо взмахнула широкими, с ладонь, крыльями.

— Турсла, — сказала целительница.

Так звали деву-бабочку из древней песни о Турсле и Жабах-демонах. И так дитя с чуждой клану душой получило имя — такое же нездешнее и звучащее предвестием злой судьбы.

Турсла жила среди народа Тора. По обычаю торов, она не называла матерью свою родительницу. Каждое дитя клана было родным для всех старших своего Дома и всех своих сверстников. С тех пор как сама Мафра заступилась за нее и сами болота послали ей имя, Турслу не выделяли среди других детей, которых стало теперь так мало.

Потому что народ торов был очень древним.

Их Песни Памяти рассказывали о днях, когда люди были сродни бессмысленным животным (разума в них было еще меньше, чем в иных созданиях, населявших эту древнюю землю теперь), а потом Вольт из Древних (не человек, а последний из Древней и великой расы, с которой люди не смели равняться) стал их вождем и наставником. Потому что в своем одиночестве он разглядел в них искру зарождавшегося разума и решил посмотреть, не удастся ли ее раздуть.

Полуптичий лик Вольта они теперь вырезали на тотемах, охранявших поля локвусов и жилища людей. В память о нем приносили первые плоды,

а также зубы и когти ужасного вак-ящера, если кому удавалось убить такого. И именем Вольта клялись в самых важных случаях.

И вот Турсла росла и познавала мир болот. То, что лежало за их пределами, торов не заботило, хотя там простирались моря и земли и обитали странные народы. Конечно, не такие древние, как народ Тора, и не наделенные той Силой, потому что на них не лежало благословение Вольта и Вольт не учил их нарождающиеся кланы.

Только в грезах Турсла отличалась от всех торов. Она еще не знала слов, чтобы описать сны, которые являлись к ней и дарили другую жизнь. И не раз во сне ей открывались миры много ярче и реальнее Торовых болот.

Подрастая, она заметила, что, стоит рассказать эти сны сверстникам, те начинают пугливо сторониться ее. Девочку это обижало, а потом и сердило. Однако позднее, может быть тоже во сне, ей открылось, что грезы эти — для нее одной и нельзя их ни с кем разделить. Это открытие привело к одиночеству, которое перестало мучить ее, когда Турсла узнала, что болота Тора (хоть и не были из тех миров, куда уводили ее грезы) тоже полны тайн и восторгов.

Впрочем, только для тех, кто имел тело тора и

воспитывался в клане торов, — для всех других болота Тора были унылыми зловонными топями, где высились лишь кривые остовы мертвых деревьев — и те зачастую зарастали какой-то скользкой проказой.

Там были остатки очень древних дорог, которые связывали вместе острова, поднявшиеся из трясины, а вековые каменные стены окружали поля торов и залы кланов. Ночами и на рассвете искрошившийся камень скрывали туманы.

Но Турсле туманы представлялись серебряными вуалями, а во множестве звуков с невидимых болот она различала голоса птиц, лягушек, жаб и ящериц — впрочем, тоже не похожих на свою дальнюю родню в иных странах.

Больше всего она любила давших ей имя бабочек. Она обнаружила, что их влечет запах бледных, распускавшихся по ночам цветов. Турсла тоже полюбила их благоухание и вплетала эти цветы в серебристый пух достававших до плеч волос, а свитые из них венки носила на шее. И еще она выучилась танцевать, раскачиваясь, как тростник на ветру, и ночные бабочки слетались к танцовщице, касаясь ее крыльями, вплетая свою пляску в движения ее воздетых или распростертых рук.

Но такой танец был не в обычае у других девушек Тора, и Турсла танцевала в одиночестве, ради собственного удовольствия.

В болотах Тора все годы одинаковы, все проходят медлительно и размеренно. Да торы и не считают лет. С тех пор как Вольт их оставил, им не стало дела до хода времени. Но все знали, что во внешнем мире — война и беда. Турсла слышала, что до ее рождения военачальник одной из чужих стран был предательски завлечен в болота и схвачен врагами, с которыми торы тогда заключили нежеланный и недолговечный союз.

Были истории и древнее этой — но те упоминались лишь шепотом, и подхватить их удавалось лишь по намекам, по оброненным невзначай словам. Совсем далеко в прошлом лежала память о человеке из внешнего мира, чей корабль выбросило на полоску земли, где болота сходились с морем. И этого человека нашла там Мать клана.

Она сжалилась над раненым и, вопреки всем обычаям, привела его к целителям. Но кончилось это печально, потому что мужчина навел на Первую деву клана свои чары, и она, нарушив обычаи, решилась уйти с ним, когда раненый излечился.

А потом она возвратилась — одна. Хотя своему

клану она назвала имя ребенка. А потом умерла. Но имя того ребенка сохранилось в Песнях Памяти. Рассказывали, что он и сам стал великим воином и правил в землях, неведомых народу Тора.

Турсла часто задумывалась над этой легендой. Для девочки она значила больше (она сама не знала почему), чем другие сказания ее народа. Ей часто вспоминался тот правитель, который был наполовину тором. Ощущал ли он когда-нибудь зов собственной крови? Не будили ли в нем луна и туманы его земли такие же странные и явственные грезы, как те, что преследовали ее? Иногда, танцуя, она повторяла его имя:

— Корис! Корис!

Она гадала, кто из девушек того незнакомого народа владеет его сердцем и как она выглядит. Рвется ли надвое ее душа, как душа Турслы? Турсла всей кровью принадлежала народу Тора, и все же ее дух не знал покоя и с каждым годом жизни терзался все сильнее.

Она выросла из детства и послушно выучилась чему положено. Ее пальцы ловко сновали над ткацким станком, и ткань выходила гладкой, с тонким бледным узором, доселе неизвестным ее народу. Но никто не замечал в ее узорах ничего

странного, а сама она давно перестала говорить вслух о своих снах. Турсла и сама теперь опасалась слишком глубоко уходить в эти грезы. Потому что они порой внушали ей странное чувство, будто она, если не остережется, затеряется в том другом мире безвозвратно.

Иной раз сны настойчиво подталкивали ее сделать то или это. Торы и сами обладали странными Силами. Среди них ее Дар не выглядел чуждым. Такой был дан не всем — но и это считалось естественным. Каждому свое искусство, разве не так? Одни трудятся в лесу, другие ткут, третьи — охотники и охотницы — ловко выслеживают добычу. Так и Мафра, или Элкин, или Уннанна умеют одним усилием воли переносить предметы с места на место. Набор таких умений был невелик, и они редко применялись в обычной жизни, потому что истощали жизненные силы умельца.

Повзрослевшая Турсла во сне уже не скиталась по чужим землям. Куда чаще она видела себя стоящей у пруда — не мутного и не заросшего камышом и водяными растениями, как оконца окрестных болот, а с прозрачной, зеленовато-синей водой.

Главным в этих повторяющихся видениях был для нее красноватый песок, окружавший озерцо,

как мягкое старинное золото в изделиях ее народа окружало оправой драгоценные камни. Этот песок притягивал ее — один только песок.

Дважды с восходом Сияющей она вдруг просыпалась не в доме Келва, а под открытым небом и со страхом понимала, что не помнит, как оказалась там. Ее пугала мысль забрести во сне в трясину и сгинуть навеки. Турсла стала бояться ночи и сна, но ни с кем не делилась тяготившими ее страхами. Как будто сам Вольт наложил гис на ее мысли, обет молчания на уста. Она тревожилась и не находила себе места. Островок ее клана виделся ей тюрьмой.

Настала ночь ярчайшего блеска Сияющей, когда женщины племени собирались, чтобы омыться в сиянии Ее светильника (такое омовение бодрило тело и готовило его к деторождению, а детей было слишком мало). Но Турсла никогда не просила благословения Сияющей, и никто ее не принуждал. А в ту ночь в ней шевельнулось желание идти за другими. Но из темноты прозвучал тихий голос:

— Турсла.

Обернувшись, она увидела светляков, собравшихся в круг на стене и осветивших фонариками своих тел сидящую на кровати женщину. Турсла

поклонилась ей, хотя и знала, что та не увидит поклона.

— Мать клана, я здесь.

— Это не для тебя…

Турсле не надо было объяснять, *что* не для нее. Но от слов Мафры ее ожег стыд, к которому примешался гнев. Она не своей волей стала тем, чем была: эту судьбу навязали ей в час рождения.

— Что же тогда для меня, Мать клана? Разве мне не судьба родить новую жизнь для моего Дома?

— Тебе придется самой искать свою судьбу, дитя-бабочка. Ты не найдешь ее среди нас. Но ты рождена не зря и тебе предназначена великая цель — там.

Рука Мафры указала на открытую дверь.

— Где я найду ее, Мать клана?

— Ищи, и найдешь, дитя-бабочка. Отчасти она уже в тебе. То, что не дает тебе спать, будет учить и учиться — и узнает.

— И это все, что ты мне скажешь, Мать клана?

— Это все. Будущее других мне открыто. Но между моей и твоей душой клубится туман темнее тех туманов, что рождают ночные болота. Вот что… — Она надолго замолчала. — У всех нас впереди Тьма, дитя-бабочка. Мы, провидцы, на самом деле видим лишь один из множества пу-

тей. Для каждого поступка есть по меньшей мере два пути — тот, который мы выбираем, и другой, отвергнутый. Сейчас я вижу такой выбор перед народом. Зло, великое зло сулит он. Прямо сейчас один из нас решился воззвать к Великой Силе.

Турсла задохнулась.

— Мать клана, как такое может быть? Великая Сила не является по просьбе. Ее можно призвать, только когда всем заветам Вольта грозит опасность.

— Правда, так было раньше, дитя-бабочка. Но время меняет все, и даже гисы увядают и становятся ломкими, как засохший тростник под пальцами. Такой призыв питают кровью. И вот что я скажу тебе, дитя-бабочка. Уходи нынче же ночью, но не к Сияющей — есть другие места, где пробуждаются странные мысли. Иди туда, куда поведут тебя сны, и делай то, чему они тебя научили.

— Сны? — удивилась Турсла. — Какой в них прок, Мать клана?

— Сны рождаются мыслями — нашими или не нашими. В любой мысли есть прок. Тому, что вселилось в тебя при рождении, нельзя отказать, дитя-бабочка. Тебе приспело время отыскать его и вступить с ним в беседу. Иди же. Не медли!

В последних ее словах была сила приказа. И все же Турсла медлила.

— Мать клана, разве я не получу твоего благословения и добрых напутствий от Дома?

Мафра ответила не сразу, и Турслу пробрала дрожь. Как будто дверь Дома закрылась перед ней, отрезав от всех родных и сердечных уз.

Но Мафра подняла руку:

— Дочь бабочки, в пути, что приведет тебя к предназначенной судьбе, да будут с тобой добрые напутствия этого Дома. Ты же взамен открой свой ум терпению и пониманию. Нет, я не предсказываю, потому что не мои слова должны направлять тебя в испытаниях, но собственные сердце и разум. Иди же теперь. Доверься снам и ступай!

Турсла вышла в залитый лунным светом мир — в мир черных болотистых лесов, серебристых туманов и бледной луны. Но куда ей идти? Она раскинула руки. В эту ночь бабочки не слетелись танцевать с ней.

Доверься снам… Укажут ли сны, куда ей идти? Турсла, вспомнив, чему учили одаренных, попыталась очистить ум от всех осознанных мыслей.

И двинулась ровным шагом, словно шла к известной, определенной цели. Она не свернула на восток, а обратилась к западу, ступая по плитам

одной из малых дорог. Глаза ее были открыты, но она не сознавала того, что видела, и даже движений своего тела. Где-то перед ней лежал пруд из сновидений и вокруг него главное — песок.

Туман повисал на ней плащом, скрывая то, что лежало впереди, и то, что осталось за спиной. Она миновала один остров, другой. Дорога затерялась, но ее ноги безошибочно отыскивали кочки и островки твердой земли. Наконец и туман расползся клочьями под ветром, принесшим неведомый в Торовых болотах запах.

Этот ветер вывел Турслу из транса. Она остановилась на самой высокой точке поросшего травой холма, похожего на палец великана, указывающий прямо на запад. Обеими руками девушка отвела упавшие на глаза шелковистые пряди волос. Теперь луна была достаточно яркой, чтобы показать ей, что эта гряда земли тянется дальше и дальше.

Тогда Турсла пустилась бежать — легким бегом. В ней рухнула какая-то преграда, и девушку поглотила огромная потребность найти то, что ждало впереди, что ждало ее так давно — так долго!

Не удивилась она, и узнав местность, которую видела в снах. Вот он, чистый пруд в оправе песка.

Хотя лунный свет выпил краски сновидений, и песок и озерцо казались в нем темными.

Турсла сорвала с себя одежду, уронила запачканную грязью и илом болот ткань. Но уронила не на песок. Ничто не должно было замарать, осквернить этой песчаной полоски.

Турсла не ступила ногой на гладкий песок. Нет, она взобралась на камень, стоявший у самого края песка, и с него прыгнула, нырнула в поджидавшую ее воду. Вода обняла ее тело — не холодная и не теплая, а гладкая, ласковая, как шелк. Вода держала ее, как в чашечке великанской ладони: нежно и утешительно. Девушка отдалась воде, поплыла по пруду.

Спала ли она или была околдована магией, неведомой вскормившему ее племени? Этого Турсла так и не узнала. Зато она знала, что изменилась. В ней открылась дверь, чтобы никогда больше не закрываться. Что лежало за этой дверью, она могла пока только гадать, но исследовать и использовать то, что за ней скрывалось, было в ее воле. Только прежде…

Лежа на мягкой подушке воды, Турсла запела — тихо, потом громче. В ее песне не было слов, а были птичьи трели — тихий, нарастающий… призыв? Да, призыв!

Лежала она, обратив лицо к небу, к луне и звездам, этим далеким самоцветам ночи, но ощутила вблизи шевеление — не в баюкавшей ее воде, а в песке. Он всколыхнулся — отчасти ее волей, отвечая на ее призыв, отчасти ради… кого-то.

А Турсла все пела. Теперь она осмелилась немного повернуть голову. Песок встал столбом, и из него доносился звон тонких колокольчиков, словно песчинки ударялись друг о друга в вихре, столь быстром, что движения было не различить — все сливалось в одну сплошную колонну. Громче пела Турсла, и плотнее становилась колонна. Она больше не тянулась к небу, а остановилась, достигнув высоты ее роста.

Очертания колонны стали меняться — там утончаться, тут утолщаться. Столб превращался в статую — поначалу грубую: голова — шар, тело — неуклюжее, почти бесформенное. Но перемены на этом не остановились, и фигура все больше напоминала человеческую.

Наконец движение прекратилось. Фигура стояла на камне, с которого ее рождение смело дремавшие песчинки. Турсла торопливо подгребла к берегу и встала перед той, кому ее песня открыла дверь в мир.

В мыслях у нее прозвучало имя, которого нель-

зя было повторить вслух, — имя-якорь, которое протянет надежный, прочный мост между ее миром и другим, невообразимо чуждым.

Ксактол!

Веки песчаной женщины дрогнули, поднялись. На Турслу взглянули глаза, подобные золотисто-красным огненным угольками. Грудь незнакомки вздымалась и опускалась, лунный свет блестел на коже, такой же гладкой, как у девушки.

— Сестра…

Ее слово прозвучало чуть громче шепота. В нем сохранился еще шорох соскальзывающих на песок песчинок. Но ни женщина, ни ее голос не пробудили в Турсле страха. Ее раскрытая ладонь протянулась к песчаной женщине, предлагая дружбу. Рука, такая же надежная на ощупь, протянулась навстречу и приветственно сжала ее ладонь.

— Я изголодалась, — сказала Турсла, только теперь поняв, что так и есть. До этого рукопожатия в ней жил глубинный голод, который она не замечала, пока не утолила сейчас.

— Ты изголодалась, — повторила Ксактол. — Не голодай больше, сестра. Ты пришла — ты получишь то, что искала. А после сделаешь, что должно.

— Да будет так.

Турсла сделала еще шаг к ней. Ладони их разомкнулись, зато распахнулись объятия. Они обнялись, как обнимаются родные, радуясь встрече после долгой разлуки. Турсла ощутила на своих щеках слезы.

2

— Что я должна делать?

Девушка высвободилась из объятий, всмотрелась в близкое, прямо перед глазами, лицо. Оно было спокойным и неподвижным, как песок, еще не потревоженный ее призывом.

— Только то, чего сама захочешь, — услышала она тихий ответ. — Раскрой свой разум и сердце, сестра-половинка, и в назначенный час узнаешь. Теперь же… — Правая рука песчаной женщины протянулась, чуть шершавый палец коснулся лба Турслы и задержался на несколько биений сердца. Потом пальцы скользнули вниз, по невольно закрывшимся векам, и там снова задержались, прежде чем добраться до губ. Прикосновение исчезло и вернулось — к груди, над часто бьющимся сердцем.

Каждое касание вливало в Турслу Силу, от

которой учащалось дыхание и охватывало нетерпеливое желание взяться за дело, хотя она еще не знала какое. От этого прилива энергии у нее зазвенела кожа, и она почувствовала себя живой, как никогда.

— Да… — торопливо, сминая слова, зашептала она. — Да, да! Но как — и когда? О, как и когда, песчаная сестрица?

— Как — ты узнаешь. Когда — вскоре.

— Значит… я найду дверь? Стану свободной в мире моих снов?

— Не так. Каждому свое место, сестра-половинка. До времени не ищи никаких Ворот. Тебе еще есть что делать здесь и сейчас. Будущее — ткацкий станок, на который еще не натянуты нити. Сядь перед ним, родная сестра, и наметь узор, который тебе по душе, а потом бери челнок и начинай. В каком-то смысле мы и сами — челноки на службе высшей цели и выводим незримый для наших глаз узор. Будут в нем узелки и обрывы, может быть, придется что-то распустить и соткать заново — ведь мы не Великие, чтобы видеть все целиком. Пришла тебе пора вплести свои нити в это незримое полотно.

— Но с тобой…

— Младшая сестра, мост, на котором мы со-

шлись здесь, не продержится долго. Каждой из нас надо спешить к своей цели. Твой разум открылся, глаза прозрели, твои губы готовы произнести слова, сердце готово встретить будущее. Слушай!

И там, у пруда из сновидений, Турсла вслушалась. Разум ее стал вдруг пористым и пустым, как палые листья у колодца, как губка, готовая впитать пролитую воду. Она впивала в себя странные слова, слышала неведомые звуки, которым должны были научиться ее губы. Хотя это было непросто, ведь иные из этих звуков были вовсе не предназначены для людских губ. Руки ее двигались, сплетая в воздухе узоры. Вслед за движением пальцев воздух на мгновение загорался намеком на цвет — красновато-коричневый, как песок, из которого было сложено тело ее наставницы, или зеленовато-синий, как вода пруда.

Она снова поднялась на ноги и легко затанцевала — под музыку, звучавшую лишь в ее душе. Смысл всего этого оставался еще скрыт от нее, хотя девушка знала, что берет свое по праву рождения — свое орудие и оружие.

Наконец ее сестра смолкла, и Турсла, распростершись на песке, ощутила, как наполнявшая ее жизненная Сила вытекает капля за каплей,

уступая место так жадно схваченному знанию.

— Песчаная сестра, ты много дала мне. Зачем? Я не могу презреть пути Вольта и править здесь.

— Этого и не нужно. Ты сама увидишь, чем можешь послужить этим людям. Давай им то, в чем они нуждаются, но не открывай себя, не проявляй власти. Давай лишь то, что можно отдать незаметно. Придет время, когда отданное тобой заронит зерно нового, и тогда, о младшая сестра, дари от всей полноты сердца!

Та, что отзывалась на имя Ксактол и чей истинный облик и род Турсла угадывала лишь смутно (и лишь в мыслях), поднялась. Она принялась вращаться, раскручивалась все быстрей и быстрей, пока движение не размыло ее фигуру. То, что было создано из песка, обратилось в песок. Турсла закрыла лицо ладонями, спасая глаза от выброшенных песчаным столбом песчинок.

Песок под ногами у нее поехал, она упала ничком. Она устала, она так устала! Дай мне теперь сон без сновидений, обратилась она к кому-то, постижимому не более, чем истинный облик Ксактол. И песок вокруг Турслы взметнулся, накрыл ее как бы легким мягким одеялом из паутинного шелка и погрузил в сон без видений, как она и просила.

Разбудило ее тепло полуденного солнца. Она села, песок струйками хлынул с плеч. Краски сновидений вернулись — яркая зелень пруда, красноватый отлив песка. Но прошлая ночь не была сном. Не могла быть. Турсла зачерпнула ладонью песок и дала ему просочиться между пальцами. Он был таким мелким, как пыль или пепел, — нисколько не царапал песчинками.

Она отряхнулась и встала на колени у пруда, потревожив зеркальную гладь, чтобы смыть песок с рук и лица, чтобы обрызгать водой все тело. Дул ровный ветер, и Турсла, надев сброшенное платье, пошла дальше, за окаймлявшие пруд скалы.

Так она вышла к морю и впервые взглянула на часть мира, известную ей только по рассказам. Ее заворожила игра разбивающихся о берег и убегающих пеной волн. Турсла решилась шагнуть на выглаженный прибоем песок. Усилившийся ветер трепал ей одежду и волосы. Она раскинула руки навстречу этому ветру, свободному от болотных испарений.

Хорошо было стоять на просторе. Турсла села на песок, следила за волнами и тихо напевала песню без слов, не пробуждавшую никакого отклика, а сливавшуюся с музыкой моря и ветра.

Увидев на песке ракушки, она с восторженным

удивлением принялась их собирать. Такие одинаковые и такие разные! — разглядывая вблизи, она видела, что каждая хоть немного отличается от себе подобных. Как и ее родичи — в каждом и в каждой есть что-то свое, принадлежащее лишь ему или ей.

Наконец она неохотно отвернулась от моря, обратившись лицом к Торовым болотам. Солнце уже склонялось к западу. Турсла впервые задумалась, не ищут ли ее и что ей сказать, вернувшись, чем прикрыть случившееся.

Она выпустила из рук собранные ракушки. Не надо никому видеть, что она побывала в запретных местах. Но почему бы ей не вернуться сюда позже? Установленный в древние времена закон Вольта напрямик не запрещал видеть море.

Торопливо возвращаясь по тропинке к родному острову, Турсла почувствовала, что ей тесно в болотах. На ходу она нарвала листьев, служивших для окраски тканей, и порадовалась своей удаче: ей попались несколько корфилов — редкого растения, дававшего алый цвет, — такие ткани чаще всего отдавали в святилище Вольта и высоко ценили.

Пробираясь по западной дороге, она подобрала подол, сложив в него свою богатую добычу. Но

дойти до дома Келва не успела — ее перехватили на подходе.

— Итак, сестра-бабочка, ты вернулась к нам. Что же твои крылышки так скоро устали, ночная гуляка?

Турсла замерла. Меньше всего ей хотелось сейчас столкнуться с Аффриком. Он, опираясь на копье, с насмешкой разглядывал ее. Его пояс был украшен бахромой из зубов вак-ящеров — свидетельство отваги и искусства, ведь не каждый решался охотиться на этих огромных ящериц.

— Доброго тебе дня, Аффрик. — Она не вложила тепла в свое приветствие. Он ведь первый нарушил обычай, что само по себе внушало большую тревогу.

— День-то добрый, — передразнил он. — А какова была ночь, сестра-бабочка? Другие танцевали под луной.

Она едва не вздрогнула от изумления. Чтобы мужчина, имеющий голос в Собрании торов, говорил о призыве, да еще с такой, как она, еще не избравшей мужчину перед лицом Вольта!

Он рассмеялся:

— Не мечи в меня копья из глаз, сестра-бабочка. Лишь с дочерьми Вольта — с истинными дочерьми — язык мужчины связан обычаем. — Он

подступил к ней на шаг. — Нет, ты этой ночью не искала луны, так чего же ты искала, сестра-бабочка?

Его губы кривила нехорошая усмешка.

Она не стала отвечать. Ответ на такое только унизил бы ее в глазах клана. А их слушали, хотя и издалека. В словах и повадке Аффрика было прямое оскорбление.

Турсла отвернулась и пошла дальше. Она была уверена, что он не посмеет ее удерживать. Он и не стал. Но одно то, что он прилюдно обратился к ней таким образом, внушало страх. К тому же никто из слышавших не остановил обидчика. Оскорбление казалось умышленным, словно было подстроено нарочно. Она крепче сжала подол с листьями. Зачем?.. Никто не заслонил ей двери, и она вошла в дом Келва с высоко поднятой головой, с прямой спиной шагнула из света дня в полумрак.

— Вернулась, стало быть, наконец-то. — Паура, хранительница кладовых и глаза Мафры, встретила ее кислым взглядом. — Что такое тебе пришло в голову собирать ночью? Ночью, когда долг ждал тебя в другом месте!

Турсла вытряхнула листья на циновку.

— Ты вправду думаешь, Паура, что мой танец

был бы достоин Сияющей? — бесстрастно спросила она.

— О чем ты говоришь? Ты женщина, ты стала взрослой. Твой долг — вынашивать детей… если сумеешь.

— Если сумею — ты сама это сказала, малая мать. Но разве мне всю жизнь не твердили иное? Что я не настоящее дитя торов и, будучи отчасти чужой, не должна давать жизнь младенцу?

— Нас стало так мало… — начала Паура.

— Что клан готов принять даже нечистых? Но это против обычая, Паура. А если уж нарушать обычай, это делается открыто, перед святилищем Вольта, с одобрения всего народа.

— Если нас станет слишком мало, — возразила Паура, — некому будет возвысить голос за Вольта. Нужно что-то менять, хотя бы и обычай. Предстоит Собрание. Великое Собрание. Это уже решено.

Известие потрясло Турслу. Великое Собрание, о котором говорила Паура, созывалось в последний раз много лет назад, когда торы на время допустили чужеземцев в свою твердыню. Это тогда здесь побывал пленником военачальник из запредельных стран — вместе с той, кто, как шептались, стала избранницей Кориса. От этого не случилось большой беды, кроме того, что, по

слухам, как они тогда закрыли болота, так теперь закрылся от них внешний мир. И все же люди спорили, верно ли они тогда поступили.

Детей и вправду с каждым годом рождалось все меньше. Турсла слышала, что Мафра и еще кто-то из Матерей кланов ломали голову над причинами. Возможно, их род и в самом деле одряхлел, слишком долго выбирая супругов среди своих, кровь их стала жидкой и устала творить новую жизнь. Так что ее и в самом деле могли насильно подчинить этой цели. Ведь только силой можно было принудить Турслу сделать выбор — ни один из мужчин-торов не смотрел на нее благосклонно. И сейчас, незаметно для себя прикрывая ладонью грудь, она меньше прежнего ощущала себя дочерью Вольта.

— Твое тело, бабочка, — продолжала Паура, устремив на нее взгляд, в котором Турсле почудилось коварство и что-то похожее на ненависть, — рождено Тором и вполне может послужить целям Вольта. Подумай об этом.

Турсла поспешно повернулась к алькову, принадлежавшему Мафре. Мать клана редко теперь покидала свою личную нишу. Ее искусные руки возмещали отсутствие зрения, так что она и без глаз умела послужить народу, изготавливая

маленькие горшочки под обжиг или прядя нити более гладкие, чем мог сплести любой из членов ее Дома.

Сейчас руки старой женщины лежали на коленях в непривычной неподвижности. Голову она держала высоко, и только чуть склоняла к плечу, прислушиваясь к разговору. Девушка остановилась перед ней, не решаясь нарушить глубокой задумчивости Матери, и тогда Мафра заговорила сама:

— Доброго дня, дитя-бабочка. С добром ты ушла и с добром приходишь, да будет тверда твоя поступь на неровной дороге, да полнятся твои руки добрыми трудами, твое сердце — теплом, разум — мыслями, что послужат к добру.

Турсла упала на колени. Прозвучало не обычное приветствие! Такое… так приветствовали тех дочерей клана, кто понес наконец дитя. Но… как же…

Мафра подняла руку, вытянула ее перед собой. Турсла поспешила поцеловать ее длинные, истончившиеся от старости пальцы.

— Мать клана, я не… не такова, как ты меня встретила, — торопливо проговорила она.

— Ты наполнена, — сказала Мафра. — Наполнена не той жизнью, что со временем отделится

от тебя, чтобы существовать самой по себе. Но в тебе теперь живет нечто, что выйдет наружу в должный срок. И если будет так, то лишь по воле Вольта или той Силы, что стояла за ним, когда он выводил наш народ из дикости. Да будет с тобой как с несущей жизнь. Пусть оповестят об этом Дом и клан. И какой числят тебя свои, такой да пребудешь ты среди всего народа.

— Но, Мать клана, если в моем теле нет понятной им жизни и я не принесу в свой срок плода, в котором нуждаются Дом и клан, что они подумают обо мне? Что скажут о той, которая обманула Дом и клан?

— Здесь нет обмана. Тебе дана задача, в тебе поселилась Сила, чтобы ее исполнить, что и приведет к развилке дорог, о которой я тебе говорила: в ту сторону… — ее рука указала направо, — или в эту. — Она махнула налево. — Далее этого выбора пути мое предвидение молчит. Но я думаю, ты выберешь мудро. Паура! — Она повысила голос, и женщина, приблизившись, встала перед ней на колени, как и Турсла.

— Паура, вот Турсла, дочь бабочки, наполнилась, о чем, согласно обычаю, надобно известить Дом и клан.

— Но она… она не сделала выбора, не танцевала

под луной! — возмутилась Паура.

— Ее отослала прочь моя мудрость, Паура. Ты оспариваешь ее? — холодно вопросила Мафра. — Она ушла в ночь с моего благословения. Она искала — и волей Вольта обрела — то, что открыло мне прозрение. И вернулась наполненной. Я распознала это дарованной мне Вольтом Силой и теперь возвещаю об этом.

Паура снова открыла рот, словно хотела заспорить, но промолчала. Мать сказала свое слово, сказала, что Турсла наполнена. Никто не посмел бы оспорить ее прови́дения. Паура покорно склонила голову и поцеловала протянутую ей руку. Отступая, она не сводила глаз с Турслы, и девушка чувствовала, что, склоняясь внешне перед суждением Мафры, она упрямо таила в душе сомнения.

— Мать клана, — быстро заговорила девушка, как только уверилась, что Паура уже не расслышит ее шепота. — Я не знаю, чего от меня ждут.

— Вот что я скажу тебе, дитя-бабочка. Скоро явится призванный Уннанной — не голосом и не посланием, а самим ее призывом. Его кровь откликнется на призыв и удержит его, как петля силков. Но то, для чего его призовут… — Голос Мафры изменился. — Это в конечном счете смерть.

Если на землю перед святилищем Вольта прольется кровь, она возопиет громким голосом. И ее зов навлечет на нас огонь и сталь из внешнего мира. Народ Тора погибнет, Торовы топи станут пустым и про́клятым местом.

Мы числим своих детей плодами, принадлежащими всем — и никому в отдельности. Не так во внешнем мире. Там они живут не кланами Домов, а малыми семьями. Ребенок в беде взывает только к двоим — к той, что дала ему жизнь, и к тому, кто наполнил ее при выборе. Нас дивит и пугает такой отказ от поддерживающих нас уз — но они все так живут.

Но этот непохожий на наш обычай дарует им иные узы, непонятные нам. Воистину удивительны те узы. Того, кто поднимет руку на дитя и его мать и на того, кто ее наполнил, преследуют со свирепостью вак-ящера. Тот, кого призовет для своих целей Уннанна, — сын, пожалуй, самого опасного для нас во внешнем мире человека. Я страшусь за наш народ, дочь бабочки. Правда, что нас становится меньше: детей, рождающихся после выбора, можно перечесть по пальцам одной руки. Но это наша печаль и, быть может, воля самой жизни. Принести сюда новую кровь… нет.

— При чем же здесь я, Мать клана? — спросила

Турсла. — Ты что же, хочешь, чтобы я выступила против Уннанны? И кто, хотя бы ты и назвала меня наполненной, прислушается к моим словам? Теперь она — Мать клана, и, когда ты больше не ходишь на лунный танец, будет первой.

— Это так. Нет, я ничего от тебя не требую, дочь бабочки. Когда придет тебе время делать, что должно, ты узнаешь сама, ведь это знание живет в тебе. Теперь дай мне руки.

Мафра подставила ей обе ладони, и Турсла положила на них свои. И снова, как с Ксактол, в ней воспрянула жизнь, всколыхнулись Силы, ищущие себе применения, хотя она не знала еще, на чем их испытать.

— Так… — шепотом, словно доверяла ей секрет, проговорила Мафра. — Я с твоего рождения знала, что ты нездешняя, но это воистину удивительно.

— Почему это выпало мне, Мать клана? — вслух высказала давнюю обиду Турсла.

— Почему происходит многое — без видимых нам причин или корней? Потому что мы — часть большого узора и должны сыграть в нем свою роль.

— И *она* так сказала…

— Она? Ах, подумай о ней, представь ее в мыслях, дитя-бабочка, — жадно попросила Мафра.

И приказала: — Дай мне увидеть ее твоими глазами!

Турсла послушно вообразила песчаный столб и ту, что вылепилась из него.

— Ты и вправду наполнена, дитя-бабочка, — спустя долгую минуту выдохнула Мафра. — Наполнена таким знанием, к которому, быть может, только ты одна в целом мире и сумеешь подступиться. Хотела бы я поговорить с тобой об этом и о твоем учении, но нельзя. Не мне брать больше, чем мне было дано. Не делись этим, дочь бабочки, даже если будет в тебе такое желание. Корзина, сплетенная для цветов локвуса, как бы искусно ее ни сплели, не удержит воду — ее наливают в обожженный глиняный кувшин. Теперь иди отдохни. И живи, как живут наполненные, пока не поймешь, что настало время.

Она отпустила Турслу, и та ушла в свою часть дома — малую выгородку, которую получила, когда ее признали уже девушкой, а не ребенком. Она задвинула тростниковую циновку, отгородилась от других и присела на двойную подушку, чтобы поразмыслить.

Слово Мафры не только освободит ее от лунного танца, но и скоро положит конец выходкам, наподобие недавней выходки Аффрика, со стороны

всех мужчин Дома. Освободят ее и от некоторых работ. Единственное затруднение, с которым она столкнется на первых порах, — что ей теперь нельзя будет в одиночку покидать обжитой остров. Наполненных постоянно стерегли — ради их же безопасности.

Она провела ладонями по своему стройному телу. Скоро ли заметят, что ее чрево и не думает набухать? У женщин острый глаз на такие дела, ведь рождение — их великая тайна и они ревниво ее хранят. Может быть, подложить что-то под платье? А еще у наполненных часто возникает склонность к необычной пище, желание изменить привычки. Не выдумать ли для себя что-то в этом роде?

Все равно рано или поздно ее разоблачат. И что тогда? Она не помнила, чтобы кто-нибудь из женщин-торов лгал в таком деле. Такая ложь ударит по самым корням их древних верований. Никакое наказание за такое не будет слишком суровым. Зачем Мафра это сделала?

Турсла не сомневалась: торы не примут мысли, что наполниться можно и знанием. Но Мафра… Ведь не она, Турсла, возвестила об этом — это слово Матери клана. Это она открыто попрала обычай, лишь бы дать Турсле время подгото-

виться к делу, на которое намекнула лишь исподволь.

И еще это кровавое Собрание. Турсла глубоко вздохнула. Если она правильно угадала мысль Мафры, это тоже станет великим нарушением обычая. Принести в жертву человека? Такие жертвы никогда не приносились Вольту, убийство человека грозит обрушить гибель на болота и народ Тора. Что может сделать здесь она?

— Она могла бы…

Нет, что-то в Турсле еще противилось этой мысли. Еще не время открывать дверь, скрывавшую то, что она узнала от Ксактол.

Оставалось терпеть и хорошо играть свою роль. Девушка отдернула занавеску и встала. Больше всего ей хотелось есть и пить. Одолел вдруг голод, и во рту пересохло. Она направилась к сосудам с припасами, заняв себя нуждами тела и строго отстранив вихрь мыслей.

3

Минуло три дня. Турсла коротала время за прялкой, но еще и — волей-неволей — за размышлениями. Дом принял слово Мафры — мог ли он не принять? Ей оказывали причитающееся

наполненным почтение, первой предоставляли выбор еды, оставляли наедине с мыслями, когда видели, что ей хочется одиночества.

Но на третий день девушка очнулась от оцепенения, в которое впала за попытками разобрать и разложить по полкам то, чему научилась. Бóльшая часть знания проявлялась лишь намеками. Но Турсла была уверена, что эти намеки лишь отмечают более глубокие познания — забывшиеся и ждавшие, пока она до них доберется. От усилий вспомнить она не находила себе места, мучилась головной болью и с трудом засыпала.

И прежние сновидения не являлись на ее зов. Сон стал зыбким — скорее чуткой дремотой, от которой ее будило даже движение спящей на соседней циновке девушки.

Что толку в знании, из которого не можешь черпать? — с возрастающим отчаянием размышляла Турсла. Что ее ждет?

Желая остаться наедине с искрой страха, угрожавшей разгореться в пожар, она встала из-за ткацкого станка и вышла из дома Келва. Занятая своими мыслями, она и не заметила, как оказалась среди женщин.

Там стояла Уннанна и перед ней другие, словно готовые выслушать ее поручения. Когда взгляд

Уннанны остановился на Турсле, она усмехнулась — улыбка, изогнувшая уголки ее тонких губ, не содержала ни капли доброты.

— Доброго дня. — Она немного повысила голос, явно обращаясь к Турсле. — Добра тебе в пути. Добра в конце дороги.

— Благодарю за доброе пожелание, Мать клана, — ответила Турсла.

— Ты не назвала перед Вольтом имя своего избранника. — Уннанна улыбнулась шире. — Разве ты не гордишься им, наполненная?

— Если я решила укрыться под плащом Вольта, — силясь сохранить безмятежность, проговорила Турсла, — требующий ответа станет нарушителем обычая.

Уннанна кивнула. Внешне она была воплощением доброжелательства. И прежде случалось, что наполненная отказывалась называть имя своего избранника в лунном обряде. Хотя обычно имена делались общим достоянием, едва Мать клана объявляла о свершившемся.

— Что ж, носи плащ Вольта, дочь бабочки. В скором времени у тебя появится множество сестер.

Женщины охотно поддержали ее возгласами согласия.

Но Уннанна еще не покончила с Турслой.

— Не забредай далеко, дочь бабочки. Ты теперь — наше сокровище.

— Я только до полей, Мать клана. К святилищу Вольта, принести благодарности.

Причина была достаточно веской, и никто не мог запретить ей такую недалекую прогулку. Турсла обошла Уннанну и шагнула на замшелые плиты древней дороги. Никто не стал ее преследовать — обычай требовал оставить в одиночестве приносящих к святилищу Вольта мольбы или благодарности. Святилище Вольта… Время не пощадило его. Жадная болотистая земля всосала в себя стены или разбросала их камни по мостовой дороги, а восстанавливать строение не смел ни один человек.

Ведь эти камни в незапамятные времена укладывал сам Вольт, строя себе укрытие. Турсла, прослеживая взглядом линии искрошившихся стен, угадывала, что когда-то это был большой дом. Да и сам Вольт, согласно преданию, превосходил ростом всех мужчин-торов.

Она выбирала путь между обрушенными стенами. Земля и камни под ногами были плотно утоптаны людьми Тора, несчетные годы искавшими здесь утешения. Тропа привела Турслу во внутреннее помещение. Крыша рухнула, и

солнечный свет проник в самое сердце владений Вольта — осветил тяжелое кресло, вырезанное вроде бы из дерева (хотя такого дерева не знали на болотах — его не брала ни гниль, ни сырость). По сторонам кресла стояли высокие каменные сосуды и в них, готовые для взывания к Вольту, пучки лучины из топляка, от которого болотная сырость отслоила губчатую кору, обнажив ярко горящую сердцевину. Светляки здесь не жили — светило дерево, так ярко гибнущее в огне.

Турсла долго медлила. То, что она собиралась сделать, дозволялось, правда, обычаем, но только для тех, кого мучило необъяснимое событие, непосильное человеческому рассудку. Может ли она сказать так о себе? Турсла решила, что может.

Она протянула руку, простерла ладонь над окаменевшим деревом широкого подлокотника. А потом ступила на невысокую ступень, возвышавшую сиденье над полом руин, и села в кресло Вольта.

Она ощутила себя ребенком, занявшим место рослого мужчины. Ноги высокой по меркам торов девушки повисли над полом, когда она сдвинулась назад, чтобы коснуться плечами спинки. И поднять руки на подлокотники было непросто, но

она это сделала и только потом закрыла глаза.

Слышал ли ее Вольт из тех далей, куда ушел с Торовых болот? Было ли дело той его частице, что еще существовала на свете, до тех, кому он когда-то покровительствовал? Она не знала ответа, и никто в пределах Торовых топей не мог сказать ей больше того, о чем она догадывалась сама.

— Вольт… — Ее мысли сложились в слова, которых не было нужды произносить вслух. — Мы чтим тебя и призываем на помощь в час нужды. Если ты еще взираешь на нас… нет, я не зову на помощь, как беспомощный ребенок призывает свой Дом и клан. Я просто хочу узнать, кто я такая или что я такое и как я должна и смею распорядиться тем, что, как клянется Мафра, меня наполнило. Я не ношу в себе дитя, но то, что во мне, может быть больше — или меньше того. И я должна знать!

Она закрыла глаза, откинулась затылком на спинку кресла. С обеих сторон доносился легкий запах деревянных лучин — слабее того, какой издавали бы горящие. Она видела Матерей клана с этими свечами в руках, и дым поднимался к небу под их пение.

Она…

Куда она попала? Зеленые травы простира-

лись перед ней до подножия серых скал. В траве, словно кто-то бездумно разбросал горсть ярких, сияющих самоцветов, пестрели цветы с крупными лепестками, и каждый цветок обладал своим запахом и обликом, как те раковины на берегу. И краски этих цветов были яркими, иногда меняясь от сердцевины к кончикам лепестков.

Это место ничем не напоминало болота Тора. И не было — в этом она не сомневалась — новым видением страны грез. Она пожелала двигаться вперед, и ее воля родила действие: она не шла ногами, шаг за шагом, а скорее плыла по воздуху, как крылатые существа.

Так, силой желания, Турсла перенеслась к вздымавшимся над травой скалам. И снова желание подняло ее выше, к вершинам. Теперь ей открылась просторная долина реки. Над широкой лентой воды горбился каменный мост, к мосту тянулась бегущая по зеленой земле дорога.

А по дороге к мосту приближался…

Конь. Это конь! Турсла никогда не видела этого животного, но узнала сразу. А на коне… мужчина. Желание рассмотреть его словно приблизило незнакомца к ее глазам, хотя в действительности она не сдвинулась со своего места на скале, а он еще не доехал до моста. Но Турсла видела его так

ясно, как если бы могла, протянув руку, коснуться плеча лошади.

Он был одет в металл, похожий на шелковую рубаху, только она была собрана из мелких колечек. С одетых металлом плеч ниспадал плащ, застегнутый на шее большой брошью с тускло-зелеными и серыми камнями. Такие же украшали пояс, а на поясе висели ножны с мечом.

Шапка на голове тоже была металлической, только сплошной, а не кольчатой. Ото лба к макушке по ней тянулся гребень. И в гнездах на том гребне торчали стоймя зеленые перья.

Все это Турсла отметила мимоходом, потому что хотела видеть самого мужчину. И она всмотрелась в его лицо под тенью шапки.

Он был молод, светлокож, немногим смуглее людей Тора. В лице его были и сила, и привлекательность. Такой был бы хорошим другом или братом по клану, решила Турсла, и опасным врагом.

Всадник смотрел прямо перед собой, словно не замечал дороги, занятый своими мыслями, и мыслями не из приятных. Но внезапно он вскинул голову, будто очнулся, — и увидел ее! Быстрый, хмурый взгляд, между бровями обозначилась тонкая морщинка.

Турсла видела, как шевелятся его губы, но не слышала ни звука. Потом он поднял руку, потянулся к ней. И тут же все исчезло. Ее закружило и унесло обратно — в туманную, смутную явь. Открыв глаза, она снова увидела себя в кресле Вольта, и кругом только лишайник на стенах святилища. Но теперь… теперь она знала! Вольт исполнил ее желание! Она была связана с тем всадником, и связана не просто. Их ждала впереди встреча — опасная встреча, испытание Сил, которые она еще не умела измерить.

Девушка медленно поднялась, глубоко вздохнула, как если бы готовилась к схватке, хоть и знала, что время еще не пришло. Он видел ее, тот всадник, и убегающие минуты не затуманили его образа в памяти. Нет, он ехал где-то на своем коне, он был настоящим!

Ближе к вечеру она снова разыскала Мафру. Может, Мать клана и не ответит на ее вопросы, но ей необходимо было с кем-то поделиться видением Вольта. А во всем доме она только Мафре доверяла до конца.

— Дитя-бабочка. — К ней обратились незрячие глаза, но Мафра никогда не ошибалась в имени пришедшего. — Ты вопрошала…

— Правда, Мать. Я вопрошала о дальних местах

и чужих обычаях, и я не понимаю. Но вот что я видела: с кресла Вольта мне открылся странный путь без объяснения.

Она поспешила рассказать Мафре о всаднике.

Мать клана долго молчала. Потом коротко кивнула, словно рассказ подтвердил какие-то ее мысли.

— Итак, началось. Чем-то кончится? Предвидение об этом молчит. Тот, кого ты видела, дитя-бабочка, связан с нами частицей крови…

— Корис!

Лежавшие на коленях руки Мафры сжались, голова дернулась, словно от удара.

— Так кто-то еще помнит те старые сказания… — произнесла она. — Нет, твой всадник не Корис. Это тот, о ком я тебе говорила, — дитя тех, кто сдвинет горы словом, поразит людей сталью, лишь бы уберечь его от беды. Он — сын Кориса, и зовут его Саймонд — имя, данное в честь пришельца, так доблестно сражавшегося рядом с его отцом, отбивая Эсткарп у кольдеров.

Помолчав, Мафра продолжила рассказ:

— Если ты спросишь, откуда я знаю такое… Когда я была моложе и сильнее, я мыслями иногда уносилась за пределы Торовых болот, как ты теперь. Этого друга Кориса, Саймона Трегарта, пе-

ренесло сюда нездешнее колдовство, и Саймона мы выдали врагам. И с ним была та, кого избрал Корис согласно обычаям чужеземцев. Тогда мы сделали дурной выбор, и потому с тех пор чужие страны отгородились от нас. Мы, даже пожелай того, не в силах выйти за пределы болот, и никто не может к нам войти.

— А морской берег тоже отгорожен, Мать клана?

— Бóльшая его часть — да. На него можно взглянуть, но тут же встает туман, крепче стен, что окружают нас сейчас.

— Но, Мать клана, я ступала по песку у моря, нашла на нем раковины…

— Молчи! — шепнула Мафра. — Если тебе дано так много, скрой это от других. Близится время, которое потребует от тебя всего.

Турсла тоже понизила голос:

— Ты провидишь это, Мать клана?

— Неясно. Я вижу только, что тебе понадобится вся твоя Сила и ум. И еще скажу тебе, что Уннанна будет взывать этой ночью, и если ей ответят… — Мафра вскинула и снова уронила на колени руки. — Тогда я полагаюсь на твой разум, дочь бабочки. На твой ум и то, что вселилось в тебя в том, ином месте.

Она отпустила Турслу взмахом руки, и та вернулась к себе, взялась за прялку, но если бы кто-то следил за ней подольше, увидел бы, что в ее работе мало проку.

Настала ночь, и по всему острову зашевелились, зашептались женщины. Никто не обращался к Турсле: ее, как наполненную, теперь бережно отстраняли, чтобы не повредить ненароком тому, что она в себе носила. Не обращались женщины и к Мафре, а собрались вокруг Пауры и с ней тихо ускользнули в темноту. Остров Дома не охранялся, за исключением двух подходов, на которых иногда появлялись вак-ящеры. Во всяком случае, никто не стерег дороги к святилищу, и Турсла, накинув на себя дерюжный плащ, прикрыв даже светлую полоску волос, надеялась подобраться незамеченной. Она кралась по той же тропинке, которой проходила днем. Те, что опередили ее, не несли горящих факелов, свет давала только луна, но Турсла видела, что среди женщин есть хоть одна от каждого Дома. Этого нельзя было назвать полным Собранием, потому что здесь не было мужчин. Вернее, так ей казалось, пока лунный луч не блеснул на наконечнике копья, и тогда Турсла заметила десяток мужчин в плащах, выстроившихся в ряд перед креслом. А лицо си-

дящей в кресле освещалось луной и видно было даже из укрытия, которое нашла себе Турсла за грудой камней.

Уннанна заняла место Вопрошающих. Закрыв глаза, она медленно качала головой из стороны в сторону. Стоящие внизу загудели — поначалу так тихо, что звук с трудом слышался сквозь плеск воды и шорох крыльев какого-то летучего создания. Потом гул усилился — без слов, только звук, от которого у Турслы звенела кожа и шевелились волоски на затылке. Она поймала себя на том, что качает головой в такт с Уннанной и в тот же миг осознала опасность: попасться в ловушку, стать частью того, что люди будут делать здесь.

Она закрыла глаза руками, чтобы не видеть качания, а мыслями, как тонущий за брошенную ему веревку, уцепилась за песчаную сестру и набегающие морские волны. Сердце в груди колотилось, и Турсле приходилось бороться еще и с собственным телом: не вполне сознавая, что делает, она выпрямилась в полный рост и приняла переступать ногами — не в такт движениям головы Вопрошающей, а в другом ритме, чтобы вырваться из чар, творимых Матерью клана.

Здесь собиралась Сила, и тело Турслы отзывалось ей. Ее давил к земле тяжелый груз, норовил

сломить. Турсла все же противилась, губы ее шевелились, выговаривая слова, вырвавшиеся из-за тех дверей в сознании, которые она раньше пыталась открыть и не смогла. Лишь опасность освободила им выход.

Турсла открыла глаза. Все было как прежде — только Уннанна подалась вперед в кресле Вольта. Мужчины один за другим стали выходить к ней. Она касалась лба, глаз, потом мужчина уступал место товарищу. На пальцах Вопрошающей загорались огоньки, и у каждого, принявшего ее помазание, оставался на лбу след такого призрачного сияния.

Когда все были помечены, мужчины повернулись и меж расступающимися женщинами двинулись к выходу. Когда они проходили мимо Турслы, та увидела, что взгляды их застыли, как у завороженных. Первым шел Аффрик, и те, что следовали за ним, тоже были молоды — лучшие из охотников.

Когда мужчины скрылись из виду, Турсла снова повернулась к креслу Вольта. Уннанна опять сидела с закрытыми глазами. Сила нарастала, она исходила от каждой из стоящих. Уннанна каким-то образом вытягивала из них энергию, собирала ее и обращала в оружие, которое на-

правляла к цели.

Турсла оставалась сама по себе. Она напряглась, отыскивая внутри себя то, что, как ей казалось, готово ответить на зов. Она мысленно лепила из найденного то, что собиралась бросить, — не копье, запущенное волей Уннанны, — но что же тогда? Щит? Силы создать долговечную преграду в ней не было. Но быть может, ее разум способен создать иное? Она перебрала в памяти все оружие, известное торам, и на один вдох задержалась на… сетях!

Стиснув кулаки так, что ногти вонзились в кожу, девушка сосредоточила новую для нее энергию, еще не испытанную в полной мере после ночи у пруда, и помыслила о сети — вот сеть, которая спутает ноги наступающим в ночи, станет для них ловушкой. Пусть они сами попадутся в силки.

Кровью, хлынувшей из смертельной раны, собранная энергия покинула тело Турслы. Если бы она умела черпать из того мощного источника, который создала для себя Уннанна! Но сеть… конечно же сеть. Пусть опутает ноги Аффрика, пусть задержит его, куда бы он ни направлялся. Да будет *так*!

Девушка откачнулась к стене: не держали но-

ги, тяжело повисли руки, словно не осталось ни воли, ни сил их поднять. Царапая спину о грубый камень, она сползла на землю, и руины встали вокруг нее щитом. Голова ее упала на грудь, когда она отдала последнее, что в ней оставалось, на укрепление сети, которая теперь виделась ей обвившей запнувшиеся ноги Аффрика.

Она дрожала от холода. Кругом лежала тьма, и она больше не слышала гула, питавшего энергией мысленную стрелу Уннанны. Слышался только шепот ветра. Подняв голову, Турсла увидела ночное небо в проеме рухнувших стен.

В небе танцевали две ночные бабочки — тени крылышек очерчивались слабым сиянием ночи, выдавая их полет в глубокой тьме. Взад и вперед вела их пляска, они встречались и расставались. Потом та, что была больше другой, витками спорхнула вниз и на краткий миг коснулась промокшего от росы платья на груди Турслы, взмахнула крылышками, заглянула в глаза девушки огоньками своих глазок — или так почудилось очарованной девушке.

— Сестра, — шепнула Турсла. — Привет тебе. Доброго полета в твоей ночи. Да пребудет с тобой благословение самого Вольта.

Бабочка задержалась еще на миг и упорхнула.

Турсла с трудом поднялась. Тело ныло, как после целого дня за станком или на жатве. И, попытавшись собраться с мыслями, она почувствовала, что отупела.

Придерживаясь рукой за стену, она поспешила вперед. Все ушли — кресло Вольта опустело. Турсла остановилась в нерешительности. Не попытаться ли снова? В ней поселились тоска, странное влечение. Хотелось увидеть, как там тот всадник. Как назвала его Мафра? Саймонд — странное имя. Турсла повторила его шепотом, словно пробуя на вкус, сладко звучит или кисло:

— Саймонд!

Но ответа не было. И она знала, что, даже если снова сядет в кресло Вольта, на этот раз ответа не будет. То, что она совершила или попыталась совершить этой ночью, вычерпало ее до дна. Ей нечем было подкрепить свой вопрос.

Медленно, спотыкаясь на обломках стен и россыпях камней, она выбралась из жилища Вольта. И не раз присаживалась отдохнуть, одолевая обратный путь. Потом ей пришлось употребить все свое умение, чтобы пробраться в свой уголок в доме Мафры. Можно ли будет рассказать Матери клана о случившемся ночью? Может быть — но не в такой же час. Ей меньше всего хотелось

тревожить спящих.

Турсла опустилась на спальную циновку. Перед глазами стояла одна картина, уже размытая дремой: Аффрик сражается со спутавшей ноги сетью, разевая рот в испуганном крике. И Турсла, не замечая того, улыбнулась, погружаясь в сон.

4

Туман тяжело окутал остров, где стояли древние дома кланов, повис занавесями от стены к стене, превращая тех, кто выходил наружу, в снующие тени. Жемчужинки росы серебрились на каждой поверхности, крупными каплями скатывались вниз. Влага липла к коже, пропитывала волосы и одежду.

Турсла всю жизнь видела болотные туманы. И все же такого густого не припоминала; и казалось, ее тревога отвечает охватившему все дома беспокойству, потому что ни один охотник не вышел в лес, а те, что были внутри, разводили поярче огонь, теснились к свету и теплу. И пожалуй, не столько к теплу, от которого одежда курилась паром, сколько к свету, веселившему душу.

Турсла снова отыскала Мафру. Но Мать клана была неразговорчива. Она сидела неподвиж-

но, устремив немигающий слепой взгляд на огонь и людей вокруг, но сама не думала присоединиться к кругу сидящих. Наконец Турсла, расхрабрившись от недоброго предчувствия, робко коснулась рук Мафры, лежавших на коленях ладонями вверх.

— Мать клана?..

Мафра не повернула головы, хотя Турсла не сомневалась — заметила. Когда же она заговорила, то ее тихий голос звучал только для ушей Турслы.

— Дитя-бабочка, он уже здесь…

Кто — он? Туман? Или что другое, неподвластное Силам Матери?

— Что делать, Мать клана? — девушка беспокойно заерзала.

— Этих безумцев ничем не остановишь. Пока… — с горечью отозвалась та. — Ни на кого не полагайся, кроме себя, дитя-бабочка. Злу открыли путь.

В этот миг за дверями дома (подобно реву большого зверя) прозвучал крик, вскинувший на ноги и Турслу, и остальных. Никогда еще девушка не слышала подобного звука.

На этот призыв отозвались криками сидевшие у огня — все теперь обернулись к затянутым

туманом дверям, бросились к ним, и тогда Турсла поняла. Это была Великая Тревога, прозвучавшая впервые на памяти девушки, да, пожалуй, и всех остальных. Только непреодолимая угроза могла вынудить часовых на дороге к внешнему миру подать такой сигнал.

— Девочка! — Мафра тоже встала, схватила Турслу за плечо. — Поделись со мной Силой, дочь! Зло и трижды зло рядом с нами. Эта дорога ведет во Тьму!

И она, так редко покидавшая свою нишу, заковыляла рядом с Турслой. Ее хрупкое тело поначалу тяжело навалилось на плечо девушки. Но Мафра тут же выпрямилась, и, казалось, силы вернулись к ней — она сделала шаг, другой.

Они вышли в густой туман. В нем можно было различить лишь стоящих совсем рядом, да и то смутно. Мафра потянула Турслу за руку, — видно, слепая хорошо знала дорогу.

— Куда мы?..

— В дом Вольта, — ответила ей Мафра. — Они захотят довести начатое до конца — осквернить самое сердце всего, чем мы были и есть. Они будут убивать во имя Вольта. А убивая, навлекут смерть и на себя — за убийством следует убийство. Они выбрали свой путь — и он ведет ко злу!

— Чтобы остановить…

Спутница прервала Турслу:

— Да, остановить их. Девочка, открой свои тайные мысли, дай волю тому, что в тебе скрыто. Другого средства нет! Но поспеши!

Турсла никогда не подозревала, что в Мафре остались силы на такую быструю поступь. Они шли не одни — в ту же сторону двигалась целая толпа. Камни старинной дороги стали скользкими от воды, но Мафра, хоть и незрячая, ни разу не оступилась.

Они достигли обвалившихся стен дома Вольта. Но никто не остановился, пока не подступили к его креслу. Здесь, может быть, сами камни своим дыханием разогнали туман, он крышей навис над головами, но уже не скрывал того, что лежало под ним.

Зажгли свечи-лучины в сосудах по сторонам кресла. И в руках выстроившихся вдоль стен людей загорелись факелы. В кресле Вольта снова сидела Уннанна. Сжимая пальцами гигантские подлокотники, она наклонилась вперед с жадным выражением на лице.

Те, на кого был устремлен ее взгляд, стояли внизу, у подножия кресла. Там был Аффрик, но в его осанке не осталось ни капли той надменной гор-

дости, с какой он уходил отсюда исполнять волю Матери клана. Он был бледен, одежда в болотной грязи, одна рука притянута к боку лыковыми полосками — так делали, чтобы вправить и дать срастись сломанной кости.

При виде его Турсле вновь представилась картина: Аффрик спотыкается, словно запутавшись в силках, спотыкается и падает ничком, заваливаясь на резной столб с вырезанным ликом Вольта. Ее желание — ее сон! Неужели это она так обошлась с Аффриком? Но если так, она не добилась, чего хотела. Потому что между двумя спутниками Аффрика стоял увиденный ею на дороге всадник — тот, кого Мафра назвала Саймондом.

Шлема на нем не было, и его светлые волосы — почти такие же бесцветные, как у нее, — блестели в свете факелов. Но голова его бессильно свесилась на грудь. И ноги у него подкашивались — видно было, что он держался прямо только с помощью стражников. В волосах его запеклась кровь.

— Свершилось! — зазвенел голос Уннанны, заставив умолкнуть собравшихся и установив тишину, в которой слышались лишь голоса болота. — Сделано, и сделано хорошо. Вот тот, кто даст нам новую жизнь! Разве не исполнилось по

моему слову? Вольт привел к нам в руки того, кто напоит нас своей Силой и…

Турсла не заметила никакого знака, но стражники вдруг выпустили Саймонда, и пленник повалился ничком. В нем, видно, еще теплилась искра сознания, потому что он выставил вперед руки, удержался на коленях, ухватился за ступень, на которой стояло кресло. И с заметным усилием поднял голову, подтянулся вперед и вверх, уцепился за подлокотник и сумел встать на ноги.

Девушка не видела его лица. Забыв обо всем, она оставила Мафру, протолкалась вперед, никого не замечая, лишь бы оказаться ближе к пленнику.

— Что вам от меня надо? — спросил тот, оборачиваясь к торам.

Аффрик сделал шаг вперед и плюнул. Рот его растянулся злобной щелью.

— Полукровок! Нам нужно от тебя то, чем ты владеешь не по праву, — та кровь, что принадлежит торам!

Раздался звук, похожий на далекий визг вакящера. Это смеялась Уннанна.

— Он верно говорит, полукровок. Ты — часть народа Тора. Пусть же эта часть теперь даст нам

то, в чем мы нуждаемся.

Ее язык, свесившись на нижнюю губу, заходил из стороны в сторону, словно она слизывала болотный мед и упивалась его сладостью.

— Нам нужна жизнь. — Она наклонилась к тому подлокотнику, за который цеплялся Саймонд. — Кровь — это жизнь, полукровок. Вольт воспретил нам брать кровь своего племени, и кровь совсем чужих не годится, потому что их не связывает с нами общее наследие. Ты — не то и не другое и потому годен для нашей цели.

— Ты знаешь, из какого я Дома. — Саймонд высоко поднял голову и властно взглянул в глаза Матери клана. — Я сын того, кто взял топор Вольта — по воле самого Вольта. Не думаешь ли ты, что Вольт обрадуется, видя, какой судьбе вы меня обрекли?

— Где теперь тот топор? — усмехнулась Уннанна. — Да, его унес Корис из Горма, но разве топор не ушел из его рук? Вместе с топором Корис утратил благосклонность Вольта. Ему теперь нет до вас дела.

Стих ропот, который вызвали слова Саймонда. Турсла протолкалась еще ближе. Она, следуя совету Мафры, открыла свой разум таившейся в нем Силе. Но не ощутила ни прилива жизни, ни

внутреннего тепла. Как же ей остановить то, что несет черное зло и погибель народу торов?

— Возьмите его… — Уннанна, поднявшись, широко раскинула руки. Ее бледное лицо горело восторгом.

Турсла шевельнулась. Все вокруг были так захвачены происходящим, что не замечали ее, пока она не шагнула из ряда, не оттолкнула одного из спутников Аффрика, пробившись к Саймонду. И заслонила его от мужчины, готового выполнить приказ Уннанны.

— Тронь меня, если посмеешь, — сказала она. — Я — наполненная. И беру этого человека под свою защиту.

Стражник уже поднял было руку, чтобы отшвырнуть ее. Теперь же он словно врос в землю, как мертвое дерево, а стоявшие за ним отступили на шаг-другой. Уннанна склонилась со своего насеста.

— Взять его! — Она замахнулась, чтобы ударить Турслу по лицу, отогнать. Девушка не дрогнула.

— Я наполнена, — повторила она.

Лютая ярость исказила лицо Матери клана.

— Посторонись, — прошипела она, обратившись в подобие черной трясинной гадюки. — Именем Вольта приказываю тебе — посторонись!

И если ты вправду наполнена…

— Спроси Мафру! — с вызовом отозвалась девушка. — Это она сказала.

— И должна ли, — зазвенел над собранием торов голос Мафры, — Мать клана повторять второй раз? Допускаешь ли ты ложную клятву в таком деле, Уннанна?

Толпа зашевелилась, расступилась, образовав проход. По нему шла вперед Мафра. Она теперь не спешила, а ступала твердо, словно видела, что́ перед ней, и ни на кого не наткнулась, не уклонилась с пути, который привел ее на свободную площадку перед креслом Вольта.

— Ты много взяла на себя, Уннанна, очень много.

— Ты взяла на себя больше! — взвизгнула Уннанна. — Да, было время, ты сидела здесь и говорила от лица Вольта, но те времена прошли. Правь, как умеешь, Домом своего клана, пока Вольт не призовет тебя к себе. Но не смей теперь говорить за всех.

— Я беру на себя не больше того, чем владею по праву, Уннанна. Если я сказала, что эта дочь Дома наполнена, посмеешь ли ты отрицать?

Губы Уннанны зашевелились:

— И ты повторишь эти слова перед Вольтом?

Это смело, Мафра. Она не была на лунном танце — кто же ее наполнил?

— Уннанна…

Мафра подняла правую руку, пальцы ее зашевелились, словно собирая и сматывая в клубок нити тумана. В повисшем между ними молчании она взмахнула рукой, как если бы метнула нечто невидимое, но осязаемое. Уннанна отшатнулась, ударилась плечами о высокую спинку кресла.

И вдруг вскинула обе руки к лицу. Из-за этой хрупкой защиты вылетели слова, в которых Турсла не распознала смысла. Но поняла, что Уннанна на время связана. И, чуть развернувшись, схватила Саймонда за руку:

— Идем!

Турсла не знала, сумеют ли они пробиться из дома Вольта и куда им потом деваться. Сейчас ей хотелось одного: выбраться отсюда, покуда ее еще защищает тонкий покров обычая.

Она даже не смотрела на Саймонда. Но тот, как видно, покорился ее приказу, потому что, отступая от кресла Вольта, она увидела его рядом. И повела за собой, надеясь только, что раненый и дальше удержится на ногах.

Аффрик заступил им дорогу. В здоровой руке он держал короткое копье. Турсла твердо встретила

его взгляд и придвинулась ближе к Саймонду. Она не сказала ни слова, но намерения ее были ясны и так. Любой удар по чужаку примет она. Поднять оружие против наполненной… Аффрик зарычал, но отступил, видя, что она не уступит, и тогда остальные тоже дали ей дорогу, как до того — Мафре.

Чудом они добрались до внешних стен дома. Турсла часто дышала, как после долгого бега. Куда теперь? Вернуться в дом клана она не могла. Даже Мафра не удержит тяжести рухнувшего обычая так долго, чтобы дать Саймонду время для бегства. И все пути, что ведут отсюда, скоро будут перекрыты.

Дорога к пруду, к морю! Словно голос, раздавшийся из тумана, напомнил о нем Турсле. Она впервые обратилась к спутнику:

— Тебе нельзя здесь оставаться. Думаю, даже Мафра не удержит Уннанну надолго. Надо идти. Ты выдержишь?

Она заметила, что он хоть и держался на ногах, но пошатывался. Оставалось только надеяться.

— Госпожа… клянусь гибелью Кольдера, я постараюсь!

И они окунулись в кипень этого невиданного вязкого тумана. Турсла видела не дальше вытя-

нутой руки. Безумие! Сбейся с дороги, ступи не на ту кочку — и топи поглотят их так, что и следа никто не найдет.

И все же она шла вперед и вела его за собой. Вскоре они поравнялись, Турсла закинула его руку себе на плечо, приняла на себя часть его веса. Временами он что-то бормотал — бессвязно и бессмысленно.

Они уже порядочно отошли от острова клана, когда над болотами снова разнесся гортанный сигнал тревоги. Теперь следовало ожидать погони. Задержит ли охотников окутавший их туман? Турсле была страшно: такие, как Аффрик, куда лучше нее знали тропинки через трясину.

Вперед, вперед! Турсла сдерживалась, чтобы не слишком спешить. Тот, кто опирался сейчас на ее плечо, все сбивался с шага. Дорога по-прежнему лежала у них под ногами. Турсла ощущала в себе подсказку внутреннего проводника, к которому прежде никогда не обращалась. Чувство это было сродни тому, что привело ее к встрече с Ксактол под луной. Она все прислушивалась к тишине после сигнала трубы — сейчас любой звук мог означать близость погони.

Из болота по сторонам доносилось хлюпанье потревоженных их шагами мелких тварей, хрип-

лые крики зверей иного рода. Те не показывались из тумана, и сам туман не редел.

Турсла потеряла счет времени. На каждом шагу она цеплялась за единственную надежду — что они сильно опередили преследователей. Звание наполненной на время защитило ее — до разоблачения. Но защитить Саймонда оно не поможет.

Что заставило ее рискнуть всем ради чужого человека? Турсла не знала ответа. Но в видении, посетившем ее в доме Вольта, она ощутила свою с ним связь. Как будто властный гис был наложен на нее, и этот запрет не давал уклониться от предписанного судьбой.

Они подходили теперь к месту, где кончалась мощеная дорога. Девушка ничего не видела, но ощущала — странным чувством или Даром, не имеющим ничего общего со зрением, слухом и осязанием. Задержавшись, она резко обратилась к своему спутнику, рассчитывая окриком вырвать его из помрачения, в котором он двигался:

— Саймонд! — Имена имеют власть — этой властью она надеялась вернуть его к действительности. — Саймонд!

Он вскинул голову, повернул немного, чтобы видеть ее. Он был ростом с тора, ему не пришлось наклоняться, чтобы заглянуть ей в глаза. Рот его

был приоткрыт, ручеек крови с виска запекся на щеке. Но глаза смотрели осмысленно.

— Отсюда придется идти болотом. — Турсла говорила с ним медленно и раздельно, как с ребенком или с тяжелобольным. — Я не смогу тебя поддержать…

Он закрыл рот, стиснул зубы. Хотел кивнуть, но поморщился, и в глазах мелькнула боль.

— Что могу… сделаю, — обещал он.

Она всматривалась в туман. Лезть вслепую — безумие. Но такой туман, бывало, не расходился часами. Взбудораженные торы не дадут им часов, — быть может, у них времени всего на дюжину вдохов. Шума погони она пока не слышала, но народ торов был коварен и давно выучился передвигаться по своим землям без звука.

— Ступай прямо за мной.

Турсла закусила губу. Она сильно сомневалась, удастся ли задуманное. Но выбирать не приходилось.

Саймонд подтянулся.

— Иди… я не отстану, — тихо выговорил он.

Оглянувшись в последний раз, девушка шагнула в туман. Внутренний проводник не оставлял ее, ноги сами находили невидимые кочки. Она шла медленно, задерживаясь перед каждым

шагом, чтобы он мог проследить ее движение. Хотя для него этот путь вслепую наверняка был тяжелее — его не поддерживала вера в себя.

Шаг за шагом она находила путь и пыталась вспомнить, как далеко протянулась эта самая опасная часть дороги. Саймонд не звал ее, и, оглядываясь, она видела, что он держится прямо и уверенно находит опору под ногами.

Когда она шагнула на твердую почву, напряжение тела отозвалось болью в спине и плечах, напомнило о себе дрожью в ногах. Наконец-то: тот, протянувшийся подобно пальцу остров, что отмечал последнюю часть дороги к пруду. Утвердившись на ногах, она дождалась спутника. Он, ступив на твердое, упал на колени, качнулся. Турсла быстро опустилась рядом, поддержала его.

Пот, заливший ему лицо, размыл спекшуюся кровь. Он тяжело хватал воздух ртом, глаза потускнели. Мужчина сдвинул брови, словно ему трудно было удержать ее в поле зрения.

— Я… почти… выдохся, госпожа, — с болью выдохнул он.

— Уже все. Дальше дорога хорошая. И немного осталось.

Губы его растянулись в подобии угрюмой улыб-

ки.

— Доползу… если… не слишком далеко.

— Дойдешь, — твердо сказала она. Выпрямилась и обеими руками подхватила его под мышки. Напрягая остатки сил, Турсла подняла его на ноги. А потом, снова забросив его руку себе на плечо, повела к скалам над тихим прудом, окруженным песком.

Теперь ее руки теребили шнуровку одежды. Внутреннее знание подсказывало ей, что делать. Ответы вливались в голову, словно красильщик ткани подбрасывал горсть того и щепоть этого в кипящую смесь. Нельзя было забывать и обычая. Для того, что она собиралась делать, существовал определенный обряд.

Платье упало к ее ногам. Потом она склонилась над обессилевшим мужчиной, нащупала пальцами крепления кольчуги. В его открывшихся глазах встал вопрос.

— Что… делать?..

— Вот что… — Она стянула с его плеч кольчугу, другой рукой дернула за штанину. — Снимай… мы идем туда, где обходятся без этого.

Он моргнул:

— К какой-нибудь Древней Силе?

Турсла дернула плечом:

— Не знаю никаких ваших Древних Сил. Зато кое-что знаю о том, что можно призвать сюда. Если… — Она приложила палец к губам, прикусила его, только теперь осознав слабое место своего замысла. Ее это место примет, уже приняло, потому что она — то, что она есть. (Да что же, в самом деле, она такое? — прозвучал у нее в голове слабый голос. Но сейчас не было времени задаваться такими вопросами.) А примут ли его? Не испробовав, не узнаешь. — Надо… — Она твердо решилась. — Иначе нельзя. Я не знаю другого средства тебя спасти.

Она помогла ему разобраться с пряжками и застежками, снять пояс, обнажив догола тело с широкими плечами и длинными руками, выдававшими кровь торов. А потом указала на камень, с которого прыгала в тот раз.

— Не ступай на песок, — предупредила она. — Пусть лежит как лежит. Надо спрыгнуть отсюда — в пруд.

— Если сумею. — Но он вслед за ней вскарабкался на камень.

Она прыгнула — вперед и вниз. И снова вода сомкнулась над ней. Но Турсла поспешила отплыть к дальнему берегу, освобождая место. И, не переставая грести, подняла голову:

— Сюда!

Тело его белизной походило на клубы тумана. Она видела, как напрягаются его мышцы, когда он поднимался на оставленный ею камень. И вот он вытянул руки и нырнул, шумно расплескав воду.

Турсла перевернулась на спину и, как в прошлый раз, отдалась воде. Мужчина ее больше не заботил: она довела его до подсказанного внутренним голосом безопасного места, и пруд его не отверг.

Обратив глаза к небу, просвечивавшему сквозь клочья разорванного морским ветром тумана, Турсла запела — без слов, переливчатыми нотами птичьей трели.

5

Как и прежде, песок отозвался на ее призыв. Девушка не чувствовала ветра, но мельчайшие песчинки шевельнулись, завились вихрем, как в ту ночь. Поднявшийся столб раскручивался все быстрее, уплотнялся. Вот уже округлилась голова, оформилось тело под ним.

Турсла все вела свою песню без слов — творила из нее сосуд, чтобы удержать то, что призывала.

Она почти забыла о Саймонде. Как бы ни был он потрясен, но не издал ни звука, не нарушил чар песни, которую она свивала с такой же уверенностью, с какой выводила узор на ткацком станке.

И вот перед ней встала Ксактол. Турсла, видя, что она ждет, вышла из воды, ступила на камень, на котором вихрь творения не оставил ни крупинки песка.

— Песчаная сестрица… — Девушка раскинула руки, но обнять ее не решилась.

— Сестра, — отозвалась та голосом, в котором шуршал песок. — Какая нужда привела тебя?

Ее руки протянулись к Турсле, и та положила на них ладони — живая плоть встретилась с песком.

— Вот эта. — Турсла не повернула головы к плававшему в пруду Саймонду. — На него охотятся. Нельзя, чтобы его нашли.

— Это — твой выбор, сестра? — спросила ее Ксактол. — Подумай хорошо, ведь такой выбор повлечет многое, в чем ты когда-нибудь можешь увидеть зло.

— Только зло, Ксактол? — задумчиво проронила девушка.

— Не бывает чистого зла, сестра. Но вот о чем ты должна подумать: ты теперь принадлежишь

к племени торов. Если же пойдешь дальше, возврата не будет. А во внешних странах на торов смотрят без доброжелательства.

— От торов, — возразила Турсла, — лишь часть меня, песчаная сестрица. Только часть. Так же, как в нем. Тело мое от торов, но…

— Об этом молчи! — властно оборвала ее Ксактол. — Но даже если так, тело торов может подвести тебя. На границы болот наложено заклятие. Торы не могут выйти за них — живыми.

— А он?

— Его природа — двойная. Чары торов завлекли его, потому что в нем живет нечто, отзывающееся на такой призыв. Но кровь внешних стран поможет ему вырваться обратно. Если же ты попытаешься уйти с ним… — Песчаная женщина не договорила, чем грозит такая попытка.

— Что будет со мной?

— Не знаю. Это чужие чары. Во внешних странах живет свое колдовство, которому они обучались издревле и проникли глубоко. Тебе опасно идти туда.

— Здесь оставаться еще опаснее, песчаная сестрица. Ты знаешь, каким плащом укрыла меня Мафра; и в их понимании это — плащ лжи.

— Тебе решать. Чего ты ждешь от меня?

— Ты могла бы дать нам время, сестра? Охотники не оставят погони, пока мы живы.

— Это правда. Их ярость и страх долетают даже сюда. Эти чувства подобны любимому ими туману. — Песчаная женщина отвела правую руку из-под ладони Турслы. Теперь она коснулась лба девушки между бровями. — Вот что я дам тебе. Используй, как пожелаешь, — тихо проговорила она. — Я должна уходить…

— Я увижу тебя еще? — спросила Турсла.

— Нет, если таков твой выбор, сестра, — тот выбор, что я читаю в твоих мыслях. Дверь между мирами для меня открывается только здесь.

— Тогда я не могу… — вскрикнула Турсла.

— Но ты уже выбрала, сестра. Этот выбор скрывается в самой глубине твоей души. Иди с миром. Прими то, что ждет впереди, с отвагой. В том, что случилось с тобой, есть смысл. Пусть он пока скрыт от нас, со временем мы поймем. Делай, как знаешь.

Ее руки повисли, и тогда Турсла снова упала на колени, прикрыв глаза ладонью. Но вторая ладонь осталась лежать на колене, развернутая вверх.

Ксактол завертелась, раскручиваясь все быстрее. Мелкие песчинки, из которых складывалось

ее тело, втянулись в столб, а потом опали на каменное основание. Но малая горстка песка осталась в ладони Турслы.

Когда остальные песчинки улеглись вдоль кромки пруда, она встала, крепко сжимая пальцы в горсть. И окликнула Саймонда:

— Можешь выходить. Нам надо идти дальше.

Она вскинулась, заслышав звук позади. Охотники наконец вышли на след. Теперь Турсла, как и Ксактол, ощущала подгонявшие их ярость и страх. От них теперь не станет защитой даже право наполненной. Девушка задрожала. Она никогда еще не принимала в себя чужих чувств. Новизна ощущений напугала ее. Но нельзя было медлить, нельзя было допускать к себе страх перед этой ненавистью.

Саймонд вышел на берег. Он ступал уверенней, выше держал голову, но смотрел не на Турслу, а на их след, словно тоже издали учуял погоню.

Турсла поднялась на камни, где оставила платье. Держа его в одной руке, попросила Саймонда:

— Не оторвешь ли ты от него кусок? Нужно сохранить это… — Она показала кулак с зажатой в нем песчаной пылью. — До времени, когда понадобится.

Он взял у нее платье и оторвал клок вымазанного в тине подола. Она пересыпала песок и связала ткань в узел. Потом набросила на себя платье. А вот Саймонд, натянув штаны и рубаху, не стал надевать кольчугу, оставил лежать на камнях. На ее напоминание он шевельнул колечки носком сапога:

— Она меня задержит. Куда мы идем?

— К морю.

Турсла уже двинулась с места.

Вода пруда как будто оживила Саймонда, отчасти залечила его раны, так что он поспевал за ней даже по скользким скалам. Турсла уже слышала шум волн, ветер отгонял туман и запахи болот.

Они вышли на берег. Саймонд посмотрел на север и на юг и остановился к югу лицом.

— Там Эсткарп. Идем туда.

«Если сумею, — подумала Турсла. — Велика ли мощь наложенного на торов заклятия? Только ли тела подвластны ему или и дух тоже? Сумеет ли мой дух порвать наложенные на тело путы?»

Но ничего этого она не произнесла вслух.

Они быстро пошли по полоске песка вдоль края прибоя. Сзади закричали, над водой мелькнуло брошенное копье. Предупреждение, догадалась Турсла. Их хотели не убить, а взять пленниками.

Может быть, Уннанна еще не отказалась от мысли о жертвоприношении.

Вдруг девушка, ахнув, запрокинулась навзничь. Она словно налетела на стену, жестко отбросившую ее тело. Саймонд уже опередил ее на несколько шагов. Обернувшись на вскрик, он кинулся обратно.

Турсла протянула перед собой руки. Преграда — невидимая, но прочная, как стена кланового дома. Турсла осязала ее плотность.

Стена, возведенная извне вокруг Торовых топей! Как видно, преграда и в самом деле непроницаема для нее.

— Идем же!

Саймонд уже был рядом — стены для него будто не существовало. Он подхватил Турслу, потянул за собой.

— Нет… не могу! Чары твоего народа, — выдавила она. — Ступай — дальше они за тобой не погонятся.

— Без тебя не уйду, — мрачно объявил он. — Попробуем морем. Ты умеешь плавать?

— Не слишком хорошо.

Турсла иногда плескалась в болотных озерцах, однако довериться морю — дело другое. Но что ей еще оставалось? Жар ненависти бил в спину,

ясно указывая, что их ждет.

— Идем…

— Стоять! — послышалось за спиной. Аффрик. Она, даже не оглядываясь, распознала, кто возглавляет охоту.

— Иди… — Турсла попыталась протолкнуть спутника за стену, которая не была для него стеной.

— В море! — повторил он.

Но было поздно. Еще одно копье, брошенное умелой рукой, мелькнуло между ними и отскочило от стены. Турслу развернуло кругом, рука ее взметнулась к груди, сжимая унесенный от пруда песок.

Да, Аффрик. И еще Брунуол и Гауэн. За ними следом еще два десятка, и в глазах у каждого свирепая ненависть, с какой Турсла еще не сталкивалась. Вольно или невольно они направляли эту ненависть как оружие, и девушка зашаталась под ранившими душу ударами.

У нее достало сил развязать тряпичный узелок. Она положила его на ладонь и рванула узел другой рукой. Открывшийся песок поднесла к губам и с силой дунула. И громко крикнула вслед взметнувшимся песчинкам. Без слов — такую мощь не призывают словами этого мира. Нет, ее

голос взревел, подобно тревожной трубе торов.

Рассеянные ее дуновением песчинки пропали из виду. Зато из прибрежного песка взвился белый смерчик. Он вставал все выше, как в тот раз, когда лепил из себя тело Ксактол. Втягивая в себя вещество береговой полосы, он набирал высоту, но не принимал иной формы, оставаясь колонной. Зато уже поднялся много выше голов охотников.

Аффрик и его люди подались назад перед незнакомой угрозой. Но отступили недалеко, и Турсла не сомневалась, что они не отказались от своих смертоносных намерений.

Вершина столба принялась кивать, склоняясь в сторону торов. Турсла ухватилась за плечо Саймонда. Этот столб питался ее Силой, и она догадывалась, что недолго сможет управлять им.

— В море!

Вслух она это сказала или он прочитал ее мысли? Ответа Турсла не знала. Но Саймонд уже обнял ее и шагнул в прибой, увлекая за собой девушку.

Набежавшая волна накрыла их колени. Турсла напряжением воли еще удерживала песчаный столб, но больше не оборачивалась проверить, насколько действенно ее усилие.

Она слышала крики, но кричали теперь не беглецам. То один, то другой голос вдруг обрывался. Вода уже поднялась высоко. Саймонд, не удостоив взглядом творящееся на берегу, отдал приказ.

— Ложись на спину. Держись на воде. Остальное предоставь мне!

Турсла последовала его совету. Преграды она пока не чувствовала. Повернувшись, девушка снова увидела берег. Его застилал туман. Нет, не туман — вихрь песка, такой густой, что наполовину скрывал бившихся в нем людей, которые не могли вырваться из его объятий.

Потом она легла на спину, и Саймонд поплыл, таща ее за собой. Он больше не удалялся от берега, а двигался вдоль него. У Турслы не осталось сил поддерживать песчаную бурю. Она иссякла. Сил грести не осталось, даже если бы она умела.

Крики стали громче. А потом…

Что-то с силой оттолкнуло ее, загнало под воду. Она ахнула, и соленая вода хлынула в рот, обожгла легкие. Турсла боролась за дыхание. Стена! Это стена. Она хотела крикнуть Саймонду, что все зря, что ей не уйти.

Не уйти! Заклятия извне заперли ее, ее тело в болотах Тора. Никакой… надежды…

Доведенная до исступления страхом утонуть,

Турсла попыталась сбросить с себя державшую ее руку, оттолкнуть Саймонда, чтобы не утянуть за собой и его.

«Пусти! Пусти меня!» — мысленно крикнула она, и вода хлынула в нос и рот.

Откуда-то обрушился удар. С ним пришла вспышка боли. А потом… пустота.

Она медленно возвращалась из темноты. Вода… она тонет! Пусть Саймонд ее бросит!

Воды не было. Она лежала на твердом, ее не подбрасывали волны. И дышать было можно. Воды не осталось ни в носу, ни над головой. Долгую минуту этого ей было довольно. Но…

Значит, они на берегу? Песок, не поддерживаемый ее волей, наверняка улегся. Что, если Аффрик…

Турсла открыла глаза. Над ней выгибалось небо — ясное, только одно облачко проплывало. Болотного тумана нет и в помине. Она подняла голову — это оказалось очень трудным делом, сил не осталось, они кончились.

Песок — белый, исчерченный рябью набегающих и отбегающих волн. И скалы. И море. Ни Аффрика, ни других торов. Она… Турсла, опершись на руки, села.

На мокрое платье густо налип песок. Песчинки

скрипели даже на зубах. И никого, совсем никого. Но, оглядевшись, она сразу поняла, что это не тот мысок, к которому выходили Торовы топи.

Мало-помалу она сумела развернуться в сторону суши. Теперь слева, вдалеке, дымом от сотен, нет, тысяч костров поднимался, насколько хватало глаз, болотный туман, скрывший все, что осталось на той стороне.

Они пробили преграду! Это внешние страны.

Турсла перевалилась на колени — ей захотелось рассмотреть неведомый мир. Вблизи тянулся песчаный берег. Дальше росла жесткая трава, за ней начинались кусты. Но болотом не пахло.

Где же Саймонд? Одиночество, утешавшее, пока она боялась охотников Аффрика, теперь внушало тревогу. Куда он ушел — и зачем? Бросил! — испугалась девушка. Из-за того, что она из племени торов. Должно быть, здесь так ненавидят обитателей болот, что спасший ее считает, что уплатил долг с лихвой, и больше не желает ее видеть?

Должно быть, так, угрюмо решила Турсла. Должно быть, этот Корис ненавидел частицу торовой крови в себе и в сыне воспитал стыд за нее. Ведь и тор, несущий в себе кровь внешних стран, стыдился бы за нее перед соплеменниками.

В глазах Саймонда она принадлежала к племе-

ни торов. А торы…

Турсла подперла голову ладонями и попыталась собраться с мыслями. Ей недаром советовали хорошенько подумать — ведь принятое решение навсегда сделало ее изгоем. Ксактол не зря предостерегала. Покинув берег пруда, она навсегда порвала связь с тем разумом?.. Духом?.. С той сущностью, что единственная могла ее понять.

Мафра… Турсла только теперь подумала и задохнулась от мысли, что сталось с Матерью клана, своим волшебством прикрывшей их от Уннанны; правда, кто из торов осмелился бы поднять руку или возвысить голос против Мафры? В этот миг девушка страстно желала бы вернуться в прошлое, снова оказаться в доме клана — в ту ночь, когда она покинула его для встречи с песчаной сестрицей.

Но прошлого не вернешь. Турсла тряхнула головой. Напрасный труд. Никому не дано вернуться к пройденной развилке, выбрать другую дорогу. Она сделала выбор, и с ним должна жить — или умереть.

Турсла уныло разглядывала берег. Море было пустынно, с этой стороны она не ждала помощи. А ее уже мучил голод. Солнце клонилось к западу. У нее даже ножа за поясом не было, а как знать,

какие страхи рыщут во внешних землях после наступления темноты?

Передвигаться она могла только на четвереньках. От попытки подняться на ноги закружилась голова, девушка пошатнулась и упала. Голод и жажда — живот громко требовал, чтобы его наполнили.

Наполнили! Теперь ее клан никогда не раскроет обмана. Если ее, как говорила Мафра, наполнило что-то иное, то что же это и где оно?

Она подтянула колени к груди, обхватила их, свернулась комочком, потому что ветер стал холодней, щипал щеки, как никогда не щипали их ветры Торовых болот. Турсла пыталась рассуждать здраво. Что ей теперь считать удачей? Что — неудачей? Вторых набралось много больше первых. Но были и удачи: она сбежала от охотников — и от гнева торов, когда те узнали бы, что она не принесет дитя, чтобы пополнить вымирающий род. В ней живет подаренное Ксактол знание, хотя она и не умеет пока его применить.

Но если песчаная сестра навеки отрезана от нее, кто и когда ее научит?

И где ей найти убежище? А еду? Что, если, признав в ней женщину торов, все жители этих земель станут гнать ее прочь?

Ей…

— Эгей!

Турсла живо обернулась.

Сквозь прибрежные кусты ехал всадник, она видела голову — непокрытую голову. Саймонд! Она, сама не зная как, вскочила на шаткие ноги, слабым, тонким голосом отозвалась на его оклик:

— Саймонд…

В ней как будто лопнул тугой болезненный ком. С трудом переставляя ноги, она заковыляла навстречу. Не одна! Он ее не бросил.

Лошадь перешла на рысь. За ней шла другая, Саймонд вел ее в поводу. Он подскакал, осыпав ее песком из-под конских копыт. И вот она уже в седле, в его объятиях.

Она только и могла, что бессмысленно повторять его имя, выпуская с ним всю боль измученного тела.

— Саймонд! Саймонд!

— Все хорошо, все хорошо.

Он крепко держал ее, и от одного его присутствия, покончившего с одиночеством, ей становилось спокойнее и легче.

— Мне пришлось уйти, — объяснял он ей. — Надо было раздобыть лошадей. Тут недалеко пост. Я

вернулся, как только смог.

Она уже немного овладела собой.

— Саймонд. — Она заставила себя взглянуть ему прямо в глаза, зная, что он не станет утешать ее ложными надеждами. — Саймонд, я из торов. Не знаю, как ты провел меня сквозь установленную твоим народом преграду, но я осталась тором. Примет ли меня твой народ?

Его руки обхватили ее лицо, и он ответил ей прямым взглядом.

— Торы объявили себя нашими врагами, но мы не искали вражды. К тому же я сам отчасти тор. И весь Эсткарп знает, что кровь торов в жилах Кориса обернулась благословением, а не проклятием. Она принесла ему топор Вольта — другому он бы не дался в руки. И он не отдал Эсткарп на съедение тем, кто хуже голодных волков. Кровь торов для нас не клеймо.

Он рассмеялся, и от улыбки показался ей совсем другим человеком.

— Вот удивительно: ты мое имя знаешь, а я твоего нет. Достоин ли я, чтобы ты мне его доверила?

Ее щеки, стянутые песком и морской солью, растянулись в ответной улыбке.

— Я Турсла из… Нет, я больше не принадлежу

клану и Дому. А вот кто я теперь — и что я такое, — мне еще предстоит узнать.

— Это будет нетрудно. Здесь найдется, кому тебе помочь, — обнадежил он.

— В этом не сомневаюсь, — еще шире улыбнулась Турсла.

Соколиная кровь[5]
Рассказ

Танри облизывала израненные, горящие от морской соли кончики пальцев. Волосы, отяжелевшие так, что их не трепал ветер, липли к обожженному песком лицу.

Пока что довольно и того, что она живой вырвалась из бурного моря. Да, для сулькарцев море — это жизнь, но оно же и смерть. Вопреки воспитанному в ней смирению, жажда жизни заставила Танри пробиваться к берегу.

Над головой пронзительно кричали чайки. В их голосах звучало такое отчаяние, что Танри подняла голову к мрачному после бури небу. Птицы завидели грозного врага. Широкие темные крылья, грудь с белым клинышком перьев — ошибки быть не могло. Сокол спикировал,

---

[5] Примечания: 5
Перевод Г. Соловьевой.

схватил беспощадными когтями одну из чаек и унес жертву на вершину утеса.

Сидя на скале, он терзал добычу острым клювом. С его лап свешивались шнурки — знак службы.

Сокол.

Девушка сплюнула песчинки, обхватила руками исцарапанные колени, кое-как прикрытые сорочкой. Килт она сбросила вместе со всей одеждой, когда ныряла с бьющегося о пенные рифы корабля.

Корабль!

Она вскочила, обернулась к морю. Ярость шторма еще вздымала волны. На клыках рифов повис ее «Вепрь». От мачт остались одни обрубки. На глазах у Танри новая волна подхватила корабль и ударила о камни. Судно быстро разваливалось на части.

Танри задрожала, оглядывая узкую полоску песка. Спасся ли кто-то еще? Сулькарцы вскормлены морем — не может быть, чтобы ни один не добрался до берега.

Вклинившись между двумя камнями, чтобы не утащили в море отступающие волны, лицом вниз лежал мужчина. Танри подняла пальцы с обломанными ногтями, начертила ими знак

Воттина, вознесла вековечную мольбу:

Ветер и волны,
Мать Море,
Ведите нас домой.
Гавань далека,
Коварны волны,
Но вашей силой
Сулькар спасется!

Человек пошевелился? Или ей это померещилось из-за воды, омывающей его?

Но этот человек… Он был не из сулькарской команды. Туловище от шеи до бедер затянуто в кожу, ноги обвиты водорослями.

Сокольник!

Она сплюнула запекшимися от соли губами. Правда, сокольники по давнему договору с сулькарцами служили наемными бойцами на их кораблях, но они всегда держались наособицу, эти крепкие молчаливые мужчины. В сражении хороши, да, надо отдать им должное. Но кто знает, что у них в головах, вечно укрытых шлемами в виде хищных птиц. Впрочем, этот, видно, сбросил боевое снаряжение и от этого казался непривычно голым.

Она услышала резкий крик. Сокол, насытившись, слетел к телу. Птица опустилась на песок, куда не доставали волны, и кричала, будто хотела разбудить хозяина.

Танри вздохнула. Она знала свой долг. Волоча ноги по песку, двинулась к лежащему. Сокол снова вскрикнул, всем видом выражая угрозу. Девушка остановилась, с опаской рассматривая птицу. Такие обучены бою, метят в глаза, в открытое лицо врага. Они для своих хозяев — тоже оружие.

Она заговорила вслух, как если бы обращалась к равному:

— Я не сделаю зла твоему господину, летун.

Она протянула к нему руку в древнейшем жесте мира.

Глаза птицы — крошечные тлеющие угольки — встретили ее взгляд. Танри почудилось, что разума в них больше, чем в глазах обычной птицы. Танри осторожно приблизилась к бесчувственному мужчине, и сокол больше не кричал, хотя в его упорном взгляде светилась угроза.

Танри была не из слабаков. Высокая и сильная, как все ее соплеменники, она была привычна поднимать тяжести, тянуть корабельные канаты, перетаскивать груз, если грузчиков не хватало.

Сулькарцы проводили жизнь на корабельной палубе, женщины работали наравне с мужчинами.

Она наклонилась, подхватила сокольника под мышки, оттащила подальше на сушу и перевернула лицом к небу.

В последнем плавании «Вепрь» взял на борт дюжину наемников (поскольку шел на юг, где в море еще рыскали акулы-пираты), но Танри их друг от друга не отличала. Они не снимали закрывавших лицо шлемов и держались особняком, только их командир при необходимости заговаривал с корабельщиками.

Лицо мужчины покрывала корка песка, однако он дышал — грудь под промокшим кожаным жилетом слабо поднималась и опускалась. Танри смахнула песок с его тонких губ, прочистила ноздри. Между припорошенными песком бровями залегли глубокие морщины, на лице застыла маска суровости.

Танри снова села на пятки. Что ей известно о товарище по несчастью? Прежде всего то, что жизнь сокольников протекала в строгих и узких рамках, с какими не смирился бы другой народ. Никто не знал, где исток их рода. Много поколений назад что-то погнало их в странствия, тогда-то они и встретились с народом Танри,

тогда между ними возникла связь — сокольники искали пути на юг от берегов, к которым причаливали только сулькарские корабли.

Они просили взять на борт все племя — около двух тысяч, из которых две трети — бойцы, каждый с обученным соколом на руке. Но отличал их от всех племен другой обычай. Женщины и дети с ними были, но ни кланов, ни семей у них не было. Сокольники видели в женщинах лишь средство вынашивать детей. Женщинам отводили отдельные поселения и посещали их только с дозволения и по выбору командиров. Лишь эти краткие встречи связывали два пола.

Сперва они двинулись в Эсткарп, потому что знали, что древнюю страну теснит враг. Но непреодолимая преграда не позволила эсткарпцам принять их на службу.

Правившие в Эсткарпе колдуньи сочли про́клятым народ, так обходившийся со своими женщинами. Тогда сокольники пробрались в незаселенные южные горы, построили свои гнездовья между Эсткарпом и Карстеном. В годы Великой войны они сражались плечом к плечу со Стражами Границ Эсткарпа. Но когда истощенный Эсткарп столкнулся с превосходящей мощью Карстена и колдуньи величайшим напряжением

Сил (погубившим кое-кого из их числа) изменили сам лик земли, заранее предупрежденные сокольники поневоле вернулись на равнину.

Их к тому времени осталось мало, и мужчины искали любой службы. За Великой войной пришли смута и безвластие. Те, кто знал в жизни только войну, становились разбойниками, и хотя в самом Эсткарпе сохранилось подобие порядка, почти все прочие земли считались опасными. Танри подумалось, что этот сокольник, когда он без шлема, кольчуги и оружия, похож на любого мужчину Древней расы. Темные волосы, припорошенные песком, казались черными, кожа была бледнее ее загорелых рук. Острый нос походил скорее на кривой клюв сокола, и глаза у него были зеленые. Да, глаза открылись и смотрели на нее. Брови сдвинулись еще строже.

Мужчина, попробовав сесть, скривился от боли. Танри не читала мыслей, но была уверена, что свою слабость перед ней он принял как пощечину.

Сокольник снова попытался подняться, отодвинуться от нее, опираясь на руки. Одна рука подломилась. Девушка склонилась к нему — наверняка сломана кость.

— Нет! Ты… женщина! — В его голосе прозвуча-

ло такое отвращение, что она разозлилась.

— Как хочешь.

Она распрямилась, нарочно развернулась к нему спиной, отошла по песчаной полоске за утес близ поросшего водорослями рифа.

Ярость шторма, как обычно, принесла дары — что-то было сорвано с палубы «Вепря», что-то выброшено прежними бурями. Танри заставила себя сосредоточиться на поисках чего-нибудь полезного.

Она представления не имела, далеко ли отсюда до знакомых ей стран. Буря отбросила корабль далеко за границы Карстена. А по нынешним временам всего неизвестного следовало остерегаться.

В клубке морской травы что-то блеснуло. Танри поспешила подхватить, пока волны не унесли находку в море. Нож… нет, кинжал длиннее обычного ножа — каким-то чудом воткнулся острием в обломок доски. Она не без труда высвободила лезвие. Десятидюймовый клинок еще не успел заржаветь.

Какая удача! Крепко стиснув зубы, девушка зашагала к сокольнику. Тот закрывал глаза здоровой рукой, словно заслоняясь от мира. Нахохлившийся сокол рядом с ним гортанно

вскрикивал. Танри с кинжалом в руке встала над обоими.

— Послушай, — холодно заговорила она. Не бросать же беспомощного в беде, хотя бы он и презирал ее помощь. — Слушай, сокольник, думай обо мне что хочешь. Я тоже не собираюсь распить с тобой чашу дружбы. Но раз море нас выплюнуло, значит не пришел еще наш час искать Последних Ворот. Жизнью так просто не разбрасываются. А потому… — Она встала рядом с ним на колени, заодно подтянув к себе валявшуюся поблизости деревяшку. — Согласишься ли ты обратиться к моему лекарскому искусству — уж какое оно ни есть? А оно, — откровенно призналась девушка, — невелико.

Он не убирал заслонявшей глаза ладони. Но и не отшатнулся, когда она разорвала на нем рукав рубашки и стеганого подлатника, обнажив плечо. Танри не слишком нежничала — медлить означало только затягивать боль. Мужчина не издал ни звука, пока она вправляла кость (слава Силе, перелом оказался простой) и обрывками собственной сорочки приматывала ему предплечье к дощечке-лубку. Только когда она закончила, он взглянул на девушку:

— Плохо?

— Перелом чистый, — заверила она. — Только… — Она смерила скалу хмурым взглядом. — Как ты, однорукий, туда вскарабкаешься?

Он с трудом сел — у Танри хватило ума не помогать ему. Опираясь на здоровую руку, он сумел окинуть взглядом скалы и море. И пожал плечами:

— Не важно…

— Это важно! — вспылила Танри.

Она пока не видела, как им обоим выбраться из этой бухты. Но не сидеть же здесь, пленницей скал и волн?

Она тронула пальцем нож-кинжал и снова принялась разглядывать скалы. Сунуться снова в воду — их разобьет о камни. А скальная стена вокруг бухты выветрена, хватает уступов и впадин, чтобы зацепиться и поставить ноги. Она прошлась вдоль короткого берега, изучая обрыв. У сулькарцев головы на высоте не кружатся, а сокольники — горные жители. Жаль только, этот не отрастил крыльев, как его летучий соратник.

Крылья! Она постукивала себя по зубам кончиком кинжала. В голове мелькнула мысль, и Танри крепко ухватила ее за хвост. И поспешно вернулась к мужчине.

— Твоя птица… — Она указала на красноглазого

сокола, перебравшегося к нему на плечо. — Какая в ней сила?

— Сила? — повторил он, впервые выказав удивление. — К чему это ты?

— Сила в них есть, — нетерпеливо объяснила Танри, — это все знают. Они ведь служат вам глазами и ушами, ведут разведку? А что еще, кроме этого и умения драться?

— Ты что придумала? — спросил он вместо ответа.

— Там, наверху, есть выступы. — Танри указала на вершину утеса. — Твой сокол там уже побывал. Я видела: он убил чайку и съел ее там, наверху.

— Ну да, острые пики и…

— И вот что, птичий воин. — Она снова села на пятки. — Эти водоросли крепче всякой веревки. С веревкой ты сумел бы взобраться?

Он зыркнул на нее так, словно Танри лишилась и малой доли рассудка, дарованной женскому полу. Но вдруг прищурился и, обернувшись, смерил взглядом скалу.

— Людей своего клана я бы и спрашивать не стала, — нарочно подначила она. — Для наших это детская забава.

Его бледное лицо покраснело.

— И как ты думаешь зацепить там веревку?

Танри готова была к тому, что он ответит на обиду ударом, но сокольник сдержался.

— Если твой сокол сумеет занести наверх тонкий шнур и накинуть петлей на один из тех шпилей, следом можно будет затянуть веревку потолще, двойную и с петлями вместо ступеней. Я бы сама забралась и подтянула веревку, но тебе с одной рукой понадобится моя помощь.

Она ждала, что он откажется. Но сокольник повернулся к птице и заворковал, обращаясь к ней.

— Можно попробовать, — сказал он Танри, закончив разговор на птичьем языке.

Морская трава поддавалась ножу, а сокольник, хоть и одной рукой, помогал ей свивать пряди. Наконец в руке Танри оказался тонкий шнур, крепко привязанный к более солидной веревке, которую она придерживала другой рукой.

Сокольник снова заговорил по-птичьи, и его сокол подхватил тонкий шнур ближе к середине. Быстрые, уверенные взмахи крыльев подняли птицу вверх, и Танри только успевала перебирать шнур в надежде, что не ошиблась с длиной.

Сокол стал спускаться, и шнур в руке Танри обвис. Она медленно, без рывков потянула, и толстая веревка пошла вверх, повисла вдоль скальной стены.

Думай только о следующем шаге, — напомнила себе Танри, приступая к подъему. Она обвязала спутника толстой веревкой, закрепленной наверху. Правая рука у него не действовала, но пальцами другой он находил зацепы не хуже нее. Сапоги сокольник сбросил и повесил себе на шею, чтобы подниматься босиком.

Танри карабкалась рядом с ним, готовая подхватить его, и то и дело отрывала взгляд от скальной стены, чтобы покоситься на спутника. Невидимый снизу уступ облегчил им путь. Там они задержались, чтобы перевести дыхание. Танри прикинула, что позади уже две трети пути, но сокольник обливался потом, ручейки стекали по лицу к подбородку.

Он первым нарушил молчание, неуклюже поднявшись на ноги и опершись здоровой рукой о скалу:

— Давай, пошли уже!

— Постой!

Танри лезла наверх.

— Дай сперва я поднимусь. А ты покрепче держись за веревку.

Он заспорил, но она не стала слушать и на боль в пальцах тоже не обращала внимания. Но когда она наконец оказалась наверху, то какое-то время

лежала, глубоко дыша и сотрясаясь от рыданий. Ей не хотелось больше ничего — только лежать там, где она была, потому что казалось, что силы постепенно покидают ее, как кровь вытекает из открытой раны.

Вместо этого Танри встала на колени и переползла к тому выступу скалы, на котором держалась разлохматившаяся веревка. Танри мрачно стиснула зубы, ухватилась за туго натянутую веревку и крикнула — собственный голос показался ей тонким, как крик кружившего наверху сокола:

— Давай!

Она потянула, как привыкла тянуть канаты на корабле, и ощутила ответный рывок. Он лезет. Веревка вершок за вершком протягивалась между ее израненными ладонями.

Потом над обрывом поднялась рука, ухватилась за край. Откуда ни возьмись появились новые силы — а ведь казалось, уже ни капли не осталось, — и она откинулась назад, не выпуская из рук каната.

Изнеможение кружило голову, и в первые мгновения Танри сознавала только, что веревка больше не рвется из рук. Неужели он… сорвался? Танри кулаком протерла глаза, разгоняя туман.

Нет, он лежал, вытянувшись головой к ней, а ступни еще торчали над обрывом. Должно быть, пытался отползти подальше от края, как раньше — от жадной хватки моря. Только теперь Танри нашла в себе силы шевельнуться. Сокол снова слетел вниз, опустился у самой головы хозяина. И трижды резко заклекотал. Человек зашевелился, без ее помощи отполз еще дальше от опасного края.

Танри, видя это, поднялась, перебирая руками по скальному шпилю. Скала под ногами качалась, как палуба «Вепря», так что ей пришлось вспомнить моряцкую выучку, чтобы удержаться при такой качке.

Сокольник подполз к ней и, тоже хватаясь за камень, приподнялся, чтобы оглядеться. И тут же выпучил глаза, уставившись ей за спину.

Рука Танри сжала рукоять кинжала. Она оттолкнулась от скалы, на которую опиралась, но устоять без поддержки еще не могла.

И тут она тоже увидела.

Все эти выступы и шпили были созданы не стихиями. Кто-то обдуманно укладывал камень на камень. Огромные глыбы складывались в арку, дальше тянулась, кажется, целая стена — неприступная сплошная стена, и только в вышине,

выше, чем скала над бухтой, виднелись узкие отверстия, словно прорубленные гигантским топором. Руины.

Ледяная игла воткнулась под ребра Танри. Она слышала много рассказов о таких древних руинах, и почти все они считались зловещими, опасными для путников. Эта земля была очень, очень стара, и не счесть сколько племен правили ею, чтобы со временем обратиться во прах. Не все эти народы были людскими. Сулькарцы знали немало таких древних селений и благоразумно обходили их стороной — если их не защищали мощные заклятия Мудрых.

— Салзарат!

Удивление на лице сокольника сменилось новым выражением. Танри всмотрелась. Что оно выражает — благоговение?.. или страх? Ясно одно: это место ему знакомо.

Он с усилием выпрямился в полный рост, хотя все еще придерживался рукой за груду обтесанных плит.

— Салзарат…

Так предупреждающе шипит перед броском змея или потревоженный боевой коршун.

Танри вновь отвернулась от сокольника к руинам. Должно быть, зарница в нависших свин-

цовых тучах открыла ей глаза. Она увидела — и ахнула.

Дальняя стена, та, что казалась почти нетронутой временем, приобрела новые очертания. В ней виделось… Что это — обман зрения или искусство сложивших ее неведомых зодчих? Танри теперь видела не стену, а голову огромного сокола со щелями-бойницами над острым выступом клюва.

А в клюве…

В клюве, размытое непогодой, едва узнаваемое, бессильно висело подобие человеческого тела.

С каждым мигом сходство проступало яснее. Каменная голова выдавалась вперед… Вот-вот уронит схваченную добычу наземь, расклюет…

— Нет!

Вслух или только мысленно прозвучал ее негодующий крик? Это всего лишь камни (да, искусно сложенные и пригнанные), но всего лишь старые, старые камни. Танри зажмурилась и, не открывая глаз, сделала несколько глубоких вдохов. А когда открыла глаза, не увидела птичьей головы — только камни.

Пока Танри боролась с мороком, ее спутник рванулся вперед. Он подтянулся к следующему выступу руин, словно не замечая веса пристроившегося на плече сокола. Его обычную хмурую

гримасу стер восторг. Сокольник двигался, как под действием чар, и Танри уступила дорогу шатавшемуся человеку, не сводившему глаз со стены.

Всего лишь камни, упрямо твердила она. И незачем ей здесь задерживаться. Нужны укрытие и еда (она только теперь заметила гложущий голод) — в этой стране должны найтись средства поддержать жизнь. Танри решительно двинулась за сокольником, но кинжала из рук не выпускала.

Он брел вперед, пока над ним не навис гигантский клюв. Тень того, что было зажато в клюве, упала на мужчину. Тогда он остановился, подобрался, как воин перед командиром, поручающим ему важное дело, или… или как жрец перед обрядом.

Его голос гулко отдался в руинах, повторяя слова — или звуки (схожие с теми, какими он обращался к своей птице). Переливчатый зов впивался в уши. Танри вздрогнула. Показалось почему-то, что сейчас прозвучит ответ — от кого? Или от чего?

Голос мужчины возвысился до резких нот соколиного крика. И тогда птица с его плеча поднялась на крыло. Она тоже выкрикнула призыв

— или приветствие, и голос птицы неразличимо смешался с человеческим.

Когда оба умолкли, сокольник двинулся дальше. Он ступал теперь уверенней, не искал опоры, как если бы обрел второе дыхание. Он прошел под клювом — и пропал!

Танри прижала кулак ко рту. Там не было дверного проема. Не может же зрение так ее обманывать! Ей хотелось бежать куда глаза глядят, но, озираясь, она поняла, что руины перегораживают все дороги и единственная тропа ведет к одному месту.

Тропа Древних, там затаилось зло. Она ощущала его всей кожей, словно слизняк прополз по ней, оставив мерзкую слизь. И все равно… Танри вздернула подбородок, упрямо сжала челюсти. Она сулькарка. Раз нет другой дороги, она пройдет по этой.

Она шагнула вперед, запретила себе колебаться, но оставалась настороже. Тень клюва уже накрыла ее и показалась ледяной, хотя даже солнечный свет не мог бы ее согреть. И все же дверь там была. Хитроумно сложенные камни и тень клюва скрывали ее от глаз, пока не подойдешь на расстояние вытянутой руки. Набрав в грудь воздуха, досадуя на собственную глупость, Танри

шагнула в проем.

Из темноты за дверью ей стал виден серый просвет. Стена, должно быть, была такой толстой, что в ней пришлось пробить не дверь или ворота, а длинный туннель. И что-то мелькало впереди, заслоняя выход. Сокольник.

Она ускорила шаг и почти догнала его к тому времени, как они вышли на широкий крепостной двор. Стены окружали его, но то, что открылось ей на этом плацу, заставило Танри запнуться на полушаге.

Люди! И кони!

Потом она разглядела трещины и поломки: там туловище без головы, здесь лошадиный остов без ноги. Когда-то изваяния были раскрашены, древняя краска глубоко въелась в камень, хотя и поблекла от времени.

Застывший отряд выстроился стройными рядами, обратившись лицом к точке слева от нее. Каждый держал в руках повод коня, у каждого на луке седла сидел сокол. Отряд ждал приказа, готовился к бою.

Ее спутник только скользнул взглядом по древним воинам — то ли не заметил, то ли не придал им значения. Он смотрел туда же, куда они.

Там поднимались две широкие ступени, веду-

щие к проему новой двери, широкой, как готовая поглотить человека пасть. Сокольник подтянулся на первую ступень, на вторую… Он знал, что́ лежит за той дверью, — это было его прошлое, неведомое народу Танри. Но девушка не захотела остаться позади. Проходя, она вглядывалась в лица воинов. Закрытый шлем каждый держал в согнутой руке, словно, вопреки обычаю, им пришлось обнажить лица. И она заметила, что все лица разные, хотя и принадлежат, несомненно, одному народу. Их ваяли с натуры.

Шагнув в дверь, Танри снова услышала сливающиеся голоса человека и птицы. Что ж, по крайней мере, оба еще живы, хотя в ней не утихало предчувствие затаившегося зла.

За дверью открылся смутный сумрак. Перед ней раскинулся, теряясь в тенях по сторонам, огромный зал. И не пустой. Здесь тоже были статуи, иные в платьях, в головных платках. Женщины! Женщины в Орлином гнезде? Она всмотрелась в ближайшую, проверяя, нет ли ошибки.

Вода и ветры, потрепавшие отряд во дворе, здесь ничего не тронули. Да, на плечах высившегося в человеческий рост изваяния лежала пыль — но и только. Застывшее лицо женщины выражало… Хитрое предвкушение и… жадный

голод? Эти уставленные прямо перед собой глаза — почудилось или в их глубине в самом деле горит искра разума?

Танри смирила разыгравшееся воображение. Они не живые. Но эти лица… Она рассмотрела второе, перешла к третьему. В каждом был тот же неутолимый голод, между тем как лица мужских статуй казались совершенно бесстрастными, словно их ваяли с мертвецов.

Сокольник уже добрался до дальнего конца зала. Он молча остановился перед возвышением с четырьмя статуями. Ваятель не придал им торжественных поз, а словно захватил посреди движения. Смертоносного движения, как поняла Танри, поспешно пробежав по пыльному полу.

Мужчина сидел или, точнее сказать, распростерся на троне. Голова его поникла, обе руки сжимали рукоять вонзившегося в грудь кинжала. Другой мужчина, моложе первого, занес меч над женщиной, а та скорчилась, всем видом выражая такую ярость и ненависть, что Танри пробрала дрожь.

А вот четвертая статуя стояла чуть в стороне, и ее черты не выражали страха. Одета она была проще другой женщины: на запястьях, на шее, на поясе не блестели драгоценные украшения.

Волосы ее свободно падали на плечи, стекая почти до пола.

Эти волосы блестели даже в сумерках. И глаза — темные, красные, нечеловеческие… мыслящие, ликующие, жестокие… живые!

Танри поняла, что не может оторвать взгляда от этих глаз.

Может быть, она вскрикнула или пробудилась какая-то древняя защита от вторжения. Змеей, слизнем что-то вползло в ее сознание, устанавливая связь.

Это не камень, изваянный человеческими руками. Танри покачнулась под натиском того, что грызло и рвало ее, пытаясь подчинить себе.

— Дьяволица!

Сокольник сплюнул, и капля слюны попала на грудь красноволосой женщины. Танри почти готова была увидеть, как та повернется к обезумевшему от ярости мужчине. Но его крик ослабил овладевшие девушкой чары. Она сумела отвести взгляд от властных глаз статуи.

Сокольник развернулся кругом. Его здоровая рука легла на меч в руке юноши. Рывок вышел слабым, но странная рябь прошла по залу, словно и стены, и все, что они скрывали, было нарисовано на знамени и это знамя трепал ветер.

«Убей!»

Танри и сама затрепетала под властью мысленного приказа: убей его, осмелившегося угрожать *ей* — Джонкаре, Открывающей Ворота, Хозяйке Теней.

Ярость охватила Танри. Она двинулась сквозь пелену перед глазами, зная, что́ должна сделать с этим дерзким, осмелившимся бросить вызов. Она была рукой Джонкары, орудием Силы.

И вдруг в самой ее глубине шевельнулось что-то, оставшееся непокоренным.

Я — оружие. Я…

— Я Танри! — вскричало то, что жило в ней. — Это не моя война. Я сулькарка, из морского народа, другой крови и другого племени!

Она моргнула, и туманящая разум рябь на миг улеглась, очистив зрение. Сокольник все тянул к себе меч.

«Спеши! — Волна чужой воли снова обрушилась на нее, захлестывая душу. — Спеши! Рази! Кровь — мне нужна кровь, чтобы вернуться к жизни. Мы обе женщины. Нет, *ты* будешь не просто женщиной, когда прольется кровь и откроет мне дверь. Убей — бей в спину. А лучше полосни по горлу. Он всего лишь мужчина, он враг. Убей!»

Танри качнулась, словно тело ее увлекало отливное течение. Рука поднялась помимо воли, протянулась к сокольнику. Убить будет легко, сейчас хлынет кровь. Джонкара освободится от наложенных на нее глупцами уз.

«Рази!»

Танри видела, как сама собой протягивается вперед ее рука. Потом другая, собственная воля совершила последнее доблестное усилие.

— Я Танри! — Слабый голос против могущественного заклятия. — Сулькар не поклоняется здешним Силам.

Сокольник рывком развернулся к ней. В его глазах не было страха — одна холодная ненависть. Птица на его плече с криком развернула крылья. Почудилось или в самом деле ее когти окутала красноватая дымка, приковавшая их к плечу человека?

— Дьяволица!

Он кинулся на нее. Забыв о мече, вскинул руку, будто для пощечины. Красноватое сияние охватило его запястье, связав яростно отбивающегося человека.

«Бей, не медли!» — потребовала терзающая ее разум Сила.

— Не стану убивать!

Медленно, один за другим, Танри разжала пальцы. Клинок без звона упал на каменный пол.

«Дура!»

Сторонняя Сила казнила ее пронзившей голову болью. Танри вскрикнула, пошатнулась. Ее выброшенная вперед рука ухватила тот самый меч, что недавно пытался высвободить сокольник. Меч легко и быстро лег ей в руку.

«Убей!»

Ее наполнил ток властной ненависти. Танри вся горела, как смоляной факел на пиру.

«Убей!»

Каменный меч обрел собственную волю. Обе ее руки сомкнулись на холодной рукояти. Танри подняла оружие. Мужчина не двигался, не пытался уклониться от удара. Живыми остались только его глаза — в них не было страха, а только ненависть, равная той, что наполняла Танри.

Бороться… надо бороться, как с волнами штормового моря. Она — это она, Танри, сулькарка, не орудие зла, которому давно пора было кануть в Срединную Тьму.

«Убей!»

Она величайшим усилием подчинила свое тело той воле, что противилась чужой власти. Клинок пошел вниз.

Камень ударил по камню — только так ли? Воздух опять подернулся рябью, жизнь на два удара сердца, на два вздоха преодолела древнюю смерть. Меч лязгнул о тело Джонкары.

«Дура!..» — Крик затихал.

В руке Танри не было рукояти, между пальцами просыпалась пыль. И ни искры жизни в красных глазах статуи. Там, где каменный клинок упал на каменное плечо, пролегла трещина. Статуя крошилась, разваливалась. И не одна уходила та, что была Джонкарой. Распадались и остальные — становились прахом, от которого Танри закашлялась, закрыла ладонями глаза.

Зло ушло. Холодный, пустой зал. Ей на плечо легла рука, потянула.

— Уходим! — Этот голос был человеческим. — Наружу — Салзарат рушится!

Протирая запорошенные глаза, Танри доверилась направлявшей ее руке. Она слышала треск и рокот. Она отшатнулась от рухнувшей совсем рядом тяжелой плиты. Они бежали, увертывались, виляли. И оказались наконец под открытым небом — зашлись кашлем, утирая слезы, размазывая по щекам серую пыль.

Свежий, пахнущий морской свежестью ветер трепал их волосы. Танри присела на сухую траву,

сквозь которую уже пробивались первые весенние стебельки. Рядом, касаясь ее плечом, сидел сокольник. Его сокол куда-то пропал.

Они примостились на пригорке — Танри не помнила, как на него взбиралась. Внизу, между ними и обрывом к морю, громоздились каменные обломки, в которых уже не угадывалось ни стен, ни арок. Мужчина повернул голову, заглянул ей в лицо. В его глазах стояло удивление.

— Ничего не осталось! Конец Проклятию. Теперь она побеждена! Но ведь ты женщина, а Джонкара любую женщину подчиняла своей воле — в этом была ее Сила и наша погибель. Любая женщина давалась ей в руки. Мы оборонялись от этой ее власти, как могли. Мы не смели довериться тем, кто в любую минуту мог открыть ужасную дверь Джонкары. Так почему же ты не убила меня? Моя кровь дала бы ей свободу, а она бы поделилась своей властью с тобой — так всегда бывало.

— Не ей приказывать мне! — Уверенность в себе возвращалась к Танри с каждым вдохом. — Я сулькарка, я не из ваших женщин. Так это из-за нее, из-за Джонкары, вы так боитесь и ненавидите женщин?

— Может быть. Так она нами распорядилась.

На нас лежало ее Проклятие, пока гибель Лангварда — ты видела его умирающим от клинка его же королевы — не дала нам толику свободы. Он долго искал ключ, который мог бы запереть Джонкару. И отчасти добился цели. Те из нас, кто сохранил свободу, бежали и, как гласит предание, позаботились, чтобы никогда больше женщина не завладела нами.

Он потер лицо ладонями, стирая прах погибшего Салзарата.

— Это древняя страна. Думаю, никто здесь больше не бывает. Нам придется остаться здесь — если за тобой не приплывут твои люди. Так что и на нас пала Тень Проклятия.

Танри пожала плечами:

— Я сулькарка, но от моего клана никого не осталось. На борту «Вепря» меня ни с кем не связывали узы родства. И никто не станет меня искать.

Она встала, подбоченилась, нарочно обратила к морю спину.

— Если мы прокляты, сокольник, значит будем жить с Проклятием. А живым будущее готовит многое, доброе и злое. Надо только смело встречать все, что оно несет.

С неба над ними раздался крик. В прорыв об-

лаков пробился солнечный луч, в нем кружил сокол. Танри вскинула к нему голову:

— Это твоя земля, сокольник, я-то с моря. Что ты о ней скажешь?

Он тоже встал:

— Меня зовут Ривери. И в твоих словах есть правда. Пусть Проклятия уползают в свою Тень, а мы пойдем к Свету — вперед.

Они плечом к плечу стали спускаться с холма, а над ними кружил сокол.

Наследство Сорнских трясин[6]
Рассказ

У западной стены Клавенпорта, на море Осенних Туманов… Как? Вы не хотите слушать зачин по обычаю сказителей, добрые люди? Оно и к лучшему, у меня ведь нет арфы, чтобы бренчать к месту и не к месту. Да и история эта не сказать чтобы о лордах и их владениях. А все же началась она в Клавенпорте.

Началась с некоего Хигбольда. Было это после Вторжения, когда маленькие люди, если были сметливы, получили шанс выбиться наверх — и быстро, если судьба им благоволила. Говоря языком сказителей, такие знали, когда взяться за нож, когда принести лживую клятву, когда наложить руки на чужое добро.

У Хигбольда были крысы, сбегающиеся на его

---

[6] Примечания: 6
Перевод Г. Соловьевой.

свист, были псы, послушные его рогу. Под конец никто (кроме как из-за щита и оглядываясь через плечо) не заводил разговоров о том, откуда он вышел. Он обосновался в привратной крепости Клавенпорта, хозяйничал там и взял жену из знатных (из тех, что остались тогда без земель и без защиты, у кого родню разогнала или убила война, так что они охотно шли к любому, кто посулит крышу над головой, кусок мяса на блюде и мед в чаше). Жена Хигбольда была в том не лучше и не хуже своих сестер.

Кроме одного: в ней жила память о суровых временах до брака. Быть может, эта память и заставляла ее, вопреки воле самого Хигбольда, оказывать милость просившим подаяние у дверей.

Одним из таких был Калеб. Он лишился глаза и хромал, едва не падая с ног на каждом шагу. Никто не знал, сколько ему лет, потому что жестокое увечье старит человека.

Госпожа Исбель, может быть, знала его по старым временам, но если так, она об этом никогда не заговаривала. Она приняла его в дом, дала работу в маленьком крепостном садике. Говорили, что под его руками все расцветало, травы поднимались высоко и поили его сладким ароматом,

цветы пышно распускались от его забот.

Хигбольду до сада не было дела. Разве что изредка он встречался там с кем-то, с кем нельзя было говорить среди стен, имеющих уши. Потому что честолюбие Хигбольда метило выше клавенпортской крепостицы. Да уж, такие честолюбцы никогда не останавливаются на достигнутом. Но не всего можно добиться кулаком и мечом. Настает время, когда нужны более тонкие средства, надо влиять на души людей, а не только порабощать их тела. Хигбольд хорошо изучил это искусство.

Никто не знает, что произошло и какие слова прозвучали в том саду одной летней ночью. И Хигбольд слишком поздно узнал, что случившемуся там был свидетель. Слуги вечно сплетничают о господах, и, по слухам, Калеб попросил госпожу Исбель о разговоре наедине. А потом связал узелок со своим мирским имуществом и ушел прочь, не только от ворот крепости, но и из Клавенпорта — ушел по большой дороге на запад.

Тогда вокруг порта все отстраивалось, восстанавливалось, стирая следы Вторжения. Но Калеб недолго держался большой дороги. Он был предусмотрителен и знал, что дороги помогают не только путнику, но и идущим по его следу

охотникам.

Идти по бездорожью нелегко, особенно калеке. Он добрался до границ Сорнской трясины. Ага, вижу, как мрачно вы качаете головами. И вы правы, добрые люди, вы правы! Всем известно, что эти края Высшего Холлака принадлежат Древним, и те, у кого под толстым черепом есть хоть малость ума, туда не заходят.

Но Калеб увидел, что не первым пришел в те земли. Он набрел на пастухов, гнавших на продажу дикий скот (скотина в холмах одичала за время войны). Что-то напугало животных, и стадо разбежалось. Пастухи, перепугавшись, что их труды пропадут даром, решились сунуться в болото по следам своей скотины.

Но вместо скотины они нашли кое-что другое. Нет, я не стану описывать то, что они вспугнули из логова. Все вы знаете, что в местах вроде той трясины не счесть тайн. Говорят, что обличьем оно напоминало женщину, и одно это разожгло похоть в мужчинах, которым давно не доводилось никому задирать юбки. Они приперли то создание к стене и вздумали позабавиться.

Калеб ушел из Клавенпорта не безоружным. Несмотря на увечье, он ловко обращался с арбалетом. Вот и теперь он доказал свое мастерство. Два

выстрела — и те пастухи взвыли по-звериному — да и были они, если судить по их делам, хуже зверей, те ведь не так обращаются со своими самками.

Что было потом, никто не знает, Калеб об этом молчал. Но дальше он пошел один, белый как мел, и его загрубелые от работы руки дрожали.

Он не решился пересечь границу болот, а упорно двигался вдоль нее, словно знал, куда шел. Две ночи он провел под открытым небом. Что он там делал, с кем говорил и откуда был его собеседник — кто знает? Только утром третьего дня он обратился к Сорнской трясине спиной и двинулся к большой дороге.

И вот что удивительно: хромота его стала с тех пор куда менее заметна и скрюченная спина с каждым шагом вроде как распрямлялась. К ночи четвертого дня он шагал не хуже любого путника — усталого и сбившего ноги. Тогда-то он и набрел на выгоревшие стены таверны «Развилки».

Когда-то таверна процветала. Немало серебра перекочевало с ее столов в руки трактирщика и его семьи. Дом стоял на слиянии двух дорог, одна из которых вела на север, а другая — на юг и дальше, в Клавенпорт. Но славные дни таверны миновали еще до битвы на Соколином перевале.

Уже пять зим, если не больше, ее обугленные балки скорбно напоминали о свирепости войны и не дарили радости путешественникам.

Так вот, Калеб остановился перед этим печальным пожарищем и…

Хотите верьте, хотите нет, добрые люди. Но только на месте пожарища вдруг встала таверна. Калеб, нисколько не удивляясь, вошел внутрь. Вошел как хозяин, и как хозяина принимали его те, кого дела приводили к его порогу.

Тогда на западной дороге было большое движение, шла бойкая торговля с Клавенпортом. И очень скоро весть о воскресшей таверне дошла до города. Не все поверили слухам, но те, кто из любопытства съездил посмотреть, убедились, что все правда.

Они признали таверну очень похожей на прежнюю, хотя люди, бывавшие там до войны, уверяли, что есть и отличия. Правда, назвать, в чем именно эти отличия, они не могли. И все сходились на том, что хозяйничает там Калеб и что преуспеяние его изменило. А он, бесспорно, преуспевал.

Эти разговоры дошли и до Хигбольда. Тот не нахмурился, но стал потирать указательным пальцем толстую нижнюю губу — была у него

такая привычка, когда крепко задумается, в чем его выгода и все такое. Потом он вызвал к себе сочную гулящую штучку в юбке. Она давно к нему подкатывала при каждом случае. Все знали, что хотя Хигбольд в первые дни брака и ложился с женой, чтобы никто не усомнился в скрепивших брак узах, но теперь к ней не захаживал, а искал удовольствий на стороне. Хотя пока что — не под своей крышей.

Поговорив с Эльфрой наедине, он вложил ей в руки клочок пергамента. А потом громогласно разбранил и грубо вышвырнул на улицу, не дав даже плаща прикрыть плечи. Та, громко вопия и рыдая, двинулась по западной дороге.

Долго ли, скоро ли, но наконец она добралась до таверны на развилке. Путь ей выдался нелегкий, и во двор таверны она вошла в нищенском обличье, наподобие тех вонючих оборванок, что осаждали пороги богатых горожан. Только вот при разговоре с Калебом она передала ему пергамент с письмом, будто бы написанным рукой самой госпожи. Калеб принял ее приветливо и вскоре поставил хозяйкой зала, где разливали напитки. Она на славу справлялась, работа была как раз по ней.

Проходил день за днем. Лето незаметно пере-

шло в осень. А там и Ледяной Дракон дохнул на землю морозом. Тогда-то Эльфра и улизнула из таверны с направлявшимися в Клавенпорт купцами. Когда Калебу сказали о ее уходе, он только плечами пожал, обронив, что ей решать, как для нее лучше.

Но Эльфра дошла с купцами только до городских ворот. Оттуда она направилась прямиком к Хигбольду. Слушая ее, он поначалу хмурился так, что смотреть страшно. Но Эльфра не вняла этому предостережению, понимая, что сердится он лишь потому, что рассказ ее звучит так дико. В доказательство правдивости она положила на стол руку.

На большом пальце у нее (с других пальцев женской руки он бы соскользнул) красовался перстень с зеленым камнем, а в камне сквозили тонкие красные полоски, словно прожилки крови. Держа перстень перед глазами Хигбольда, Эльфра загадала желание.

И тут же на столе появилось драгоценное ожерелье, такое богатое, что в дни войны за него можно было выкупить целый город. Хигбольд вздохнул с присвистом, лицо его застыло, глаза наполовину укрылись под веками.

Потом он выбросил руку, крепко ухватил жен-

щину за запястье и завладел перстнем. Эльфра только взглянула ему в лицо и заскулила, поняв, что была ему лишь орудием, а когда орудие сослужило свою службу…

Она исчезла!

А Хигбольд держал перстень в ладонях и злобно улыбался.

Вскоре после того в таверне случился пожар. Никто не мог совладать с яростным пламенем, вызванным к жизни магией Древних. И снова Калеб очутился на морозе нищим. При нем осталась лишь его железная воля.

Он не тратил времени на сожаления, не оплакивал неосторожности, лишившей его сокровища. Нет, он развернулся и широко зашагал по дороге. Добравшись до нужного места, он свернул с человеческих путей. Кругом мела метель, ветер ножами резал спину, но он шел к болотам.

И снова минуло время. Никто ни волшебством, ни руками не отстраивал таверны. Зато для Хигбольда многое переменилось. Те, кто упорно стоял против него, либо перешли на его сторону, либо подверглись разнообразным жестоким несчастьям. Жена его не покидала своих покоев. Ходили слухи, что она хворает и не доживет до конца года.

В Высшем Холлаке никогда не бывало королей, все знатные лорды там были ровней друг другу. Никто не поддержал бы одного, пожелавшего возвыситься над остальными. Но Хигбольд был не из их общества, и лордам оставалось либо объединиться против него, либо признать его власть. И все же те, кто должен был первым восстать против его возвышения, почему-то медлили.

Между тем распространились слухи о некоем человеке, живущем на кромке трясины и умеющем укрощать самых диких зверей. И даже продавать их. Один предприимчивый купец в поисках диковинок не поленился свернуть с большой дороги. В Клавенпорт он вернулся с тремя странными животными.

Они были невелики, но во всем напоминали свирепых снежных котов, что водились в горах. Только эти были очаровательно ручными, такими кроткими, что жена того купца и многие знатные дамы сразу захотели обзавестись такими питомцами. Купец дважды возвращался на край трясины и привозил новых котов — к своей большой выгоде.

Потом ему понадобилось разрешение на вывоз, и пришлось идти к Хигбольду. В крепость он, по обычаю, явился с «подарком» — с одним из своих

котов. Хигбольд не отличался любовью к животным. Лошадей он использовал только для езды, и в его залах не разгуливали охотничьи собаки. Но кота он принял — для жены. Быть может, подумал, что давно не оказывал ей внимания, и решил прикрыть грубость щедростью.

Вскоре после того ему стали сниться сны. А надо сказать, в его прошлом хватило бы ужасов на кошмары для целого войска. Однако снилось ему не прошлое, а настоящее и мрачное будущее. Во сне — таком ярком, что, проснувшись, он всякий раз вскакивал на кровати и звал слуг со свечами, — он раз за разом терял принесенный Эльфрой перстень, залог всех его успехов.

Перстень этот он носил скрытно — на груди под одеждой. Но во сне колечко всякий раз ускользало со своего места, и Хигбольд стал спать, сжимая его в кулаке.

А однажды утром, проснувшись, не увидел перстня. И чуть не погиб от испуга, пока кольцо не нашлось в складках постели. Ночные страхи довели его до того, что Хигбольд стал на ночь класть перстень под язык. А нрав его сделался таков, что всякий, имевший с ним дело, опасался за свою жизнь.

Однажды ночью он опять увидел сон, на этот

раз неотличимый от яви. Что-то подкралось к изножью его постели и медленно поползло дальше, к подушкам в изголовье. Хигбольд не мог шевельнуться, а лежал, обливаясь потом, и ждал.

Напавший на него чих прервал кошмар. Кольцо, вылетев изо рта, лежало на одеяле. А рядом с ним лежал странный кот с глазами, светящимися не по-кошачьи: в них горел недобрый разум, вселившийся в маленькое кошачье тельце. Глаза зверька холодно смерили человека, и тот застыл, не смея протянуть руку к перстню. А кот как ни в чем не бывало взял в пасть зеленый камешек с красными прожилками, спрыгнул с кровати и был таков.

Хигбольд закричал, хватая руками воздух. Но зверек уже шмыгнул за дверь опочивальни, проскочив между ногами сбежавшейся на зов господина стражи. Хигбольд, гонясь за ним, растолкал своих людей.

— Кот! — Его крик переполошил всю крепость. — Где кот?

Но случилось все это в самый сонный предрассветный час, и люди, разбуженные его воплями, еще долго моргали, приходя в себя.

Хигбольд понимал, что в крепости сотни, если не тысячи мест, где может укрыться маленький

зверек — или куда он может закатить украденную игрушку, так что никто не отыщет. Взбешенный этой мыслью, он поначалу метался как сумасшедший, требуя изловить кота.

А потом ему доложили, что часовые видели, как кот перескочил через стену и ушел из крепости и из города. В глубине души Хигбольда зародился смертный холод — это был конец всем его замыслам. Ведь если крепость полна щелей и тайников, что сказать о полях и лесах?

Онемев от огромности потери, он возвратился в свои покои. И там бил кулаком о камень стен, пока боль не прорвалась в измученный ум, позволив снова мыслить ясно.

Животное можно выследить. Он держал собак на псарне, хоть и не тратил никогда времени на любимый высокородными господами звериный гон. Он устроит на этого кота такую охоту, какой еще не бывало в Высшем Холлаке. Придя в себя, он стал отдавать приказы таким голосом, что все вокруг ежились и искали, где бы спрятаться.

Охота началась перед рассветом — из крепости выехал маленький отряд. Хигбольд взял с собой только ловчего с лучшими легавыми и оруженосца.

След был свежим и ясным, собаки бодро бежали

по нему. Но скоро им пришлось свернуть с большой дороги в поля. По бездорожью люди скакали не так быстро, и псы их опередили. Лай своры говорил отставшим охотникам, что собаки еще держат след. Хигбольд, смиряя страх тугой уздой, не торопил коня, но вся его осанка говорила, что, отрасти он крылья, не замедлил бы взмыть на них в воздух и помчаться вперед.

Места становились все глуше. Лошадь оруженосца охромела от усталости, ему пришлось отстать. Хигбольд даже не оглянулся на юношу. Солнце поднялось высоко, впереди лежала гладкая зелень трясины. Леденящий холод в душе Хигбольда подбирался к сердцу. Если кот добрался туда, след его пропадет.

У границы этой мрачной страны след резко взял в сторону и потянулся по краю, словно зверек решил не доверяться манящей безопасности болот.

Наконец они подъехали к хижине, выстроенной из того, что давала эта глухая страна: стены из камней и булыжника, крыша из сучьев и веток. Собаки перед этой хижиной шарахнулись, словно наткнулись на невидимую стену. С визгом бросившись вперед, они снова отлетели и будто обезумели от ярости.

Их хозяин сошел с измученного коня и ки-

нулся вперед. Но и ловчего встретила преграда. Споткнувшись, едва удержавшись на ногах, он выбросил вперед руки, повел ими вправо и влево. Казалось, ладони скользят по прочной стене.

Хигбольд, спрыгнув с седла, шагнул к псарю:

— Что такое? — Он заговорил впервые за много часов, и его голос царапал ухо.

— Здесь… здесь стена, господин, — выговорил ловчий, пятясь и от преграды, и от Хигбольда.

Хигбольд не замедлил шага. Он обошел ловчего и скулящих, жмущихся брюхом к земле собак. И человек, и его псы сошли с ума. Не было там никакой стены, только эта хижина и в ней — то, что он ищет.

В раздражении он с силой ударил по хлипкой двери, и та распахнулась.

Хигбольд увидел перед собой грубо сколоченный стол и табурет. На табурете сидел Калеб. На столе мурлыкал под ласковой рукой человека кот. Рядом с ним лежало кольцо.

Хигбольд потянулся схватить свое сокровище. Едва увидев его, он забыл все на свете. Ни кота, ни человека для него больше не существовало. Но вторая рука Калеба легко накрыла кольцо, и Хигбольда приковало к месту.

— Хигбольд, — прямо обратился к нему Калеб,

не тратя слов на почтительное титулование. — Ты злой человек, но достиг власти — слишком большой власти. В последний год ты очень умно ею распоряжался. Еще немного, и корона у тебя в руках — разве не так?

Он говорил тихо и свободно, словно не ведал страха. Оружия у него не было — кроме того, что под ладонью. Хигбольд от ненависти забыл о страхе, ему сейчас хотелось одного: разбить лицо Калеба в кровавую кашу. Но он и пальцем не мог шевельнуть.

— Ты, мне думается, — продолжал Калеб, — получил от него много добра.

Он приподнял ладонь, открыв перстень.

— Мое! — Хигбольд едва не сорвал горло криком.

— Нет, — покачал головой Калеб, говоря мягко, словно с ребенком, который требует чужую игрушку. — Я расскажу тебе, Хигбольд. Этот перстень — подарок, он дан мне по доброй воле. Я сумел немного облегчить смерть создания, не принадлежащего к нашему роду и замученного насмерть твоими братьями по духу. Ее застигли врасплох, не то она бы защищалась — ты сейчас на себе испытываешь, какая у нее была защита. Но ее взяли обманом и обошлись с ней так жесто-

ко, что всякому стало бы стыдно за человеческий род. Я пытался помочь, но мало что сумел сделать. Мне оставили этот знак — и мое право на него подтвердили ее сородичи. Впрочем, время его действия ограниченно. Я хотел использовать его во благо. Тебе это смешно, Хигбольд?

Ты же, прикрываясь именем жены, заставил меня прийти на помощь женщине, которую я считал обиженной тобой. Я был слеп и сам пустил в дом измену. Я — простой человек, но кое-что по силам и простым людям. Принять Хигбольда как верховного короля этих земель — это зло за пределами наших желаний и страхов.

И потому я обратился к обитателям болот и с их помощью расставил ловушку, чтобы завлечь тебя сюда. Ты в нее и попался, проще простого. А теперь…

Он поднял ладонь, оставив перстень лежать на столе. Камень будто светился, и Хигбольд прикипел к нему взглядом, ничего больше не видя. За пределом его взгляда, в стороне от сияния зеленого с красным камня, прозвучал голос:

— Возьми кольцо, раз ты так этого хочешь, Хигбольд. Надень его снова на палец. А потом ступай и бери свое королевство!

Хигбольд понял, что рука его свободна, и про-

тянул ее. Пальцы сжали кольцо. Торопливо, пока не вернулось колдовство, Хигбольд надел его на палец.

Он больше не взглянул на Калеба — выбежал из хижины, словно там и не было никого. Собаки, лежа на брюхе в грязи, вылизывали сбитые лапы. Ловчий сел на пятки, уставившись на вернувшегося господина. Обе лошади стояли, понурив головы, роняя пену с удил.

Хигбольд не подошел к коню и не заговорил с заждавшимся его ловчим. Нет, он обратился лицом на запад или чуть южнее. И, словно увидел перед собой желанную цель, зашагал прямо в трясину. Ловчий не пытался его остановить. Он, разинув рот, смотрел вслед, пока туман не поглотил человека.

Из хижины вышел Калеб с котом на плече, встал как ни в чем не бывало. Он первым и нарушил молчание:

— Воротись к своей госпоже, мой друг, и скажи ей, что Хигбольд ушел искать свое королевство. Он не вернется.

Потом и он тоже канул в болотный туман, и больше его никто не видел.

Ловчий, вернувшись в Клавенпорт, рассказал госпоже Исбель все, что видел и слышал. Тогда

она собралась с силами (словно избавившись от лежавшей на ней тени или действия яда) и вышла из своих покоев. Она приказала раздать богатства Хигбольда людям.

В самые жаркие дни лета она до рассвета выехала из крепости, взяв с собой только одну служанку (ту, что привела из отцовского дома, издавна преданную госпоже). Часовые со стены видели, как они ехали большой дорогой. Куда они уехали, никто не знает, и больше их не видали.

Искала ли она мужа или другого — как знать? Трясины Сорна не открывают своих тайн людям нашей крови.

Меч неверия[7]
Повесть

1
Бич ярости

Я до боли в глазах вглядывалась в неровную дорогу. От глаз тупая боль расходилась в кости глазниц. Крепкий, выросший в горах жеребчик, спасенный в стычке с волками-грабителями, спотыкался. Головокружение ударило меня как острием меча, и я ухватилась за луку седла.

Я ощущала на губах вкус смерти — смерти и запекшейся крови и еще соль собственного пота, пропитавшего корку здешней серой пыли на немытой коже. Я снова покачнулась. Но на этот раз мой низкорослый конек запнулся сильнее.

---

[7] Примечания: 7
Перевод Г. Соловьевой.

Он был силен и испытан войной, но и его выносливости подходил конец.

Передо мной длинным клином серых камней тянулись пустоши, где пробивались только редкие корявые кустики, словно изуродованные закравшимся злом. А зло водилось в этих землях, о чем предостерегали все мои чувства. Я перевела своего Фаллона на медленный шаг.

Ветер, рвавший плащ с моих плеч, нес дыхание Ледяного Дракона. Поднятый им мелкий серый песок обжигал мне лицо под налобником. Надо было искать укрытия, и поскорее, пока ярость бури не накрыла меня барханом, подарив могилу на день, на недели или на века — как распорядятся капризы песка и ветра.

Слева выросла угловатая глыба — выступ скалы. Я направила туда повесившего голову Фаллона. С подветренной стороны этого высокого клыка я сползла с седла и устояла на ногах, только засунув подошвы сапог между камнями. Головная боль ударила вниз, в плечи и спину.

Я распустила завязки плаща и присела рядом с конем, накрыв тканью и свою, и его голову. Слабое укрытие от жалящего песка, но лучшего не нашлось. Впрочем, меня донимал иной страх. Буря занесет след, по которому я шла последние

два дня. Тогда мне останется полагаться только на себя, а я не слишком себе доверяла.

Обладай я полной выучкой моей ровни по Дару и крови, я достигла бы цели куда меньшими усилиями. Но, хоть моя мать и принадлежала к колдуньям Эсткарпа и меня учили искусству Мудрых (и мне даже доводилось использовать его в сражениях), но сейчас страх мучил меня подобно боли — сильнее боли тела и душевного изнеможения.

Я сидела рядом с Фаллоном, глотая ужас, как подступающую к горлу желчь, — и как же мне хотелось его выблевать. Но страх пустил во мне слишком прочные корни, и не так легко было от него избавиться. Я отчаянно цеплялась за свой небольшой Дар, силясь хотя бы унять частое биение сердца и смирить туманившую голову панику. Надо было думать о том, кого я искала, — и о пленивших его, уж не знаю зачем. Ведь обычай волчьих голов — убивать — да, и прежде позабавиться пыткой, если есть время, но эти забавы всегда кончались смертью. А эти увлекли не сулившего выкупа пленника в здешние суровые запретные земли. Зачем, я не знала и не догадывалась.

Я наложила на свои мысли узду спокойствия.

Это было необходимо для применения доступного мне с рождения Дара. И только потом я вызвала в сознании мысленный образ того, кого искала, — Джервона, воина, — а для меня много, много больше того[8].

Да, я увидела его, как видела в последний раз у нашего маленького костра, протянувшим руки к жару огня. Если бы только я не… Нет, раскаяние лишь отнимает силы. Думать надо не о том, что сделала или не сделала, а о том, что предстоит.

Когда я вернулась, на припорошенной снегом земле увидела кровь, а от костра остались затоптанные остывшие угли. И два страшно порубленных трупа разбойников — но Джервона… не было. Значит, они зачем-то увели его с собой.

Мертвых волкоголовых я оставила лесным зверям. Фаллона, дрожащего и взмокшего от пота, отыскала в чаще и призвала к себе доступной мне Силой. И больше не медлила, понимая, что мое желание увидеть святилище Древних, ради которого я и свернула с пути, грозит Джервону смертью — и не легкой смертью.

Сейчас, скорчившись за скалой, я накрыла ладонью закрытые глаза.

---

[8] Примечания: 8
Отсылка к повести «Драконья чаша».

Джервон! То был мысленный зов, такой же, какой привел ко мне Фаллона. Но он не достиг цели. Между мной и мужчиной, к которому я взывала, встало облако. Все же я с уверенностью чувствовала, что он еще живой за этой тенью. Потому что, когда две жизни так тесно переплетаются, уход второго за Последние Ворота чувствуешь ясно — если обучен хотя бы самым малым из Великих Таинств.

Здешние пустоши были угрюмы и ненавистны людям. Здесь сохранилось многое от Древних, и люди истинной крови не захаживали сюда по своей воле. Я не из народа Высшего Холлака, хоть и родилась в Долинах. Мои родители приплыли морем из легендарного Эсткарпа — страны, где уцелели многие Древние знания. И эти знания были доступны моей матери, хоть она и вышла замуж, что по их обычаю означало изгнание.

Я научилась всему, что знала, от Ауфрики из Уорка — Мудрой, владеющей малой магией. Я разбиралась в ядовитых и целебных травах, я могла призвать некоторые малые Силы — и даже великие, как в тот раз, когда спасала рожденного вместе со мной. Но здесь обитали Силы больше моих и мне неведомые. И все равно я не могла свернуть с пути, не попытавшись спасти Джер-

вона, который значил для меня больше, чем брат Элин, — Джервона, который однажды, не вооруженный никаким Даром, сражался вместе со мной с очень сильным Древним злом — и помог одержать победу.

— Джервон!

Я позвала его громко, но мой голос прозвучал еле слышным шепотом. Потому что вокруг голосами бесплотных демонов визжал ветер. Фаллон чуть не выдернул узду у меня из рук, и я поспешила успокоить его, наложив на разум коня щит против паники.

Кажется, мы провели в ненадежном убежище за скалой не один час. Наконец ветер улегся, и мы выбрались из песка, который намело мне почти по колена. Достав одну из драгоценных фляг с водой, я смочила край плаща и промыла Фаллону глаза и ноздри. Конек тыкался мне в плечо, тянулся к воде, без слов умоляя напоить. Но я не решилась, пока не знала, какие земли нам предстоит пересечь и встретятся ли по пути ручьи или родники. До ночи было недалеко. Но в землях пустошей не наступала полная темнота. Здесь и там острые каменные шпили испускали мерцающее сияние, позволявшее находить путь.

Я пока не садилась в седло — Фаллону нуж-

но было дать отдых. Сама я немного вешу, зато кольчуга, шлем и меч — немалый груз. Так что я побрела по пескам, ведя Фаллона на поводу. Конь фыркал, осуждая меня, — ему совсем не хотелось еще дальше углубляться в Пустыню.

Я снова послала перед собой ищущую мысль. Джервона я не нащупала — то мутное облако по-прежнему висело между нами. Но мне удалось определить, в какую сторону его увели. Только вот от постоянного усилия удержать связующую нить у меня снова разболелась голова.

И еще в этих местах водились странные тени. Они не ложились на землю явными очертаниями предметов, как обычные. Нет, эти темные пятна бередили воображение намеками на странные, чудовищные создания, невидимые, но смутно угадываемые по их теням. И стоит только поддаться страху, и эти чудища будут готовы проявиться из игры света и тени, обрести свободу. Я задумалась о тех, за кем гналась. Война жестоко истерзала наши края, так что здесь много лет не вспоминали о мирной жизни. Вторгшиеся в Высший Холлак враги, превосходившие местных оружием и дисциплиной, прежде чем люди встали на защиту своей земли, успели опустошить больше половины Долин. Среди нас не было верховного

правителя — обычай Высшего Холлака учил людей почитать того лорда, в чьих владениях они родились и выросли. И пока Четверо северян не забыли о розни, чтобы составить союз, общее ополчение не собиралось. Каждый отстаивал свои владения и, умирая, ложился в свою землю.

Потом люди все же сплотились для последней обороны. Впервые на людской памяти роды Долин поднялись за общее дело, и к ним присоединились другие — жители Пустыни, легендарные Всадники-оборотни. Все, что осталось от Высшего Холлака, восстало против Гончих Ализона, чтобы сбросить их в море и почти всех обречь на смерть. Но в истерзанную землю хлынули разбойники и грабители, готовые урвать куски от обеих сторон. Они теперь стали проклятием нашей истощенной войнами страны.

Вот за кем я гналась. А судя по тому, что они устроили себе логово в Пустыне, разбойники эти могли оказаться и не вполне людьми. Что, если ими завладели издревле поселившиеся здесь злые Силы?

Древние, покидая Долины, оставили после себя места, где копилась Сила. Одни из таких мест даровали мир и благополучие, и тот, кто благоговейно вступал в них, обновлялся душой и телом.

А другие целиком принадлежали Тьме. И счастлив был тот, кто находил в них быструю смерть. Хуже, много хуже было остаться жить покорным орудием Тени.

Передо мной протянулось пятно призрачного света. Я завертела головой, как потерявшая след собака. Ветер стер здесь все следы. И все же я не сомневалась, что стою на верном пути. Светлая дорожка протянулась к двум колоннам, стоявшим друг против друга, как столбы древних ворот. Стены не было, только эти колонны, с вершин которых ленточками разматывались полосы зеленоватого свечения. Руки людей или иных разумных созданий придали этим камням форму сабель с широкими клинками. А на клинках я различила подобия лиц, затертых временем, изъеденных песком, — странных лиц, длинных и узких, носатых, с острыми выступающими подбородками. И казалось, что ямы их глаз обращены ко мне, выражая не любопытство и не предостережение, а глубокое, вековое отчаяние.

Я не ощутила здесь дыхания зла, но проходить между колоннами-клинками все равно не хотелось. Однако туда лежала моя дорога. Я быстро начертила руками кое-какие знаки и шагнула вперед, отпустив Фаллона на всю длину пово-

дьев.

Те колонны обозначили вход в узкое устье уходящей вниз лощины — ее крутые склоны поднимались все выше. Здесь темнота была в полной силе — светящихся камней больше не попадалось, и двигаться пришлось со всей осторожностью, вошедшей у меня в привычку за годы войны.

Я вслушалась. За стенами ущелья слышался ропот ветра, а здесь стояла глубокая тишина, и далеко не сразу мой напряженный слух уловил звук бегущей воды. И в воздухе теперь чувствовалась влага, отчего я сразу воспрянула духом. Фаллон, спеша утолить жажду, подталкивал меня сзади.

Но там, где в этой Пустыне есть вода, вполне могли разбить лагерь те, за кем я гналась. Поэтому я не стала спешить и придержала коня. Он фыркнул — звук отдался гулким эхом. Закаменев, я вслушивалась, не будет ли отклика, означавшего, что меня заметили. Если волки, на которых я вела охоту, носили человечье обличье, глаза у них не зорче моих, а то и хуже, потому что мой Дар делал зрение острее.

Мы продвигались неуверенно, шаг за шагом. И вот носок моего скользящего над землей сапога встретил препятствие. Я задержалась, чтобы

пошарить руками. Там была россыпь мелких булыжников и вскоре за ней вода. Я, как могла, прощупала тропу. Насколько можно было судить, родник пробивался слева, чуть выше по берегу ущелья, и вода из него стекала в прудик, из которого, в свой черед, вытекала с другой стороны.

Я зачерпнула жидкость в горсть и понюхала. От нее не несло растворенными горными породами и никаким ядом. Я плеснула воды в лицо под шлемом, смыла въевшийся после бури песок. Потом напилась из ладоней и потеснилась, пропуская к водопою Фаллона. Он стал шумно глотать, но я уже не боялась себя выдать. Да, те, кого я ищу, здесь проходили, об этом мне сказало освеженное чутье. Но лагеря поблизости не было.

— Джервон!

Я зажала глаза ладонями, сдвинула на затылок шлем и вновь ушла в мысленный поиск. В первое мгновение я ощутила в том, знакомом уже тумане — слабость. Я стала прощупывать… живой, избитый, но без тяжелых ран! Однако стоило усилить связь, чтобы глазами Джервона разглядеть численность и природу врагов, нить снова оборвалась — как мечом обрубили.

Теперь я оценила, что́ мне мешает. Те, впереди, чуяли меня лишь при попытках связаться с

Джервоном. Стоило вернуться в себя, восстановить мысленный барьер, и его никто больше не испытывал на прочность. Страх мой улегся, и его сменили другие чувства. Однажды мне уже довелось бороться с Древним злом, отстаивая — любовью — тело и душу человека. Я искала тогда застрявшего в опасном месте моего брата Элина, а ведь мои чувства к Элину, хоть он и разделял со мной кровь и материнское лоно, были бледной тенью любви, наполнявшей меня под взглядом Джервона. Я не из тех, кто легко обнажает душу, но в ту минуту я поняла, как крепко срослись две судьбы — моя и Джервона. И во мне пробудился яростный гнев на то, что разорвало связующую нас нить.

Распознав в себе эту ярость, я погрузилась в нее, черпая в жарком чувстве новые силы. Если страх подтачивал мой Дар, то гнев вооружал его мечом и щитом — оставалось лишь направить его куда надо. Там, у затерявшегося в темноте пруда, я одела себя в невидимую броню, заострила клинок, не подвластный никому, кроме меня. Меч и броня ковались из моего разума и моих чувств — как кузнец выковывает надежный меч из чистого металла.

2
Призрачный охотник

Глупо было бы и дальше идти в темноте. Сослепу и я, и Фаллон рисковали упасть, сломать ногу. Как ни сильна была волна нахлынувшего на меня чувства, я крепко держалась за разум и рассудок. Тьма здесь была такой плотной, будто сама земля источала из себя черноту. И даже звезды скрывались за тучами.

Пошарив в седельной суме, я достала горсть черствых, зубы сломаешь, дорожных галет. Обмакивая их в воду, я бóльшую часть скормила Фаллону, который подобрал с ладони всё до крошки. Потом я усилием воли внушила коню, чтобы он не отходил от меня, пока я подремлю, завернувшись в плащ и забившись между двумя валунами для защиты от знобкой сырости.

Я не собиралась спать, но усталость тела одолела дисциплину ума, и я провалилась в темноту еще плотнее той, что была вокруг. Что-то двигалось в этой темноте, и я сознавала это движение, но не могла распознать — слишком мимолетным оно представлялось.

Проснулась я в серых предрассветных сумерках; проснулась резко, как если бы кто-то окликнул по имени или надо мной протрубил боевой рог. Теперь я смутно различала тусклый пруд с бегущей по камням струей воды. По другую его сторону Фаллон щипал жесткую траву — не зеленую, а пепельную, словно сожженную дотла морозом.

Из пруда и в самом деле вытекал ручей, русло его уходило в туман. Я окоченела, зато разум во мне проснулся, и я направила мысль в туманную пелену, скрывавшую Джервона и пленивших его врагов.

Снова туманное облако, но на этот раз я не повторила ошибки, насторожившей врага, — не попыталась пробиться насквозь. Все равно передо мной пока была одна дорога, огражденная гладкими, даже пальцами не уцепиться, стенами. Однако на них виднелись знаки — такие же стертые и выветренные, как знаки на ограждающих колоннах, — слишком правильные для творений природы и слишком чуждые, чтобы в них разобраться. Только вот очертания иных из этих знаков мне не понравились, в них мерещилось что-то недоброе.

Решительно отведя взгляд от темных каракуль, я утолила голод горсткой размоченных в воде

галет. Лучше уж было вглядываться в наполнивший ущелье туман. Слух мой улавливал только журчание ручья.

Наполнив обе седельные фляги, я села в седло, но погонять Фаллона не стала. Предоставила ему самому выбирать путь по заваленной камнями полоске земли.

В меня мало-помалу закрадывалось предчувствие новой угрозы — я не сразу заметила ее, занятая прощупыванием той странной завесы, что скрывала Джервона. Поначалу мерзкий запашок только намекал на гниющую падаль, но он усиливался, словно мы приближались к источнику зловония. Фаллон фыркал, встряхивал головой, и только моя воля не давала ему свернуть с тропинки.

Как ни странно, присутствия Древнего зла я в этом смраде не ощущала, хотя напрягала все полученное от Ауфрики умение и собственный Дар. Источник смрада был мне незнаком — он исходил не от человека и не от Древних. Впрочем, за время охоты в Пустыне я Древних не встречала.

Кожа у меня уже шла мурашками — и не только от туманной сырости. Страх рвался на волю из стальных оков, которыми я сдерживала чувства. Страху сопутствовали отвращение и гнев.

Я заметила, что ладонь моя сама собой легла на рукоять меча. И вслушалась — я все время вслушивалась, хотя ухо ловило только глухой топот копыт да иногда звон, когда подкова Фаллона ударяла о камень.

Туман смыкался, капли росы стекали с наличника шлема и маслянисто блестели на кольчуге, склеивали иголочками густую зимнюю шерсть Фаллона.

И вот…

Движение!

Фаллон вскинул голову, тонко, испуганно заржал. В тот же миг я развернулась, как от удара.

Из тумана показался вырвавшийся на волю ужас. Он был всадником, как и я, только в тумане казался много выше ростом. Но конь его был не из плоти и крови — конский остов скрепляли лишь высохшие гнилые жилы. И то, что восседало на конском хребте, тоже давно умерло и все же обладало ужасным подобием жизни.

Мой страх, мой гнев — вот что вызвало его и питало его силы. Но он был настоящим — я знала это так же верно, как если бы тронула ладонью его протянутую руку. Фаллон выкатывал глаза — и его ужас тоже питал это создание. Ужас влачился за ним плащом, теснил душу.

Фаллон с криком поднялся на дыбы. И конский остов ответил ему, разинув пасть. Я боролась с обезумевшим конем и радовалась, что есть чем заняться, потому что это помогло отразить насланный призраком удар страха.

Я повысила голос и выкрикнула, как боевой клич, несколько Слов. Но ни всадник, ни его конь не дрогнули. Я собрала волю, приказав ей подчинить чувства. Это существо питалось страхом и отчаянием, значит я должна крепко зажать в себе то и другое, лишить его пищи…

Фаллон был весь в пене, запах его пота заполнил узкую расщелину. Но моя воля подчинила коня, заставила стоять смирно. Он больше не кричал, только в горле его звучал почти человеческий стон, подобный предсмертному стону раненого.

Эта тварь вылеплена из страха, значит без страха… Я превратила себя в бастион твердости и снова произнесла Слова обороны. Но теперь я не кричала — смирила голос, как прежде смиряла Фаллона.

Тварь была уже на расстоянии вытянутой руки, вонь залепила ноздри, меня обжигал огонь из пустых глазниц черепа. И… она растаяла во мгле. Фаллон еще раз застонал человеческим голосом,

его пробрала дрожь. Я подтолкнула его коленями, и конь шаг за шагом погрузился в клубы тумана.

Пока мне было довольно, что ужас пропал. Я смутно надеялась, что слухи о подобных созданиях не лгут, что они навсегда привязаны к тому или иному месту, где их породила когда-то необузданная сила чувств.

Продвигаясь вдоль ручейка, я услышала звук — не спереди, а позади. Сперва шум был слабым, но нарастал, за спиной стучали подковы — такой частой дробью, что мне пришла мысль о безрассудстве наездника, несущегося вскачь по каменистой дороге. Слышала я и перекликающиеся в тумане голоса, но смысла не разбирала — туман глушил и рвал слова. Все же у меня сложилось впечатление, что за мной по пятам несется охота. Перед глазами вставал странный образ припавшего к спине взбесившейся лошади наездника и подстегивавшего его невидимого ужаса за спиной.

Образ был таким резким и ясным, что я развернулась у груды валунов, позволявших прижаться к ним спиной. И обнажила меч. Что-то с шумом пронеслось мимо, левую руку с намотанными поводьями Фаллона резко дернуло — конь готов был сорваться с места. Но ничто не раздвинуло

тумана. Меня опять морочили Древние Тени.

Я напряглась, ожидая увидеть погоню за одиноким всадником из далекого прошлого, но ничего не дождалась. Кроме беспокойного ощущения, что здесь, в тумане, обитают пережитки древнего ужаса. Устыдившись собственной трусости, я снова зашагала вперед, держа Фаллона на поводу и поглаживая его морду, успокаивая тихими словами, чтобы внушить ему уверенность, которой не разделяла сама.

Стены ущелья стали расходиться. И туман рассыпался клочьями под свистящим морозным ветром. Но ветер донес не только мороз, но и запах дыма, недавно затоптанного огня.

Мы вышли к изгибу ближней стены, которая помогала мне держать направление, пока не разошелся туман. Я бросила поводья Фаллона наземь и, приказав ему стоять смирно, осторожно прокралась вперед, хотя щуп моего Дара не уловил ни шепота человеческой мысли. Но столько странностей встретилось мне в этой Пустыне, что я готова была поверить в способность здешних обитателей заслониться от моей Силы.

Да, здесь был лагерь. Залитые угли еще издавали сильный запах. И рядом лежала кучка лошадиного помета. Я различила перекрещи-

вающиеся следы, хотя песок и щебень плохо сохраняли отпечатки. Но прежде всего бросился в глаза рисунок на выступе скалы. Этот не нес на себе следа лет, не был затерт песком.

Я увидела грубый рисунок звериной головы — волчьей или собачьей. Вплотную к нему прилегал другой, более сложный и лучше выведенный знак. Я опомнилась, когда уже стояла перед ним и пальцем прослеживала его линии.

Спохватившись, я отдернула руку, сжала кулак. Меня не учили этому знаку, но в нем была Сила. И угроза… И неприятная *чуждость* его настораживала меня. Впрочем, хоть и не понимая вполне его значения, я, думается, угадала, зачем был сделан этот сдвоенный рисунок. По обычаю Долин, при заключении прочного мира или союза предводители обеих сторон выбирали место на границе своих владений и рисовали вот такие сдвоенные знаки своих родов.

Значит, разбойники, за которыми я охотилась, и впрямь вели дела с другими обитателями Пустыни — иного рода и другой крови. Я уже догадывалась об этом, преследуя их по долине призраков, но от этого было не легче.

Тяжело угадывать часть, не понимая в полной мере целого. Умей я прочитать эти знаки, заранее

знала бы, с чем — или с кем — предстоит столкнуться. Тщательно обыскивая покинутый лагерь, я обратила свой Дар на вынюхивание нечеловеческих следов. Но в моем сознании маячили все те же образы волчьего отродья, — впрочем, и такие, если загнать их в угол, достаточно опасны.

Джервон здесь побывал и был еще жив. Я уже почти смирилась с его гибелью — ведь волки Пустыни не держат пленников. Что им от него нужно? Или они лишь слуги и руки Иной Силы? Мне все больше казалось, что так и есть. Бесспорно, они притащили его сюда не забавы ради.

Ауфрика много лет внушала мне, что есть два рода того, что лишенные Дара именуют магией или колдовством. Существовала магия сродства — она вела меня по следу Джервона, потому что я носила на шее амулет — камешек, немного напоминающий глаз, который Джервон нашел мальчишкой и долго носил на счастье, а потом вручил мне в залог любви, не найдя среди военной разрухи иного драгоценного дара невесте.

Еще я знала магию сходства и соответствия и сейчас собиралась прибегнуть к ней. Из мешочка с целебными травами я достала очищенный от коры осиновый прутик, благословленный луной и опоясанный серебряной проволокой — лун-

ным металлом. Встав перед знаками на скале, я указала на них осиновым прутиком — он был не длиннее моей ладони с пальцами.

Жезл в моей руке сразу ожил, но не стал обводить линий рисунка, а завертелся, задергался, словно готов был вырваться из пальцев, лишь бы не встречаться с этими знаками. Итак, мои подозрения подтвердились — это был след Тьмы, к которой Свет питает отвращение.

Тогда я коснулась своим жезлом камня-глаза, достав его из-под кольчуги. Я провела камнем по дереву — вниз с одной стороны, затем вверх с другой — и вытянула руку вперед, не сжимая прут, а позволив ему вращаться в пальцах. Он снова развернулся, указав вперед.

Сражение с ужасами тумана почти истощило запас моих Сил; сейчас я не могла положиться в поисках на внутреннее чутье. Но этот жезл послужит верным проводником, ему можно довериться. И я, не выпуская его из рук, села в седло и выехала из лагеря, оставив за спиной символы недоброго союза.

Ущелье все расширялось, переходя в открытую долину. Мне теперь попадались деревья — такие же уродливые, как кусты, и валуны, и нагромождения камней — остатки руин незапамятной

древности.

И вот снова след. Мы вскоре попали на место, где разбойники резко взяли вправо. Но жезл в моей руке не отклонился в сторону, а упорно показывал вперед. Тому могло быть только одно объяснение: Джервон отделился от захватившей его волчьей стаи.

Могло ли случиться, что под теми знаками произошла какая-то чудовищная встреча и тот, кого я искала, был предан в руки Иных, чей символ столь смело был выведен на скале? Я спешилась и с терпением разведчицы осмотрела землю. Мои усилия были вознаграждены слабым следом. Те, за кем я гналась, здесь действительно свернули в сторону — но не все, два коня продолжали путь прямо. Один из них наверняка нес Джервона.

Если его теперь стерег всего один разбойник… Я резко вздохнула… Лучшего шанса выручить его не представится. Снова сев в седло, я пустила Фаллона быстрее прежнего, а сама зорко всматривалась в землю перед собой.

3

Ледяное пламя

Здесь, на открытой местности, ветер разогнал туман, и видно стало дальше. Поэтому я издали увидела вспышку света. Но сразу поняла, что это не свет костра, — казалось, в небе искрилось что-то наподобие маяка.

Стены забытых руин здесь сходились, кое-где среди нагромождений рухнувших камней вставали обтесанные обелиски или подобия статуй. Их стертый облик теперь только намекал на древних чудовищ, внушавших смутное отвращение. Были то боги или стражи? Кто из живущих мог бы ответить?

Сквозь тучи пробилось солнце, но здесь его свет не дотягивал даже до бледного зимнего сияния, а был скупым и скудным, не согревал ни души, ни тела. А вокруг камней по-прежнему лепились тени, на которых я не желала останавливать взор. Мне известна была власть иллюзии, особенно сильной рядом с Даром.

Впереди встала стена из огромных плит, каждая больше меня, даже если мерить вместе с конем. Эти глыбы время отчасти пощадило. Бледное солнце зажгло ледяные искры в сероватых кристаллах камня. Мой путь лежал к единственному

проему в стене — к узким воротам, пропускавшим входящих по одному.

Вот теперь мой жезл-указатель едва не вырвался из пальцев. Его окованный серебром кончик указал на темную кляксу на стене — на высоте бедра всадницы. Кровь — и кровь того, кого я ищу!

Я еще не теряла надежды, потому что пятно было невелико. Я и раньше не сомневалась, что Джервона брали с боем. Закаленного воина так просто не возьмешь, и найденные мной трупы подтверждали его воинское искусство. Но только сейчас я получила доказательство, что он ранен. И стала присматриваться к плитам под ногами коня, ожидая новых кровяных пятен.

Стена с воротами оказалась первой из трех. Все были разного цвета: первая, хоть и усыпанная кристаллами, была такой же серой, как камни Пустыни. Вторая, шагах в двадцати за ней, была тускло-зеленой, но не из-за обвивших ее растений, а из-за цвета самого камня.

Третья была ржаво-красной, как запекшаяся кровь, и сложена не из таких огромных плит. А проход в ней оказался еще у́же, так что волей-неволей пришлось слезать с коня и протискиваться пешком.

Если здесь и остались пятна крови, естественный цвет камня их скрыл. Передо мной встало приземистое здание, почти вровень со стеной, угрюмое, без окон, камень стен беспросветно-черный, словно его выстроили из теней. С его-то крыши, соперничая с тусклым солнцем, и бил видный издалека луч света.

Сейчас, вблизи, я видела, что свет этот лучится волнами, как непостоянный, подвижный язык пламени. Притом я не сомневалась, что родился он не от добрых поленьев в очаге.

Окон в здании не было, зато обнаружился глубокий дверной проем, такой темный, что я не сумела определить, перегорожен ли он чем-то изнутри. Я постояла, напрягая доступные мне чувства, потому что ни мне, ни Джервону не пошло бы на пользу, если бы я вслепую ломилась навстречу беде.

Слух? Ни звука, даже ветер не вздыхал в перекрученных ветвях кустов, не шуршал песком. Запахи? Я не уловила того гнилого душка, что насторожил меня перед появлением призрака. Зрение? Глубокий проем, волны пламени, земля без следов от меня до того проема. Осязание?..

Я подняла руку с лежавшим поперек ладони жезлом. Он снова шевельнулся, указав около-

цованным кончиком на меня или мне за спину, на тот проход, в который я недавно протиснулась. Ясное предупреждение, что впереди что-то враждебное тем Силам, которым служила я. И что-то мне подсказывало, что за той дверью меня поджидает угроза поопаснее волчьих клинков и призрачных охотников.

Как мало я знала! Мне уже доводилось, вооружившись лишь толикой знания и скудным оружием, схватиться с Древним злом. Джервон в тот час (а ему было много страшнее моего, ведь он не был огражден Даром) встал рядом со мной, положившись только на холодное железо и собственную отвагу.

Могла ли я не ответить тем же? Ощущая в руке трепещущий прутик, я думала о том, кем был для меня Джервон. Поначалу — нежеланный попутчик во враждебной стране — он даже раздражал меня, отвлекая от цели. Позже…

Моя жизнь переплелась с жизнью Джервона. Не приходилось сомневаться, что притащившие его сюда, кем бы они ни были, добивались его гибели — а может быть, и моей тоже. Смирившись с этой мыслью, я вошла в проем.

Двери в нем не было. Зато стоило ступить в тень дверного карниза, меня окутало облако Тьмы,

такой густой, что чудилось — ее можно собрать складками, как вытканную ткачами Долин занавесь. Я подняла руку, не видя ее, и, когда решила, что жезл лежит вровень с моими губами, дунула на него и произнесла три Слова.

Такой крошечный огонек, словно затеплилась свечка толщиной не более моего мизинца. Но едва загорелась эта искорка, я перевела дыхание. Ничто пока не давило на меня. Маленькая, но победа.

Тогда, в прошлый раз, за мной было преимущество — древний обитатель того места так привык к своей Силе, что не счел меня достойной противницей. Потому и не обрушил на меня сразу всю свою мощь, а потом уже было поздно. Что лежало впереди сейчас, я не знала и не надеялась на повторение такой удачи.

В обители Древних время часто искажается. Человеческая память сохранила множество легенд о людях, которые провели с обладателями Силы, казалось, всего лишь день или год, а вернувшись, обнаружили, что их родной мир унесся далеко в будущее. Я сейчас ощущала иное. Сама Тьма, почти не потревоженная зажженным моей волей светочем, наползала мне на ноги, как поток жидкой глины или волна зыбучего песка, и мне

уже трудно было переставлять ступни. Но атака все медлила. Мало-помалу у меня сложилось впечатление, что разум, возведший для себя это укрытие, был занят чем-то другим и так увлекся, что до сих пор не заметил меня.

Эта мысль, так же как светлый язычок пламени у меня перед глазами, придала мне храбрости. Все же я не смела надеяться, что это продлится долго. Отвлекшийся обитатель этого дома в любое мгновение мог ощутить шевеление какой-нибудь невидимой сторожевой нити и обратить всю мощь своего внимания на меня.

Я шаг за шагом разгребала липкую темноту. Мне чудилось, что путь затянулся на много часов. От напряжения заныло все тело. Еще шаг… Мрак так внезапно сменился светом, что на один или два вдоха я ослепла. Пришлось проморгаться, чтобы вернуть себе зрение. Я стояла в круглой камере, посреди которой, лицом друг к другу и к слепящей центральной колонне, высились два кресла не по человеческому росту.

Впрочем, я уже видела, что между ними не колонна, а тот самый переливчатый луч. От него не тянуло жаром, хотя внутреннее мерцание походило на колебания огня.

Внутри у меня прозвучал сигнал тревоги. Я

мгновенно отвела взгляд. Передо мной были Сила и назначение этого места. Ближайшее кресло стояло ко мне спинкой, загораживая сидящего, но второе я видела ясно. Что-то сброшенными лохмотьями валялось под его сиденьем. Джервон? Но не успела я сделать и шага к трупу — потому что в обмякшем теле не было признаков жизни, как увидела его обращенное к свету лицо с выпученными от ужаса глазами. И колючую встопорщенную бороду. Это разбойник!

А Джервон?..

Старательно отводя глаза от манящего, вызывающего Пламени, я сдвинулась вбок, обходя ближайшее кресло. Да, в нем сидел тот, кого я искала. Руки его были связаны, петля прихватывала голенища сапог над ступнями. Он лишился шлема, из кое-как замотанной тряпкой раны на лбу натекли на щеку красные капли.

Живой?

Я протянула руку. Жезл задрожал. Да, в нем еще теплилась искра жизни, питаемая волей и упрямством. Но Джервон не отрывал взгляда от огненного столба, и я поняла, что это Пламя вытягивает из него все человеческое.

Мне были доступны два средства. Сначала я безрассудно прибегла к мысленному поиску. Нет,

его сознание ушло слишком далеко, не отзывалось. Попытавшись разорвать связь Джервона с Пламенем, я могла уничтожить результат его собственной храбрости, освободить его и потерять. В Джервоне жила великая Сила. Я за время нашего товарищества и любви (редкое сочетание, но нам оно выпало) убеждалась в ней много раз.

Итак, я должна следовать за ним — в Пламя. Встретиться с этой Силой в ее владениях.

Как мало я знаю! В бессильной досаде я ударила кулаком о кулак. Эта Сила огромна и мне совсем неизвестна. Хватит ли моего Дара, чтобы ей противостоять? Быть может, в своей твердыне она непобедима?

Я медленно подошла к мертвому разбойнику. Он, легкая добыча в сравнении с Джервоном, целиком отдал Пламени жизненную силу. И валялся теперь, как отброшенная ненужная вещь.

Но я хорошо знала Джервона. И сейчас надо было исходить из этого знания. Бесполезно выносить отсюда его тело — даже если бы Пламя его выпустило. Ведь тогда потерянного им уже не вернуть — а надо вернуть.

Как?

Я отчаянно боялась потерять все: его жизнь, свою жизнь и, может быть, куда большее, чем

жизнь его и моего тела. Но другого способа я не видела.

Осторожно переступив через лежавшее под сиденьем тело, я прошла ко второму креслу. Я была рада, что не заколебалась, что внутренняя решимость позволила мне, не дрогнув, занять освобожденное мертвецом место. Я устроилась между изогнутыми ручками в тени высокой спинки. Держа жезл в обеих руках, я с усилием, преодолевая сопротивление, нацелила его кончик в грудь Джервона.

Я не сомневалась, что эта Сила — не из моего мира. Мне представлялось, что это ледяное Пламя — лишь малая ее часть, прорвавшаяся в наш мир. А мне надо было встретиться с ней на ее родной почве. Разбойник, конечно, давно покорился той Силе. Он и на поиски новой, сытной пищи — Джервона — был послан поработившими его чарами. Но Джервона эта Сила еще не подчинила до конца. И может быть, она еще не пробовала поглотить наделенного Даром.

Зыбкая была надежда. Мне приходилось опираться только на свои малые знания и решимость. Но я знала, что не уйду отсюда без Джервона. Мы победим или потерпим поражение вместе.

И вот — поле боя ожидало меня в Пламени.

Я стальной хваткой стиснула жезл. И уже сознательно подняла глаза, направив взгляд прямо в играющий огонь. Теперь надо было совсем чуть-чуть отпустить повод воли.

4
Не здесь и не сейчас

Я была… где-то… в другом месте. Где взять слова, чтобы описать нечто, столь чуждое всему нашему опыту? Здесь переливались цвета, для которых у меня не было названий, необычные ощущения рвали внутреннее ядро моей решимости и моего Дара, словно меня заживо выворачивали наизнанку. Или уже не заживо? Я не ощущала своего тела, пять привычных чувств отказались мне служить, и все, что я «видела», воспринималось каким-то иным чувством.

Мне выпало всего несколько глотков свободы, а потом непреодолимая Сила охватила сознание, которое было всем, что осталось от моей личности, и повлекла меня вперед через фантастические и жуткие земли.

Да, это были земли. Хотя все человеческое во мне угадывало в них чужое. То, что там росло, ничем не напоминало знакомые растения — жгу-

че-желтые, угрожающе-красные, они корчились и бились, словно силились вырваться из земли и обрести свободу, но чужая воля удерживала их корни. Ветви цеплялись когтями за землю или поднимались высоко в воздух в непрерывном движении.

Я миновала их, подчиняясь Силе, которой на время позволила собой завладеть. И любопытство, пробужденное необычностью здешних мест, я загнала внутрь, отдавая все силы своему Дару. И еще тому, чтобы скрыть, утаить от захватившей меня Силы ядрышко сопротивления. Его нельзя было выдавать, пока я не предстану перед правившей здесь Властью.

Ауфрика пересказывала мне предания (и никогда не говорила, от кого они ей достались) о том, как Древние, когда владели Долинами, переиначивали саму суть жизни, и о том, как их посвященные открывали Ворота в Иные миры, где человеческое было столь же неестественно, как и то, что проносилось сейчас подо мной. Я уже поверила в существование таких Ворот, только привратник их был мне чужд.

Подо мной протянулась полоса земли, не покрытая чудовищными растениями. Она была глубоко изрыта тропками и следами, исхожена,

как большая дорога. Но мои ноги, если они еще сохранились у меня, не ступали по ней. Скорее, у меня было ощущение, что я плыву над этой истоптанной землей.

Следы и тропинки сходились, стягивались к какой-то точке впереди. И я, двигаясь дальше, увидела нехотя влачившиеся по ним фигуры. Однако они не были ясно различимы — все время меняющийся цвет окутывал их, и невозможно было определить истинные их очертания. Одни фигуры были тусклыми, серыми, другие чернотой напомнили мне тьму вокруг зала со столбом Пламени. Иные отливали нездоровой зеленью или тусклой ржавчиной засохшей крови. Проносясь над ними, я готова была в голос кричать от боли, потому что от каждого исходила ударная волна отчаяния и ужаса, подобная удару меча, от которого невозможно защититься. Тогда я поняла, что все они — жертвы этого места, одной из которых и я могла бы стать.

Я не знала, почему сама не бреду по дороге, а лечу как на крыльях. Разве что правящая здесь Сила распознала, что я такое, и торопилась сграбастать! Лучше было об этом не думать. Я сделала выбор и не отступлюсь.

Фигуры, бредущие так медленно, постепенно

утолщались. Теперь мне стало казаться, что их гибель нарочно оттягивают, потому что их беспомощные страдания служат чему-то пищей и питьем.

Нет ли среди них Джервона?

Я попыталась замедлить свое движение, зависнуть над этими блуждающими огоньками, в которых было еще довольно телесности, чтобы оставлять следы на равнине. Но мне тут же подумалось, что, выказывая интерес к этим страдальцам, я выдам и себя, и причину, что меня сюда привела.

Тогда я закрыла свои новые «глаза» на этих путников и полностью отдалась несущей меня Силе. И вскоре желтая равнина подо мной разверзлась пропастью. Ее стены были тускло-кровавыми, как последняя из трех стен, а устье имело очертания круга. Блуждающие огоньки с равнины, мучительно карабкаясь вниз по обрыву, теснились так, что цвета их смешивались воедино. Хотя мне показалось, что друг друга они не замечают, поглощенные каждый своей горестной судьбой.

Меня понесло вниз, мимо этих медлительных скитальцев. Снова глухая Тьма поглотила все чувства. Теперь я пустила в ход средства обороны — те, что изучила когда-то, и те, что от рождения

крылись во мне подобно семенам. Я — это я, Элис: женщина, пророчица, боец. И должна остаться собой, не отдать Иному себя и свое прошлое.

И все же я пока не давала отпора, только хранила в себе веру в себя. Сейчас даже Джервона следовало устранить из сознания, сосредоточившись лишь на собственной личности. Так подсказывал мне инстинкт, которому подчиняется любая Мудрая.

Тьма стала редеть, я снова увидела свет. Но в этом липком желтоватом свечении не за что было уцепиться взгляду — кроме того, что располагалось прямо подо мной или под той частью меня, что отправилась в этот мрачный путь. Там стоял трон.

Он был черный, изваян из самой Тьмы, и на нем колебался красноватый туман, в котором кружились жемчужные крупинки.

— Добро пожаловать.

Это был не звук, который достиг моих ушей, скорее вибрация, которая отразилась во мне. Я медленно опустилась лицом к высокому трону и туманному существу на нем. Какой маленькой я была перед ним! Как если бы стояла перед высоким холмом.

— Хорошо…

И это слово отдалось во мне дрожью, принесло с собой и боль, и — да простит меня Сила, которой я служу! — подобие наслаждения, осквернявшего все, что я считала глубочайшей сердцевиной своего существа.

— Давно, давно такого не бывало. — Поблескивающий туман над троном плавился, стекался в форму. — Значит, опять есть те, кого нужно призвать к Воротам?

То, что занимало трон, склонилось вперед. Блестящие точки слились в два диска, служившие этому существу глазами. И эти глаза сошлись на мне.

— Так где же твой Дар, служительница… — Имя, произнесенное этим существом, объяло меня, как Пламя, — так велика была его Власть, хотя я ей и не служила.

Я не успела ответить — туманная голова шевельнулась, быть может кивнув.

— Дар близится, но не думаю, что это твоя заслуга. Ты решила, что меня так просто обмануть?

Туман затрясся в подобии беззвучного ужасающего хохота. Его презрение ко мне и моему роду наполнило воздух этого места отвратительным зловонием.

— Тебе подобные служили мне, — продолжала

вибрация, которая была речью. — Служили долго, и хорошо служили. И я никогда не отказывал им в награде. Ибо, когда питаюсь я, питаются и они. Взгляни!

Он протянул верхний придаток, быть может заменявший ему руку, и я увидела, что пища его воистину становилась его частью. Но не по доброй воле. Тех, кого он поглотил и продолжал питать, как свою плоть, терзало сознание случившегося, а сознание это сохранялось веками и не угасало. Став частью *Этого*, они принуждены были питаться таким же образом, обрекая себя на продолжение бесконечной муки.

У меня на глазах тот длинный отросток протянулся еще дальше и вернулся, сжимая корчившееся ядрышко одной из серых теней, что я видела на равнине. Сидящий на троне усилил хватку, вминая серое в свою плоть и обрекая новую жизнь на ужас и отчаяние.

При этом зрелище меня осенило. Тот всадник из ущелья был порождением мысли и питался ужасом — и *Это* питается и набирается Сил теми же средствами.

Мне говорили когда-то, что люди способны создавать в своем воображении богов, наделяя их собственными чувствами, только гораздо

более значительными, чем могли породить ум и сердце человека. Быть может, так родилось и *Это* — чтобы служить народу, сделавшему его своим богом и питавшему его из поколения в поколение, пока он не перестал полагаться на добровольно принесенные жертвы, не получил настоящую власть над человечеством и не основал собственное царство.

И если это так, тогда оружием против него послужит… *неверие*. Им я должна вооружиться, вопреки свидетельству собственных чувств. Взгляд его глаз не отпускал меня, и из них волнами изливались ужас и отчаяние, порожденные в нем многими поколениями поклоняющихся.

— Маленькая тварь… — Он снова затрясся в беззвучном демоническом смехе. — Я есть, я существую — не важно, из какого маленького зернышка мысли я родился. Взгляни на меня!

Туман сгустился и вылепил из себя тело. Это нагое тело было поистине божественной красоты — порочной красоты, нагло мужественной. Диски сжались до обычных глаз на лице, черты которого действительно принадлежали высшему, безупречному существу.

Но я еще не забыла, кто он и откуда взялся. Я цеплялась за это понимание. Здесь не видно ко-

стей и истлевшей плоти, но они — его истинное обличье.

— Гляди на меня! — вновь прогремел приказ. — Женщины твоего рода взирали на меня с удовольствием, пока ваш мир мне не наскучил и по земле не пронесся тот, кто закрыл Ворота. Взгляни — и приди!

Я вновь ощутила в себе то же гнусное наслаждение. И выставила против него выучку — аскезу, которой мы, одаренные, учимся подчинять все позывы тела. Правда, меня чуть потянуло к нему, но решимость твердо удержала на месте.

Его прекрасные губы улыбнулись — злой улыбкой.

— Такой сладости я давно не вкушал. В самом деле лакомый кусок. — Он протянул стройную мускулистую руку, поманил к себе длинным пальцем. — Приди — тебе не устоять передо мной. Приди по своей воле, и награда твоя будет велика.

В ответ во мне воспрянула мысль, и я выговорила подсказанное им имя. Добавив к нему кое-какие Слова. Отчаянная надежда. Я поняла, как она тщетна, когда он расхохотался, запрокинув голову.

— Имена! Решила, что сумеешь навязать мне

свою волю именем? Ха, да ведь этим именем звали меня только люди — кое-кто из них. Сам я именую себя иначе. И без этого имени ты безоружна. Однако это возбуждает… Ты осмелилась противостоять… мне! Я насыщался, я собирал Силы в ожидании, что за мной явится один из тех, кто запирает Ворота. Но пришли не они, а ты — отродье червей, из тех, кого они не удостоили бы взглядом и тем более не сочли бы за равную. И *ты* восстала против меня? Впрочем, ты забавляешь меня, и это приятно. Ты кого-то здесь ищешь, не так ли? Не тебя первую привели сюда гордость и любовь. Ты, когда присоединишься к ним, убедишься, что они получили награду по заслугам. Только не зови меня именами, в которых нет Силы.

В этот раз я не пыталась отвечать. Я лихорадочно рылась в памяти. Ауфрика щедро делилась со мной знаниями. Мы побывали с ней в забытых святилищах и решались иногда взывать к тому, что в них обитало и сохранило влияние, хотя бы и ослабевшее с годами. Я помнила заклинания, но против такого создания они были как детские считалочки.

Нет! Я не поддамся исподволь грызущему душу отчаянию. Сделаю, что могу.

Существо на троне рассмеялось в третий раз:

— Прекрасно. Отбивайся, если сумеешь, отродье червей. Так даже забавнее. А теперь… смотри сюда…

Он указал влево, и я осмелилась взглянуть. Оттуда медленно, сопротивляясь насилию, приближался один из огоньков-скитальцев. Этот был не черный и не серый, но и не красный, а горел чистым ярким желтым светом. Так, поняла я, выглядит в этом мире Джервон.

И он не покорствовал, как недавно поглощенный у меня на глазах этим ложным божеством, а держался прямо, давая отпор правящей здесь Силе.

— Джервон!

Я отважилась на мысленный оклик. И он отозвался без колебаний, без страха:

— Элис!

Но здешний властитель смотрел на нас со злобной усмешкой.

5
Мы вместе

— Какое сладкое лакомство… — Кончик языка высунулся между губами этого прекрасного лица,

облизнул их, будто смакуя какой-то приятный вкус. — Вы много мне принесли, мелкие твари, — много!

— Но не всё! — ответила я.

И это желтое пламя, которое было Джервоном, больше не приближалось к нему, а стояло рядом со мной, как мы не раз стояли в обороне в годы кровопролитных схваток. Хотя я сознавала, что Джервон не целиком здесь, что упрямый дух еще держится в его зачарованном теле, как и мой готовится к защите за возведенной мной стеной.

Сидящий на троне подался вперед, обратив к нам прекрасное и мерзкое лицо.

— Я голоден — я ем… это так просто.

Его рука неестественно вытянулась, подхватила еще одну подползавшую к подножию трона каплю. Мне почудился отчаянный вопль.

— Видите, как просто?

Я не стала смотреть, а обратилась к своей Силе с мольбой за Джервона. Мы стояли плечом к плечу перед этой тварью, которой не должно было быть никогда. Все чистое мужество Джервона восстало против нее. И я слила с ним свою Силу — всю, сколько ее было. Я мысленно чертила в воздухе знаки и видела их огненные линии.

Но Существо, с хохотом протянув вылепленную

из тумана руку, смахнуло их как мошкару.

— Невелик твой Дар, женщина. Ты думала, я не сумею их стереть? Вот так, и так, и так…

Его рука сновала из стороны в сторону.

— Джервон! — Я послала ему свою мысль. — Он питается страхом.

— Да, Элис, а еще душами людей.

Его ответ прозвучал так твердо, словно он уже обрел ту опору, которую тщетно искала я.

Еще два пузырька, пресмыкавшихся у подножия трона, были сожраны тварью. Но глаза ложного бога смотрели только на нас. Я не могла угадать, чего он ждет, разве только нашего испуга, который бы сдобрил ему кушанье.

Но мне его промедление подарило время, чтобы собрать все свои знания, догадки и надежды. Как убить бога? Неверием, подсказал мне разум. Но здесь и сейчас почти невозможно было в него не верить.

Да, мы, обремененные Даром, не можем без веры. Нам ли не знать, что есть непостижимые Силы, добрые и злые, отвечающие на призыв человека. Их истинная природа недоступна чувствам и инстинктам наших плотских тел, но всякий раз, обращаясь к своей малой Силе, я явственно ощущала их присутствие. Жила вера

и в Джервоне — хотя, может быть, иного рода. Потому что мы ходили разными путями, хотя нашим дорогам суждено было сойтись воедино у величайших из Ворот, за которыми лежит край, непостижимый для земных душ и умов.

— Вот как ты мыслишь, женщина? — мелькнула во мне ответная мысль. — А ведь ты из числа тех, кто меня породил. Есть в тебе такое, к чему я смогу дотянуться.

Словно склизкий гниющий палец скользнул по моему сжавшемуся телу. А следом… да, во мне нашлось чему отозваться на это тошнотворное прикосновение. Слабость, врожденная, как и Дар, и он теперь обратил ее против меня. И опять засмеялся.

— Элис! — заглушила его хохот мысль Джервона. — Элис!

Я больше не принадлежала этому имени, и все же оно разбило то гнусное чувство, что отозвалось во мне этому ужасу. Я снова обратилась к рассудку. Нет совершенства ни в мужчинах, ни в женщинах. В каждом есть такое, что, оценив и измерив холодным взглядом, надлежит возненавидеть. Но нас учат не поддаваться этой ненависти, а, отступив в сторону, уравновесить все низкое в нас. Да и во мне что-то встрепенулось

на призыв этой темной твари. Но в счет шла не сама слабость, а то, чем я ее встретила.

Я — Элис, Мудрая, — вот о чем напомнил мне Джервон, назвав по имени. Значит, я не стану орудием захватившей меня твари. Я противопоставлю ей свободную волю, не отдам душу во власть Тьмы.

— Элис! — Теперь уже тварь на троне повторила мое имя в расчете меня подчинить.

Но я держалась, собрав всю свою выучку, обратив ее в броню. И прекрасная голова на высоком троне едва заметно повернулась. Теперь, не отпуская меня взглядом, он мог видеть и Джервона. И поманил его рукой.

Желтое пламя, в котором заключалась вся моя жизнь, качнулось к трону. Но не помутнело, не потускнело, как те, что ползали кругом. И ко мне Джервон не обратился — вел бой в одиночку, страшась, как я понимала, подорвать мои Силы, если бы я выступила еще и на его защиту.

Тогда я выдвинулась вперед своим телом — сколько его оставил от меня этот мир, — заслонила Джервона от тянувшейся к нему темной лапы.

И вновь я произнесла то имя, которое дали этой твари поклонявшиеся ей из страха люди. Теперь

я не чертила в воздухе знаков, которые он смахивал с такой легкостью. Вместо них я вызвала в себе мысленный образ пустого, истлевшего трона.

Я обуздала страх, смирила ярость, заставив то и другое служить мне. Нет его!

Я не в силах была заглушить свидетельства чувств, говорящих, что он *есть*. Но я доблестно сражалась тем оружием, каким обладала. Я не поклоняюсь, я не верую, и Джервон тоже. Значит, этой твари НЕТ!

Но чем горячее я отрицала, тем больше он приобретал плотности. Манил к себе… существуя!

Разве сумею я своим одиноким отрицанием уничтожить то, что лепили бесчисленные поколения людей?

Пустой трон… небытие!

Я швырнула все, что во мне было, и все, что доброй волей отдавал мне сейчас Джервон, в эту мысль. Это не мой бог, я его не питала — его не может быть!

Мучительно было это отрицание, ведь что-то во мне и сейчас требовало припасть к его ногам, преклониться. Но я держалась. Не мой бог! Бог не живет без веры, без деяний, исполненных во имя его. Без веры нет бытия.

Я знала, что нечего и пытаться взывать к тем, кому я поклонялась прежде. Здесь любая мольба достанется этому, на троне, и не важно, звучит ли в ней его гнусное имя. Нет, только моя нагая душа, и вера в себя, и вера Джервона в себя (он передавал ее мне) — только они шли в счет. Я не смирялась, не покорялась, потому что этого — НЕТ!

Тварь утратила ленивую самоуверенность, лишилась злой усмешки, перестала смеяться, потеряла даже человеческий облик, которым соблазняла меня. На троне ярилось Пламя, в котором просвечивали черные языки зла. Они раскачивались, как головы свернувшихся клубком, готовых к выпаду огромных змей.

Ярость его была безумна. Долгие годы существования не подготовили его к такому. Он всегда умел захватить подобных мне, впитать в себя их души.

Всегда ли?

В человеке не один слой сознания, не одно чувство. Всякий, кто имел дело с Даром, — и многие из тех, кто не имел, — знают об этом. Тварь на троне питалась нашими страхами и злом в нас. Те жалкие пузырьки, что он призвал к себе, что кишели сейчас вокруг, колеблясь в такт коле-

баниям Пламени на троне, — это худшее, что жило в людях, — не лучшее. Они подчинялись своим страхам и верованиям, пока те не привели их сюда, не сделали беспомощными жертвами здешнего хозяина. Хозяина, который не смог бы их удержать, если бы не их покорство тому, кого они сами создали, тому, кто зависел от их воли — будь у них эта воля!

Я выбросила из себя эту мысль, как бы взмахнув перед собой выхваченным из ножен мечом. Если все они затерялись в глубинах своей гнусной веры — мои усилия напрасны. Но если хоть некоторые смогут присоединиться к нам… хотя бы некоторые.

Тварь на троне не теряла времени. Метнувшийся вниз язык Пламени как горстью зачерпнул пузырьки из первого ряда, поглощая их энергию.

— Элис… Элис…

Одно лишь имя, но Джервон вложил в него все, чем мог воодушевить и поддержать меня. Я уловила яркую вспышку чистого золотистого огня слева от себя.

А ложный бог снова потянулся к пище. В его движениях появилась поспешность, как будто время из покорного слуги обернулось его врагом. Он жадно пичкал себя жизнью, набухал силой.

Но неверие — ему не пища. Я цеплялась за эту мысль, как держится утопающий за брошенную ему веревку.

Трон пуст…

И подернувшееся ржавчиной гнилое Пламя издало подобие вопля, который встряхнул меня, отрывая от нити надежды. Огненные языки метнулись ко мне, к свету, который был Джервоном.

Но мы не верили, а значит, не были ему добычей.

Темнота кругом, полное бесчувствие. Я была… внутри?.. Нет, нельзя быть в том, чего не существует. Я есть я, Элис. И Джервон есть Джервон. Мы — не пища для поддельного бога, чьи создатели давно обратились в прах, чьи храмы забыты.

Холод, охвативший мои босые ноги, обжигал как огонь. Я была едина с… нет, не так. Я Элис. И Джервон — Джервон. Я пробьюсь к нему сквозь пытку холодом. Он, как и я, не теряет себя. Мы — это мы, а не слуги… не жертвы этой твари, которой нет места в мире. В нас нет страха, а то, что в нас отзывается ему, мы в себе подавим.

Трон пуст… там ничего нет. Ничего, кроме Элис и Джервона, не верящих…

Боль, холод, боль, но я все держалась. И Джервон докричался до меня, и я нашла в себе Силы,

чтобы передать их ему, как он раньше отдавал мне свои. Мы были вместе, и оттого каждый делался сильнее, потому что наш союз объединял лучшее в нас обоих — в разуме и в душе.

Темнота, холод, боль… и вот возникло предчувствие перемены, гибели. Но я не позволила воспрянуть страху. Несуществующий бог не способен убить.

Я открыла глаза — потому что теперь я видела глазами, а не тем особым чувством Иного мира. Передо мной поднимался столб Пламени, но свет его побледнел, иссяк, угасал на глазах. Я шевельнулась. Тело закоченело, застыло, руки и ноги онемели до бесчувствия, но я сдвинулась вперед на сиденье кресла и огляделась в поисках знакомого, известного.

Это же… та круглая камера, где я нашла Джервона!

Джервон!

Спотыкаясь, пошатываясь, я добрела до второго кресла, нашарила кинжал, чтобы рассечь связывавшие его веревки. Он не открывал глаз, но и не завалился вперед, как тот выпитый досуха разбойник. Я онемевшими, неуклюжими руками резала кожаные ремни, дважды роняла нож, с трудом нашаривала его в тусклом свете. Потому

что огненный столб посреди камеры уже почти не светил — испускал лишь мертвенное сияние, какое видишь порой на мертвых телах.

— Джервон, — позвала я и встряхнула его, как могла, непослушными руками. Он повалился на меня, ткнулся лбом мне в плечо, чуть не сбив с ног.

— Джервон!

Тогда мне показалось, что все пропало. Если я одна пробилась из того гнусного мира, больше надеяться не на что.

— Джервон!

Мне в щеку дохнуло теплом, послышался стон. Я сжала его в объятиях, каких не разорвал бы даже тот ложный бог, и наконец услышала голос — тихий, прерывающийся:

— Возлюбленная госпожа, ты сломаешь мне ребра… — И слабый смешок, от которого я тоже расхохоталась и не могла остановиться.

Трудно было мне поверить в победу. Однако перед нами, вдвоем уместившимися на широком сиденье, замирал последний отблеск огня. Ворота в Иной мир больше не существовали. Может, за стенами поджидали разбойники Пустыни, но мы вдвоем управились с врагом пострашнее, и сейчас нас ничто не тревожило.

Жабы Гриммердейла[9]
Повесть

1

Заиндевевшие сугробы громоздились один на другой. Герта остановилась перевести дыхание. Концом копья, которое служило ей дорожным посохом, она потыкала сугроб впереди. Древко с трудом пробило наст. Герта нахмурилась.

Кроме этого копья, которое она крепко сжимала рукой в рукавице, вооружение девушки составлял висевший на поясе длинный кинжал. В складках одежды был спрятан крохотный узелок с теми немногими вещами, которые Герта забрала с собой, покидая крепость Хорл. Но главную свою ношу она несла под сердцем, заставляя себя

---

[9] Примечания: 9
Перевод К. Королева

не отступать от намеченного судьбой пути.

Губы ее плотно сжались. Она вскинула голову — и сплюнула. Воздух с хрипом вырвался из груди. Чего ей стыдиться? Неужели Куно ждал, что она станет ползать перед ним на коленях, умоляя о прощении, чтобы он мог показать своим приспешникам, какой он благородный?

Герта оскалила зубы, словно загнанная в угол лисица, и снова с силой ткнула копьем в сугроб. Ей нечего стыдиться, она не какая-нибудь распутная девка. Война есть война, никуда не денешься. Куно сам, представься ему такая возможность, не удержался бы от того, чтобы не овладеть женщиной из вражеского поселения.

Все бы ничего, однако добродетельный братец выгнал ее из крепости Хорл! Выгнал потому, что она отказалась выпить приготовленный его ведьмами-поварихами отвар, который, скорее всего, убил бы и плод, и ее саму. Умри она — Куно наверняка, преклонив колени у алтаря Громовержца, объявил бы, что, дескать, такова воля судьбы. И все закончилось бы тихо-мирно.

На какой-то миг Герте стало страшно собственных мрачных мыслей. Куно…

Куно ведь был ее братом! Еще два года назад она ничуть в этом не сомневалась. Тогда она

вообще всех людей считала своими братьями. А потом ее отправили в Сухой Лог, где молоденькой девчушке быстро дали понять, что мир вовсе не таков, каким она его себе воображала.

Герта порадовалась, что так скоро усвоила урок. Тихая простушка, какой она некогда была, ни за что не осмелилась бы перечить Куно, не выбрала бы эту дорогу.

Она ощутила нарастающий гнев. Ей вдруг стало жарко, словно за пазухой у нее внезапно очутилась жаровня с горящими угольями.

Герта двинулась дальше, твердо ступая по насту в своих грубых башмаках. Она ни разу не оглянулась на каменные стены крепости, за которыми обитали вот уже пять поколений ее родичей. Солнце неуклонно двигалось к западу, и медлить было некогда. К тому же тропу начисто замело, и девушке то и дело приходилось нащупывать путь копьем. Но заблудиться опасности не было: Игла Мулмы и Драконье Крыло отчетливо проступали на фоне вечернего неба.

Куно убежден, что она вернется. Герта усмехнулась.

Куно — он всегда такой уверенный! А с тех пор, как успешно отразил нападение шайки дезертиров вражеской армии, которые хотели пробиться

к побережью, полагая, очевидно, что там безопаснее, он стал просто невыносим.

Да, Долины свободны. Но Куно ведет себя так, будто все победы одержал он один! На самом же деле лишь напряжением всех сил, укрепив свои рати диковинными союзниками из Пустыни, сумел Высший Холлак одолеть врагов, разбить их и загнать в море, из-за которого они явились. И ушло на это не год и не два.

Трутдейл война обошла стороной — по чистой случайности. Однако если по твоим землям не прошлись огнем и мечом, это еще далеко не причина горделиво расхаживать по оставшимся неразрушенными стенам крепости. Хотя бы признал, что победил на три четверти обескровленного врага!

Герта добралась до водораздела и, не замедляя шага, устремилась дальше. Ветер поработал на славу — здесь, на тропе, совсем не было снега. Девушка подумала, насколько же стара эта дорога, одно из немногих сохранившихся свидетельств того, что ее соплеменники — не первые обитатели Долин. В былые времена кто-то другой проложил все здешние дороги, тропы и тракты.

Впереди уже можно было различить очертания потрепанных погодой изваяний у подножия

Драконьего Крыла. За долгие годы своего существования изваяния эти так выветрились, что теперь невозможно было сказать, кого они изображают. Тем не менее вытесавшие их когда-то существа явно преследовали определенную цель. И трудились они над скульптурами, по всей видимости, довольно долго.

Добравшись до статуй, Герта рукой в рукавице провела по боку одной из них. Вовсе не потому, что, подобно местным крестьянам, верила, будто изваяния обладают некой чудодейственной силой. Она лишь поблагодарила их за то, что они так хорошо указывали дорогу.

Тропа пошла под уклон, и ветер стих. Опять начались сугробы. До Праздника середины зимы остается всего-то дважды по десять дней. А потом на смену году Шершня придет год Единорога, который обещает быть более удачным.

Идти снова стало труднее. Хотя Герта как следует затянула ремни на голенищах, снег все равно набился ей в башмаки и насквозь промочил портянки. Однако девушка упорно шагала дальше.

Дорога скрылась в зарослях вечнозеленого кустарника. В свете заходящего солнца листва его казалась темной, почти черной. Тесно переплетенные между собой ветви не дали снегу

засыпать тропу. Герта по ледяному мостику перешла через бежавший по кустарнику ручей и повернула на восток — к святилищу Гунноры.

По пути она миновала рощицу зачахших от зимних холодов деревьев. В наружной стене святилища был проход в форме арки. Герта решительно ступила под его своды.

Оказавшись во внутреннем дворе, она увидела перед собой низенькое здание. У двери, по сторонам которой на девушку по-кошачьи сонно таращились два круглых оконца, висел тяжелый металлический колокольчик или дверной молоток — определить наверняка было трудно. Он имел форму символа Гунноры — спелый пшеничный колос, обвитый виноградной лозой. Поставив копье у стены, чтобы не мешало, Герта позвонила. Раздался не звон колокольчика, а странный глухой звук, как будто кто-то произнес фразу на незнакомом девушке языке. Однако Герта, хотя она и была тут впервые, почему-то не испугалась.

Створки двери разошлись. За ними никого не оказалось, но Герта поняла, что ее приглашают войти. Внутри дома было тепло, сладко пахло травами и цветами, будто она, сделав один только шаг, перенеслась из холодной, мертвой зимы

в полную жизни весну.

На сердце сразу полегчало. Морщины на лбу Герты разгладились, и даже спина вроде стала болеть поменьше.

Помещение освещали два фонаря. Они висели на колоннах справа и слева от входа.

Девушка стояла посреди узкого коридора. Изображенные на стенах цветы были нарисованы так искусно, что на мгновение ей показалось, будто она очутилась в саду. Внезапно цветочный ковер впереди зашевелился, и она поняла, что там занавесь, узор которой повторяет рисунок на стене. По-прежнему никто не спешил навстречу Герте, и она протянула руку к занавеси.

Но прежде чем девушка коснулась ткани, та отдернулась сама собой, и перед Гертой открылась большая комната. Она увидела стол с придвинутым к нему стулом. Некоторые из стоявших на столе блюд накрыты были крышками — наверное, для того, чтобы их содержимое не остыло. Девушка заметила еще хрустальный бокал, наполненный какой-то зеленой жидкостью.

— Ешь… пей… — прошелестел голос.

Вздрогнув, Герта обернулась. Никого. И тут она поняла, что безумно голодна. Она бросила на пол копье, положила рядом свой узелок, уронила с

плеч плащ и опустилась на стул.

Но прежде чем начать есть, она сказала, обращаясь неизвестно к кому:

— Благодарю тебя, податель еды. Спасибо за тепло и радушие. Хозяйка этого дома, желаю тебе удачи и ясного неба поутру.

Слова повисли в воздухе.

Герта улыбнулась неожиданной мысли. Ведь это — святилище Гунноры. Неужто Великая нуждается в благодарениях смертных?

Тем не менее девушке показалось, что она поступила верно.

Ей никто не ответил, хотя она на это рассчитывала. Переборов смущение, Герта принялась разглядывать еду. Яства, которые ее пригласили отведать, были достойны праздничного стола Великого лорда Долин. Зеленый напиток, теплый и с привкусом трав, освежил ее. Она пила его маленькими глотками, пытаясь определить, на чем он настоян.

Перепробовав все, что было на столе, девушка подняла крышку с самого большого из блюд. Это оказался тазик с теплой водой, на поверхности которой плавали лепестки цветов. Цветы среди зимы! Герта сполоснула руки, вытерла их лежавшим поблизости полотенцем и откинулась на

спинку стула, гадая, какие еще чудеса уготовила ей Гуннора.

В комнате как будто стало тише. Герта пошевелилась. Разве в святилище нет жриц? Кто-то ведь приготовил еду и пригласил ее к столу.

Она же пришла сюда не просто так! Она не может попусту терять время!

— Великая! — Герта встала. Девушка обращалась к пустой комнате. В дальнем ее конце, правда, была дверь, но она оставалась закрытой.

— Великая… — повторила Герта.

Она никогда не была особо верующей, хотя соблюдала посты, приносила жертвы, чтобы был богатый урожай, держалась советов оракула Астрона, которыми тот одарял прихожан на заутрене. Когда она была совсем еще маленькой девочкой, мачеха подарила ей яблоко Гунноры, наказав носить его как амулет. Однако, вступив в брачный возраст, Герта вынуждена была положить это яблоко на домашний алтарь, ибо таков был обычай. О таинствах Гунноры она знала только то, чем делились с ней подружки, когда мужчины оставляли их одних. Гуннора покровительствовала женщинам: так что, если носишь в себе другую жизнь, поневоле станешь прислушиваться…

Опять молчание в ответ. Нетерпение сменилось иным чувством — благоговением, а быть может, и страхом. Но что Гунноре до законов, установленных людьми? Ее благосклонности может искать и порядочная женщина, и самая последняя шлюха.

Внезапно и бесшумно распахнулась та, другая дверь. Еще одно приглашение? Оставив лежать на полу под плащом копье и узелок, Герта подошла к дверному проему. Здесь аромат цветов и трав ощущался сильнее. У резной колонны возвышалась, подобно алтарю, кровать; в изголовье и в изножье у нее стояли две жаровни, из которых поднимался к потолку пахучий дымок. Резной узор на колонне был все тот же — колосья и виноградные лозы.

— Отдыхай, — вновь прошелестел голос.

Герта, которой вдруг неудержимо захотелось спать, как некоторое время назад — есть, подошла к кровати, медленно улеглась и вытянулась во всю длину своего усталого тела. У нее болела каждая косточка. Загустевший дым накрыл ее, точно одеялом. Она смежила веки.

Ей привиделась комната, бóльшая часть которой тонула в полумраке. Герта ощущала присутствие других людей: они приходили и

уходили, оживленно беседуя между собой. Однако никто из них не обращал на девушку ни малейшего внимания. Потом вдруг одна из фигур приблизилась, и она увидела хорошо знакомое, хотя и немного позабытое за годы разлуки лицо.

— Эльфреда! — воскликнула она. Или подумала? Трудно сказать.

Мачеха улыбнулась Герте, сложив руки в древнем приветствии.

— Голубка моя, голубка… — Слова успокаивали, словно исцеляющая мазь, наложенная на свербящую рану.

Герте вспомнились вдруг все события прошедших лет, и она не смогла удержаться от слез. Выплакавшись, девушка почувствовала, что ей стало легче. Тень Эльфреды повлекла ее за собой мимо с головой ушедших в работу людей в залитую светом келью. Там их ждали. Герта невольно опустила глаза: таким ослепительно-ярким было заполнявшее комнату сияние. Она услышала вопрос и ответила на него со всей искренностью:

— Нет, я не хочу лишиться того, что ношу в себе. — И прижала руки к животу. Сияние сделалось еще ярче. Герта заговорила снова, отвечая уже на другой вопрос: — У меня две просьбы. Чтобы этот ребенок был только моим, чтобы не унаследовал

ни черточки от того, кто овладел мной. И чтобы тому, кто не будет его отцом, пришлось ответить за свои грехи.

Довольно долго ничего не происходило. Потом вдруг из самого центра сияния вырвался луч света. Хотя Герта не была искушена в таинствах Гунноры, она поняла, что́ это означает.

Ее первая просьба услышана. Ребенок, который родится, будет только ее ребенком. И судьба его в надежных руках.

Герта подождала, но продолжения не последовало. Сияние померкло — Великая ушла. Но Эльфреда осталась, и девушка повернулась к ней:

— А как же вторая просьба?

— Месть — не для Великой. — Тень покачала головой. — Она дарит жизнь, а не смерть. Ты избрана породить нового человека, и в этом она тебе поможет. Что же до остального… Нужно идти другой дорогой. Но заклинаю тебя, не ходи — ибо Тьма порождает мрак.

Произнеся эти слова, Эльфреда исчезла. Герта осталась одна. И погрузилась в глубокий сон, который не нарушали никакие сновидения.

Проснувшись, она почувствовала себя отдохнувшей душой и телом, как будто, пока она спала,

кто-то поставил ей пиявки, которые вытянули все болезни и напасти. Сколько прошло времени, она не знала. Уголья в жаровнях остыли, аромат цветов был едва ощутим.

Герта опустилась на колени у колонны и коснулась лбом пола в безмолвной благодарности.

Но ни целительный сон, ни предостережение Эльфреды не смогли ничего поделать с пылавшей в ее груди жаждой мести.

Выйдя в соседнюю комнату, Герта обнаружила, что стол опять накрыт. Она перекусила, раздумывая, куда направиться. Родичи — ни ближние, ни дальние — не дадут ей приюта. Изгнав ее, Куно тем самым объявил о ее позоре всему свету.

В пояс девушки было зашито несколько бриллиантов, отнюдь не чистой воды, да горстка монет. Она умеет читать, различать травы, готовить мази, вышивать — но кому все это надо?

Герта расстроилась, но лишь чуть-чуть. С самого момента пробуждения девушка ощущала в своем сердце тихую радость и странную уверенность, что все будет в порядке. Она решила заглядывать в будущее не далее чем на день.

Если идти прежней дорогой, то вскоре доберешься до двух крепостей. Сначала Нордендейл, маленькое поселение, скорее всего пришедшее в

упадок. Его правитель погиб в битве у Милосердного перевала вместе с сыном-наследником два года назад. И кто там теперь заправляет — неизвестно. Быть может, крепость вообще заброшена. А дальше — Гриммердейл.

Гриммердейл! Герта поставила на стол пустой стакан. Гриммердейл…

Гриммердейл был местом не менее таинственным, чем святилище Гунноры. И если верить ходившим про него слухам, куда более опасным. Быть может, горная тропа, древностью не уступавшая той крепости, изначально вела именно туда.

Герта стала вспоминать, что ей известно о Гриммердейле. Там, где-то высоко в горах, есть Жабий круг. Люди поднимаются туда, чтобы попросить об исполнении своих желаний. По слухам, все просьбы выполняются. Что там говорила Эльфреда? У Гунноры требовать мести бесполезно, надо избрать другой путь. Быть может, разгадка ее непонятной фразы — Гриммердейл?

Герта с вызовом огляделась — не почувствует ли она осуждение в самой атмосфере комнаты. Но ничего подобного не случилось.

— Благодарю за еду, — произнесла она, как полагалось по обычаю, — благословляю приют и,

выходя в дорогу, желаю только добра.

Скрепив плащ застежкой у горла, она накинула на голову капюшон. И, держа в одной руке узелок, а другой сжимая копье, вышла на солнечный свет. Взгляд ее устремлен был на далекие горы — за ними лежал Гриммердейл.

К полудню она добралась до окружавших Нордендейл утесов и задержалась, чтобы получше разглядеть крохотное поселение внизу. Оно было обитаемым: из труб поднимался дым, на снегу виднелись следы полозьев и ямки, оставленные ногами людей. Сама же крепость выглядела заброшенной и не подавала признаков жизни.

Сколько еще осталось пути до Гриммердейла, Герта не знала, а зимой темнеет быстро. Один из домиков внизу был побольше других. Некогда Нордендейл постоянно служил привалом пастухам, перевозившим тюки с овечьей шерстью на рынок в Комм Хай. Конечно, какой там нынче рынок, однако постоялый двор, быть может, еще существует и ей не откажут в приюте.

Дорогу вниз развезло, и Герта совсем запыхалась, пока добралась до замеченного с горы дома. Она не ошиблась: над дверью была прибита поблекшая от времени вывеска, которая извещала, что здесь находится постоялый двор.

Навстречу девушке попались двое мужчин. Они так уставились на нее, словно она была не она, а какой-нибудь дракон. Видно, чужаки редко заглядывали теперь в Нордендейл.

Едва Герта открыла дверь, в нос ей ударил запах пищи, крепкого деревенского эля и пота многих человеческих тел, долго пребывавших в непроветриваемом помещении.

В одном конце комнаты располагался камин, такой огромный, что в него легко поместилось бы приличных размеров бревно; в нем жарко пылал огонь.

Обстановка была небогатой: большой стол с лавками посреди залы да столик поменьше, заставленный посудой, у камина. Служанка в засаленном платье и двое сидевших возле камина мужчин воззрились на Герту, не пытаясь скрыть изумления.

Девушка откинула капюшон и, преисполненная веры в себя, улыбнулась им:

— Счастья вашему дому.

Какое-то время они молчали. Видно, их так ошеломило ее появление, что они утратили дар речи. Потом служанка, вытерев руки об и без того уже жирный фартук, сделала шаг вперед:

— И вам того же… — Она помолчала, оценивая

материал, из которого был сшит плащ Герты, и ее манеру держаться. — Госпожа. Чем мы можем услужить вам?

— Мне нужны еда и постель, если они здесь есть.

— Еду-то мы найдем, но простую и грубую, госпожа, — пробормотала служанка. — Подождите, я позову хозяйку.

Она выбежала из залы, захлопнув за собой дверь с такой поспешностью, будто опасалась, что Герта пойдет следом.

Но девушка, отложив копье и узелок, расстегнула плащ и подошла к камину. Зубами она стянула с замерзших рук рукавицы. Сидевшие на лавке мужчины молча подвинулись. Взгляды их по-прежнему выражали изумление.

А ведь Герта считала, что одета просто. Ее юбка-брюки для верховой езды, чуть укороченная, чтобы удобнее было карабкаться по холмам, уже изрядно пообтрепалась. Шитье на куртке было ничуть не пышнее, чем у какой-нибудь крестьянской дочки. Туго стянутые в пучок волосы перехватывала самая обыкновенная шелковая ленточка. Однако, судя по тому, как разглядывали ее эти двое, им платье Герты представлялось праздничным нарядом.

Девушка попыталась принять безразличный вид.

В залу влетела дородная женщина. Чепец, шаль на покатых плечах, юбка немногим чище служанкиной.

— Милости просим, госпожа! Милости просим! Хенкин, Фим, а ну-ка вставайте! Пустите госпожу к огню! — (Мужчины торопливо вскочили.) — Малка сказала, что вы нуждаетесь в ночлеге. Мы рады будем служить вам.

— Благодарю.

— Ваш муж, он снаружи? У нас есть конюшня…

Герта покачала головой:

— Я одна и пришла пешком.

Заметив выражение лица хозяйки, она прибавила:

— В такое время нужно покорно принимать дары судьбы.

— Увы, госпожа, как это верно! Садитесь же! — Женщина собственной шалью смахнула с лавки пыль.

Комната, которую выделили Герте, похоже, довольно долго пустовала. Лежа на подогретом у камина белье, понимая, что лучшего ей никто здесь не предложит, Герта размышляла над тем, что ей удалось узнать у хозяйки.

Нордендейл и в самом деле пришел в упадок. Вместе с правителем и его сыном погибло много достойных людей. Те, кто уцелел и вернулся, не способны были возродить некогда процветавшее поселение. Дорогой, по которой она пришла, пользуются теперь редко: если уж на то пошло, никто чужой здесь не появлялся с начала зимы. На востоке и на юге дела вроде бы обстоят получше, и потому словам Герты, что она, мол, идет к живущим там родичам, довольно легко поверили. Кое-что удалось выведать и о Гриммердейле. Там тоже имелся постоялый двор, побольше здешнего. Когда хозяйка упомянула про это, глаза ее завистливо блеснули. Мимо тамошнего постоялого двора проходит с запада на восток дорога, по которой ныне возвращались домой рекруты. А жена хозяина тамошнего двора, ревнивая по натуре, выгнала из дома всех служанок.

Расспрашивать про Жаб Герта не рискнула, да и хозяйка мимоходом заметила, что дальше Гриммердейла по старой дороге лучше не ходить. А если уж так приспичило, куда спокойнее выйти на тракт и продолжать путь по нему, хотя там тоже не все гладко и разбойники прячутся чуть ли не за каждым кустом.

Как ей поступить, Герта еще не знала, но го-

това была ждать сколько надо, чтобы решение созрело.

2

Потолок в зале трактира был низким: посетители почти касались головами поперечных балок. С них свешивались масляные лампы. Света от ламп было чуть, а коптили они нещадно. В дальнем конце комнаты резная перегородка скрывала за собой стол, на котором горели сальные свечи. Смрад от них мешался со множеством других малоприятных запахов.

Народу в зале сидело достаточно для того, чтобы у Улетки Рори развязался язык. Стоя у освещенного свечами стола и выказывая тем самым особое почтение гостям — о, уж благородную-то кровь она распознает с первого взгляда, будьте покойны, — хозяйка успевала еще следить за двумя половыми, которые носились от стола к столу.

Однако Улетка обманулась, хотя и перевидала на своем веку немало путников. Да, конечно, один из троих — младший сын здешнего правителя. Но кровавая буря уничтожила его фамильную крепость, и в Корридейле не осталось никого, кем бы он мог править. Другой прежде служил коман-

диром лучников в дружине какого-то там князя, вернее, был назначен на это место после того, как погибли трое его предшественников, куда лучше справлявшихся со своими обязанностями. А с третьим — вообще непонятно. Он мало говорил, предпочитая отмалчиваться, и собутыльники его не могли сказать, откуда он взялся.

Возрастом он был где-то между своими товарищами. По крайней мере, так хозяйке показалось сначала, но потом она засомневалась, поскольку он принадлежал к числу тех худощавых, жилистых мужчин, которых, начни они отпускать бороду, легко принять и за юношу, и за человека средних лет. Правда, бороды у него не было — подбородок и щеки такие гладкие, словно он побрился лишь час назад. Нижнюю челюсть, самую чуточку захватывая уголок рта, пересекал шрам.

Волосы его были острижены короче, чем полагалось по моде, — быть может, для того, чтобы удобнее было надевать тяжелый шлем, который лежал сейчас на столе по правую руку от рыцаря. Вид у шлема был достаточно потрепанный; гребень, некогда украшавший его сверху, снесенный мощным ударом, превратился в металлический обрубок.

Однако кольчуга, которая виднелась из-под поношенного плаща, прорех как будто не имела. Вложенный в ножны у пояса меч с простой рукоятью, прислоненный к стене боевой лук — все говорило о том, что человек этот сделал войну своим ремеслом. Но если он и был наемником, то явно не из тех, кому на войне повезло. Наметанный глаз хозяйки не заметил ни драгоценных запонок, ни пряжек искусной работы — вещей, которыми такие, как он, обычно расплачивались за ночлег. Однако, когда рыцарь протянул руку, чтобы взять стакан, на запястье его сверкнул вдруг браслет — широкая полоска золота, усеянная драгоценными камнями и украшенная такой затейливой резьбой, что разобраться в ее хитросплетениях с первого взгляда было попросту невозможно.

Он сидел, прикрыв глаза, словно погруженный в размышления. Но на самом деле внимательно прислушивался — не столько к полупьяной болтовне товарищей, сколько к возникавшим тут и там в зале разговорам.

В трактире этим вечером собрались обычные посетители: крестьяне, пришедшие посидеть за кружкой домашнего ячменного пива и поболтать с соседями, бродячие вояки, потерявшие службу

из-за того, что их князья погибли или разорились настолько, что не в состоянии были содержать наемные дружины… Война закончилась победой, но земля лежала выжженная, бесплодная. Потребуется немало времени и усилий, чтобы возродить Высший Холлак.

То, что прибывшие из-за морей захватчики не успели утащить к себе на корабли, они уничтожили, когда стало ясно, что дело оборачивается против них.

Вместе с другими ратниками он оказался тогда в еще дымящемся порту, чтобы преградить дорогу тем из врагов, кто не успел вернуться на корабли и остался на прибрежном песке: с одной стороны — угрюмое море, а с другой — люди из Долин.

Порт дымился: горели облитые маслом и подожженные запасы провианта. Вонь стояла такая, что даже воины порой теряли сознание. Опустошив страну, враги устроили этот пожар, чтобы вызвать всеобщий голод, — дело ведь происходило посреди зимы. От лета жителей Долин отделяла долгая череда холодных дней, да и лето — не спасение: придется дожидаться урожая. Если он будет, этот урожай, если найдется достаточно зерна для сева, если в горных долинах сохранились овечьи отары, если стада

одичавшего скота смогут найти себе пропитание на границах Пустыни и снова начнут размножаться.

Многие долины совершенно обезлюдели. Мужчины погибли в боях; женщины, если повезло, бежали вглубь страны, некоторые попали в рабство к захватчикам — или тоже погибли. Быть может, погибшим повезло больше всех. Да, дела-делишки…

Он поставил стакан на стол. Другая его рука легла на рукоять меча, пальцы крепко сжались. Однако взгляд рыцаря был устремлен на перегородку.

В такое вот время человек, не обделенный умом и достаточно смелый, может начать новую жизнь. Именно эта мысль погнала его сюда, заставила отказаться от службы у Фритигена из Саммерсдейла. К чему командовать лучниками, когда можно добиться большего, гораздо большего?

До Гриммердейла захватчики не добрались, зато дальше лежат долины, которые подобная удача обошла стороной. Он намеревался отыскать одну из них — такую, где вряд ли объявится соперник. А если там обнаружится княгиня, которая не покинула родовую крепость, — что ж,

тем лучше. Он облизнул нижнюю губу, словно в предвкушении особенно вкусного блюда. Он не очень-то верил всем этим россказням насчет удачи или невезения. Он считал, что человек сам творит свою судьбу, зная, чего хочет, и не сворачивая ни на шаг с намеченного пути.

Однако сейчас он не мог отделаться от мысли, что если желает исполнения своей мальчишеской мечты, то должен действовать, и немедля. Он, Тристан ниоткуда, в конце концов станет лордом Тристаном, правителем какой-нибудь не особенно захудалой долины.

— Наливай!

Молодой Урре, сидевший рядом с Тристаном, с такой силой ударил пустой кружкой по столу, что одна из свечей покачнулась, брызнув вокруг каплями горячего жира. Выбранившись, Урре швырнул кружку через перегородку, и она со звоном запрыгала по каменному полу общей залы.

Хромой служка наклонился и подобрал ее, бросив испуганный взгляд на Урре и на хмурую хозяйку, которая уже спешила к знатным посетителям с подносом; на подносе в такт ее шагам позвякивали полные кружки. Тристан отодвинулся от стола. Все как обычно, как бывало уже не раз. Урре напьется вдрызг, и его развезет, причем

не столько от этого пойла, которое здесь, в горах, именуют вином, сколько от жалости к самому себе. Он начнет сокрушаться о том, что потерял, и ему вовсе не приходит в голову, что он мог бы кое-что и приобрести.

Онсуэй будет внимательно прислушиваться к его бормотанию, разыгрывая из себя вассала. Но как только у Урре кончатся деньги и его родственные связи перестанут доставлять им пропитание и крышу над головой, Онсуэй тут же сбежит.

«Пожалуй, пришла пора с ними расстаться, — подумал Тристан. — Толку от них никакого, да и попутчики они не из приятных».

Но трактир покидать еще рановато. Ведь постоялый двор этот расположен на большой дороге, и даже дня, проведенного тут в безделье, хватит, чтобы разжиться полезными сведениями. Кроме того, он уже присмотрел себе двоих товарищей на будущее.

Кошелек у него не такой пухлый, чтобы можно было повертеть золотой монетой перед носом лучника или копейщика и предложить им службу. Потому нужно искать людей наподобие его самого — перекати-поле, готовых поймать удачу за хвост, способных оценить преимущества службы у человека, который жаждет возвыситься.

Чтобы покорить оставшихся без хозяина крестьян, вовсе не обязательно иметь под началом армию. Долине без правителя достаточно с полдюжины опытных, хорошо вооруженных бойцов — и дело в шляпе.

Его обуяло радостное волнение, как случалось всякий раз, когда он доходил до этого места в своих мысленных рассуждениях. Но он давно научился не выказывать открыто чувств, чем резко отличался от большинства товарищей-наемников, хотя всячески старался затушевать разницу. Он вовсе не был святым, он грабил, распутничал, убивал — но знал меру.

— Пойду спать. — Он поднялся и взял лук. — Дорога была долгая…

Урре, скорее всего, его не услышал; внимание юноши целиком поглотил приближающийся поднос с кружками. Онсуэй с отсутствующим видом кивнул — он, как обычно, во все глаза следил за Урре. Однако хозяйка отреагировала немедля:

— Спать, достойный господин? С вас три монеты. Камин в комнате разжечь?

— Да.

Хозяйка кликнула служку. Тот подковылял к Тристану, вытирая грязные руки о черные от копоти лохмотья фартука, обвязанного вокруг

талии.

Если помещения в нижнем этаже трактира были довольно просторными, то наверху картина была совершенно иной. Комната, в которую служка привел Тристана, походила скорее на конуру; единственное окошко закрывал ставень, удерживаемый тяжелым засовом. На полу валялись сухие стебли тростника. Прямо на них стояла грубо сколоченная кровать с грудой наваленных постельных принадлежностей. Обещанный камин начисто отсутствовал. Комнатку кое-как обогревала жаровня на ножках, в которой тлело несколько угольков. Стулом возле кривобокого сундука явно пользовались в качестве стола. Служка поставил на него свечу и хотел было уйти, но разглядевший окно Тристан окликнул его:

— Эй, приятель, в какой осаде вы тут отсиживались? Посмотри, как заржавел засов!

Мальчишка прижался к дверному косяку. У него отвисла челюсть. «Выглядит как полоумный», — усмехнулся про себя Тристан. Но во взгляде служки, устремленном на окно, было не только слабоумие — в нем отчетливо читался страх.

— Ж-ж-жа… Жабы, — еле выговорил он.

Подняв ладони на уровень груди, он так стис-

нул пальцы, что костяшки побелели. Тристану доводилось слышать разные прозвища врагов, но вот Жабами их еще никто не называл; и потом, насколько ему известно, до Гриммердейла они не добирались.

— Жабы? — переспросил он.

Мальчишка повернул голову так, чтобы не глядеть ни в окно, ни на Тристана. Он явно замышлял бегство. Мужчина легкими, бесшумными шагами пересек узенькую комнатку и взял служку за плечо.

— Что за Жабы такие? — тряхнул он парня.

— Жабы… те самые… — Мальчишка, видно, думал, что Тристан понимает, о чем речь. — Они… они сидят посреди Стоячих камней… те, что приносят зло людям…

Помолчав, служка вдруг выплюнул:

— Все знают про Жаб из Гриммердейла!

И внезапным движением, доказывавшим, что убегать ему не впервой, он вырвался и исчез за дверью. Мужчина не стал его преследовать.

Блики единственной свечи играли на его нахмуренном лице. Жабы, Гриммердейл — что-то смутно знакомое. Надо порыться в памяти. Что ему известно о Жабах и о Гриммердейле?

Через долину эту ведет один из торговых путей.

Раньше им пользовались лишь пастухи, перегоняющие скот, но когда на южной, главной дороге в порт появились вражеские патрули, про этот тракт вспомнили и купцы. Три тропы с нагорий встречались у южной горловины Гриммердейла и сливались в одну дорогу.

Постой-ка… Однажды ведь ему довелось услышать о четвертой тропе, которая вела напрямик через горы и которой почему-то остерегались. Тропа была очень древняя, проложенная еще в незапамятные времена. Ну да…

Тристан кивнул словно в подтверждение собственных мыслей.

Жабы Гриммердейла! Одно из многих преданий о тех, кто прежде населял Долины, о существах, которые в большинстве своем вымерли задолго до того, как у берегов страны бросили якорь первые корабли с поселенцами.

Однако в некоторых местах Долин еще сохранилось былое колдовство, а отдельные безумцы среди людей — ибо только безумный может осмелиться на такое — рисковали призывать к себе этих демонов из прошлого. Даже лорды Высшего Холлака вынуждены были сделать однажды подобный шаг: ведь если бы они не заключили торжественный договор со Всадниками-оборот-

нями, вряд ли людям удалось одолеть вторгшихся из-за моря врагов.

Некоторые из тех демонов благоволили к людям, другие — держались от них в стороне, а вот третьи замышляли зло. Не то чтобы они преследовали людей, нападали на них и не давали житья, нет. Просто тот, кто отваживался зайти в их собственные места, рисковал очень и очень многим.

К числу таких мест относились и Стоячие камни Жаб Гриммердейла. По слухам, Жабы охотно соглашаются выполнять людские просьбы, но зачастую совсем не так, как того хочется просителю.

Многие годы люди избегали появляться у Стоячих камней.

Да, но зачем все-таки засов на окне? Может, ныне Жабы (да и Жабы ли они на самом деле?) не сидят на месте, как уверяет предание, а шныряют по всей долине? И потому люди запираются на все замки? Но какая Жаба допрыгнет до окна на втором этаже?

Побуждаемый непонятным ему самому любопытством, Тристан обнажил нож и потыкал им крепления. Слой ржавчины был очень толстым: окно явно не открывалось на протяжении многих

лет. Тристан начал злиться. Наконец его упорство было вознаграждено: засов поддался.

Справившись с засовом, он вынужден был еще какое-то время провозиться со ставнем, который словно прирос к окну. В конце концов, просунув в щель меч, Тристан отодрал деревянный щит. Холод ночи проник в комнату. Только сейчас Тристан понял, каким спертым был воздух в помещениях трактира.

Он выглянул наружу: снег, темная кучка деревьев, уходящие вверх склоны холмов. Между постоялым двором и подножием холмов не было ни одного здания. Густая, припорошенная снегом растительность говорила о том, что землю здесь никто не обрабатывает. Деревья были невысокими — скорее кусты, чем деревья; и Тристану они не понравились.

Богатый военный опыт подсказывал ему, что кустарник этот представляет собой угрозу. Воспользовавшись им как прикрытием, враг мог бы подобраться к трактиру на расстояние броска копья, и никто бы его не заметил. Быть может, у них в Гриммердейле такого никогда не случалось и потому они не выжгли подозрительные кусты.

Склоны холмов были довольно пологими, и на них растительности было гораздо меньше. Хоть

так, подумал Тристан, и то хлеб.

Дальше лежал снег, очень белый и гладкий. За ним проступали в темноте обломки скал. Опытный глаз Тристана сразу отметил, что это не естественные образования, а творения чьих-то рук.

Они вовсе не походили на единую стену. Нет, между ними виднелись широкие проемы, как будто они служили столбами для некой изгороди. Но уж слишком были массивными.

Подобных каменных рядов Тристан насчитал пять, и если в первом ряду камни стояли друг от друга на довольно большом расстоянии, то дальше эти промежутки постепенно уменьшались. Тристан отметил две вещи. Во-первых, даже очень яркой луне не под силу так осветить камни. Значит, то ли они сами светятся, то ли земля вокруг них. А во-вторых, снежное покрывало внезапно и резко обрывалось у первого ряда камней. И потом, камни укутывала легкая дымка, словно укрывая их от любопытных взглядов. Тристан моргнул, потер глаза рукой, снова поглядел на камни. Дымка стала более отчетливой. И чем дольше он смотрел на нее, тем плотнее она ему казалась.

Вот так Гриммердейл! Значит, он — одно из тех

мест, где по-прежнему обитают Древние Силы. Наверняка именно эти камушки — убежище или логово Жаб. Теперь Тристан понял, почему было закрыто на засов окно. Он установил на место ставень, но, как ни старался, не смог заново приладить засов.

Он неторопливо снял с себя кольчугу и другую одежду и положил ее на сундук. Расстелил на кровати выделанную шкуру какого-то животного, потом принялся разбирать постель. К его удивлению, грубые простыни и два лоскутных одеяла оказались чистыми. От них даже исходил слабый аромат трав (теперь, когда свежий воздух очистил его легкие, он мог различать запахи).

Он вытянулся на постели, натянул одеяла на уши и почти мгновенно заснул.

Разбудил его стук в дверь. Спросонья он хмуро уставился на покрытые паутиной стропила. Что ему такое снилось? В душе его гнездилась смутная тревога, ощущение того, что он упустил нечто весьма важное. Помотав головой, чтобы отогнать эти неприятные мысли, он встал, прошлепал к двери, открыл ее и впустил в комнату старшего слугу, худого как скелет парня с угрюмой физиономией, менее, впрочем, грязного, чем вчерашний мальчишка. В руках слуга держал

накрытый котелок. Поставив его на сундук, он произнес:

— Вода для мытья, господин. На завтрак каша со свининой и эль.

— Ладно. — Тристан приподнял крышку с котелка. Повалил пар. На горячую воду он совсем не рассчитывал, а потому решил, что ее появление — залог удачного дня.

Общая зала была почти пустой. Хромой мальчишка протирал столы, при этом щедро поливая водой пол. Хозяйка, растопырив локти, точно крылья и выставив вперед острый подбородок с двумя волосатыми бородавками, разговаривала о чем-то с другой женщиной. Та была в плаще, но откинутый капюшон позволил Тристану увидеть ее лицо, лишенное какой бы то ни было привлекательности, испещренное коричневыми пятнами. Однако плащ женщины был из добротного материала, какой не по карману обычной деревенской девчонке. В одной руке она держала узелок, в другой — охотничье копье с коротким древком, конец его был весь в царапинах, словно им чаще пользовались как посохом, нежели как оружием.

— Ну что же, девушка, пожалуй, я возьму тебя. Но учти, денег не получишь, только еду да

одежду.

Хозяйка метнула быстрый взгляд на Тристана и снова повернулась к девушке.

«А она молода, — подумал Тристан. — Но клянусь Волком-оборотнем, при взгляде на нее сразу хочется убежать куда подальше!»

— Клади свои пожитки вон на ту полку, — махнула рукой хозяйка. — И принимайся за работу, коли ты и вправду того хочешь.

Не дожидаясь, пока девушка выполнит ее приказание, она поспешила к столу, за который уселся Тристан.

— Отведайте кашки, господин. С кусочком свиной щеки, со свежим элем…

Он кивнул. Поза его в точности напоминала ту, в какой он сидел тут накануне вечером. Пальцы его поглаживали браслет с затейливой резьбой, глаза были полуприкрыты, словно он еще досыпал.

Хозяйка удалилась.

Открыть глаза Тристана заставил стук поставленного на стол подноса. Его принесла та самая девушка. Она сняла плащ, под которым оказалась юбка в складку с тесным корсажем. Да, он был прав, одежда у нее не крестьянская. Пускай юбка была укорочена так, что из-под нее теперь видны

стоптанные башмаки, из которых торчит солома, но это юбка для верховой езды. Сама девчонка худющая, но фигурка у нее ладненькая. Поневоле призадумаешься, почему при такой фигуре судьба наградила ее столь ужасным лицом. И зачем ей копье? Стоит ей только открыть свое лицо, никто на нее не польстится и она будет в ничуть не меньшей безопасности, чем статуя Гунноры, которую крестьяне носят по полям в начале сева.

— Ваша еда, господин.

А она будет половчее хозяйки. Вон как проворно поставила перед ним тарелку с кашей и кружку.

— Благодарю, — услышал Тристан собственный голос и удивился: с чего бы это он ведет себя так, словно перед ним благородная дама?

Он потянулся за стаканом и увидел, как широко раскрылись глаза девушки, когда она заметила его браслет. И ему показалось, что во взгляде ее скользнуло нечто большее, нежели простое любопытство. Но она совладала с собой, повернулась и пошла прочь от стола, опустив глаза долу, как и полагается прислуге.

— Еще чего-нибудь принести, господин? — спросила она вроде бы равнодушно. Но голос предал ее. Подобный акцент мог быть у девушки

только из одной крепости.

Сейчас в долинах много случается всяких раздоров. Какое ему дело до того, что девчонку-замарашку выгнали из дома, отправили бродить по свету в поисках пропитания и крова? С таким лицом ей ни за что не найти себе мужчину — разве что слепой польстится на нее.

— Нет, — отозвался он.

И она ушла легким беззвучным шагом лесного охотника; в движениях ее чувствовалось изящество того, кто сиживал за высокими столами по праву крови.

Ничего, к концу будущего года он тоже сядет за господский стол. Тристан был в этом так уверен, словно заручился клятвой одного из Властелинов Сил. Но своего он добьется собственными руками и умом и потому возвысится над теми, у кого за душой — только право крови. Девица катится по наклонной, а он пойдет в гору!

Встреча в трактире с бывшей благородной только придала Тристану решимости.

3

После Нордендейла, как убедилась Герта, дорога стала еще хуже. Местами ее разрушили

оползни, и потому приходилось перебираться через ямы. Однако девушка продолжала идти, уверенная, что только эта дорога приведет ее к желанной цели.

Карабкаясь по камням, съезжая в овраги, отваживаясь порой на прыжки и используя копье как шест, она думала о том, что ждет ее впереди. Разыскивая Гуннору, Герта знала, что соплеменники поймут ее. Но что касается святилища Жаб — такой уверенности у нее не было.

На шее девушки висел небольшой мешочек с зерном и сушеными травами, талисман Гунноры для домашнего очага. Второй такой же был зашит в подол юбки. А среди соломы, торчавшей из башмаков, были стебельки других растений — из тех, что защищают путника. Прежде чем отправиться в дорогу, Герта основательно подготовилась.

Но вот помогут ли амулеты против чужеродного, не человеческого колдовства? У всякого народа свое собственное волшебство. Прежние — не люди, и потому их верования и обычаи могут быть совсем иными. Не подвергает ли она себя великой опасности?

Когда она доходила в размышлениях до этого места, ей постоянно вспоминалось одно событие. И воспоминание рвало душу, точно шпоры — бо-

ка коня. Ведь именно Куно предложил ей тогда совершить поездку в аббатство, в Литендейл. Да, Куно предложил это сам и, быть может, именно поэтому впоследствии отвернулся от сестры, ощущая долю своей вины в случившемся.

Герта отчетливо, до мельчайших подробностей, помнила это путешествие в Литендейл. Она вовсе не хотела забывать этого, ибо иначе она может лишиться ярости, той ярости, которая придает ей мужества. Сопровождал ее небольшой отряд ратников, поскольку Куно был уверен, что врагов опасаться нечего. Как оказалось потом, опасаться нужно было отнюдь не врагов.

Откуда ни возьмись дождем посыпались стрелы. В ушах девушки до сих пор стоял хрип молодого Джаннеска: стрела пронзила ему горло, и он мешком рухнул на землю. Нападающих не было видно, а весь ее отряд перебили буквально за несколько секунд. Она пришпорила жеребца — и он на полном скаку влетел в расставленную на дороге сеть. Она перелетела через голову коня…

Очнулась Герта в темноте. Руки у нее были связаны. Прямо перед ней, на полянке между скал, горел костер. У костра, разрывая зубами полупрожаренное мясо, сидели несколько мужчин. Эти были из числа врагов. Она похолодела, поняв

вдруг, что они с ней сделают, когда удовлетворят первое желание…

Поев, мужчины подошли к ней. Герта принялась отбиваться связанными руками. Они захохотали, начали швырять ее туда-сюда, тискать, срывать с нее одежду. Однако для последнего оскорбления, последнего унижения им не хватило времени. Нет, насилие над ней совершил другой.

КТО-ТО ИЗ ЕЕ СОПЛЕМЕННИКОВ!

Мысль эта обожгла Герту и придала ей сил, что было очень кстати, поскольку солнце уже скрылось за склоном и поднялся холодный ветер.

Те, кто издевался над ней, тоже погибли, пали под ударами меча или сраженные копьем. А находившаяся в полуобморочном состоянии девушка вдруг ощутила на себе тяжелое тело; крепкие, сильные руки не давали ей шевельнуться.

Она не видела лица насильника, зато разглядела (и картина эта осталась в памяти, словно выжженная огнем) браслет на запястье, когда рука мужчины надавила ей на горло, чтобы лишить сознания.

Придя в себя, она обнаружила, что осталась одна. Кто-то набросил на нее плащ. Неподалеку стояла лошадь. И кругом на снегу валялись тру-

пы. Герта никак не могла понять, почему ее не убили тоже. Быть может, насильнику помешали его товарищи? Как бы то ни было, в первый момент она решила остаться тут, пока не замерзнет. Но потом в девушке взыграла кровь предков и заставила ее подняться с земли. Где-то в Долинах живет человек, который сначала спас ее, а потом похитил то, что может быть отдано лишь по доброй воле. Ей надо выжить — хотя бы для того, чтобы погубить этого мерзавца.

Потом, поняв, что носит под сердцем новую жизнь, Герта испытала еще одно искушение: поступить так, как ей настойчиво советовали, — избавиться от плода. Но не осмелилась. Пускай ребенок зачат не по-доброму, но частью он принадлежит ей. Затем она вспомнила про Гуннору и про то, что колдовство может помочь. Именно поэтому удалось ей не поддаться Куно, не испугаться его животной ярости.

Она жила двумя мыслями, она цеплялась за них с упорством отчаяния: ребенок, которого она носит, должен принадлежать ей одной, а тот, кто никогда не станет его отцом, должен получить свое. И вот теперь, когда Гуннора дала ей первое, она идет за вторым.

Наступила ночь. Герта выбрала местечко среди

камней, где можно было укрыться от ветра, и зарылась в сухие листья. Должно быть, она заснула, ибо, открыв глаза, недоуменно огляделась, не понимая, где находится. А потом ощутила то, что ее пробудило. Сам воздух вокруг был каким-то не таким, в нем чувствовалось напряжение.

Герта встала и, опираясь на копье, вышла на дорогу. В лунном свете перед собой она увидела гладкий, нетронутый снег. За спиной чернели ямки ее собственных следов. Девушка двинулась на огонек.

Вдалеке что-то слабо светилось, причем это явно был не костер и не факел. А вдруг это конец ее исканий?

Старая дорога сузилась, с нее исчезли всякие препятствия. Потыкав снег перед собой — нет ли под ним трещин, — Герта устремилась на огонек.

Внезапно из темноты поднялись высокие тени: длинными рядами поперек дороги выстроились камни. Между камнями внешних рядов зияли широкие проходы, тогда как камни внутренних рядов стояли очень близко друг от друга. Дорога уводила в один из проходов.

На верхушке каждого из камней покоился маленький конус света, как будто это были не

скалы, а гигантские свечи. Свет их был холодным, голубым вместо оранжево-красного, какой бывает у настоящих свечей.

Луна куда-то пропала, хотя Герта вовсе не была уверена, что вошла под крышу или под навес.

Она миновала три ряда камней, затем еще четыре, и с каждым рядом промежутки становились все у́же, так что седьмой ряд представлял собой сплошную стену. В стене были ворота, и к ним вела дорога, превратившаяся теперь в тропинку.

Герте почудилось, будто ее влечет невидимая или непреодолимая сила. Ноги ее словно приклеились к тропинке, и это не она шла, а тропинка перемещалась вместе с ней.

Миновав последнюю стену, девушка очутилась на площадке, огороженной со всех сторон скалами. Посреди площадки виднелось нечто вроде каменной изгороди, в каждом из углов которой на уровне земли горел огонек. Герта остановилась; она не могла ни идти дальше, ни вернуться назад.

За изгородью возвышались пять зеленых валунов. Они посверкивали в колдовском свете, точно громадные бриллианты. Верхушки валунов были плоскими, и на них сидели те, кто

поджидал Герту.

Кого она надеялась встретить, Герта и сама не знала. Но существа, представшие перед ней, были настолько чужеродными для человека, что она ничуть не испугалась, а только безмерно удивилась: как в том мире, где обитают люди, могут существовать этакие твари. Теперь-то она поняла, почему молва окрестила их Жабами, — это было самое близкое сравнение, доступное человеческому уму.

Они сидели, нахохлившись, на валунах, опираясь на поверхность камней всеми четырьмя лапами. От жаб в них было одно название. Округлое брюшко, по сравнению с которым четыре ноги кажутся слишком худыми и тонкими. Шея начисто отсутствует, и голова переходит прямо в узкие плечи. Сама голова — массивная, с большими золотистыми глазами, расположенными высоко на лишенном волос черепе. Щелочка вместо носа, крупный рот над почти незаметным подбородком.

«Привет тебе, ищущая…»

Слова эти прозвучали у Герты в голове. Которое из существ к ней обратилось, девушка не поняла.

Она дошла до цели — и растеряла по дороге все

слова; ее несказанно смутил и поразил вид тех, кого она искала. Но, видимо, ответа от нее и не требовалось; беззвучный разговор продолжался:

«Ты пришла к нам за помощью. Чего ты хочешь, дщерь людская? Избавиться от того, что тяготит твое тело?»

Услышав такие слова, Герта обрела дар речи.

— Нет. Пускай семя вошло в меня не по закону, а через насилие и муку, я решила сохранить его. Я рожу ребенка, который будет только моим, ибо так обещала мне Гуннора.

«Тогда зачем ты пришла сюда?»

— За местью! За местью тому, кто совершил надо мной насилие!

«Но почему ты, дщерь людская, думаешь, будто ты и твои беды значат что-либо для нас, для тех, кто останется тут, даже если люди уйдут? Что нам до тебя?»

— Не знаю. Я поверила легендам и потому пришла.

Она испытала странное ощущение: впечатление было такое, что кто-то мысленно рассмеялся. Они развеселились; осознав это, Герта утратила часть своей решимости.

Снова то же ощущение, а потом — чувство свободы, словно чужак покинул ее мозг, чтобы

переговорить со своими. Герта убежала бы, если б могла. Ей стало страшно, так страшно, как не бывало ни разу с того ужасного дня в Летендейле.

«Кому ты хочешь отомстить, дщерь людская? Как его зовут, где он проводит нынешнюю ночь?»

Она ответила искренне:

— Ничего не знаю. Я не разглядела его лица. Однако… — Она забыла про страх. — Однако я помню одну вещь, которая поможет мне узнать его. Быть может, он тут, в Гриммердейле, ведь сейчас, когда закончилась война, много людей ходит по этой дороге.

Снова чувство свободы. И новый вопрос: «Тебе известно, что мы помогаем за плату? Что у тебя есть предложить нам, дщерь людская?»

Герта вздрогнула, она никогда не задумывалась, что будет после того, как она выскажет свою просьбу. Неужели она была такой глупой? Разумеется, придется платить. Руки ее сами собой бросили узелок и легли на живот, словно оберегая дитя.

Опять веселье.

«Не бойся, дщерь людская. Эта жизнь обещана тебе Гуннорой, и нам она не нужна. Но твоя месть послужит и нам. Мы исполним твое желание, но

завершим его мы по-своему. Согласна?»

— Да, — ответила девушка, не совсем, впрочем, понимая.

«Смотри же — туда!»

Одно из существ приподняло ногу и указало куда-то ей за плечо. Герта обернулась. На поверхности валуна сверкало небольшое пятнышко. Она протянула руку, и от ее прикосновения из валуна вывалился маленький камешек и лег в ладонь Герты.

«Возьми его, дщерь людская. Когда найдешь того, кого ищешь, положи камень в его постель перед тем, как он отправится спать. Тогда свершится возмездие — здесь! А чтобы ты не забыла и не передумала, мы дадим тебе с собой напоминание; ты увидишь его всякий раз, посмотревшись в зеркало».

Существо указало ногой на Герту. Из пальца его выползла тоненькая струйка дыма, приобрела форму мяча и устремилась на девушку. Герта попыталась увернуться, но мяч ударил ее по лицу. Она почувствовала жжение, но оно тут же прошло.

«Ты будешь носить наш знак, дщерь людская, пока он не придет сюда. Так ты не забудешь наш уговор».

Что случилось потом, она не знала. Все было как в тумане. Когда же туман развеялся, девушка выбралась из-под сухих листьев и увидела, что начинает светать. Неужели это только сон? Нет, в пальцах у нее был зажат какой-то предмет, да так, что пальцам больно. Она поглядела на руку: предмет оказался кусочком серо-зеленого камня. Значит, она и в самом деле говорила с Жабами Гриммердейла!

А вон и сам Гриммердейл, внизу, отчетливо виден в утреннем свете. Замок лорда на дальнем склоне, деревня, постоялый двор у дороги. Вот туда-то она сейчас и направится.

Несмотря на ранний час, постоялый двор уже проснулся. Мужчина прошел в конюшню, не заметив вошедшую в ворота Герту. Девушка зашагала к полуоткрытой двери дома, твердо решив наняться на работу, какой бы стервой хозяйка ни оказалась.

Когда она вошла в общую залу, та была пустой. Но через мгновение туда ворвалась женщина со злющим лицом. Герта направилась прямо к ней. Женщина поглядела на нее и злорадно ухмыльнулась.

— Да, девочка, с такой физиономией ты бед не натворишь, — сказала она, когда Герта изложила

свою просьбу. — Мне, вообще-то, как раз нужна пара рабочих рук. Кошелек, правда, у нас не такой пухлый, чтобы швыряться серебром…

Пока она все это говорила, по крутой внутренней лестнице в залу спустился мужчина. Он пересек комнату и уселся за стол, наполовину скрытый перегородкой от остальных. Герте показалось, что его появление помогло ей, ибо хозяйка вдруг приказала ей положить узелок и приниматься за работу. И первым ее поручением было отнести тому самому мужчине поднос с едой.

Он был высок ростом, выше Куно, хорошо сложен, широкоплеч. На поясе у него висел спрятанный в ножны меч с простой рукоятью. Лицо его было худым, словно ему частенько доводилось голодать. Черные волосы ниспадали на лоб. Возраст его она не смогла определить, однако почему-то подумала, что он довольно молод.

А когда она поставила поднос на стол и мужчина потянулся за ножом, чтобы разрезать мясо, мир как будто застыл на мгновение. Герта увидела на запястье незнакомца браслет. И этот браслет приковал к себе все ее внимание. Она во все глаза глядела на него, почему-то уверенная, что ничем не выдала себя.

Отходя от стола, она подумала: а не могущество

ли Жаб привело насильника в ее руки? Что они ей поручили — подложить камень в его постель? Но сейчас раннее утро, и он только что встал. А если он не собирается тут оставаться еще на одну ночь и скоро уедет? Как тогда ей выполнить поручение Жаб? Придется, видимо, последовать за ним, чтобы тайком подобраться к нему в ночи.

Ну да ладно, пока он вроде бы никуда не торопится. Тут, к своему немалому облегчению, она услышала, как мужчина договаривается с хозяйкой о ночлеге. Под благовидным предлогом она ускользнула наверх, прихватив с собой постельные принадлежности в одну из комнат. Спускаясь по узкому коридору, она размышляла, как бы ей половчее узнать, какая из комнат — его.

Глубоко погрузившись в раздумья, Герта не слышала, что кто-то крадется за ней по пятам. Вдруг на ее плечо легла тяжелая рука.

— Ну-ка, поглядим, что за новенькая…

Голос был молодым и дерзким. Герта посмотрела на остановившего ее мужчину с обликом и повадками не сформировавшегося еще юнца. Густые нерасчесанные волосы соломенного цвета, щетина на подбородке, налитые кровью глаза.

Когда он как следует разглядел девушку, лицо его исказила гримаса отвращения. Он с силой

оттолкнул Герту от себя; она потеряла равновесие и упала на пол.

— Иди целуйся с Жабами!

Он плюнул, но плевок до нее не долетел. Юнец внезапно оказался прижатым к стене коридора. На него внимательно смотрел человек с браслетом на запястье.

— Ты что? — заорал юнец, вырываясь. — Пусти меня, приятель.

— Приятель? — повторил владелец браслета. — Я не вассал тебе, Урре. И здесь не Роксдейл. Что же до девчонки, то лицо — не ее вина. Пожалуй, ей бы надо поставить свечку тем Силам, которые сотворили с ней такое. Ведь иначе ей не дали бы проходу кобели вроде тебя.

— Жаба! У нее жабья рожа! — Урре хотел было еще раз плюнуть, но выражение глаз мужчины остановило его. — Пусти меня!

Он опять дернулся. Человек с браслетом отступил. Бранясь, Урре направился к лестнице; его шатало из стороны в сторону.

Герта встала, нагнулась, чтобы поднять уроненные одеяла…

— Он не обидел тебя?

Она молча покачала головой. Все произошло так внезапно… Особенно смутило девушку то, что

этот человек защитил ее. Она торопливо пошла прочь, но, дойдя до конца коридора, оглянулась. Он как раз входил в дверь, расположенную по соседству с той, где Герту остановил тип по имени Урре. Что ж, теперь она знает его комнату. Но почему «жабья рожа»? Тот мокрый мяч, который ударил ей в лицо прошлой ночью, — что он с ней сотворил?

Герта ощупала пальцами лицо. Вроде все как обычно. Зеркало, надо разыскать зеркало! Непохоже, однако, чтобы здесь имелся такой предмет роскоши.

В конце концов она обнаружила «зеркало» на кухне, на самом деле — поднос, который ее отправили начищать. Отражение в нем было нечеткое, но все же отвратительные коричневые пятна проступали весьма отчетливо. Неужели они останутся навсегда, открывая всем и каждому, что она связалась с Силами Тьмы, или исчезнут, когда дело будет сделано? Смутное воспоминание о безмолвном разговоре дало ей надежду, что верно последнее.

Если так, то чем быстрее она выполнит поручение Жаб, тем лучше для нее. Однако пока возможности еще раз подняться наверх не представилось. Мужчину зовут Тристан. Хромой

служка, который им заинтересовался, многое о нем узнал. В свое время Тристан был командиром лучников и воеводой. Теперь он остался без службы и идет вглубь страны — наверное, чтобы найти себе нового господина. А быть может, он хочет создать собственную дружину; он уже говорил об этом кое с кем из других ветеранов, остановившихся на постоялом дворе. Пьет он немного, тогда как его спутники, Урре, сын местного владетеля, и его вассал, заказывают столько вина, что хватит потопить корабль.

Герта с жадностью слушала эти отрывочные сведения, решив узнать все, что только можно про наемного солдата Тристана, которого она рассчитывала поймать в свои сети. Когда ей удавалось, она исподтишка следила за ним. Странно было глядеть на мужчину, который совершил над ней насилие и даже не догадывается, что она так близко от него.

Если бы не браслет на запястье, она, наверное, заподозрила бы его в последнюю очередь. Урре и двое или трое других пытались притиснуть ее где-нибудь в углу, не разглядев сперва как следует лица. А Тристан, когда она проходила мимо, оказывал ей маленькие знаки внимания, как будто ее уродство ничего для него не значило. Он

представлял собой загадку, и это ее тревожило.

Но она не изменила своего решения. И когда наконец ей удалось проскользнуть наверх, она пробралась в его комнату. На постели в беспорядке были свалены одеяла. Она не стала расправлять их, а сунула камень глубоко под подушку и поспешила в залу, где уже собирались посетители. На нее обрушился поток приказаний: она то бежала на кухню, то возвращалась обратно, неся полные кружки вина и тарелки с едой.

Начала сказываться усталость после целого дня непривычного труда. И потом, среди посетителей нашлись любители грубых потех, которым хотелось повеселить сотрапезников. Герте приходилось глядеть во все глаза, чтобы вовремя заметить подставленную ногу, стараться изо всех сил, чтобы не уронить поднос с кружками после внезапного толчка под локоть. Дважды она терпела поражение, и дважды хозяйка отвешивала ей затрещины за испорченную еду.

Но в конце концов та же хозяйка отправила ее из залы — вовсе не по доброте душевной, а для того, чтобы меньше проливалось вина и ронялось тарелок, — мыть посуду в крохотную клетушку, где стояла такая вонь, что Герта едва не потеряла сознание. Кое-как она дотянула до того момента,

когда пришла хозяйка и отвела ее в залу. Там она указала девушке на скамью-ларь у камина и пробурчала, что, дескать, это лучшая постель, на которую та может рассчитывать. Уставшая до полусмерти Герта улеглась на скамью. Остальные слуги тоже разбрелись по своим углам и конурам — комнаты в трактире были только для постояльцев.

Огонь на ночь прикрыли колпаком, но от камина еще исходило тепло. Герта осталась в зале одна. Все косточки у нее болели, но она гнала прочь мысль о сне и ждала. Если все пойдет как надо, камень наверняка сделает свое дело нынешней ночью. Она должна увидеть это. А что дальше — там поглядим.

Герта нетерпеливо ерзала на жесткой скамье. Плащ и копье — вот они, под рукой; набитые свежей соломой башмаки она даже не стала снимать.

Вдруг наверху лестницы появилась тень. Герта напряглась. Да, она оказалась права. Мужчина по имени Тристан прошел мимо нее к двери. Завернувшись в плащ, Герта последовала за ним.

4

Опасаясь, что он обернется, она держалась в тени дома. Однако он шел решительным шагом человека, посланного куда-то по важному делу, не обращая внимания на то, что делается вокруг. Обогнув трактир с задней стороны, он направился к холмам.

Луна светила довольно ярко, но очертания ее казались размытыми из-за легкой дымки на небе. Герта все больше и больше отставала от Тристана, потому что юбка ее намокла от снега и стала страшно тяжелой, потому что каждый новый шаг давался ей много труднее предыдущего. Но ее гнала вперед мысль, что она должна быть рядом с Тристаном, когда он доберется до места. Зачем? Чтобы увидеть, как Жабы отомстят ему? «Не знаю, не знаю», — подумала она, напрягая все силы, чтобы нагнать его.

Тем временем Тристан достиг уже первого ряда камней. Он ни разу не оглянулся. Герта давно перестала прятаться. Он скоро совсем пропадет из виду! Она подобрала юбку и, тяжело дыша, побежала за ним.

Ага, вон он снова; но как до него далеко! Ладно,

когда он доберется до последнего ряда камней, до стены, ему придется пройти вдоль нее до прохода. Поэтому ей удастся выиграть несколько драгоценных секунд, если она выберется на Старую дорогу прямо сейчас. Сказано — сделано: проваливаясь в сугробы, Герта кинулась в направлении дороги. Дыхание со свистом вырывалось из ее груди.

Копье она оставила в зале, и нащупывать дорогу теперь ей было нечем; кроме того, вдруг сильно заболел бок. Но, стиснув зубы, она продолжала свой путь. Уже видны впереди ворота. Тристан все-таки немного опережает ее.

Внезапно наверху одной из колонн вспыхнул холодный свет. В голубом сиянии собственные руки, которые она раскинула в стороны, чтобы не потерять равновесие, показались Герте изъеденными болезнью.

Тристан ступил в проход и остановился. Он словно в упор разглядывал то, что поджидало его внутри. На поясе у него висел меч, через плечо перекинут был лук. Он вышел из трактира во всеоружии, но до сих пор почему-то не обнажил меч и не наложил стрелу на тетиву.

Герта подковыляла к воротам. Подъем по склону окончательно лишил ее сил. Но она чув-

ствовала, что должна быть там. Совсем рядом — протяни руку и дотронешься — стоял Тристан. Голова его была непокрыта, свободный капюшон плаща был отброшен на плечи. Руки безвольно повисли по бокам. Герта посмотрела в ту сторону, куда устремлен был его взгляд.

Знакомые зеленые валуны. Но никаких Жаб на них. Над камнями кружились голубые огоньки всех оттенков — от бледно-бледно-голубого до ослепительного густо-синего.

Герта ощутила, как влекут к себе эти огоньки. С трудом удалось ей поднять к глазам отяжелевшие ладони, чтобы заслониться от пляски огоньков. И сразу девушка почувствовала облегчение. Однако спутник ее явно находился под властью чар.

Стараясь не замечать огоньки, Герта поглядела на Тристана. Почему он стоит неподвижно, почему не идет к каменной ограде у зеленых валунов? Может, он превратился в камень, пойманный заклятием, которое наложили на него Вечные скалы? Стоит — глазом не моргнет и даже вроде бы и не дышит!

Неужто таково их наказание: превратить человека в изваяние? Почему-то Герта была уверена, что месть Жаб мужчине, которого она сюда завлекла, будет куда страшнее. В сердце у нее вдруг

шевельнулась жалость. Девушка с ожесточением отогнала непрошеную гостью. Она призвала на подмогу память, стараясь припомнить все вплоть до самых отвратительных, самых унизительных подробностей. Вот что он сделал с ней, вот что, вот что! Это из-за него ее выгнали из дома, из родной долины, лишили всего, а наделили взамен жабьей рожей! Что бы с ним сейчас ни сотворили, он полностью того заслуживает. Она подождет и полюбуется, а потом пойдет прочь отсюда и в назначенный срок, как и обещала Гуннора, родит сына или дочку, в которых не будет ничего от отца — ничего!

Наблюдая за Тристаном и прикрываясь одновременно от голубых огоньков сложенными ладонями, Герта заметила вдруг, что пальцы рук мужчины шевельнулись и медленно сжались в кулаки. Она заметила усилие, которого потребовало это движение, и поняла, что он, стоя неподвижно, ведет отчаянный бой с околдовавшей его силой.

Отогнанное было чувство жалости возвратилось. Герта рассердилась на себя. Он не заслуживает иной доли, кроме мести, которую она выпросила для него у Жаб!

Медленно-медленно, словно он был прикован

цепью к тяжелой гире, Тристан поднял один кулак. По лицу мужчины Герта увидела, чего ему это стоило. Она вжалась в скалу. Имей девушка веревку, она привязала бы себя к камню — лишь бы не поддаться жалости.

Странный свет впереди, свет и что-то еще, пока бесформенное, но таящее в себе угрозу, холодную угрозу, которая страшней запала самой жаркой схватки. Порождение ужаса, которому не найти равного во всей истории его народа. Как он попал сюда, во сне или наяву, Тристан сказать не мог. Ему некогда было ломать над этим голову.

Чтобы противостоять тому, что пленило его, необходимо собрать все силы. Нечто чужеродное хочет проникнуть в него, и этого никак нельзя позволить, — пока не ослабела воля.

Откуда-то он знал, что, сохрани он контроль над телом, ему удастся изгнать чужака из мозга. Нельзя, нельзя повиноваться!

Тристан устремил все внимание на пальцы рук. Сперва было такое ощущение, что плоть онемела… Однако он все же сжал ладонь в кулак. Потом медленно поднял руку — еле-еле, ни на миг не позволяя себе расслабиться. Оружие… Что его меч, его лук против тех, кто обитает в здешних скалах? Он смутно сознавал, что те от души по-

смеются над людским оружием, направленным против них.

Оружие… меч… сталь… Подождите-ка, подождите… Память не подвела. Сталь! Что сделал тот парень из пограничной с Пустыней долины? Ложась спать, он положил в изголовье меч, а в ногах у себя воткнул в землю на глубину лезвия кинжал. Они тогда оставили его около каких-то весьма древних развалин стеречь лошадей. Он сказал, что между холодным железом человек может спать спокойно. Кое-кто, помнится, посмеялся над его суеверностью, но другие одобрили его поступок. Железо… вот чего опасаются Древние Силы! У него на поясе висит меч… и кинжал… железо… Спасение?.. Но схватка за кулак, за руку настолько обессилила Тристана, что ему подумалось: вряд ли он сумеет проверить истинность верований предков.

Что им от него надо — тем, кто обитает тут? Им, им — он давно уже понял, что этих тварей тут несколько. Чего ради они привели его сюда? Тристан отмахнулся от вопроса. Думай о руке, приказал он себе, только о руке!

Безумно медленно рука его подползла к поясу, пальцы коснулись рукояти меча.

Да, меч у него простой, не какой-нибудь там

аристократический клинок с рукоятью из серебра, отделанной бриллиантами, — боевой меч, испещренный царапинами от множества схваток. И рукоять у меча железная, обмотанная толстой проволокой, чтобы не соскользнула вспотевшая ладонь. Кончики пальцев коснулись проволоки… Рука свободна!

Он немедленно покрепче ухватил рукоять, привычным движением выдернул меч из ножен и выставил его перед собой, лезвием к сумятице голубых огоньков. Пришло облегчение, но через какой-то миг Тристан понял, что передышка — временная. Затаившееся в этих горах зло победить совсем не так просто. Чужая воля обрушилась на руку воина. Меч задрожал в руке, он не в силах был держать его твердо. Скоро он вообще выронит его!

Тристан попытался сделать хотя бы шаг назад. Но ноги как будто погрузились в трясину, которая вцепилась в них мертвой хваткой. Значит, ему повинуются только слабеющая рука и меч, который становится тяжелее с каждой секундой. Тристан обнаружил, что уже держит меч рукоятью вперед, словно намеревается пронзить себя самого!

Из суеты голубых огней выросло слабо светяще-

еся щупальце, поднялось в воздух, изогнулось и застыло. Кончик его устремлен был на человека. Следом за ним, колыхаясь, поднялось другое. Потом третье, четвертое…

Кончик первого щупальца, который был тонким, как палец, начал утолщаться. Затем из него устремились во все стороны маленькие отростки. Внезапно Тристан обнаружил перед собой воплощенное зло — гротескную копию человеческой руки с четырьмя пальцами, слишком длинными и тонкими. Когда она полностью сформировалась, то начала опускаться к нему. Неимоверным усилием воли человек перевернул меч, выставив его лезвие перед приближающейся рукой.

И снова ощутил мимолетный восторг триумфа. Ибо движение чудовищной руки замедлилось. Потом она качнулась влево, вправо, словно отыскивая прорехи в его защите. Но каким-то чудом Тристану удалось удержать меч, и он отразил все атаки.

Герта широко раскрытыми глазами следила за диковинной дуэлью. Лицо ее врага было мокрым, ручейки пота сбегали со лба на подбородок. Рот его кривила гримаса, зубы были крепко стиснуты.

Но меч по-прежнему был в его руке, преграждая

путь эманации Жаб.

«Ты!»

Это слово, полное холодного высокомерия, болью отозвалось у нее голове.

«Забери у него меч!»

Если она хочет, чтобы отмщение свершилось, надо повиноваться. Но хочет ли она? Герта распростерлась под скалой, наблюдая за колдовской битвой. Лезвие меча перемещалось умопомрачительно медленно, но тем не менее всякий раз успевало отразить выпад голубой руки. Тристан еле двигается, почему же Жабы бессильны поразить его в быстрой атаке? Может, порождение этого щупальца стоило им очень многого?

«Меч!»

Снова боль в голове.

Герта не шевельнулась.

«Я не могу!»

Выкрикнула ли она эти слова, прошептала или только подумала? Девушка не знала, как не знала и того, почему месть уже не кажется ей приятной.

Темнота… связанные руки… Шум сражения… Один из воинов падает со стрелой в горле… победный клич… Чья-то тень приближается к ней из мрака… Видна лишь кольчуга… и меч…

Тяжелая рука повергает ее наземь… Она слышит смех, грубый смех, который обжигает, хотя тело ее содрогнулось, когда с нее сорвали последнюю одежду. Еще раз…

Нет! Она не хочет вспоминать! Не хочет! Им не удастся ее заставить!

Герта пришла в себя. Увидела Тристана, продолжавшего свою отчаянную битву. Этот человек оскорбил ее.

«Меч! Отними у него меч!»

Герта кое-как поднялась. Она должна была забрать меч. Тогда он на собственной шкуре узнает, что такое чувствовать себя беспомощным, униженным и… И? Каким еще? Мертвым? Жабы намерены убить его?

«Вы убьете его?» — спросила она. Она никогда не думала, что расплата будет именно такой.

«Меч!»

Жабы не ответили. Они просто подхлестнули ее к действию. Смерть? Нет, Герта была уверена, что смерти он избежит — по крайней мере, такой, которая известна роду человеческому. Да, но…

«Меч!»

Девушку как будто ударили кнутом, требуя от нее бездумного повиновения приказу. Но получилось наоборот — боль пробудила в ней

чувство опасности. Она вызвала к жизни Силы настолько темные, настолько чужие, что с ними, пожалуй, не совладает и самый могущественный колдун из числа ее соплеменников. Да, Тристан заслуживает наихудшей участи. Но наихудшей по человеческим меркам, а вовсе не этого!

Левой рукой Герта коснулась мешочка с травами Гунноры, который был спрятан у нее на груди. Пальцы правой руки пошарили по земле, нащупали камень. Прикосновение к мешочку с травами как будто изгнало из ее головы тот голос. Он затих, точно отдаленный крик. Девушка подобрала камень…

Тристан неотрывно следил за тянувшимися к нему пальцами. Руку, которой он держал меч, разрывала боль от кисти до плеча. Он чувствовал, что вот-вот потеряет над собой контроль.

Герта нагнулась, разорвала подол юбки. На ладонь ей выпал второй мешочек с травами. Девушка ожесточенно принялась натирать им камень. Мелочь, конечно, но что она еще может сделать…

И она швырнула камень в голубую руку. Та, извернулась, уклоняясь. Понимая, что это единственный шанс, Тристан со всей силой обрушил меч на щупальце, которое поддерживало руку.

Клинок прошел сквозь него, как будто оно не имело субстанции, как будто оно было всего лишь порождением собственных страхов Тристана. Вспыхнул бледный свет. И вдруг — жадно разверстая рука исчезла вместе со щупальцем.

В тот же самый миг Тристан понял, что обрел способность двигаться, и отступил на несколько шагов. Чья-то рука ухватила его, словно помогая идти. Он рванулся в полной уверенности, что это новая проделка врага, сбросил с себя руку. Раздался крик, Тристан резко развернулся в сторону.

Рядом с проходом у подножия скалы лежала какая-то темная куча. Тристан выставил меч, готовый отразить нападение, чувствуя, как возвращаются к нему силы. Куча зашевелилась. Из нее высунулась белая рука, ухватилась за колонну…

Его затуманенный рассудок прояснился. Женщина! И значит, та штука, которая пролетела мимо мгновение назад, была направлена не в него, а в призрачную руку! Она на его стороне, она его друг.

Внезапно послышался новый звук, похожий на шипение потревоженной змеи. Причем не одной. Прижавшись спиной к скале возле женщины, Тристан бросил взгляд на середину площадки.

Щупальце, пораженное ударом меча, исчезло, но остались другие. Они больше не переплетались между собой, на концах их появились отвратительные подобия змеиных голов. И их было столько, что глупо было даже мечтать выстоять против них… Но ему не остается ничего другого.

Ощутив тяжесть на своем плече, он оглянулся. Женщина встала; одну руку она прижимала к груди, другой держалась за него. Тристан не мог разглядеть ее лица, скрытого тенью капюшона. Но за шипением змей он услышал ее голос. Слов он не разбирал, но по ритму догадался, что она поет какую-то песню.

Одна из змей бросилась на него. Он выставил перед ней меч. Коснувшись клинка, тварь исчезла. Первая из дюжины. Сжимавшая меч рука снова отяжелела, все его движения опять замедлились.

Тристан попытался стряхнуть с себя руку женщины. Будь у него возможность хотя бы на мгновение выпустить меч из рук, он бы просто оттолкнул ее.

— Отпусти меня! — крикнул он, извиваясь всем телом.

Она не ответила и вообще никак не отреаги-

ровала на его требование. И продолжала петь. Тристану показалось, что он слышит в ее пении жалобные ноты, как будто она умоляет кого-то помочь им обоим.

Внезапно из ее пальцев перетекло в его плечо и устремилось дальше по руке, по спине, к ногам, к животу живительное тепло и чувство свободы — свободы не от ее хватки, а от тех уз, которые приковали его к этому месту. А посредине площадки яростно задергались змеиные головы. Они парами сталкивались в воздухе, мгновенно образуя единое целое, вдвое больше прежнего. Они бросились вперед, нанося стремительные удары, однако Тристан успевал отражать их выпады. А они двигались все быстрее и быстрее. Пасти их были разверсты, но там не видно было ни ядовитых, ни вообще каких-либо зубов. Тем не менее Тристан знал, что, если хоть одна пасть коснется его или женщины, пиши пропало.

Развернувшись вполоборота, он отразил атаку с фланга. Нога его поскользнулась, он упал на колено, едва не выпустив меч. Ухватив клинок покрепче, он услышал крик. Оставаясь в прежней позе, Тристан повернул голову.

Нападение последней змеиной головы оказалось хитрой уловкой, ибо, отражая его, он

вырвался из рук женщины. Две другие головы тут же накинулись на нее и полонили. К своему ужасу, Тристан увидел, что одна из змей почти заглотила голову женщины. Вторая тварь кольцами обвилась вокруг ее талии. Если женщина и кричала, то голос ее заглушал мерзкий колпак на голове. Бледно светящиеся червяки волокли ее к своему логову, она не сопротивлялась. Навстречу им вытянулись еще два отростка. На Тристана они уже не обращали внимания.

Хрипло вскрикнув, он в мгновение ока вскочил и набросился на державшие женщину щупальца. И вдруг в голове его раздался голос:

«Отойди, сын людской, не мешайся в наши дела. Тебя это не касается».

— Отпустите ее! — Тристан полоснул мечом по щупальцу на талии женщины. Оно вспыхнуло, но другое тут же заняло его место.

«Она привела тебя к нам, а ты хочешь ее спасти?»

— Отпустите ее!

Ему некогда было думать о правдивости услышанного; он знал, что не должен позволить им увлечь женщину за собой, что иначе он не мужчина. И потому ударил снова.

Змеи задвигались быстрее, стремясь укрыться

за изгородью. Тристан не уверен был, жива ли еще его помощница, голову которой по-прежнему скрывал отвратительный колпак. Тело ее бессильно обвисло.

«Она наша! Иди — пока не раздразнил наш аппетит!»

Не тратя дыхания на никчемные разговоры, Тристан вскочил на изгородь. Оттуда он принялся крушить щупальца, тащившие женщину. Руки его были слабыми, даже ухватив меч обеими, он с трудом поднимал и опускал его. Но упрямо продолжал битву. Мало-помалу ему начало казаться, что он побеждает.

Он заметил, что твари, которые обвились вокруг женщины, не тронули ее руки, прижатой к груди. Поэтому Тристан обрушился на нижние кольца змеиных тел; он срубил последнее из них в тот момент, когда голова и плечи женщины оказались уже за оградой.

Впечатление было такое, что, как щупальца ни стараются, им не под силу втащить свою жертву к себе в логово целиком. Пока они были заняты этим, Тристан напал на них. Он перерубил всех змей, которые обвились вокруг головы и плеч женщины. На смену им поднялись новые. Но женщина упала на землю так, что щупальцам,

чтобы вновь схватить ее, нужно было проползти по ее груди, а этого они почему-то сделать явно не могли.

Устало Тристан поднял меч и снова опустил его, чувствуя, что руки вот-вот откажут. И тут, буквально на миг, все до единого щупальца отступили. Левой рукой Тристан ухватился за руки женщины, которые она сложила на груди, и поволок ее прочь.

Змеи злобно зашипели. Тела их заколыхались, задергались. Они все больше пригибались, прижимались к земле, освещая ее бледным светом. Тристан взвалил женщину на плечо и, держась к врагу лицом, попятился дальше, готовый в любой момент отразить новую атаку.

5

Похоже было, что враги выдохлись. По крайней мере, змеи так и остались за оградой. Внимательно следя за ними, Тристан отошел на некоторое расстояние и рискнул остановиться и передохнуть. Положив женщину на землю, он притронулся к ее щеке. Пальцы его ощутили холод и влагу. Мертва? Неужто ее задушили?

Он сунул руку ей под капюшон, нащупывая

пульс на шее. Ничего. Его ладонь опустилась ниже, туда, где сердце. Чтобы сделать это, ему пришлось разомкнуть ее сложенные на груди руки. Когда он коснулся маленького мешочка, лежавшего меж ее грудей, то ощутил тепло и торопливо отдернул руку — прежде чем успел сообразить, что в том мешочке не опасность, а источник жизненных сил.

Сердце ее билось. Лучше оттащить ее подальше, пока твари за оградой утихомирились. Вряд ли они отступятся.

Подумав немного, Тристан сунул меч в ножны, чтобы обхватить женщину обеими руками. Тело ее оказалось куда более легким, чем он ожидал по внешнему виду незнакомки.

Его походка напоминала движения морского краба; одним глазом он следил за скопищем голубых огней позади, другим — высматривал путь. Лишь миновав два ряда камней, он облегченно вздохнул.

Тристан чувствовал, как нечто пытается задержать его, силится вернуть обратно. Но, напрягая волю, стиснув зубы, он все дальше и дальше уходил от проклятого места.

Одна за другой оставались за спиной каменные гряды. Колдовской свет становился слабее.

Вскоре темнота сгустилась до такой степени, что Тристан начал опасаться, как бы ему не сбиться с пути. Дважды он терял дорогу; приходилось обходить внезапно выраставший из тьмы валун и тем самым возвращаться туда, откуда они бежали.

Зрение обманывало его, некий внутренний голос звал обратно. Он приноровился делать так: замечал какой-нибудь ориентир впереди, в нескольких шагах, и смотрел на него, пока он не оказывался рядом, а затем выискивал следующий.

Наконец он миновал последний ряд камней. Женщина мягко лежала у него на плече. Он чувствовал себя таким слабым, таким усталым, как будто целые сутки шагал без передышки да еще участвовал в кратковременной стычке в конце пути. Опустившись на колени, он положил свою ношу на Старую дорогу, которую ветер совсем очистил от снега.

Небо было покрыто облаками. Луна, видно, пряталась за ними. Лежавшая на дороге женщина выглядела темной кучей тряпья. Тристан присел на корточки, пропустив руки между колен, и задумался.

Каким образом он попал туда, наверх, он не имел ни малейшего представления. Накануне ве-

чером он, как обычно, лег в постель, а проснулся, только завидев тот мертвенный свет за оградой. Он ничуть не сомневался, что выдержал бой с Древними Силами. Но что завлекло его туда?

Ему вспомнилось, как он открыл окошко в своей комнате, чтобы поглядеть на пейзаж. Неужто причина происшедшего с ним кроется в невинном любопытстве? А как же тогда слуги и хозяева постоялого двора? Не верится, что они спокойно живут тут, зная о столь грозной опасности. А может, будучи потомками первопоселенцев Гриммердейла, они нечувствительны к зову Темных Сил?

Подожди, подожди. Что там говорила эта тварь? Она сказала, будто его привела к ним та самая женщина, что лежит сейчас на дороге. Но если так, то зачем?

Тристан, подавшись вперед, откинул край капюшона и нагнул голову, всматриваясь в лицо женщины. Однако во мраке ночи невозможно было разглядеть что-либо, кроме общих контуров лица.

Вдруг ее тело откатилось в сторону. Женщина вскрикнула. В голосе ее был такой ужас, что Тристан вздрогнул и застыл как изваяние. Оттолкнувшись от земли, она кое-как поднялась.

Руки ее что-то искали в складках плаща. Она больше не кричала. Тоненький лучик луны пробился сквозь облачную завесу, высветив то, что женщина сжимала в руке.

Сверкнула сталь, Тристан успел перехватить ее руку, прежде чем кинжал вонзился в его тело. Женщина словно обезумела, она извивалась, вырывалась, пиналась, пробовала даже кусаться. Наконец он обошелся с ней так грубо, как поступил бы с мужчиной: ударил кулаком в подбородок так, что ее тело вновь обмякло и упало на дорогу.

Придется тащить ее до трактира. Может, пребывание в логове тех тварей помутило ее рассудок и она теперь всех вокруг принимает за врагов? Оторвав от плаща полоску ткани, Тристан связал ей руки. Поднялся, взвалил женщину на спину и пошел вниз, то и дело оскальзываясь, с трудом продираясь сквозь заросли кустарника. Дыхание женщины было еле слышным.

Который час, Тристан не знал. Однако над дверью трактира висел ночной фонарь, и дверь распахнулась от его толчка. Спотыкаясь на каждом шагу, он подковылял к камину, опустил на пол свою ношу и потянулся за дровами. Больше всего на свете ему хотелось согреться.

Голова болела. Герте показалось, что источник боли — где-то в нижней части лица. Она открыла глаза. Свет, слабый, но не тот, не голубой. Да, это блики пламени. У камина на корточках сидит какой-то человек и подкладывает в огонь дрова. Тепло уже чувствуется. Она попыталась сесть. И только теперь заметила, что запястья ее крепко связаны. Она напряглась, пристально следя за человеком у камина.

Голова его была повернута так, что Герта не могла видеть лица, но она ни капельки не сомневалась в том, что это Тристан. И последнее воспоминание: он зависает над ней, протягивает руки… чтобы еще раз овладеть ею! От отвращения ее едва не стошнило, и она торопливо сглотнула.

Очень осторожно Герта огляделась. Общий зал трактира. Значит, он принес ее сюда. Чтобы взять свое в тепле, а не на холодном ветру на Старой дороге! Пускай только попробует подойти — она закричит, будет драться, пока кто-нибудь не прибежит…

Он глядел на нее, глядел так внимательно, что девушка поняла: он без труда угадал ее спутанные мысли.

— Я убью тебя, — проговорила она.

— Как уже пыталась? — спросил он. В голосе

его было равнодушие, словно он задал вопрос из праздного любопытства.

— В следующий раз я не промахнусь.

Он засмеялся. А засмеявшись, стал на мгновение как будто иным человеком — моложе и менее суровым.

— Ты вовсе не промахнулась, госпожа. Я перехватил твою руку.

Улыбка сошла с его лица, глаза сузились, губы плотно сжались.

Чтобы доказать, что он ее не запугает, Герта вызывающе поглядела на него.

Он сказал:

— Или ты, госпожа, имела в виду другое? То, что случилось перед тем, как ты обнажила кинжал? Та — та тварь говорила правду? Я в самом деле очутился в их логове по твоей милости?

Наверное, в выражении ее лица Тристан прочитал ответ. Нагнувшись, он схватил девушку за плечи; как она ни отбивалась, он привлек ее к себе, так что ее глаза оказались на одном уровне с его глазами.

— Но почему? Во имя Боевой Руки Картера Справедливого, почему? Что я такого сделал тебе, девчонка, что ты затащила меня в горы на верную погибель? Или тебе все равно было,

кого затащить? Кто тебе эти твари — ручные животные или хозяева? И как вообще человек мог связаться с ними? Но если ты связалась с Жабами, почему ты стала помогать мне? Почему, почему, почему?!

Он затряс ее, сначала несильно, а потом, с каждым новым вопросом, все грубее и грубее, так что голова ее болталась из стороны в сторону. Тело ее обмякло, и это как будто отрезвило его. Он вроде бы понял, что девушка не может ему ответить, а потому снова привлек ее к себе, словно стремясь разглядеть ответ в ее глазах.

— У меня нет родичей, которые согласились бы вызвать тебя на бой, — сказала Герта устало. — Потому мне пришлось делать все самой. Я искала тех, кто сможет отомстить…

— Отомстить! Так, значит, я не случайный прохожий, выбранный в жертву твоим приятелям! Клянусь Девятью Мирами, мне незнакомо твое лицо! Быть может, в какой-нибудь схватке от моей руки пал твой родич — отец, брат, возлюбленный? Но как такое могло случиться? Те, с кем я сражался, были врагами. Женщин у них не было — только рабыни, которых они захватили в Долинах. Неужели женщина Долин способна мстить за того, чьей рабыней она была? А, девчонка? Они

захватили тебя в плен и ты нашла себе среди них господина, забыв про кровь в своих жилах, так?

Будь у нее силы, она плюнула бы ему в лицо за такое оскорбление. Он, видно, заметил ее ярость.

— Значит, не так. Что же тогда? Я не из тех мерзавцев, которые шастают по округе, завязывая ссоры с товарищами. И нет такой женщины, которой я овладел бы силой, без ее согласия…

— Да ну? — Герта наконец-то обрела дар речи, слова полились сплошным потоком. — Нет, стало быть, такой женщины? А помнишь ли ты, бравый солдат, что случилось три месяца назад на дороге в Летендейл? Видно, ты частенько так поступаешь, раз память тебя подводит!

Несмотря на обуревавшие ее гнев и страх, Герта заметила, как вытянулось его лицо в гримасе безмерного удивления.

— Литендейл? — повторил он. — Три месяца тому назад? Послушай, девушка, я никогда не забирался так далеко к северу. А три месяца назад я командовал дружиной лорда Инграма — он погиб при осаде порта.

В голосе его было столько искренности, что она едва не поверила, но вовремя вспомнила про браслет.

— Ты лжешь! Разумеется, ты не запомнил моего

лица. Ты ведь овладел мной в темноте, перебив перед тем врагов, которые пленили меня. Все люди моего брата тоже погибли. А со мной враги рассчитывали позабавиться. Но пришел ты — и овладел мной, вояка!

Последнее слово она точно выплюнула.

— Говорю тебе, я был в порту! — Тристан отпустил девушку. Она отползла к скамье. Теперь их разделяло довольно большое расстояние. — Готова ли ты поклясться на Камне истины, что то был я? Ты видела меня в лицо?

— Да, готова! А что до твоего лица, так оно мне ни к чему. Ты овладел мной в темноте, но я заметила одну вещь, заметила и запомнила ее!

Он поднес руку к подбородку, потер застарелый шрам; браслет сверкнул в бликах пламени. Украшение это так разительно отличалось от простой одежды воина; ну как, скажите на милость, можно его забыть, увидев хотя бы раз?

— Что за вещь?

— Ты носишь ее на запястье! Вон он, сверкает, как и тогда. Твой браслет, лгун!

Он поглядел на золотую полоску:

— Браслет! Вот оно что. Вот почему ты привела меня к Жабам…

Он улыбнулся, но улыбка вышла жестокой, и

глаза остались холодными.

— Ты привела меня к ним, так? — Он резким движением вытянул руку и, прежде чем девушка успела увернуться, сорвал с ее головы капюшон. — Что ты сделала со своим лягушачьим лицом? Что это было, краска или очередное колдовство? Крепко же, видно, хотела ты мне отомстить, если ради этого так изуродовала себя.

Герта ощупала холодные щеки. Жаль, нет зеркала. Но раз он говорит, что мерзкие пятна пропали, значит так оно и есть.

— Они сдержали слово… — пробормотала девушка, отказываясь что-либо понимать. Она много раз воображала себе встречу с ним, представляла, как он будет отпираться. Богатый, видно, у него опыт в подобных делах, если на все ее обвинения единственная его реакция — веселое любопытство.

— Они? Ты имеешь в виду Жаб? Объясни-ка, почему, передав сначала меня в их руки, ты потом пришла мне на выручку? Не понимаю. По-моему, связываться с теми, кто обитает там, наверху, настолько рискованно, что отважиться на это может лишь отчаявшийся человек. А отчаяние скоро не проходит… Почему ты спасла меня, девушка?

Она ответила вполне искренне:

— Не знаю. Быть может, потому, что обидели меня, а значит, и отомстить должна тоже я. Наверное, так. А еще…

Она молчала так долго, что Тристан не выдержал:

— Что еще?

— Я не могла допустить, чтобы им достался человек, пускай даже отребье вроде тебя!

— Отлично, вот это мне уже понятно. Ненависть, страх, отчаяние толкают нас на заключение таких сделок, о которых мы потом горько сожалеем. Значит, ты не смогла принести соплеменника в жертву чужакам. Зато на дороге ты попыталась убить меня собственной рукой…

— Ты… ты хотел овладеть мной… снова! — выкрикнула Герта. Щеки ее пылали — не от жара камина, а от давнего стыда.

— Ты так думала? Что ж, с твоими воспоминаниями это вполне естественно, — кивнул Тристан. — Но послушай меня, девочка. Первое: нога моя никогда не ступала в Литендейл, три ли месяца, три ли года назад — никогда! Второе: вещица, по которой ты меня узнала… — Он посмотрел на браслет, постучал по нему пальцами. — Три месяца назад у меня ее не было. Во

время последней осады порта к нам на подмогу пришло много рекрутов из отдаленных долин. Они занимались тем, что вылавливали бродячие шайки врагов.

Осада — в основном пора безделья, а если человеку нечего делать, он ищет развлечений. В нашу задачу входило только следить за тем, чтобы враги не бежали из крепости, пока не подойдут корабли из Гендельсбурга и Веннеспорта и не атакуют их с моря. Ожидая эти корабли, мы забавлялись азартными играми. Даже я, за кем сложилась репутация осторожного человека, не увлекающегося подобными забавами, порой принимал в них участие.

В одну из игр я его и выиграл. Тот, кто поставил его на кон, был похож на Урре — сын убитого князя, наследник разоренного поместья. Два дня спустя он погиб, отражая вылазку врагов. Он просил меня не продавать браслет, надеясь отыграться, если повезет, потому что украшение принадлежало к числу семейных драгоценностей. В битве я открыл, что оно не только красиво, но и полезно. Поскольку парень все равно погиб, я решил оставить браслет у себя — как видно, себе же на горе. Имени его я не знаю, все звали его каким-то прозвищем. Будучи ходячим мерт-

вецом, он половину времени пребывал вдребезги пьяным…

— Ходячим мертвецом?

Рассказ Тристана был очень убедителен, и Герта верила ему.

— Так я их называю. В Высшем Холлаке их сейчас много. Одни — совсем юнцы, вроде Урре или бывшего владельца браслета, — он погладил украшение. — Другие годятся им в отцы. По Долинам прошлись огнем и мечом. Уцелевшие же края лишились людей и провианта: все забрала та либо другая рать. У страны сейчас два выбора. Либо она превратится от истощения в пустое место, либо появятся новые вожди, смелые, решительные, которые отстроят ее заново.

Герте показалось, что Тристан разговаривает не с ней, а отвечает своим собственным мыслям. Внутри себя она ощущала пустоту, как будто ее лишили чего-то важного. Руки ее инстинктивно легли на живот.

Дитя, которое она носит, — кто был его отец? Несчастный паренек, который лишился всего и потому еще при жизни стал мертвецом, который без надежды смотрел в будущее, ни в грош не ставя всякие моральные установления. Он жил одним днем и стремился за этот короткий день

познать, что только можно. Девушка снова почувствовала странное облегчение. Она не потеряла ребенка, ребенка, который, как обещала Гунноpa, будет только ее. Она утеряла лишь желание отомстить, которое погнало ее в Гриммердейл, к Жабам.

Герта вздрогнула. Несмотря на огонь в камине и плащ, холод пронизал ее до самых костей. Что она наделала, ослепленная гневом и страхом! Едва не отдала невинного человека существам, о которых теперь и думать не осмеливалась! Что спасло ее, что толкнуло ее бросить тот камень, натертый мешочком с травами Гунноры? Что удержало ее от столь ужасного преступления?

И что она скажет этому мужчине, который сейчас отвернулся от нее и глядит на огонь, словно надеясь прочесть в нем таинственные руны? Герта подняла было связанные руки. Тристан повернулся к ней с улыбкой, с настоящей улыбкой, от которой она съежилась точно от удара.

— Пожалуй, надо бы тебя развязать. Или ты все еще жаждешь моей крови? — Он взял ее руки, потянул державшую их веревку.

— Нет, — тихо ответила Герта. — Я верю тебе. Тот, кого я искала, мертв.

— Жалеешь, что смерть настигла его не от тво-

ей руки?

Она поглядела на свои руки, снова прижатые к животу. Что теперь с ней будет? Остаться ли ей прислугой в трактире или приползти на коленях к Куно? Нет уж! Она подняла голову, обретая утраченную гордость.

— Я спросил, жалеешь ли ты, что не прикончила сама моего бывшего товарища?

— Нет.

— Но тебя тревожат мрачные мысли, я же вижу…

— Они тебя не касаются.

Девушка хотела встать, но Тристан положил ей руку на плечо:

— Есть такой древний обычай. Если мужчина спас девушку от страшной опасности, он имеет право…

Сначала она не поняла, потом с вызовом поглядела ему в глаза:

— Так то девушки — а я не из их числа.

Он тихонько присвистнул, но в наступившей тишине звук вышел очень громким.

— Вот оно что! Значит, я не ошибся — ты не трактирная девка. Потому ты не смогла перенести того, что он сделал с тобой. Но разве у тебя нет родича, который защитил бы твою честь?

Герта хрипло рассмеялась:

— Воевода, у моего родича было одно желание: чтобы я выпила древний женский отвар и отвела бы позор от всей семьи. Согласись я на это, он позволил бы мне из милости остаться в доме, а вдобавок не меньше трех раз в день похвалялся бы своей добротой.

— Понимаю. Но если ты так ненавидишь того, кто был отцом твоего ребенка…

— Нет! — Ее руки потянулись к амулету Гунноры. — Я была в святилище Гунноры. Она обещала исполнить мое желание: дитя, которое я ношу, будет только моим и ничегошеньки не возьмет от него!

— Это она послала тебя к Жабам?

Герта покачала головой.

— Гуннора охраняет жизнь. Про Жаб я узнала из старых сказок. В ослеплении пришла я к ним, и они дали мне то, что я подложила тебе в постель, чтобы зачаровать тебя. Еще они изменили мое лицо. Но… с ним уже все в порядке, правда?

— Правда. Не запомни я твоего плаща, я бы тебя не узнал. Однако та штука в моей постели… Подожди здесь. И обещай мне, если я вернусь сам не свой, что запрешь дверь и удержишь меня тут любой ценой.

— Обещаю.

Легкой походкой человека, привыкшего ступать неслышно, ибо от этого зависит его жизнь, Тристан поднялся по лестнице наверх. Оставшись наедине с собой, Герта вновь задумалась о будущем. Кто приютит ее? Мудрые из Литендейла? Может, попросить воина, чтобы он проводил ее туда? Но чем он обязан ей, кроме опасности, о которой и вспоминать-то не хочется? Да, пожалуй, Литендейл — единственное, что ей остается. Вдруг Куно как-нибудь соберется… Нет! Про это надо забыть!

Тристан возвратился, держа в руках две палочки, какими обычно разжигают огонь в жаровне. Между палочками был зажат камень, который Герта принесла из логова Жаб. Подойдя к камину, Тристан кинул камешек в пламя.

Впечатление было такое, будто он подлил масла в огонь, пламя полыхнуло так, что они оба отшатнулись.

— Западни больше нет, — сказал Тристан. — Я не мог позволить, чтобы в нее угодил кто-нибудь еще.

Герта напряглась, почувствовав, что слова эти относятся и к ней.

— Извиняться будет пустой тратой слов, од-

нако…

— Не надо, госпожа, я все понимаю. Когда человека погоняют кнутом, он всеми силами рвется на свободу. И потом, я ведь остался цел.

— Ну да, сперва я завлекла тебя в ловушку, а уж потом было «потом». Почему ты не отдал меня им? Это было бы только справедливо.

— Хватит! — Он стукнул кулаком по лавке, рядом с которой стоял на коленях. — Что было, то прошло. Кончилось. Что толку предаваться воспоминаниям, терзать и себя, и другого? Итак, госпожа, — Герта невольно отметила церемонность в его голосе, — куда вы направитесь, если не в крепость своего брата? Я так понял, что туда вы возвращаться не собираетесь?

Она повертела в руках амулет.

— Вы правы. Радушно меня встретят только в одном месте — в Литендейле у Мудрых. Я попрошу у них приюта.

«Интересно, — подумалось ей, — не вызовется ли он сопровождать меня: я ведь не решусь попросить его об этом». Однако следующий вопрос Тристана поверг ее в крайнее изумление.

— Госпожа, пробираясь сюда, вы по Старой дороге перевалили через хребет, правильно?

— Да. Мне показалось, что так оно безопаснее,

чем по тракту. Легенды говорят, что на Старой дороге можно повстречать Прежних, но их я боялась меньше, чем соплеменников.

— Вы должны были миновать Нордендейл. Какая там обстановка?

Не понимая, что он задумал, она тем не менее рассказала Тристану о том, что увидела в Нордендейле: лишившаяся владетеля долина, немногочисленные жители, погруженные в сожаления о былой жизни. Он жадно слушал.

— У вас зоркий глаз, госпожа, если вы за столь короткое время успели увидеть так много. Послушайте меня, мне кажется, вам тоже будет интересно. По-моему, Нордендейлу нужен владетель, такой, который расшевелит людей и отстроит разрушенное войной и временем. Я пришел на север, чтобы подыскать себе крепость. Я не Урре, который рожден был в благородном семействе, а теперь пьет и распутничает, не в силах оправиться от злых шуточек фортуны.

Кем был мой отец? — Тристан пожал плечами. — Мать никогда мне о нем не говорила. Что не из простых, это точно; тем не менее в годы перед Вторжением матери пришлось наняться на работу в купеческий дом, чтобы одеть и прокормить нас. Еще мальчишкой я знал, что

возвыситься смогу только благодаря ему, — он похлопал по рукояти меча. — В купеческую гильдию безвестному пареньку путь заказан, а вот для лука с мечом всегда найдется дело. Так что я начал учиться владеть оружием. Потом в Долины вторглись враги; я служил то одному лорду, то другому и в конце концов дослужился до воеводы. И постоянно меня преследовала мысль, что в нынешнее суматошное время, когда погибают древние семейства, передо мной открываются все возможности.

В стране сейчас сколько угодно оставшихся без предводителя людей; годы войны разбередили им душу, и они не в состоянии, как раньше, сонно тащиться за плугом. Некоторые из них уже стали преступниками. Так вот, с полудюжиной честных, но неприкаянных людей за спиной я смогу захватить лишенную правителя долину вроде Нордендейла. Тамошним жителям нужен владетель. Я не нарушу ни единого закона и стану охранять поселение от преступников — их теперь разведется много. Через Гриммердейл проходит немало ветеранов, и среди них попадаются люди, которые годятся для моих целей. Причем попадаются довольно часто.

Он сделал паузу. Герта увидела по выражению

его лица, что таково на самом деле желание всей его жизни. Поскольку он молчал, девушка рискнула спросить:

— Мне понятно, что решительный человек может этого добиться. Но при чем же тут я?

Он пристально поглядел на нее. Она не совсем разобрала, что таилось в его взгляде.

— По-моему, госпожа, у нас много общего. Так много, что нам лучше идти по одной дороге. Нет, я не прошу ответа прямо сейчас. Завтра, — он встал и потянулся, — нет, сегодня, переговорю с теми, кого я выбрал. Если они согласятся принести мне клятву вассалов, то мы отправимся в Литендейл, где ты на время останешься. Тут близко…

— Два дня пути на лошади, — ответила она с облегчением, — отсюда на запад.

— Неплохо. Оставив тебя там, я поскачу в Нордендейл. Хватит ему прозябать без хозяина! А через, ну, скажем, трижды по двадцать дней я вернусь за тобой в Литендейл. Тогда ты мне и ответишь насчет дороги.

— Ты забыл, — руки ее легли на живот. — Я не девица, не вдова, и ношу…

— Разве Гуннора ничего тебе не обещала? Дитя будет только твоим. И да пусть счастье сопутствует вам обоим.

Она взглянула ему в лицо, желая узнать, искренне ли он говорит это. То, что она увидела… У нее перехватило дыхание, она прижала руки к груди, сжала в ладонях амулет.

— Приезжай в Литендейл, — сказала Герта тихо. — Тебя там радушно встретят и ответом не огорчат.

Подменыш[10]
Рассказ

Литендейл — не крепость, а скорее убежище, женская обитель, никому не отказывающая в приюте, — тогда, ранней весной, выглядел суровым и мрачным. Снег лежал на земле рваными заплатами, вокруг выветренных валунов блестела влага. В окнах, выходящих на запад, стонал и кричал ветер, поддевал ослабевшими пальцами ставни, но внутрь прорваться не мог.

Герта прижалась лбом к толстому ставню. Она опиралась на широкий подоконник, ища спасения от терзавшей тело боли. Как будто она носила в себе воина, готового разорвать ей лоно, чтобы скорее сойтись в сражении с целым светом.

Она была не одна. Женщины подходили, поддерживали и успокаивали ее. Герте они виделись

---

[10] Примечания: 10
Перевод Г. Соловьевой.

безликими куклами, созданиями сна или ночными кошмарами. Девушка сжимала в руке — так крепко, что сглаженные временем края резали ладонь, — свой талисман, амулет Гунноры. Герта не молилась — не время и не место. Разве Древние услышат мольбу, возносящуюся из аббатства, посвященного другой Силе?

Стиснув зубы, она отстранилась от окна, отошла на шаг-другой, но рвущая тело боль тут же сбила ее с ног. Она лежала на кровати, выгибаясь всем телом. Волосы облепили вспотевший лоб.

— Гуннора!

Вслух она вскрикнула или имя прозвучало лишь в ее мыслях? Последняя судорога боли пронзила тело как копьем. А потом…

Покой, боли нет. Она задремала.

В охватившем ее мраке послышался гортанный, булькающий смешок — злой, угрожающий. И в этой тьме она увидела…

Круг камней и облепившие эти камни… нет, не облепившие — это только казалось из-за их рыхлых тел. Нет, они сидели, все развернув к ней уродливые головы, и в их выпученных глазах горела злобная радость победы. Герта вспомнила. И закричала — уже не взывая к Древней Силе, а выплескивая страх, который считала минувшим,

забывшимся.

Надо бежать или хотя бы вскинуть руку, заслониться от этих глаз. Но девушка знала — как ни закрывай глаза, от этих не спасешься. Жабы Гриммердейла! Когда-то она безрассудно прибегла к их власти, потом обманула их, победила — и вот они вернулись.

— Госпожа!

Оклик прозвучал издалека, из дальней дали, где не существовал этот ужас. Но голос как будто имел Силу против этих тварей, потому что Жабы словно вылиняли. Измученная Герта открыла глаза.

Свет двух лампад освещал мудрую и строгую Ингелу — травницу и целительницу. Должно быть, уже погас тот тусклый день, на который она бесконечно таращилась сквозь толстое оконное стекло. Пальцы Ингелы охватили вялое запястье девушки. Ее глаза из-под складчатого полотняного платка словно искали чего-то.

Герта собралась с силами. Во рту было сухо, словно пеплом присыпано.

— Ребенок? — хрипло и тонко выдохнула она.

— У тебя дочь, госпожа.

Дочь! От чистой радости у Герты часто забилось сердце. Она с усилием подняла тяжелые, будто

окольцованные свинцом руки. Как обещала Гуннора, в ребенке ничего не будет от породившего его насильника. Девочка только ее, только ее дочь.

— Дай… — Голос был еще слаб, но жизнь, а теперь и воля быстро возвращались. — Дай мне дочь.

Травница не двинулась с места. На руках у нее не было тепло закутанного кулька. Девушке показалось, что взгляд женщины стал еще острее, в нем крылось что-то непонятное Герте.

Она попробовала приподняться на кровати:

— Мертвая? — Ей казалось, она сумела скрыть раздиравшие ее изнутри чувства.

— Нет.

Травница наконец шевельнулась. Нагнувшись, она взяла из сундучка-колыбельки сверток, издавший вдруг душераздирающий визг и забившийся в тугих пеленках.

Если не умерла, что же тогда? Герта ясно видела в лице травницы отсвет несчастья. Она протянула руки, приказала им не дрожать, укрепила душу перед любым ударом судьбы.

Младенец, несомненно, был живехонек. Он усердно пинал пеленки и извивался. Перехватив сверток, Герта решительно отвернула край оде-

яльца, чтобы увидеть обещанное Гуннорой дитя — ее, и только ее, дитя.

Она увидела сморщенное красное тельце новорожденной и тогда поняла! На миг в ней всколыхнулось такое отвращение, что зло, как видно, дремавшее в ней с зачатия этой новой жизни, рвотой подступило к горлу.

Свидетельство ее греха, ее связи с Силами зла, Древнего зла — было теперь не в ней, а перед ней. Герта уставилась в уродливое личико. Ребенок, продолжая хрипло кричать, ответил на ее взгляд. Выпученные глаза, казалось, впились в ее лицо, словно крошечное существо уже сознавало, как жестоко отмечено судьбой. На коже проступали буроватые пятна. Жабы… да, это их метка!

Прижав к себе ребенка, словно защищая от беды, Герта поверх его головы с вызовом взглянула на травницу.

Руки Ингелы очертили знак против Сил Тьмы, губы неслышно для Герты шептали слова. Одна рука нащупала колечки четок на поясе, принялась перебирать.

— Подменыш!

Служанка, которой Герта почти не замечала в тяжелых родах, выбралась из-за спины своей наставницы в круг света.

При этом слове Герта опомнилась.

— Это, — медленно и раздельно заговорила она, принимая на себя всю вину за уродство этого ребенка, всю тяжесть греха, в который вовлекла ее безумная ненависть. — Это моя дочь, Эльфанор, и я признаю ее истинным плодом моего тела, моей прекрасной дочерью, и нарекаю ее именем моего клана.

Эльфанор? Это имя удивило Герту. Откуда оно взялось? Она никогда такого не слышала. Но имя показалось ей подходящим. Что до остальных слов, они мало значили. У нее не было ни семьи, ни клана, чтобы дать их имя ребенку, не было мужа, который бы принял дочь в Большом зале своего замка перед всеми подданными.

Она осталась совсем одна и будет еще более одинокой теперь, из-за судьбы этого ребенка. Слушая перезвон молитвенных колечек на поясе Ингелы, Герта понимала, что ее дочь уже осуждена вместе с ней.

Та упрямая гордость, что заставила ее воспротивиться требованиям семьи, отречься от родства ради отозвавшейся таким страшным эхом мести, послужила ей щитом, а может быть, и оружием.

— Моя дочь, — твердо повторила она, готовая встретить негодование целительницы и ее слу-

жанки.

— Подменыш.

Опять это ужасное слово, в котором звучало Проклятие.

Ингела обернула к служанке свое круглое лицо, властно взглянула и отдала несколько быстрых приказов. Девушка отскочила, поспешно принялась собирать испачканное белье, вылила помои в приготовленное ведро и шмыгнула за дверь. Ингела же снова заняла место у кровати. И спокойно встретила вызывающий взгляд Герты.

— Дитя… — медленно начала она.

Герта чуть вздернула подбородок. Она ни этой, ни другой живой душе не выдаст поселившихся в ней горя и страданий.

— Проклято? Ты это хочешь сказать? Если так, Проклятие это на мне, и мне за него отвечать.

Ингела не выказала негодования, хотя в ее ушах и в этой обители слова Герты должны были звучать кощунством. Тем, кто следовал по пути Пламени, без конца внушали, что грех метит грешника. Целительница не могла не услышать в словах Герты признания вины.

— Семя зла прорастает, когда его поливают и выхаживают по своей воле, — медленно проговорила она. Но в ее глазах, спокойно смотревших

на Герту, не было осуждения.

— Тебе известна моя история, — резко ответила Герта. Эльфанор, едва она взяла девочку на руки, успокоилась и лежала, прикрыв большие выпуклые глаза, словно не только слышала, но и понимала разговор. — Да, я обратилась ко злу, чтобы навлечь его на осквернившего меня злодея. Я обратилась ко злу Древних открыто и по своей воле, потому что меня тогда наполняла одна только ненависть. И все же зло не исполнилось в полной мере. Я сражалась за того, кого послала к Жабам. Он остался жив.

— Но ты сама сказала, что это был не тот человек, — напомнила ей Ингела.

— Это я узнала уже потом, после того, как за него вступилась. Так что это… — Ее руки крепче обняли маленькое тельце. — Я ничего не понимаю в Древних премудростях, не знаю, каким колдовством Сила могла проникнуть в мое тело и заменить младенца, которого я вынашивала. Эльфанор моя, я и понесу эту ношу. И еще… — Может быть, нехорошо было говорить об этом здесь, но отчаянная потребность защитить, отстоять зародившуюся в ней толику надежды овладела Гертой. — Быть может, сотворенное одной Силой сумеет исправить другая.

Ингела вновь взялась за четки.

— Не дело ты говоришь. Мы здесь следуем истинному учению. Ты сама убедилась, к чему приводит обращение к тем, кому мы не верим!

— Правда.

Герта подавила дрожь — не от упрека, а от поселившегося в ней холода. И в то же время решила: думать ей не запретят. Сила Силе рознь.

Она высвободила одну руку, нащупала пальцами лежавший на груди амулет Гунноры. Ей снова вспомнилось, как она, беременная, в поисках спасения отыскала ее святилище. И как во сне — если то был просто сон — та приветила ее и обещала исполнить ее желание. Герта и сейчас верила, что в Эльфанор нет ни единой частицы отца, что вся она — от матери.

Проходили дни, но Герта больше ни с кем не заговаривала о том, что ей делать. Она прекрасно понимала, что о ее ребенке шепчутся, что ее только по обычаю поздравляют с благополучным разрешением от бремени — да и то немногие.

Внезапно с юга подули теплые ветры. Земля, впитав последние талые воды, просохла. Весна пришла раньше обычного. Герта бóльшую часть времени проводила в своей келье, занятая больше мыслями, чем ручной работой, хотя о

дочери заботилась и наотрез отказывалась принять помощь от женщин, считавших ее дитя про́клятым.

На четвертую неделю она, решившись, попросила приема у аббатисы.

С ребенком на руках она совершила все положенные церемонии, мельком отметив, как все переменилось с прошлой их встречи. Тогда ее тешили обманчивые, как она теперь понимала, надежды переложить часть ноши на других, вернуться к обычной жизни. Сейчас она гневно отбросила мелькнувшее воспоминание. Она была дура и должна расплатиться за глупость, — может быть, расплачиваться предстоит до конца дней.

— Мне сказали, госпожа Герта, что ты желаешь покинуть Литендейл.

Аббатиса была не велика ростом. Но в высоком кресле из потемневшего от времени, изрезанного знаками Пламени дерева восседала как на троне. Вспыхнувшие в Герте подозрения отступили. Должно быть, она плохо разбиралась в чужих мыслях и побуждениях, потому что в лице этой женщины не было ни злорадства, ни осуждения, а только искренняя озабоченность.

— Приходится, — ответила девушка, присажи-

ваясь на самый краешек указанного аббатисой табурета и прижимая к себе Эльфанор. Девочка на руках у Герты никогда не плакала. Всегда лежала тихо, обратив распахнутые глаза на лицо матери. Герте приходилось сдерживать себя, чтобы не искать в этих не по возрасту больших глазах отсвета болотных огней, который она видела в других глазах, слишком похожих на эти. — Достопочтенная, мне — и тому, что со мной, — нет места в этих стенах.

— Это тебе кто-то сказал? — быстро, остро спросила аббатиса.

— Нет нужды говорить. Нет, никто не сказал мне неприветливого слова. И все же это правда. Со мной в мирную святую обитель вошла тень зла.

— К миру мы можем только стремиться. Святость не нами дается, — возразила аббатиса. — Если уйдешь отсюда, куда ты пойдешь? Лорд Нордендейла…

Герта поспешно подняла руку:

— Достопочтенная, он был добр ко мне, хотя имел полное право воткнуть мне клинок в горло. Я навлекла на него беду, с какой редко сталкиваются люди нашего рода. Ты знаешь мою историю — как я призвала для мести созданий, полных

черной скверны, и завлекла его в их сети.

— А потом сама же его отбила, — медленно закончила аббатиса. — И это когда еще верила, что это он тебя опозорил?

— Да. Но что это меняет? Если бы я обратила против него свой клинок, дала чистую смерть, была бы в своем праве, не так ли? — Давний позор и ненависть на миг заполнили ее память. — Но никого, как бы ни был велик его грех, нельзя предавать Древнему злу.

— Он не держит на тебя обиды. Нет, он даже почитает тебя за твою доблестную битву против позора. Этот Тристан говорил со мной перед отъездом, и после того разве не присылал он двух гонцов с известием, что отчасти добился цели, возглавив оставшихся без предводителя людей Нордендейла, принес им мир и подобие надежды и приглашает тебя по всей чести стать его женой? Он сильный человек — суровый иногда, но в глубине души верный, как его меч. Что же? Ты отправишься к нему?

— Только не к нему, достопочтенная. Он едва вступил в права владения. Как он ни силен, ни доблестен, невеста с подменышем у груди навлечет на него поток бед, и эти беды обойдутся с ним, как бурная река с брошенным в нее камнем. Нет,

я не пойду в Нордендейл. И я покорнейше прошу тебя, достопочтенная, не посылать известий лорду Тристану. Если же сюда снова заедут его гонцы или он сам, скажи, что я ушла к своему народу.

— Ты говорила, что у тебя никого не осталось, — резко ответила аббатиса. — Здесь не место лжи, даже ради доброй цели.

— Госпожа моя аббатиса, я собственными поступками отрезала себя от сородичей. Если же по правде, я пойду туда, где мне, пожалуй, самое место.

— В Пустыню? Это значит — на смерть. Искать смерти по своей воле — тоже грех.

Герта покачала головой:

— Нет, желай я вступить на эту дорогу, ушла бы по ней много месяцев назад. Я ищу не смерти, а ответа. Если поиски уведут меня в чужие места, пусть будет так.

— Их пути никогда не станут нашими. Ты подвергаешь опасности не только тело.

— Госпожа, я и раньше подвергала себя опасности. И сейчас меня ждет бой. Или ты думаешь… — Лицо девушки раскраснелось, глаза горели, как у нацелившегося на добычу охотничьего сокола. — Ты думаешь, я не должна биться за эту маленькую жизнь, принадлежащую только мне?

Есть злые места, оставшиеся от времен, когда эта земля еще не знала нашего рода, но есть и места добра и покоя. И не учат ли целители, что малая частица ядовитой травы порой лечит болезнь, вызванную этой самой травой или ее подобием? Я буду искать исцеления, даже если на поиски уйдет вся жизнь.

Аббатиса долго не отвечала. Она вглядывалась в лицо Герты, словно стремилась сквозь кожу и кости проникнуть в мысли под черепом.

— Тебе решать, — медленно произнесла она. — Мы не используем чуждые Силы, но иногда Пламя дарует нам подобие прозрения, как Мудрые видят будущее в гадальной Чаше. Не знаю почему, но я верю, что, если есть средство снять это Проклятие, ты найдешь путь.

— А если явится лорд Тристан?

Герта перевела дыхание. Она никак не ожидала таких слов от этой женщины, вся вера которой отрицала связь с другими, древнейшими обрядами.

— Он услышит правду. Что за принесенное тобой дитя предстоит побороться и что ты ушла в бой, а куда, мы не знаем. Как он примет это известие, я не могу предсказать. Это уж ему решать. Я не могу благословить твоих поисков, но

если служительница моей веры может желать добра другой, я желаю тебе добра, госпожа Герта. Ты отважна, воля твоя — как стальной клинок, может быть потертый от сражений с миром, но еще светлый и острый.

Лорд Тристан оставил тебе коня — я советую тебе взять его, что бы ни говорила твоя гордость. И еще мы дадим тебе вьючного пони — их много привели сюда беженцы, и хозяева иных не выжили, а их родные не пришли забрать свое добро. Припасы и снаряжение на дорогу выбери сама в наших кладовых.

И… — Аббатиса снова помедлила. — Я напутствовала тебя добрыми пожеланиями. Добавить к ним святые реликвии я не могу — там, куда ты направляешься, они будут больше помехой, чем подмогой. И я не спрашиваю, в какую сторону ты отправишься, только посоветую не ехать большой дорогой, потому что в стране неурядицы и на беззащитного путника найдется много разбойников.

— Госпожа аббатиса, о таких щедрых дарах я не смела и мечтать. — Герта встала. — И может быть, самый великий дар — что ты не сказала: «Не ходи, все бесполезно!»

Легчайшая тень улыбки тронула губы абба-

тисы.

— А скажи я так, начни заламывать руки, прибегни я к власти, которой у меня нет, потому что ты не принадлежишь к моим дочерям, разве ты бы послушала? Нет, я верю: ты все обдумала и твердо решила, что таков твой долг. Да будет так. Все мы выбираем свою дорогу, и, бывает, куда менее обдуманно.

Герта застыла, выпрямив плечи. Эта женщина, сложись обстоятельства по-другому, могла бы стать ей другом. На краткий миг ей подумалось, каково быть «дочерью» в этой обители мира. Но мысль мелькнула и исчезла. Она повторила старинное прощание уходящей в путь гостьи:

— За пищу и приют под этой крышей я приношу благодарность и благословение. Да будет судьба добра к этому дому, из которого я пускаюсь в путь.

Аббатиса чуть склонила голову:

— Ступай с миром, госпожа Герта. И чего ищешь — найди.

И она, хоть и отказалась на словах дать девушке благословение Пламени, подняла все же руку, начертила в воздухе какой-то знак.

Затем Герта с Эльфанорой покинули мирную обитель. Аббатиса и в самом деле не поскупи-

лась. Лошадь, на которой ехала теперь Герта, одетая в широкие, как юбка, охотничьи штаны из оставленных беженцами припасов, была той самой, на которой ее привез сюда Тристан. Она не отличалась красотой, была невелика ростом — наверняка сказывалась кровь диких горных скакунов. Но путешественники для трудных дорог охотно выбирали именно таких.

За ней в поводу шел низкорослый конек с набитыми переметными сумками. На поясе Герты висел меч-кинжал, найденный в оружейной кладовой. Еще она прицепила к седлу короткое копье для охоты на вепря с острым как игла наконечником. Эльфанор устроилась в плетеной колыбельке за спиной у матери, которой, чтобы управляться с животными, нужны были обе руки.

Они выехали ранним утром, пока проезжая дорога еще пустовала, чтобы позже, по совету аббатисы, свернуть с нее в холмы. В этих краях и впрямь хватало не признававших ничьей руки грабителей и разбойников. Многие лорды погибли на войне, оставив свои владения беззащитными. Может быть, такие, как Тристан, со временем и наведут порядок в этой смуте. Герта подумала об этом и выбросила мысль из головы.

Встать с ним рядом, быть может, поддержать в трудную минуту… Мрачная действительность быстро развеяла эти смутные мечты.

Вскоре после того, как взошло солнце, она свернула с дороги на поперечную тропинку между камнями, похожими на случайный след оползня, но на деле, как подсказали ей подробные расспросы в аббатстве, служившими преградой или полузакрытыми воротами при начале иной, куда более древней дороги.

На самом деле Древние, владевшие когда-то Долинами, предпочитали двигаться по гребням холмов, а не прокладывать извилистые, но не столь трудные пути по лощинам. Одна такая дорога несколько месяцев назад привела Герту к святилищу Гунноры, а позже — к Жабам. Сейчас она задумала вернуться к тому святилищу. Одна только Гуннора могла подсказать ей путь. Великая любила детей, благоприятствовала тем, кто их носит и, как известно, никогда не отказывала в мольбе за ребенка. Поможет ли она про́клятому младенцу?.. Нет, твердо сказала себе Герта, грех на ней одной, не на дочери. Плату должно взимать только с должника. Она готова была принять на себя чешуйчатую кожу, выпученные глаза — все, что пятнало теперь Эльфанор. И надеялась, что

Гуннора пошлет ей сон, который подскажет, как этого добиться.

Герта ехала медленным шагом, изредка останавливаясь, чтобы слезть с мягкого седла и позаботиться об Эльфанор. Девочка не плакала. Такая молчаливость была одной из ее странностей. Еще Герта замечала, с каким недетским и нечеловеческим пониманием смотрят на мир ее круглые глаза. Не подобает такому малому дитяти взирать на все, что его окружает, таким оценивающим взглядом.

Древние дороги, хоть и тянулись по холмам, прокладывались так, что путника на них нелегко было разглядеть. Их скрывали густо растущие кусты и деревья, кое-где уступавшие место грядам высоких камней, так же сливавшихся с местностью и не выдававших скрытой ими дороги.

Эту ночь Герта и ее дочь провели, можно сказать, под крышей — несколько валунов сошлись и склонились так, что образовали грубый навес. Под ними даже обнаружилось углубление или чаша, где в давние времена горел огонь, и Герта, набрав сухого мха и наломав с кустов сухих ветвей, развела в нем костерок, у которого и прикорнула, прижимая к себе ребенка. Она еще подсыпала в огонь горсточку сухих листьев,

полученных от травницы Ингелы. Горящие листья придали дыму свежий и чистый аромат. Но Герта тратила скудные запасы не ради запаха. Этот набор трав обладал способностью отгонять дурные сны. Чистый запах, как известно умудренным в науке трав, проясняет мысли. Герта в этом нуждалась.

Встав на древнюю дорогу, она обдуманно отдалась влиянию сохранившихся здесь Сил. И, как могла, старалась оградить себя от всякого зла.

Конь и пони тоже жались к огню, подкрепляясь привезенным в переметных сумках зерном. Отпустить их пастись свободно Герта не решилась. Но рядом была вода — родник и ручеек, и животные, шумно глотая, напились из него, а девушка, ополоснув фляги, наполнила их свежей водой и сама утолила жажду, запив сухие дорожные галеты. Сон ее был чуток, потому что она установила в себе нечто вроде внутреннего сторожа, который временами будил ее, чтобы подбросить дров в костер, и заставлял держать руку поближе к рукояти длинного кинжала и древку копья.

Мышцы у нее ныли, хотя Герта и не загоняла себя скачкой. Перед восходом, еще лежа в ладони скал, она отогнала сон и принялась мысленно представлять путь, на который встанет с полным

светом.

Дорога и дальше тянулась по холмам, то ныряя ближе ко дну лощин, то взбираясь вверх. Герта проезжала мимо каменных стен, так глубоко изрезанных незнакомыми знаками, что их не до конца стерли бессчетные годы.

На четвертый день она выехала к развилке. Одна дорога сворачивала на юг. Она никого не видела, хотя раз или два, когда ее дорога сближалась с нижней, слышала людей. От каждого звука сердце в ней замирало в тревожном ожидании.

На развилке Герта выбрала северную дорогу и стала высматривать знакомые приметы. Здесь она, если не ошиблась, проезжала в прошлый раз в поисках святилища Гунноры. Она отметила кое-какие каменные останцы и узнала памятные участки дороги.

На выбранной ею тропке не нашлось хорошего места для лагеря. Ветер дул с вершин и не приносил весенней ласки. Она спустила из-за спины колыбельку, устроила ее поперек седла и сама склонилась, защищая малышку складками плаща.

По склону подползали вечерние тени, а она все ехала и все не находила места для ночлега. Герта уже почти рассталась с надеждой, когда увидела

тот самый дом. В дверные щели сочился свет, а на притолоке висел выкованный из металла знак Гунноры — спелый колос, перевитый виноградной лозой.

Понурый конь Герты встрепенулся, заржал. Ему откликнулся бредущий позади пони. Герта тоже возвысила голос и сама заметила, как охрипла от холода и долгого молчания.

— Добра этому дому и живущим в нем!

Дверь раздвинулась, двойные створки ушли в стены, и в отверстие хлынул золотой свет. Конь даже не дал ей времени неловко сползти с седла — резво прошагал вперед и остановился не во дворе, а в прихожей. Теперь оба животных казались спокойными и довольными, словно добрались до своего настоящего дома.

Герта слезла — занемевшая, окоченевшая, словно скакала целую вечность.

— Войди с миром.

Голос прозвучал из воздуха. Так же было в прошлый раз, вспомнила девушка. И с сомнением оглядела своего коня и пони. Надо бы их расседлать. Они хорошо потрудились и заслужили отдых.

— Входи. — Перед ней открылась вторая дверь. — Об этих добрых животных позаботятся,

как обо всяком, кто приходит с миром.

Ее уже наполнили тепло и знакомая легкость. Герта немедля шагнула вперед. Во вторых дверях она вытянула из ножен длинный кинжал и оставила его лежать у порога — в дом Гунноры не входят со сталью.

И вторая комната оказалась такой же, как ей запомнилось, — накрытый стол, все готово для усталого путника. Эльфанор шевельнулась в своей корзинке, тихо мяукнула. Ее большие глаза смотрели прямо в лицо матери, и Герта вдруг ясно почувствовала, что в этом уродливом тельце живет разум, который видит и понимает куда больше, чем вмещающая его плоть.

Она почти ожидала протеста от ребенка или от того, кто обитал в этих стенах. Можно ли вывести про́клятое существо на противостоящий ему свет? Но Эльфанор больше не издала ни звука, а на ее первый крик не ответили. Герта упала на сиденье, левой рукой прижала к себе дочь, а правую протянула к кубку, над которым поднимался парок сдобренного травами вина — желанного дара для усталого и озябшего путника.

Она выпила. И отправила в рот ложку густой похлебки, насытившей тело и успокоившей ум, как и в прошлое ее посещение.

Наевшись, она откинулась на спинку и заговорила, обращаясь к пляшущему пламени стоявших на столе ламп:

— Дарителям пира сердечное спасибо. Открывшим ворота благодарность. Той, кто здесь правит… — Герта запнулась, не найдя подходящих слов. И впервые жестко и беспощадно представила, что она наделала. Внесла в жилище мира и света грех и зло — собственные грех и зло!

По ту сторону стола распахнулась дверь. За ней горел неяркий свет. И комнату наполнил сладкий запах цветущего летнего луга, бессловесный говорок веселого ручья, жужжание деловитых пчел, легчайшее дыхание ветерка в отягощенных цветами ветвях.

Казалось, та, кто обитает здесь, не судит ее, как она сама себя судила. В сердце Герты пробился крошечный росток надежды. Цепляя сапогами широкие штанины, она шагнула вперед — не медля, не противясь, а так, будто шла к цели и знала, зачем идет.

Ее окутали струйки дыма, запах усилился. Герте почудилось, что дым стал осязаемым, обнимал ее тонкими руками. Запах трав кружил голову, она чуть не споткнулась, подходя к ложу. И устало

опустилась на него, закрыла глаза.

Свет был золотистым, как спелые осенние яблоки, тяжелым, как тот металл, что так ценят мужчины. Он поднимался столбом от пола или от земли и уходил в такую высь, куда Герта, как ни задирала голову, не могла заглянуть. Она видела теперь, что там нет тверди, хотя ее взгляд и встречал преграду. И это непроницаемое для взора пространство билось в такт биению сердца.

Как ни прекрасна была светящаяся колонна, в ней было что-то устрашающее, почти угрожающее. Герта, не задумываясь, преклонила колени. Ей захотелось протянуть руки к этому свету, взмолиться о прощении, но ее руки, ее ладони были прикованы к лежавшему в них. Она обратила взгляд от света на свою ношу.

Ребенок выглядел человеческим, вполне человеческим, только темным, насквозь темным. И все же в маленькой его груди отозвалась на свет колонны ясная мерцающая золотая искорка.

— Госпожа… — Герта не знала, сказала ли это вслух. Слова здесь шли прямо от сердца, от глубочайших мыслей, от той части пришедшего, что была истиной, и только истиной. — Я согрешила против жизни, которая есть благо. Пусть наказание за это падет на меня, а не на мое дитя. Не

должны невинные страдать за виновных.

Вспышка света обожгла ей глаза. Хлынули слезы. Не те ли слезы, которых она не проливала с тех пор, как зло, свойственное ей подобным, уловило ее в свои гнусные сети?

Герта ждала ответа. Его все не было, и в ней пробудился страх. Вся сила ее, вся отвага ушли на то, чтобы не отводить глаз от слепящего сияния. Она дрожала, словно объятая холодом, который отрезал ее не только от милосердного света, но и от простой жизни.

Она закричала. Если это — смерть…

— Только не дитя!

Это была не мольба — требование. И Герта перепугалась еще сильнее, потому что от Сил не требуют — их молят, упрашивают.

Свет погас, словно, моргнув, закрылись ее измученные глаза. Ей привиделось теперь другое…

Перед ней выстроились камни — выстроились по порядку, образуя колесо. Сама она словно зависла над ним в воздухе. С земли это виделось по-другому, но девушка уже дважды побывала в этом месте и узнала его — обиталище Жаб.

Дьявольское зеленоватое свечение исходило от приземистого камня в центре колеса. Герта готова была к тому, что эта зелень потянется к

ней, лишенной всего, что когда-то защищало ее от этих Древних.

Однако Жабы, если и были там, ее как будто не замечали. Теперь она двигалась — словно отрастив крылья и мерно, неторопливо взмахивая ими. Она проплывала над лабиринтом скал изнутри к окружности. И заметила кое-что еще. В конце нескольких дорожек, ведущих в Жабью паутину, стояли — прямые и строгие, словно преграждая проход, — голубовато светящиеся камни. Три дорожки были заграждены ими, три оставались открытыми. В голове у девушки пронеслась мысль, что она должна была знать это с самого начала, что это знание дремало в ней, а теперь пробудилось.

Это были запоры, наложенные когда-то на Жаб Гриммердейла, чтобы те не тревожили людских сновидений, не отзывались на призывы глупых или злых людей — таких, какой и она была, когда впервые разыскала их. Жаб нужно запереть снова. Герта глубоко вздохнула. Если таков ее долг, она готова его исполнить.

Затем к ней пришло предостережение. Она, пытавшаяся использовать Жаб в своих целях, стала для них уязвима. Вблизи их владений ей грозила гибель страшнее, чем смерть или телесные раны.

Выбирать она должна сама. Спасет ли она Эльфанор? Даже в этом не было уверенности, лишь надежда, но надежда эта была сильна, могла увести далеко, послужить пищей и питьем, опорой и облегчением усталости. И Герта, напрягая всю волю, держалась за эту надежду.

В лицо ей снова ударили горные ветры. После пробуждения девушку вновь ждал накрытый стол. Во дворе она нашла накормленных, оседланных и навьюченных коней. Солнце уже коснулось верхушек холмов, когда она тронулась в путь, забирая на восток и обходя населенные долины.

Теперь она высматривала по дороге приметы, которые видела лишь однажды. Прежде всего следовало избегать встречи с забредшими слишком далеко охотниками и пастухами Нордендейла. На ее счастье, жители долин обходили места Древних и чурались их дорог.

Если дорога к святилищу Гунноры была нахоженной, то эта, изгибами уходившая к востоку, скоро затерялась. За границей Нордендейла предстояло свернуть на юг, к Жабьему кругу, уже напрямик, без следа дороги.

Подгонять лошадей она не решалась. Дорогу за зиму перегородили оползни и камнепады. Герте

вместе с дремавшей в колыбельке Эльфанор то и дело приходилось спешиваться и вести животных на поводу, прощупывая дорогу древком копья. Они пока не артачились, и она видела в том добрый знак — чутье животных, много острее ее чутья, предупредило бы о западне.

После целого дня пути она, укрывая девочку плащом, кое-как отоспалась в гнездышке из сухой травы и листвы, которое устроила себе среди бурелома. Второй день выдался пасмурным, туманным, с пропитывавшей одежду моросью.

Она поравнялась с Нордендейлом — уже достижение. Герта позволила себе постоять, всматриваясь вниз, отмечая перемены в полузаброшенном бесхозном поместье, которое видела в прошлый раз. В садах виднелись люди, на склоне паслись овцы. Но ее глаза сами отыскали одну из башен замка. На свежем ветру не бился стяг. Стало быть, в замке хозяина нет. Где же он? Герта прикусила палец под перчаткой. Одно место, куда он мог бы направиться, она хорошо знала. Литендейл! Если он вздумал ее искать… Она встряхнула головой, как будто от этого могли улечься взбаламученные мысли. Нет, сейчас она не хотела думать ни о чем другом, только о том каменном колесе над Гриммердейлом.

Здесь было мало пропитания для коня и пони. Оба тянулись к зелени, покрывшей уже склоны холмов. Все ее умения и твердость уходили на то, чтобы удержать их на дороге. В полдень она подкупила животных раскрошенными на камне дорожными галетами — те жадно съели их и слизали все до крошки.

Морось так и не перешла в дождь, хотя окутавшая путников знобкая мгла не расходилась. Мелкая докука, но и такие подтачивают решимость. Одежда липла к телу. Герта все время дрожала в седле. К вечеру — если не слишком задерживаться для еды и отдыха — она должна подобраться вплотную к Гриммердейлу и с утра сразу взяться за дело. Это удачно вышло, решила Герта. Силы Тьмы питаются ночным сумраком. Дневной свет станет ей подмогой. Если только она сумеет закончить дело до новых сумерек.

Смерклось рано. Она снова устроилась на ночлег так, чтобы видеть фонарь над дверью гостиницы — той самой, где она терпеливо служила мужчине, которому жаждала отомстить. Как ее тянуло к теплу, к горячему питью, к человеческим голосам! Вместо этого она сидела в одиночестве, рядом с двумя беспокойными животными, сосала полоску вяленого мяса и

укачивала дочь. В последних отсветах дня она снова заметила тот понимающий, оценивающий взгляд Эльфанор. На нее смотрело что-то нечеловеческое: смотрело хитро, злорадно предвкушая.

Герта твердо решила, что ей это мерещится. Покормив девочку грудью, она баюкала ее, нашептывая старые-старые колыбельные, которыми ее старая нянюшка отгоняла ночь и все, что прячется в ее тенях.

В ту ночь она не спала. От близости цели все тело рвалось вперед, и она лишь огромным напряжением воли сдерживалась, чтобы не покинуть свое жалкое убежище, не помчаться туда, где ждали *они*.

Это влечение обладало такой силой, что ей пришлось встать на колени, противясь желанию двигаться, идти…

Сколько бы ни тянулась та ночь — год, век или целую жизнь, — но наконец сероватые лучи рассвета показались из-за холмов. Герта разогнула занемевшие ноги. Она окоченела от холода, изнуренные внутренней борьбой мышцы сводила судорога. А дело было еще впереди.

Опустив корзинку-колыбель наземь, девушка открыла полученный от травницы Ингелы мешочек. Там были сухие листья, рассыпавшиеся

в порошок, и другие — хоть и засохшие, но еще цеплявшиеся за свои ветви.

Герта выбрала нужные, поднося каждую щепотку к носу, чтобы увериться по запаху. Пять щепоток замешала она в густой жир, налитый в маленький горшочек, добавила еще две и, наконец, последнюю, самую душистую. Герта расчихалась от ее запаха, а поднеся к носу, едва не задохнулась.

Получившуюся мазь она широкими кругами нанесла вокруг глаз. Состав бусинками собрался на лбу, заставляя щурить глаза от острого аромата. Мазь еще оставалась. Сняв отсыревшую шапку, Герта нетерпеливо отбросила косы и намазала себе уши. Остатки растерла между ладонями рук. Подготовившись и не нарушая необходимого поста, Герта подняла корзинку, унесла Эльфанор в ближайшее укрытие — под густой куст, опускавший ветви до самой земли. Просунув корзинку под их навес, Герта загородила просветы, повтыкав в землю те ветки с сухими листьями, и подперла их мелкими камешками.

Конь и пони от нее не отставали. Герта, уже не скупясь, раскрошила для них последние галеты, и животные радостно уткнулись носами каждый в свою кучку крошек. Герта же, поднявшись,

двинулась вперед и запретила себе оглядываться. Для защиты Эльфанор она сделала все, что могла. Надо думать о том, что впереди, не то в душу закрадется страх.

Каменный круг, составлявший обод Жабьего колеса, ясно виднелся перед ней. Герта сложила смазанные душистым жиром ладони и указала вперед кончиками пальцев, ощутив сильный запах трав.

Она осторожно двинулась по окружности колеса. Девушка запретила себе заглядывать на дорожки между каменными рядами-спицами, а смотрела только в землю. Первый камень-запор она увидела в начале третьего прохода.

Герта запнулась. Это был грубый валун, не обтесанный хотя бы в подобие колонны и даже ушедший в землю, он доходил ей до колен, а целиком был, верно, еще больше. Герта, облизывая кончиком языка облупившиеся губы, соразмеряла величину камня со своими силами. Сумеет ли сдвинуть?

Оставалось только найти недостающий и попробовать. Девушка скинула плащ, чтобы сырая ткань не связывала плечи и руки. Она уже высмотрела то, что ей требовалось. Вот он. Острый угловатый камень резко выделялся среди осталь-

ных голубоватым отливом. Герта уперлась в него ладонями, толкнула и сразу убедилась, что камень врос в землю глубже лесного дерева. Пусть так… но сдвинуть его можно. Что побывало на месте, можно туда вернуть. Она налегла сильнее, попробовала раскачать камень, обдирая ладони о шероховатые выступы. Камень шевельнулся!

Совсем маленькая победа, но и такая придала ей бодрости. Пыхтя и тужась, чуть не в кровь обдирая руки (она знала, что здесь не годится защищать ладони свисающими на запястьях перчатками), Герта сдвинула камень, подтащила его к оставшемуся незапертым проходу и, отдуваясь, прислонилась к глыбе. Что-то скапливалось вокруг — подобие неслышного смеха, насмешки над ее тщетными усилиями. Герта выпрямилась. Сжала губы, выпятила подбородок… Теперь следующий.

Она отыскала второй камень, но тот оказался наполовину засыпан мелким щебнем. Его пришлось сначала откопать, а уж потом волочить. Камень не давался, отказывался покидать свое гнездо, и она раз или два отчаивалась с ним справиться. Когда же девушка наконец подтащила камень к проходу, который ему предназначено было запирать, на нем остались кровавые

отпечатки ладоней. Два… Ее грыз голод. Герта, шатаясь как пьяная, отправилась на поиски последнего. Она не сомневалась, что найдет и дотащит. Широкая раздвоенная юбка спутывала ноги. Она словно брела по топкой трясине, за каждый шаг приходилось бороться.

Камня не было! Но ведь должен быть! Видение в святилище не могло лгать! Силы Света не способны на такую жестокую шутку. Они могут отказать в помощи, но обманывать не станут. Камень должен быть где-то поблизости. Герта медленно повернулась кругом, вглядываясь в землю. Камни, да, целые россыпи камней, больших и малых, но голубого отлива не видно.

Может быть, он целиком ушел под осыпь, какая наполовину скрывала второй? Герта не заметила такой большой груды щебня, чтобы могла его укрыть. И снова она побрела вдоль внешнего обода колеса. С каждым шагом в ее сознании нарастал тот злорадный смешок — словно первое дуновение поднимавшейся бури. Наверняка Жабы знали, что она затеяла, наблюдали за ней и веселились в уверенности, что ничего у нее не выйдет. Но они ошибаются!

Она закладывала круги все шире, удаляясь от каменного колеса. Потом вернулась к Эльфанор,

покормила и успокоила хнычущую девочку, забыв о собственной усталости, хотя ноги у нее подгибались и окровавленные ладони неудержимо дрожали.

От голода осталась только тупая боль — Герта, склонившись над дочерью и сдерживая нетерпение, ждала, пока ребенок насытится. Конь и пони стояли по сторонам куста-укрытия. Они опять подъели все до крошки, но не ушли.

Ее ездовой конь вдруг вскинул голову и заржал — Герта не успела ему помешать. Ему ответило ржание. Герта напряглась, отняла девочку от груди, поспешно уложила в корзинку. Эльфанор разинула ротик и отчаянно завопила.

Герта не помнила, как оказалась на ногах, одной рукой запахивая одежду, а другую положив на рукоять кинжала. Дождь больше не моросил, но тучи нависали низко. И все же сумрак был не столь густым, чтобы скрыть подъезжающего всадника.

В растерзанной войнами стране хватало разбойников, от отчаяния или просто по прихоти отваживавшихся ездить древними дорогами. Вспомнились Герте и жуткие истории о *тварях*, рыскавших по хребтам, закрывая, как говорили, пути пришельцам. Понятно, с добрыми намере-

ниями сюда никто не придет — слишком дурная слава у этих мест.

Всадник подъехал к склону, ей уже видна была боевая кольчуга и шлем с выступом, скрывавшим почти все лицо. На луке седла висел щит с ярким, недавно выведенным гербом. Единственное яркое пятно, потому что лошадь была такой же серой, как легкие доспехи, и ее тусклая грива сливалась с плащом.

В прежние времена Герта узнала бы его по гербу на щите, но теперь лорды Долин лежали в безвестных могилах по всей земле, а новые люди, приходя к власти, выбирали для своих владений новые знаки. Этого, на щите, Герта не помнила. Рисунок был неумелым, будто неопытный художник выводил его по словесному описанию. Она вроде бы распознала какую-то чудовищную голову, перечеркнутую куда лучше выписанным клинком обнаженного меча, как бы заслоняющего от чудовища его жертву. Холодное железо…

Мысль прозвучала в голове так ясно, словно подъехавший всадник громко выкрикнул эти слова. Холодное железо — многие из Древних его боялись, оно противостояло их магии.

Кто же это — разбойник, храбрее и безрассуднее своих собратьев? Или странник, забравшийся в

эти места по неведению? Похожий на звериную морду козырек шлема скрывал лицо не хуже маски. Но вот окликнувший ее голос!.. Герта захлебнулась от негодования. Да, голос ей знаком!

Его жеребец, породистый боевой конь, медленно шагал вперед. Поводья лежали у него на шее, словно всадник предоставил коню полную волю. Герта бежала бы, но здесь не было ни укрытия, ни убежища, куда бы он за ней не последовал, даже в логове Жаб они уже побывали вдвоем.

— Госпожа моя…

Его оклик повис в воздухе, словно девушка запретила своим ушам его впускать. Конь встал, когда всадник с привычной ловкостью соскочил с седла, оставив щит висеть на прежнем месте. Мужчина шагнул к ней, хрустя щебнем под сапогами. Герта все же совладала с голосом, сумела поднять руку, неловким жестом подтверждая сказанное:

— Нет!

Он или не услышал, или не стал слушать. Теперь ей виден был загорелый подбородок и твердая складка губ под маской шлема. Он задержался, чтобы стянуть кольчужные рукавицы, сунул их за пояс, и, быстро справившись с пряжкой шлемного ремня, обнажил голову, позволив

ветру трепать словно прихваченные морозом волосы. Он взглянул, прищурив глаза, и Герте мигом захотелось бежать куда глаза глядят от собственных мыслей, пробудившихся с приходом этого всадника и никакого отношения не имеющих к ее цели. Совладав с собой, она тоже шагнула вперед, подняв обе руки с грязными обломанными ногтями и кровавыми мозолями в отстраняющем жесте.

— Тристан, зачем?..

Сколько бы ни теснилось в ней мыслей, собрать больше слов она не сумела.

— Я был в Литендейле, тебя там не застал, — просто, как испуганному ребенку, ответил он. — Мне сказали, что ты ищешь помощи в чужих и опасных местах. Вот я и приехал.

Герта провела языком по губам, ощутила горький вкус мази.

— Это… мое дело.

Она силилась разжечь в себе злость, спасительный гнев. Всю жизнь, кроме одного раза, она полагалась на себя, сама несла свое бремя.

— Я не силен в колдовстве, — серьезно ответил он. — Может, и впрямь только твои руки могут справиться с этим делом. — Он кинул взгляд на ее стертые пальцы. — Но может быть, и так, моя

госпожа, что две пары рук справятся скорее и лучше.

Прежде чем Герта успела отступить, он, широко шагнув, оказался рядом с ней, потянулся к ее рукам. Но она отпрянула.

— Не тронь, — вскрикнула она, — на них защита.

— Защита? — Он вздернул бровь с памятной ей кривоватой усмешкой. — Не слишком она защищает, как я погляжу. Скажи… — Его голос обрел властность опытного командира. — Что ты здесь делаешь и зачем?

— Зачем?

Надо было поскорей отпугнуть его, внушить отвращение, он не должен быть втянут в ее неприятности. Взметнув измызганную в грязи одежду, она повернулась, подхватила корзинку. И, оперев ее о бедро, отогнула прикрывавшее лицо Эльфанор одеяльце. Даже темные тучи не помешали беспощадному свету упасть на метку Проклятия. И глаза у ребенка были открыты, смотрели все с тем же злобным пониманием.

— Видел? — с яростью спросила она, ловя в его лице признаки отвращения.

Однако Герте пришлось признать, что он хорошо владел собой. Ни следа брезгливости.

— Да, мне говорили… подменыш, — медленно, словно не желая потревожить ребенка, произнес он. — И ты думаешь, госпожа, что здесь найдешь настоящего?

— Надеюсь, всего лишь надеюсь.

Она готовилась встретить его презрение и теперь растерялась. Что это за человек, если он, не моргнув глазом, смотрит на след темного зла?

— Бывает, что о большем и просить не приходится. — Он снова одним быстрым уверенным движением подался к ней, крепко — не вырвешься — взял за запястья и взглянул, как на ребенка. — Что ты должна сделать? — коротко спросил он.

Герта хотела забрать у него корзинку, плотнее натянуть одеяльце, укрывавшее Эльфанор не только от холода, но и от нескромных глаз. Но усталое тело отказалось повиноваться, она споткнулась, чуть не упала, и вот уже он держит корзинку на бедре, а другой рукой обнимает ее, прижимая к себе и поддерживая.

— Идем.

Он не дал ей отстраниться, подвел к груде камней, усадил и сел сам, поставив колыбельку на колени. У Герты уже не было сил вырываться.

Ее била дрожь, руки бессильно лежали на ко-

ленях. И — какой позор! — по щекам катились слезы. Ей так хотелось сдаться, передать другому право решать. Только… Стоило только взглянуть на Эльфанор, которая лежала тихо, уставившись теперь в лицо мужчины, спокойно встречавшего ее немигающий, светившийся внутренним огнем взгляд…

— Камень… последний… — Она должна довести дело до конца!

— Что за камень? — Он больше не пытался ее удержать, а встал сам, бережно отставив колыбель.

Герта, страшась, что он снова остановит ее, рванулась вперед. Как бы не сдаться той предательской части души, что проснулась с его приходом и подтачивала решимость.

— Голубой, последний… Я искала, искала. Два нашла. Третий — не могу.

Она споткнулась, вскинула изодранные ладони, словно молила саму землю отдать камень. — Камни… — Она обращалась скорее не к нему, а к себе, возвращая мысли к единственной цели. — Их нужно поставить в проходах, запереть все. Так мне велено.

Она почти не заметила, как он обошел ее, шагнул к ближайшей дорожке-«спице» и оглядел

измазанный землей валун, с такими трудами установленный Гертой.

— Такой?

Он не стал ждать ответа. Внимательно изучил камень и тоже принялся обходить каменные завалы на гребне.

Герта потащилась дальше, то и дело нагибаясь к грудам булыжников в надежде высмотреть под ними голубой отблеск. Она обошла три четверти круга, но все впустую. Да был ли вообще этот камень?

— Ха!

Она обернулась так поспешно, что не удержалась на ногах и больно ушибла колени. Тристана сначала вовсе не было видно, потом над землей поднялась голова, и девушка вспомнила протянувшийся по склону овражек.

— Кажется, здесь.

Герта кое-как доплелась до него. Тристан склонился, легко раскидал мелкие камни. С берега оврага Герта тоже увидела клочок голубого, едва проступавшего из-под разрытого им следа оползня. Голубой, как те. Но как же его поднять?

Тристан, разбросав гальку, вытащил меч и вогнал его в затвердевшую за зиму глину, — правда, теперь он действовал медленнее и осторожнее,

опасаясь затупить оружие.

Герта утерла лоб тыльной стороной ладони, размазала травную мазь. И с тупым отчаянием уставилась на занятого работой Тристана. Да, раскопать камень он, наверное, сумеет, но как выкатить его из этой узкой щели, закатить на нужное место? У нее утекали последние силы.

— Ну вот, госпожа моя.

Он отступил, вбросив меч в ножны, и с довольным видом взглянул на раскопанный валун.

Герта только и сумела прохрипеть:

— А… как поднять?

Она призналась себе, что ей такая глыба не по силам. Между тем она не сомневалась, что должна сама справиться с порученной задачей — это ее испытание.

— Сумы на твоем пони приторочены веревкой. — Он, теребя губу, разглядывал камень. — Лошади помогут вытащить.

Герта заморгала. Разумная мысль. Она от усталости плохо соображала. Воодушевление вновь подняло ее на ноги, девушка бросилась к снятым с пони вьюкам. Да, там нашлась веревка, и крепкая. Достаточно ли крепкая, не узнаешь, пока не попробуешь. Повесив моток через плечо, она вернулась к овражку и бросила Тристану конец.

Он ловко перехватил веревку в воздухе и, встав на колени, обвязал камень, крепко зацепив петлю за выступающие углы. И только тогда поднял к ней голову:

— Приведи своих лошадей и моего. Проверим, что из этого выйдет.

Ее кроткий конек, не противясь, позволил подвести себя к оврагу. А вот его зверюга, когда она подняла поводья, брошенные, по воинскому обычаю, просто наземь, закатил глаза и зафыркал. Герта упрямо тянула повод, и, к ее радости, конь не стал задираться — неохотно переступая, пошел за ней.

Тристан, выбравшись из расселины, уже закрепил веревку на луке ее седла. Подтянув слабину, он прицепил петлю к своему седлу.

Его приказу повиновались оба коня, и веревка натянулась тетивой, едва не лопнув на краю обрыва. Герта со страхом ждала щелчка лопнувших прядей. Но веревка выдержала. Конь Тристана шаг за шагом продвигался вперед, и ее конек шел следом, не давая привязи провиснуть. Глыба, поднявшись из земляного гнезда, со скрежетом ползла вверх по крутому берегу овражка.

Валун выкатился на ровную землю и лег прямо к ногам Герты. Она, опасаясь за сбившуюся узла-

ми веревку, бросилась помогать коням. Тристан оказался рядом, толкал камень ладонями, откатывая подальше от обрыва.

— Дальше куда? Какую там дорогу надо запереть?

Она покачала головой:

— Это я должна сама. Мой грех, мне и платить!

Герта хотела оттеснить его, налечь ладонями на грязный каменный бок. Надо справиться — она должна справиться.

— Нет, — словно издалека донесся его голос, с трудом пробивавшийся в ее занятую одной мыслью голову. — Если нужны и твои руки, пусть будет так. Но не забудь, что я тоже имел дело с Жабами.

— Я тебя обманом заманила. — Герта только тогда заметила, что плачет, когда губы защипало от соленых слез. — Я одна виновата. Пусти меня! Его надо установить до заката — непременно!

Он не стал отвечать, а просто уперся двумя руками в каменную глыбу и, с силой толкнув, пустил ее катиться по земле. Герта, отчаянно вскрикнув, заторопилась следом. Она догнала камень первой и нашла в себе остатки сил, чтобы упереться ладонями, но под ее напором камень лишь чуть шевельнулся.

Он снова оказался рядом:

— Тут нам с тобой опять биться вдвоем, госпожа моя. Я не затем тебя искал, чтобы потерять в таком сражении. Делай, что решила, что должна, но прими и мою помощь. Какая бы Сила ни послала тебя сюда, она не может отвергнуть моей поддержки!

В груди у Герты не осталось дыхания на ответ. Она боролась с камнем, и он стал подаваться, закачался из стороны в сторону. Если она не совладает с возложенной на нее задачей — *ей* страдать. Но в одиночку ей было никак не справиться.

Как медленно двигался камень! Тучи над головой темнели, предвещая не бурю, а приближение ночи. Ночи, когда Темные войдут в силу, если только до конца дня они не успеют преградить им путь. Герта тяжело, часто дышала. Вот уже впереди, чуть левее, последний незапертый проход. Тристан передвинулся, обошел ее сзади, чтобы налечь с другой стороны.

Герте чудилось, что сама земля отказывает им в помощи, что тени, выползая из-под основания колонн, встают перед ними преградой.

— Еще немного, госпожа моя, чуть-чуть осталось.

Тристан тоже запыхался. И припал на одно колено, чтобы подставить плечо.

— Отойди! — приказал он ей.

Она взглянула на его напрягшиеся мышцы, его разгоряченное лицо. Долгий миг ей казалось, что камень застыл здесь навсегда. И вот…

Медленно, раскачиваясь из стороны в сторону (Герта следила, в тревоге зажав рот окровавленной ладонью), камень перекатился и встал посреди прохода.

Налетел резкий ветер, резанул холодом, рванул одежду, запорошил глаза пылью. Откуда-то из колючей дымки протянулись руки, чье-то плечо поддержало ее. Слышала она в вое ветра хор нечеловеческих воплей или померещилось?

Она едва держалась на ногах. Миг — и он подхватил ее на руки, унес от колючего воющего шквала к кустам, укрывавшим Эльфанор.

Ветер затих, и она услышала другой звук — негодующий вопль младенца. Тристан поставил ее на ноги. Герта кинулась к колыбели. Было еще не совсем темно, брезжил слабый свет. Она, падая на колени, подтянула к себе корзинку и, держа ее одной рукой, подцепила краешек одеяла. Эльфанор орала без умолку.

Герта всмотрелась. Глаза застилали слезы, —

наверное, их обожгло песком. Девушка моргала, моргала, яростно сбрасывая эту завесу. И наконец увидела ясно.

Личико раскраснелось от крика, глаза зажмурены, кулачки, которые она умудрилась выпутать из пеленок, колотят воздух.

Красное личико, но…

Страх растаял без следа. Это не подменыш! Она победила. Проклятие снято. Малышка открыла глаза. Темные глаза, но в них не было нелюдского разума, и на покрасневших от натуги щечках не было бурых чешуйчатых пятен.

— Свободна! Она свободна!

Герта прижимала к себе ребенка вместе с колыбелью, баюкала, раскачиваясь всем телом. Твердые руки легли ей на плечи. Она смутно ощутила, что явилась новая Сила, что она уже не одинока.

— Ты ее спасла, — ясно услышала она.

И обернулась к нему, согретая благодарностью, как внутренним огнем.

— Без тебя я бы не справилась.

— Ты думала, я откажусь помочь?

В гаснущем свете его лицо выглядело жестким и суровым. Но Герта не сомневалась, что настоящий Тристан не таков. Впервые за много дней,

месяцев, лет Герта сбросила оковы независимости, отдавшись под драгоценную защиту его рук.

— Только ты, — тихо проговорила она. И по его загоревшемуся взгляду, по смягчившейся линии губ поняла, что он слышал. — Щедро дает Гуннора — щедро и во благо.

— Хвала имени ее, — отозвался он, хотя Сила Гунноры принадлежала женщинам и мужчины никогда не поклонялись в ее святилищах. — Она щедро одарила нас обоих. Госпожа моя, становится темно, не пора ли ехать?

Герта смотрела на Эльфанор. Ярость, овладевшая девочкой, когда ее покинула Темная Сила, улеглась. Дочка сонно моргала.

— Да, — воскликнула Герта, — едем… домой!

И, увидев радость на его лице, поняла, что ей нечего больше желать.

Улли-дудочник[11]
Рассказ

В Высшем Холлаке много долин, есть среди них и такие, что забыты всеми, за исключением тех, кто живет в них.

Шла Великая война с пришельцами из-за океана, лорды долин и воины сражались, сдавались, добивались побед и терпели поражения, но оставались еще кое-где дремотные местечки, не замеченные воюющими. Жизнь там шла своим чередом, жители радовались покою, и пусть мир вокруг бушует, как ему вздумается.

В таком уголке и лежала Гребнева Чаща — кучка домов и ферм, не заслуживающая названия села, данного ему местными.

Кругом стояли такие высокие хребты, что заглядывали за них только дикие пастухи предгорий,

---

[11] Примечания: 11
Перевод Г. Соловьевой.

и мало кто слушал их рассказы об увиденном. К тому же те нагорья пользовались дурной славой по легендам о давних временах, когда люди впервые пробивались далеко на запад и на север. Потому что не люди первыми заселили эти места, и хотя древнейшие обитатели удобства ради принимали иногда человеческий облик, но настоящее их обличье, говорят, лучше было не видеть при свете дня.

Прежние теперь нашли убежище за горами, но случалось им возвращаться — как паломникам. Жители долин не зря отмечали праздничные дни — а порой и ночи — приношениями, оставленными у особых скал и камней, с которых ветер и дожди еще не стерли удивительных знаков. Никто из живущих не помнил, кому и зачем приносятся эти дары, зато все знали, что дарителю сопутствует удача.

Впрочем, жители Гребневой Чащи были довольны своим жребием. Поля приносили богатый урожай, между ними вилась неглубокая речка. Садовые деревья щедро оделяли их плодами, а в перелесках хватало орехов — тоже добавка к столу. На взгорьях мирно паслись жирные бараны, скот спускался к реке на водопой и снова уходил на пастбище.

Весной люди сеяли, в начале осени собирали урожай, а зимой теснились к домашнему очагу.

И часто повторяли друг другу: чего еще желать от жизни?

Были они такими же сытыми, как их скотина, и порой такими же тугодумными. И беды у них случались редко, ведь даже владетель Фартердейла, которому они клялись в верности, годами не присылал своих людей за данью. Да он, по слухам, и погиб уже где-то в дальних краях.

Самые предусмотрительные откладывали про запас сукно и холстину, хорошенько пересыпав их душистыми травами, — до срока, когда снова заявятся сборщики дани. Но по большей части они пряли лен и шерсть, ткали из них плотную ткань для своих собственных спин, сами ели свою говядину и баранину, пили эль из своего ячменя, вино из своих фруктов и верили, что чужие беды не коснутся их, так надежно укрытых горами.

Но был среди них один, кому жизнь казалась не так уж хороша, потому что ему в ней было тесно. Улли не был ни младшим, ни самым малорослым из деревенских мальчишек — он был… другим. И порой до боли хотел стать таким, как все.

Он сидел на своей тележке, глядел, как другие едут на праздник в Первый день мая, как празд-

нуют конец жатвы, как водят хороводы вокруг большого июльского костра — и так стискивал свои ловкие пальцы, что ногти впивались в ладони.

На дерево он залез таким малышом, что не помнил, какой была его жизнь до падения. А после он узнал, каково жить с горбатой спиной, с бессильными ногами, когда, чтобы перебраться с места на место, приходится толкать свою тележку двумя палками.

В селении он был главным чинильщиком всего на свете — только себя починить не мог. Его матери-вдове несли все, что поломалось, та раскладывала все по порядку, а Улли терпеливо трудился над починкой. Бывало, ему казалось, что падение не только поломало ему спину, но и разбило душевный покой. Потому что в его прикованном к тележке теле жил беспокойный дух, и мальчик таил от мира множество странных мыслей.

Только ночами, вот как теперь, когда деревенская молодежь несла в горы первые плоды, свежий хлеб, флягу с молоком и другую, с вином, — приношения в честь середины лета… Он не желал жизнь напролет провести в мечтах! Душа у него была мальчишеская, и порой ему

хотелось выть и бить кулаками землю — или собственное тело, ставшее ему тюрьмой. Ради матери он никогда не выдавал боли, ведь она бы подумала, что сын сошел с ума, а он не сошел… пока еще не сошел.

Он слушал песню направляющейся к камню приношений компании — песня звала людей собраться и танцевать ночь напролет.

Горы-долы, горы-дили,
Приходи, попляшем, Лили!
На сапожки напляши!
Ленту в косу напляши!

Кому из плясунов и плясуний достанутся к утру новые сапожки и моток ярких лент?

Только не Стефану-мельнику — этот таскает на бычьем загривке тяжелые мешки с мукой, а на ногу тяжел.

И не Гретте-трактирщице, сколько бы та ни билась над изящной походкой (Улли однажды подсмотрел, как она упражняется в танцах на гусином лугу у реки. Хотя она была добрая девочка и он желал ей удачи — как и всем, кого про себя называл «прямыми людьми»).

Нет, и в этом году, как всегда, победителем станут Мэтт с горного выпаса и Моргана, дочка

кузнеца.

Улли хмуро взглянул на изгородь, которая скрывала от него, сидевшего в низкой тележке, верхний отрезок дороги.

Моргану он мало знал, слышал только разговоры, будто бы эта девушка видит лишь то, что хочет видеть, и делает лишь то, что ей нравится. А Мэтта Улли недолюбливал за грубость нрава и движений: ломясь напролом, парень даже не замечал, как портит вещи, настроение, а порой и жизнь людям. Улли доводилось чинить поломанное Мэттом, и не всегда, не все удавалось исправить.

А они всё пели.

Улли больно прикусил губу. Пусть он малорослый и калека, но он мужчина, а мужчина не плачет от боли. Ночь была так хороша, что ему не хотелось уходить в хижину. Кругом благоухал садик, разбитый его матерью, — в сумерках травы пахнут особенно сильно. Улли достал из-за пазухи величайшее свое достижение в искусстве чинильщика — повертел в ловких пальцах и поднес к губам.

Прошлой зимой в трактире остановился один из редких чужаков, пробравшийся через занесенные снегом перевалы. Послушать его рассказы

сходились даже пастухи с горных пастбищ, хотя для местных это были просто сказки, не имевшие отношения к подлинной их жизни.

Под конец прохожий человек достал эту блестящую деревянную дудочку и насвистал несколько сладкозвучных мелодий. А потом отложил дудочку в сторону, потому что к нему на лавку подсела Моргана, чтобы принять как должное доставшуюся ей улыбку. Но Мэтт от ревности к чужаку так грохнул по столу кружкой, что дудочка скатилась на пол и треснула пополам.

После жаркой перепалки Мэтту пришлось заплатить незнакомцу серебряную монету. А Гретта подобрала обломки и подала Улли, грустно сказав, что ей бы хотелось снова послушать такую сладкую музыку.

Улли долго трудился, складывая дудочку как было, а закончив, выдул из нее несколько странных ноток. Он дул снова и снова, подражая то птичьей песне, то сонному лепету реки, то шелесту ветра в листве. Из этих звуков, из голосов долины, сложилась песня, которую он играл сейчас.

Начал он неуверенно, но вскоре песня зазвучала звонче.

Когда его игру прервали хлопки, Улли неловко

повернулся и увидел у изгороди Гретту.

— Играй, о, прошу тебя, играй еще, Улли! Под такую музыку любой запляшет легче облачка на ветру.

Она подобрала пышную юбку, показала носки башмачков. Но ее улыбка сразу погасла. Улли была знакома ее печаль — из-за неуклюжего тела, которому не угнаться за полетом души. Но девушка уже снова улыбнулась и подбежала к нему, протянула загрубевшую от работы руку:

— У нас такой музыки не слыхали, Улли. Непременно приходи сегодня ночью, сыграй нам.

Он отпрянул, мотая головой, но Гретта все упрашивала. А потом крикнула через плечо:

— Стивен, Уилл! Помогите уговорить Улли, он играет слаще всякой птицы, пусть сыграет нам этой ночью, и нам не придется завидовать Древним, плясавшим под золотые флейты!

Почему-то Улли не смог им отказать, и вот Стивен с Уиллом докатили его тележку до горного луга, где уже разложили дары и разожгли высокий костер. Улли приложил дудочку к губам и заиграл.

Но не всех обрадовал его приход. Моргана, когда хоровод привел ее к тележке, закричала так громко, что Мэтт шагнул вперед, словно заслоняя ее.

— Да ведь это просто колченогий Улли, — презрительно выкрикнула она. — А я думала, из лесов выползло какое-то чудище из старых сказок.

И она притворилась, будто дрожит и прячется за плечо Мэтта.

— Улли? — Мэтт расхохотался. — Чего ради он притащился сюда, у него ведь и ног нет поплясать? Полюбоваться на тех, кто лучше? И откуда у тебя эта дудка, малец? — Он потянулся за дудочкой. — Это не та ли, за которую мне пришлось платить звонкой монетой? Дай сюда: если это та самая, так она моя.

Улли не хотел отдавать дудку, но Мэтт был много сильней. Остальные танцоры собрались поближе к камню приношений, открывали корзинки и мешки, готовили полуночный пир. Никто не заметил, что творится здесь, в тени.

Мэтт победно поднял добычу вверх:

— Как новенькая и наверняка стоит серебряную монету. Продам какому-нибудь захожему торговцу и верну свой убыток.

— Моя дудочка! — Улли потянулся за ней, но Мэтт отскочил подальше.

– *Моя* дудочка, колченогий! Разве не мне пришлось за нее платить? Она моя, и я буду делать

с ней что хочу.

Улли в бессильной обиде хотел приподняться, но добился только того, что его тележка сдвинулась с места и задом покатилась вниз по склону. Моргана, вскрикнув, хотела ее перехватить. Но смеющийся Мэтт удержал девушку.

— Пусть себе катится, ничего с ним не случится. И все равно ему здесь делать нечего. Он ведь еще и напугал тебя?

Сунув дудочку за пазуху, он обнял подругу за талию и повел к пирующим. На полпути они встретили Гретту.

— Где Улли?

Мэтт пожал плечами:

— Ушел куда-то.

— Ушел? До села далеко, а он же… — Она помчалась вниз, выкрикивая: — Улли, Улли!

Но тележка катилась не в ту сторону, а в другую, подпрыгивая, натыкаясь на тонкие деревца, потом закатилась в лесок, который словно обнимал луг зелеными рукавами.

Улли замер в страхе — вот сейчас тележка застрянет в кустах или его смахнет нависающая ветка, и останется он лежать на земле, совсем беспомощный.

Тележка виляла между стволами, и Улли начал

уже удивляться, как это она не перевернулась, не наткнулась на корень, не завязла в путанице ветвей. Ее словно кто-то направлял. Паренек попробовал через плечо посмотреть вперед, но увидел только темный лес.

А потом тележка снова вырвалась на открытое место. Здесь не пылал костер, зато луна светила необыкновенно ярко, висела прямо над головой, как лампа. Улли, немного воспрянув духом, цепляясь за стебли высокой травы и вьюнков, развернул тележку, так что видел теперь не лес, из которого выехал, а ровную поляну с короткой и густой, будто выкошенной травой. Кругом стеной стояли цветущие кусты, а в середине — круг камней, все ростом выше Улли и такие ослепительно-белые, что под луной горели факелами.

Колотившееся в груди сердце утихло. Мирная красота успокоила, утешила Улли, словно ласковые пальцы погладили по лицу, по всклокоченным волосам. Руки, лежавшие на костлявых коленках, дрогнули, пальцы зашевелились, словно перебирая лады дудочки.

Но дудочки не было. Улли стал тихонько напевать свою песню, повторяя голоса долины: птичий щебет, журчание воды, шелест ветра. Потом он стал насвистывать. Ему казалось, что

вся красота, о которой он когда-либо мечтал, была собрана здесь, точно так же, как он своими руками собирал целое из обломков.

Большие серебристые мотыльки закружились между каменными свечами, словно ткали какую-то невидимую ткань, плетя заклинания. Улли робко протянул руку, и один мотылек покинул рой, бесстрашно опустился ему на ладонь, замахал присыпанными светящейся звездной пылью крылышками. Он был так легок! Улли бы и не почувствовал его веса, если бы не видел. Потом мотылек снова поднялся в воздух.

Улли утер лоб ладонью, смахнул упавшую прядь, и тут…

Мотыльки пропали, у каждой колонны стояла женщина. Все они были маленькими и хрупкими, не выше ребенка, но тела их были женскими, окутанными только плащами длинных волос. Их нагие тела задвигались с таким изяществом, что Улли понял: он впервые видит подлинную красоту. Женщины не смотрели на него, а переступали босыми ногами, то скрываясь за колоннами, то появляясь, обвивая их чарами танца, как раньше — мотыльки. Временами они останавливались, двумя руками собирали длинные волосы, встряхивали ими. И тогда Улли казалось, что

крошечные золотые искорки разлетаются от поляны — хотя Улли не провожал их глазами, боясь оторвать взгляд.

Женщины не сказали ни слова, но он понял, чего от него ждут, и снова засвистал свою долинную песню. Должно быть, он уснул и видел сон или выпал из катившейся под кручу тележки и ударился головой, отчего ему и привиделось такое. Но, сон или бред, он хотел длить его как можно дольше. Это было… счастье, какого ему в жизни не выпадало.

Наконец танец их стал замедляться, и вот женщины остановились, касаясь одной ладонью колонны возле себя. А потом пропали, и только мотыльки порхали в засветившемся небе.

Все тело ныло от усталости, губы и рот пересохли, на Улли разом навалилось изнеможение. И все же он горестно вскрикнул, когда чудо кончилось.

Что-то шевельнулось у колонны, стоявшей прямо перед ним, кто-то шагнул от нее в бледном свете зари. Женщина остановилась перед ним и встряхнула волосами, собранными на высоте плеч. Встряхнула раз, другой, третий. Сейчас Улли не увидел мерцающих искорок. Нет, его словно ударил в лицо ледяной ветер, сбил с тележки, и

от удара головой все померкло.

Он не знал, скоро ли попытался сдвинуться с места. Наконец забился, приподнялся на локтях. Надо ползти… он изогнулся, напрягся…

Улли, колченогий горбун Улли, не умевший ни шагу ступить, ни разогнуть спину… Он стал прямым!

Прямым, как Стивен, как Мэтт! Если это сон…

Он выгнулся, поискал взглядом женщину, чтобы забросать ее вопросами, поблагодарить… он сам не знал, что еще. Но у колонны никого не было. Едва осмеливаясь поверить, что он стал прямым, паренек пополз к подножию колонны и почувствовал, что с каждым движением его наполняют силы. Держась за камень, он сумел подняться, встал на ноги!

Одежда сковывала обновленное тело. Он сорвал одежду. Он стоял прямо, спиной к колонне, и ветер холодил его кожу. Еще придерживаясь за белый камень, Улли осторожно шагнул, обходя опору. Ноги твердо держали его, он не падал.

Тогда Улли вскинул голову и громко закричал от восторга. И увидел, как что-то блестит посреди круга камней. Он шагнул ближе. Из зеленого дерна был вывернут малый кусок, и в нем торчала дудочка. Но какая дудочка! Если та, что он

починил, казалась ему хороша, то эта была сокровищем, достойным знатнейшего лорда!

Он нерешительно поднял дудку, — казалось, она сейчас исчезнет прямо из пальцев. А потом приложил ее к губам и заиграл в благодарность тем, кто побывал здесь ночью, заиграл, изливая переполнявшую его радость.

Так под песню дудочки, он и вернулся домой, шагая поначалу с осторожностью от непривычки. До домика своей матери он добирался задами. Она, бедняжка, плакала. Когда он пропал с горного луга, все перепугались, и Гретта собрала всех на поиски, только зря. Мать при виде обновленного Улли приняла его за призрак погибшего, но сын скоро ее разуверил.

Его рассказу дивилась вся Гребнева Чаща. Старики понимающе кивали — они помнили предания о прежних жителях Долин и как те одаривали людей, сумевших им угодить. Кто-то заметил, что резьба на дудке схожа со знаками на камне приношений. Потом молодежь задумала поискать клады на поляне с колоннами, но тут Улли страшно рассердился, и его уважили, признав, что лучше не тревожить того, чего не знают.

Можно было подумать, что Улли принес в село

не только здоровые ноги и дудочку. Год выдался удачным для всех. Такого урожая не помнили и старики, а бед ни с кем не случалось. Улли, уже на своих ногах, обходил села и выселки, чинил и играл — с дудочкой он никогда не расставался. И в самом деле, под его игру легкими становились и ноги, и сердца, и танцоры лучше плясали.

Только Мэтту не было покоя. Он теперь не был первым из парней — Улли слушали охотней. Когда же Мэтт открывал рот, разбрасывая мрачные намеки о невесть чьих подарках, к нему прислушивались лишь те, кто вечно завидует чужому успеху, в том числе Моргана, у которой поубавилось ухажеров. Случалось теперь, что даже Гретту чаще звали на танец. И вот однажды Моргана оборвала ворчащего Мэтта:

— Что по силам одному человеку, и другой сделает. Что ты все бормочешь о чужой удаче? Скоро Праздник жатвы, и, уж конечно, Древние заявятся посмотреть на урожай и взять свою долю. Отправляйся к колоннам Улли, сыграй им, может, и тебя отблагодарят!

Мэтт пробовал играть на отнятой у Улли дудочке, и выходило у него неплохо — игрались и плясовые, и старые баллады. Только вот с песней Улли все не ладилось, выходило тускло и

фальшиво.

Совет Морганы с каждым часом все больше нравился Мэтту, да и мысль про клад не шла из головы. Умный человек и с Древними договорится. Улли-то простак, не знал, что с них взять. Мэтт рассчитывал на большее.

И вот в праздничный вечер Мэтт отстал от остальных и свернул в чащу, где, по рассказам Улли, надеялся отыскать каменный круг. Оставив на колючих шипах клочья своей рубашки, он наконец выбрался на поляну.

В самом деле, колонны там стояли, но не яркие, не горящие, как свечи. Наоборот, у подножия камней кишели тени, будто под ними затаилось что-то недоброе. Но Мэтт уселся под деревом и стал ждать. Мотыльков он не увидел, хотя у верхушек колонн что-то трепетало. Тогда Мэтт решил, что Улли выдумал свою историю из головы, но все же решил попробовать, прежде чем вернуться на праздник и всем объявить, какой лгун его соперник.

Но из его дудки вырвался только скрипучий визг, а когда Мэтт решил уходить, он с ужасом обнаружил, что ноги его прикованы к земле, лежат поленьями, как раньше ноги Улли. И дудки он не мог оторвать от губ, а против воли вынужден

был высвистывать на ней горестные, унылые причитания. Все тело болело, во рту пересохло, и страх хлестал его как кнутом. И тут он увидел тех, кто собрался у колонн.

Хотел бы он закрыть глаза! Но и этого не мог, а должен был играть и смотреть на то, что сводило его с ума. Наконец свинцовые руки упали, дудка вывернулась из онемевших пальцев, и он тускнеющим взглядом увидел рассвет.

От камней в кругу с жужжанием поднялась огромная туча жирных мух — такие прилетают пить пролитую кровь на забое скота, только эти были в шесть раз жирнее и больше.

Мухи облепили его лицо, стали жалить. Мэтт отмахивался, но все зря, пришлось ему уползать на четвереньках, а мухи с жужжанием вились вокруг, как овчарки, отгоняющие от стада забредшего на выпас бродягу.

С грехом пополам он сумел встать на ноги, но долго еще не мог поднять головы. Ходил сгорбившись, пряча от людей опухшее лицо, и никому не рассказывал, что с ним случилось.

А дудочка Улли еще много лет звала жителей Гребневой Чащи на праздники и подыгрывала их пляскам. Но случалось, что Улли тихонько уходил на поляну с колоннами и там играл не для

тех ушей, что растут у нас на голове.

Бездарный маг[12]
Рассказ

В любой профессии, кроме великих мастеров и забытых неудачников, есть те, кто не достиг больших высот, но и в глубочайшую яму не провалился. В Высшем Холлаке водились такие волшебники, о которых лорды прилюдно отзывались с почтением, а что говорили наедине, лучше было не слышать. Кто знает, из какого вещества сотканы тени, если даже паучья сеть остается тайной? Иногда такое неведение основательно нервирует.

На другом конце шкалы располагались волшебники и чародеи, кое-как влачившие существование в хижинах среди болот или обходившиеся пещерами, где непрестанно каплет вода и летучие мыши добавляют кое-что к этой капели.

---

[12] Примечания: 12
Перевод Г. Соловьевой.

Обращались к ним крестьяне — за лекарством для больной коровы или охромевшей лошади. Коровы… лошади… а ведь мастер магии должен решать судьбу Долин, черпать полной мерой из господской казны, обитать в замке под охраной таких чудовищ, чтобы злосчастные гости не смели и носа высунуть за дверь с заката до рассвета — или наоборот, в зависимости от природы этих гостей. К волшебникам, волей или неволей, захаживают самые разнообразные гости.

Волшебники не стареют — разве что волшебство идет на убыль. А долгая жизнь в одолеваемой протечками и летучими мышами пещере ожесточает человека. Хотя волшебники изначально не отличаются приятным нравом. Непременное свойство их ремесла — несколько озлобленный взгляд на мир.

А Сэйстрап полагал, что слишком засиделся в своей пещере. Времена, когда он возносился хотя бы до небольшой крепости на пригорке с парой косматых слуг, остались в далеком прошлом, и что уж говорить о замке его мечты. Сокровищ в пещере не водилось, хотя он упрямо отказывался признавать тот факт, что никогда и не заведутся.

Все дело было в длительности заклятий Сэйстрапа — вот что сдерживало его честолюбивые

мечты. Заклятия — если приложить максимум усилий — неплохо работали двадцать четыре часа. Он был подлинным мастером тонких эффектов, но числился последним неудачником, потому что эффекты эти оказывались недолговечны. В конце концов он настолько смирился с этим недостатком, что разработал методы, позволявшие с пользой применять и краткосрочные заклятия. Правда, для этого требовался помощник. Но если у прославленного волшебника большой выбор кандидатов на должность подмастерья, то таким, как Сэйстрап, приходилось довольствоваться весьма ограниченным рынком труда.

Неподалеку от его пещеры жил крестьянин с двумя сыновьями. Старший был гордостью своего небогатого отца, отличался благородством, бесившим сверстников, которым его то и дело ставили в пример. Он ревностно трудился от восхода до сумерек и ни разу не потратил серебра там, где можно было обойтись медяком, — совершенно несносный юнец.

А вот братец у него был из тех негодников, которых отцы охотно проклинают и выгоняют из дома на все четыре стороны. В разгар сенокоса его заставали валяющимся на травке — любовался

облаками, *облаками*, это надо же! Поручи ему любую работу — либо сломает инструмент, либо запорет дело. Он даже говорить как следует не умел, бубнил что-то так невнятно, что ни один порядочный человек не разберет, да и кому была охота разбирать.

Последний его порок и привлек внимание Сэйстрапа. Сила волшебника в заклинаниях, и почти все их для должного — хотя бы и кратковременного — воздействия следует произносить вслух. Лучше всего было нанять помощника косноязычного — такой не овладеет магическими словечками, чтобы потом нагло открыть собственное дело.

И вот одним прекрасным утром Сэйстрап во вполне достойном клубе дыма явился посреди поля, где крестьянин распекал поломавшего мотыгу сынка. Дым, едва Сэйстрап выступил из-за занавеса, эффектно рассеялся в небесах. И должным образом впечатленный крестьянин отскочил на пару шагов.

— Приветствую вас, — бодро произнес Сэйстрап.

Он давно убедился, что долгие предисловия не для магов с краткосрочными чарами. Таким лучше пропустить приличествующие любезности и

приступать прямо к делу.

Впрочем, он, конечно, не пренебрег декорациями. Пара пассов вырастила в поле две яблоньки ростом ему по плечо. И, как милый завершающий штришок, в воздухе возник и исчез прежде, чем крестьянин обрел дар речи, небольшой дракончик.

— Прекрасное утро для полевых работ, — продолжил Сэйстрап.

— Было, — без особой уверенности отозвался крестьянин. Магия в лесу или в пещере — это одно. А магия посреди твоего собственного поля — совсем другое. Дракончик пропал, и он бы не поручился, что был. Но деревца остались, и он еще намучается, обходя их при вспашке. — Чем… могу… служить, почтенный… почтенный?..

— Сэйстрап, — снисходительно подсказал волшебник. — Я твой ближайший сосед, добрый Ладизвелл. Как ты ни занят трудами на своей весьма плодородной земле, однако не мог этого не заметить.

Почтенный Ладизвелл повернулся от яблонек к волшебнику. На лице его мелькнуло недовольство. Волшебники, как и господские сборщики налогов, известны тем, что больше берут, чем дают взамен. И жить с таким бок о бок — невелика

радость. И уж конечно, он не приглашал его на эту встречу…

— Не приглашал, — ответил на его мысли Сэйстрап. Пора было усилить нажим, чтобы мужлан понял, с кем имеет дело. — Я пришел просить вашей помощи в одном маленьком дельце. Мне требуется на подмогу пара молодых ног, сильных рук и крепкая спина. Вот этот паренек… — Он впервые удостоил взглядом младшего сына. — Он никогда не думал наняться в услужение?

— Этот? — фыркнул крестьянин. — Да этот дурень… — Он осекся на полуслове. Если волшебник не знает, что за бестолочь его сынок, к чему выносить сор из избы? — А долгой ли будет служба? — поспешно осведомился он. Если сговориться на долгий срок, лодырь не будет путаться под ногами, да еще кое-что принесет.

— Да как обычно — год и день.

— А жалованье какое положите, почтенный Сэйстрап? Ведь в летнюю страду пара умелых рук…

Ладизвелл поспешно отпихнул ногой поломанную мотыгу и понадеялся, что волшебник не слышал, что он сгоряча наговорил парню.

— Этого довольно?

Сэйстрап величественно взмахнул рукой, и в

поле появился отличный конь.

Ладизвелл заморгал.

— А, вполне довольно, — поспешно согласился он, протягивая руку. Сэйстрап хлопнул его по ладони, скрепив сделку.

Еще один широкий жест, и дым окутал его вместе с новым слугой. Когда дым рассеялся, Ладизвелл поспешил стреножить коня.

Он не обрадовался, кода наутро обнаружил в конюшне, куда пришел полюбоваться новым приобретением, жующего сено кролика. Но уж одно то было неплохо, что год и день ему не придется кормить и одевать безрукого оболтуса.

Сэйстрап же, вернувшись в пещеру, тут же взял нового слугу в оборот. Для него Йохим был безвольным и бездумным орудием. Чем скорее с него будет прок, тем лучше. Были сварены и выпиты — Йохимом — кое-какие зелья. Еще парня пришлось провести — или протолкать и проволочь — по черно-красным дорожкам, выведенным на каменном полу. Наконец удовлетворенный Сэйстрап залег в свой гамак, оставив Йохима отсыпаться на груде папоротника.

С рассветом волшебник снова взялся за дело. Йохиму он дал время только наспех подкрепиться — совершенно недостаточно — ягодами и

сухими кореньями, да и то так торопил, что парень едва не подавился последним куском. Затем они снова облеклись странствующим облаком и вынырнули из него неподалеку от ярмарочного перекрестка в Хилл-Дэллоу. Точнее, вынырнул из облака старик в сером суконном балахоне, ведущий в поводу горячего жеребца-двухлетку, радующего любой глаз. Кошель серебра, вырученный за него в конском ряду, приятно отяготил пояс продавца.

Покупатель отвел жеребчика домой и долго хвалился удачной покупкой. Но едва взошла луна, Йохим выбрался из конюшни, не забыв заложить за собой дверной засов. Он поспешил на дальний конец выпаса, где нетерпеливо ждал его Сэйстрап.

Такую шутку они провернули не один раз, и всегда с выгодой для себя. Сэйстрап неплохо обходился с Йохимом, хотя видел в нем больше лошадь, чем человека. И это было ошибкой с его стороны. Йохим, хоть и выглядел тупым и косноязычным, был не дурак. Он все видел и слышал и все запоминал. В глубине его души теплилась малая искорка честолюбия. В отцовском хозяйстве нечему было раздуть эту искорку. В крестьянских делах брат запросто его опережал. Но здесь был

Иной мир.

Затем случайно Йохим узнал то, чего не знал даже Сэйстрап: заклинания не всегда были связаны с произнесенными словами.

Хозяин отправил его собирать травы в дикой местности, где почти не бывало людей. Зато там хватало мохнатых четвероногих охотников, протоптавших немало троп. Йохим обрадовался одиночеству под открытым небом, пусть и в такой глуши. Он никогда не думал, что станет так скучать по отцовским полям. Очень уж давно ему не случалось поваляться, любуясь облаками, и помечтать, как бы разжиться волшебным кладом или оказаться отпрыском знатного рода.

Впрочем, в тот день его занимали не мечты и не облака, а ремесло Сэйстрапа. Мысленно он повторил слова, которые, как он слышал, колдун использовал в заклинаниях. По крайней мере, заклинание превращения парень к тому времени запомнил, как собственное имя. Он встрепенулся, заслышав шум, — и взглянул прямо в желто-зеленые глазища снежного кота. Зверь вызывающе зашипел, и Йохим понял, что встретил смерть на четырех лапах. Это заставило его сосредоточиться — он сам не взялся бы объяснить как и на чем.

Снежный кот пропал. На камне сидела амбар-

ная крыса.

Йохим вздрогнул. Он потянулся на ощупь проверить, не мерещится ли ему, но крыса с писком шмыгнула прочь. Уж не проделки ли это Сэйстрапа? Может, пугает, чтобы не отлынивал от работы? Впрочем… был еще один способ проверки. Йохим оглядел себя. Рискнуть? Он снова задумался.

Мягкий мех, когтистые лапы… он сам обернулся снежным котом! Еще не до конца поверив, он запрыгнул на гребень холма. Потом остановился перед скальной вершиной и, испугавшись собственного поступка, снова подумал о себе как о человеке.

Но скоро страх перешел в гордость — впервые в жизни обоснованную. Он волшебник! И это еще не все. Для настоящего волшебника одного заклинания маловато. Надо учиться, учиться дальше, а от Сэйстрапа пока скрыть свою тайну. Всю дорогу до пещеры его глодали сомнения — сумеет ли?

Одна беда: Сэйстрап теперь не испытывал на нем других заклятий. А те крохи, что Йохим выловил из рассеянного бормотания хозяина, вовсе не помогали. Сэйстрап весь ушел в подготовку величайшего в его жизни превращения.

— На ярмарке в честь урожая в Гарт-Хайгисе

можно хорошо подзаработать, — объяснял он Йохиму, хвастая перед подмастерьем своей хитростью. — Жаль, я не сумею превратить тебя в сундук с драгоценностями: мог бы распродать по частям многим покупателям. Только вот, когда заклятие сойдет на нет… — Он недобро усмехнулся и ткнул Йохима под ребра своим волшебным жезлом. — Ты окажешься разбросан по разным зáмкам и едва ли сумеешь собраться заново.

Он глубоко задумался, стал водить длинным ногтем по зубам.

— Я тут подумал… — Он оценивающе смерил Йохима взглядом. — На корову только крестьяне польстятся. А лошадьми мы слишком давно торгуем, как бы там не попался кто-нибудь слишком памятливый. — Он пристукнул по камню кончиком жезла. — Ага! Обученный охотничий сокол — вот что распалит жадность в глазах любого лорда!

Йохиму стало не по себе. Правда, до сих пор все трюки Сэйстрапа проходили гладко. Когда кончалось действие заклятия, Йохим без труда освобождался из стойл и конюшен. Но господские замки охраняются крепче, не так легко будет сбежать. Тут он припомнил свою тайну. Пусть он по истечении срока перестанет быть соколом

— это еще не значит, что в нем легко распознают человека.

В Гарт-Хайгисе устраивалась одна из главных ярмарок. Йохим в облике сокола на седельной луке Сэйстрапа жадно глазел по сторонам. Торговцы любовались прекрасной птицей, приценивались. Но волшебник так задрал цену, что все только головами качали, разве что один-двое решились пересчитать серебро в кошельках.

Незадолго до полудня к Сэйстрапу подскакал всадник со значком лорда Танхеффа: крест-ключ.

— Птица хороша — достойна соколятни моего господина. Лорд хочет на нее взглянуть, достойный сокольник!

И Сэйстрап вслед за слугой поехал в поле, где для удобства знати расставили палатки. Туда подзывали и купцов, чей товар кому-то приглянулся.

Лорд Танхефф был человек немолодой и не имел наследника, который бы поднял щит после него. Зато его дочь, леди Джулайя сидела от него по правую руку. Богатая наследница привлекала немало молодых господ, добивавшихся ее внимания. Она же, по обыкновению, никого особо не выделяла.

Она была маленькой и худенькой. Если бы не

наследство, никто не назвал бы ее красавицей. Зато улыбка ее согревала сердца мужчин (даже тех, кто не забывал о золоте и землях за этой улыбкой), и глаза ее смотрели на мир с живым любопытством. Йохим раз взглянул на нее и больше ничего, кроме нее, не видел.

И Сэйстрап тоже. Его вдруг осенила мысль, что, кроме многосложных заклятий, существуют другие средства стать хозяином замка. Например, через брак. Он в себя верил: если только его допустят к даме, он ее завоюет. Разве он не волшебник, разве сравнятся с ним в тонкости толпившиеся вокруг нее воздыхатели?

Задуманное мошенничество он тоже принимал в расчет. Если проданный им сокол якобы случайно улетит, появится повод явиться на глаза дамы, возвращая беглеца. Такой предлог откроет ему все двери.

— Отец, какой сокол! Царственная птица! — вскрикнула госпожа Джулайя при виде Йохима.

Тот надулся от гордости. Она видит его лишь птицей, и то восхищается! Но очень скоро парень приуныл. Увидев его настоящий облик, девушка бы наверняка отвернулась.

Лорд Танхефф тоже залюбовался соколом и быстро сторговался с продавцом. Но Сэйстрап,

пересаживая птицу на перчатку сокольника, успел шепнуть:

— Ночью возвращайся поскорей!

Йохим так засмотрелся на Джулайю, что едва расслышал приказ. Он думал о другом: как бы, превращаясь, наколдовать себе такой облик, чтобы открыл ему путь к госпоже. Впрочем, долго любоваться ему не дали — унесли в соколятню. Йохима оставили на жердочке, закрыв глаза капюшоном, как всегда оставляют птиц осваиваться на новом месте. Он слышал беспокойные шорохи других соколов и шум за́мка за стеной. И не понимал, чего ждет от него Сэйстрап. Разве в человеческом облике отсюда выберешься? Может быть, волшебник собирается прикрыть его колдовством?

Йохим не ошибся. Волшебник понимал, что замковая соколятня — не крестьянский амбар. И не надеялся, что его помощник сумеет выбраться своим умом. Он уже обдумал способ освободить Йохима, притом так, чтобы никто не заподозрил чар ни здесь, ни при обольщении леди Джулайи. И сейчас Сэйстрап сидел в кустах под стеной замка.

Но к закату собрались тучи, и стало ясно, что луна не покажется. Значит, Сэйстрапу придется

обойтись без лунного волшебства, зато он надеялся, что надвигающаяся гроза придаст силы его чарам. Если бы не сомнения в благополучном превращении Йохима… вот уж что никогда прежде его не заботило. Если бы не план завоевания леди Джулайи, судьба парня вовсе не волновала бы волшебника. Дураков хватает, а волшебник должен заботиться о собственной шкуре. Лорд Танхефф, если заподозрит колдовство, способен нажаловаться какому-нибудь крупному волшебнику и попросить защиты. Сэйстрап, хоть и высоко себя ценил, прекрасно представлял, чем это кончится.

Ему не сиделось на месте. Он то и дело расхаживал взад-вперед, прикидывал, много ли прошло времени. Поспешить так же опасно, как опоздать. Заклятие странствующей тучи долго не держится. А если Йохим не сумеет укрыться под ее покровом с первого раза, на второй в ту же ночь Сэйстрапу не хватит сил. Волшебник грыз ногти и проклинал начинающийся дождь.

Тот же дождь загнал под крышу обитателей замка. Йохим в соколятне услышал шаги и разговор сокольника с помощником. Близилось время превращения. Он переступил по жердочке, зазвенев привязанными к путам бубенцами. Шаги

приближались, а тут и срок подошел.

Он вдруг оказался на собственных человеческих ногах, заморгал от света фонаря в руке сокольника. Тот уже разинул рот, сейчас закричит. Йохим надумал себе новое превращение.

Снежный кот зарычал, припадая к земле. Сокольнику хватило присутствия духа, чтобы швырнуть в зверя фонарем, а уж потом пуститься наутек. Йохим прыжками ринулся за ним. Только пока орущий сокольник ломился в одну дверь, Йохим юркнул в другую, надеясь выбраться к замковой стене.

Перепрыгнуть через эту стену нечего было и думать, но он взлетел вверх по лесенке, ведущей на узкую дорожку по гребню. Люди с криками бросали вверх факелы, один чуть не подпалил ему шкуру. Йохим сбил с ног занесшего копье стражника и проскочил дальше. Впереди собрались другие, с луками. Он подумал…

На стене больше не было кота — ни следа. Стражники повалили вперед, принялись тыкать копьями в каждую тень. Исчезновение зверя не укладывалось у них в головах.

— Колдовство! Скорей известите лорда! Здесь колдовство!

Часть их по двое, по трое начали обходить

стену — никому не хотелось остаться наедине с чарами. Гроза разбушевалась, стену заливало водой. Сильный поток подхватил незамеченное людьми золотое колечко, снес его в водосток, а оттуда покатил по мягкой земле крепостного садика, где леди Джулайя со своими прислужницами растила цветы и душистые травы. Колечко осталось лежать под обвисшими от влаги ветками розового куста.

Лорд Танхефф, выслушав доклад сокольника и стражников со стены, согласился, что сокол наверняка был заколдован и, стало быть, какой-то чародей нацелился на его замок. Он тут же отправил гонца — пусть скачет день и ночь и призовет на помощь живущего по соседству почтенного волшебника — недаром же ему платили вперед как раз на такой случай. А всех обитателей замка известили, что до возвращения гонца ворота не откроются.

Сэйстрап услышал новости утром на ярмарке — там все подозрительно косились на соседей и торопились с отъездом, хотя ярмарке было еще далеко до закрытия. Как знать, чего ждать от разбушевавшейся магии? Лучше хоть с тощим кошельком, да подальше. Лорд послал за колдуном — а когда магия столкнется с магией, не жди

добра, с каждым может случиться что угодно. Магия никого не щадит.

Сэйстрап, впрочем, пока не отказался от своих планов на леди Джулайю — уж больно расчет был хорош. Доводы здравого смысла его не смущали. Так что он нашел себе укромное местечко и там составлял новые планы, отбрасывая один за другим как негодные.

Леди Джулайя, прогуливаясь в своем саду, наклонилась расправить примятые дождем розы и заметила блеск. Из любопытства она копнула землю, и колечко будто само собой скользнуло ей на палец.

— Ты откуда?

Она подняла руку к влажному утреннему свету, полюбовалась украшением. И удача ее тоже радовала. Никто из ее девушек не признал потери, и она в конце концов решила, что кольцо много лет пролежало в земле, пока его не вымыл вчерашний ливень. И решила оставить находку себе.

Прошло два дня, за ними еще три. Гонец не возвращался. Лорд Танхефф не позволял открывать ворота. Ярмарочное поле пустовало. Обтрепавшийся в своем лесном укрытии, Сэйстрап до мяса сгрыз себе ногти. Он бы давно покинул свое тайное убежище, если бы не безумное упрямство.

А в женской башне никто не замечал, что кольцо, едва госпожа ложится в постель, соскальзывает с ее пальца. И превращается в мышку, подкрепляющуюся крошками со стола. Йохим понимал, что затеял опасную игру. Куда как разумнее было бы отрастить крылья и стрелой умчаться из замка. Но ему было не расстаться с Джулайей.

Леди Джулайя наслушалась вдоволь лести от кавалеров, но ум и чувство юмора помогли ей сохранить голову на плечах. Она была добра и любезна. Йохим уже не раз решался принять истинный облик и поведать ей свою историю. Но госпожа редко оставалась одна, а когда оставалась, ему не хватало духу. Кто он такой? Беспутный мужлан, по глупости и неуклюжести не способный даже пахать поле и двух слов связать не умеющий. Она только взглянет на него — мигом кликнет стражу. А разговор! Его же попросту не поймут!

В первую же ночь он не остался до утра мышкой, а вышел на балкон и, превратившись в человека, присел на корточки в самой густой тени. Он размышлял, почему ему так трудно даются простые человеческие слова. Он пытался шепотом, ломая язык, повторить странное бор-

мотание Сэйстрапа. Он не думал наводить чары, просто хотел услышать собственный голос. И к рассвету третьего дня с радостью почувствовал, что речь его стала внятной, как никогда.

Засевший в лесу Сэйстрап наконец придумал, как проникнуть в замок. Ему бы хоть ненадолго остаться с дамой наедине, а там уж он навяжет ей свою волю и заставит исполнить любое его желание. Волшебник видел выезжавшего из замка гонца и понимал, что тот вскоре приведет помощь.

Ворота замка были закрыты, но над стеной летали птицы. В башнях и под карнизами крыш гнездились голуби. На четвертый день Сэйстрап отрастил себе перья и присоединился к голубям. Те кружили и кувыркались, ворковали, заглядывали в окна, прохаживались по подоконникам и балконам. Леди Джулайя насыпала им зерна в своем садике, и Сэйстрап не замедлил откликнуться на призыв — опустился прямо ей под ноги.

Колдовство — это такое дело: стоит замешаться в него хоть на ноготок, и вы уже знаете много больше простого смертного. Йохим-колечко узнал в голубе Сэйстрапа. Первым делом он решил, что хозяин ищет его. Но сразу заметил,

как голубь, выхаживая перед госпожой, плетет своими следами фигурные чары, опутывая ими ноги леди.

Что будет, когда он закончит, Йохим не знал, но опасался худшего. Поэтому он скатился с пальца своей госпожи и выкатился прямо на линию, столь тщательно выведенную голубиными лапками.

Сэйстрап узнал кольцо с первого взгляда. Йохим был для него совсем лишним, хоть волшебник и удивился, увидев бестолкового ученика в таком обличье. Впрочем, не стоило хвататься разом за два дела. Если сейчас спутать или прервать заклинание, другого случая может не представиться. С Йохимом он разберется потом, когда добьется своего. И голубь ловко отбросил колечко клювом.

Йохим отлетел за розовый куст. И снова прокрался к дорожке, на сей раз в виде бродячего кота на бархатных лапках. Один прыжок — и голубь забился у него в пасти.

— Брось его, злой зверь!

Леди Джулайя замахнулась на кота. Йохим, не выпуская голубя, увернулся и выбежал на крепостной двор.

Но там оказалось, что в зубах у него не голубок,

а пес вдвое больше него ростом, мигом вывернувшийся из кошачьей пасти. Кот, спасаясь, вскочил на бочку и вырастил себе крылья, клюв и когти. Снова ставший соколом, Йохим закружился над исходившей слюной собакой.

Только это была уже не собака, а тварь прямиком из кошмара — чешуйчатая, с кожистыми крыльями посильнее крыльев Йохима и со зловеще заостренным длинным хвостом. Тварь взмыла в небо, нацелившись на сокола.

Может, в простой гонке Йохим ее бы и обогнал. Но он чуял, что Сэйстрап явился в замок не за отлынивающим подмастерьем. Ему нужна была леди Джулайя, а значит, предстоял бой, а не побег.

От чудища било такой сосредоточенной силой, что Йохим ослабел. В колдовстве он был не ровня Сэйстрапу. Отчаянным взмахом крыльев сокол добрался до крыши башни леди Джулайи и покатился по крутому скату, снова став человеком. А над ним кружил грифон, с удовольствием предвкушая смерть ученика на каменных плитах внизу.

Йохим все силы вложил в одну последнюю мысль.

Он упал с башни серым камешком. Таким ма-

леньким и темным, что ускользнул от взгляда Сэйстрапа. Ударившись о мостовую, камешек закатился в трещину.

Между тем Сэйстрап задумал обратить поражение в победу. Он спикировал к земле и схватил Джулайю, чтобы унести ее из замка. Камешек выкатился из трещины и встал на ноги человеком. Йохим с голыми руками бросился на чудовище. Слова у него в этот раз вышли громкими и ясными, так что встречное заклятие вернуло Сэйстрапа к истинному облику. Йохим кинулся на колдуна и свалил его наземь, одной рукой зажимая ему рот, чтобы он не выговорил новых заклятий.

Тут-то и подскакал гонец в окружении тех, кто не побоялся (с безопасного расстояния) наблюдать за борьбой колдунов.

Лорд Танхефф из дверей главного зала, куда он затащил свою дочь, выкрикнул приказ. Гонец опрокинул на драчунов привезенную с собой коробочку (обошлась в один рубин и два топаза средней величины). Полыхнула молния, прогремел гром. Йохим вывалился из клуба дыма, шаря перед собой руками, как слепой. В другую сторону шмыгнул жирный черный паук, тут же склеванный петухом.

Замковая стража, обрадовавшись, что можно отыграться за весь переполох на более или менее обычном человеке, схватила Йохима. Но леди Джулайя властно приказала:

— Оставьте его в покое! Это он заступился за меня перед чудовищем. Пусть скажет, кто он такой.

«Пусть скажет… — с отчаянием повторил про себя Йохим. — Но я же не умею». Он взглянул на госпожу и понял, что должен хотя бы попытаться. Он еще водил языком по губам, когда она ободряюще попросила:

— Прежде всего, назови себя.

— Йохим, — кое-как выдавил он.

— Ты волшебник?

Он покачал головой:

— Совсем чуточку, госпожа моя.

Ему так хотелось открыться ей, что парень забыл о своем косноязычии, да и обо всем прочем, кроме истории, которую ему так хотелось рассказать. Она вылилась из него потоком слов, вполне разборчивых.

Когда он закончил рассказ, леди, захлопав в ладоши, вскричала:

— Прекрасная, героическая повесть. За такой подвиг объявляю тебя равным себе. Волшебник ты или половина, треть или четверть волшебни-

ка, Йохим, но мне хотелось бы познакомиться с тобой поближе.

Он робко улыбнулся. Волшебник из него, пожалуй, не вышел, но заслужившему похвалу леди Джулайи было чем гордиться. На сей раз удача ему улыбнулась. Но если он и дальше станет путаться с колдовством, может ведь и отвернуться.

Он сделал мудрый выбор — не последний из множества, предстоящих ему в будущем. В этот час Йохим твердо встал на путь к успеху и пошел по нему, не оступаясь и не сворачивая.

А вот петух измучился от боли в животе и выплюнул склеванного паука. Никто не знает, сильно ли повредила тому эта встреча с насмешливой судьбой, потому что Сэйстрап с тех пор куда-то пропал.

Гнев оборотня[13]
Рассказ

— Мясо для Кроби! Мясо для Кроби!

Та, что звалась прежде леди Тра, а теперь стала потемневшим скелетом, словно обглоданным стервятниками, в ответ хрипло зашипела и вонзила кулак в грязь у подножия лесного дерева на краю опушки. Острый камень врезался ей в ладонь. Она обрадовалась боли, заставив себя смотреть вниз, на долину, где мужчина, скорчившись, уходил навстречу смертному покою.

Ринард — застенчивый, немногословный, крепкий, если не умом, так телом, — один из горстки бойцов, вырвавшихся из захваченного Ланфорта и прикрывавших ей спину. Теперь он, последний из них, пал от рук надменных жестоких северян, которым ни к чему были новые беженцы — со-

---

[13] Примечания: 13
Перевод Г. Соловьевой.

перники в местных войнах и разбое. Она осталась совсем одна.

Бегущая черная гончая на кроваво-красном поле — она запомнит этот герб. О, да, она сохранит его в памяти, и однажды… Рука крепко стиснула камень, принимая боль как скрепление клятвы, хотя на исполнение ее было немного надежды.

Спасение ей сулил один только лес. От открытых полей ее отрезали. Лес был густой, темный, да еще тучи собирались к грозе. Она встала, поудобнее пристроила пояс с мечом и встряхнулась, поправляя заплечный мешок.

По слухам, и в этой угрюмой темной чаще кто-то жил. Но о таких лесных жителях мало кто отзывался по-доброму. Впрочем, она видела больше зла от людей, пропахших огнем и кровью, а сумрак за опушкой обещал укрытие.

Еще она слышала, что люди чураются этого леса. Вот и хорошо. В душе она и себя чувствовала чужой своему роду, а из всех зверей больше всего боялась человека.

Ее лицо в тени обшитой металлическими колечками шапки заострилось, о чистом белье она давно забыла, мир ее был жестоким миром. Однако под ноги легла тропа — узкая полоска, отмеченная кое-где отпечатками копыт и лап, но

без следа сапог.

Тишина навеяла ей странные мысли. Да, лес предлагал укрытие, но обладал и собственной потаенной жизнью, и Тра все оглядывалась через плечо, высматривая затаившихся, следящих. Беспокойство обострялось с каждым шагом, и она напряженно вслушивалась, ожидая шума погони.

Между тем тропинка расширилась, и впереди, несмотря на тучи и древесный сумрак, забрезжил свет. Она вышла на поляну — два огромных дерева рухнули и лежали бок о бок: одно безнадежно запуталось ветвями в вывернутых корнях другого.

К этому сплетению корней и веток жалась хижина — грубая, но крепкая, с выложенными из камня стенами, и крыша ее казалась надежным укрытием от бури.

Справа от хижины из того же камня кто-то выложил чашу, куда, журча, вливался ручей, — обнадеживающее зрелище для пропыленной с головы до ног путницы с пересохшей глоткой.

Тра из-за кустов изучала открывшуюся хижину. Над крышей поднималась примитивная труба, но дымом даже не пахло. По бокам покрытой корой двери виднелись две темные прорези не

шире ее ладоней — но жизни за ними она не чувствовала.

К ней витками спустилась большая бабочка с обведенными траурной полоской золотыми крыльями. Из травяных зарослей взметнулся серый зверь, но опоздал. Только когда промахнувшийся охотник приземлился, Тра узнала в нем кота.

Он устроился на поваленном стволе и, задрав заднюю лапу, стал деловито умываться, всем видом показывая, что до бабочек ему нет никакого дела. Тра невольно потянулась к нему, шагнула на открытое место. Кот выглядел сытым, значит в доме кто-то живет. Прервав умывание, кот задумчиво взглянул на нее. В мыслях Тра…

«Двуногое… новое двуногое», — неодобрительно прозвучало у нее в голове.

Нельзя сказать, что ее так уж поразило это вторжение. С первого шага в этот лес она ожидала чего угодно. Лес жил своей жизнью. И все же… Она кончиком языка облизнула губы. Трудно смириться с тем, что надо обращаться к этому мохнатому существу как к одному из своих сородичей.

Кот, переводя взгляд с нее на хижину, помог ей решиться.

— Здесь кто-то живет? — хрипло выдавила

Тра.

«Логово пустует… пока».

Она глубоко вздохнула. Ответил! Придвинувшись к чаше с водой, не снимая руки с рукояти меча, она другой ладонью зачерпнула воды и напилась свежей влаги.

Кот не сводил с нее взгляда, пока она доставала флягу из мешка, выливала мутные остатки воды и наполняла ее заново. Позаботившись о будущем, Тра поджала ноги, уселась лицом к коту. Что-то такое было в этой поляне, что исподволь успокаивало и тело, и душу. Вдохнув принесенный ветром запах трав, Тра зевнула — и спохватилась.

Не колдовство ли ее убаюкало? Слишком долго она бежала от врагов, чтобы кому-то или чему-то довериться. Она встала, пошла к хижине, все поглядывая искоса на кота.

Тот ничем не выказывал враждебности — не прижимал уши, не шипел. Тра ладонью надавила на дверь — на ней даже веревочки не болталось, не за что было взяться. Зато от легкого нажима створка качнулась внутрь.

Тучи тучами, но свет, пролившийся в дверь, лег ей под ноги как ковер. Всего одна комната. Справа грубый очаг. Дощатый топчан. Над ним полка.

И еще ящик или сундук — из выдолбленного бревна. И еще полки, на которых стояли кружки и миски, одни деревянные, другие — кривобокие — образчики гончарного ремесла.

Один предмет обстановки притянул ее взгляд, заставив забыть обо всем. Все прочее здесь было неуклюжим, сляпанным вкривь и вкось. А этот высокий шкаф словно попал сюда из богатого замка. Резьбу по красноватому дереву делал искусный художник, резцом которого руководил не точный план узора, а захватившая его история. Резьба скрывала стыки, Тра не заметила ни дверных петель, ни щелей. Рамы квадратных панелей составляли гирлянды из листьев, и внутри каждой панели умещалась целая картина. Некоторые из крошечных человечков, изображенных резчиком, были не больше ее ногтя. Вот скачет охота — собаки, всадники. А их добыча…

Тра наклонилась, всмотрелась. Резьба была ясной даже в полутемной хижине. Беглец сутулил плечи, и голова его показалась ей не совсем человеческой.

Тра вздрогнула. В Гриире рассказывали немало старых сказок. Люди, мужчины и женщины… в старину они делили эти земли с… Иными. Этот беглец был чем-то похож на нее — но и отличался.

Тра поспешно обратилась к следующей картине. Здесь он бежал на четырех ногах, верхние конечности обросли шерстью, руки стали лапами.

А верхняя панель? Тра выпрямилась в полный рост. Лесная поляна и пруд, над которым склонился обнаженный юноша. Опираясь на руку, он, как в зеркало, гляделся в водную гладь. Так велико было искусство мастера, что Тра нисколько не усомнилась в сходстве картины с натурой. Вся сцена дышала миром и довольством.

Однако на соседнем квадрате юноша вскинул голову, будто прислушивался. На следующем началась охота. Лающая свора была вырезана так живо, что ей послышались крики:

— Взяли след! Гони! Гони!

И юноша у пруда менялся. Странное дело, переходя от картины к картине, Тра не находила в себе ни боязни, ни отвращения к его перемене. Скорее уж сочувствие, как к любому гонимому. На него охотились — так же как на нее недавно. Тра поймала себя на том, что ковыряет ногтем переднюю гончую, словно желая стереть собаку с картины. Теперь она присела на корточки, чтобы лучше видеть финиш, не замечая, как часто бьется сердце, как прерывисто она дышит, словно сама спасалась вместе с беглецом.

Резкое шипение оторвало ее от последней картины. Кот, стоя в открытом проеме дверей, тоже разглядывал резьбу. Тра снова перевела взгляд на резной шкаф. В последнем квадрате беглец вскинул лапы, отчаянно цепляясь когтями за нависшую ветвь.

— Двуногий? — вслух спросила Тра, повторяя данное ей котом наименование, — или четвероногий?

«То и то… и не то…»

Ответ не замедлил, но остался непонятным. Кот смотрел на резьбу.

— То и не то?

Тра сдвинулась, чтобы видеть правую стенку шкафа. Но на ней, вопреки ожиданиям, не было продолжения охоты. Вместо него она увидела маленькую, но глубоко врезанную внутренность комнаты — как если бы она, великанша, заглянула в окно человеческого жилища. Здесь не было ни охоты, ни даже мирного отдыха.

Вместо всего этого — лежащая на кровати женщина в окружении служанок. Одна подкладывала дров в очаг, под висящий чайник. Картина была так подробна, что девушке послышалось бульканье закипающей воды. Художник смело изобразил роды.

Тра торопливо отыскала следующую панель. На этой младенец уже родился и его показывали матери. Только вот все лица, даже материнское, выражали ужас и отвращение. Так встретить ребенка… почему? Тра поспешила к следующему квадрату. Здесь появился мужчина — знатный, судя по богатой одежде. Лицо его было сурово, и явно по его приказу одна из служанок укладывала запеленатого младенца в тростниковую корзину.

Четвертая сцена: охотник, если судить по одежде и снаряжению, верхом на пони, на каких возят охотничью добычу. Всадник, склонившись с седла, принимает у няньки корзину, а суровый мужчина наблюдает со стороны.

А тут лес — искусство резчика сделало его именно таким, какой теперь окружал Тра, темным и таинственным. И охотник, снова склонившись с седла, опускает корзину в заросли.

До сих пор суть повествования была ей ясна. Даже к ним на юг, где жизнь тогда была легче, доходили мрачные старинные легенды. Мужчина не убьет дитя своей крови, но нежеланных младенцев оставляли в глуши — избавлялись от них, не представив роду. Да, так могло быть. Тра вернулась немного назад. Ужас… да, он был даже на лице матери. Видно, в младенце распознали

чудовище.

Оставили на произвол судьбы, и что же дальше? Тра обвела пальцем лозу, обвивавшую исполнившего жестокий приказ охотника. От какого-то дефекта слой дерева здесь был темней других, и художник воспользовался этим, чтобы добавить картине мрачности.

А вот на следующей… из кустов показалось лицо — или любопытная звериная морда?

Человек, животное… или то и то? На следующей панели любопытный вышел на открытое место, и смесь стала очевидна. Мохнатая звериная голова с острыми ушами на человеческих плечах, и под ними — полные женские груди.

Та, что показалась из укрытия, в следующей сцене стала больше похожа на человека. Она подносила младенца к груди, и его ротик жадно тянулся к соску. На зверином и все-таки почти человеческом лице женщины выражалась мирная радость.

На следующих картинах младенец подрастал под опекой приемной матери, жил мирно и благополучно. До последней сцены, в которой мальчик, уже достигший возраста между отрочеством и зрелостью, стоял над скорчившимся на земле телом — телом, пронзенным беспощадной

стрелой.

Так он лишился матери, а потом — на передних панелях — и на него началась охота. Тра и не заметила, когда мрачно стиснула челюсти, когда ее рука снова потянулась к рукояти меча. Что же на другой стенке?.. Она поспешила туда.

И здесь витые гирлянды разграничивали деревянные панели, но эти были пусты, кроме одной. На самой первой виднелось несколько царапин — первый набросок незавершенной картины. Тра прищурилась, чувствуя себя обманутой: сказка оборвалась на самом интересном месте. Она досадливо стукнула кулаком по бессмысленным царапинам.

Кулак ударил по дереву неожиданно звонко, и почти незаметная дверца шкафа медленно приоткрылась. Свет! Ошеломленная Тра даже вообразила поначалу, что внутри горит факел. Затем она увидела, что свет исходит от гладко отполированных деревянных стенок. Ноздри ее уловили приятный запах — аромат травяной отдушки для чистого белья.

Внутренние стенки были светлыми, как старая кость. Ни намека на плесень или пыль. И Тра, как ни старалась, не обнаружила ни петель, ни задвижки.

Но ее вниманием завладело содержимое шкафа. На боковых стенках, на высоте ее плеч, были вбиты два колышка. На одном висел меч. Рукоять, не украшенная ни одним самоцветом, выглядела костяной, как и внутренние панели. Навершие рукояти изображало голову — опять же не человеческую и не звериную. Клинок скрывали простые ножны, а пояс из белой кожи был украшен цепочкой мелких желтых камней.

Второй пояс петлей висел напротив. Этот был из гладкого черного меха, густого и шелковистого, блестевшего, как шерсть ухоженного чистоплотного зверя. Шириной он был почти в четыре пальца, и, хотя на нем не висело никакого оружия, на большой пряжке для его крепления было такое же изображение, как на рукояти меча. Только здесь человеко-зверь рычал, скалил кривые клыки, готовые рвать и терзать.

На темном металле пряжки играли переливы света — красные и оранжевые отблески огня, голубой лед, золото заката.

Тра протянула руку в глубину шкафа, но тут же отдернула — пальцам стало больно, по ним побежали колючие мурашки. Здесь присутствовала непонятная ей защита.

Сила… сила клинка, страшная в обученной

владеть таким оружием руке. И еще другая Сила, непонятная, но пугающая. Давно ли все это висит здесь, ожидая… кого?

Гладкая стенка шкафа не давала ей покоя. Тра вся дрожала — лучше бы ей никогда не сталкиваться с такими тайнами. И все же хижина была убежищем. Беспокойство пока что не набрало такой силы, чтобы выгнать ее за дверь. Здесь пахло…

Тра поискала слово. Ожиданием! Да, вот оно. Все здесь ждет — но не ее, кого-то другого… кого же?

Она невольно стала искать глазами кота. Тот уже не выглядел спокойным. Свет, лившийся в открытую дверь хижины, угасал. Ранние сумерки или непогода? Кот, глядя в проем, медленно поводил хвостом из стороны в сторону.

— Четвероногий… — начала Тра, и кот мгновенно обернулся к ней. — Кого ты ждешь?

«Ждешь? — Кот чуть поднял голову. — Две ноги, четыре ноги… проходят в свой срок».

— А ты остаешься?

«Я остаюсь», — мысленно согласился он.

На резных картинах кота не было. И все же Тра не сомневалась, что зверь как-то замешан в их тайну. Хижина выглядела давно покинутой.

— Кем?

На сей раз ее голос прозвучал неестественно громко, но он не заглушил раската грома. Надо хотя бы переждать грозу. Тра сбросила с плеч мешок.

Если она ждала ответа на свое восклицание, ожидания были обмануты. Кот снова отвернулся, высматривая наползающий ливень. Тра, привычная устраиваться в любых обстоятельствах, обошла сидящего зверя, поспешно нарвала травы, наломала тонких веток на постель. Эту ночь она проведет с удобствами, каких давно не знавала.

У очага были сложены покрытые пылью поленца, и она развела огонь. Доброе пламя отчасти разогнало ощущение чуждости. Гром усиливался, молнии били так близко, что зарницы, казалось, просвечивали хижину насквозь.

Когда хлынул дождь, Тра закрыла дверь. Язычки огня поднимались всего на пядь, зато внутренность открытого шкафа в сумраке испускала ровное свечение.

Кот так и замер, обратившись мордой к двери. Тра охватило ощущение, что они ждут какого-то зловещего события. Чтобы успокоить мысли и унять дрожь в руках, она выудила из мешка остатки своего походного рациона. Два дорож-

ных пирога, твердых, как камень. Она рукояткой кинжала отбила уголок. Кроме этого, в ее запасах была короткая колбаска из жесткого вяленого мяса — его она нарезала тонкими ломтиками.

Она взяла с полки глиняный горшок, покрошила пирог и мясо в воду, надеясь что получившееся месиво на вкус окажется съедобнее, чем с виду. Тра, как могла, затягивала стряпню, а кот не обращал на нее ни малейшего внимания.

Ярость бури понемногу убывала. Тра слышала вдалеке шум — может быть, от падения деревьев-великанов. Она жалась к огню, протягивала к нему обожженные солнцем руки, хотя дрожала не столько от холода, сколько от тревожного ожидания.

В конце концов она вытащила из ножен и меч, и нож, пристроила их под рукой, потому что насторожившийся у двери кот добавлял ей беспокойства. Она и сама устроилась так, чтобы видеть дверной проем. И попыталась даже передвинуть шкаф, загородить им дверь, но тяжесть оказалась ей не по силам.

Она пальцами выгребла неаппетитную кашу — немногим хуже, впрочем, чем все, что ей приходилось жевать в последнее время. Отставив миску в сторону и сцепив руки на коленях, она

стала ждать. И вскоре разыгравшееся воображение заставило ее спросить вслух:

— Кто идет?

Кот впервые взглянул ей в глаза:

«Долго ждал, может, придет наконец. Ты возьмешь тот меч, двуногая?»

Он как бы кивнул на висевшее в шкафу оружие.

— У меня своя сталь. — Тра тронула ладонью клинок. — Кто идет или что? Скажи мне, четвероногий.

Кот теперь смотрел только на шкаф.

«Там висит Сила».

— Все равно я буду держаться того, что знаю, — упрямо повторила Тра.

Вот так перебрасываться мыслями с котом — уж не овладела ли ею в этом зловещем лесу какая-то гибельная лихорадка, или ее и впрямь околдовали? Несколько последних лет она обучалась терпению в суровой школе, и теперь одно терпение могло ей помочь.

Чувство инакости, не оставлявшее ее под здешними деревьями, стало острее, хотя гроза, кажется, отступала. Кот не выказывал страха — но, может быть, то любопытство, которое люди приписывали этому животному, подбивало

его выжидать, пока она запутается в какую-то паутину?

Может, Тра не очень-то хорошо знала лес, зато не раз несла ночную вахту, насторожив слух и зрение, и сейчас не могла ошибиться. Снаружи кто-то был. Она услышала слабое, но явственное сопение, словно кто-то обнюхивал снаружи щель под дверью.

Она встала, взяла в руки меч и, хмуря темные брови, сместилась так, чтобы шкаф прикрывал спину от того, кто ворвется в хижину. Губы на ее исхудавшем лице растянулись, она готова была зарычать, точь-в-точь как ее мохнатый приятель. Однако кот смотрел на дверь без страха и без злобы.

Снаружи больше не принюхивались, но Тра так же верно, как если бы видела сквозь дверь, знала, что пришелец еще там. Выжидает, как и кот.

— Ты говорил о Силе, — сказала она. — Там, за дверью, клык и коготь?

«Может быть».

Кот неожиданно метнулся мимо нее прямо в шкаф. Он поймал зубами свисавший меховой пояс, но стащить его с колышка вешалки не сумел.

Тра, сама не зная, правильно поступает или глупо и безрассудно, наперекор предостерегаю-

щему покалыванию в руке просунула ее внутрь и освободила меховую полоску. Ей почудилось, что мех выгнулся под ее прикосновением, словно животное, ищущее ласки.

Пояс выпал вместе с вцепившимся в него котом, и тот немедля поволок добычу к двери. Хочет отдать тому, кто притаился снаружи? Тра шагнула к двери, направив меч на кота.

— Не знаю, что за игру ты затеял, — проговорила она, — но здесь я хозяйка…

«Ты только посланница. — Мысль врезалась ей в мозг лезвием ножа. — Хозяин здесь один!»

Ей нетрудно было пронзить животное мечом или отшвырнуть пинком. И не было никаких причин выпускать его к пришельцу из леса. Просто Тра еще не научилась полагаться на одну грубую силу. И потому отодвинулась вдоль стены, чтобы ее не видно было сквозь открывшуюся дверь, в которую тут же ворвался сдобренный дождем ветер.

От странного вскрика снаружи у нее по ссутуленной спине побежали мурашки. Ее до ужаса тянуло посмотреть, что же там, в штормовом мраке, но она осталась на месте и только крепче сжала меч.

Кот, словно отвечая на донесшийся из-за двери

призыв, прыгнул в ночь, волоча за собой пояс. Тра ждала. Очаг давал мало света, а дверная створка загораживала обзор.

Кто-то шагнул в дом. Сейчас она могла нанести верный удар. Но едва эта мысль пришла ей в голову, кот снова метнулся к теплу огня и стал яростно отряхиваться.

Тра наморщила нос — с вошедшим в хижину проник едкий запах мокрой кожи и еще чего-то вроде мускуса, словно он давно не мылся и не стирал одежды. Да, это был мужчина, хотя всего на вершок выше нее ростом. Смотрел он на огонь и на кота у очага, но Тра не сомневалась, что он прекрасно осведомлен о ее присутствии.

Осведомлен, но не встревожен. Поняв это, она вдруг рассердилась. Пусть она женщина, пусть осталась без поддержки верных сторонников, но с ней еще следует считаться — как он сейчас убедится!

Он стоял, свесив руки, на поясе ни меча, ни даже блеска кинжала. Одет в кожу, как и она, только кожа эта сильнее потерта. На плечах, на бедрах и коленях одежда висела клочьями. Босые ноги оставили на полу грязные следы.

А его тонкую талию охватывал пояс — полоска шелковистого меха ярко выделялась среди лох-

мотьев. Волосы его свалялись шнурками, в них запутались прутики и сухие листья, словно он неделями торчал в чаще.

Тра поспешила нацелить острие меча между его тощими, как вешалка, плечами. Она уже видела таких опустившихся мужчин — на юге их было множество. Доверять им было нельзя, нельзя даже назвать их животными — животные и опрятнее, и милосерднее.

И все же он, хотя не мог не знать об угрозе, даже не повернул головы, а поспешно опустился на колени и протянул к огню обе ладони. Ей смутно припомнились коленопреклоненные люди перед алтарями. Неужто этот отверженный поклоняется огню — или тому, что огонь воплощает: убежищу, пище, теплу… добыче?

То, что он продолжал игнорировать ее, означало одно из двух: либо пришелец не один, а только первый из банды таких же отбросов, либо он обладает какими-то особыми средствами защиты и не нуждается в оружии.

В его протянутых руках ей померещилась какая-то странность — не слишком ли длинны и остры ногти? Тра нетерпеливо ждала, чтобы он повернул голову. Какое лицо она тогда увидит, человеческое или… иное?

Кот, усевшись спиной к очагу, накрыл хвостом передние лапы. Тра не вытерпела, и ее голос неестественно громко прозвучал в хижине:

— Кто ты?

Она не знала, что спросит, пока не задала этот вопрос.

Он наконец обернулся через плечо, показав свое лицо в три четверти оборота. Тра ожидала увидеть такую же свалявшуюся нечесаную бороду, но щеки его были по-мальчишески гладкими, хотя и обветрены дотемна. И черты лица были диковатыми. То ли разлетом бровей, то ли узким, выдающимся вперед подбородком. Похожие на свалявшийся мех волосы углом выдавались вниз и посреди лба почти сходились с бровями.

А глаза… зеленые, желтые или смешение двух цветов? Таких глаз она не видела ни у одного из жителей Гриира. А рот был слишком широк, и губы очень темные и блестящие. Над нижней губой торчали кончики зубов — как будто клыки.

Но лицо это, при всей его чуждости, не внушало отвращения, и Тра, вопреки ожиданиям, не заметила в нем тупости и низости. И голос, когда он заговорил, оказался низким, но спокойным, даже мягким.

— Я благодарю тебя, госпожа Ланлата…

Меч в ее руке дрогнул. Кто из северян мог знать ее под этим именем? Или он тоже беженец? Может, они когда-то встречались на каком-нибудь пиру? Нет, один раз увидев этого человека, она бы не забыла.

— Нет больше Ланлата, — резко ответила она. — И я спрашиваю: кто ты такой?

Он слегка повел руками — она не поняла значения этого жеста.

— Сам не знаю.

Жертва проигранного сражения? Она слыхала о людях, лишившихся памяти после ранения, — им, как новорожденным младенцам, приходилось заново учиться жить.

— Как ты сюда попал?

Хоть на этот вопрос он должен знать ответ, если только его поврежденная память еще способна удержать хотя бы недавние события.

— Я всегда здесь был…

Голос его замер, но мужчина продолжал с жадным любопытством разглядывать девушку. И в его ясных глазах она видела не тупую сонливость, а живой ум.

Ее меч ткнулся острием в земляной пол. Вопреки грязной одежде и дикому виду от этого человека исходила такая спокойная уверенность,

что наружность его казалась маскировкой.

Между тем его руки легли на пояс и погладили его, как гладят любимого зверька или если хотят увериться, что давно потерянное недоступное сокровище наконец вернулось.

— Всегда был? — Тра упрямо держалась своей линии.

Он покивал. Прядь волос упала ему на лицо, он ее отбросил. Поздно. У Тра перехватило дыхание. Да — ее взгляд метнулся к дверце шкафа, вернулся к этому лицу. Нет, это не беглец из ее краев. Он… Тра, прижимаясь плечами к стене, отодвинулась от него подальше.

– *Что* ты такое? — прошептала она.

И все же среди сумятицы теснившихся в голове мыслей не было страха — скорее уж удивление. Это, несомненно, был тот самый юноша с резных панелей, который бежал от охотников.

— Зачем спрашиваешь? — Вот его голос прозвучал громко и резко. — Сама ведь знаешь — если посмеешь взглянуть правде в лицо. — Он слегка кивнул в сторону открытой дверцы шкафа.

Тра кончиком языка облизнула губы.

— Я их видела… — Она тоже указала на дверцу. — Ты похож на того беглеца. Но…

Он оторвал ладонь от пояса, согнул пальцы,

освещенные отблеском пламени. На них были не человеческие ногти, а измазанные мокрой землей когти.

— Ты слышала о таких, как я?

Тра не сразу сумела ответить. Что ей старинные легенды в сравнении с *этим*? В душе она отказывалась связать дурную славу леса с этим стройным молодым мужчиной. Легенды приписывали таким, как он, грозные колдовские Силы, но в ней не было страха. Слишком много она встречала других, принадлежавших ее роду, от кого куда сильней несло смрадом чистого зла.

Он растянул губы, ясно показав теперь острые клыки, и стоял, высокий и прямой, как защитник последнего редута перед сильным врагом.

— Я оборотень.

Он словно обращал боевой клич ко всему миру в ее лице.

Тишина стала такой глубокой, что она услышала шорох занесенного в хижину листика. И все же Тра не ощущала угрозы и твердо выдержала его взгляд.

— Ты не поняла, госпожа Тра? Разве мое племя не называют у вас на юге трижды про́клятым? Разве у вас там нет запретных лесов?

Кончик ее меча вычертил на утоптанном зем-

ляном полу полузабытый знак защиты. Но разве такой отвратит ярость оборотня?

— Ты надеешься на сталь? — Его скошенные брови почти ушли под черту волос. — Но сталь, какой бы искусный кузнец ее ни ковал, против нас бессильна. Нас можно затравить собаками, но нельзя убить ни стрелой, ни копьем. Мы чувствуем боль, но не умираем — только от серебра. От серебра или… — Его руки дрогнули. — От огня.

— Но ты же греешься у огня, — возразила Тра. — Разве это не твой дом? И ты впустил в него врага — огонь?

Его широкий рот растянулся в сухой улыбке.

— В этом облике огонь мне слуга, а не господин. Ах, Темный Коготь, — обратился он к коту, — кого это ты привел? Дама не выдает страха, не дрожит, не смотрит на меня как на изгоя, хотя она ходит на…

— Двух ногах? — перебила Тра. — А как это ты, незнакомец, приветствовал меня по имени? Я недавно в этих местах и всего день в лесу.

Она все еще держалась мысли, что он мог потерять разум от ранения.

«Такой у меня Дар». — Он, как недавно его кот, внедрил непрозвучавшую мысль ей в голову.

Такое вторжение в ее разум стало для Тра

тяжелым ударом. Она сдержалась, не выдала отвращения, хотя в ней поднималась ледяная ярость.

Он больше не смотрел в ее сторону, а придвинулся ближе к шкафу и рассматривал висящий там меч. Но если оружие ему и принадлежало, как этот пояс, оборотень не протянул к нему руки. Может быть, так долго бегал на четырех лапах, что привык полагаться только на клыки и когти.

— Я должен тебя поблагодарить. — На сей раз он заговорил вслух, и Тра сочла это уступкой с его стороны. — Я давно не был дома, а здесь многие считают меня желанной добычей. На подаренную тобой свободу… — его пальцы вновь коснулись пояса, — я почти не смел надеяться. Может быть, это неспроста. Мы только игрушки неведомых Сил. А почему ты избрала этот бедный приют, моя госпожа?

Что толку спрашивать, когда он может проникнуть в мысли, а она не сумеет закрыться? Тра захотелось отгородиться от него мечом, запретить этому… этой твари таким противоестественным образом проникать в ее разум. Что же теперь, ему открыты все ее чувства и мысли?

— Туда, где ненависть, мне хода нет, — тихо сказал он. — Я это высмотрел снаружи, потому

что должен был узнать, кто меня ждет внутри. Мы тоже приносим нерушимые обеты! — Она распознала в его голосе гордость, равную своей гордости, и отозвалась на нее вопреки желанию. — Хочешь, я поклянусь, госпожа?

Что пробудил в ней этот человек, какие давно задавленные чувства и верования? Она помотала головой, запрещая себе видеть равного в том, кто сам себя признал лесным чудовищем.

— Так что привело тебя сюда? — повторил он свой первый вопрос.

— Звериная стая под стягом с бегущей гончей. — Она сказала это, как сплюнула, и пристукнула по земле острием меча. — За мою свободу дорого уплачено — последний из моих людей висит теперь на дереве в долине. Ваши лорды — жестокие охотники.

На миг в его глазах полыхнул огонь.

— Бегущая гончая… ага. — И губы снова растянулись в хищной усмешке. — Значит, Рот выехал на охоту или… — Он поморщился. — Здесь, в лесу, не всегда замечаешь течение времени и ход лет, так что это мог быть кто-то из его потомков. Они защищаются страхом, как броней и оружием, но в этот лес давно не ступали. Но теперь, пожалуй, гончие снова вышли на след — на твой след,

госпожа!

В нем не было тревоги, а скорее, жадное нетерпение воина перед поединком.

— Может быть, и так. — Она не слишком возмутилась, подумав, что могла бы стать добычей и для некоторых лесных обитателей.

— Это страшные места, — продолжал оборотень. — Для моих собратьев это родное логово, но даже мы не знаем всех темных опасностей лесных троп.

Он смерил ее дерзким и яростным взглядом, но Тра не опустила глаз. Она только вернула меч в ножны, оставшись, как и он, с голыми руками.

— Я навидалась опасных демонов — и злейшие из них ходили на двух ногах и звали себя людьми. — Она хрипло рассмеялась. — Ты без спросу завладел моим именем, а себя как называешь?

— Я Фарн — есть и другое имя, но его тебе не выговорить. А это Темный Коготь — мой маршал, хранитель моего замка. Сам я теперь редко бываю в своих владениях. Тебе, госпожа Тра, я предлагаю право гостя.

Он наклонился, чтобы подхватить за холодный конец занявшуюся огнем ветку и поднял ее, направив пламя вверх, как у восковой свечи.

— Я провожу вас в вашу комнату, — официаль-

но начал он и рассмеялся. — Боюсь, тебе придется принимать нас такими, какие мы есть, а мы не в лучшем виде. Но хотя бы… — Он, не выпуская из рук свою «свечу», прошел к двери и почти сразу вернулся, держа за ноги пару лесных курочек. — От таких бы и Рот не отказался…

— Рот? — Он уже второй раз упомянул это имя. — Это у него герб с бегущей гончей? Рот из рода… — Она выжидательно замолчала.

— Фарн. — Присев на пятки перед огнем, он вытащил из щели в стене нож и принялся чистить курочек. — Что значит имя? Его можно дать вещи и месту, женщине и мужчине. Владеющие Древними знаниями утверждают, что в имени есть Сила, что его можно использовать на благо или во вред носителю. Но кто знает правду?

У нее было еще много вопросов. О повести, вырезанной на стенках шкафа, о покинутом в глуши младенце и о юноше, бежавшем от охоты. Не его ли историю изобразил резчик?

— Этот меч… — Она указала на висящее в шкафу оружие. — Он тоже принадлежит Фарнам?

Оборотень дернулся так, что она, моргнув, бросила руку к рукояти ножа. А у него из горла вырвалось гортанное ворчание, кот же зашипел.

— Что ты слышала про Фарнов?

— Только то, что ты сам сказал, — ответила она. — Я видела, что творят те всадники, они лишили меня доброго друга. А на верхушке того меча странная голова. История на двух стенках шкафа вполне ясна. Вот я и спрашиваю — этот клинок тебе по руке?

— Родовое оружие? Может быть, госпожа, когда придет время. Пока я ношу то, что мне ближе. — Он коснулся мехового пояса. — А ему, — он кивнул на меч, — еще ждать своего предназначения.

Встав с места, он насадил курочек на самодельные вертела и подошел к шкафу.

— А Фарны связаны с его предназначением? — поторопила Тра.

У него окаменели плечи. На миг ей примерещилось, что все это сон. Но он схватил и резко захлопнул дверцу шкафа.

— Оставь. До этого еще не дошло — а может, и никогда не дойдет. Есть ловушки и *ловушки*, и преследуемые, если не научатся их чуять, гибнут.

Когда дичь зажарилась, хозяин поровну разложил ужин по снятым с полки мискам. Тра облизала обожженные горячим жиром пальцы и принялась зубами сдирать мясо с костей.

Была уже совсем ночь, но Фарн и не подумал

закрыть дверь. И временами замирал, словно прислушиваясь. Быть может, его слух, привычный к голосам леса, лучше нее выхватывал все необычное. Тра слышала горестный крик какого-то мохнатого охотника, упустившего добычу, и уханье совы. И еще шелестели и стучали капелью ветки деревьев.

Закончив есть, Фарн прошел к сундуку из выдолбленного ствола, порылся внутри и выпрямился с охапкой свежей одежды. Ничего не сказав, он вышел в ночь.

Тра дочиста облизнула пальцы, подбросила дров в огонь. Она устала, а здесь было укрытие. Она оглянулась на застеленный топчан. Кот умывался и лишь изредка топорщил уши, будто что-то заслышав.

Скоро надо будет подкормить огонь, чтобы не погас ночью, но в промокшем лесу не найдешь хвороста. Фарн… Что-то в Тра дивилось ее же спокойствию. В старых сказках говорилось о таких, как он, и чем ближе к лесу, тем больше они с Ринардом слышали таких историй.

В деревушке они и хотели побольше разузнать про этот лес, а заодно разжиться припасами. Когда налетели грабители, Тра была уверена, что Ринард не отстанет, но бедняга сдуру вздумал

прикрывать ее бегство, а она слишком поздно спохватилась. Ринард… Она усилием воли вытеснила его из памяти. Успели разбойники ее заметить или позже вышли на след?

— Охотники… — Тра и не поняла, что заговорила вслух, пока кот ей не ответил.

«Еще нет. Но охота будет, да. Те, другие, всегда ищут его!»

— Часто? — поднажала она.

«Довольно часто. Если он не захочет…»

Но на этом мысленная речь оборвалась. Ей показалось, что где-то закрылась дверь — плотно закрылась. Больше она ничего не выведает — во всяком случае, не сейчас.

Об оборотнях рассказывали всякие ужасы. А ведь таких, как Фарн, могло быть еще много. Когда оборотень появился из темноты, Тра беспокойно поежилась. Он переоделся в чистое, кожаная одежда теперь блестела наравне с поясом. И прутики с листьями он вычесал из волос, и вымыл чумазое лицо и руки. Он уверенно вошел в дом и властно приступил к расспросам. Его интересовал налет на деревню.

— Этот Рот, или кто там теперь правит Гончими, стал много себе позволять, — задумчиво протянул он, дослушав ее рассказ. — Ты в этом

доме, — он повел рукой, — желанная гостья, как ни беден мой кров. Но я бы не советовал тебе задерживаться в этом лесу, — твердо добавил он, и Тра уловила холодок в его голосе. Он стоял, перебирая пальцами свой пояс, и смотрел на нее как на зеленую девчонку, в жизни не слышавшую набата. — Этот лес… — Он запнулся. — Да, бывает, что кому-то *приходится* искать в нем убежища, но чаще сюда забредают по неосторожности, по неведению. Завтра я покажу тебе тропинку на запад, подальше от Рота, и провожу до границы этих земель. Но этой ночью у меня неотложное дело.

Развернувшись на пятках, он без слова прощания скрылся в темноте, и кот умчался за ним.

Тра скорчилась в сумраке, которого почти не разгонял догорающий огонь. У нее все тело ныло от усталости, веки отяжелели, но можно ли поддаваться сну в таком месте? В эту ночь рядом не было Ринарда, чтобы сторожить с ней по очереди.

Она подбросила дров в огонь и легла поближе к очагу, оставив меч и нож под рукой. И закрыла глаза, понимая, что ни доверие, ни недоверчивость не помогут ей справиться с усталостью.

И ей приснился сон: она, беззащитная, спаса-

лась от охоты. Но ярость ее была так горяча, что все тело запылало. И перед ней встала темная стена сплетенных ветвей, а ужас погони бросил ее прямо на эту стену. Ветви и лозы свивались, переплетались, тянулись к ней, охватывали и связывали. Тра рвалась и отбивалась, разодрала кожу о шипы. Но сеть ветвей держала крепко, а охота приближалась, она слышала победный вой рогов…

Вой рогов! Тра распахнула глаза и не увидела сплетения зарослей, хотя сон еще казался явью и вскинутые руки били по воздуху. Но кругом был сумрак и тени — а скудный, неяркий свет сочился в две узкие оконные прорези.

Поднимаясь, чувствуя скользкий пот под изношенной одеждой, она услышала уже наяву охотничий рог!

Охотники? Идут по ее следу или просто блуждают по лесу? Страшно было остаться здесь, хижина могла превратиться в ловушку, но и искать без проводника лесные тропы — пустое дело.

Наклонившись, чтобы взять оружие, она пошатнулась и, вскинув руки в поисках равновесия, шлепнула ладонью по стенке шкафа. Дверца распахнулась.

Мехового пояса не было — где он теперь и где

тот, кто его носит? Зато меч… Ее клинок давно просился к кузнецу на заточку и был основательно изношен. Если Фарну этот меч ни к чему, почему бы ей самой не вооружиться как следует?

Тра вслушалась. Снова протрубил рог, и, сколько ни обманывай себя, его воинственный клич стал ближе. Надо уходить. Вбросив свой меч в ножны, пинком подпихнув к двери заплечный мешок, она потянулась к мечу из шкафа.

Кожу словно огнем опалило. Но меч закачался под ее прикосновением. Только вот протянутые к нему руки утратили силу, пальцы онемели, и онемение распространилось до запястий. Как она фыркала на рассказы о колдовстве, а сейчас ничего не могла поделать. Страх отбросил ее подальше от медленно раскачивающегося клинка.

На третий зов рога отозвался лай собаки — и еще одной. Тра задрожала. Перед людьми, если заставит нужда, она готова была встать лицом к лицу, но гончие… против них она вряд ли устоит. Девушка развернулась кругом, оглядывая хижину. Один вход, узкие щели окон — хоть какая-то защита, хотя на двери не было засова и загородить ее было нечем. Но соваться наружу — когда собаки идут по следу…

Меч и нож — единственное оружие. Она отбросила в сторону мешок, захлопнула дверь. Засова нет, ворвутся без труда.

Тра тронула пальцами нож. Оставался последний, отчаянный выход — уйти от своей руки. Ждать, чтобы тебя растерзали собаки или охотники, — это для трусов. Разве она могла?..

Она встрепенулась, заслышав в громком лае новую ноту. Радость гончей, завидевшей добычу. А ведь лает собака не под стеной хижины — в отдалении, где-то к западу. Новые крики, ответившие на лай, стали удаляться. Тра не смела поверить, что охота отвернула в сторону. Плечо задело угол шкафа.

Она встала перед глубокой резьбой на дверце. Беглец-оборотень — и преследующие его охотники. Не Фарн ли проложил новый след, чтобы отвести от нее собак? Тра свела брови, часто задышала, словно не стояла все это время в хижине, а в самом деле спасалась от гибели.

Фарн… Она не сомневалась, что на него охотятся не в первый раз. Он на своей земле, он здесь знает каждый камень, каждое дерево и каждый куст, он знает каждую нору, где можно укрыться. Да, шум стихал — охота уходила на запад, — ей надо только дождаться, пока голоса совсем затих-

нут, и бежать на восток.

Почему он это сделал? Или так вышло случайно? Тра не знала ответа. По правде сказать, он ничем ей не обязан. Хотя она ненароком открыла шкаф и позволила коту унести пояс… но разве же это такая большая услуга?..

Добравшись в мыслях до этого места, она встрепенулась на новый звук — не торжествующий собачий лай, а низкий вой. В нем не было боли, но была злоба и… страх!

Вой почти сразу заглушили человеческие крики и бешеный лай собак. Кто-то — Фарн? — попал в засаду. Крики усиливались, хотя слов она не различала. Обнажив меч, девушка отворила дверь хижины.

На дальней стороне прогалины метнулось серое пятно. Она не успела разглядеть, а кот уже был в хижине. Поднявшись на задние лапы, он с силой заскреб по дверце шкафа. Зверек прижимал уши к голове и без умолку урчал. Потом чуть повернул голову, поймал ее взгляд.

«Капкан!» — С силой удара ворвалось ей в голову единственное слово.

Вдалеке снова завыли. Тра вслушалась. Это не ее война. Фарн, в сущности, враг ее рода. А то, что он ее не обидел — и даже наделил правом

гостя, — что это теперь меняет? Один меч против собачьей своры и людей-охотников — что он может?

— Ничего, — вслух сказала она, отвечая на давящую все упорнее мысль кота. — Я ничего не могу.

Ей ответили не словами — нет, в мгновение, словно бы выхваченное из реальной жизни, она увидела — не хижину, не разъяренного кота — совсем иное.

В сети дико бился зверь, до пены на губах грыз скрутившие его веревки. Тра уже видела, что это не обычная сеть: полоски кожи переплетались с серебристо блестевшими цепочками.

Серебро!

С этой картиной в голову ворвалось воспоминание. Фарн говорил, что серебро — погибель его рода.

«Это так!»

Она видела теперь не пленника, а кота, скребущего деревянную дверцу, словно он надеялся порвать ее когтями. Тра, с двух раз разгадавшая секрет замка, хлопнула по чистой боковине, и дверца открылась. Кот прыгнул, потянул к себе меч. Но и ему удалось только раскачать ножны. Тра, ткнув внутрь острием своего оружия, подце-

пила петлю перевязи, потянула на себя.

Клинок в ножнах сорвался с колышка, и кот, рыча, припал к полу у ее ног. Освобожденное из шкафа оружие словно втянуло в себя свет, и глаза изображенной на рукояти головы заблестели, как у живого зверя.

Тра уронила меч на пол. Она ожидала, что кот подхватит его, как раньше пояс, но кот часовым замер над ножнами, в упор глядя на девушку.

— Чего ты от меня хочешь? — огрызнулась она. В ответ в голове не появилось ни слов, ни картин — но усилившийся шум охоты послужил внятным ответом. — Бери, если он тебе нужен, — поторопила она.

Кот не шевельнулся. Тра, не воспринимая слов, уловила его настойчивое требование.

— Нет! Твой Фарн мне не брат по Чаше и не вассал. Какое мне до него дело? С одним мечом не встанешь против своры гончих и охотников. Я не…

Но, еще не договорив, она ощутила, как что-то поднимается в ее душе. Колдовство? Не совладав с собой, Тра нагнулась и, словно по чужой воле, подняла перевязь с мечом.

Кот подскочил и взвыл, отрыто призывая на бой. Еще раз заглянув ей в глаза, он двинулся к

двери.

Она повернулась как привязанная — неловко, потому что все в ней противилось этому движению. Держа в одной руке свой обнаженный меч, а в другой ножны с чужим, она пошла за котом — поначалу спотыкаясь, потом твердым шагом, как если бы шла исполнять свой долг.

Гомон охотников не умолкал. И свора, и люди-хозяева, казалось, стояли на месте. Тра, приближаясь к ним, продолжала борьбу с чужой волей, подчинившей ее своей цели. Пот, собравшись под обшитой кольчужными кольцами шапкой, стекал по лицу.

Она была одна. А сколько таких было до нее? Во что обойдутся ей силы, потраченные на эту борьбу? Отказавшись от сопротивления, она отдала поводья тому, что ею владело.

Лай стал глуше, зато яснее слышались мужские голоса. Кто-то проревел приказ: там опустить, здесь затянуть — и кончайте с ним!

Темный Коготь замер, оглянулся на нее. Тра упала на колени, на четвереньках пробилась сквозь кусты к другой поляне. За месяцы скитаний она выучилась осторожности и теперь кончиком меча отвела зеленую ветку, чтобы выглянуть украдкой.

Пятеро мужчин — из них двое отгоняют собак, берут на сворку. Тот, кто только что ревел так громко, стоял в стороне, надзирая за действиями двух спутников, опасливо стягивавших сеть с бьющимся пленником.

Холодная ярость охватила Тра при виде значков на одежде ловчих — значков с бегущей гончей. Но их было пятеро и четыре пса — против нее… У нее даже арбалета нет, только меч… Что она против этих?

— Хватит, — рявкнул наконец их главный. Он подошел осмотреть притянутую к стволу сеть. — Зверь никуда не денется, а остальное господин захочет увидеть своими глазами. Джакон, ступай с Раффом в лагерь, уведите собак. Наш господин не жалует тех, кто о них не заботится. И как знать, сколько еще таких зверюг в округе…

— Лучше бы нам уволочь оборотня с собой, — заикнулся один из обматывавших ствол веревками.

Бычья глотка разразилась хохотом:

— Он крепко связан. Хозяин за эти годы выведал все их секреты. Серебряной сети ему не порвать. Сам видишь, как вертится, лишь бы не коснуться голого серебра.

Обмотанный веревками пленник непрестанно

извивался, и Тра сквозь лай собак, которых взяли на сворку, и голоса людей уловила его отчаянные задыхающиеся хрипы.

— Серебро… и огонь, — с жестоким удовольствием объявил горлан. Да, это по его приказу повесили Ринарда — а его люди громко спорили, долго ли тот пробрыкается, пока над ним смилуется смерть. Тра сейчас все бы отдала за арбалет — этот ухмыляющийся в сальную бороду мерзавец представлял собой отличную мишень. — Будет нам отменный костер — может, сам хозяин его и запалит — и доброго эля к ночи напьемся!

Двое его подручных отступили от пленного оборотня. Каким бы беспомощным тот ни казался в сети, но стоять близко им явно не нравилось. Тра чуть не подскочила, когда что-то холодное ткнулось ей в руку, — и перепугалась, могла ведь выдать себя. Рядом был Темный Коготь.

«Сзади», — полыхнуло у нее в мозгу.

— Где сзади?

Трудно было поверить, что взбудораженные собаки до сих пор не учуяли ни ее, ни кота. Прочь! Прочь отсюда, пока сами не попали в ловушку! Ей хотелось выкрикнуть это вслух, только не вышло.

«Сзади», — внятно повторил кот.

Он припал на брюхо, осторожно выдвинул вперед одну лапу, за ней другую. Стал отползать подальше от нее и собак. И ясно показал, что ей надо ползти следом.

Тра медлила. А распоряжавшийся на поляне ловчий между тем подошел к опутанному сетями существу. И, нагнувшись, подхватил конец веревки, в которой просвечивало вплетенное серебро. Он со злобным наслаждением просунул веревку в ячейку сети, ткнул в пленника.

Тра не только услышала, но и почувствовала — крик ранил мозг больнее железа, а левую щеку обожгло огнем. Пытка, предназначенная пленнику, зацепила и ее.

Она на четвереньках, пустив в ход все свое умение прятаться, поползла вслед за котом. Они немного отдалились от поляны, с которой уже уводили взятых на сворку собак, но очень скоро кот стал забирать влево. Слово «сзади» объяснилось — они заходили из-за дерева, к которому был прикручен оборотень. Тра прикусила губу, чтобы не выдать себя криком, — пленник в путах все корчился, и его мучения передались ей.

Темный Коготь остановился. Боль больше не пронзала Тра — должно быть, забава наскучила

охотнику. Но она все еще слышала тяжелое дыхание — скорее всего, пленника.

Тра рада была бы оказаться отсюда подальше, но ею по-прежнему владела чужая воля. Невдалеке, на торчавшем из земли корне, она видела темную с серебром петлю — привязь, державшую сеть с пленником.

Зажав зубами клинок своего меча, Тра потянула из-за пояса нож. Веревка была толстая, да и серебро могло устоять перед сталью. Но когда разошлись пряди веревки, справиться с металлом оказалось не так уж трудно — как видно, серебро было необычайно чистым, а потому и мягким. Нащупав концы серебряных прядей, Тра крутила и заламывала их, пока проволока не порвалась.

Едва веревка обвисла, кот подхватил ее зубами, натянул, чтобы не мешала девушке справляться со следующей.

«Еще две… всего две».

Этот голос в ее голове исходил не от кота, а от пленника. Тра не рассердилась на него за вторжение, она даже раскрыла свой разум, чтобы он яснее увидел задуманное. Она передвинулась вдоль веревки налево — предстояло распустить еще один виток и еще наспех прицепить его на ветку, чтобы со стороны не заметно было разреза.

Когда она пилила третью, с поляны раздался крик, от которого руки Тра заработали с лихорадочной спешкой.

— Клянусь клыками Рэйна, попался! Попался в силок, как обычный зверь.

Сколько издевки звучало в этом голосе — и это был не бычий рев ловчего. Должно быть, явился его хозяин.

— Оборотень!

Это прозвучало непристойным ругательством.

— Родич.

Тра не могла не узнать голоса Фарна, да и до того не сомневалась, что это он запутался в сетях.

— Зверь… дьявольское отродье…

— Отродье твоей крови, родич, — ты не себя ли называешь дьяволом?

Тра добралась до последнего узла и вложила в рывок всю свою силу. Серебряная проволока больно резала пальцы, но она крутила веревку, не обращая внимания на боль. И слушала новый голос, вступивший в разговор.

— Остерегись, господин! Может, он здесь не один такой. Стерегите, лодыри, стерегите!

Веревка лопнула, рванулась из изрезанной в кровь руки. Тра, не замечая боли, сжала в ладони рукоять меча. Другой — тот, что она вынесла из

хижины, лежал у ее ног. Кот с горящими глазами выскочил из кустов, встал перед ней.

— Подайте заговоренное копье, — прозвучал голос лорда. — А вы… смотрите, чтобы не выскочил из кустов другой демон. Посторонитесь, мне нужно место для замаха.

Тра отскочила от обрушившегося сверху тела. Тот, кто висел в сетях на дереве, освободился. И был это не знакомый ей по хижине мужчина, а мохнатая четвероногая тварь, какой место только в безумном бреду.

Тра, не раздумывая, замахнулась на него мечом. Желтые глаза сверкнули, из мохнатой глотки вырвалось предостерегающее ворчание.

Не он ли подчинил ее своей воле? Тра припала спиной к толстому стволу. Между ними лежал меч из шкафа. Взгляд желтых глаз скользнул от нее к мечу. Зверь протянул лапу к перевязи и тут же отдернул, словно она, как и серебро, грозила ему смертью.

Главный ловчий выломился из кустов и не без опаски протянул хозяину копье. Фарн — если перед ней был Фарн — оскалил клыки. Но тут взгляд охотника ненароком упал на Тра. У нее осталось одно мгновение, чтобы дернуться в сторону, так что копье ударило в ствол между

ее рукой и боком. Она тут же метнулась назад, заслонилась стволом.

— Тут другой. Еще не перекинулся!

В самом деле, кусты перед Тра гнулись и трещали, как будто кто-то пробирался низом. Фарн сдвинулся, снова оказался перед девушкой.

Она крепче прижалась к дереву. Лучше принять копье грудью, чем попасть им в руки. В их глазах она уже про́клята, но ей хотелось чистой смерти.

Смотревший на нее сейчас мужчина был заметно моложе главного ловчего. Тонкий, подвижный, — было в нем что-то сродни двуногому облику Фарна. Только глаза другие. Глаза под налобником шлема были голубыми и холодными как зимний лед.

Этот тоже был с копьем, но теперь, воткнув древко в лесной перегной, выхватил меч со светлым клинком. Тоже серебро?

Значит, он решил взять ее живьем — может быть, для той же казни, что была обещана Фарну. Пока она сражается с лордом, его вассалы накинут сеть…

— О, эта ходит не на четырех. Неужто демоны знают, как держать в руках сталь?

— Господин, берегись! Эти твари владеют

мерзким колдовством, — выкрикнул главный ловчий. — Умеют заморочить человека, чтобы он видел, чего нет…

Тра молчала. Пусть считают ее колдуньей — их страх может подарить ей хоть малый шанс. Нет, она понимала, что живой из схватки не выйдет, но лучше уж умереть от клинка.

— О себе думай, — приказал лорд. — Против меча и я встану с мечом. Пожалуй, покажу всем, что не так страшно это племя, как пугают ваши дурацкие сказки.

Он сделал выпад с уверенностью человека, который еще не встречал равных себе соперников.

Клинок ударил о клинок. Что-то промелькнуло в его ледяных глазах. Неужто он вправду надеялся свалить ее таким простым приемом? Что это, невероятная самоуверенность или память о множестве прежних побед?

Ее изношенный клинок так задрожал от удара, что Тра усомнилась, выдержит ли сточенная сталь второе столкновение. Другой меч, тот, что из шкафа, — далеко ли он остался? Она подумала о коте, — может, Темный Коготь подтащит поближе? Кот пытался добыть это оружие, которое девушке обожгло руки. Можно ли полагаться на предмет, пропитанный таким темным кол-

довством?

Тра оборонялась, держась так, чтобы ствол прикрывал спину. Острие чужого меча мелькнуло перед глазами, щеку ужалила острая боль. Где Фарн? Он был рядом при начале поединка, но никто его будто не замечал. Сейчас ей было не до того… это только ее бой.

Она закрепила в сознании образ меча. Если Темный Коготь сейчас потянется к ее мыслям, может быть, поймет? Но промельк мысли в ответ был нацелен не на нее — он походил на третий клинок, вступивший в единоборство двоих.

Меч… взять меч… выбор…

Не желание, что-то другое, пересилившее даже страх, пробудилось в ней. Упрямство, гнев и, да, тень ужаса. Древний враг… меч… нет, рви, грызи, так отплатишь за обиду. Клык прав, коготь прав… они лучше, только они.

Она не услышала звериного рыка, но из кустов взметнулся зверь, обрушился на одного из мужчин. Тра успела бросить короткий взгляд, отметила, что кусты трещат, выдавая еще чье-то присутствие. Этот взгляд стоил ей удара в плечо — меч больно вмял в тело кольчугу, но колечки выдержали.

— Так… и так… — Противник опять целил

ей острием в лицо. Тра отразила удар, и меч ее треснул, оставив в руке зазубренный обломок. Враг с хохотом занес клинок для смертельного удара. — И так! — в третий раз выкрикнул он. «Смертный приговор», — с надеждой подумала Тра. Но нет, клинок резанул ее по пальцам, заставив выпустить рукоять с обломком. — Я исполняю обещанное. Эта достанется вам…

Мужчина чуть отвернулся, чтобы отдать приказ.

Тра вскинула нож к своему горлу. Она уже готова была вогнать острие, когда боль прострелила голову: она бы упала, если бы не ствол дерева за спиной.

Нет, не телесная боль — другая, глубже и сильнее, люди не созданы терпеть такую. Она слышала крик муки и отчаяния перед неизбежным — но голос был не ее.

И боль досталась не одной Тра. Ее противник пошатнулся, выронил меч и двумя руками схватился за голову. Рот его скривился в беззвучном вопле.

Из примятых прыжком Фарна зарослей кто-то вставал. Он запрокинул голову, отбрасывая с лица волосы, а само лицо колебалось, менялось на глазах. Уже человеком, а не зверем он метнулся

вперед, и в руке его был тот самый меч, уже без ножен, и его клинок отливал адским пламенем.

Тра слышала крики разбегавшихся людей, но сама не двинулась с места и не выпустила готового к удару ножа.

Лорд повернулся лицом к мечнику. Видно было, как он, втянув воздух в грудь, наклонился за оружием — как будто уже снова владел своим телом и разумом. Из его людей на месте осталось лишь одно безжизненное тело.

— Добрая встреча, недобрая встреча, родич.

Фарн медленно улыбнулся. Он ждал, как она недавно, в готовности отразить выпад.

Взгляд его противника полыхнул бешеной яростью. Кажется, весь мир для хозяина своры вдруг сузился до схватки с этим зверечеловеком, подумалось Тра.

Сияние на клинке Фарна расходилось дальше. Покраснели его сомкнутые на рукояти пальцы, краснота охватила запястье, потянулась к локтю. Тра словно огнем обожгло. Она сдавленно вскрикнула перехваченным горлом. Если такова цена владения этим мечом для нее, стоящей в стороне, каково же приходится Фарну? Она не сомневалась уже, что ее боль — отражение его страдания.

В вырвавшемся у Фарна свирепом крике еще слышались ноты звериного рева. Если молодой лорд рассчитывал на легкую добычу, он быстро убедился в своей ошибке, потому что огненный клинок завел игру, поразившую даже Тра, которая немало повидала вооруженных схваток.

Несколько секунд она наблюдала, а потом вспомнила об остальных. Где охотники с собаками, где другие? Фарну, при всем его дивном искусстве, не выстоять против четверых. Выронив обломок меча, она кинулась к упавшему в кустах телу.

Горло порвано в клочья, выше она не смотрела. Но в руках человек еще сжимал древко копья. Сквозь лязг оружия Тра расслышала сдавленный стон.

Рядом лежал еще один. Этот приподнялся, зажимая грудь истерзанной ладонью и, бешено уставившись на девушку, нашаривал короткий охотничий меч здоровой рукой. Тра легко отобрала у него оружие — вывернула из пальцев и оставила себе. Не слушая бессвязных проклятий раненого, она бросилась обратно и сгоряча столкнулась с другим спешащим вмешаться в поединок.

— Сдохни, чертовка!

Он застал ее врасплох и зарубил бы, но вдруг закричал, вскинув руки к лицу, в один голос с воплем раненого. Та же боль ворвалась к ней в голову, ослепила глаза. Но Тра, уже на четвереньках, сумела отползти в сторону, а рядом повалилось тяжелое тело. На случай если враг опомнится, она с силой ударила его рукоятью по затылку — благо шлем свалился у него с головы.

Мгновение она просто дышала со всхлипами, не смея поверить, что осталась живой. Боль теперь была не пыточной, а горела ровным огнем, непостижимым образом добавляя сил.

Из густой травы вынырнул Темный Коготь. Обходя ноги лежащего, он нанес ему стремительный удар когтистой лапой. Тра, опираясь на копье, поднялась и побрела туда, где двое искусных бойцов продолжали отчаянный бой. Она, воткнув охотничий меч в землю рукоятью к себе, вела счет ударам. Рядом примостился Темный Коготь.

Мастера меча — Тра понимала, что противники мастерством равны друг другу. И похожи были как братья, если не близнецы. Странное выражение лица Фарна исчезло. Он улыбался, желтые глаза горели — только их цвет и отличал его от второго.

Отблеск меча разлился теперь светящимся туманом, охватив все его тело, и только меч змеиным жалом выстреливал из алой дымки. Ей представилось, что ни один не уступит, и бой их будет длиться вечно. Тра ни в одном не замечала признаков утомления, и звон клинков не сбивался.

Она не успела додумать этой мысли, как пламенеющий меч сам собой повернулся в руке Фарна. Казалось, не человек владеет мечом, а меч человеком. Звонкий удар, и оружие лорда вылетело из его руки, ударилось о ствол, под которым присела Тра. Оставшийся безоружным боец не изменился в лице, хладнокровно ждал смертельного удара — в грудь или горло.

Огненный клинок указал острием в землю, а Фарн поймал и не отпускал взгляд ледяных глаз.

— Кровь взывает к крови, — медленно произнес он.

Второй скривил губы. Сплюнул, забрызгав слюной истоптанную землю возле сапог Фарна.

— Настоящий человек не откликнется на зов зверя. — Он гордо вскинул голову. — Убиваешь — убивай, но не надейся изменить то, что стоит между нами, рыщущий в ночи.

Фарн поднял меч — не для удара, а словно

взвешивая в руке и чувствуя его непосильную тяжесть. Он покачал головой.

— Больше мне не рыскать, — так же медленно заговорил он. — Пришлось мне все же сделать выбор. Очень может быть, что я потерял больше, чем обрел.

— Не понимаю, — нетерпеливо перебил второй. — Убей меня… Ты ничего не выигрываешь, зверь.

Фарн, к удивлению Тра, кивнул.

— Ничего, — согласился он. — Неужели ты думаешь, что я хотел лишить тебя власти вот этим? — Он снова взмахнул мечом. Тот свет, что полыхал вокруг него, исчез. Но странность не вернулась на его лицо. Он сделал шаг назад, отступил от противника. — Одно верно. Ты останешься жить, родич, с моего соизволения.

Второй оскалился и шагнул вперед, словно надеялся справиться с Фарном голыми руками.

— И еще… — Лесной житель по-новому перехватил меч. — Я наконец вступаю в права наследства. Нет, родич, не бойся, я не лишу тебя земель, а твой народ — правителя, хотя бы и дурного. Но «зверя», которого ты так любил травить, отныне не станет. Никто больше не попадется в твои силки. Забирай своих людей и уходи. Дурная

слава, которую этот лес приобрел у тебе подобных, заслужена недаром и не скоро забудется.

Он неспешно вложил меч в ножны и одной рукой взялся за перевязь. Другую он положил на пряжку мехового пояса.

Под пальцами Фарна пряжка раскрылась. Расслоился игравший странными переливами металл. Закружилась в воздухе выпавшая шерсть, да и сама кожаная основа рассыпалась, обрывками легла к его ногам. На месте мехового пояса Фарн застегнул перевязь меча.

Лорд, прищурившись, наблюдал за ним.

— Ты подарил мне пощаду — я не просил и не приму такого дара!

В его голосе звенел вызов.

— Как хочешь, — пожал плечами Фарн. — Я знаю землю, на которой ты стоишь, и она меня знает. Я сделал выбор — твой за тобой, и тебе одному решать.

Он повернулся к Тра. И той подумалось, что его последние слова были обращены столько же к ней, сколько к лорду.

Она сглотнула. Вся жизнь — череда решений, и сейчас она чувствовала, что пришла пора главного. Вкладывая захваченный меч в свои пустые ножны, она заметила на земле клок грязной

шерсти.

Два пояса и один человек — она догадывалась, что это значит. Впрочем, в этом лесу она ничему не удивлялась. Она сделала свой выбор.

Когда Фарн двинулся вперед, она пристроилась по правую руку от него, а Темный Коготь мягко ступал слева.

Дочь земли[14]
Рассказ

Мерет вздохнула полной грудью. Ветры, властвовавшие здесь, до сих пор веяли морозцем, хотя эта ложбина была надежно укрыта между горными склонами, которые ее образовывали. Мерет поплотнее закуталась в тяжелый плащ и скрепила его на горле застежкой, прежде чем достать экспериментальный дальновизор чародея Резера. Она не переставала поражаться способности прибора приближать к ней то, что на самом деле находилось очень далеко.

Эх, и почему только в дни Вторжения такого не было! Похоже, подумалось ей, нынешние умы не чета прежним. Науки — и едва основанные, и давно забытые — неуклонно обогащались с каждым новым рассветом. Словно теперь, когда необхо-

---

[14] Примечания: 14
Перевод В. Волковского.

димость постоянно быть начеку отпала, рухнула какая-то преграда и началось возрождение образования. Мерет, разумеется, не утверждала, что в Эсткарпе и ее родном Высшем Холлаке наступил золотой век. Нет, когда Ворота, известные или тайные, собрали свою жатву со множества дальних миров, чтобы населить страны этого мира — Эсткарп, Арвон, Высший Холлак, Карстен, Эскор, — зло проникло в него вместе с добром.

Давно в прошлом остались Ворота, но хотя Силы Тьмы больше не властвовали здесь безраздельно, они не сложили оружия навсегда. Поэтому в почти отремонтированных стенах Лормта — древнего хранилища рукописей — больше двух десятков ученых корпели над исследованиями, готовые ястребами наброситься на малейшие признаки Древнего зла, грозившего вновь поднять голову. Башни, разрушенные Пляской гор, уже почти восстановили. Но древние потайные подземлья этих освященных веками сокровищниц знаний неожиданно вскрылись, и немногочисленные тогда исследователи-затворники начали изучать их. С тех пор сюда стеклось немало высокомудрых. Теперь усилия добрых трех четвертей сотрудников Лормта были направлены на эти исследования и даже принесли

некоторые плоды.

Мерет поднесла дальновизор к правому глазу и направила на подножие склона. Там ей почудилось какое-то движение, а в этом почти обезлюдевшем краю это могло предвещать появление путника — одного из тех, что пытались отыскать кого-нибудь из разбросанных войной родных, разведчика разбойников или просто бездомного бродягу.

Глядя в свое новое приспособление, Мерет различила четкую картинку. То, что привлекло ее взгляд, оказалось худющей крестьянкой, одетой в совершеннейшие лохмотья. Это была та самая пастушка, которую она накануне видела с крошечным стадом замызганных овец. Наметанный за многие годы торговли глаз женщины мигом определил, что эти тощие пятнистые создания никуда не годятся. На такую выцветшую клочковатую шерсть агенты со складов Ферндейла и не взглянули бы.

Вот девчонка обогнула скалу и споткнулась о камень, как будто была не в силах стоять прямо. Мерет, опираясь на высокий посох, поднялась на ноги, заткнула дальновизор за пояс и зашагала по склону холма вниз. Она не могла ошибиться — на худом лице застыло выражение животного

ужаса.

Немая от рождения, Мерет не могла окликнуть девчонку; не обладала она и древним Даром мысленного прикосновения. Внезапно ее нога ступила на что-то скользкое в пробивающейся траве, и она вонзила посох в землю как раз вовремя, чтобы удержаться на ногах.

Пастушка вскинула голову и взглянула прямо на Мерет, ее лицо было все так же искажено ужасом. Она вскрикнула и, шатаясь, побежала от скалы прочь, но не к Мерет, а в другую сторону.

Мерет подошла еще не настолько близко, чтобы преградить девчонке дорогу посохом, к тому же она опять оступилась и едва сохранила равновесие. Когда она добралась до уступа скалы, беглянка уже оказалась с другой его стороны — теперь перехватить ее не было никакой надежды.

Грузно опираясь на посох, Мерет упорно преследовала перепуганную насмерть крестьянку, несмотря на предчувствие, острым ножом кольнувшее ее в сердце, отчего она снова едва не упала. Мерет изо всех сил вцепилась в полированное древко, и в нос ей ударил такой дух, что она на миг задохнулась. То был жуткий запах смерти — смерти, от которой исходили тошнотворные миазмы Древнего зла.

Крепнувший ветер вполне мог принести это зловоние с поля битвы, но даже за годы войны Мерет всего однажды сталкивалась с такой невыносимой вонью — она проникала не только в ноздри, но просачивалась прямо в душу, пробуждала бесформенный и безымянный страх. Возможно, физический недостаток — ее немота — обострял и возбуждал все другие ее чувства. Вопрос был совсем в духе Мышки, чьи появления она потом долго вспоминала. Мышка славилась своим магическим Даром и талантом распознавать соотношение между разными вещами.

Мерет упорно продвигалась по следу девчонки, но ее размышления вдруг были грубо прерваны.

Она взглянула вниз, и ее глазам предстало воистину странное зрелище. У ее ног, в мягкой весенней траве, лежала овечья шкура, растерзанная и залитая кровью. Островки пропитанной кровью земли темнели между молодыми травинками.

Мерет осторожно концом посоха приподняла край шкуры и вывернула наружу, чтобы взглянуть на внутреннюю ее сторону. Судя по обилию крови, овцу убили совсем недавно, но нигде вокруг не было видно следов ни лап, ни когтей, ни ног. Более того, с обратной стороны шкуры

не оказалось ни клочка мяса. Мерет не знала ни одного животного, которое могло бы убить и освежевать свою жертву таким образом. И где кости? Поблизости не было вообще никаких останков — только шкура и кровь!

В этих горах водились хищники: медведи, воллопы, снежные барсы. Но места их пиршеств ничем не напоминали это. Один только вид этого зрелища и атмосфера этого места прямо-таки вопили об опасности.

Вессель — вот кто может знать. Лормт и его окрестности многие годы были его вотчиной. Его вполне заслуженно считали и правой, и левой рукой лорда Дюратана, и если уж кого и следовало спрашивать об этом крае или о башнях, то это его. Она видела его час назад — он руководил устройством амбразур в новой башне внешней стены.

Да, но как же пастушка? Мерет медленно развернулась и принялась оглядывать луг. Девчонки, разумеется, и след простыл. Она могла бы попробовать отыскать беглянку по звуку ее шагов, но, пока она разглядывала эти странные останки, время было упущено, да и, скорее всего, у нее не хватило бы сил догнать маленькую крестьянку. Пастбище щерилось по краям многочисленными валунами, походившими на гигантские выщерб-

ленные зубы. За любым из них с легкостью можно было спрятаться.

Может быть, потом она одолжит одного из маленьких крепких пони и верхом отправится в деревню, порасспросит о девочке, хотя надежда на успех представлялась ей совсем призрачной. В отношениях деревни с Лормтом особой теплоты не было, поскольку многие ее жители были из Карстена, они чудом уцелели во время Пляски гор и затаили злобу на всех, наделенных Даром.

Нет, пожалуй, разумнее всего сейчас отправиться за ответами к Весселю. С большой тщательностью выбирая, куда воткнуть крепкий посох, Мерет развернулась и медленно зашагала обратно той же дорогой, что и пришла.

Весселя она обнаружила сидящим у перевернутой телеги; он с завидным аппетитом уплетал здоровенный ломоть травяного хлеба, увенчанный увесистым куском сыра. Казалось, это сооружение вот-вот развалится, но он ловко отправил последний кусочек в рот. Мерет заколебалась: вряд ли было учтиво отрывать человека от еды ради того, чтобы он полюбовался странной шкурой, валяющейся у подножия горы. Но — время поджимало. Находку нужно было осмотреть немедленно, иначе она потеряет всякую

ценность.

Управляющий проглотил то, что было у него во рту, и приподнялся ей навстречу:

— Что-то случилось, госпожа?

Мерет положила перед ним свою дощечку для письма и аккуратно вывела, чтобы ему легче было разобрать:

«Внизу, на лугу. Что-то странное. Надо посмотреть».

Он завернул остатки обеда в грубую льняную тряпицу и засунул за пазуху куртки. Потом остановился, внимательно глядя на нее.

Инстинктивно уловив его невысказанный вопрос, она покачала головой, и он не стал брать с собой единственное имевшееся поблизости оружие — кирку, которая стояла у стены у него за спиной.

На этот раз она внимательнее смотрела, куда ступает. Был полдень, уже потеплело, и ее острый слух уловил деловитое жужжание насекомых. Когда они приблизились к месту бойни, ей показалось, что вонь усилилась; однако почти осязаемое зло, которое окружало это место прежде, уже рассеялось. Вессель одним скачком преодолел последние несколько шагов и очутился перед окровавленной овечьей шкурой, а через

миг присел на корточки, зажав нос.

— Видать, кто-то поживился овечкой, — прогнусавил он, протянув руку к перепачканной шкуре, но не касаясь ее.

И снова Мерет нацарапала палочкой на дощечке:

«Горный волк, медведь, снежный барс?»

Он покачал головой:

— Нет, госпожа, такое не под силу ни одному горному охотнику. Где следы лап, кости и все прочее? Позовем-ка лучше лорда Дюратана — он когда-то учился на егеря. Пойду, — Вессель поднялся на ноги, — приведу его.

Мерет потихоньку поковыляла прочь. Туча жирных синих мух и липкий запах — это было для нее уже слишком. Даже когда она вернулась в Лормт, ей еще некоторое время не хотелось заходить в кладовую. Вместо этого она отправилась в крошечную комнатку, служившую ей жилищем, и уселась за столик, на котором громоздились кучи документов и парочка книг в деревянных переплетах — тяжелые обложки были призваны защитить древние пергаментные страницы.

Ей еще нужно было заняться делом Ларвита — это была ее обязанность в Лормте; она должна выполнять ее. Только что закончившаяся изну-

рительная война, гибель Древней расы Карстена, Пляска гор смешали все в ее жизни, как стряпуха замешивает тугое тесто для праздничного пирога. Семьи и кланы безжалостно разметало в разные стороны. Теперь Лормт собирал и систематизировал сведения о таких потерях и предлагал помощь всем, кто искал своих родных. Иногда, чтобы отыскать хоть какую-нибудь зацепку, приходилось копаться в очень древних хрониках. Мерет, с юности привыкшая на суше и на море вести торговые записи для своей семьи, на старости лет сочла это занятие вполне подходящим для себя, тем более что делать это она умела отменно.

Вот только… Стоило ей на миг закрыть глаза, как перед ними вставала окровавленная овечья шкура. Она хлопнула себя по губам ладонью, сглотнула и потянулась за фолиантом с геральдическими девизами. Потом решительно распахнула его и заставила себя найти одну пометку.

Ей все-таки удалось на какое-то время отделаться от леденящего кровь воспоминания и взяться за исследование. И в конце концов она так увлеклась, что даже вздрогнула, когда к ней пришли от лорда Дюратана с просьбой — если, конечно,

ее это не затруднит — присоединиться к нему.

Уже почти стемнело, когда Мерет, опираясь на посох, миновала коридоры и осторожно спустилась в подземелья Лормта. Там она постучалась в дверь покоев лорда Дюратана, где он занимался делами, которые касались безопасности древней сокровищницы мудрости. В далеком прошлом он был Стражем Границ, и теперь его покои всегда были ярко освещены, а когда Мерет получила приглашение войти, то сразу уловила звук, выдававший его настроение, — неритмичный стук.

Он расчистил на своем столе небольшой пятачок, сдвинув в сторону бумаги, перья и толстые фолианты. Его руки мерно поднимались и опускались, а пальцы сгребали пригоршни разноцветных кристаллов и тут же рассыпали их по столу беспорядочным узором, который он внимательно изучал после каждого броска. Значит, он счел это происшествие по-настоящему серьезным! Мерет тоже взглянула на прихотливый узор, который складывали случай и необыкновенный талант Дюратана. На этот раз кристаллы легли весьма красноречиво.

Бóльшая часть темных упала довольно далеко от основного узора, в котором переливались все оттенки зелени — от молодой весенней травы

до темного цвета ежевичных листьев. Однако зелень тут и там оживлялась вкраплениями бледно-желтого, разбросанными случайным образом. Смотритель Лормта поднял голову, в упор посмотрел на Мерет и заговорил, как будто зачитывал наизусть кусок какого-нибудь отчета из конторской книги Весселя, а закончил свою речь следующими словами:

— Госпожа Мерет, в дни до установления Стражи Границ корабли вашего рода плавали в дальние края. Слыхала ли ты когда-нибудь о такой мерзости, с какой столкнулась сегодня?

Доска и стило Мерет уже были наготове.

— Нет.

Ответ был односложным, но большего и не требовалось.

— В этих вершинах довольно тварей, которых следует опасаться. — Он принялся собирать кристаллы, чтобы спрятать их обратно в двойной мешочек из кожи ящерицы. — В это время года они очень изголодались после зимней скудости. Но все же никто из окрестных обитателей обычно не обгладывает свою жертву настолько, чтобы от нее оставалась одна шкура. Вессель пока расспрашивает…

Следующее слово Дюратана потонуло в шуме,

который заставил обоих мгновенно вскочить и метнуться к одному из узких окон в комнате смотрителя. Мужчина оказался у окна в два скачка, но Мерет не собиралась уступать ему и быть вынужденной выглядывать у него из-за плеча, чтобы рассмотреть…

Тьма почти поглотила склон, который отгораживал долину от внешнего мира. Вдалеке плясали маленькие огоньки — судя по виду, факелы, рассудила Мерет. Они, пожалуй, не приближались к Лормту, а, скорее, просто толклись на месте в некотором отдалении.

Дюратан отстранил женщину со своего пути и пересек комнату, остановившись лишь затем, чтобы подхватить плащ, небрежно брошенный на спинку кресла. Накидка Мерет осталась в ее комнате, в нескольких этажах отсюда, но она, не задумываясь, двинулась к двери вслед за ним, хотя он уже бросился бежать. Ей же, с ее посохом, не под силу было за ним угнаться, поэтому, когда она добралась до центрального дворика, там уже собирался небольшой отряд вооруженных стражников, а двое с ворчанием отворяли массивные ворота. Они благоразумно приоткрыли створки ровно настолько, чтобы в щель мог пройти только один стражник.

Хотя отсюда факелов было не видно, со стены в двух уровнях сверху послышался крик часового:

— Они все еще там!

— Госпожа! Ночь будет холодной! Вот, закутайся.

Беталия, экономка Лормта, сбросила свой плащ и накинула его на плечи Мерет. Над ними колыхались волшебные огни — ярче любого факела. Похоже, за дело взялась леди Налор.

Мерет торопливо закивала головой в знак благодарности, поскольку Дюратан уже проскользнул в узкую щель между створками и привратник собирался захлопнуть их, когда она протиснулась следом. Он бросился было удержать Мерет, но она не обратила на него внимания. Лишь когда мрак сомкнулся вокруг нее, Мерет остановилась. Сюда свет волшебных огней не проникал. Единственный неверный шаг мог обернуться для нее очень болезненным падением. Впереди послышалось бряцание оружия, и она в досаде закусила губу. У нее не оставалось никакого иного выбора, кроме как ковылять вперед с черепашьей скоростью, изо всех своих скудных сил вонзая посох в землю при каждом шаге.

От кучки факельщиков донеслись крики и пронзительный вопль, тут же оборвавшийся, как

будто от удара. Когда Мерет наконец добрела до места событий, в скудном колышущемся свете факелов ей представилось зрелище борьбы.

Ни один из стражников не обнажил оружия, но все вокруг колотили друг друга короткими и толстыми деревянными дубинками, которые почти ничем не отличались от ее более длинного посоха. Их противниками оказались жители деревни, которые хрипло что-то выкрикивали, не переставая драться.

Мерет разобрала грубую брань, перемежаемую воплями:

— Ах вы, отродья Тьмы! Пропадите вы пропадом! Оставьте нас в покое!

Так уж сложилось, что исследователи Древних знаний из Лормта почти не общались с деревенскими, за исключением тех тяжких времен, когда ученые распахнули двери цитадели знаний перед теми, кто спасал свои жизни. Тогда местные жители и их семьи были очень признательны своим спасителям, но когда сельчан настигло страшное бедствие — сдвинулись горы, — ими овладело недоверие, и все их контакты с учеными Лормта стали ограничиваться лишь торговлей. Однако Мерет никогда еще не слышала о таких беспорядках, каким стала свидетельницей сейчас.

Но времени на размышления Мерет не дали: она развернулась, опираясь на посох, и едва уклонилась от смертоносного удара, нацеленного ей в голову. Но совсем избежать его ей все же не удалось: дубинка больно задела ее по плечу.

Робер! Да ведь только сегодня утром сын возчика поприветствовал ее, вежливо и с подобающим почтением, а теперь его налившееся кровью лицо свело в искаженную ненавистью застывшую маску, как у обезумевшего от запаха крови разбойника. Мерет содрогнулась. Время точно повернуло вспять. Она инстинктивно ответила обидчику тем же: с отточенной долгими годами опыта силой размахнулась и посохом угодила ему куда-то в область колена. Он завопил и рухнул наземь. И принялся кататься, держась за коленку.

Приземлился он не на землю, а на чье-то другое тело. Обнаженная плоть в свете факелов отчаянно извивалась. Это была пастушка, связанная по рукам и ногам, точно приготовленная к закланию овца, и без одежды оказавшаяся совсем маленькой и сморщенной. Кровавые рубцы у нее на руках не оставляли никаких сомнений в том, что ей пришлось пережить до этого.

Мерет двинулась к ней, готовая защищать бедняжку и себя саму, но Робер уже полз прочь, все

еще держась за коленку и беспрерывно воя. Основная гуща свалки переместилась в сторону, и две женщины остались одни во мраке — факелы или погасили, или их унесли.

Однако Мерет уже успела приметить какое-то подобие укрытия — еще один каменистый уступ. Нести девчонку было ей не по силам, но, возможно, она сумеет дотащить ее туда. Она наклонилась и ухватила пленницу за волосы, сальные и покрытые грязью. Один быстрый взгляд сказал ей, что глаза пастушки устремлены на нее. Старая женщина зажестикулировала, изображая, что она хочет сделать, и ткнула в сторону камня, надеясь на понимание.

Ответа не последовало, но Мерет изо всех оставшихся сил потянула, и маленькое тельце пришло в движение и принялось извиваться, пока они вдвоем кое-как не добрались до спасительного валуна. Женщина рухнула на землю почти без сил, и беспомощная девочка оказалась вплотную к ней. Мерет трясло — нет, скорее ей передавалась мучительная дрожь, колотившая тощее — кожа да кости — тело девчонки.

У Мерет не было с собой ножа, чтобы перерезать путы маленькой пленницы, но она расстегнула застежку плаща Беталии, обняла девочку и, как

смогла, натянула плотную шерстяную ткань на них обеих.

Она попыталась подтянуть девчонку повыше, и край плаща обвился вокруг одной из туго связанных костлявых рук пленницы. Крестьянка дернулась вперед, но вырваться не смогла. Извиваясь в руках Мерет, которая только усилила хватку, она снова вскрикнула и ухитрилась взглянуть прямо ей в лицо.

— Зло! Убей меня! Быстрее!

Мерет не могла написать ни вопрос, ни ответ. Но в этот миг один из факельщиков отступил и оказался поблизости, и она увидела… По скрученным рукам пастушки, по ее плечам уродливой каймой тянулась ободранная, кровоточащая плоть — лишенная всякой кожи. Мерет мгновенно отпихнула от себя девчонку и увидела костлявую спину, испещренную все теми же зловещими отметинами голого мяса, из которых торчали клочья разорванных листьев и темные сломанные стебли.

То были следы не жестокой порки, но чего-то неизмеримо более устрашающего. Мерет содрогнулась. Нужно доставить бедняжку в Лормт, пусть Налор попробует при помощи своего целительского дара облегчить страдания несчастной

девочки.

Девчонка извивалась, пытаясь отползти от Мерет, хотя даже самое незначительное движение заставляло ее пронзительно кричать от боли. Но все попытки старой женщины удержать ее, чтобы как-то облегчить эту ужасную пытку, лишь заставляли ее вопить громче. Лишенная дара речи, Мерет была сейчас почти так же беспомощна, как и связанная крестьянка. Нет! Нет! НЕТ! Ее разум сражался с кляпом, которым судьба заткнула ей рот, как когда-то в далеком прошлом, когда ее младшую сестру у нее на глазах зарезал ализонец.

— Госпожа!

Мрак рассеялся. Над ней стоял Вессель, прижимая к груди левую руку, а мастер Форби, с которым они уже успели обменяться приветствиями, склонялся к ней с факелом.

— Что здесь такое? — Дюратан подошел к ним. — Леди Мерет, как ты здесь оказалась?

Она кивнула на дрожащую девчонку, которая внезапно стала казаться всего лишь жалкой кучкой ободранной плоти. Мерет привалилась к камню, и безжалостный свет факела осветил сочащееся кровью тельце. Вессель от души выругался, а командир лормтийского гарнизона

развернулся и гаркнул:

— На помощь!

Его крик разлетелся над полем, где больше не было видно сражающихся стражников и жителей деревни.

Когда они наконец вернулись в Лормт, по жесту Налор двое пожилых ученых придвинули стол к пылающему в камине огню. В комнате высоко под потолком на веревках висели пучки сушеных трав. Мерет притулилась на скамеечке у камина, блаженно грея заледеневшие руки о кружку с теплым настоем.

Налор проворно расстелила на столе простыню, а Дюратан, которому помогал один из стражников, уложил на нее девчонку лицом вниз. В самый последний момент травница аккуратно повернула голову девочки в сторону. Низкая лампа, подвешенная на цепи к балке над столом, осветила истерзанную плоть.

К изумлению Мерет, отвратительные полосы содранной кожи не переходили на спину, как было бы со следами порки. Вместо этого они пересекали левую руку, левое плечо и левый бок; остальная кожа была в синяках и ссадинах, но на месте.

Когда мужчины вышли, рядом с леди Налор

появилась госпожа Беталия с маленьким дымящимся котелком в руке и стопкой чистых тряпиц под мышкой.

Ее лицо пылало от гнева.

— Что за звери эти деревенские олухи? — возмутилась она.

Леди Налор ничего не ответила, но открыла одну из своих лекарских сумок и вытащила оттуда тоненькие щипчики. Мерет, догадавшаяся о ее намерениях, с трудом поднялась, отставила свою кружку и вытянула из-под мышки экономки тряпицу.

Расправив ее на ладони, Мерет оттеснила Беталию в сторону и встала рядом с главной травницей, которая с явной осторожностью, но проворно начала очищать раны от обломков стеблей, грязных листьев и цветов, которые так крепко прилипли к ободранной плоти, что, казалось, застряли в ней намертво.

Как только они были удалены, она кивнула Мерет, которая мгновенно накрыла одной кромкой приготовленной ткани другую, чтобы ничто не ускользнуло.

— Чувствуешь? — спросила Налор.

Мерет кивнула, крепко зажав тряпицу между ладонями. О да, она еще как чувствовала! — хотя,

возможно, не столь сильно, как Налор, которая принадлежала к Древней расе и обладала Даром. Это была ярость, жгучая, сконцентрированная ярость, какая может заставить человека броситься в бой, не думая о себе, и убивать и убивать до тех пор, пока его самого, в свою очередь, кто-нибудь не убьет. И хотя никакой возможной физической причины не было, эта ярость исходила из сложенной тряпицы у нее в руках.

Она должна удерживать ее; сейчас не время идти за дощечкой, чтобы написать хотя бы один из вопросов, роящихся в мозгу, и Мерет стояла и смотрела, как Налор выполняет свою целительную работу. В то же время половина внимания Мерет была сосредоточена на скомканной тряпице, в которую вонзались ее ногти.

Наконец госпожа Беталия позвала двух своих помощников, которые унесли с ног до головы забинтованную девочку прочь. Но время вопросов и ответов еще не пришло, даже теперь — хотя бы потому, что одна из них была не в состоянии высказать их. Или Мерет привыкла к странной ярости, или она угасла. Мерет все еще крепко сжимала тряпицу, хотя уже начали подносить или подводить пострадавших в схватке. Среди них были как защитники Лормта, так и жители

деревни, окровавленные, избитые и едва ли сознающие, где находятся.

Леди Налор прервалась, чтобы подхватить стеклянную чашу, и поманила Мерет пальцем:

— Туда.

Она подняла крышку. Мерет затолкала смятую тряпку внутрь, и главная травница мгновенно захлопнула крышку и закрепила ее.

Появилась экономка, забрала у Мерет посох и положила сморщенную и сведенную судорогой руку старой женщины на свой крепкий локоть.

— Идем, госпожа. Уже почти рассвело. Мы ведь не хотим подхватить лихорадку, правда? Идем, идем в постельку…

Налор не просто сняла с Мерет бремя, которое подтачивало ее силы, но, похоже, задействовала энергию женщины и исчерпала ее до дна. Мерет позволила отвести себя в спальню, в мягкий уют расстеленной постели.

Когда она проснулась, было светло — первые неяркие лучи солнца играли на откинутом пологе кровати. Мерет уселась в подушках и провела рукой по лбу, но боль в голове не утихла. Она дважды оглянулась по сторонам, чтобы убедиться — никакая злая тень не проникла сюда из снов, которые терзали и мучили ее.

Она медленно умылась чуть теплой водичкой, которую обнаружила в тазу. Похоже, кто-то заглядывал к ней совсем недавно. Дрожа, она вытащила из сундука тяжелое платье бледно-фиолетового цвета и серую шаль, которую искусные руки вязальщицы превратили в настоящее кружево. Мерет продолжила бороться с болью, которая прочно обосновалась у нее за глазами и, тяжелее обычного опираясь на свой посох, отправилась на поиски всех остальных.

И нашла их в одной из общих зал. Она никогда еще не видела, чтобы зала была так набита; голоса звенели громче, чем обычно. Когда Мерет, почти никем не замеченная, вошла, ее чуть не оглушил поток новостей, которыми обменивались находившиеся в зале.

Лорд Дюратан послал за ближайшей Мудрой… Нет, он сам выехал на ее поиски… Он намеревался обратиться к лорду Корису, нынешнему правителю Эса… Жители деревни связались с запретными Древними Силами… Они принесли девочку в жертву какой-то нечисти… И все в том же духе!

Мерет затопталась у двери, испытывая искушение бежать от этого гвалта куда глаза глядят. Если бы только она могла заткнуть уши, но она

не отваживалась отпустить свой посох, опасаясь, что в результате окажется на полу.

— Госпожа Мерет!

Рядом с ней внезапно появился чародей Фагголд, один из старейших ученых. Несмотря на свой весьма почтенный возраст, он — в отличие от большинства сверстников — не утратил связи с реальностью и по праву считался, пожалуй, лучшим историком из всех, кто сейчас обитал в Лормте.

Он возвысил голос, чтобы перекричать шум:

— Какая удача найти тебя здесь! Мы как раз собирались начать совет.

Он с изяществом заправского сердцееда предложил ей руку.

Здесь собрались те, кто мог считать себя новыми спасителями своего мира. Лорд Дюратан отсутствовал. На его месте восседала Налор, его супруга, а перед ней на столе, вокруг которого стояли кресла, лежала тряпица, очень хорошо знакомая Мерет. Кроме нее, за столом присутствовали Вессель, еще один бывший Страж Границ, трое Мудрых и Фагголд.

Когда Мерет удобно устроилась и приготовила свою дощечку, леди Налор, пользуясь кончиком пера как указкой, приподняла край тряпицы и

откинула его. Затем указала на коричневые ошметки, прилипшие к ткани, которая теперь была далеко не белой.

— Вы видели, как выглядит под увеличительным стеклом то, что здесь лежит. Вы почувствовали… — Она помолчала, переводя взгляд с одного лица на другое.

С того самого мига, когда ее взгляд упал на тряпицу, Мерет отчаянно мотала головой. Она силилась подавить то, что последовало за ней из ее горячечных сновидений. Ее рука по собственной воле принялась водить по дощечке.

«Оно живет… оно пожирает… пожирает живущих…»

Стило выпало из ее пальцев. Фагголд подхватил его, не дав коснуться пола. Леди Налор кивнула:

— Да. — Потом постучала кончиком пера по столу, чтобы привлечь к себе внимание, и осторожно отделила один из темных прутиков. — Эта сущность — не от солнца и не от Света. Она живет под землей. Хотя она кажется растением, на самом деле это не то, что понимаем под растениями мы, ибо пища ее — плоть и кровь.

Она снова обвела членов совета взглядом.

Мерет взяла палочку со стола, куда ее положил Фагголд. Она уже совершенно овладела собой, и

буквы не дрожали.

«Неужели Древнее зло снова пробудилось? Или… где-то остались Ворота? Незапечатанные? Может, нужно искать, чтобы вырвать зло с корнем?»

Она немного помедлила, обдумывая последнее предложение. Покопалась в памяти. Конечно, в прошлый раз на загадочном острове далеко на юге им пришлось сражаться с куда меньшей опасностью, но тогда их импровизированное оружие сработало отлично.

«Можно использовать очищающий огонь или снадобья из ядовитых трав», — написала она на своей дощечке.

Фагголд и леди Налор внимательно следили за тем, что она пишет.

— Кислота Сафолла! — с воодушевлением закивала Налор.

— Горячие угли остановили клещи губительного железа, — быстро вставил свое предложение чародей. — Нужно заручиться помощью жителей деревни…

Мерет чуть отклонилась назад. Все сидевшие за столом заговорили разом. Ее охватило ощущение, будто у нее над головой повисла туча. Все это было как-то слишком просто.

Она забрала со стола дощечку и стило и спрятала в мешочек, прикрепленный к поясу. Вокруг нее лихорадочно строили планы; время от времени возникали разногласия, какой именно метод следует применить, но все сходились во мнении, что действовать нужно как можно скорее, пока чудовищная подземная плеть не расползлась дальше.

Опираясь на посох, Мерет встала. Леди Налор подняла на нее глаза, и Мерет сделала короткий жест правой рукой. За годы, проведенные в Лормте, она разработала целую систему подобных жестов, которую ее товарищи без труда усвоили. Затем она легонько кивнула.

Однако, покинув зал, Мерет не отправилась в свою спальню, а прошла через галерею в маленькую боковую комнатку. В кресле у кровати клевала носом служанка. Когда на пороге появилась Мерет, она быстро поднялась, протирая глаза и зевая. Мерет улыбнулась и махнула в сторону двери. Служанка радостно скрылась за дверью, уступив кресло старой женщине.

Мерет с осторожностью устроилась в нем, не сводя глаз с лежавшей в кровати девочки. По мере того как ее подозрения становились все сильнее и сильнее, росла и ее настороженность. Девчонка

лежала перебинтованной спиной кверху, от повязок исходил слабый травяной дух. Но лицо ее было повернуто к старой женщине, а глаза резко распахнулись.

Заговорить с ней Мерет не могла, а если девчонка не умеет читать, как ей тогда?..

Мерет вздрогнула. У нее возникло ощущение, что послышался… злорадный смех.

«Что тебе нужно от меня, старуха?»

Не может же эта крестьянка быть одной из Могущественных?

«Верно. — Слово вонзилось в раскалывающийся мозг Мерет как острие меча. — Сила — палка о двух концах. Все имеет оборотную сторону. Так что же тебе нужно от меня, спрашиваю я еще раз. И берегись истощить мое терпение. Подумай, что захочешь спросить: твои каракули на доске — пустая трата времени. Если хочешь получить ответ, так дело не пойдет».

Мерет стиснула руки. В дни войны страх стал ее постоянным спутником, но это было нечто иное — как будто ее приковали к прутьям какой-то клетки, а вокруг нее медленно, но верно поднималась грязная зловонная жижа. Но она должна заставить себя узнать, что за бедствие обрушилось на Лормт.

«Кто ты?» — с трудом вылепила она мысль, отозвавшуюся в голове болью.

«Я — Ворсла, Старква, Карн…» — Плавный поток мысли прервался.

Мерет упорно смотрела на сцепленные руки. Встречаться с серыми глазами девчонки она избегала.

В ее мозгу снова раздался голос:

«Уфора».

В горле у Мерет что-то булькнуло.

«О да, да! Неужто в детстве твоя мать не пугала тебя этим именем? Уфора из темных лесов, что способна обратить тебя в дерево, которое уже облюбовал дровосек, или в скакуна, которого уже оплел Свежеватель, Пожиратель?»

Мерет заставила себя выпрямиться в своем кресле. Неужели это существо может читать не только те мысли, которые предназначены для него? Она поспешно приготовила другой вопрос.

«Что я здесь делаю? — продолжала лесная дьяволица. — Я пробудилась от Долгого сна в облике той, кого ты перед собой видишь, — сироты, которую все обижают. О, я ждала долго, очень долго, чтобы вновь стать самой собой. — Девчонка коснулась смятой простыни, прикрывавшей ее грудь. — Лишь теперь, когда я попробовала

крови, я вспомнила все до конца. Эти глупцы, которые живут на земле, считают, будто выиграли древнюю войну, потому что закрыли Ворота в Иные миры. Но мы живы, мы просто спали все эти нескончаемые годы. Мы снова обманули время. Остались проходы, и в них будут свиты новые гнезда. И Уфора снова завладеет миром!»

Худенькая фигурка на кровати шевельнулась, встала на четвереньки и перевернулась. Потом принялась сдирать толстые пахучие повязки, пока не избавилась от них до конца. Гладкая кожа, на фоне белых простынь кажущаяся еще более темной, покрывала тело, в котором больше не было видно костей.

Мерет яростно сражалась с болью в голове, пульсирующей, как будто слова отбивали внутри черепа барабанную дробь.

Мнимая девчонка сорвала с кровати простыню и обвилась ею. Потом стянула вместе два конца и связала их, а узел разгладила.

— А теперь… — проговорила она вслух, но тут же умолкла. Постояла, склонив голову набок, как будто прислушивалась к чему-то. Потом ее лицо свело в маску гнева. — Так вот как! — наконец нарушила она молчание. — Значит, они…

Она бросилась к двери, но неудобное одеяние

замедляло ее шаги. Мерет сделала одно-единственное точно рассчитанное движение. Ее посох, брошенный как копье, угодил девчонке в ребра. Та вскрикнула, ухватилась за кровать, чтобы не упасть, и рухнула на пол. В тот же миг дверь распахнулась с такой силой, что с грохотом ударилась о стену. Госпожа Беталия бросила быстрый взгляд на Мерет и сосредоточилась на девчонке, которая с рыком обернулась к старой женщине, а ее пальцы зашевелились, явно складываясь в какой-то знак.

Беталия схватила тяжелую связку ключей, свисавшую у нее с пояса, сорвала ее и запустила этим позвякивавшим клубком девчонке в руки. Меткости ей было не занимать. Мерет в изнеможении откинулась в своем кресле. Дышать ей было очень трудно, а боль в голове, казалось, окутывала ее пеленой, затмевала зрение, однако она расслышала отчетливые слова госпожи Беталии:

— Железом, холодным железом тебя, маленькая дрянь! Железом!

Эти зловещие слова эхом отдавались в ушах Мерет, когда ее увлекало во Тьму.

Ни разу еще со времен своего путешествия за Магическим камнем Мерет не чувствовала себя столь далекой от действительности и повсе-

дневной жизни. Как будто кто-то другой, не она, покинул свою комнатушку, поднялся из кресла и прошел по коридорам, вышел на просторный двор, а потом и вовсе из стен Лормта. Воля, которую она не определяла как свою собственную, овладела ею. И на этом туманном пути ей не встретилось ни единой живой души. Она словно осталась совершенно одна во всем огромном здании Лормта.

А потом вдруг безо всякого предупреждения стены и заново отстроенные башни исчезли. Мерет больше не была одна, хотя те, кто окружал ее, казались призраками. Перед ней расстилался крутой каменистый склон, где в ту памятную ночь произошло столкновение с жителями деревни. Дерн был содран, а неподалеку землю терзали граблями, явно не предназначенными для обычного крестьянского труда. Они были больше обычных, с шире расставленными зубцами, и их ужасные острия, похожие скорее на холодное оружие, чем на крестьянскую утварь, жадно вырывали комья земли.

Именно этим и занималась бóльшая часть многолюдного сборища. Мерет то и дело принималась моргать, пытаясь избавиться от раздражающей пелены пред глазами. Лорд Дюратан стоял в об-

ществе Весселя и двух других бывших Стражей Границ — он знал, что оба они опытные лучники. Примерно в шаге позади стояла леди Налор с обнаженным мечом, явно слишком тяжелым для нее.

И…

Та же Сила, что привела Мерет сюда, погнала ее вперед, все быстрее и быстрее. Страх, похожий на внезапный ледяной дождь в горах, накрыл ее с головой. Что-то связанное, лежавшее на земле между Налорой и нетронутым дерном, пошевелилось. Та, которая называла себя Уфорой, поднялась на ноги. Ее лицо казалось маской, высеченной из зеленоватого льда самых высоких горных вершин. Она отчаянно пыталась поднять руки, но тщетно: запястья ее были крепко стянуты. День стоял хмурый, и свет, сочившийся сквозь плотные облака, был совсем скудным, но на руках у девчонки что-то поблескивало. Пленницу заковали в железо!

Железом, холодным железом…

Налор творила заклятие. Время от времени Дюратан бросал в Уфору пригоршни растолченных трав. Раз, другой попыталась Уфора снова поднять закованные руки. Губы похожего на маску лица кривились. Возможно, она силилась произ-

нести слова какого-то своего, темного обряда.

Потом мнимая девчонка чуть приподняла голову, и темные глаза на странно зеленоватом лице впились в лицо Мерет, нашли глаза старой женщины…

Уфора мгновенно оказалась перед ней, медленно-медленно протянула вперед скованные руки. Мерет видела их, немыслимым образом отраженные в безжизненных глазах. Если нажать здесь… и здесь… оковы раскроются. Мерет понимала, к чему та пытается ее принудить.

Трижды ее собственные руки поднимались и тянулись к схваченным железными кандалами запястьям. И трижды ее воля побеждала, и они снова падали, но с каждым разом она слабела все больше и больше, а голову наполняла такая боль, что Мерет не сомневалась — ей не выдержать.

Голос Налор, произносящий слова древнего заклинания, не дрогнул. Они казались Мерет бессмысленными. Но они были не единственными!

Дети Грая,
Поднимаем якоря!
Без конца и края
Впереди лежат моря!

То был мужской голос, глубокий, гортанный,

звенящий отвагой, — голос человека, готового отправиться в свое последнее плавание.

Откуда-то из глубин памяти всплыли слова, которые она не могла произнести.

Парус и ветер
Не подведут
Тех, что к Свету
Идут…

Песня, которую она не могла спеть, отзвучала у нее в душе. Рольф, он… Она яростно подавила это воспоминание. Но… но… он освободил ее! Посох, ее верный спутник, поднялся. Эти темные колдовские глаза утратили свою власть над ней. Они стали светлыми — и странно тусклыми.

Голос Налор взвился, зазвенел последней властной строкой.

Странная девчонка попятилась, не сводя глаз с Мерет и Налор. Ее нога угодила в сплетение внезапно выползших наружу корней. Она вскрикнула, наклонилась и принялась молотить кулачками по тонким зеленым стеблям, увенчанным желтыми цветками — с лепестками в форме клинков меча.

Прежде чем кто-нибудь успел сдвинуться с места, это сделала земля. Она вдруг разверзлась, и

из огромной трещины выползло кружево тонких корешков, в мгновение ока оплетшее девчонку. И снова земля содрогнулась, готовясь сомкнуться. Налор стряхнула с себя оцепенение и швырнула в эту вздымающуюся поросль шар, другой, третий — Дюратан протягивал их ей один за другим. И земля сомкнулась, сомкнулась! Мерет передернуло — пронзительные вопли медленно затихли, предсмертные крики той, что никогда не должна была жить.

Так завершилась Последняя битва Лормта, окончившаяся победой, и хотя тамошние мудрецы часто пытались отыскать в своих драгоценных хрониках сведения о чем-либо подобном, усилия их были напрасны. Однако Мерет поведала эту историю Мышке из ученых, но каков был ее ответ, не узнал никто — слишком бесценным Даром являлся для нее разговор на мысленном уровне и слишком высокой ценой он ей давался.